

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

115

ПАМЯТНИКИ
СКИФО-САРМАТСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ОБЩЕСТВО АКАДЕМОВ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 115

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 115

ПАМЯТНИКИ СКИФО-САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
К. Ф. СМЕРНОВ

О. А. Кривцова-Гракова

ПОГРЕБЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА
И ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИКОПОЛЬСКОМ
КУРГАННОМ ПОЛЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящий очерк ставит своей задачей публикацию и анализ тех погребений Никопольского курганного поля, которые относятся ко времени бронзового века и принадлежат древнеямной, катакомбной и позднесрубной культурам.

Мы не рассматриваем здесь лишь частичное сохранившиеся материалы раскопок под Никополем, проведенных Ф. Н. Кирановым в 1929—1935 гг. и другими исследователями в 1935 и 1936 гг.¹

С 1937 по 1940 г., а также в 1945 и 1946 гг. раскопки никопольских курганов проводил Б. Н. Граков². Было обнаружено значительное количество погребений, относящихся ко всем трем культурам степного бронзового века, последовательно сменявшим друг дру-

га. Анализ этого материала и лежит в основе данной статьи. В приложении содержатся данные из дневников Б. Н. Гракова, сокращенные мною. Дополнительно приводится описание сосудов.

Со времени последних раскопок никопольских курганов, т. е. после 1946 г., исследования курганов с подобными погребениями неоднократно производились и в Нижнем Приднепровье и в Приазовье. Наиболее значительными из них были раскопки на р. Молочной³ и на Правобережье Днепра, близ поселков Кута и Марьинского⁴. Еще до публикации материалов, пользуясь возможностью, предоставленной мне А. И. Тереножкиным и Д. Т. Березовцом, я изучила отчеты этих экспедиций и инвентарь погребений. Основываясь на этих материалах, я в некоторых случаях сопоставляю никопольские погребения с молочанскими.

Как будет показано ниже, изучение стратиграфии и обряда захоронения никопольских курганов дало возможность не только выявить три основные культуры степного бронзового века, но и установить два несомненных этапа развития ямной культуры

¹ В 1935 г. после смерти Ф. Н. Киранова его работы под Никополем были продолжены Л. Д. Дмитриевым при участии А. П. Манцевич. В 1936 г., кроме Л. Д. Дмитриева, в раскопках принимали участие А. Я. Брюсов и Е. И. Крупнов. Л. Д. Дмитриев опубликовал данные об этих работах в двух очерках: Л. Д. Дмитриев. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр.— Наукові записки Інституту історії і археології України, кн. II. Київ, 1946, стр. 53—73; его же. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр.— Археологія, III. Київ, 1950, стр. 155—174.

² С 1937 по 1940 гг. в раскопках принимали участие сотрудники Эрмитажа: Б. З. Рабинович (пал смертью храбрых осенью 1941 г.), А. А. Потапов (умер в 1938 г.), О. А. Кривцова-Гракова — сотрудница ГИМ (в 1939, 1940, 1945, 1946 гг.), ряд студентов МИФЛИ, МГУ и Киевского университета, А. И. Тереножкин (в 1938 г.).

³ Раскопки проведены разными исследователями. О раскопках курганов на р. Молочной в 1951—1952 гг. см. АП УРСР, т. VIII. Київ, 1960.

⁴ Д. Т. Березовец и др. Раскопки курганного могильника эпохи бронзы та скіфського часу в с. Кут.— АП УРСР, т. IX. Київ, 1960; Д. Т. Березовец и др. Курганы эпохи бронзы вблизи с. Марьинского.— Там же, стр. 39—87 и 102—126.

в районе Никополя, а также выделить некоторые формы катакомбных погребений, относящиеся, по-видимому, ко времени возникновения этой культуры. Есть основания предполагать, что уже в эти ранние времена захоронения покойников в никопольских курганах прекратились и возобновились вновь лишь по прошествии значительного промежутка времени, на последнем этапе развития срубной культуры.

В 1947 г., впервые описывая погребения никопольских курганов, мы пытались отождествить их в хронологическом и в культурном отношении с некоторыми уже известными нам поселениями на Нижнем Днепре. Однако сведения о селищах были тогда ограничены, а для ямной культуры почти отсутствовали. В настоящее время в результате новых исследований, главным образом тех, которые производились на территории строительства Каховской ГЭС, мы располагаем обширным материалом не только по катакомбным и срубным селищам, но и по более ранним, относящимся к ямной культуре. Представление об этой культуре вообще, в частности датировка ее курганных погребений, значительно пополнилось в результате изучения ее селищ, из которых наиболее важным является Михайловское, где раскопки производили Е. Ф. Лагодовская и другие археологи в 1953, 1954 и 1955 гг.⁵

* * *

Курганы под Никополем расположены отдельными группами по первой гряде, идущей вдоль берега Днепра и его притоков от Никополя до с. Алексеевки, недалеко от современной дороги.

⁵ Е. Ф. Лагодовская и др. Основные итоги исследования Михайловского поселения. — КСИА АН УССР, 9, 1960, стр. 26.

ОБЩИЙ ОБЗОР ДРЕВНЕЯМНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Почти все насыпи никопольских курганов, содержащие скорченные захоронения, были созданы в древнейшую эпоху бронзового века, в период древнеямной культуры. Во времена катакомбной и срубной культур специальных насыпей здесь, по-видимому, не воздвигали или воздвигали редко. Исключением, может быть, является курган 5, раскопанный в 1946 г., где основное погребение не установлено.

В 11 курганах, исследованных с 1931 по 1946 г. было обнаружено около 135 погребений бронзового века. Ф. Н. Киранов и Л. Д. Дмитриев раскопали приблизительно 25—30 могил этого времени, а экспедициями 1937—1940, 1945 и 1946 гг. в восьми курганах было вскрыто 106 погребений бронзового века. В полностью раскопанных небольших и обособленных курганных группах курганы с этими погребениями, независимо от размеров, стоят по одному или по два вместе. В курганной группе I (по Ф. Н. Киранову) на шестом километре дороги находится один такой курган (раскопки Ф. Н. Киранова). В группе II — два кургана (раскопки Ф. Н. Киранова и Л. Д. Дмитриева); в группе у с. Сулицкого — один курган (раскопки Б. Н. Гракова 1937 г., курган 3); в группе в конце восьмого километра — один курган (раскопки Б. Н. Гракова 1938—1939 гг., курган 1); в группе на девятом километре — два кургана (курган 3, раскопанный в 1939 г. и нераскопанный курган 4; на вершине последнего найдены выпавшие черепки баночных сосудов). В группе в конце девятого и в начале десятого километра — один курган (курган 1, раскопан в 1940 г.), и только в восточной подгруппе большой группы урочища «Серко» (десятый — двенадцатый километры) четыре кургана бронзового века расположены очень близко друг от друга (курган 1, раскопанный в 1945 г., и курганы 2, 3 и 5, раскопанные в 1936 г.). Таким образом, отдельные курганы, содержащие погребения бронзового века, или небольшие группы этих курганов отстоят друг от друга на расстоянии от полукилометра до одного километра и более.

Остальные курганы, сосредоточенные вокруг насыпей бронзового века, относятся к скифскому времени, а именно к IV—III вв. до н. э.

бение не установлено. Господствовал обычай вводить могилы в уже существующие курганы с ямными погребениями.

Ввиду того, что стратиграфию упомянутых выше двух больших курганов (кургана 3 (1937 г.) и 1 (1938—1939 гг.) удалось проследить с предельной четкостью, стало возможным установить для древнеямной культуры под Никополем два последовательных

этапа ее развития. Материал кургана 3 (1937 г.), насыпанного в три приема, показал вполне убедительно, что обряд захоронения покойника в скорченном положении, на спине, с поднятыми коленями, относился здесь к более древнему времени, и что изменения в обряде, приведшие к тому, что умерших стали хоронить в сильно скорченном положении на боку, разделяют ритуал ямных погребений на два этапа, последовательно сменивших друг друга. Однако правильная насыпка кургана 3 и строгая планировка погребений первой и второй ступени этой культуры внутри кургана показывают, что представление о непрерывности его сооружения и следовании захоронений друг за другом не было утрачено. Курган был, по-видимому, большим семейным могильником, сосредоточенным concentрически вокруг центрального мужского погребения 19, для которого была создана первая, нижняя насыпь (рис. 1). Близки по времени и, может быть, одновременны центральному погребению 17 (взрослый мужчина) и 21 (ребенок), впущенные в первую насыпь. На это указывает не только их связь с первой насыпью, но и большое сходство в деталях ритуала захоронения. Близкое расположение всех трех могил друг от друга и то обстоятельство, что все они остались ненарушенными, также свидетельствуют об их одновременном сооружении. Вполне вероятно, что вторая насыпь была создана в связи с погребением 17.

Последующие погребения (23, 7, 6, 3 и 16), совпадающие по ритуалу с тремя первыми, были впущены во вторую насыпь и расположены вокруг первых трех по окружности. По всем данным планировки их расположения и другим стратиграфическим особенностям видно, что они были близки по времени к трем первым погребениям, а все вместе относились к древнейшему этапу развития ямной культуры. На Никопольском курганном поле для этого этапа характерно положение покойников на спине, с поднятыми коленями.

Ко второму этапу древнеямной культуры относятся погребения кургана 3 (1937 г.), расположенные по кругу вдоль внешней границы второй насыпи, но уже в пределах третьей. Основное их отличие от погребений предшествующей группы заключается в том, что покойники лежат на боку, в сильно скорченном положении. Однако не приходится

сомневаться в том, что и эти шесть захоронений (24, 8, 20, 13, 12 и 14) по времени стоят недалеко от предшествующих ямных погребений и составляют с ними одно целое, вероятно, одну семейную усыпальницу. Такое concentрическое расположение погребений свидетельствует о единой планировке кургана и о сохранении в одном коллективе прочных традиций. Ни одно из ямных погребений не было нарушено последующим впускным, принадлежащим к той же культуре; это доказывает, что в течение долгого времени населению были хорошо известны места отдельных захоронений.

Расположение покойников во втором большом кургане (курган 1, раскопанный в 1938 и 1939 гг., рис. 2), не противоречит этим выводам. Здесь также под обеими насыпями захоронены покойники, лежащие на спине, с приподнятыми коленями (14 и 15), а все погребения с покойниками, скорченными на боку, расположены главным образом в южной части кургана и впущены уже во вторую насыпь. Подробно о погребениях этого кургана сказано ниже.

Таким образом, наблюдения над стратиграфией никопольских больших курганов дали возможность установить существование двух погребальных ритуалов ямной культуры. Один из них — положение покойника в могилу на спине, с приподнятыми коленями — характерен для ее древнейшего этапа, а другой (особенно распространенный здесь) — положение покойника в могилу скорченным на боку — относится к концу ее существования к эпохе формирования катакомбной культуры. Возникает вопрос, каким образом и по каким причинам изменился погребальный ритуал ямной культуры, и покойников стали хоронить в сильно скорченном положении на боку. Ни в Приазовье, ни в других районах распространения древнеямной культуры не наблюдается столь отчетливого перехода от одного ритуала к другому. Кроме того, в древнейших катакомбах и под Никополем и в других местах Нижнего Приднепровья и Приазовья, в отдельных случаях продолжали хоронить покойников на спине, с приподнятыми коленями. По-видимому, довольно долго новый обряд захоронения не мог окончательно вытеснить древнейший ритуал.

Из 39 древнеямных погребений, раскопанных в разных курганах под Никополем, 20 принадлежат первому этапу, 19 — второму.

В кургане 3 (1937 г.) — восемь погребений первого этапа и шесть — второго, в кургане 1 (1938—1939 гг.) — три погребения первого этапа и восемь — второго; в курганах 3 (1939 г.) и 1 (1940 г.) обнаружено два погребения первого этапа; в кургане 1 (1945 г.) — три погребения первого этапа и одно — второго, в кургане 2 (1946 г.) — одно основное погребение первого этапа и в кургане 3 (1946 г.) — одно основное погребение первого этапа и четыре — второго.

Ямы основных погребений были выкопаны на древней дневной поверхности, на уровне которой почти всюду лежал более или менее массивный лёссовый выкид. Остатки жертвоприношения или, быть может, тризны, наблюдались только в одном случае. На горизонте около погребения 14 кургана 1 (1938—1939 гг.) с северо-восточной стороны находилось округлое пятно обожженной земли и угля и на нем — четыре бесформенных камня.

чаев строго прямоугольной формы, часто с почти прямыми углами и плоским дном. О размерах могил первой группы можно составить представление по табл. 1.

Стенки могил были тщательно заровнены киркообразным орудием шириной в 2—3 см. Следы этого орудия заметны на стенках ряда могил. Только некоторые могильные ямы имели овальную форму (например, ямы погребения 12 в кургане 1, 1945 г.).

Такие аккуратно вырытые и просторные могилы характерны для погребений первой ступени ямной культуры. Некоторые впускные могилы этого времени, особенно те, что были впущены в центр курганов и прорезали собою тогда еще рыхлую, не слежавшуюся землю насыпи, нуждались в применении особых конструктивных приемов во избежание обвалов высоких стенок. Опасность обвалов возникала вследствие того, что почти все впускные погребения совершались в грунте, и чтобы его достигнуть, прорезали

Таблица 1

№ кургана и год раскопок	№ погребения	Длина, м	Ширина, м	Глубина от горизонта, м	Ориентировка покойника	Примечание
3 (1937)	3	—	—	3,55 от поверхности	В	Погребение на горизонте. Яма не прослежена
3 (1937)	6	1,85	1,2	1,25	СЗ	
3 (1937)	7	1,6	0,82	0,66	В	
3 (1937)	15	1,2	0,95	1,25	Яма ориентирована с З на В	
3 (1937)	16	2,16	1,53	0,73	СВ	
3 (1937)	17	1,19	1,2	1,8	ЗСЗ	
3 (1937)	19	1,75	1,15	0,95	В	Основное
3 (1937)	21	1,23	0,88	1,17	ССЗ	
3 (1937)	23	1,8	1,05	1,35	Ю	
1 (1938)	7	2	1,4	1,05	З	
1 (1938)	14	1,75	1,4	1,56	В	Основное
1 (1938)	15	2,7	1,65	1,96	СЗ	
3 (1939)	9	1,2	1,1	0,9	С	
3 (1939)	11	1,7	1,4	1,5	З	Основное
1 (1940)	6	—	—	—	СЗ	Яма не прослежена
1 (1940)	12	2	1,4	1,05	ЮЮЗ	Основное
1 (1945)	8	1,45	0,7	0,9	С	Основное
1 (1945)	12	1,45	1	1,15	В	
1 (1945)	13	1,35	0,8	1,3	С	
2 (1946)	3а	1,7	0,85	0,4	Ю	Основное
3 (1946)	8	1,4	0,9	2,1	З	Основное

Основные погребения первой группы, так же как и многие из впускных, покоились в просторных могилах, в большинстве слу-

более чем трехметровую насыпь кургана. В таких случаях для укрепления стенок применялись уступы. Широкая у устья могиль-

ная яма посредством одного или двух уступов суживалась книзу. Последний уступ обычно был расположен на горизонте. Классическим примером подобных впускных погребений являются ямы могил 17 и 21 кургана 3 (1937 г.).

Большинство ям первой ступени ямной культуры было покрыто поперечным или продольным бревенчатым накатником. Если впускные могилы этого времени имели уступы, то накатник обычно укладывался на нижний уступ. Эти деревянные перекрытия с течением времени сгнивали и проваливались в могилу. Иногда они опускались постепенно, вместе с землей из курганной насыпи; в других случаях бревна, обломившиеся у подгнивших концов, падали в свободное пространство могильной ямы. Процесс постепенного опускания деревянного перекрытия хорошо прослеживается в погребении 6 кургана 3 (1937 г.) (рис. 3, 4, 5). Он происходил в то время, когда покойник еще не истлел полностью, и ноги его еще стояли коленями вверх. При опускании продольного настила из досок поднятые колени были зажаты между двумя прогнувшимися вниз досками и сохранились в таком виде до наших дней. Дощатое перекрытие было обнаружено только в этой могиле. Другой покойник в погребении 3 того же кургана был перевернут на бок сразу обрушившимися в пустое пространство могилы бревнами (рис. 3, 1). И в этом случае в момент падения бревен ноги покойника продолжали еще стоять коленями вверх. Здесь, и это единственный случай, бревна оказались обожженными. Почти полностью поперечный накатник сохранился только в погребении 23 кургана 3 (1937 г.), где он состоял из десяти бревен; вдоль бревен, под и над ними лежал полуистлевший тростник. Покрытие из тростника, набросанного поверх бревен, было обнаружено почти над всеми могилами этого времени. В некоторых случаях толщина тростника достигала 8 см (погребение 16 кургана 3, 1937 г.). Всюду этот тростник представлял собой ничем не скрепленные стебли, аккуратно положенные или вдоль могилы, что встречается чаще, или поперек. Почти всегда тростниковое покрытие по площади было значительно шире и длиннее бревенчатого. Только один раз над центральным погребением 19 кургана 3 (1937 г.) вместо массивной кучи тростника была обнаружена тростниковая циновка.

Возникает вопрос, не являются ли тростниковые покрытия могил имитацией тростниковых крыш, покрывавших землянки или хижины населения того времени. Такое предположение вполне вероятно, так как могилы бронзового века в основном имитируют жилые помещения⁶. Особенно тщательно, иногда в два слоя, устилалось дно могил первой ступени ямной культуры. Эти подстилки так же, как и перекрытия могил, хорошо сохранились в кургане 3 (1937 г.). Основным материалом для подстилки служила древесная кора, преимущественно тополя и лозы. Она укладывалась на дне или вдоль или поперек его (лубом вверх или вниз). В погребении 19 кургана 3 (1937 г.) поверх коры дно было устлано еще тростником. В погребении 23 коры не было, а вместо нее на дно могилы был наложен тростник. В другом случае в том же кургане (погребение 3) дно могилы было вымощено деревом, а поверх него — посыпано углями. Никаких следов кошм или других покрытий покойника не было найдено, только в погребении 16 поверх костей покойника лежала древесная кора.

Стенки могильных ям обычно ничем не обкладывались. Только один раз в погребении 13 кургана 1 (1945 г.) в группе «Серко» были обнаружены вертикальные колья, вбитые в дно могилы вдоль стенок, преимущественно у изголовья покойницы (рис. 4, 4). Возможно, что они служили основой для плетня, отгораживавшего покойницу от стен могилы.

К следующей ступени ямной культуры относятся исключительно впускные погребения. В тех случаях, когда могила прорезала курганную насыпь и чернозем и врезалась нижней частью в лёсс, яма прослеживалась достаточно четко. В других случаях (более редких), когда погребения были расположены в насыпи или на древнем горизонте, ямы проследить невозможно. Примерами этого служат погребение 24 курганов 3 (1937 г.) и погребения 4, 5, 28 из кургана 1 (1938 г.). В могилах, очертания которых были заметны, все ямы овальной формы, не особенно правильные, в отдельных случаях почти бесформенные. Это первый отличительный признак ям второй ступени. Прямоугольные ямы

⁶ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде 1903 г. — Труды XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 215—237.

со слегка округлыми углами попадались среди них редко. К ним относятся ямы погребений 8 и 13 из кургана 3 (1937 г.). Вторым признаком являются их относительно малые размеры, о которых дает представление табл. 2.

случаях. Однако этот материал вполне достаточен для заключения, что перекрытия могил второй ступени мало отличаются от перекрытий первой (те же накатники из бревен, чаще поперечные, или настилы из досок). Бревенчатое поперечное перекрытие

Таблица 2

№ кургана и год раскопок	№ погребения	Длина, м	Ширина, м	Глубина от горизонта, м	Ориентировка покойника	Примечание
3 (1937)	8	1,4	1,6	0,5	СЗ	
3 (1937)	12	1,6	1	0,75	—	
3 (1937)	13	1	0,7	0,85	ЗЮЗ	
3 (1937)	14	—	—	—	—	Яма не прослежена
3 (1937)	20	—	—	0,65—0,7	В	» » »
3 (1937)	24	—	—	—	Ю	» » »
1 (1938)	4	—	—	—	З	Насыпь
1 (1938)	5	—	—	—	З	
1 (1938)	6	1,6	1,2	1,1	Ю	
1 (1938)	7	—	—	—	Ю	Впущено в яму погребения 7
1 (1938)	8	1,8	1,08	1,4	ССВ	
1 (1938)	10	1,65	1	1,7	СВ	
1 (1938)	27	—	—	—	ЮВ	Насыль не прослежена
1 (1938)	28	—	—	0,25	ЮВ	В черноземе, не прослежено
1 (1945)	14	1,2	0,6	1,2	З	
3 (1946)	6	0,8	0,55	0,95	ЗСВ	
3 (1946)	7	1	0,7	0,45	В	
3 (1946)	10	—	—	0,65	ВЮВ	В черноземе, не прослежено
3 (1946)	11	—	—	0,65	В	» » »

Обычно покойники, лежавшие в сильно скорченном положении, едва умещались в могилах. Уступы при сооружении впускных погребений, очевидно делали редко. В известных нам могилах этого времени был прослежен только один уступ, и тот полуразрушенный (погребение 10 из кургана 1, 1938 г.) (рис. 5, 6). В то время как ямы первой ступени были тщательно обработаны, ямы второй ступени сооружались довольно небрежно: стенки неровны, а дно могил не всегда плоское.

Ввиду того, что значительное количество погребений второй ступени расположено в насыпи и в черноземе, разрушительно действующем на деревянные конструктивные части могил, проследить их перекрытия и подстилки на дне удалось только в отдельных

было встречено в погребении 10 кургана 1 (1938 г.), а поперечный настил из восьми досок — в погребении 8 кургана 3 (1937 г.) (рис. 3, 7). Перекрытия грунтовых впускных погребений везде, где это было можно проследить, помещались на небольших уступах на горизонте. Над деревянными накатниками в могилах второй ступени ни разу не было обнаружено тростникового покрытия.

Подстилка из дерева или коры, столь распространенные в погребениях первой ступени, продолжают, по-видимому, устраивать и в погребениях второго этапа. Правда, достаточно отчетливо подстилки были прослежены только в четырех случаях. На дне могильных ям погребений 20 и 24 кургана 3 (1937 г.) лежали подстилки из коры. В погребении 10 кургана 1 (1938 г.) дно было уст-

лано вдоль деревом, а в погребении 6 того же кургана был прослежен зеленоватый тлен от какой-то подстилки.

Как уже неоднократно отмечалось, всех покойников первой ступени ямной культуры клали на спину, с приподнятыми вверх коленями. Правда, в первоначальном положении сохранился только один покойник (погребение 6 кургана 3, 1937 г.) (рис. 3, 5). У покойницы из погребения 7 того же кургана ноги при падении уперлись в стенку могилы и почти сохранили свое первоначальное положение (рис. 3, 6). Во всех остальных случаях, после того как связки истлевали и переставали поддерживать костяк, ноги покойников или распадались в разные стороны и принимали ромбообразное положение, или, что чаще, падали в какую-нибудь одну сторону. В последнем случае трудно различить на первый взгляд, как был положен покойник — на бок, или на спину. Но обычно при этом верхняя часть туловища полностью оставалась на спине, а головки бедер оказывались вывернутыми и отделенными от тазовых костей.

Положение костяков является основным критерием при выделении двух хронологических ступеней. На второй ступени ямной культуры оно резко меняется. Здесь покойников почти всегда клали на правый или левый бок, обычно с сильно согнутыми ногами, часто почти прижатыми к животу. Как уже указывалось, погребения второй ступени следовали непосредственно за погребениями первой. Ни одно погребение второй ступени не нарушало погребений первой. Интересен случай впускного погребения второй ступени (7 : 1, рис. 5, 3) в обширную, также впускную могилу первой ступени (7 : 2, рис. 5, 4), обнаруженную в кургане 1 (1938 г.). Едва ли это было случайностью: скорее всего, скорченный на боку покойник находился вместе с покойником, скорченным на спине, типичным для первой ступени ямной культуры. Впоследствии эти же скорченные на боку костяки сопровождалось вытянутыми катакомбными погребениями в курганах Никопольского поля. Руки покойников во всех погребениях первой ступени не были расположены по строго определенным правилам. В большинстве случаев руки оказывались вытянутыми вдоль тела. Иногда одна из них или обе были слегка согнуты в локте. У покойницы из погребения 7 кургана 3 (1937 г.) руки, согнутые в локте, были сло-

жены на поясице. В погребениях второй ступени у покойников руки, согнутые в локте, лежали у поясицы или (при сильно скорченном положении погребенных) были прижаты к груди и обращены кистями к лицу.

Никакой закономерности в ориентировке костяков мы не проследили. Погребения обеих ступеней ямной культуры ориентированы по-разному.

Большую роль в погребальном ритуале ямной культуры играла красная краска. По-видимому, далеко не всегда употреблялась охра. На Никопольском курганном поле в погребениях раннего бронзового века был обнаружен другой вид краски, представляющей различные окислы железа. Погребения обеих ступеней ямной культуры были густо посыпаны краской. Многие из покойников лежали на густой подсыпке, образовавшей интенсивное красное пятно. Часто кости покойника полностью оказывались окрашенными в очень яркий цвет. В других случаях краска концентрировалась на отдельных частях скелета, чаще всего густо посыпались голова, область таза и ступни ног. В некоторых погребениях (обычно у изголовья) краска обнаружена не только в виде порошка, но и компактных кусков. Так, например, два яйцевидных куски были положены в детское погребение 21 из кургана 3 (1937 г.) и один кусок — в соседнее погребение мужчины (17). Центральные погребения в просторных хорошо оборудованных могилах были особенно густо посыпаны краской. Таково, например, погребение 19 из кургана 3 (1937 г.). Кости скелета были ярко-красного цвета. Особенно интенсивна была окраска в области головы. Покойник лежал на густом слое краски, которой была посыпана тростниковая подстилка. Куски краски встречаются и в погребениях второй ступени ямной культуры. В том же кургане в могилу старухи (погребение 13) был положен около ног кусок краски. Каково бы ни было значение этого обряда, символизировавшего ли собой краску живительную, согревающую силу огня или живую кровь в сосудах человека, ясно, что люди, создавшие семейное кладбище (курган 3, 1937 г.), придавали этому обряду особое значение. По-видимому, когда уже большинство погребений в пределах третьей насыпи, сооруженной, вероятно, для могил второй ступени, здесь было совершено, в южной поле курга-

на была вырыта отдельная яма. В ней лежали 44 комка красной краски яйцевидной формы, густо пересыпанные порошком. Они, очевидно, предназначались для всех покойников этого кладбища.

Создается, однако, впечатление, что на второй ступени обычай посыпать покойников красной краской применяется реже. Так, во многих впускных погребениях этого времени в насыпи кургана 1 (1938 г.) краски совершенно нет. Характерно, что в могиле 7 этого кургана лежавший на спине скорченный скелет был густо посыпан красной краской: краска находилась под его костями, и комок ее лежал у изголовья. В то же время на костяке, лежавшем в скорченном положении на левом боку во впускном погребении в эту могилу, не было никаких признаков краски. Однако не исключена возможность, что краской посыпали только особо уважаемых умерших, а покойник во впускном погребении 7:1 при жизни занимал подчиненное положение.

Только в одной могиле ямной культуры (в детском погребении 21 кургана 3, 1937 г.) было обнаружено под тазовыми костями пятно извести. Во всех остальных случаях, если и удавалось заметить белесоватый порошкообразный слой, внешне напоминающий собой известь, то при внимательном рассмотрении оказывалось, что он представлял собой всего лишь тлен тростниковой подстилки. Можно утверждать, что обычай помещать в погребение известь в том или ином виде на Никопольском курганном поле широко не практиковался.

Уголь тоже играл весьма незначительную роль в погребальном ритуале. Иногда им посыпали подстилку под покойниками. В одном случае в мужском погребении 3 кургана 3 (1937 г.) на подстилке лежали отдельные угольки. В другом случае в женском погребении 13 кургана 1 (1945 г.) подстилка под покойницей представляла собою слой, состоящий из углей и обугленных палочек. Во всех остальных могилах, и ранних и поздних, угли не встречались.

Инвентарь, сопровождавший покойников во всех ямных погребениях, исключительно беден. К нему относятся немногочисленные сосуды, поделки из кости, два каменных оружия и раковины *Unio*.

В могилах первой ступени был обнаружен только один горшок в женском погребении 13 кургана 1 (1945 г.) (рис. 6, 6). Это

яйцевидный круглодонный сосуд относительно больших размеров, с хорошо сформированной прямой шейкой, отчетливо отделяющейся от округлых, довольно выпуклых плечей. Он сходен с сосудами одного из типов, ставшим известным после раскопок Михайловского селища⁷. Для сглаживания поверхности сосуда из погребения 13 гончар употреблял зубчатый штамп шириной около 1 см. Пользуясь этим штампом, он попытался в процессе сглаживания нанести на дно звездообразную фигуру, уже приближающуюся по своей сущности к орнаменту. Такого рода штриховка более характерна для позднего времени, для эпохи катакомбной культуры.

Другой горшочек, яйцевидный и остродонный, с отбитым носиком, подобным носику чайника, и отбитыми ушками для привешивания, стоял в детском погребении 14 кургана 3 (1937 г.) второй ступени ямной культуры (рис. 7, 3). Вокруг его шейки над самым плечиком было отсиснуто два опоясывающих ряда веревочного орнамента. Можно предположить, что подобного рода сосуды представляют собой рожки для кормления детей молоком. Близок к ним яйцевидный сосуд с уплощенным дном из погребения 28 кургана 1 (1938 г.) (рис. 8, 3), имевший вертикальную шейку и украшенный рядами ямок на плечиках. Еще один сосуд стоял в погребении 24 кургана 3 (1937 г.) (рис. 7, 7). Этот сосудик заслуживает особого внимания. Его шейка имеет покатый и заостренный наружу бортик, округлые плечи и пропорции напоминают горшки некоторых стоянок, содержащих керамику переходного времени от ямной к катакомбной культуре. Если бы не уплощенное дно, сосуд можно было бы назвать катакомбным. С керамикой селищ роднит его и орнамент из четырех рядов кружков, нанесенных путем вдавливания трубочки, может быть, срезанного тростника. Этот сосуд довольно надежно свидетельствует о времени перехода от ямной культуры к катакомбной. Эта находка и ряд других данных, связывающих позднюю культуру с раннекатакомбной, о которых будет сказано ниже при рассмотрении катакомбной культуры, позволяют предположить, что обычай хоронить покойников в скорченном положении на боку непосредственно пред-

⁷ Е. Ф. Лагодковская и др. Основные итоги исследований Михайловского поселения, стр. 25.

шествовал здесь во времени катакомбной культуры.

Интересны немногочисленные костяные изделия, связанные с ямными погребениями. Прежде всего к ним относится костяной топорик из детского погребения 21 кургана 3 (1937 г.) (рис. 7, 6). По форме он похож на обычный каменный топор ямно-катакомбного периода — с почти круглым в сечении коротким обухом и слегка оттянутым назад лезвием. Игрушечные топоры, подобные нашему, в других погребениях ямной культуры до сих пор не встречались. Зато довольно много игрушечных топориков, сделанных из глины, известно в памятниках фатьяновской культуры, т. е. в более позднее время. В свое время, описывая игрушечный топор из детского погребения 1 Горкинского могильника, я проводила аналогию между этими предметами⁸. О том, что топорик игрушечный, можно судить и по тому, что, кроме него, в погребении ребенка лежала еще одна игрушка — астрагал овцы.

В женском погребении 13 кургана 1 (1945 г.) недалеко от шейных позвонков было найдено ожерелье, состоявшее из девяти трубчатых пронизей с глубокой спиральной насечкой (рис. 6, 7). Пронизы были сделаны из трубчатых костей какого-то мелкого млекопитающего. В разрезе они неправильной формы: или кругловатые, или овальные, или почти треугольные. Размер их тоже разнообразен — от 5 до 10 мм в диаметре и от 7 до 40 мм в длину. Такие пронизы известны в ряде погребений ямной культуры и имеют довольно многочисленные аналогии⁹. Они обычно встречаются в поздних погребениях ямной культуры и связаны с началом металлургии: в тех же могилах нередко попадают листовидные бронзовые ножи и четырехгранные шилья. Но не исключена возможность, что и в конце первой стадии ямной культуры подобные ожерелья уже были известны. Распространение костяных

ребристых пронизей в Восточной Европе совпадает по времени с распространением в Прибалтике, в Пруссии и Польше янтарных трубчатых пронизей.

В основном погребении кургана 3 (1937 г.) при покойнике найден брускообразный пест, по форме напоминающий кирпичик с округлыми углами и выпуклыми сторонами (рис. 7, 5). Он лежал у правой кисти покойника. Орудие было хорошо отполировано. Второе орудие происходит из женского погребения 13 кургана 3 (1937 г.). Здесь, кроме куса красной краски, при покойнице лежал осколок кремня, имевший с одной стороны пильчатый край; может быть, это кремневый серп (рис. 7, 2). Второй осколок кремня находился в детском погребении 21 вместе с костяным топориком и астрагалом овцы.

Около черепа женского погребения 15 кургана 1 (1938 г.) было найдено два серебряных височных кольца. Одно из них было согнуто в полтора оборота из проволоки, круглой в сечении и слегка расплюсненной у одного конца. Толщина проволоки 2,5 мм. Другое кольцо было согнуто в три оборота из более тонкой проволоки, круглой в сечении и немного расплюсненной на концах. Поперечный разрез этой проволоки — 2 мм. Диаметр первого кольца не превышает 10 мм, диаметр второго кольца равен 8 мм. Подобные кольца В. А. Городцов обнаружил в погребениях ямной культуры еще в начале нашего столетия. Еще тогда он указал на значение этого предмета для датировки. Однако никаких аналогий ни на Кавказе, ни в пределах Поволжья пока что подобрать невозможно. Зато височные кольца совершенно такой же формы входят в состав «клада Приама», найденного Шлиманом в Троее II. Совершенно совпадают с ними по форме и материалу височные кольца из ямных погребений кургана «Царева могила»¹⁰.

Погребения «Царевой могилы» последующего периода относятся к усатовской культуре, одновременной катакомбной. Таким образом, относительная хронология описываемых височных колец неминуемо возводит их в древнейшую стадию энеолита степей, в докатакомбный период. Правда, кроме этих височных колец, в погребениях первой стадии ямной культуры под Никополем до сих

⁸ О. А. Гракова. Горкинский могильник. — Труды ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 63.

⁹ Несколько раз ожерелья из таких пронизок найдены при раскопках на площади Каховского и Мелитопольского водохранилищ. — См. АП УРСР, т. VIII, Київ, 1960, стр. 95, рис. 73, 3 и 18; стр. 143, рис. 105, 2; стр. 95, рис. 10; стр. 105, рис. 3, 1; стр. 106, рис. 4, 1; стр. 117, рис. 17, 1, 3; стр. 118, рис. 19. Известны они были и раньше, в частности и в поволжском варианте ямной культуры: например, А. А. Спицын нашел прекрасное ожерелье из таких же пронизей близ с. Норки бывшего Камышинского уезда (ГИМ, не изданы).

¹⁰ I. Fabritius. Tzarewa mohila. — ESA, IV. Helsinki, 1929, p. 126, 131, fig. 9; В. А. Городцов сообщил нам об известных ему подобных же предметах из ямных могил.

пор не было найдено ни одного металлического предмета. Это, однако, объясняется особенностью ритуала, а не тем, что у племен ямной культуры не было металлургии. Первые металлические орудия в могилах — листовидные ножи и четырехгранные шилья из бронзы — связаны с погребениями переходной стадии от ямной культуры к катакомбной. На Михайловском селище их много: шилья, плоские клиновидные топоры, листовидные ножи и долото¹¹. Наличие же серебряных височных колец может быть объяснено обменными связями Нижнего Поднепровья с Эгейским миром уже в конце III тысячелетия до н. э.

Как было отмечено выше, семь из восьми погребений первой ступени ямной культуры в исследованных курганах являлись основными. Насколько позволяли судить костные остатки, во всех основных могилах были похоронены мужчины. Интересна последовательность насыпки кургана 1 (1938 г.). Первый конус этого кургана был насыпан над центральным мужским погребением. Кроме этого погребения, к первой стадии ямной культуры в этом кургане относятся еще два: женское погребение 15 (рис. 9, 5, 6) и, вероятно, мужское погребение 7:2 (рис. 5, 4). Это последнее погребение было впущено в курган в то время, когда уже была сооружена вторая насыпь, его могила прорезала обе насыпи и врезалась в материк. Следова-

но, вторая насыпь была воздвигнута между сооружением основного погребения 14 и положением погребения 7:1 (рис. 5, 3). А к этому времени древнейшей ямной культуры может относиться еще только одно погребение в кургане, именно женское погребение 15. Таким образом, время насыпки второго конуса могло быть связано только с этим женским погребением. Умершая покоилась в обширной уступчатой яме, была обильно засыпана красной краской, и у ее черепа были найдены два серебряных височных кольца. Совершенно очевидно, что это погребение не отстояло далеко по времени от мужского погребения 14 (рис. 9, 1—4), и если курганный кладбище первоначально предназначалось для мужчин, то тут же совершалось не менее торжественное погребение женщин. Подобное явление повторяется в кургане 1 (1945 г.). В основании его лежит мужское погребение 8 (рис. 4, 2). Тут же неподалеку от него впущена в насыпь этого кургана могила 13 с женским погребением (рис. 4, 4). Могила была по стенкам обставлена колышками, посконница засыпана краской, кусок краски лежал у ее плеча, в ногах стоял описанный выше сосуд, а на шее было трубочатое костяное ожерелье.

Центральное положение мужских погребений указывает на то, что уже на первой стадии развития ямной культуры общественное положение мужчины могло быть выше положения женщины. Возможно, что это время было началом появления патриархального рода на нашем Юге.

¹¹ Е. Ф. Лагодовская и др. Основные итоги исследования Михайловского поселения, стр. 26.

ОБЗОР КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ РАЗНЫХ ТИПОВ

Следующий этап развития бронзового века в Причерноморье отражен в никопольских курганах рядом погребений, принадлежащих катакомбной культуре. Классические погребения этого времени в большом количестве были открыты и исследованы В. А. Городцовым в 1901 и в 1903 гг. в бывших Изюмском и Бахмутском уездах. Они и послужили В. А. Городцову материалом для выделения катакомбной культуры. Большинство этих катакомбных погребений покоилось в катакомбах, имевших уже вполне развитую форму, часто с уступчатыми входными ямами, отделенными от устья катакомбы деревянной или реже каменной загородкой. Покойники находились в скорченном

положении. Инвентарь, сопровождавший их, особенно керамика, имеет уже вполне сложившиеся формы и орнаментацию. Известно довольно много бронзовых орудий, двулезвийных ножей и своеобразных шильев, происходящих из этих катакомбных погребений. Бронзовые же украшения и по формам и по технике литья по восковой модели свидетельствуют о том, что эпоха развитой катакомбной культуры, датируемая второй четвертью II тысячелетия до н. э., была временем интенсивных культурных связей между причерноморскими степями и Северным Кавказом. Большинство признаков, характеризующих катакомбную культуру на Среднем Донце и его притоках, не известны в нико-

польских курганах. В 19 катакомбных погребениях, открытых здесь, только четверо покойников были похоронены в скорченном положении. Остальные оказались вытянутыми или почти вытянутыми. Только десять погребенных лежали в более или менее четко выраженных катакомбах; остальные же, насколько это можно было проследить, — в простых ямах. Немногочисленная посуда, найденная в этих могилах, во многом не похожа на большинство горшков из погребений Изюмского и Бахмутского уездов. Возникает вопрос, в силу каких причин никопольский вариант катакомбной культуры столь своеобразен и так отличается от основных, хорошо известных памятников этого времени? Можно ли ограничиваться только тем объяснением, что здесь, под Никополем, на западных окраинах катакомбной культуры, она могла подвергаться сторонним, внешним влияниям? Правобережье Днепра действительно является по существу западной границей распространения поселений и погребений катакомбной культуры, которая теряется где-то между степным течением Днепра и Ингульцом. Поселения этого времени известны на киевских высотах, близ г. Канева, где они были обнаружены экспедицией Т. С. Пассек. Наличие катакомбных погребений и поселений, правда, почти совершенно разрушенных, в излучине Днепра несомненно. Однако южнее, под Херсоном, имеются явные признаки распространения ямной культуры и отсутствия катакомбной. «Царева могила», исследованная В. И. Гошкевичем в 1907—1908 гг., как мне кажется, дает разъяснение тому, отчего катакомбная культура не могла появиться в этих местах, по какой причине естественный ход развития ямной культуры, преобразовавшейся на рубеже III и II тысячелетий до н. э. в катакомбную, был здесь нарушен. В «Царевой могиле» основным является ямное погребение 9 с серебряными височными кольцами, подобными тем, что были обнаружены под Никополем в погребении 15 кургана 1 (1938 г.). Ни одного катакомбного погребения в «Царевой могиле» не обнаружено, зато найдены вещи и прежде всего керамика, явно указывающие на наличие в этом кургане погребений усатовского типа. Начиная от устья Днепра, на запад, по всей прибрежной полосе Черного моря, нет, по-видимому, признаков катакомбной культуры. Нет их (вопреки мнению В. А. Городцова) и в

Одесском кургане в слободке Романовке, исследованном А. В. Добровольским и описанном В. А. Городцовым. При изучении керамики кургана в слободке Романовке в Одесском музее в 1934 г. мы заметили, что она в целом относится к усатовской культуре. Катакомбной керамики там нет. В этом легко убедиться даже по опубликованным А. В. Добровольским фотографиям сосудов из этого кургана¹². В. А. Городцов не мог иметь представления об усатовской культуре в период работы над Одесским курганом и потому он допустил неправильное, по нашим современным представлениям, определение культурной принадлежности этого кургана. В конце III или, может быть, в самом начале II тысячелетия до н. э. надвинувшаяся извне, из соседнего северо-западного Причерноморья, усатовская культура прервала естественный ход развития и оттеснила ямно-катакомбную культуру с низовьев Днепра в районы между Херсоном и Никополем. Здесь, по-видимому, катакомбная культура продолжала развиваться нормально. Во всяком случае, начало этого развития можно проследить по погребениям Никопольского курганного поля. О том, что катакомбная культура в этих местах продолжала свое существование и в более позднее время, свидетельствует керамика развитой катакомбной культуры, случайно обнаруженная в полуразрушенном кургане, лежавшем на пути между рудником и с. Екатериновка под Никополем.

Все никопольские катакомбные погребения оказались впущенными в курганы более древнего населения ямной культуры. Там, где эти впускные погребения достигали грунта, можно было проследить устройство их могил, представлявших собою обычные ямы, подобные могилам погребений второй ступени ямной культуры (например, погребение 16 кургана 1, 1938 г.) (рис. 9, 7). Там, где они оказывались впущенными в насыпь или в чернозем, могилы их могли быть сделаны только в виде простых ям. Катакомбы никопольских курганов очень своеобразны. Только катакомбы погребения 9 кургана 1 (1940 г.) (рис. 10), погребения 9 кургана 3 (1946 г.), погребений 11—13 (рис. 5, 7) и 17

¹² А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы «Слободка Романовка». — ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915, табл. I—II; В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана. — Отчет Российского исторического музея за 1915 г. М., 1916, стр. 117—142.

(рис. 9, 8) кургана 1 (1938 г.), погребения 5 кургана 3 (1939 г.) (рис. 11, 1, 2) вполне отвечают конструктивным требованиям развитых катакомб Изюмского и Бахмутского типов. Особый интерес представляют те катакомбы, которые в том или ином виде сохранили типичные черты обыкновенных ямных могил. К ним принадлежит прежде всего погребение 5 из кургана 3 (1946 г.). Оно представляет собой обыкновенную прямоугольную яму, ориентированную с запада на восток, с небольшим подбоем под южной стенкой; покойник лежал в нем в вытянутом положении на границе с входной ямой. Вторая катакомба подобного типа была построена для погребения 18 кургана 3 (1937 г.) (рис. 1 и рис. 12, 4). Вытянутый покойник лежал по линии, отделяющей входную яму от катакомбы, а в полукруглом неглубоком подбое, равном по длине входной яме, было расположено второе детское погребение и стоял большой горшок. Резче входная яма отделена от катакомбы в погребении 22 кургана 3 (1937 г.) (рис. 12, 6). Здесь подбой глубже, а размеры его значительно превосходят всю площадь входной ямы. Несмотря на то, что общими очертаниями подбоя и входной ямы могила напоминает ямные погребения, в разрезе она уже представляет собой типичную катакомбу: ее входная яма короче катакомбы, погребенный в вытянутом положении находится полностью в катакомбе. Еще одна катакомба является примером поисков форм погребальных сооружений этого типа — погребение 4 кургана 2 (1946 г.). Входная яма катакомбы, значительно превосходящая ее по размерам, спускается вглубь посредством уступов, сделанных сначала с трех сторон ямы (во втором случае ниже с одной стороны) (рис. 13, 2). Погребенный в скорченном положении лежал в неглубоком подбое (рис. 13, 3). Протянутые вперед руки, часть тазовых костей, берцовые кости и голени находились на дне входной ямы, не отделившейся от подбоя никакими ступеньками.

Независимо от того, каким образом покойник в Причерноморье обычай хоронить покойников в катакомбах, возник ли он на месте или, что значительно правдоподобнее, пришел из Средиземноморья, на примере никопольских погребений катакомбной культуры мы видим, как медленно входили в быт новые приемы сооружения могил и как долго они не могли вытеснить старых обычаев.

В эти ранние времена катакомбной культуры в силу каких-то пока еще непонятных причин, по-видимому, на относительно короткий срок, нарушился общепринятый и стойкий ритуал хоронить покойника в скорченном положении. Из 19 погребений этой культуры в 14 покойники похоронены в вытянутом положении на спине, и в одном — погребении 9 кургана 1 (1940 г.) — покойник вытянут на правом боку. Вполне вероятно, что обычай хоронить умерших в скорченном положении на боку в период преобладания вытянутых катакомбных погребений все же продолжал существовать. Так, в некоторых ямно-катакомбных могилах (погребения 11—13 кургана 1 (1938 г.) (рис. 5, 7) и погребение 9 кургана 3 (1946 г.) покойники в парных погребениях в катакомбах были вытянуты на спине, в то время как сопровождавшие их в обоих случаях лежали в скорченном положении на боку, на дне входной ямы. Впоследствии, по-видимому, это скорченное положение осталось единственным принятым обрядом в погребальном ритуале катакомбной культуры. Интересно положение женщины в катакомбе 11—13 кургана 1 (1938 г.) (рис. 5, 7). Она лежала на спине, со слегка раздвинутыми и согнутыми в коленях ногами. Общий вид погребения напоминал погребения первой ступени ямной культуры. Вероятно, подобным же образом была похоронена женщина в катакомбе погребения 17 в том же кургане (рис. 9, 8). О том, что ритуал захоронения покойников, характерный для первой стадии ямной культуры, каким-то образом повторялся при захоронении женщин в погребениях катакомбной культуры, говорит положение костяка женщины, погребение которой было впущено в курган 3 (1937 г.) (погребение 25, рис. 12, 10). Она лежала на спине с упавшими на правую ногами, первоначально с поднятыми вверх коленями. Это погребение, несомненно, относится к катакомбному времени, так как в нем был найден типично катакомбный горшок (рис. 7, 8).

Подводя итог сказанному о катакомбных погребениях, отмечу, что, по-видимому, погребения, обнаруженные в никопольских курганах, представляют не только локальный, но и временный вариант катакомбной культуры, тесно связанный с ямной. Большинство погребений катакомбной культуры было окрашено краской — иногда слабо, иногда довольно интенсивно. Так же, как и

в ямных погребениях, дно могил часто посыпано красной краской; в отдельных случаях при покойниках лежали куски красной краски. Традиции погребального ритуала ямной культуры сохранились и в способах перекрытия могил деревянным настилом и в сооружении в некоторых случаях деревянного помоста на дне могилы. В погребении 5 кургана 3 (1946 г.) было обнаружено перекрытие, от которого сохранились прутья и гнилушки дерева. Тростниковые покрытия крыш могил и тростниковые подстилки, отмеченные в погребениях ямной культуры, здесь ни разу не найдены. Ориентировка покойников в катакомбах под Никополем так же неустойчива и пестра, как и в ямных погребениях.

О том, что эти катакомбные погребения относятся к очень раннему времени, близкому к ямной культуре, говорит и немногочисленная сопровождавшая их посуда. Несомненно, близок к горшкам катакомбного типа горшочек с кружковым орнаментом и уплощенным дном, обнаруженный в погребении 24 кургана 3 (1937 г.) (рис. 7, 7). С ним сходен горшок из катакомбного погребения 5 того же кургана (рис. 7, 1). Слаборазвитая шейка этого горшка плавно переходит в еще недостаточно выпуклые плечи, а не отдалена от них. Орнаментация сосуда тоже еще не характерна для поздней стадии катакомбной керамики: он украшен двумя неровными рядами неаккуратно нанесенных почти бесформенных ямок. Несомненно, профилировка и орнаментация позволяют сравнивать сосуд с керамикой таких ранних катакомбных поселений, как Собачки (Днепровские пороги, раскопки А. В. Добровольского 20-х годов).

Третий сосуд происходит из погребения 25 того же кургана (рис. 7, 8). Несмотря на то, что он имеет уже хорошо выраженную прямую шейку, достаточно отделенную от выпуклых плечей, дно его сформовано по типу ямной керамики — оно острое и лишь только слегка уплощено, хотя в процессе лепки оно было примазано отдельно, а не сформовано в виде конуса. Узор сосуда уже полностью относится к раннекатакомбной орнаментике и по мотивам нисходящих от плечей почти до дна треугольников и по технике его нанесения путем вдавливания грубо сплетенной тесьмы. Подобные узоры можно встретить на сосудах, найденных Д. Я. Самоквасовым близ с. Вороной под

Новомосковском¹³. Прямая шейка горшка, как обычно в катакомбной культуре, опоясана полосами, нанесенными такой же тесьмой. Горшок, стоявший около погребенной в могиле 13 кургана 1 (1938 г.) (рис. 8, 1), имел уже совершенно плоское и достаточно большое дно, однако заштрихованное зубчатым штампом, как и стенки сосуда. Его прямая шейка и недостаточно выпуклые бока сформованы так же, как у посуды ямной культуры. Орнаментация елочная, т. е. наиболее древняя, существовавшая еще в эпоху ямной культуры. В погребении 26 того же кургана был обнаружен фрагмент катакомбного горшка без орнамента, покрытого штриховкой зубчатого штампа, несомненно также сохранившего архаические черты посуды. Остается сказать о расплющившемся большом сосуде, стоявшем в изголовье катакомбы погребения 18 кургана 3 (1937 г.). Он сформован из глины с очень большой примесью талька и очень слабо обожжен, а может быть, и не подвергался обжигу вовсе. Остатки этого горшка представляли собой бесформенную лепешку, не поддавшуюся реставрации и разложившуюся еще в могиле; на поверхности ее кое-где можно было заметить слабые следы веревочного орнамента. Интересен еще один сосуд, обнаруженный в плохо сохранившемся виде и представлявший собой неглубокую круглодонную чашу, выдолбленную из дерева, диаметром около 25 см. Она погибла в Никопольском музее в годы немецкой оккупации. Отдельные фрагменты деревянных предметов, по большей части посуда, связаны или с катакомбными погребениями (Бесчастная могила — раскопки Д. Я. Самоквасова 1884 г.¹⁴; Герасимовка — раскопки Н. Н. Луцкевича на Осколе), или с погребениями катакомбного времени. В катакомбных могилах найдено некоторое количество костяных изделий. При покойнике из катакомбы погребения 18 кургана 3 (1937 г.) лежало костяное кольцо-перстень (рис. 7, 4), в разрезе треугольное, обычное для различных культур катакомбного времени. Такие кольца можно встретить от Днепра до Минусинского края, где они попадают в погребениях афанасьевской культуры. В женском погребении 9 кургана 3 (1946 г.) лежали две подвески,

¹³ ГИМ. Не опубликовано.

¹⁴ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 14—18.

сделанные из клыков хищников, типичные для конца ямной культуры и для начала катакомбной. В погребении 9 кургана 1 (1940 г.) в катакомбе были найдены в ногах умершего две костяные игральные «кости» вытянутой формы, с округлыми донцами (рис. 14, 8, 9). Продольный вырез овальный, поперечный — четырехугольный. Три стороны одной из них уплощены: на одной стороне продольно вырезан желобок, на другой —

одна ямка и на третьей — две ямки. У другой кости уплощены стороны: на одной из них — такой же желобок, на другой — одна ямка.

Никаких металлических предметов в никопольских катакомбных погребениях не было найдено. Лишь в насыпи кургана 1 (1940 г.) попались две бронзовые бусины (рис. 14, 10), вероятно, из какого-то разрушенного катакомбного погребения.

ПОЗДНЕСРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

К эпохе позднесрубной культуры относятся 36 погребений. В кургане 1 (1938 г.) было найдено только два погребения этого времени. Это погребение 22 и 29 (рис. 9, 10, 13). Большинство остальных находились в относительно невысоких курганах. Все они были впущены или в насыпь или в чернозем, значительно реже — в грунт курганов, насыпанных носителями древнеямной культуры. Форму и способы сооружения могилы не было возможности проследить, так как могилы редко проникали в лёсс. По-видимому, это были обыкновенные ямы. Следов дерева от перекрытий или подстилок не осталось, не было найдено никаких срубов; ни разу ни одно из этих погребений не было основным. Покойники лежали в скорченном положении преимущественно на левом боку. Есть и вытянутые костяки, особенно в кургане 3 (1939 г.) (рис. 11). Они ориентированы, там, где это прослеживается, преимущественно на запад и восток, с отклонениями к северу или югу. Таковы погребения 22 и 29 в кургане 1 (1938 г.) (рис. 9, 10, 13), погребения 1а, 1в, 2, 3, 4 и 8 кургана 3 (1939 г.). Только погребение 10 с вытянутым костяком, положенным головой на запад, было расположено в узкой грунтовой яме (рис. 11, 3). Оно сопровождалось тюльпановидным горшком чернолесского типа, что встречается, например, в Федоровском могильнике Надпорожья, где сосуды срубной и чернолесской культур попадают вместе в одном погребении¹⁵. Инвентарь этих погребений состоит из характерных острореберных и баночных сосудов более редки сосуды с округлыми плечами, порой с налпными валиками (рис. 6, 1—5); рис. 8, 2, 4; рис. 14, 1—7;

рис. 15, 1—8; рис. 17, 1—10). Найдены две типичные костяные застёжки (рис. 8, 6 и рис. 6, 8). В целом эти погребения по инвентарю относятся к позднему этапу срубной культуры, т. е. к категории погребений в насыпях и на горизонте, по В. А. Городцову. Костяные пряжки были встречены в двух погребениях: одна — в погребении 22 кургана 1 (1938 г.), другая — в погребении 11 кургана 1 (1945 г.).

Обе они овальной формы, вырезаны из большой трубчатой кости и сохраняют ее изогнутый гребень в середине, где проделаны рядом два круглых отверстия, одно из которых очень маленькое. У пряжки из погребения 22 вокруг среднего большого отверстия заметен несколько выступающий валик. Обе пряжки были связаны с поясом или стягивали одежду на талии. В обоих указанных случаях они лежали немного выше крестцовых позвонков тыльной стороной к хребту. Еще А. М. Тальгрэн, следуя за определением В. А. Городцова, отметил обычность таких пряжек в погребениях срубной культуры¹⁶. Он же указал на отсутствие их в срубных погребениях Поволжья. Встречаются эти вещи только в погребениях последней стадии срубной культуры или во всяком случае совершенных не раньше передвижения срубных племен из-за Волги на Дон, Днепр и Днестр.

Признаки, объединяющие всю группу керамики в описываемых погребениях, относятся главным образом к техническим приемам ее изготовления. Все горшки сформованы из глины с более или менее значитель-

¹⁵ О. В. Бодянский. Розкопки Мар'твського та Федорівського могильників у Надпорожжі.— АП УРСР, т. VI. Київ, 1959, стр. 181, 182, рис. 3.

¹⁶ A. M. Tallgren. La Pontide prescythique.— ESA, II. Helsinki, 1926, p. 102—105; В. А. Городцов. Результаты раскопок в Изюмском уезде Харьковской губ.— Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 174, сл.; АП УРСР, т. VIII и IX. Київ, 1960.

ной примесью шамота. Все они одинаково неаккуратно сглажены, детали обработки поверхности почти всегда совпадают. Интересен особый прием, употреблявшийся главным образом на Нижнем Поднепровье, — дно выделяют путем нанесения вертикальных вдавлений плоским инструментом с прямым или слегка округлым рабочим концом. Достаточное количество острореберных горшков еще не дает права относить отдельные погребения к эпохе ранней срубной культуры. Нам известны многочисленные острореберные сосуды, хранящиеся главным образом в Днепропетровском, а также и в Харьковском музеях, украшенные орнаментом, относящимся к позднему этапу этой культуры. Здесь имеется в виду налепной валик, проходящий по краю сосуда, несколько ниже его края и в некоторых случаях — по ребру. Такой острореберный сосуд происходит из погребения 3 кургана 3 (1946 г.) (рис. 16, 4). В другом случае острореберный горшок, найденный в насыпи кургана 1 (1940 г.) был покрыт сверху крупным фрагментом сосуда, по краю которого проходил толстый валик (рис. 14, 7). Таким образом, этот острореберный горшок с классическим зигзаговым орнаментом, в технике нанесения которого путем вдавления простой веревки сохранились традиции очень раннего времени, относится, однако, к весьма поздней эпохе конца бронзового века. В этом нет ничего нового. Нам известны случаи, когда древние формы сохраняются очень долго. В культурном слое, исследованном мною в 1947 г. в с. Каменка, на северном берегу Белозерского лимана, наряду с поздней посудой было найдено много баночных и некоторое количество острореберных сосудов. О том, что баночные сосуды в насыпи часто относятся к этой поздней эпохе, свидетельствуют различные находки. Так, например, в известных раскопках Ф. И. Брауна в Серогозах в 1898 г. были найдены вместе два сосуда строго баночной, весьма древней формы. Один из них был украшен тем же поздним налепным валиком. Очень много таких баночных сосудов, орнаментированных валиком и происходящих из различных погребений, хранится в Днепропетровском музее. Необходимо остановиться на обыкновенном баночном сосудике из погребения 9 кургана 5 (1946 г.) (рис. 17, 9). Внешне он ничем не отличается от подобных же сосудов из явно ранних погребений, относящихся к срубной культуре.

Однако существует признак, по которому можно твердо отнести этот горшок к позднему этапу. На его дне внутри находится крестообразный знак, выполненный путем наклепа обыкновенного острореберного валика, треугольного в разрезе, употребляемого при орнаментации поздне-срубной посуды. Этот горшок единственный в своем роде. Крестообразные значки часто наносились на дно посуды позднебронзовой эпохи в Причерноморье и в Южном Приуралье в поздне-андроновской культуре. Но всюду они наносились путем наклепа и были расположены на внешней поверхности дна. Очень характерно для керамики позднего времени то, что некоторые острореберные горшки уже полностью потеряли свои древние пропорции, известную приземистость и широкое устье. Примером такого деформированного сосуда, характерного для позднего времени, является острореберный сосудик из погребения 10 кургана 1 (1945 г.) (рис. 6, 5).

Все эти признаки, объединяющие керамику поздне-срубных погребений, дают возможность уже на современной стадии изучения никополевских погребений предположительно отнести их к позднейшей срубной эпохе. С полной уверенностью к этому времени следует отнести те погребения, в которых были встречены сосуды и фрагменты сосудов с налепными валиками. Следует еще упомянуть об одном сосуде из погребения 4 кургана 1 (1945 г.) (рис. 6, 3), представляющем особый интерес. Этот острореберный сосуд орнаментирован выше ребра полосой своеобразного узора, нанесенного путем вдавления простой веревки. По существу такой орнамент может быть отнесен к тем, которые рассматривались еще В. А. Городцовым как идеограмма. Подобные значки нередко встречаются на сосудах этого времени.

Есть одно погребение, выделяющееся и по положению покойника и по сопровождающей его керамике. Это вытянутое грунтовое погребение 10 кургана 3 (1939 г.) (рис. 11, 3). Оно помещалось в четырехугольной узкой яме; покойник был ориентирован головой на западо-северо-запад. В головах стоял горшок, похожий на сосуды чернолесской культуры (рис. 15, 5), а рядом лежал крупный фрагмент каменной плиты для растирания. Интересен обряд захоронения, по которому покойник положен в совершенно вытянутом положении, что не совсем обычно для остальных погребений этого вре-

мени. Обращают внимание форма и характер орнамента сосуда, сопровождавшего погребение. В различных культурах в конце бронзового века появилась посуда, непосредственно произошедшая из некоторых вариантов баночных и острореберных горшков и отличающаяся отогнутой шейкой, плавно переходящей в выпуклые бока. Отверстие горла таких горшков в некоторых случаях становится довольно узким, и это приводит к тому, что наряду с только что описанными сосудами появляется новый тип подражания тюльпановидной чернолесской форме. Горшок, стоявший в погребении 10 кургана 3 (1939 г.), имеет отогнутую шейку и выпуклые бока. Его орнамент перенесен с шейки на наиболее выпуклую часть корпуса и состоит из одного ряда ямок, опоясывающих сосуд. Каждая ямка представляет собой вдавления конца пальца с ясным отпечатком ногтя. Обычно подобные ямки наносились по ребру орнаментальных валиков и в срубной и в чернолесской культурах. В данном случае валик оказался как бы упраздненным, а ямочный узор перешел непосредственно на поверхность сосуда. Подобные горшки напоминают чернолесскую и раннюю керамику лесостепи в скифское время, их можно отнести уже к самому предскифскому времени. Вытянутое положение покойника свидетельствует об этом же времени.

Связь погребения 10 кургана 3 (1939 г.)

с другими погребениями той же эпохи в никопольских курганах устанавливается посредством другого погребения — 3, обнаруженного также в кургане 3 (1939 г.). Здесь покойник лежал в вытянутом положении, на спине, но находящаяся в погребении керамика была весьма архаичной формы: это простой острореберный сосуд (рис. 15, 3).

Если погребение 10 кургана 3 (1939 г.) могло быть совершено только в пределах VIII—VII вв. до н. э. (скорее, в VII в. до н. э.), то другие погребения этих курганов, относящиеся к позднесрубной культуре, могут восходить ко времени от последней четверти II тысячелетия до н. э. и до VII в. до н. э. В заключение надо отметить, что между совершением на Никопольском поле последних погребений катакомбной культуры и первых погребений позднесрубной прошёл достаточный промежуток времени, который, может быть, равнялся нескольким векам. Правильность отнесения погребений, содержащих баночную и острореберную керамику, к позднему времени, пожалуй, подтверждает и то обстоятельство, что в пределах Никопольщины в результате многочисленных разведок, произведенных за последние годы, не было найдено поселений ранней срубной культуры, а все обнаруженные культурные слои относились к концу бронзового века и содержали позднюю срубную керамику.

ОПИСАНИЕ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА

1937—1938 гг. КУРГАН 3

Курган 3 представлял собою холм с близким к кругу основанием, высотой в 3,75 м, диаметром в 42 м. Северная половина насыпи только на 9 м (с небольшим) от центра сохранилась неприкосновенной, а дальше к северу осела и образовала ряд оползней и трещин (рис. 1).

Вокруг насыпи, уже при осмотре с поверхности, была ясно видна впадина рва. Он был перерезан с юга траншеей, причем, оказался гораздо уже, чем это представлялось сверху, и не примыкал непосредственно к полю насыпи, а отстоял от нее на расстоянии около 2,5 м. Дно его, пологое и неровное, достигает наибольшей глубины около 1 м, при ширине 13 м.

В северной поле кургана, в 6—8 м от центра, оказалась недавняя яма-подбой, в которой было когда-то спрятано зерно. Через нее свободно поступала в насыпь вода. Это привело к изменению цвета земли в верхней части насыпи, вследствие чего до глубины около 2 м от вершины пропали для глаз почти все особенности структуры кургана. Однако ниже этого уровня в вертикальном разрезе легко улавливались

слои постепенной насыпки кургана. В восточной же поле, на всем протяжении профиля восток — запад, на поверхности третьей сверху насыпи, сохранился слой натопанного лёсса, позволивший лучше понять взаимосочетание насыпей и в верхней части кургана. Все это дало возможность довольно четко проследить и понять всю структуру кургана. Его начали насыпать в центре в виде невысокого и широкого конуса высотой 2,9 м при диаметре 20 м. Эта насыпь отчетливо отделялась от более верхней тем, что в ее восточной части от самого горизонта ровно до центра шла тонкая полоска натопанной земли (рис. 1, II, разрез насыпи, пункт 4); далее она не шла. По основанию же внутренней насыпи, кое-где не достигая немного горизонта, шла полоса сильно затвердевшего лёсса, шириной по склону насыпи в 3—4 м при максимальной толщине слоя до 80—90 см, сходявшая на нет у горизонта. Эта обкладка оказалась очень тонкой и в северной поле, где она достигала почти всюду лишь нескольких сантиметров, как показали работы 1938 г. Она составляла своего рода внешнюю обкладку древнейшей насыпи и предохра-

нила нижнюю часть этой насыпи от проникновения воды. Эта лёссовая обкладка очень затвердела, по-видимому, от пребывания в древности некоторое время на дневной поверхности. В 1938 г. по вертикальным разрезам в северной поле кургана можно было легко проследить, что древнейшая насыпь состояла из двух слоев. Первый из них был насыпан из чернозема. Нижние его склоны послужили основанием для лёссовой обкладки. Второй слой состоял из этой лёссовой обкладки и чернозема, заполнявшего пространство внутри обкладки. Этот слой был насыпан дополнительно, что заметно по проходящей между ним и основным конусом насыпи линии раздела (рис. 1, II, пункт 36).

Вторая досыпка кургана отмечалась ровным серым слоем и окружала первую полосой в 2—3 м. В южной и северной ее полах внутренняя граница четко выделялась лёссовой обкладкой древнейшей насыпи. В южной поле внешняя граница отмечалась подошвой внешней насыпи, имевшей ярко-желтый оттенок до самой внешней границы кургана. В северной поле границы всех насыпок были хорошо видны в вертикальных разрезах и, кроме того, во многих местах хорошо выделялись полосами раздела на поверхности древнего горизонта. Диаметр второй насыпи около 24 м. По аналогии с насыпью кургана 1 (1938—1939 гг.) можно предположить, что вершина второй насыпи выходила на дневную поверхность.

Третья насыпь окружала две внутренние полосы в 9—10 м от внешней их границы до современного конца ее краев.

Изредка в насыпи кургана попадались разрозненные находки. Большею частью это были отдельные кости лошади, режущие коровы и овцы. Особенно часто попадались зубы и некоторые другие мелкие кости. Встретилось несколько кусочков кремня, незначительных и мелких обломков керамики, обычно совершенно не поддающихся определению, и, наконец, небольшие обломки греческих амфор. При этом все эти находки попадались на самой разной глубине, в самых различных частях насыпи. Эти находки были разнесены в большинстве случаев по насыпи зверьками (в насыпи большое количество крупных и мелких нор). Так, например, наконечник стрелы из железа, найденный к западу от центра, несомненно, занесен туда из погребения 2. Лишь найденная в периферии юго-восточного сектора под поверхностью круглая скифская бронзовая бляшка от конской сбруи попала сюда как-то иначе. Раскопки 1938 г. показали, что во всей не поврежденной исследованной части кургана скифских погребений нет. Если их не было и в поврежденной части кургана, то иного объяснения, кроме того, что здесь скифами могла справляться тризна над древнейшими предками, подыскать трудно. Найденные во рву несколько костей и черепков амфор, видимо, были затащены туда зверьками.

Еще в 1934 г. через северную полу кургана прорывали траншею, и при этом было нарушено посыланное охрой скорченное погребение, осмотренное Ф. Н. Кирановым и Г. С. Шапошниковым.

Кроме случайно нарушенного погребения на севере в 1934 г., в южной и центральной части кургана в 1937 г. было обнаружено 22 погребения, частью в самой насыпи, частью в ямах ниже уровня горизонта. В 1938 г., в северной половине кургана, к северо-западу, найдено еще три погребения (23—25). За исключением двух впускных погребений средневековых кочевников (1, 2), находившихся на незначительной глубине, очень близко к югу от центра, по-

гребения 4 в насыпи, сильно разрушенного и неясного, и такого же погребения 11, остальные составляют цепь последовательных во времени захоронений.

Под древнейшей насыпью находились три погребения: 19 (центральное основное), 17 и 21. Вместе с погребениями 3, 6, 7, 16, 23 (и может быть, 15), порезавшими лёссовую обкладку и, следовательно, сделанными уже после сооружения первой насыпи, они являлись древнейшими захоронениями кургана. Вторая насыпь была сооружена в то же время, что и последние погребения. Может быть, некоторые из них были впущены уже после ее насыпки. Погребения 24, 8, 20, 13, 12 и 14 были расположены в указанном порядке с запада на восток вдоль внешней границы второй насыпи, в пределах третьей, и относились к позднему этапу сооружения насыпи. В остальных погребениях (из них 18 и 22 в катакомбах в грунте и 25 в яме неясной формы) отражен иной ритуал, все же составлявший, по некоторым данным, видимое развитие двух предшествующих.

Погребение 3 (рис. 3, I). В 10 м от центра, почти на юг, на уровне горизонта, на глубине 3,35—3,55 м от вершины кургана, находился костяк мужчине средних лет. На нем сохранилась часть перекрытия из двух лежавших продольно бревен, поверхность которых обожжена. Под костяком замечены следы дерева и угля. Костяк лежал на левом боку, головой на восток, в слегка скорченном положении: руки согнуты так, что кисти лежали перед тазом, ноги согнуты в коленях под прямым углом так, что колено левой ноги лежит поверх голени правой. По такому расположению ног (при сравнении с другими погребениями древнейшего типа) видно, что положение на боку не могло быть первоначальным. Вначале покойник лежал на спине с поднятыми вверх коленями, причем левое колено приходилось ниже правого (ср. погребение 6). Падение бревен перекрытия повалило покойника, очевидно, еще не полностью разложившегося, на левый бок.

Погребение 4 (рис. 3, 2). Прямо над входной ямой погребения 22 находилось детское погребение 4, расположенное немного выше горизонта. Скелет, сильно потревоженный зверьками, лежал, по-видимому, на спине, головой на северо-северо-запад. Найденный под костяком тлен дерева мог относиться к перекрытию входной ямы могилы 22. Очертания ямы в насыпи совершенно незаметны.

Погребение 5 (рис. 3, 3). Оно было расположено в 7,5 м на западо-юго-запад от центра на горизонте. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине и был обращен головою на западо-юго-запад. На костяке и под ним находились гнилушки дерева, а под головой — интенсивное пятно красной краски. У правого плеча кверху дном стоял глиняный горшок (рис. 7, I) со слабо выраженной невысокой шейкой, плавно переходящей в округлые плечи, и с совершенно плоским дном. Край шейки срезан горизонтально. Поверхность горшка вкось заглажена штриховкой, нанесенной крупнозубчатым штампом. Плечики опоясаны двумя рядами ямок, образованных путем вдавливания палочки с неровно обрезанным концом. Ямки распределены неравномерно и в нижнем ряду идут не по прямой линии. Высота — 13,4 см, диаметр устья — 13,4 см.

Погребение 6 (рис. 3, 4, 5). Находилось на юго-запад от основного центрального погребения 19 в полосе лёссовой обкладки. Оно открылось на горизонте, где, как и в насыпке, сохранились следы перекрытия в виде широких, продольно лежавших до-

сок, покрытых сверху слоем тростника. Это перекрытие лежало на остатках осыпавшегося уступа, окружавшего раньше всю яму. Ширина уступа равнялась 30—35 см. Яма размером $1,85 \times 1,2$ м при глубине от горизонта 1,25 м имела форму четырехугольника, ориентированного с юго-востока на северо-запад (315°). Дно ямы было покрыто тростником, а поверх него лубом и сверху луба посыпано красной краской. На этой подстилке на спине лежал костяк мужчины, обращенный головой на северо-запад. Руки его были вытянуты вдоль тела, ноги — согнуты в коленях и находились в стоячем положении, левое колено подошло под правое. Под головой, тазом и левой ступней слой краски оказался гуще, чем в других местах. Весь костяк также сильно окрашен красной краской.

Погребение 7 (рис. 3, 6). Находилось почти прямо на запад от центра, в 9 м от него. Могила была вырыта в виде четырехугольной ямы с закругленными углами, ориентированной с востока на запад. Размеры ямы $1,6 \times 0,82$ м при глубине от горизонта 0,66 м. На стенках ямы, после их зачистки, обнаружены следы орудия, которым была вырыта яма, в виде углубленных полок, шириной в 3,5 см, почти всюду направленных вертикально. В засыпке попадался глен деревянного перекрытия. Дно ямы было покрыто подстилкой из тополевого или ивового луба, положенного поперек ямы. На подстилке лежал на спине костяк женщины, обращенный головой на восток. Руки были согнуты и лежали на груди; обе согнутые ноги, поднятые коленями вверх, упали влево и уперлись в южную стенку, сохранив наклонное положение: они почти стояли. Костяк был посыпан красной краской. При нем у правого плеча на 10 см выше дна могилы лежала раковина.

Погребение 8 (рис. 3, 7). Находилось на юго-запад от центра, за погребением 6. На горизонте яма была покрыта поперек восемью досками. Яма имела форму прямоугольника с округленными углами и была ориентирована с юго-востока на северо-запад. Ее размеры $1,4 \times 1$ м при глубине от горизонта 0,5 м. Дно могилы было посыпано красной краской. От костяка в нетронутом положении сохранились таз и ноги. Это дает возможность судить о том, что покойник лежал на правом боку с сильно поджатыми коленями, головой на северо-запад. Верхняя часть его была разрушена впускным погребением 9. Кости были густо окрашены в красный цвет. Перед коленями лежала раковина.

Погребения 9 и 10 (рис. 3, 7). Они с запада примыкали к погребению 8. На горизонте очертания ям совершенно стерты зверьками. Под обоими костяками сохранилась только часть дна ям. Оба дна находились на одном уровне с дном могилы 8. Погребение 10 древнее. Его нижняя часть также нарушена погребением 9, как и верхняя часть погребения 8.

Погребение 9. Костяк подростка, слегка склоненный на правый бок и согнутый в поясе, был обращен головой на запад. Таз его лежал горизонтально, ноги тоже. Дно под покойником было посыпано красной краской. Справа лежал комок красной краски.

Погребение 10. Принадлежало подростку. Костяк лежал вытянуто на спине, на посыпке из красной краски. Его череп, повернутый на правую щеку, был обращен на северо-запад.

Погребение 11 было нарушено. Оно было расположено на юго-юго-запад от погребения 22, находилось на горизонте и представляло собою массу костей взрослого человека.

Погребение 12 находилось на востоко-юго-

восток от центра, за границей второй насыпи. На уровне горизонта яма была сильно изрыта зверьками. Только полуметром ниже выяснилась ее форма, почти четырехугольная, ориентированная с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Размеры ямы $1,6 \times 1$ м при глубине от горизонта 0,75 м. Дно могилы было покрыто тонким слоем красной краски. От костяка сохранилась только одна фаланга руки без эпифизов. На дне ямы найдены кремневый серп (?) (рис. 7, 2), часть раковины *Unio* и бок лошади, который был значительно свежее человеческой фаланги. Несмотря на отсутствие костей, расположение могилы, ее форма, размер и ритуальные детали позволяют отнести ее к типу погребений 8, 13 и 20.

Погребение 13 (рис. 3, 8) было открыто на горизонте, за внешней границей второй насыпи, но очень близко от нее, на юго-юго-восток от центра. Яма была сильно испорчена зверьками, но на дне все же четко выступили ее очертания в виде четырехугольника с округлыми углами, ориентированного по линии востоко-юго-восток — западо-северо-запад. Размеры могильной ямы $1 \times 0,7$ м при глубине 0,85 м от горизонта. В засыпке могилы обнаружены остатки деревянного перекрытия. Пол могилы был густо окрашен красной краской. Костяк старухи лежал на левом боку, головой на западо-северо-запад в сильно скорченном положении; ее руки и ноги были согнуты и подведены к груди. Костяк густо окрашен той же краской, а комок ее лежал у груди.

Погребение 14 тоже находилось за границей второй насыпи, неподалеку от нее, к северу от погребения 12. Очертания ямы неясны. Остатки совершенно истлевшего детского костяка лежали немного выше горизонта. Положение костяка не поддавалось определению, но при нем находился небольшой сосудик ямного типа (рис. 7, 3), под которым было пятно красной краски. Это горшок яйцевидной формы с прямой шейкой и выпуклыми плечами. Острое дно еще до обжига было несколько смято. На плечиках с двух сторон были приделаны ушки с двумя дырочками в каждом. Одно из них отломано почти полностью, от другого — отломан край. Сбоку — отверстие, проткнутое в еще сырой глине, вокруг которого следы древнего облома от носика. По плечам расположен опоясывающий орнамент в виде двух личей, нанесенных путем отриски простой веревочки. Высота — 9,4 см, диаметр — 6 см.

Погребение 15 находилось в лёссовом круге между погребениями 6 и 16. Очевидно, все эти погребения были одновременны. Предположить это мы можем только по расположению погребения 15, так как ничего, кроме белесоватой плесени на дне в нем не сохранилось. Могила имела форму овала, была ориентирована с востока на запад. Его размеры $1,2 \times 0,95$ м, глубина 1,25 м.

Погребение 16 (рис. 12, 1) находилось в толще лёссовой обкладки, на юго-восток от центра. Яма обнаружена в лёссовой обкладке, на глубине 3,05 м от вершины. На этом уровне сохранились остатки поперечного перекрытия могилы из бревен, покрытых слоем тростника, толщиной до 0,8 м. Яма с четкими очертаниями на горизонте; она имела форму четырехугольника с закругленными углами, ориентированного с юго-запада на северо-восток. Размеры ямы $2,16 \times 1,53$ м при глубине от горизонта 0,73 м. Дно было покрыто поперечной подстилкой из коры. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток. Руки были вытянуты вдоль тела, правая — слегка согнута. Ноги обращены влево и согнуты под тупым

углом. Череп и правое плечо были слегка посыпаны красной краской. Сверху погребение было прикрыто корой.

Погребение 17 (рис. 12, 2 и 3). В разрезе нижней части насыпи кургана, на глубине 2,6 м от его вершины, был ясно заметен профиль одного уступа шириной до 0,7 м, образованного при рытье могилы. На глубине 4,25 м вновь оказался уступ, шириной до 0,70—0,75 м. Цель этих уступов, вероятно, состояла в предохранении от обвалов при рытье глубокой могилы и облегчении выкида земли. Только от нижнего уступа начинается сама могила размером 1,9×1,2 м, глубиной в 1,8 м от горизонта, ориентированная с востоко-юго-востока на западо-северо-запад. Как и в могиле 19, но вдоль краев ямы, на уровне второго уступа, т. е. ниже горизонта на 0,5 м, сохранились следы покрытия в виде продольных бревен с наложенным на них тростником. Остатки покрытия были обнаружены и в засыпке могилы. На стенках могилы сохранились следы того же орудия, что и в погребении 7. Дно могилы было покрыто слоем коры, обработанной лубом вниз, и посыпано слоем краски, достигавшим под черепом, тазом и ступнями покойника 2—3 см толщины. Покойник, взрослый и очень крупный мужчина, лежал на спине, ближе к северной стенке могилы, головой на западо-северо-запад. Его левая рука была согнута в локте, а согнутые ноги были обращены коленями влево, причем они лежали не непосредственно на дне, а между ними и дном была обычная засыпка, так что колени были приподняты на 10 см выше дна. Весь костяк был густо покрашен красной краской. В головах справа лежал комок красной охры.

Погребение 18 (рис. 12, 4), как и примыкающее к нему с юга погребение 14, было разрушено зверьками. На горизонте оно все было изрыто так, что его можно было видеть более или менее ясно только в разрезе насыпи. В плане в южной его части оно стало хорошо заметно только на глубине 0,65 м ниже горизонта. Яма была четырехугольной, к ней с запада примыкал большой полукруг; ее длина по дну равнялась 2,45 м, наибольшая ширина — 1 м, глубина от горизонта — 1 м. Западная часть могилы представляла собой подбой, сооруженный под углом ко дну, со сводом, находившимся немного выше горизонта. Дно ямы под костяком и вокруг него было покрыто тонким слоем краски малинового цвета. Костяк взрослого мужчины лежал вытянуто на спине, головой на юго-юго-восток, по линии границы между входной ямой и подбоем. Ладони рук покоились на верхней части бедер. Грудная клетка была нарушена зверьками, а череп ими же отброшен в сторону. Справа от костяка лежало костяное кольцо (рис. 7, 4), а в головах, в южном углу могилы, — толстый слой черепков совершенно расщепившегося сосуда, около которого сохранились нижняя челюсть и зубы ребенка.

Погребение 19 (рис. 12, 5). Центральное и основное погребение 19 находилось у самого центра, немного к югу от него. На горизонте с запада и юга его охватывала неширокая и тонкая полоса лесового выкида. Сохранилось перекрытие в виде бревен (частью по краям могилы, частью осевшее внутрь ямы), лежащих по длине могилы с востока на запад. Бревна сверху были покрыты тростниковой циновкой, хорошо сохранившейся на восток от ямы. Здесь она представляла собой широкую однослойную полосу, состоявшую из расплетанных стеблей, лежащих параллельно и вплотную один к другому в направлении, поперечном яме. Кое-где на стенках ямы со-

хранились следы вертикальной обкладки тростником и борозды от узких киркообразных орудий, которыми была вырыта яма, подобно тому, как это наблюдалось в могилах погребений 7 и 17. Сама яма имела форму четырехугольника со слабоокругленными углами, площадью 1,75×1,15 м, при глубине от горизонта 0,95 м, и была ориентирована по длине с западо-юго-запада на востоко-северо-восток. Дно ямы было покрыто продольно корой тополя или ивы, на которых только под костяком лежали тонким слоем набросанные стебли тростника. Вся подстилка была густо покрашена красной краской. Костяк взрослого мужчины лежал на спине, головой почти прямо на восток, с небольшим отклонением на север. Слабо согнутые руки были вытянуты вдоль тела. Ноги, согнутые под острым углом в коленях, были обращены коленями вправо. Весь костяк, особенно его череп, был густо окрашен красной краской. Между правой рукой и тазом находился брусковидный каменный пест (рис. 7, 5).

Погребение 20 (рис. 12, 6) находилось почти на юг от центра у внешней границы второй насыпи. Пятно его могилы на горизонте было изрыто зверьками, так что очертания ямы были уничтожены, и их можно было обнаружить только на дне ямы, и то отчасти; она, по-видимому, имела сильно округленную форму. Дно могилы, расположенное на глубине 0,55 м от горизонта, было покрыто корой. На дне лежали два костяка, почти переплетенные между собой, в сильно скорченном положении, оба — на правом боку, головами на восток. Оба они едва занимали один квадратный метр. Взрослый мужской костяк как бы держал на коленях костяк ребенка 7—8 лет. Они не были окрашены.

Погребение 21 (рис. 12, 7) имело очень сходную с погребением 17 структуру: над ямой было по крайней мере два уступа. Первый уступ был на 3,15 м ниже вершины кургана и имел ширину 0,3 м, второй — на уровне горизонта, очень неравномерной ширины: по 0,4 м на севере и западе, 1,1 м — на востоке и 0,74 м — на юге. Наличие второго уступа на самом горизонте говорит о том, что насыпь по мягкости еще резко отличалась от грунта, и, следовательно, эта могила могла быть сооружена вскоре после насыпки кургана. От второго уступа начинается яма размером 1,23×0,88 м, при глубине от горизонта 1,17 м, ориентированная почти точно с севера на юг. На нижнем уступе и в засыпке сохранился настил из продольных бревен, на которые был набросан тростник. На дне ямы были обнаружены остатки подстилки из коры лубом вниз. Костяк ребенка лежал на спине, головой на северо-северо-запад (350°), с руками, вытянутыми вдоль тела. Ноги были согнуты в коленях и упали на правый бок, но находились не на самом дне. Колени и бедра приподняты выше дна на 8 см. Под тазом был слой извести толщиной в 2—4 см. Красная краска густо покрывала весь костяк, кроме того, у черепа справа лежал твердый яйцевидный кусок темно-малиновой краски, а слева — красный комок охры. На запад от черепа лежал овечий астрагал, против правого локтя — осколок кремня. Кроме того, около правого колена находился костяной сверленный топорик (рис. 7, 6).

Погребение 22 (рис. 12, 6) находилось прямо к югу от погребения 20 и почти соприкасалось с ним. Сверху оно было совершенно разрушено зверьками, и его очертания стали совсем отчетливыми только на 0,5 м ниже горизонта. Ориентированная почти прямо по линии запад — восток яма представляла собой ос-

татки разрушенной сверху катакомбы. С юга находилась узкая входная яма размером $1,7 \times 0,3$ м, которая была выше дна катакомбы на 5 см. Катакомба имела форму неправильного четырехугольника длиной 1,85 м, шириной 0,9 м. Дно ее было расположено на 0,7 м ниже уровня горизонта. В катакомбе лежал костяк 14-летнего подростка в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Его правая рука была согнута в локте, и кисть покоилась на лобном сращении. Покойник лежал на слое коры, устилавшем все дно катакомбы. Поверхность коры была густо посыпана красной краской. Голова костяка покоилась на слое крупных углей. Кости, кроме головы, были слабо посыпаны краской. Во входной яме в восточном конце стояла круглая деревянная миска.

Погребение 23 (рис. 12, 8) было обнаружено при раскопках 1938 г. Погребение было расположено в 1,1 м на север и в 7,3 м на запад от центра. Могильная яма имела форму неправильного четырехугольника с сильно округленными углами и образовывала на глубине 0,35 м ниже горизонта уступ шириной в 0,4—0,45 м. На уступе лежали остатки концов бревен от поперечного перекрытия могилы. Судя по отпечаткам в грунте, их было десять. Сверху бревен и под ними сохранился слой тростника, наложенного вдоль ямы. В засыпке попадались куски осевших бревен и тростника. Ниже уступа яма сохранила прежнюю форму при размерах $1,8 \times 1,05$ м, глубиной от горизонта 1,35 м. На дне обнаружена совершенно истлевшая тростниковая подстилка. На ней лежал скорченный костяк женщины, на спине, головой на юг. Упавшее сверху бревно разбило череп и верхнюю часть грудной клетки; слегка согнутые в локтях руки были расположены вдоль тела, причем кисть руки лежала на бедренном сращении. Ноги были согнуты в коленях под острым углом и повалены на правый бок упавшим на них бревном. Очевидно, в момент падения связи их сочленения еще не истлели. Череп, кости рук и ног были слабо окрашены красной краской, которая находилась также под черепом, под голенями и особенно под пятками покойницы.

Погребение 24 (рис. 12, 9) было открыто в 1938 г. Покойник лежал на горизонте в 10,4 м на запад и в 2,15 м на север от центра. Очертания ямы, находившейся в насыпи кургана, обнаружены не были. Костяк ребенка 7—8 лет лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на юг. Его правая рука, согнутая в локте, лежала поверх тела, левая — прямо вдоль него; обе сошлись кистями под левым бедром. Бедра образовывали с позвоночником почти прямой угол; голени были прижаты к ним почти вплотную. Ступни ног лежали на боку. Весь костяк, особенно руки и таз, были покрыты красной краской. Под костяком была засыпка из красной краски, особенно густая под тазом. Подстилка состояла из плохо сохранившейся коры. На локте левой руки лежал на боку, устьем на запад, горшок (рис. 7, 7) с низкой отогнутой шейкой, край которой сведен на ребро. Его плечики выпуклые, дно уплощенное. Поверхность на плечах, на которых расположен орнамент, заглажена, ниже орнамента заштрихована крупнозубчатым штампом. Поверхность внутри горшка также заштрихована. Орнамент, расположенный по плечам и по краю сосуда, представляет собой четыре горизонтальных ряда кружков, образованных путем вдавления трубки диаметром в 1 см. Может быть, этот инструмент был сделан из срезанного тростника. Как сами ряды, так и кружки в рядах, расположены неаккуратно и не всюду идут по пря-

мой линии. В глине — примесь шамота. Высота 13,7 см, диаметр 11,7 см. На горшке лежала небольшая кучка овечьих костей: четыре позвонка, один зуб и четыре ребра.

Погребение 25 (рис. 12, 10) тоже открыто в 1938 г. Оно находилось в 9,5 м на запад и в 5,1 м на север от центра. Следы ямы были обнаружены на горизонте, но так нарушены и перерывы зверьками, что установить ее форму было невозможно. Может быть, и в этом случае мы имеем дело с совершенно испорченной катакомбой. Дно ямы отстояло на 0,35 м ниже горизонта. На этой глубине покоился костяк женщины лет 30—35, которая лежала на спине, головой на юго-восток, с руками, вытянутыми вдоль тела. Кисть правой руки, слегка согнутой в локте, лежала на верхнем конце правого бедра, кисть левой — у головки левого. Ноги, первоначально стоявшие коленями вверх, упали на правую сторону под тупым углом к позвоночнику. Левая нога была согнута в колене под острым, правая — под прямым углом. Ступни ног лежали на боку. Правое колено находилось выше дна на 5—7 см. Правая и левая рука, позвоночник и головки бедер были слегка окрашены красной краской. Справа, на восток от черепа, лежал на боку дном к черепу сильно поврежденный горшок с прямой шейкой и выпуклыми округлыми плечами, имеющими в верхней части едва заметное ребро (рис. 7, 8). Его острое дно слегка приплюснено. Первоначально обе поверхности были заглажены крупнозубчатым штампом, после чего нижняя поверхность была слегка прилощена. Орнамент был выполнен путем вдавления тесьмы, представляющей собой как бы поставленные рядом две простые веревки. Шейка и верхняя часть плечей опоясаны четырьмя линиями, ниже их вся поверхность сосуда покрыта параллельными вдавлениями тесьмы, направленными вкось и образующими более и менее правильные треугольные фестоны. Высота — 15 см, диаметр — 14 см.

Особняком стоит находка 44 яйцевидных и шаровидных плотных кусков красной краски, лежавших без связи с тем или иным погребением в мелкой ямке. Эта ямка находилась в пределах внешней насыпи, в 14,3 м на юго-юго-запад от центра. Она была вырыта на горизонте, на глубине 3,55 м от вершины кургана. Глубина ее равнялась 20 см при поперечнике в 23—28 см. Комки краски были густо пересыпаны красной охрой, занимавшей площадь в 70 см².

Как уже было сказано, все погребения, обнаруженные в кургане 3 (1937—1938 гг.), кроме погребений 1 и 2, четко делятся на две группы, относящиеся к двум большим периодам развития бронзового века в Причерноморье — к ямной и катакомбной культурам. При этом первые из них, в свою очередь, относятся к двум ступеням развития культуры, более древней и поздней, может быть, переходной к эпохе катакомбных погребений. Хотя за оба года раскопок исследовано немногим более трех четвертей всей площади кургана, но четкость стратиграфии позволяет установить и последовательность захоронений, и общий основной смысл памятника. Четкость стратиграфии выражается в последовательной насыпке кургана и в концентрическом расположении грунтовых могил со скорченными окрашенными костяками. Последовательность захоронения покойников связана с постепенной насыпкой кургана.

К древнейшей насыпи, несомненно, относятся три погребения: 19, 17 и 21, из которых 19-е являлось основным. Именно над ним была воздвигнута первая насыпь. Это было захоронение мужчины. От всех эс-

тальных аналогичных погребений кургана его отличало не только наличие выкида, свидетельствующего о том, что оно было совершено в грунте, до насыпки кургана, но и наличие у кисти правой руки хорошо заполрованного песта. Это погребение было особенно густо посыпано краской, покрывавшей всю поверхность костей покойника.

Во второй могиле, расположенной в центральной части кургана и впускенной в уже готовую древнейшую насыпь, также находилось мужское погребение (17). Оно, как и впускное детское погребение 21, было расположено в непосредственной близости к погребению 19, но не нарушило при впуске натеоптанного слоя земли на поверхности первой насыпи, хорошо заметного в профиле восточного радиуса, и не затронуло собою лёссовую обкладку. Несомненно, оба эти погребения были совершены вскоре после захоронения 19. Оба впускных погребения очень отчетливы, одинаковы по структуре и напоминают центральное погребение. Мужские скелеты одинаково крупного роста, погребение 17 было так же густо усыпано краской, как и погребение 19. Вторая насыпь была, очевидно, воздвигнута несколько позднее совершения обоих впускных погребений, во всяком случае в промежутке между двумя этими событиями успел образоваться слой натеоптанной земли на поверхности первой насыпи, в ее восточной части.

Однако этот промежуток мог быть не очень продолжителен и вполне возможно, что вторая насыпь относится к этому второму мужскому погребению 17.

Следующая группа погребений, по ритуалу совпадающая с тремя центральными, прорезала лёссовую обкладку и, следовательно, была совершена уже после сооружения нижней, древнейшей насыпи кургана. Погребения 7 и 23, несомненно, были впускены в уже готовую вторую насыпь. Это доказывается тем, что каждое из них было расположено и под первой и под второй насыпями, т. е. при впуске этих погребений были прорезаны обе курганные насыпи так, что дно каждой могильной ямы (рис. 1, план кургана 3) приходилось как раз под границей обеих насыпей и разрушало таким образом, в этом месте границу лёссовой обкладки. Погребение 16 тоже было совершено в то время, когда уже существовала вторая насыпь, что доказывается следующим фактом: перекрытие погребения и сделанный для этого перекрытия уступ частично начинались выше лёссовой обкладки, т. е. выше внешней границы древнейшей насыпи, уже в пределах второй. Погребение 6 тоже было одновременно ему и, вероятно, впускено уже во вторую насыпь, потому, что оно входит в общий план окружности, которая состоит из ряда погребений (23, 7, 6, 3 и 16). Во всех этих погребениях покойники захоронены в скорченном положении на спине, с поднятыми вверх коленями.

1938—1939 гг. КУРГАН 1

Курган 1 был близок по форме к сегменту шара. Склоны его очень отлоги, вершина несколько сдвинута к северу, северный склон немного круче южного. Высота кургана около 3 м, его диаметр около 30 м. Вокруг насыпи была едва заметная впадина от рва. Вследствие сильной распахки краев кургана было очень трудно установить снаружи его поперечник, но раскопки показали, что он лишь немного превышает внешний диаметр и едва ли достигает более 32—33 м. Для выяснения истинного диаметра к северу и югу были сделаны небольшие прорезки, причем южная задела часть рва.

Погребения 24, 8, 20, 13, 12 и 14 были расположены в указанном порядке с запада на восток, в пределах уже третьей насыпи, вдоль внешней границы второй. Они отражают поздний этап ямной культуры. В них покойники захоронены в сильно скорченном положении на боку. Вполне ясны из них только 8, 13, 20 и 24 погребения, так как в них сохранились костяки. Несмотря на отсутствие костяка в могиле 12, по ее расположению в насыпи, форме и размеру ямы, по подсыпке из охры и наличию раковины *Uppio* ее нужно отнести к тому же типу, что и погребения 8, 13 и 20. Детское ислевшее погребение 14, находящееся на той же линии, сопровождается красной краской и сосудином (рис. 7, 3), несомненно типичным для керамики ямной культуры. Оба эти признака позволяют его отнести к тому же времени, что и перечисленные выше. Характерно для всех погребений ямной культуры этого кургана то, что ни одно из них не нарушало погребений своих предшественников. Все они были расположены в определенном порядке, по двум концентрическим кругам, вокруг трех центральных погребений древнейшей насыпи.

Ко времени ранних погребений обоих типов относится ямка с комьями краски, расположенная в южной части кургана. Это гнездо краски своим положением в третьей насыпи связано, конечно, с основными группами описываемого коллективного могильника. Характерно, что при детском погребении 21, впускенном в центральную древнюю насыпь, лежал точно такой же комок краски яйцевидной формы, как и в ямке.

К последней по времени стадии создания этого кургана, к эпохе катакомбной культуры, относятся все остальные погребения бронзового века. Только для двух из них (18 и 22) и, может быть, для погребения 25, были сооружены катакомбы. Все эти погребения совершались после окончательной насыпки кургана и были расположены главным образом в районе второй насыпи, но без определенного порядка. Кроме названных трех, остальные погребения этого времени в кургане 3 (1937—1938 гг.) были совершены в обыкновенных ямах, причем положение покойников как в катакомбах, так и в ямах одинаково: все они лежат вытянуто на спине. Исключение составляет погребение 9, в котором костяк как бы несколько скорчен. В этом положении покойника и в находке красной краски сохранился слабый намек на не изжитые еще старые обычаи. Те, кто захоронил этого покойника, уже не представляли себе первичного обряда погребения. Погребение 9 нарушило не только погребение 8 со скорченным костяком, но и близкое ему по обряду погребение 10. Погребение 5 было впускено в первую и вторую насыпи явно без знания взаимного отношения насыпей, так как оно врезалось и в ту и в другую как инородное тело.

При вскрытии насыпи обнаружилось, что были насыпаны две концентрические насыпи, причем внешняя насыпь представляла собой присыпку по всем сторонам центральной древнейшей насыпи, имевшей диаметр 20 м, и не покрывала поверхности последней у вершины.

Могилы были расположены следующим образом: в верхней части насыпи, неглубоко от поверхности, находились два впускных средневековых погребения 1 и 2 почти без всякого инвентаря и остатки погребений 3 и 9 неясного происхождения. В погребениях 2 и 3 кости покойников сохранили следы огня.

Остальные погребения принадлежали различным стадиям бронзового века и в этом смысле состав их почти не отличался от состава могил кургана 3 (1937—1938 гг.). Все погребения были расположены главным образом в южной поле; в северной половине оказалось только три из 23-х погребений бронзового века.

Формы могил и их взаимное расположение оказались почти такими же, как в кургане 3. Только одна могила в кургане 1, а именно — центральная — 14, была сделана до насыпки кургана. Только здесь был прослежен материковый выкйд, и покрывавший могилу настил из бревен и набросанный на этот настил тростник лежали прямо на горизонте.

Три могилы ямной культуры древнейшего типа (7:2, 14 и 15) находились в центральной насыпи. Особняком от них стоит погребение 21 (раскопки 1939 г.), которое, возможно, также принадлежит к древней стадии развития ямной культуры. Это погребение было впущено в южную полу второй насыпи и не достигло древнего горизонта. Однако последнее обстоятельство, а также расположение погребения в поле кургана заставляют усомниться в его столь древней датировке. Не исключена возможность того, что оно относится к периоду катакомбных погребений. Могила 7:2 была впущена в курган в то время, когда уже была насыпана внешняя насыпь, но ее стремились поместить в древнейшую насыпь; прорезав верхнюю позднюю насыпь, эта могила вошла в грунт в самом краю древнейшей насыпи. Общие признаки ритуала всех этих трех погребений следующие: 1) обширные погребальные ямы, продольно (14 и 15) или поперечно (7:2) покрытые бревнами, на которые был накидан тростник; 2) скорченное на спине положение костяков, у которых ноги свалились или на бок (направо в погребении 14 и налево — в погребении 15), или в разные стороны (в погребении 7:2); 3) окрашивание костяков красной краской (под ними, правда не везде, также была подсыпана краска, а при погребении 15 в головах лежал целый комок краски).

В погребениях 7:2 и 15, как и во всех впускных могилах этого времени в кургане 3, вокруг самой погребальной ямы, были сделаны уступы, на которых лежал накатник. Ориентировка костяков, как и в кургане 3, различна: в погребении 7:2 покойник лежал головой на запад, в погребении 14 — на юго-юго-восток, в погребении 15 — на северо-запад. Так же как и в соответствующих могилах кургана 3, здесь почти нет инвентаря. Только в погребении 15 при покойнике были серебряные височные кольца из тонкой проволоки, согнутой в спираль (типа, обычного для второй Трои).

Несколько большей торжественностью ритуала отличалось погребение 14. На нем поверх накатника лежала длинная каменная плита, выпуклая с лицевой и гладко отесанная с нижней стороны. Она была сужена на одном конце и округлена на другом, причем по бокам двумя ударами сделаны выемки, придавшие плите антропоморфное сходство. Иных скульптурных деталей плита не имеет. Широкой частью она приходилась над головой покойника, и в этом месте осела так глубоко в яму, что из могилы торчал только ее узкий конец (рис. 9, 3, 4).

Погребения второго типа помещались в небольших, близких к прямоугольнику неглубоких могилах, впущенных через насыпь в грунт. Только два из них (4 и 7:1) были впущены в центральную насыпь. Первое из этих погребений — детское, нарушенное проведенной здесь нивелировочной канавой, второе —

взрослого человека. Последнее было впущено в верхнюю часть ямы погребения 7:2. Это обстоятельство, как и расположение могил в кургане 3 (1937 г.), говорит о более позднем времени могил этого типа. Остальные подобные погребения, а именно 5, 6, 8, 10, 11, 27 и 28, находились все в южной половине кургана, в пределах второй насыпки, хотя и не в таком точном порядке, как то было в кургане 3, где они шли во внешней насыпи, но строго по краю более древней насыпи.

Третий тип погребений представлен могилами 12, 13, 16 и 17, 20, 22, 25 и 26 и, как это было сказано выше, может быть, 21. Отличительными чертами этого типа является узкая овальная форма могилы или погребение в небольшой катакомбе. Краска изобиловала в виде насыпки только в погребении двух подростков в могиле 16. Положение костяка мужчины в погребении 12 и подростков в погребении 16 вытянутое, на спине. Обе женщины в погребениях 13 и 17 лежали на спине вытянуто, но с расставленными и слегка согнутыми ногами, причем положение суставов показывает, что сначала ноги были приподняты коленями вверх, т. е. приближались в положении к обряду первых ямных могил.

Погребение 4 находилось в 6 м к югу и в 5 м к востоку от центра кургана и было разрушено нивелировочной канавой. От него сохранились только голени и ступни, по положению которых можно судить о том, что костяк ребенка лежал на глубине 1,20 м, т. е. в насыпи, скорченно, на левом боку, головой на запад.

Погребение 5 (рис. 5, 1) находилось в 18 м на юг и в 5,25 м на восток от центра, тоже в насыпи кургана. Костяк взрослого человека лежал головой на запад, на левом боку в сильно скорченном положении. При костяке ничего не обнаружено, кроме раковины.

Погребение 6 (рис. 5, 2) отстояло на 20 м на юг и на 10 м на восток от центра. Яма неправильно-овальной формы была длиной 1,6 м и максимальной шириной 1,2 м. Глубина ямы от горизонта равнялась 1,1 м. На дне ямы лежал костяк на правом боку, головой на юг, с согнутыми почти под прямым углом коленями. Руки вытянуты вдоль тела; правая — слегка согнута в локте, а от левой сохранилась только плечевая кость. Кисти рук отсутствуют. Под костяком обнаружен зеленоватый тлен. Около черепа, на запад от него, лежал камень; другой камень находился у тазовых костей.

Погребение 7:1 (рис. 5, 3) находилось в 17 м на юг и в 1 м на запад от центра. Оно было впущено в верхнюю часть ямы погребения 7:2. Костяк лежал головой на юг, на левом боку. Его правая рука была согнута в локте; кисть правой и вся левая рука отсутствовали. Ноги были сильно согнуты и подведены коленями почти к грудной клетке. При погребении был найден осколок кремня.

Погребение 7:2 (рис. 5, 4) находилось в 15 м на юг от центра кургана. Его могильная яма, вырытая в грунте, прорезала вторую насыпь и южную полу первой. Она имела два уступа, один из которых был обнаружен в 1,5 м ниже поверхности кургана, второй — на горизонте. Максимальная ширина верхнего уступа — 0,6 м, нижнего — 0,45 м. Яма имела в длину 2 м, ширину 1,4 м и глубину от горизонта 1,05 м. Сверху яма поперек была покрыта бревнами, лежавшими на нижнем уступе и частично сохранившимися. Дно ямы было устлано подстилкой из дерева. На ней лежал костяк головой на запад, на

спине, в скорченном положении. Его первоначально приподнятые ноги распались в разные стороны, руки были вытянуты вдоль туловища. В головах покойника лежал комок красной краски. Голова, левое плечо и ноги были окрашены той же краской, посыпанной также под затылком и под ногами покойника.

Погребение 8 (рис. 5, 5) было расположено в 5 м на юг и в 19 м на восток от центра. Костяк лежал в почти овальной яме длиной 1,8 м, шириной 1,08 м и глубиной от горизонта в 0,4 м. Положения покойника скорченное, на правом боку, головой на север. Правая рука, немного согнутая в локте, лежала кистью на правом бедре, левая, тоже согнутая в локте, была протянута вперед. В засыпке могилы обнаружены угольки, а на костях — посыпка красной краски. Перед кистью левой руки лежала копытная кость овцы, за спиной — две такие же кости.

Погребение 10 (рис. 5, 6) находилось в 20 м на юг и в 17 м на восток от центра. Яма почти овальной формы имела в длину 1,65 м, в ширину 1 м, глубина от горизонта 1,7 м. Вокруг ямы обнаружен неясный уступ, на котором лежали обломки бревен — следы поперечного перекрытия ямы. Дно ямы вдоль было устлано деревом. На настиле лежали фаланги овец. Костяк, обращенный головой на северо-восток, лежал на левом боку в сильно скорченном положении. Руки были согнуты в локтях и сложены вместе кистями, лежавшими на тазовых костях. Ноги были согнуты в коленях, причем берцовые кости почти вплотную приблизились к бедренным.

Погребения 11—13 (рис. 5, 7) отстояли на 6 м от центра к югу и на 19 м к востоку. Входная яма, впускная через вторую насыпь в грунт, имела почти четырехугольную форму; ее южная стенка была сильно закруглена. Часть восточной стенки образовывала спуск в катакомбу, содержащую погребения 12 и 13. Длина ямы 1,57 м, ширина 1,2 м, глубина от горизонта 1,3 м. На дне ямы лежал костяк погребения 11 с сильно разрушившимся черепом.

Катакомба, содержащая погребения 12 и 13 (рис. 5, 7), представляла собой парное захоронение мужчины и женщины. Свод катакомбы совершенно обвалился. Ее засыпка — чернозем с лёссом. Вертикальный спуск в катакомбу — в ее юго-западном конце. Это часть восточной стенки погребения 11. Длина ямы 2,2 м, ширина 1,55 м, глубина от горизонта 1,7 м. На дне она шире во все стороны на 10 см. На дне ямы лежали рядом костяк мужчины и костяк женщины, обращенные головами на юго-запад. Мужчина лежал вытянуто, на спине, с руками, слегка согнутыми в локтях, вытянутыми вдоль тела. Женщина лежала в том же положении, но ноги ее, слегка согнутые в коленях, были расставлены в разные стороны. Около мужчины у кисти его правой руки стоял небольшой плоскодонный горшок (рис. 8, 1) с почти прямой шейкой, с уже хорошо выраженными округлыми плечами и относительно широким плоским дном. Хорошо заметен след налета, сформированного отдельно от дна. Округлый край горшка носит следы тонких повторных срезов. С внешней стороны поверхность горшка сглажена зубчатым штампом путем нанесения штриховки, расположенной горизонтально. На внутренней поверхности такая же штриховка внизу, направленная наискось. Дно горшка внутри почти заглажено, а снаружи тоже покрыто штриховкой, направленной в разные стороны. По плечу идет полоса елочного орнамента, нанесенная путем вдавливания тонкой трубочки, положенной почти плашмя. Первоначально орнамент наносился в четыре

ряда, но четвертый ряд не доведен до конца, а верхний — затерт штриховкой. В верхней части горшка на внешней поверхности — сильный нагар. На боку заметны следы протекшей и нагоревшей жидкости. Высота горшка 12,2 см. Диаметр устья — 12,3 см.

Погребение 14 (рис. 9, 1—4) находилось в центре. Это основное погребение, совершенное в грунте до насыпки кургана и имевшее с южной стороны большой выкид, расположенный грядой неправильной формы длиной около 12 м, шириной несколько более 4 м. Максимальная мощность выкида, состоявшего в своей нижней части из чернозема, а в верхней — из лёсса, равна 1 м. Яма имела почти правильную четырехугольную форму, достигала длины 1,75 м, ширины 1,4 м, глубины от горизонта 1,56 м и была ориентирована с востоко-юго-востока на западо-северо-запад. Поверх яма была покрыта дощевым перекрытием из бревен, частично сохранившихся. На перекрытии лежала гранитная плита, представлявшая собой слабовыраженное антропоморфное изображение. После обвала бревен оно своей головой опустилось в могилу (рис. 9, 1, 3, 4). Сверху на бревна и на каменную плиту был набросан тростник. Следы его особенно хорошо заметны на горизонте, вокруг могильной ямы. Дно ямы было устлано лубом, на котором лежал на спине костяк мужчины, обращенный головой на восток. Его руки были вытянуты вдоль тела; единственная уцелевшая левая кисть лежала на тазовых костях. Ноги, первоначально поднятые коленями вверх, упали в правую сторону. Голова, руки и ноги покойника были покрыты красной краской, комок такой же краски лежал у левого плеча.

Погребение 15 (рис. 9, 5, 6) находилось в 14 м к северо-востоку от погребения 14. Могильная яма расширялась посредством уступа от 4 м в длину и до 3,05 м в ширину (рис. 9, 5). Ниже уступа правильная четырехугольная яма имела 2,7 м в длину и 1,65 м в ширину. Глубина ямы от горизонта равнялась 1,96 м. Поверх яма была покрыта продольным накатником из бревен, из которых три сохранились относительно хорошо. Сверху накатник был покрыт тростником. Дно могилы посыпано красной краской. На дне на спине лежал костяк женщины, обращенный головой на северо-запад. Покойница была положена с согнутыми ногами, коленями вверх. С течением времени кости ног упали влево, причем оба бедра надвинулись на берцовые кости. Все кости покойницы были засыпаны красной краской, а у головы ее лежал комок такой же краски. На черепе были обнаружены два височных кольца из серебра, согнутые спиралеобразно из тонкой проволоки (рис. 8, 5).

Погребение 16 (рис. 9, 7) было расположено в 8 м на север и на таком же расстоянии на восток от центра кургана. Оно являлось коллективным захоронением двух подростков, лежавших в овальной яме длиной в 1,6 м, шириной 0,8 м и глубиной от горизонта 1,1 м на деревянной подстилке. Покойники были вытянуты на спине и обращены головами на северо-восток. Руки их были протянуты вдоль тела. На всех костях густо лежала красная краска. Погребение 16 было совершено на площадке округлой формы, густо усыпанной углем. На ней без всякой системы были поставлены четыре бесформенные камня. По-видимому, эта площадка относится к погребению 14, к которому она примыкала непосредственно. Она представляет собой результат какого-то сожжения, совершенного, вероятно, на небольшой насыпи, так как слой угля лежит немного выше горизонта. Сожжение могло быть совершено только тогда,

когда площадь вокруг погребения 14 была свободна, т. е. до насыпки кургана.

Погребение 17 (рис. 9, 8) было расположено в 21 м на север и в 3 м на юг от центра. Оно заключалось в катакомбе, входная яма и свод которой были совершенно разрушены зверьками. Северная и восточная стенки катакомбы первоначально могли быть прямыми, южная и западная — округлыми. Дно катакомбы было выстлано древесной подстилкой. На дне лежал в вытянутом положении на спине костяк, обращенный головой на восток. Его правая рука была слегка согнута в локте, левая — протянута вдоль тела, левая нога согнута в колене, обращенном влево. Кости покойника сохранились неполностью, вероятно, в результате деятельности зверьков. Весь костяк был окрашен красной краской. Особенно много ее было на голове и на тазе. Под костяком обнаружена подсыпка из той же краски.

Погребение 20 расположено в 3,3 м на юг и в 3 м на запад от центра, на глубине 1,4 м от поверхности, т. е. в насыпи кургана. Костяк молодого мужчины лежал вытянуто, на спине, головой на юго-восток. На костяке были обнаружены слабые следы тростникового покрытия.

Погребение 21 (рис. 9, 9) находилось в 12 м на юг и в 0,25 м на запад от центра, на 0,6 м выше горизонта. Костяк подростка лежал на спине, головой на юго-восток (150°). Правая его рука была вытянута вдоль тела, а кисть левой находилась на подвздошной кости. Ноги были слабо согнуты в коленях и упали на левый бок. Правая стопа носком подошла под пятку левой ноги. Над ухом было слабое пятно красной краски. При костяке лежало два обломка раковины *Ulio*.

Погребение 22 (рис. 9, 10) находилось в 11 м на юг и в 3 м на запад от центра, на 0,3 м выше горизонта. Костяк молодого мужчины мощного сложения лежал скорченно на левом боку, головой на востоко-юго-восток (110°). Руки были сильно согнуты, их кисти лежали перед самым лицом. Ноги были подогнуты к животу.

Костяк был слабо окрашен красной краской. Между правым коленом и локтями рук стояла нижняя часть горшка с искусственно обломанным в древности верхом (рис. 8, 2). Поверхности горшка ровно заглажены. В глине — примесь песка. Диаметр дна 11 см. Внутри стенки и дно были покрыты толстым слоем красной краски. Под левым коленом костяка лежала костяная овальная застежка с отверстием посередине (рис. 8, 6).

Погребение 25 находилось под погребением 21 на уровне древнего горизонта. Плохо сохранившийся костяк ребенка 10—12 лет лежал вытянуто на спине, головой на западо-северо-запад (295°). Правая рука была слабо согнута в локте, так что кисть ее пришлась на уровень таза. Левая рука согнута так, что ее кисть лежала на верхней части правой подвздошной кости.

Погребение 26 (рис. 9, 11) было расположено в 7,2 м на юг и в 5,5 м на запад от центра, на 0,2 м ниже древнего горизонта. Костяк взрослого человека лежал головой на северо-восток (312°), вытянуто на спине. Правая рука его вытянута, левая согнута и кистью находилась на средней части таза. Костяк был сплошь покрыт тонким слоем красной краски и лежал на таком же слое. Между левой рукой и грудной клеткой сохранилась часть сосуда, перевернутого вверх утолщенным дном. Его поверхности были сглажены штриховкой, нанесенной крупнозубчатым штампом. В глине много мелкоотличной раковины.

Погребение 27 находилось в 11,03 м на юг и в 5,3 м на запад от центра, на 0,3 м выше горизонта. Костяк грудного ребенка очень плохой сохранности лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-восток (125°), его череп лежал на левой щеке, руки были слабо согнуты, а от ног осталась одна берцовая кость.

Погребение 28 (рис. 9, 12) было расположено в 11,3 м на юг, в 4,45 м на запад от центра и на 0,25 м ниже горизонта. В нем заключалось два костяка. Остов молодой женщины, лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Ее руки были согнуты под прямым углом, кисть левой лежала на бедре. Ноги были очень сильно согнуты, так что коленями они приходились против поясничной части покойницы. Лицом к лицу с этим костяком лежал скорченно, на правом боку, скелет грудного ребенка. Его руки и ноги были сильно согнуты. Костяк женщины был слабо окрашен красной краской. Перед левую ступню костяка лежало два куса красной глины. За спиной стоял горшок яйцевидной формы с почти прямой шейкой, четко отделяющейся от почти округлых плечей, и утолщенным дном (рис. 8, 3). Обе поверхности сосуда были аккуратно заглажены путем нанесения зубчатым штампом штриховки, направленной в разные стороны. По плечам был расположен орнамент, выполненный тем же зубчатым штампом; он представлял собой отдельные фестоны, состоящие из четырех или трех горизонтальных вдавлений этого штампа. В некоторых случаях нижние части фестонов были затерты штриховкой. В глине — примесь песка. Высота горшка — 18,7 см, диаметр устья — 14,5 см.

Погребение 29 (рис. 9, 13) находилось в 4,85 м на юг и в 8,8 м на запад от центра, на уровне древнего горизонта. Костяк подростка лежал на левом боку, головой на востоко-юго-восток (110°). Он был сильно скорчен. Его череп склонился лицом к плечу, обе руки согнуты: кисть правой находилась перед правым коленом, а кисть левой — под щекой. Ноги были прижаты к груди. Перед теменем костяка стоял несколько обломанный по краям типичный баночный сосуд без орнамента (рис. 8, 4). Его поверхности были плохо заглажены, в глине — примесь раковины. Высота сосуда — 9,5 см, диаметр устья — 12,5 см.

1939 г. КУРГАН 3

Курган 3 — крайний восточный в этой подгруппе (рис. 11, 1). Его форма почти приближается к низкому сегменту шара. Высота около 0,5 м, диаметр — 14 м. Никакого рва вокруг кургана нет. Он сильно распахан. При вскрытии оказалось, что, как и в скифском кургане 2, эта насыпь была сооружена на незначительном повышении древнего горизонта. В насыпи мало отдельных находок. Немного менее чем

в 3 м к северу от центра обнаружена большая гранитная плита. Приблизительно в 2,5 м прямо на север от центра был найден фрагмент сосуда. В разных местах насыпи, в северо-западном и юго-западном секторах, стояло девять глиняных сосудов. Большинство их принадлежало полуистлевшим или почти истлевшим скорченным погребениям. Так, баночный сосуд № 7 (см. план раскопок кургана, рис. 11, 1),

несомненно, входил в погребение 4. Туда же, вероятно, относится и сосуд № 6. Сосуд № 1 находился около погребения 1а, сосуд № 3 — около остатков погребения 1. Сосуд № 8 стоял около черепа костяка из погребения 3. Все эти погребения, насколько можно проследить, скорченные, все находятся или в насыпи или на горизонте. Сосуды же все без исключения, или баночной, или острореберной форм, вполне обычных для поздней стадии бронзовой эпохи этих мест. Несомненно, что одиноко стоящие сосуды (№ 2, 4, 5 и 9)¹⁷ оказались без костяков в результате полного истлевания последних. В грунте также имелось несколько погребений. Всего их отмечено 12, не считая четырех, одиноко стоящих сосудов. Погребение 6 относится к поздним кочевникам, остальные 11 — к бронзовому веку.

Погребение 1а сохранилось в виде ничтожных остатков черепа и обломков других костей в 0,55 м на север и в 0,9 м на запад от центра на уровне горизонта. При этих костях находился горшок № 1 (рис. 15, 2), раздавленный землей. Это баночный горшок со слегка скругленным краем и немного выступающим краем дна. Поверхности заматы по бугристым неровностям стенок. В глине — примесь шамота. Высота 9,9 см, диаметр — 13,3 см.

Погребение 1б располагалось в 1,55 м на юг и 1,65 м на запад от центра, на глубине 0,5 м, т. е. на уровне древнего горизонта. Кости почти истлели; сохранились только часть правого плеча, часть позвоночника, таза и правого бедра, расположенного под прямым углом к туловищу. Костяк лежал скорченно, на левом боку. В головах его стоял баночный горшок (по плану № 3 — рис. 15, 1) с выпуклыми боками и слегка сужающимся горлом. Край его шейки срезан плоско, края дна не выступают наружу. Поверхности стенок заглажены, на них заметны косые царапины. Высота 19,3 см, диаметр шейки — 21 см.

Погребение 2 расположено в 1,75 м на юг и в 2,17 м на запад, на глубине около 0,8 м, в почвенном слое. От костяка сохранились плечевая кость

и часть ребер. Судя по их положению, покойник лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. Вещей при нем обнаружено не было.

Погребение 3 было расположено в 0,8 м на юг и в 1,8 м на запад от центра. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток, сохранились часть черепа, таза и вершины обоих бедер. На расстоянии 0,3 м от черепа на юг стоял острореберный горшок (по плану № 8 — рис. 15, 3) со слегка отогнутым и закругленным краем шейки и не выступающим краем дна. Внешняя поверхность небрежно заглажена и слегка приложена; внутренняя — только заглажена. По ребру заметны трещина и следы стыка лент. Выше ребра — полоса орнамента, нанесенного путем вдавливания незубчатого штампа, в некоторых местах переходящего в нарез. Узор представляет собой ряд небрежно оттиснутых треугольников. С одной стороны горшка — трещина, образовавшаяся еще в древности. Справа и слева от трещины просверлены дырки, в которые для ее скрепления пропускалась, вероятно, веревка. В глине — примесь шамота и песка. Высота 12,8 см, диаметр устья — 16,5 см.

Погребение 4 находилось в 2,52 м на юг и в 3,58 м на запад от центра, на глубине 0,8 м, т. е. в почвенном слое. Сохранились два бедра, лежавшие параллельно, на левом боку, а под ними — берцовые кости и обломки таза, из чего видно, что покойник лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-восток. К нему относятся несколько раньше открытые сосуды: № 6 и 7 (см. план раскопок кургана). Первый из них (острореберной формы) стоял, по-видимому, в головах погребения, второй (баночный) находился у колен. Острореберный горшок стройных пропорций. Шейка слегка отогнута в верхней части, край — скруглен. Край дна не выступает. Поверхности заглажены, внешняя — слегка приложена. В глине — примесь шамота. Высота — 7,8 см, диаметр — 9,7 см. Баночный горшок правильной формы с закругленным краем и с невыступающим краем дна. Внешняя поверхность заглажена неровно. Внутренняя значительно ровнее. В глине примесь песка. Высота 10,6 см, диаметр — 14 см.

Погребение 5 (рис. 11, 2) было обнаружено в яме, примыкавшей к центру с юго-запада, имевшей своеобразную форму четырехугольника, ориентированного с севера на юг, к западной стороне которого в северной части примыкал выступ в виде широкого сектора, обращенного дугой на юго-запад. Длина четырехугольника с севера на юг равнялась 2,2 м, его ширина на юге 1 м. Ширина всей могилы на севере, от центра кургана до конца выступа — 1,8 м. Длина сектора вдоль стенки четырехугольника с севера на юг 1,25 м. Дно этой ямы отстоит от горизонта на 1,23 м. По-видимому, все могильное сооружение представляло собой катакомбу, свод которой остался незамеченным в черноземе насыпи кургана. В таком случае прямоугольник был входной ямой, а сегмент — дном катакомбы. На дне сегмента, у южной части дуги, спиной к ней, лежал сильно скорченный костяк взрослой женщины на правом боку, обращенный головой на восток, ничком. Руки были согнуты, левое плечо лежало поверх костяка, правая рука под ним. Ноги сильно согнуты и прижаты к животу. Вещей в катакомбе и при костяке не было.

Погребение 7, почти совершенно истлевшее, находилось в 1 м на север от центра кургана большей частью в его северо-восточном секторе, на глубине 1 м в почвенном слое. От него сохранились только кости одной руки, фаланги пальцев и часть чере-

¹⁷ Сосуд № 2 — острореберный горшок строго выдержанных пропорций. Край шейки почти сведен на острие, край дна не выступает. Внешняя поверхность замата и слегка приложена, кое-где заметны следы втортой в нее красной краски, внутренняя поверхность заглажена. Выше ребра заметна трещина — стык лент. Вдоль края расположена опоясывающая линия в виде отпечатка простой веревки, под ней — зигзаг, представляющий собой ряд угольчатых вдавлений. В глине — примесь песка и шамота. Высота 11,1 см, диаметр — 17,2 см.

Сосуд № 4 — нижняя часть вероятно, баночного горшка (рис. 15, 6), небрежно сформованного с неровной бугристой поверхностью. Край его дна выступает наружу. В глине — примесь песка; диаметр дна — 6,9 см.

Сосуд № 5 — баночный горшок правильной формы, с неаккуратным, кое-где неровно срезанным, краем горла. Край дна наружу не выступает. Поверхности заглажены плохо. В глине много песка и шамота, высота 9,7 см, диаметр устья — 12,6 см.

Сосуд № 9 — острореберный горшок с плоским краем, имеющим острый выступ на внешней стороне. Край дна выступает наружу. Ребро в некоторых местах более четкое, в других — скругленное. Бугристые поверхности заглажены плохо, внешняя — замата. В глине примесь крупного песка и, может быть, шамота (рис. 15, 7). Высота 8 см, диаметр — 12,5 см.

па. Можно только предположить, что костяк лежал головой на восток или на северо-восток.

Погребение 8 находилось в 2,6 м на запад от центра, на той же глубине, что и погребение 7. Сохранился его раздавленный череп, часть плеча и две бедренные кости. Костяк лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток.

Погребение 9 (рис. 11, 3) в 2,15 м на юг и в 2,3 м на запад от центра лежало в яме, от которой сохранилась только западная часть длиной 1,1 м, шириной 1,2 м, глубиной 0,9 м. Ее восточный конец уничтожен ямой погребения 10. Костяк мужчины скорчен на спине, головой на северо-запад (300°). Правая рука была вытянута вдоль тела, ее кисть находилась над верхней частью правого бедра. Левая рука слегка согнута. От правой ноги сохранилась верхняя часть бедра, своим положением показывающая, что ноги костяка были раздвинуты врозь и согнуты в коленях.

Погребение 10 (рис. 11, 3) в 3 м на юг и в 1,35 м на запад от центра кургана лежало в длинной и узкой четырехугольной яме, срезанной ноги погребения 9. Могильная яма была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее длина равнялась 2 м, ширина — 0,5 м, глубина — 1,25 м. На дне лежал костяк старой женщины, головой на западо-северо-запад (285°), вытянутую на спине. Руки были слегка согнуты в локтях. В головах покойницы слева стоял горшок (рис. 15, 5) с отогнутой шейкой, плавно переходящей в выпуклые бока. Край дна слегка выдается. Ниже плечей горшок опоясывал ряд ямок, образованных путем вдавления пальца. С одной стороны, в нижней части шейки — три просверленных дырки, предназначенных для скрепления трещин, образовавшихся еще в древности. Поверхности плохо заглажены и заматы. Внешняя поверхность обработана хуже внутренней. Высота горшка — 21 см, диаметр устья — 15,7 см. Около него лежала небольшая каменная плита.

Погребение 11 находилось прямо под погребением 6 (см. план кургана — рис. 11, 4). Сохрани-

лась только нижняя часть четырехугольной ямы. Длина ее равнялась 1,7 м, ширина — 1,4 м, глубина — 1,5 м. На дне ямы скорченно, на спине, головой на запад, лежал костяк взрослого человека, несколько потревоженный. Руки были протянуты вдоль тела и слегка расставлены. Кисть правой руки находилась под прямым углом к туловищу, голень — под острым углом к бедру. Бедра и голень левой ноги лежали в стороне. Костяк был покрыт тонким слоем краски; вокруг него много ее пятен. Краска лежала под всем костяком и особенно густо под тазом.

Несмотря на плохую сохранность костяков, лежавших на горизонте и в почвенном слое, можно дать следующее объяснение последовательности захоронений. Курган был насыпан, как курганы 3 (1937 и 1938 гг.) и 1 (1938 и 1939 гг.), для ямных погребений древнейшей ступени. Основным является погребение 11 в центре кургана. Погребение 9 является впускным того же времени. В силу неизвестных причин после этого долгое время в кургане не совершались погребения.

Следующая ступень — катакомбное погребение 5, сохранившееся в положении костяка обряд второй ступени ямной культуры. Вслед затем было впускено несколько погребений срубной культуры, а именно — 1а, 1б, 2, 3, 4, и 8. Они определяются, поскольку это возможно, слабоскорченным положением на левом боку (8 на правом), головой на восток, или, это чаще, на северо-восток. Культурная принадлежность этих погребений определяется керамикой: баночными и ортореберными сосудами (сосуд № 8 в погребении 3, № 1 — в погребении 1а и № 6 и 7 — в погребении 4). Сосуды, обозначенные на плане номерами 2, 4, 5 и 9, имеют такие же формы и, вероятно, тоже сопровождали совершенно истлевшие погребения. Эта серия погребений по керамике и положению костяков составляет одну группу с погребениями 22 и 29 кургана 1 (1938—1939 гг.). Особняком стоит погребение 7, не поддающееся никакому определению. Погребение 10, по сосуду чернолесского типа, может относиться к числу самых позднейших из срубной эпохи могил, почти предскифских, т. е. второй половины VII в. до н. э. или немного ранее.

1940 г. КУРГАН 1

Курган 1 (рис. 10, 1 и 2) имел высоту около 0,9 м, в диаметре около 23 м и был сильно распахан. В насыпи оказалось 62 отдельных находки, по большей части неопределенных обломков костей и мелких обломков керамики. Однако все же удалось установить принадлежность некоторых из костей коровам. Кроме того, кое-где попадались обломки небольших камней, что обычно в курганах бронзового века на поле Никтольстроя. В 8—10 м на юг от центра на уровне горизонта был найден гранитный четырехгранный брусок — пест типа, довольно обычного в культурах бронзового века (по плану находка № 32), но он не имел около себя никаких признаков погребения. В 6 м на восток от центра, почти под поверхностью, обнаружен неполный сосуд, стоявший опять-таки одиноко, без признаков погребений¹⁸. На нем сворху лежало несколь-

ко обломков другого сосуда с наlepным валиком по плану находки № 42 и 42а)¹⁹.

В северо-западном секторе, в 2,7 м на север и в 1,4 м на запад от центра, на уровне горизонта, были найдены таз и нос крупного домашнего гуся (по определению Зоологического института АН УССР; по плану находка № 47). В 4 м на север от центра, на уровне горизонта, были найдены две бронзовые бусинки, по форме похожие на рыбы позвонки (рис. 14, 10, находка по плану № 57). В 4,8 м на север и в 2,7 м на восток, тоже на уровне горизонта, найдена костяная мотыга (рис. 18), сделанная из лопатки какого-то крупного животного (по плану находка

ления простой веревки. Внешняя поверхность сосуда хорошо затлажена и приложена, внутренняя — заглажена широким и выпуклым инструментом. В глине — примесь шамота. Высота горшка — 10,5 см, диаметр устья 13,5 см (рис. 14, 6).

¹⁹ Фрагмент крупного толстостенного сосуда, лежавшего на описанном выше горшке, представляет собой крышку этого горшка. Вдоль края — наlepный валик с рядом ямок, образованных путем вдавления пальцем (рис. 14, 7).

¹⁸ Ортореберный горшок с плоским невыступающим наружу дном и с плоско срезанным краем. Выше ребра тянется орнаментальная полоса, которая представляет собой ряд двойных зигзагов, заключенный между двумя линиями. Узор нанесен путем вда-

№ 58). В разных местах насыпи попадались отдельные позвонки, ребра и другие отдельные мелкие человеческие кости, не относящиеся к определенным погребениям. Поскольку каменный пест, бусины и мотыга были найдены на древнем горизонте, то они, вероятно всего, относятся ко времени сооружения кургана для центрального ямного погребения, т. е. принадлежат ямной культуре.

Было обнаружено 12 погребений разного времени, преимущественно в насыпи.

Погребение 1 находилось в северо-восточном секторе (2,93 м на восток, 1,58 м на север от центра), на глубине 0,45 м, т. е. в насыпи кургана, вследствие чего не удалось проследить формы могильной ямы. Это был взрослый покойник, лежавший в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. В головах и у таза стоял сосуд баночной формы (рис. 14, 1) с относительно узким дном, край которого сильно выдается наружу. Венчик сосуда закруглен. Его поверхность покрыта штриховкой, но нанесенной не зубчатым штампом, а узкой дощечкой. Сглаживание произведено неаккуратно. В глине — примесь шамота. Высота — 9 см, диаметр устья около 12 см. Большая часть горшка разрушена.

Погребение 2 (в 4 м на восток от центра) совершенно истлело, сохранилась только берцовая кость ребенка.

Погребение 3 (почти над центром) сохранилось в виде обильного тлена костей. По остаткам тлена положение костяка не удалось определить. Погребение несомненно было потревожено более поздним кочевническим (10). При погребении найден низкий горшок баночной формы (рис. 14, 2), плоско обрезанный по верхнему краю, со слегка выдающимся краем дна. Этот срез не всюду произведен аккуратно, в некоторых случаях он покато спускается внутрь сосуда, в других местах покато направлена на внешнюю сторону. При формовке нижней части сосуда употреблялась плоская лопаточка с прямоугольным концом, в одном месте хорошо заметен ряд ее отпечатков. Поверхности заглажены, а потом заматы рукой. В глине — примесь шамота, в отдельных случаях заметны его кусочки довольно крупных размеров. Горшок с одной стороны выше, с другой — ниже. Его максимальная высота равняется 8,5 см, диаметр устья 13,5 см.

Погребение 4 находилось приблизительно в 2 м на северо-запад от центра на горизонте. Костяк почти истлел, лишь сохранились части длинных костей ног. Он лежал скорченно, на правом боку, головой на восток. При нем был обнаружен стоявший у таза острореберный горшок (рис. 14, 3) без орнамента, с как бы вклеенным внутрь неправильным округлым дном. Край сосуда закруглен и в некоторых местах слегка отогнут. Поверхности неаккуратно заглажены дощечкой, внешняя — потом замата. В глине — примесь шамота. Высота сосуда — 13,5 см, диаметр устья — 19 см.

Погребение 5 находилось приблизительно в 2 м к северо-западу от центра, на глубине 0,65 м. Кости были потревожены, но оказались хорошей сохранности. Установить первоначальное положение костяка оказалось невозможным.

Погребение 6 находилось в юго-западном секторе, в 4 м на запад и в 2 м на юг от центра, на глубине 0,98 м в погребенном черноземе. Его дно не достигало лессового грунта и потому невозможно было определить форму и размеры погребальной ямы. Костяк лежал скорченно, на спине, головой на северо-

запад. Руки были согнуты в локтях и лежали кистями к лицу. Согнутые и первоначально поднятые ноги упали коленями направо. Колени были несколько выше остального костяка. Голени почти вплотную прижаты к бедренным костям. Вещей при покойнике не найдено.

Погребение 7 отстояло на 2,3 м к востоку от центра и находилось немного выше горизонта. Неполный костяк ребенка лежал скорченно, на левом боку, головой на восток. Вещей при нем не было.

Погребение 8 находилось в 1 м к северо-востоку от центра, на уровне горизонта. Оно представляло собой тлен костей человека, положение которых не поддается определению. При погребении находился горшок со слегка отогнутой шейкой и выпуклыми боками. На его плечах кое-где заметно слабо выраженное ребро (рис. 14, 4). Край дна несколько выступает наружу, край шейки срезан прямо. Внешняя поверхность довольно гладко замата рукой, внутренняя — горизонтально заглажена дощечкой, от которой остались мелкие царапины. Высота — 12,5 см, диаметр устья — 15 см.

Погребение 9 было обнаружено на горизонте, в 5,75 м на восток от центра кургана. Здесь показалось пятно входной ямы в виде четырехугольника, ориентированного по линии север — юг. Ее длина 1,55 м, ширина 0,95 м, глубина 0,76 м. Входная яма была забита плотно утрамбованным лессом. От западной стенки входной ямы шло устье катакомбы длиной 0,55 м, шириной 1,24 м. Устье входило в катакомбу посредством уступа в 0,3 м шириной. Катакомба в плане имела форму почти правильного овала. Ее центр отстоял на 4,5 м от центра кургана, в направлении на 105°. Катакомба была ориентирована с севера на юг, ее длина равнялась 2,45 м, ширина 2,15 м. Дно находилось на уровне 1,05 м от древнего горизонта. Свод катакомбы имел полукруглую форму и по высоте равнялся 1,05 м. На дне, в середине катакомбы, лежал вытянутое, на правом боку, головой на юг, костяк взрослого покойника. Его левая рука была согнута в локте, так что кисть проходила перед тазом. В головах лежали две игральные кости (рис. 14, 8 и 9) в форме кофейных зерен с точками и черточками на боковых гранях.

Погребение 10 принадлежало поздним кочевникам средних веков.

Погребение 11 находилось приблизительно в 2 м к востоку от центра, где был найден сосуд баночной формы²⁰. Вокруг него сохранился тлен костяка, разрушенного погребением 10. Остались только кости ног и левой руки. По-видимому, костяк лежал головой на юго-восток, вытянуто, на спине.

Погребение 12 (основное) находилось почти в центре кургана. Только ему принадлежал расположенный во все стороны от него слабый лессовый выкид, находившийся прямо на древнем горизонте. Это обстоятельство и отсутствие выкида ч

²⁰ Баночный горшок слегка сужен к устью. Его край срезан покато к внешней стороне. Бугристая поверхность сначала заглажена инструментом, оставившим следы царапин, а потом замата. По всей поверхности — выщербины от отвалившихся в древности чешуек глины. От заглаживания внутренней поверхности остались неглубокие горизонтальные царапины. В глине — примесь шамота (рис. 14, 5). Высота горшка 12,5 см, диаметр устья — 13,5 см.

всех других погребений, как и аналогии курганов 3 (1937 г.), 1 (1938—1939 гг.) и 3 (1939 г.), безусловно, указывают на то, что погребение 12—основное, и что именно для него был насыпан курган 1 (1940 г.). Яма его была четырехугольной с закругленными углами, ориентирована с юго-юго-запада на северо-северо-восток и имела размеры 2 м в длину и 1,4 м в ширину; глубина ямы от горизонта равнялась 1,65 м. Книзу яма несколько уменьшалась, имея в длину 1,5 м, в ширину—0,8—1,1 м. В засыпке могилы попадались обломки человеческих костей, баранья бабка, зуб лошади и кости таза какого-то млекопитающего. Попадались также (особенно по краям ямы) мелкие гнилушки от перекрытия. Могила, несомненно, была сильно потревожена прызунами. На дне от костяка сохранились в первичном положении немногие кости рук и ног. По их расположению видно, что костяк лежал скорченно, на спине, голозой на юго-юго-запад. Костяк был окрашен красной краской, дно усыпано ее толстым слоем.

Из всего состава кургана совершенно очевидно, что он был насыпан для погребения 12—древнейшей стадии ямной культуры. Затем в него было впуше-

но погребение 6 той же культуры, но второй ее стадии. Но этот курган почему-то не был использован как коллективный могильник ямной культуры. Позднее в него было впушено катакомбное погребение 9. Оно интересно тем, что по ритуалу немного отличается от погребений катакомбной культуры, ранее встреченных в курганах на площадке Никопольстроя. Погребения этой культуры здесь помещались обычно в ямах, в вытянутом положении, только дважды—в скорченном на боку и только четыре раза—в катакомбе. При этом они редко сопровождалась инвентарем. Погребение 9 в кургане 1 (1940 г.) отличается не только структурой катакомбы, совершенно совпадающей с классическими погребениями катакомбной культуры Донецкого бассейна, но и тем, что в нем покойник лежал вытянуто, на боку.

Погребения 1, 3, 4, 7, 8 и 11, безусловно, все впускные, по найденным в них сосудам и ритуалу относятся к срубному периоду и составляют позднюю стадию развития степной украинской эпохи бронзы в Причерноморье, может быть уже переходной к железу.

КУРГАНЫ ГРУППЫ «СЕРҚО»

1945 г. Курган 1 (по плану 17)

Курган 1 (см. рис. 1, в статье Б. Н. Гракова, публикуемой в настоящем сборнике) содержал погребения бронзового века.

Насыпь кургана была совершенно распахана (рис. 4, 1). С восточной стороны—слабо заметен запавший ров. Высота его 0,4 м, диаметр—около 18 м. В насыпи на глубине от 0,25 м до горизонта, главным образом в радиусе от 4 до 6 м от центра, обнаружено около 40 отдельных находок. По большей части это только неопределимые мелкие обломки костей и несколько незначительных осколков сосудов. Поддались определению трубчатая кость человека, нижняя челюсть человека и зубы свиньи (по В. И. Цалкину, вероятно, домашней). Найдено еще несколько более крупных фрагментов сосудов: 1) черепок от края баночного сосуда без орнамента; в глине примесь шамота; 2) фрагмент дна; в глине—та же примесь; 3) фрагмент плечика крупного сосуда с отогнутой шейкой; в глине, по-видимому,—та же примесь шамота; 4) фрагмент от боковой части баночного сосуда с едва намеченным опоясывающим ребром; в глине, по-видимому,—примесь песка; 5) очень небольшой обломок стенки сосуда с примесью шамота в глине.

В северо-восточном секторе, на глубине 0,25 м, в 2,6 м на север и в 0,3 м на запад от центра стоял глиняный сосуд баночной формы (высотой 10,5 см, диаметром устья—15,8 см, рис. 6, 1) с плоско обрезанным краем и слегка выступающими наружу краями дна. Его поверхности снаружи и внутри заглажены плоской дощечкой, от чего остались идущие вкось параллельные царапинки; в глине—примесь шамота.

Все эти обломки человеческих костей и керамики происходят из разрушенных погребений. Вероятно, и целый найденный в насыпи сосуд также принадлежал какому-то полностью истлевшему погребению.

В юго-восточном секторе, на глубине 0,25 м, в 4 м к югу и в 0,8 м к востоку от центра, был найден обломок ручки преческой остродонной амфоры. Так как в кургане нет скифских погребений, то, может быть, эта находка попала сюда при распашке соседних курганов.

Пятна погребений почти нигде на горизонте и материке не прослеживались.

Погребение 1. Яма не прослеживалась. По расположению плохо сохранившихся костей (левая плечевая, лучевая и локтевая правая, левое бедро, левая голень, большая берцовая правая) ясно, что покойник лежал вытянуто, на спине, головой на запад. Пол и возраст неясны. Справа от покойника в беспорядке лежало несколько человеческих костей.

Погребение 2. На глубине 0,3 м, на север—1,6 м и на восток—0,4 м обнаружен сосуд баночной формы (рис. 6, 2) со слегка намеченной выпуклостью плечей и слабо отогнутым краем; его поверхности заглажены; в глине—примесь шамота, высота—11,2 см, диаметр устья—15 см. Около него несколько обломков человеческих костей: на восток—обломки черепа, к югу—тазовые кости и локтевая. Погребение потревожено плугом и грызунами.

Погребение 3 было расположено на глубине 0,45 м, от центра на юг—1,8 м и на восток—0,5 м. Костяк ребенка лежал головой на восток на спине; сохранились череп и несколько обломков трубчатых костей.

Погребение 4. На глубине 0,45 м, на юг—0,5 м и на восток—0,5 м обнаружен череп. Костяк взрослого мужчины лежал головой на восток, в скорченном положении, на левом боку. Руки сильно согнуты и кистями приходились перед лицом. Колени согнутых ног—против живота; голени согнуты под острым углом к бедренным костям. Сохранность костей низкая. Между голенью и локтем стоял глиняный сосуд со слабовыраженным ребром (рис. 6, 3). Выше ребра проходит орнаментальная полоса, нанесенная путем вдавливания простой веревки. Обычного закономерного ритма этот узор не имеет. Он состоит из отдельных не сходных между собой элементов, более напоминающих какие-то значки, заключенные между двумя опоясывающими сосуд линиями. Бугристая поверхность сосуда снаружи и внутри замыта. В глине наблюдается примесь шамота. Высота—13,6 см, диаметр устья—13,8 см.

Погребение 5. На глубине 0,35 м от горизонта, на север—1 м и на запад—1 м открыт череп.

Костяк лежал головой на запад, лицом к северу, слегка склонившись на левый бок. Левая рука сильно отставлена в сторону, правая согнута в локте и кисть ее лежит на лобковой кости. Так же сохранился. Ноги вытянуты, ступни — носками влево. Кости плохо сохранились.

Погребение 7. Череп его на глубине 0,55 м от горизонта, на юг — 0,15 м, на восток — 1,45 м. Костяк лежал головой на восток, в скорченном положении, на левом боку. Правая рука согнута в локте под слабым острым углом, ее конец — у локтя левой руки. Левая согнута сильно, ее конец — перед лицом. От ног сохранились верхние части бедренных костей. Колени — почти у левого локтя. Против лица и левой руки — небольшой сосуд баночной формы, распавшийся в древности на ряд кусков (рис. 6, 4). Край сосуда плоско срезан. Выступающий край дна выделен путем повторных вдавлений орудия с округленным нижним концом. Бугристая поверхность снаружи замята, а внутренняя — сглажена дощечкой. Высота — 8 см, диаметр устья — 12,2 см.

Погребение 8 (рис. 4, 2). Череп на глубине 0,75 м от горизонта, на север — 1,55 м, на запад — 1 м. В лёссе пятно могилы имело форму прямоугольника с округленными углами, ориентированного по длине с севера на юг. Длина ямы — 1,45 м, ширина — 0,7 м, глубина — 0,9 м от древнего горизонта. Костяк лежал головой на север, в скорченном положении, на спине. Руки вытянуты вдоль тела, кистями у вершины бедер. Правая нога согнута в колене наружу, от левой — сохранилась только голень. Ступни — под углом вверх. Череп сильно окрашен охрой. Остальные кости окрашены гораздо бледнее. Под костяком — тонкая подстилка из краски. Особенно интенсивна была подстилка под тазом. У левого локтя снаружи лежал плотный кусок красной краски.

Погребение 9. На глубине 0,25 м, в 2 м на запад от центра, — полоса человеческих разбросанных костей: нижняя часть ребра, позвонки и обломки трубчатых костей. Среди них обнаружена группа из двух фрагментов от шейки и семи обломков от бочка глиняного сосуда. Фрагменты шейки украшены вдоль края наlepным валиком; выше валика и по нему — ряды штампа, поставленного вкось и образующего на валике елочный узор. В глине заметна примесь шамота.

Погребение 10. Череп на глубине 0,45 м от горизонта, на юг — 0,7 м, на запад — 2,6 м. Костяк маленького ребенка лежал головой на запад, скорченно, на левом боку. Правая рука сильно согнута в локте, конец ее — против груди. Левая рука не сохранилась. Ноги согнуты сильно в коленях, голени поджаты к бедрам; колени — против живота. Большой части костей не сохранилось. Между лицом и коленями — небольшой острореберный сосудик, слегка повалившийся на бок (рис. 6, 5). Этот сосуд имеет несколько необычные для острореберных сосудов пропорции: его высота превосходит очень суженное устье по размерам, а именно: высота — 11,5 см, диаметр устья — 8,5 см. Поверхность внутри и снаружи очень ровно заглажена. В глине — примесь шамота.

Погребение 11 (рис. 4, 3) — на глубине 0,75 м от горизонта, на юг — 1,5 м, на восток — 0,6 м. Ямы обнаружить не удалось. Костяк лежал головой на восток, в скорченном положении, на левом боку; он несколько повалился на грудь так, что спина его была приподнята на три четверти. Руки согнуты в локтях. Правая — цоктем в области живота, кисть руки согнута к левому колену. Левая рука сильно

согнута, плечо ее скрыто ребрами правой стороны, запястье — против плечевого сочленения. Ее кисть концом лежит на середине плечевой кости. Таз лежал крестцом вверх. Ноги согнуты под слабым острым углом. Правая нога — коленом ниже таза, левая — против таза. Ступни на боку, левая под правой. Череп окрашен охрой. У верхней части крестца — костяная застежка с двумя отверстиями (рис. 6, 8), плотную прижатая вогнутой стороной и малым отверстием к дну могилы.

Погребение 12. Череп на глубине 0,8 м от горизонта, на юг — 2 м, на запад — 0,5 м. От ямы, близкой к овалу, слабо сохранились западная и южная стенки. Длина ямы 1,45 м, ширина — около 1 м, глубина от горизонта — 1,15 м. На дне лежал костяк взрослого мужчины головой на восток, в скорченном положении, на спине. Руки — вдоль тела. Правая — слегка согнута в локте, левая — вытянута. Ноги согнуты под углом в 30—35°, упали влево и сохранили несколько приподнятое положение, прислонившись к южной стенке ямы. Весь костяк сильно окрашен красной краской, особенно череп и ступни ног. Дно ямы густо покрыто краской, образующей тонкий равномерный слой.

Погребение 13 (рис. 4, 4). Конец ямы находился в 2,9 м на запад от центра. Яма прямоугольной формы со слабо округленными углами обнаружена на желтом лёссе на глубине 0,7 м от горизонта. По длинной оси она ориентирована с севера на юг. Длина ее 1,35 м, ширина 0,8 м, глубина от горизонта — 1,3 м. На глубине 0,9 м обнаружены у стенок могилы остатки вертикально стоявших колышков. Один из них в 0,15 м от северо-восточного угла, у восточной стенки, второй — в 0,25 м от того же угла у той же стенки, третий стоял у западной стенки, в 0,1 м от ее северо-западного угла. На костяке были обнаружены две поперечные полосы дерева, тянувшиеся рядом от восточной стенки до костяка. Одна из них покрывала его грудь. Третий кусок был прислонен к затылку и нижним концом упирался в дно могилы. На дне — вдоль западной стенки — тянулся кусок гнилого дерева длиной около 30 см и шириной до 5 см в северном конце могилы. На дне ямы лежал костяк взрослой женщины, головой на север, в скорченном положении, на спине. Череп в три четверти упал на левую щеку. Руки были вытянуты вдоль тела и слегка согнуты в локтях. От костяка осталась незначительная часть костей. Ноги отсутствуют: они унесены зверьком. Но они, конечно, были подняты коленями вверх, о чем можно судить по размерам могильной ямы и по расположению всего костяка. Костяк сильно окрашен охрой, особенно череп. Снаружи, у правого локтя, — кусочек красной краски. При костяке найдены вещи. Между западной стенкой и ключицей лежало девять реберчатых костяных пронизей (рис. 6, 7), расположенных по ломаной линии. Против таза и области правого бедра под западной стеной — крупный круглодонный яйцевидный сосуд с почти прямой шейкой и хорошо выраженными округлыми плечами, склонившийся на бок, с устьем, образующим к северо-востоку (рис. 6, 6). Интересен способ обработки поверхностей сосуда. С внешней стороны его шейка заглажена рукою, отчего кое-где заметны следы пальцев. По плечикам и ниже, почти до половины сосуда, поверхность заглажена путем нанесения горизонтальной штриховки пятизубчатым штампом. Ниже по фону этой горизонтальной штриховки тем же самым штампом нанесены вертикальные полосы, сходящиеся на дне в 12-лучевую звезду.

Внутренняя поверхность покрыта такою же горизонтальной штриховкой. В глине — растительная примесь. Этот сосуд имеет сильный нагар сажи внутри, а также снаружи по шейке и плечикам. Высота сосуда — 18,9 см, диаметр устья — 15 см. Все дно ямы было устлано подстилкой из мелких угольков и трубочек какого-то обутленного растения. Этих угольков особенно много в головах и ногах.

Погребение 14. В лёссовом слое на глубине от горизонта 1 м, от центра к югу — 3,7 м, от центра к востоку — 0,5 м, обнаружено пятно могильной ямы почти овальной формы, ориентированное с востока на запад; ясно прослежена южная стенка ямы, северная — сильно разрушена зверьками. Длина ямы — 1,2 м, ширина — 0,6 м, глубина от горизонта — 1,2 м. На дне ямы лежал в очень сильно скорченном положении, на левом боку, головой на запад, костяк взрослого человека. Головка правого плеча была у таза, локтевой сустав — у черепа. Локтевая и лучевая кости правой руки шли от щеки к тазу. Левая рука лежала под костяком. Она была согнута в локте, у таза, кисть ее находилась у середины берцовой и бедренной костей правой ноги, берцовые были под бедренной. Ступни обеих ног лежали на левой стороне одна под другой.

Всего в этом кургане было открыто 14 погребений. Из них восемь, несомненно, относились к эпохе бронзы.

Погребения 8, 12, 13 относятся к древнейшему периоду ямной культуры. В них покойники лежали скорченно, на спине. Мужское погребение 8 и женское 13 имеют одинаковую ориентировку головой на север и расположены по отношению друг к другу так же, как 14 (основное — мужское) и 17 (впускное — женское) погребения в кургане 1 (1938—1939 гг.); в обоих случаях можно предположить между покойниками какие-то близкие родственные отношения и небольшой промежуток времени между захоронениями. Так как ни у одного из трех погребений не был замечен выкид, то сказать, какое из них основное, трудно.

Принимая, однако, во внимание центральные мужские погребения курганов 3 (1937—1938 гг.) и 1 (1938—1939 гг.), мы можем сказать, что скорее всего основное в данном случае погребение 8, находившееся ближе всего к центру.

К следующему этапу ямной культуры можно отнести сильно скорченное и окрашенное погребение 14, что основано на его исключительном сходстве с погребением 13 кургана 3 (1937—1938 гг.).

К срубной культуре по сопровождающей их керамике и костяной застежке относятся погребения 2, 4, 7, 9, 10, 11. Погребения 1, 3, 5 и 6, вытянутые на спине, головами в трех случаях на запад и в одном (погребение 3) — на восток, несмотря на плохую сохранность костей, можно отнести даже к средневековым кочевникам, хотя этого с уверенностью сказать нельзя.

Таким образом, и этот курган первоначально был насыпан для ямных погребений, а затем был использован в период катакомбной и срубной культур.

1946 г. Курган 2 (по плану 31)

Курган (рис. 13) слегка вытянут с запада на восток, и сильно деформирован распахкой. Высота от уровня пашни — 0,35 м. Высота от древнего горизонта — 0,55 м. Поперечник с севера на юг 13 м; с запада на восток — 16 м.

В насыпи обнаружено немного отдельных находок: несколько обломков человеческих костей и керамики. Кости могут происходить или из погребения 2 (бронзовая эпоха) или из погребения 5 (скифское, ограблено). В 4,5 м на запад и 1,5 м на юг от центра, на глубине 0,25—50 см — нижняя часть большого, вероятно, баночного сосуда, с тщательно выработанным, выступающим наружу, дном. По краю выступа — ребро. Поверхности хорошо заглажены или слегка прилощены. В глине — примесь шамота, диаметр дна — 16 см.

Погребение 1 обнаружено на глубине 0,5 м, в 0,2 м на восток и 0,2 м на юг от центра. Костяк женщины (?) лежал головой на восток, в сильно скорченном положении, на левом боку. Череп — на левой щеке, лицом на юг. Левая рука — согнута в локте, кисть — под щекой. Позвоночник, ребра, а также левая рука отсутствовали. Таз на месте. Ноги согнуты в коленях. Бедр — под прямым углом к тазу, берцовые кости — под острым углом к бедрам, левая лодыжка — под правой, колени — у локтя руки. Стопы отсутствовали. За затылком, в 0,1 м к северу, стоял баночный горшок (рис. 13, 4) с несколько выступающим наружу краем дна, сформованного путем повторных вдавлений плоского инструмента со слегка закругленными углами. Поверхности заглажены и замыты; внешняя поверхность бугристая. В глине — примесь шамота. Высота — 11,4 см, диаметр — 15 см.

Погребение 2 обнаружено на глубине 0,8 м, в 0,5 м к югу и 0,4 м к востоку от центра. Костяк маленького ребенка лежал головой на юго-восток, в скорченном положении, на левом боку. Череп — к юго-западу, лицом в три четверти. Сохранились череп, не вся верхняя часть грудной клетки и согнутая в локте рука, кистью подхваченная к подбородку. Кисти не было. Нижняя часть костяка, приходившаяся под погребение 1, была уничтожена при впуске этого погребения. Вещей при костяке не было.

Погребение 3а (основное?) обнаружено на глубине 0,72 м, в 2,75 м к югу и 3,05 м к западу от центра. Яма была обнаружена почти на уровне ее дна. Она имела форму четырехугольника с сильно округленными углами и была ориентирована почти с севера на юг, имела длину 1,7 м, ширину 0,85 м и глубину 0,4 м от горизонта. На дне ямы лежал костяк взрослого мужчины головой на юг, скорченно, на спине. Лицо повернуто в три четверти на запад. Руки вытянуты вдоль тела. Локтевые части почти не сохранились. Пальцы правой руки — поверх правой подвздошной кости. Ребра разошлись концами. Нижняя часть позвоночника и таз почти не сохранились. Ноги согнуты в коленях и прислонились к западной стенке могилы на 23 см выше ее дна. Костяк был слабо окрашен. Кое-где на нем и под ним попадались кусочки красной краски. Вещей при костяке не оказалось.

Погребение 3б обнаружено на глубине 0,8 м, в 2,8 м на запад и 2,2 м на юг от центра. Ямы обнаружить не удалось. Костяк маленького ребенка лежал в грунте, головой на востоко-юго-восток, скорченно, на левом боку. От рук сохранились плечевые кости, обращенные концом к коленям. Ноги согнуты: бедра — под прямым углом к позвоночнику, берцовая кость правой ноги — под прямым углом к бедру; большая берцовая левой сильно оттохла и лежала под нижним концом правой ноги, поперек ее. Стопы не сохранились. За затылком костяка, в 0,15 м, стоял горшок (рис. 13, 5), почти округлоплечий, стройных пропорций, со слегка отогнутой, выделяющейся шей-

кой. Край дна несколько выступает наружу. Выше ребра — орнамент в виде небрежно выполненной полосы зигзагов, нанесенных зубчатым штампом. Внешняя поверхность ниже ребра вертикально заглажена тем же зубчатым штампом; выше ребра и внутри поверхности заглажены горизонтально пальцами. В глине — примесь шамота. Высота — 13,4 см, диаметр устья — 13,6 см.

Погребение 4 (рис. 13, 2, 3) обнаружено по пятну золы на глубине 0,70—0,75 м, в 1,4 м на север и в 2,1 м на запад от центра. Оно находилось в середине пятна могильной ямы, которая имела неправильные очертания с округленными углами. Яма ориентирована с севера на юг, ее длина 2,35 м, ширина 2,3 м, глубина 1,6—1,8 от горизонта. На глубине 0,75 м от горизонта по юго-восточным, северо-западным и северо-восточным сторонам идет материковый уступ, длиной 3,75 м, шириной 0,42—0,54 м; на обоих его концах, у юго-западной стенки, он выклинивается на нет. На глубине 1,4 м от горизонта, вдоль юго-западной стороны, идет второй уступ шириной до 0,65 м. Этот уступ в то же время является дном входной ямы. Под северо-западные и северо-восточные стенки уходит подбой. В плане подбой имел форму четырехугольника с округленными углами и был ориентирован с востока на запад. Длина его 1,6 м, ширина — 1,15 м (в восточном направлении — 1,25 м). Дно в западном конце — на глубине 1,6 м от горизонта, в восточном — 1,8 м. Таким образом, оно покато от головы к ногам на 0,2 м и ниже дна входной ямы на 0,2—0,4 м. С глубины 0,65 до 0,95 м по всему протяжению ямы встречались крупные древесные гнилушки от перекрытия. На дне подбоя головой на юго-запад, скорченно, на левом боку, лежал костяк взрослого мужчины. Лицо его было обращено к северу. Правая рука сильно согнута в локте, левая — слабо. Пальцы правой — на пальцах левой, против бедер. Ноги согнуты почти под прямым углом к позвоночнику, сильно поджаты, колено правой — поверх колена левой ноги. Весь костяк, кроме головы, посыпан красной краской; особенно стопы: под ними много краски и несколько уголков. На костяке лежал обильный слой древесных гнилушек. У середины западной стенки и у левого плеча — остатки вертикально стоявших столбиков. Кости хорошо сохранились. Вещей при костяке не оказалось.

Погребение 5 скифское (см. ниже статью Б. Н. Гракова).

Из обнаруженных в кургане пяти погребений бронзового века одно (3а), в котором покойник лежал на спине с повалившимися на бок ногами, относится к первой стадии ямной культуры. Следующим по времени является погребение 4 катакомбной культуры. Три остальных погребения по сосудам и отсутствию краски, несомненно, относятся к срубной эпохе.

1946 г. Курган 3 (по плану 29)

Курган сильно распахан, его контуры расплывчаты, но основание все же очень близко к кругу (рис. 16. 1). Высота от уровня пашни 0,5 м, от древнего горизонта 0,7 м, диаметр около 20 м.

В насыпи в разных местах были найдены мелкие обломки костей и раковина *Unio*. На глубине 0,5 м, в 0,7 м к северу и в 1,6 м к востоку от центра — мелкие обломки костей и черепок от почти прямой шейки толстостенного сосуда с орнаментом, вероятно, зигзаговым, нанесенным зубчатым штампом. В глине —

примесь песка. Кроме того, найдены одна кость коровы (челюсть) и несколько разных костей овец.

Погребение 1 обнаружено на глубине 0,3 м, в 1 м к северу и в 0,5 м к востоку от центра. От костяка в первоначальном положении сохранились череп, левая ключица и левая плечевая кость. Покойник лежал головой на западо-юго-запад. Череп упал на правую щеку, лицом на юг. Ключица и плечевая кость были несколько приподняты, так что покойник лежал слегка склонившись на правый бок. Далее к северу, в 2,1 м к северу и в 2 м на восток от центра, лежали крестец и правая подвздошная кость. Погребение находилось поверх выкида из основной ямы.

Погребение 2 обнаружено по бедренной кости на глубине 0,3 м, в 0,5 м к западу от центра. Она лежала по направлению с юго-востока к северо-западу. В 1 м к югу от этой кости стоял баночный горшок (рис. 16, 3) со слабо выступающими плечами, по которым кое-где намечено ребро. Край дна несколько выступал наружу. Внешняя поверхность была обработана небрежно, она бугристая, кое-где — следы царапин от сглаживания и следы замывки, внутренняя обработана теми же приемами, но значительно глаже. В некоторых местах чешуйками отваливается глина, подмазанная в древности для выравнивания внешней поверхности. В глине — примесь шамота. Высота — 12,4 см, диаметр устья — 16,5 см. Этот горшок стоял на горшке со слабо выраженным, неровно сформованным ребром (рис. 16, 2), с выделенной слегка отогнутой шейкой и с невыступающим краем дна. По шейке и ниже ребра — две опоясывающих полосы из вертикальных вдавлений зубчатого штампа. Внешняя поверхность сглажена вкось зубчатым штампом, потом замыта; внутренняя поверхность также замыта. По шейке заметны следы зубчатого штампа. В глине — примесь песка и шамота. Высота 13,5 см, диаметр 17,4 см. Возле этих сосудов найдено несколько мелких обломков костей и человеческие зубы.

Погребение 3 обнаружено на глубине 0,15 м, в 2,2 м к северу и в 1,5 м к востоку от центра по черепу. Покойник, судя по положению бедер, лежал на правом боку, головой на западо-северо-запад. Череп — затылком вверх, лицевая часть не сохранилась. Неполная правая рука отброшена на 0,3 м к юго-западу. Небольшая часть левой руки — с востока от черепа. В первичном положении сохранились неполные бедренные кости, лежавшие параллельно и показывавшие, что ноги были слабо согнуты. К юго-востоку от черепа стоял склонившийся на бок баночный горшок (рис. 16, 4) правильной формы с почти невыступающим краем дна. Его поверхности заглажены инструментом, оставившим следы; царапины кое-где замыты, сохранились следы пальцем. В глине — примесь шамота. Высота — 11,8 см, диаметр — 14,2 см. В 0,2 м к востоку от колен лежал почти острореберный горшок (рис. 16, 5) неправильных несколько вытянутых пропорций. Край шейки был закруглен; край дна не выступал наружу; формовка профиля небрежна: горшок асимметричен. По невысокой шейке проходил напелный валик. Такой же валик опоясывал горшок по ребру. По валикам — неаккуратные ногтевые вдавления. С одной стороны, по краям древних трещин, — семь дырок, просверленных в древности для починки сосуда. В глине — примесь песка, и, может быть, шамота. Высота — 16,5 см, диаметр — 13 см.

Погребение 4 обнаружено по черепу на глубине около 0,7 м, в 0,3 м к югу и 0,76 м к западу от центра. Это погребение впущено и прорезало выкид

основного погребения. Костяк маленького ребенка лежал головой на северо-запад, в вытянутом положении на спине. Голен у шиколотки перекрещены. Кисти не сохранились.

Погребение 5 было обнаружено на глубине 1,1—1,15 м, в 0,7 м к востоку; яма имела форму четырехугольника, ориентированного с востока на запад, длиной 1,9 м, шириной 0,85 м, глубиной 0,75 м от горизонта. В западном конце ямы сохранилась часть прутьев от поперечного перекрытия. В юго-западном углу и под южной стенкой ямы сохранилась часть подбоя, шириной 0,07—0,15 м. Частью в подбое, частью во входной яме лежал костяк молодого человека, головой на запад, в вытянутом положении, на спине. Правая рука кистью покоилась на лобковом скрещении, у черепа — древесный и растительный тлен. На груди — яйцевидный плоский предмет из черной смолы, острым концом к ногам. Затылок был окрашен красной краской.

Погребение 6 открыто на фоне лёсса (глубина 1,10 м) в 2,2 м к югу от центра. Яма в виде суженного в восточном конце овала была ориентирована с западо-северо-запада на востоко-юго-восток, длиной 1,8 м, шириной 0,55 м, глубиной от горизонта 0,95 м. В западной половине ямы лежал костяк ребенка головой на западо-северо-запад, скорченно, на правом боку. Ноги были почти прижаты к животу. Восточная половина ямы была совершенно свободна.

Погребение 7 обнаружено на глубине 1,15 м, в 3,5 м к северу и 0,4 м к западу от центра на фоне лёсса. Пятно ямы было овальное и ориентировано с востока на запад, длиной 1 м, шириной 0,7 м, глубиной от горизонта — 0,45 м. На дне лежал почти астлевший костяк головой на восток, скорченно, на левом боку. Ноги были согнуты в коленях, так что они приходились против пояса, но не были прижаты к телу. У правого плеча — небольшой кусочек меди (раскрошился). Над погребением лежал кусок гранита величиной в шапку мостовой.

Погребение 8 (основное) находилось прямо под погребением 5 и было обнаружено по контурам ямы (на уровне дна погребения 5). Лёссовый выкид из основной могилы, показавшийся в виде небольших материковых пятен еще на глубине 0,35 м от вершины, на глубине 0,5 м явился полностью: с востока он был расположен на 1—2,5 м от центра и широкой полосой уходил под восточную стенку раскопа, продолжался и в западной половине, на 0,75 м от центра, опирая последний. Южным концом он опускался до древнего горизонта, оказавшегося на глубине 0,70—0,75 м. Толщина лёссового выкида — 0,25—0,50 м. Конец ямы 5 выходил за пределы ямы 8, к западу — на 0,5 м в южной половине ее. Форма ямы — правильный четырехугольник, ориентированный с востока на запад, длиной 1,4 м, шириной 0,9 м, глубиной от горизонта — 2,1 м. На 0,1 м выше дна в обоих концах ямы встречены крупные древесные гнилушки. На дне лежал головой на запад, скорченно, на спине, костяк взрослого мужчины. Согнутые в коленях ноги упали и уперлись в южную стенку. Кисти, грудная клетка, позвоночник и стопы не сохранились. Кости были интенсивно окрашены красной краской.

Погребение 9 открыто на глубине 0,6 м ниже горизонта, в 2 м на север и 2 м на запад от центра. Обнаружена нижняя часть входной ямы. Дно ее имело форму четырехугольника с сильно округленными концами, ориентированного с северо-запада на юго-восток, длиной 1,4 м, шириной 0,9 м, глубиной от го-

ризонта 0,95 м. На дне головой на северо-восток лежал костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку. Руки согнуты в локтях, левая — кистью у таза. Ноги согнуты под острым углом; бедро — под почти прямым углом к позвоночнику. Между концом правой руки и коленями лежали две привески из клыков хищника (рис. 16, б). Устьем шириной в начале 0,55 м и в конце — 1,25 м, имевшем длину с востока на запад 0,55 м, входная яма вела в катакомбу яйцевидной формы с острым концом, обращенным на север; она была ориентирована с севера на юг, длиной 2,5 м, шириной — 2 м, глубиной от древнего горизонта 1,4 м (от центра 2,10 м). Дно катакомбы на 0,55—0,60 м ниже дна входной ямы. Свод ее обвалился: от этого до глубины 0,8 м от горизонта земля была сильно перемешана. На дне лежали два костяка подростков. Костяк 1 (юноши) лежал вдоль восточной стенки катакомбы, вытянуто, на спине, головой на северо-северо-запад. Череп — на правой щеке, лицом прямо на запад. Верхняя часть туловища слегка склонилась на правый бок. Лобная и теменная кости и фаланги рук сильно окрашены в красный цвет. Под головой и стопами дно ямы интенсивно окрашено той же краской. В 20 см к юго-юго-западу от лица скелета № 1 — яркое пятно краски диаметром в 10 см. Оно приходилось между черепами обоих скелетов.

Костяк 2 (девушки?) лежал на середине катакомбы головой на север, в вытянутом положении, на спине. Череп его — в 0,3 м на юго-запад от черепа скелета 1. Весь второй костяк лежал на оси катакомбы, на 0,4 м южнее костяка 1. Череп — на правой щеке, лицом на запад. Правая рука вытянута, кисть находилась на верхней части бедра, левая — согнута в локте и лежала кистью на лобковом скрещении. Ноги вытянуты и повернуты лятами внутрь. На затылке и голенях — слабые следы красной краски. Дно ямы было покрыто растительной тканью или циновкой; сохранился тлен коричневого цвета; оба костяка лежали прямо на подстилке.

Погребение 10 открыто на глубине 0,65 м от вершины, в 4,5 м к югу от центра. Костяк подростка лежал головой на востоко-юго-восток, в сильно скорченном положении, на левом боку. Руки — согнуты и прижаты к груди. Ноги прижаты к животу и пригнуты вплотную голенями к бедрам. Кости очень низкой сохранности.

Погребение 11 открыто на глубине 0,65 м, в 3,75 м к югу и в 1 м к востоку от центра. Костяк лежал головой на восток, в сильно скорченном положении, на левом боку. Колени — почти у лица, ноги — согнуты вплотную. Костяк сохранился лишь частично.

Курган, как это показывает выкид, был насыпан над погребением 8, принадлежащем древнейшей стадии ямной культуры. Погребения 6, 7, 10 и 11 (выпускные), частично в грунте, частью в черноземе древней почвы, сильно скорченные на боку, вероятнее всего, принадлежат позднейшей стадии ямной культуры. Особенно на это указывают сильная скорченность и отсутствие инвентаря. Последним они отличаются от погребений срубной культуры. К катакомбной культуре, вероятно, относится погребение 4, вытянутое, со скрещенными голенями. Погребение 5, также вытянутое и к тому же окрашенное, интересно положением в узком и неглубоком подбое. Погребение 9 представляет собой классическую по форме катакомбу со своеобразным погребением скорченного костяка во входной яме. Отнести совершенно расстроенное погребение 1 к бронзовому веку рискованно.

1946 г. Курган 5 (по плану 23)

Курган сильно деформирован распахкой (рис. 19, 1). Высота над уровнем поля 0,2 м. Высота от горизонта — 0,35 м. Диаметр — 13 м. В насыпи найдено довольно много отдельных ребер, зубов и частей черепа людей, две кости коровы. К юго-западу от центра — несколько кусков гранита. Все это не образывало сколько-нибудь определенных групп. К северо-западу от центра в насыпи, на разных глубинах, было разбросано много мелкого гранита.

Погребение 1 обнаружено по баночному горшку (рис. 17, 1) со слегка отогнутым и скругленным краем и выступающим наружу краем дна. Внутри дно выпукло. Поверхности небрежно заглажены и заматы, кое-где внешняя поверхность выкрошилась. В глине очень много шамота. Высота 8 см, диаметр устья — 10 см. Горшок стоял на глубине 0,3 м, в 1,75 м на юг и 2,25 м на запад от центра. Около него лежала очень неполная черепная коробка ребенка, теменем на запад.

Погребение 2 обнаружено на глубине 0,3 м по человеческим костям, в 3,4 м на юг от центра. Покойник лежал головой на северо-восток, скорченно, на правом боку. Костяк почти не сохранился. Ноги согнуты в коленях и сильно поджаты. У затылка стоит баночный горшок (рис. 17, 2) с закругленным краем устья и сильно выступающим краем относительно широкого дна. Его поверхности, вероятно, заглажены травой, вследствие чего остались направленные вкось характерные царапины. В глине примесь шамота. Высота 11,4 см, диаметр устья — 15 см.

Погребение 3 (рис. 19, 2) было обнаружено на глубине 0,5 м, в 0,9 м к югу и 3,5 м к западу от центра. Покойник лежал головой на восток, скорченно, на левом боку. Костяк почти не сохранился. От рук сохранились плечевые кости, обращенные к животу. Сохранилась правая нога, сильно согнутая и поджатая к животу. Перед подбородком — небольшой баночный горшок (рис. 17, 3) приземистых пропорций с почти прямыми, расширяющимися кверху стенками. Верхний край был закруглен, край дна не выступал. Его поверхности заматы; на них сохранились следы пальцев. На поверхности — слой нагара, очевидно, горшок долго употреблялся в быту. В глине — примесь шамота. Высота сосуда — 7,8 см, диаметр устья — 14 см.

Погребение 4 обнаружено на глубине 0,5 м, в 1,6 м на север и 1,9 м на восток от центра. Найдены части черепной крышки и два коренных зуба; к западу от них лежал на боку горшок (рис. 17, 4) со слабовыраженным кое-где закругленным ребром и почти прямой округлой по краю шейкой. Край дна не выступал наружу. Внешняя поверхность замата, ниже ребра в некоторых местах наблюдались вертикальные царапины; внутренняя поверхность замата горизонтально, заметны следы пальцев. В глине — примесь шамота. Высота — 11 см; диаметр устья — 14 см.

Погребение 5 было обнаружено на глубине 0,5 м, в 0,1 м на юг и в 1 м на восток от центра, по баночному горшку (рис. 17, 5) строгой формы с закругленным краем и не выступающим дном. На внешней поверхности — следы легкого лощения, выполненного по небрежной заматке; внутренняя поверхность

замата. В глине — примесь шамота. Высота — 10,7 см, диаметр — 11,5 см. Вместе с горшком было найдено пять фрагментов крупного сосуда со слегка отогнутой шейкой и выпукло закругленными боками. Край шейки плоско срезан и в некоторых местах выдавался в виде острого бортика. В верхней части сосуда — орнамент, представлявший собой беспорядочно расположенные линии, нанесенные тонким нарезом. Вокруг них разбросаны остатки истлевших человеческих костей, по которым совершенно не было возможности определить положение покойника.

Погребение 6 обнаружено на глубине 0,5 м, в 0,1 м на север и 2 м на восток от центра, по небольшому баночному горшку (рис. 17, 6) с почти прямыми, расширяющимися кверху стенками, с одной стороны более, с другой — менее высокими. Его край закруглен, край дна кое-где немного выступал наружу. Поверхности — бугристые и небрежно заматы. В глине — примесь шамота. Максимальная высота — 8 см, диаметр устья — 11,3 см. К югу от горшка — обломки черепа ребенка и зуб, по которому невозможно было определить положение покойника.

Погребение 7. На глубине 0,55 м, в 0,15 м на юг и 2,35 м на восток от центра, обнаружен баночный горшок (рис. 17, 7), сформованный небрежно: его профиль ассиметричен. Край устья был закруглен, край дна не выступал наружу. Обе поверхности были плохо заглажены и заматы, сохранность их плохая, в некоторых местах — довольно значительные выщерблины. В глине — много песка. Высота — 7 см, диаметр устья — 11 см. Костей при сосуде не оказалось. Погребение ли это, как предполагалось до его расчистки, или одиночно стоявший горшок, осталось неизвестным.

Погребение 8. На глубине 0,7 м, в 0,5 м на юг и 2,35 м на восток от центра обнаружено по баночному горшку (рис. 17, 8), сильно ассиметричному, с одной стороны его стенки были почти прямыми, с другой — выпуклыми. Край устья закруглен, край дна неравномерно выступал наружу. Внешняя бугристая поверхность замата; от этого заметны следы пальцев; внутренняя поверхность заглажена плоским инструментом. В глине — примесь шамота. Высота — 9,4 см, диаметр устья — 12 см. От костяка сохранились бедро, берцовая кость и фаланги стопы человека в беспорядке. Они находились к северо-западу от горшка.

Погребение 9. На глубине 0,65 м, в 1,5 м на север и 0,8 м на восток от центра, найдены кости человеческого черепа, по которым видно, что костяк лежал головой на восток (лицом на юго-восток). При нем к северу — баночный горшок (рис. 17, 9) с почти прямыми расширяющимися кверху стенками, закругленным краем и несколько выступающим наружу краем дна. Поверхности горшка заматы, но бугристость и неровности не сглажены. Внутри (на дне) — крестообразный знак, выполненный путем наклепа двух валиков глины, выпуклых и остросереберных (треугольных в сечении) (рис. 17, 10). В глине — примесь шамота. Высота — 7,4 см, диаметр устья — 11 см.

Погребение 10 — позднечеловеческое.

Погребение 11/12 — скифское.

Погребения 1—9 — все с типичными сосудами срубной культуры. Какое из них основное, совершенно неясно.

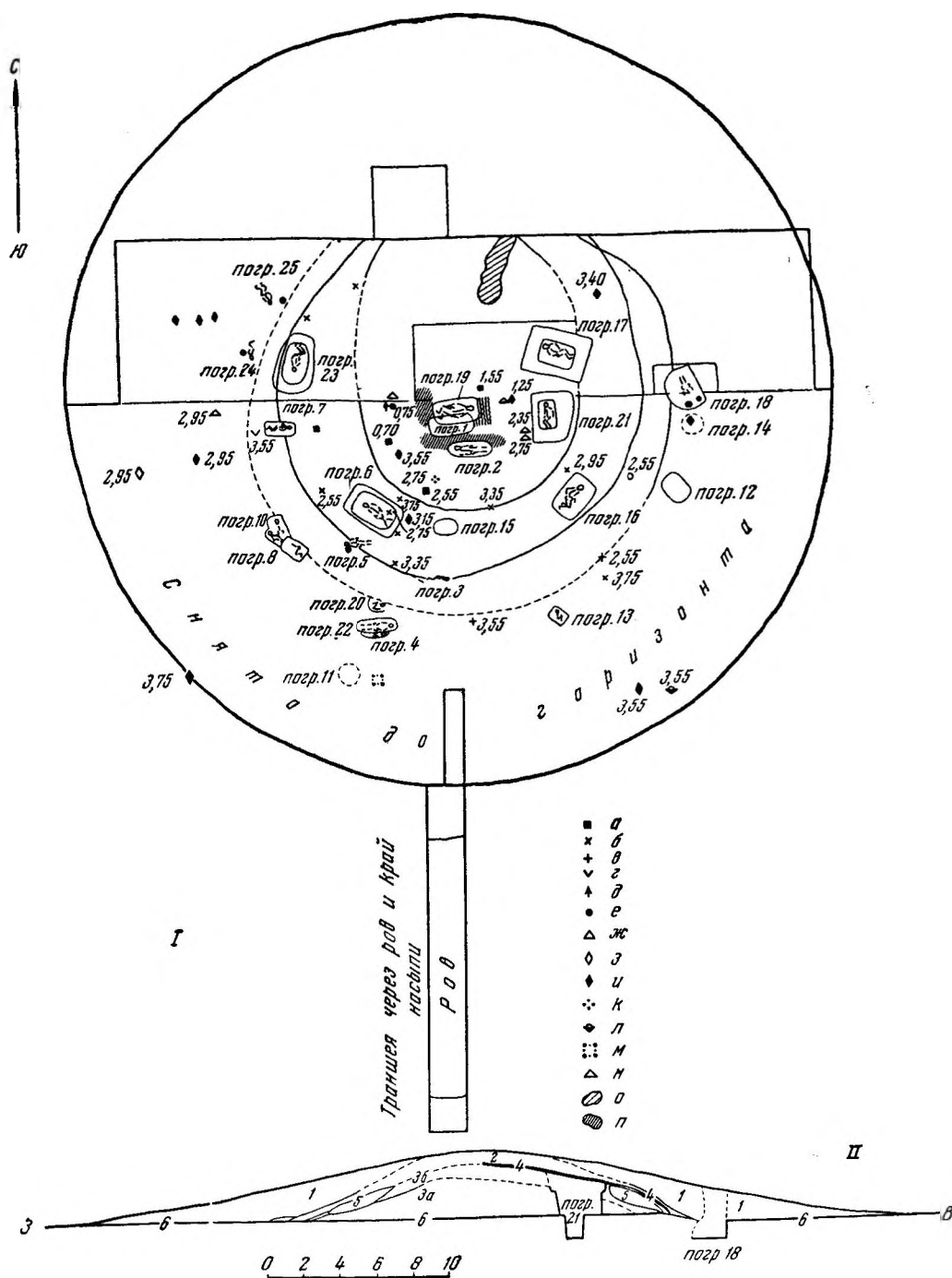
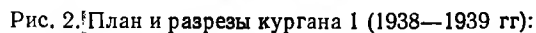

Рис. 1. План и разрез кургана 3 (1937 г.):

I — план кургана (а — каменная плита; б — кость лошади; в — кость коровы; г — кость овцы; д — железная стрела; е — неопределенные человеческие кости, дерево; ж — кремь; з — греческая керамика; и — местная керамика; к — угли; л — бронзовая бляшка; м — куча кусков краски; н — цинковка; о — современная зерновая яма; п — выкид; цифры около условных знаков обозначают глубины);

II — разрез кургана по направлению З—В (1 — внешняя насыпь; 2 — средняя насыпь; 3а — внутренняя насыпь; (основной слой под лёссовой прокладкой); 3б — внутренняя насыпь (внешний слой); 4 — поверхностный слой на древнейшей насыпи; 5 — лёссовая обкладка древнейшей насыпи; 6 — линия горизонта)

1 — план кургана (1 — кости крупного грызуна; 2 — верхняя челюсть коровы; 3 — то же; 4 — часть черепа коровы; 5 — обломок верхней челюсти коровы; 6 — бабка коровы; 7а — осколок кремня; 7б, 8, 11 — фрагменты сосудов; 9 — раковина *Unio*; 10 — осколок кремня; 12 — гранитная плитка; 13—15 — куски гранита; 16 — бабка быка; 17 — копыто лошади; 18 — фрагмент сосуда; а — граница внутренней насыпи; б — видимая граница кургана и линия раскопа; в — камышовый настил; г — выкыл из могилы; д — камни; е — сосуд; II — профиль по линии С—Ю (а — выкыл из канавы; б — тростник; в — глина; выкыл; д — черепом выкыл; д — затоптанный лёсс; е — линия горизонта); III — профиль по линии 3—В

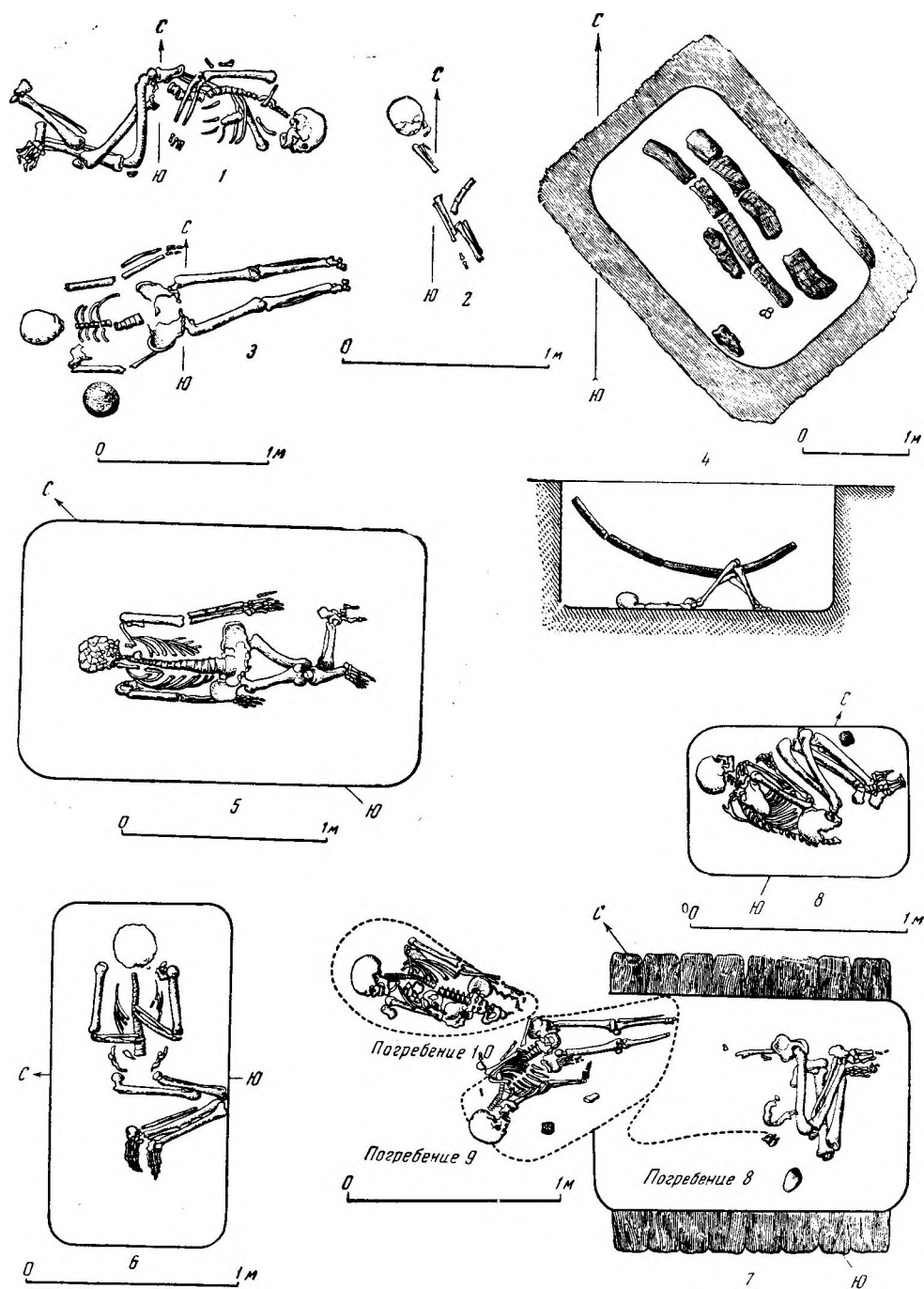

Рис. 3. Курган 3 (1937—1938 гг.). Планы погребений 3—13:

1 — погребение 3; 2 — погребение 4; 3 — погребение 5; 4 — погребение 6 (план сверху и продольный разрез);
5 — погребение 6 (план на дне ямы); 6 — погребение 7; 7 — погребения 8—10; 8 — погребение 13

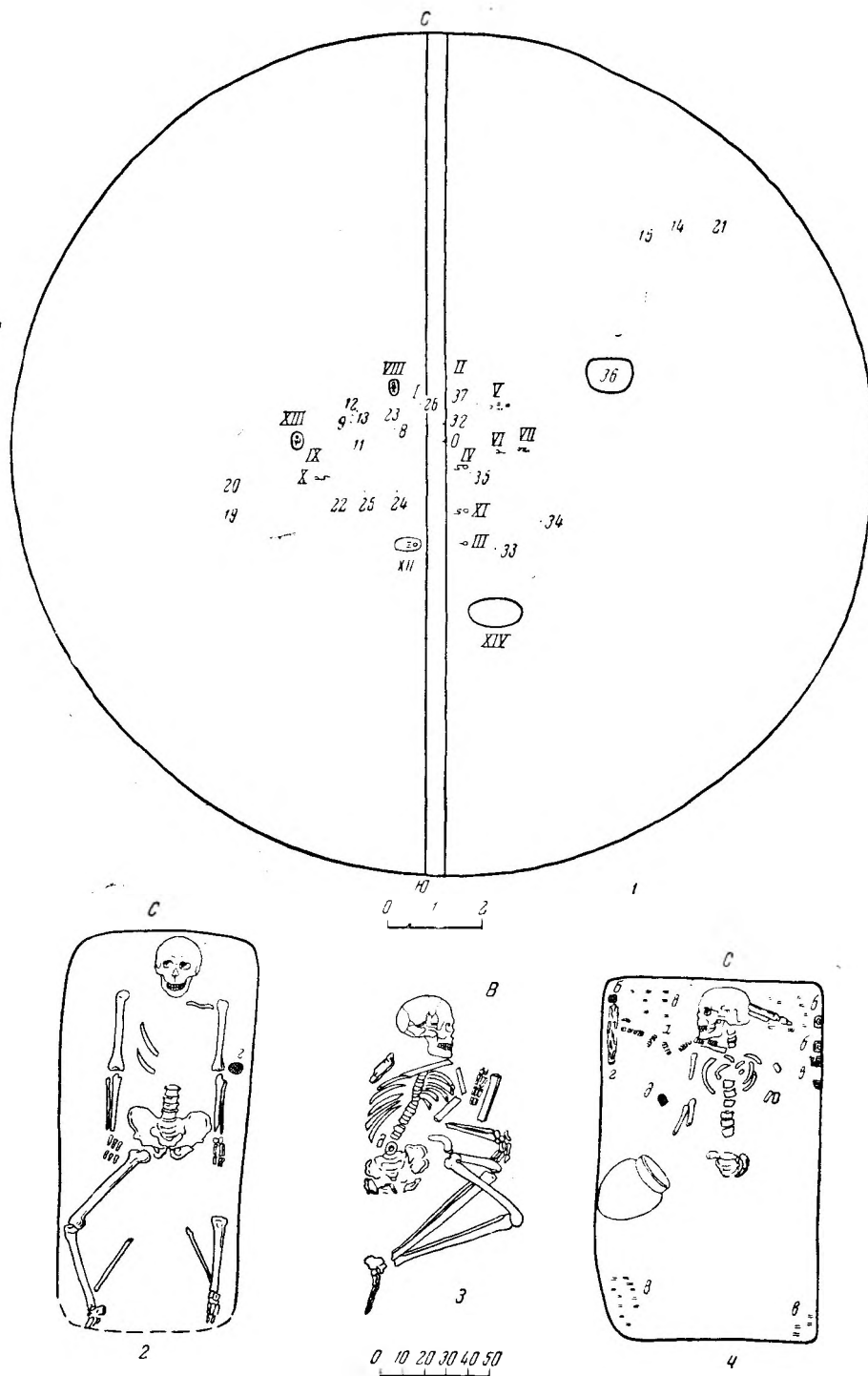

Рис. 4. Планы кургана 1 (1945 г.) в группе «Серко» и его погребений:

1 — план кургана (номера погребений даны римскими цифрами; номера находок — арабскими); 2 — план погребения 8; 3 — план погребения 11; 4 — план погребения 13 (а — костяные бусины; б — столбики; в — уголки; г — красная краска; д — костяная пряжка)

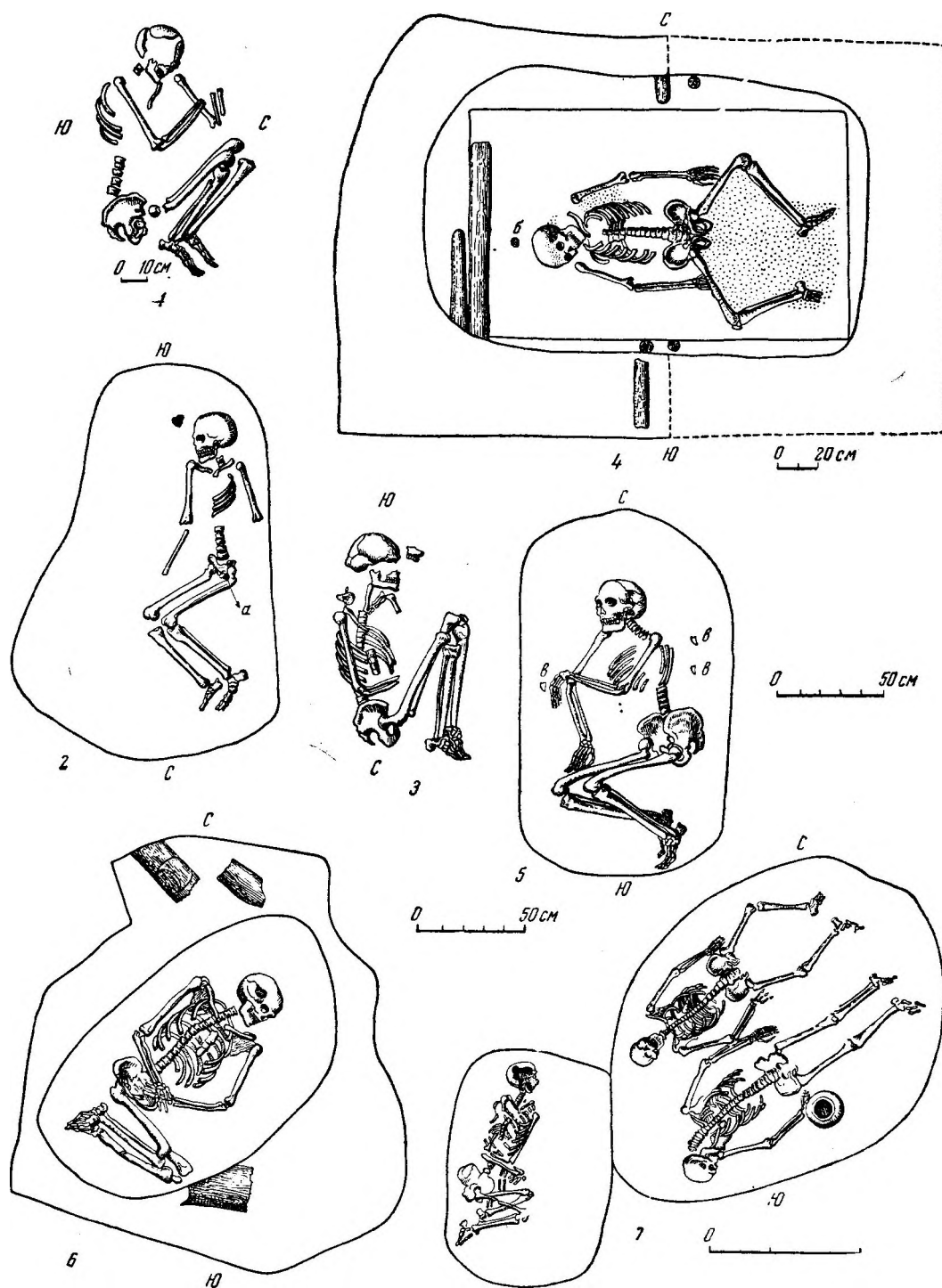

Рис. 5. Планы погребений 5—13 кургана 1 (1938—1939 гг.):

1—план погребения 5; 2—план погребения 6; 3—план погребения 7 : 1; 4—план погребения 7 : 2; 5 — план погребения 8; 6 — план погребения 10; 7 — планы погребений 11—13; а — камешек; б — комок красной краски; в — копытца овцы

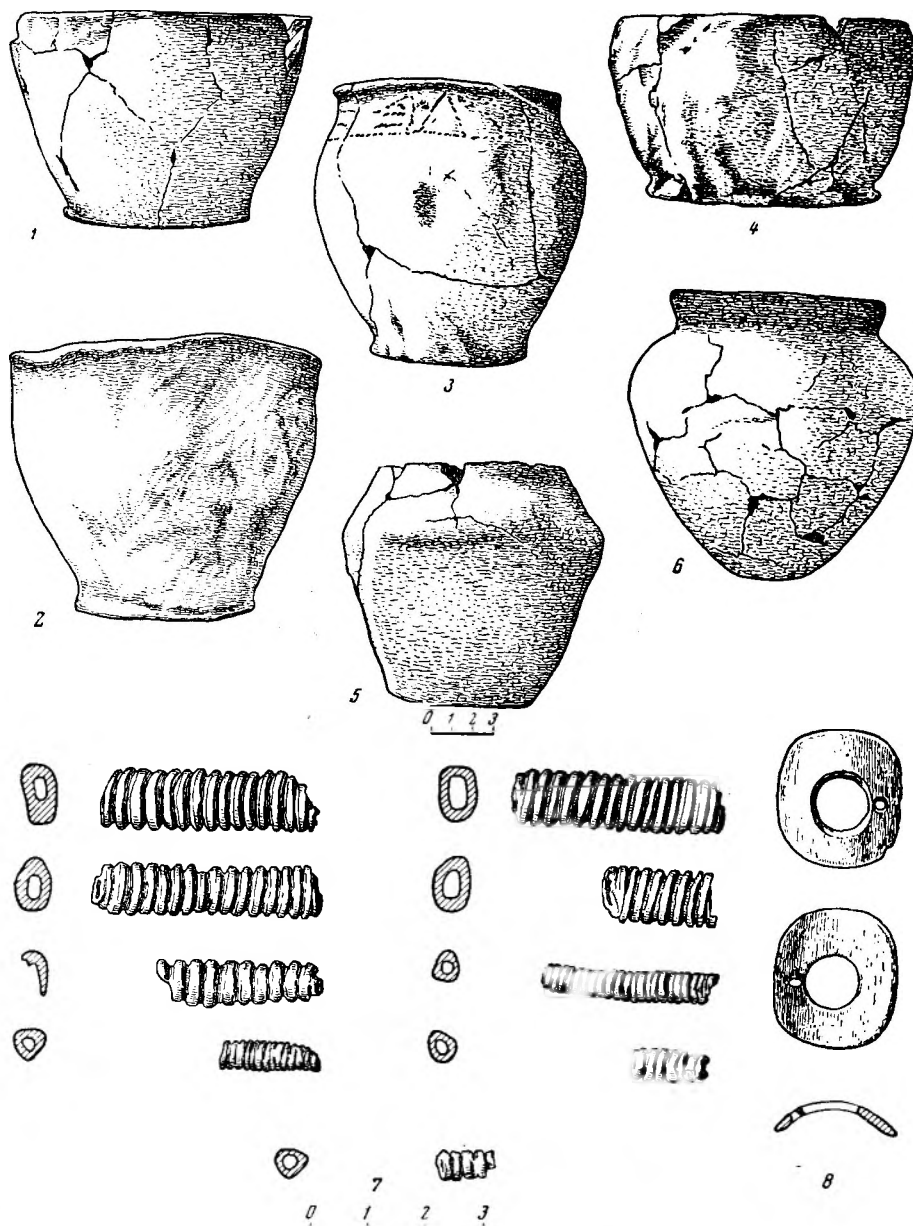

Рис. 6. Сосуды и другие вещи из кургана 1 (1945) г. в группе «Серко»:

1, — баночный сосуд из насыпи; 2 — баночный сосуд из погребения 2; 3 — сосуд из погребения 4; 4 — баночный сосуд из погребения 7; 5 — острореберный сосуд из погребения 10; 6 — круглодонный сосуд из погребения 13; 7 — девять костяных бусин и провизей оттуда же; 8 — костяная застежка из погребения 11

Рис. 7. Вещи, найденные в кургане 3 (1937—1938 гг):

1 — горшок из погребения 5; 2 — кремневый вкладыш для серпа (?) из погребения 12; 3 — детский глиняный рожок из погребения 14; 4 — костяное кольцо из погребения 18; 5 — брусok или пест из погребения 19; 6 — костяной игрушечный топорик из [погребения 21; 7 — горшок из погребения 24; 8 — горшок из погребения 25

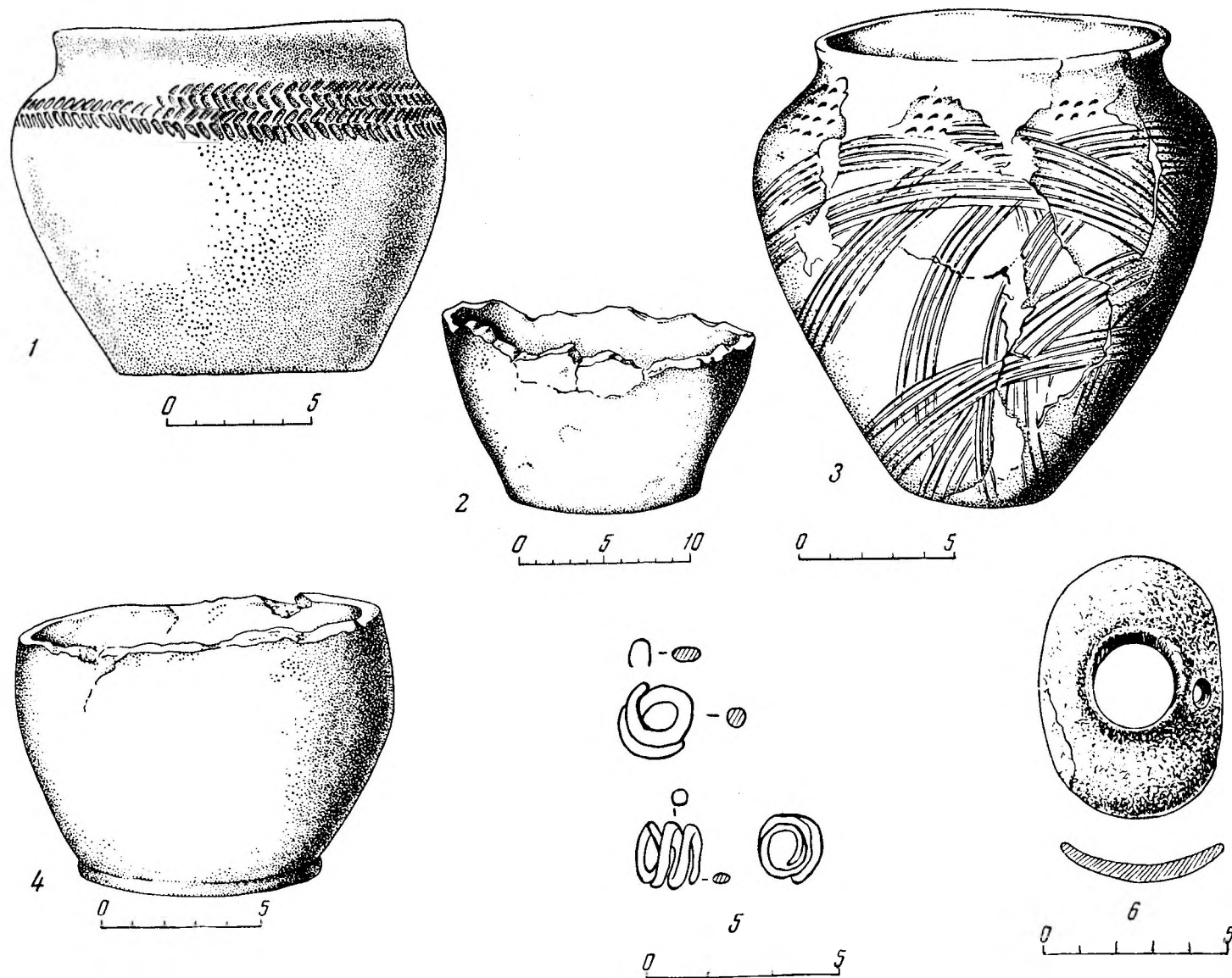

Рис. 8. Сосуды и вещи из кургана 1 (1938—1939 гг.):

1 — горшок из катакомбы 11—13; 2 — горшок из погребения 22; 3 — горшок из погребения 28; 4 — баночный сосуд из погребения 29;
5 — серебряные височные кольца из погребения 15; 6 — костяная застёжка из погребения 22

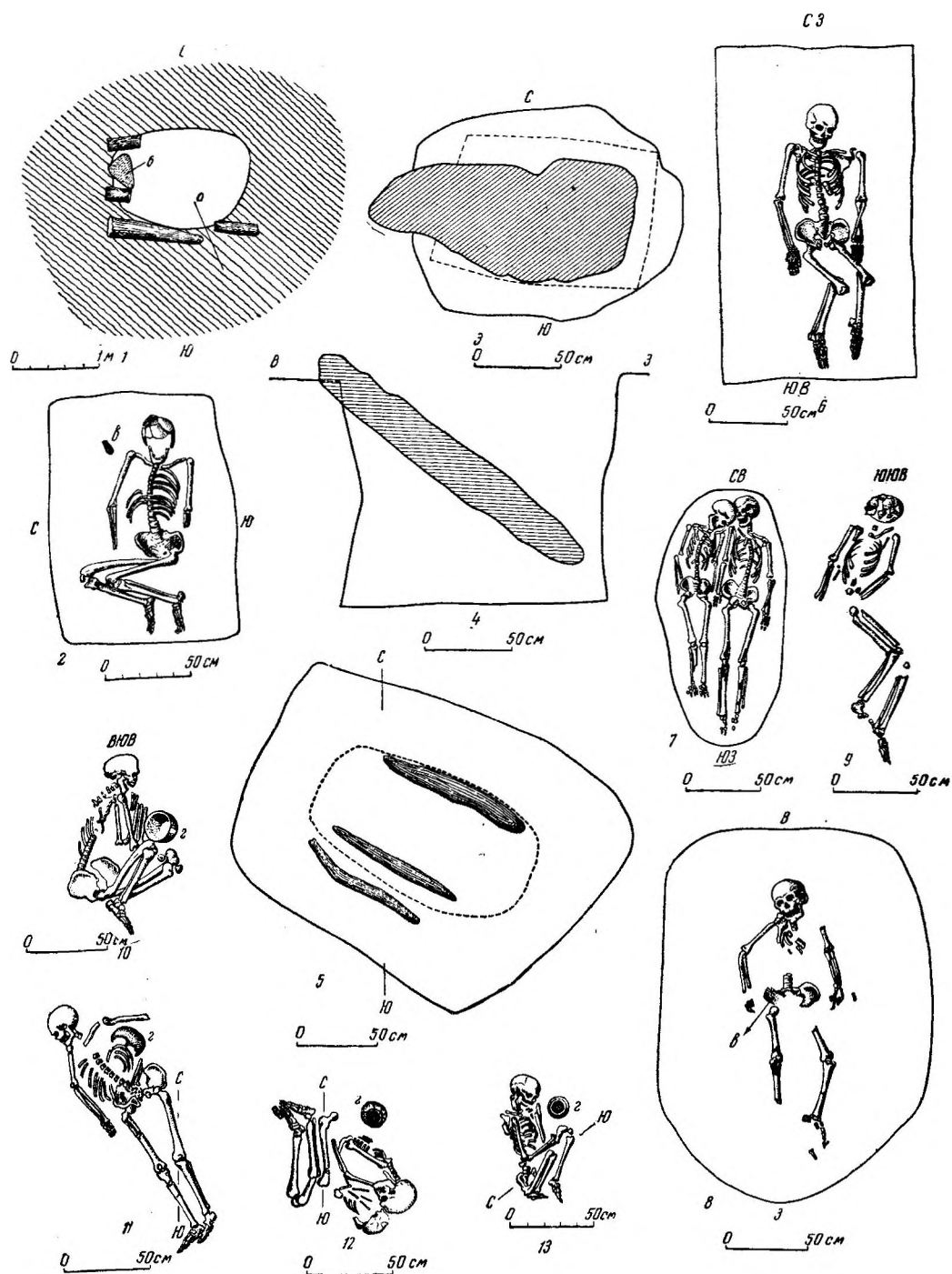

Рис. 9. Планы погребений 14—29 кургана 1 (1938—1939 гг.):

1 — план могилы 14 на горизонте; 2 — план погребения 14; 3 — могила 14, каменная плита в плане; 4 — разрез могилы 14 вместе с плитой; 5 — план могилы 15 сверху; 6 — ее же план на дне; 7 — план погребения 16; 8 — план погребения 17; 9 — план погребения 21; 10 — план погребения 22; 11 — план погребения 26; 12 — план погребения 28; 13 — план погребения 29 (а — камышовая обкладка; б — камень; в — куски красной краски; з — сосуд; д — костяной кружок)

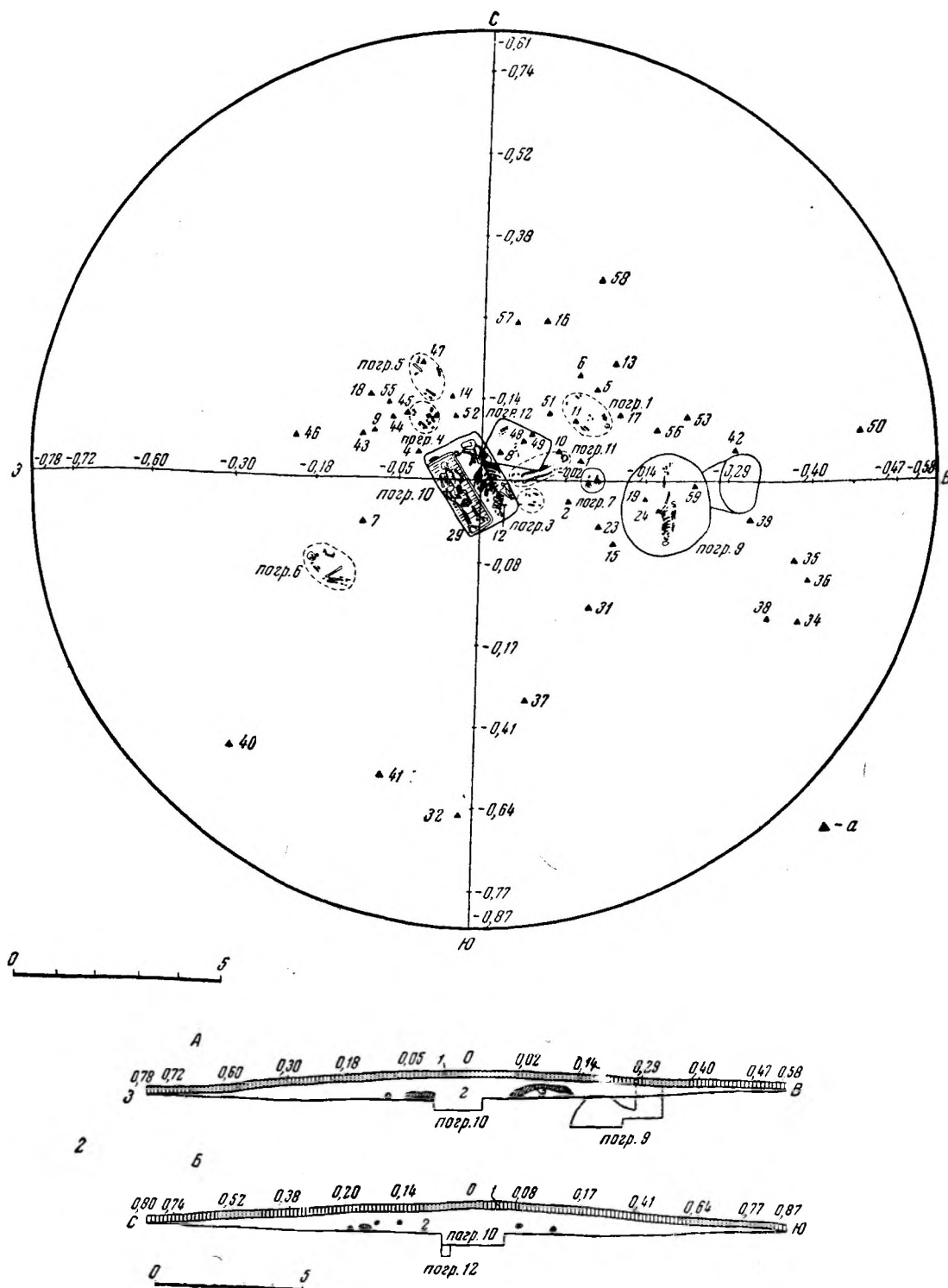

Рис. 10. План и разрезы кургана 1 (1940 г.):

- 1 — план кургана (а — мелкие фрагменты костей и керамики; погребение 2 находилось в насыпи над погребением 9; погребение 8, совершенно разрушенное погребением 10, находилось над его серединой);
 2 — разрезы кургана 1: А — разрез по линии З—В; Б — разрез по линии С—Ю (1 — пахотный слой; 2 — насыпь кургана; 3 — выкид)

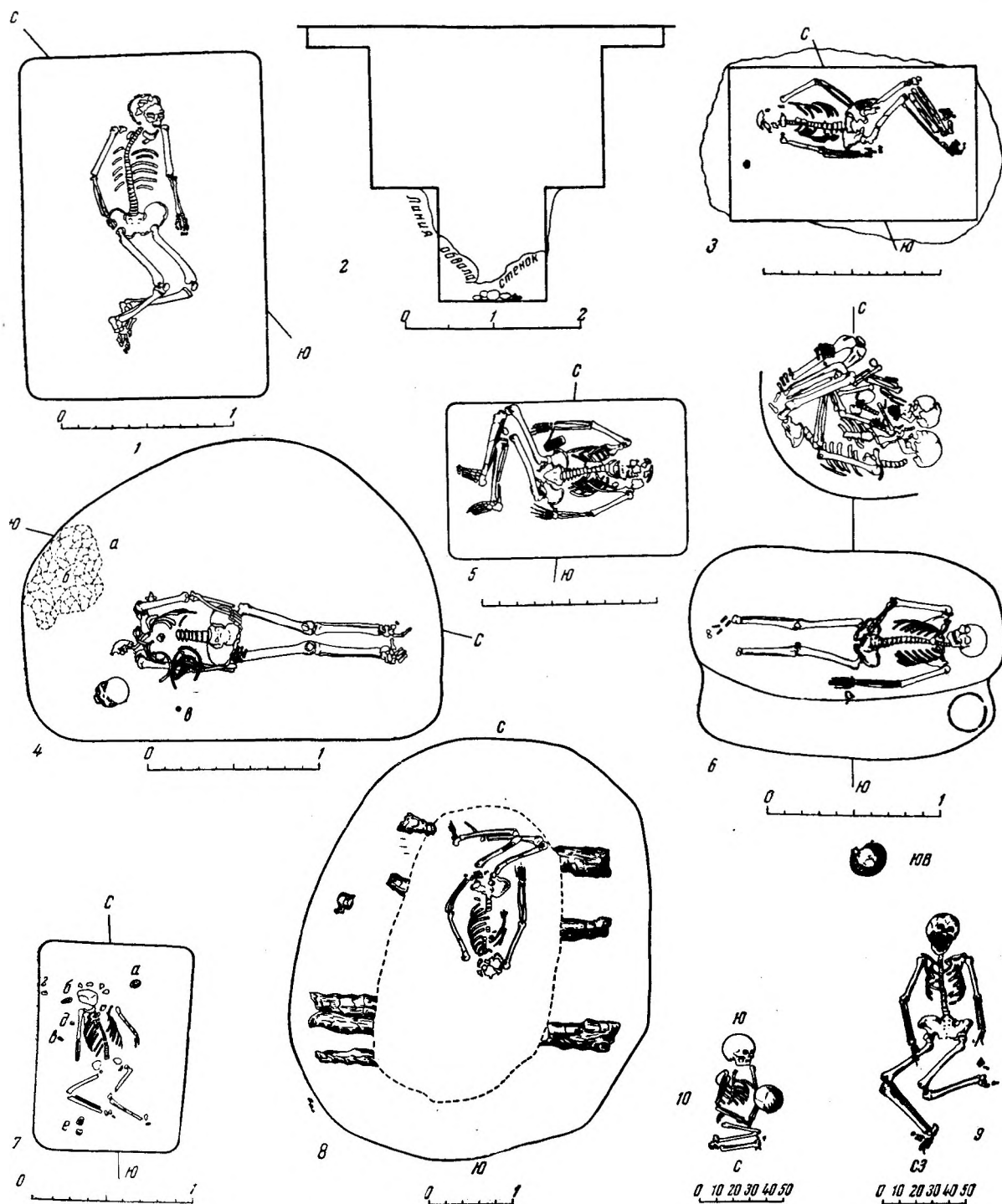

Рис. 12. Курган 3 (1937—1938 гг.). Планы погребений 16—25:

1 — план погребения 16; 2 — разрез погребения 17; 3 — план погребения 17; 4 — план погребения 18 (а — зубы ребенка; б — разбитый сосуд; в — костяное кольцо); 5 — план погребения 19; 6 — план погребений 20 и 22; 7 — план погребения 21 (а, б — краска; в — кремнь; г — астрагал; д — костяное кольцо; е — костяной топорик); 8 — план погребения 23; 9 — план погребения 24; 10 — план погребения 25

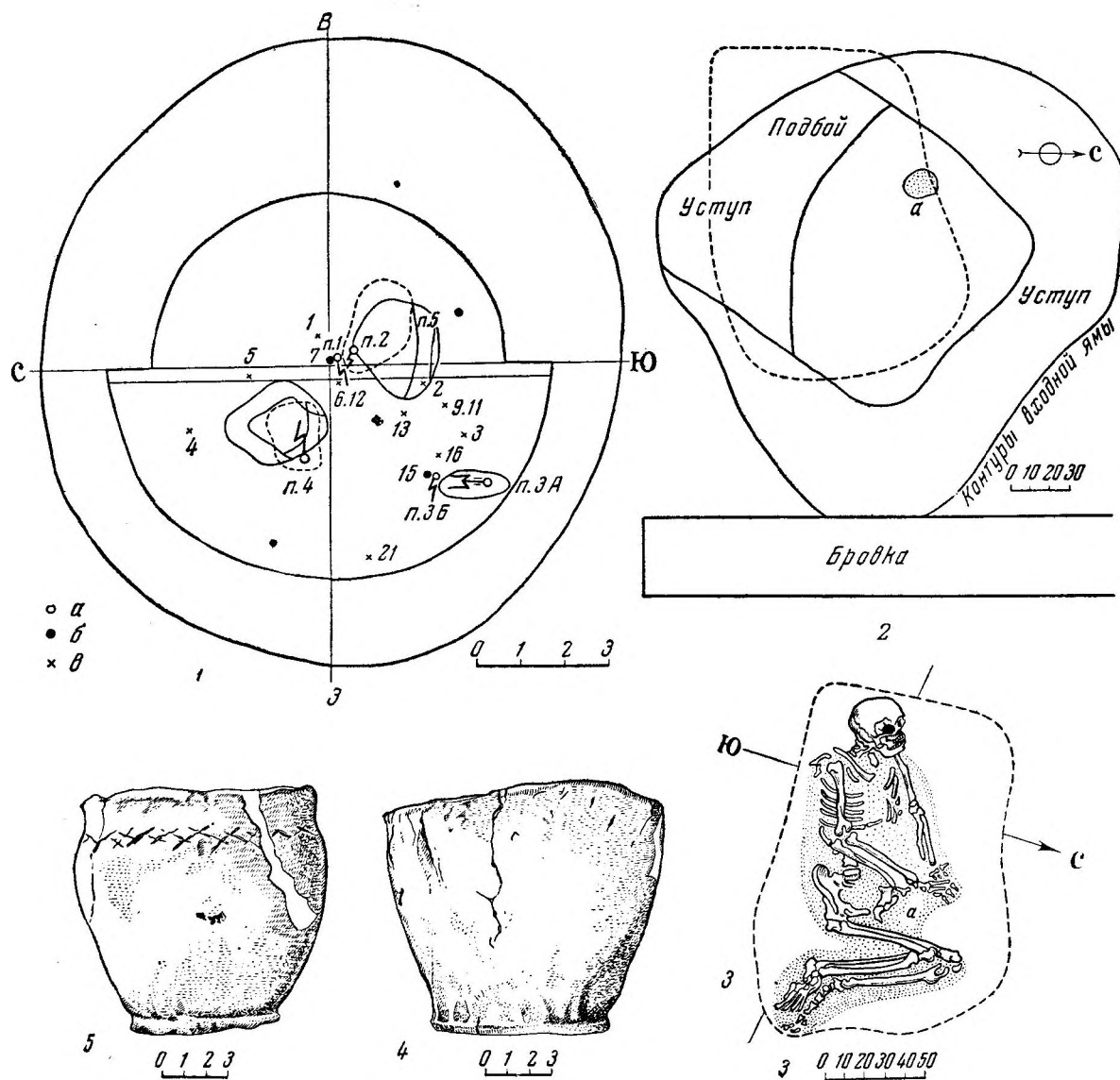

Рис. 13. Планы кургана 2 (1946 г.) группы «Серко» и сосуды из кургана:

1 — план кургана 2 (а — погребение; б — горшок; в — отдельная находка); 2 — план ямы погребения 4 (а — зольное пятно); 3 — план погребения 4 на дне ямы (а — краска); 4 — сосуд из погребения 1; 5 — сосуд из погребения 3б

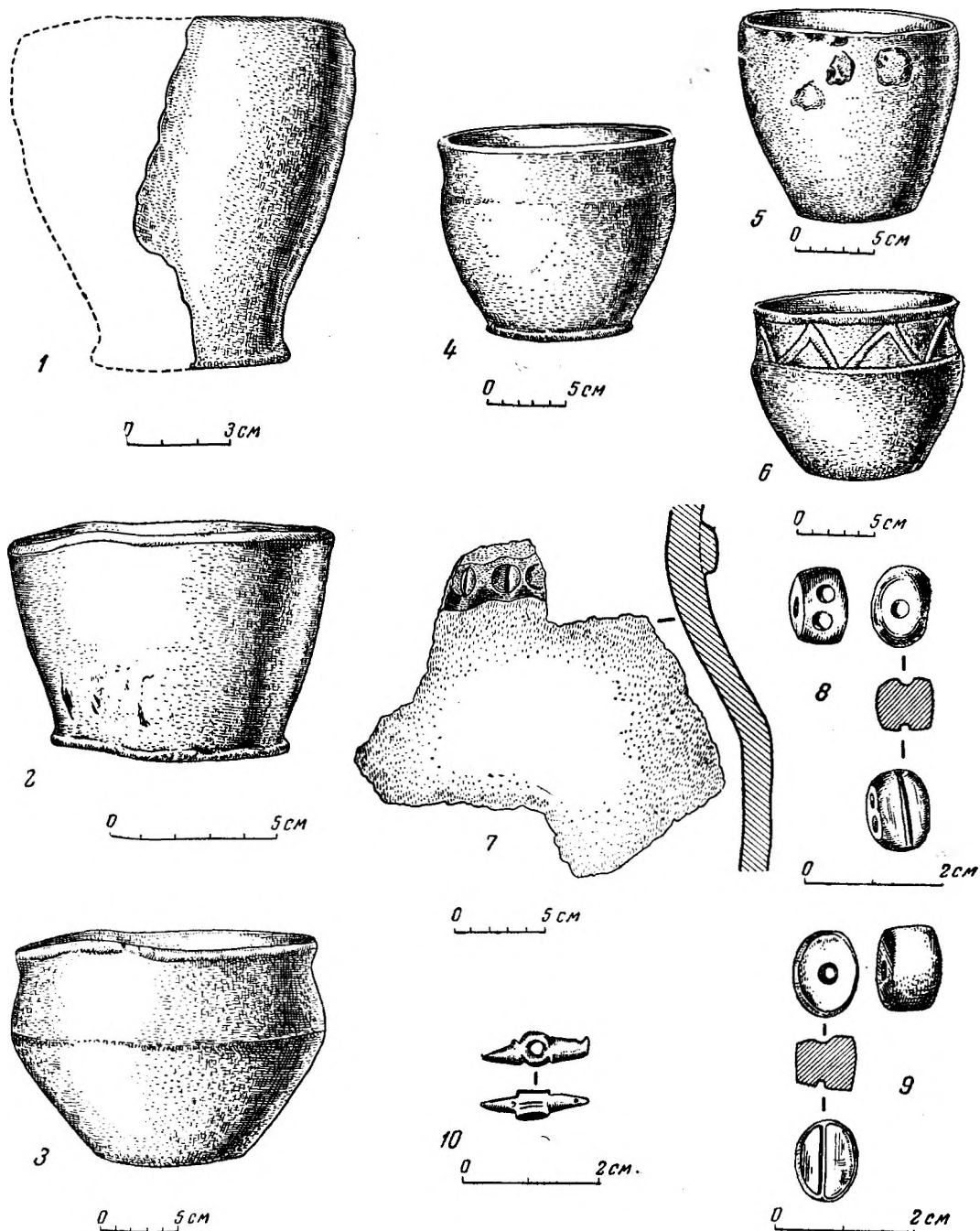

Рис. 14. Сосуды и мелкие вещи из кургана 1 (1940 г.):

1 — баночный сосуд из погребения 1; 2 — баночный сосуд из погребения 3; 3 — острореберный сосуд из погребения 4; 4 — острореберный сосуд из погребения 8; 5 — баночный сосуд из погребения 11; 6 — острореберный сосуд из насыпи кургана; 7 — крышка сосуда из насыпи; 8, 9 — игральные кости из погребения 9; 10 — бронзовая бусина из насыпи

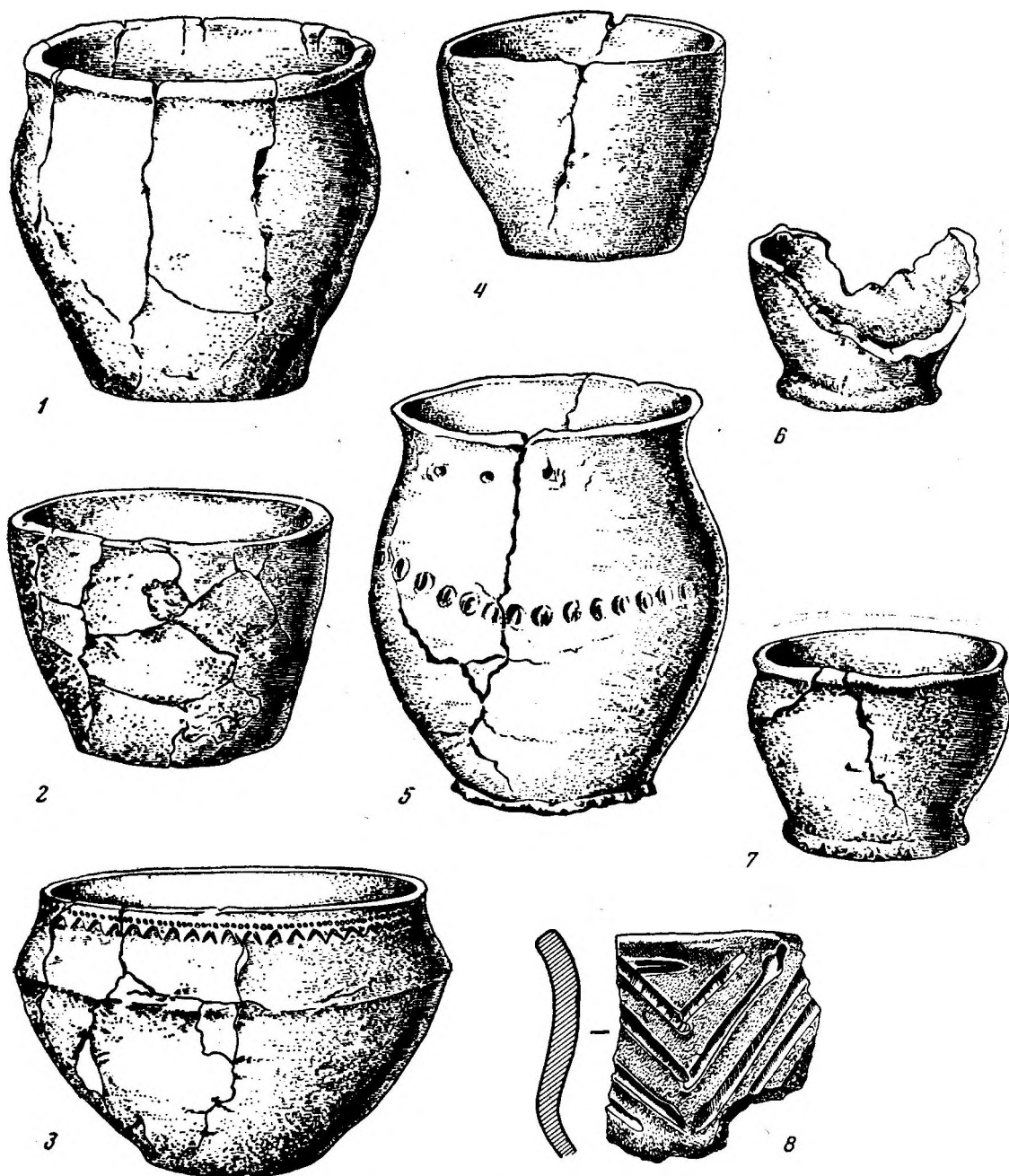

Рис. 15. Сосуды из кургана 3 (1939 г.):

1 — сосуд из погребения 16; 2 — сосуд из погребения 1а; 3 — остроресберный сосуд из погребения 3; 4 — баночный сосуд оттуда же; 5 — сосуд черноресберного типа из погребения 10; 6 — баночный сосуд из насыпи кургана; 7 — сосуд оттуда же; 8 — фрагмент горшка из насыпи

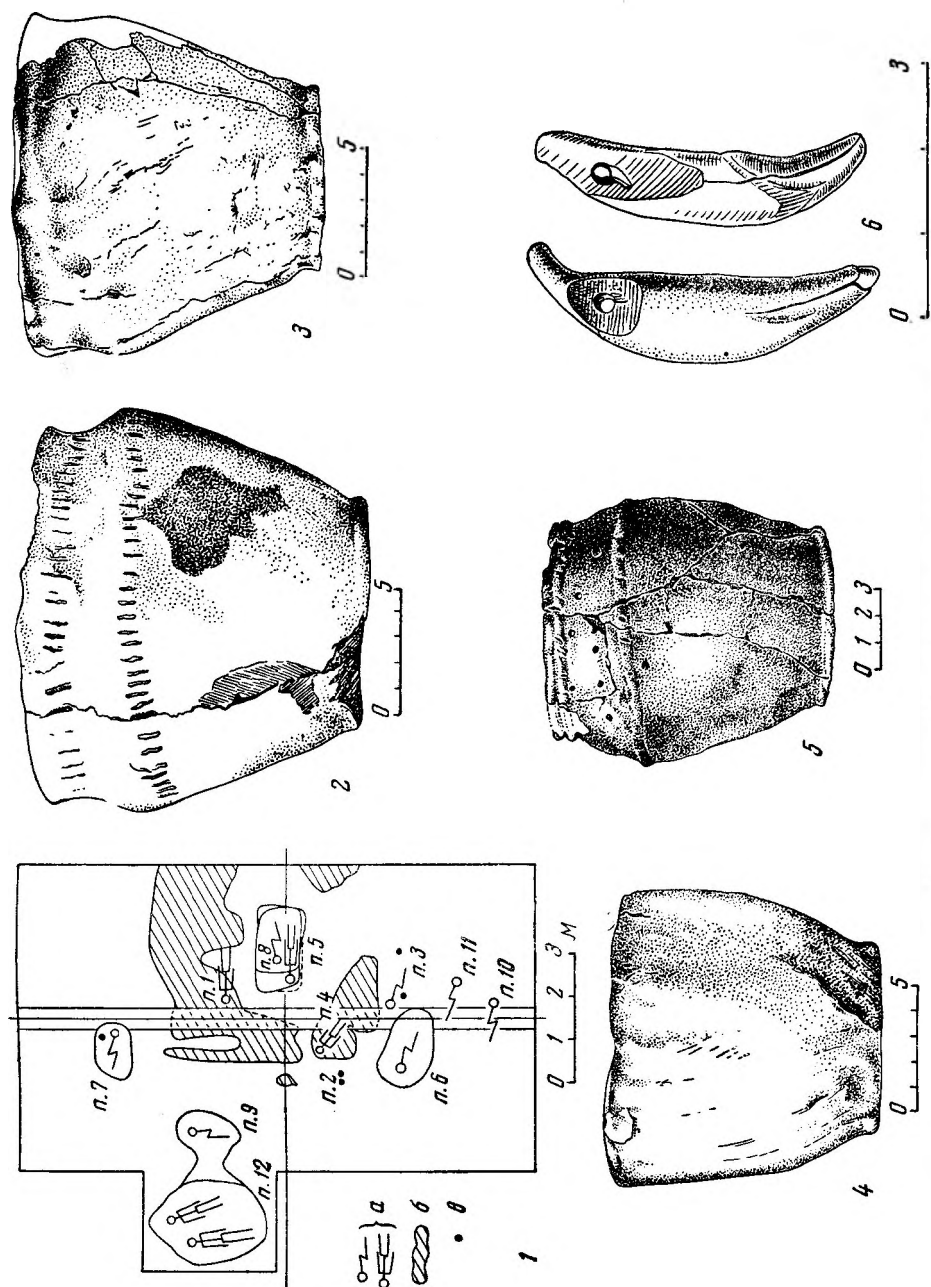

Рис. 16. План кургана 3 (1946 г.) группы «Серко» и вещи из него:

1 — план раскопа кургана (а — погребения; б — лицевой выкід; в — находка керамики); 2, 3 — сосуды из погребения 2; 4 — сосуд из погребения 3; 5 — сосуд с валиками из погребения 3; 6 — подвески из клыков хищника из погребения 9

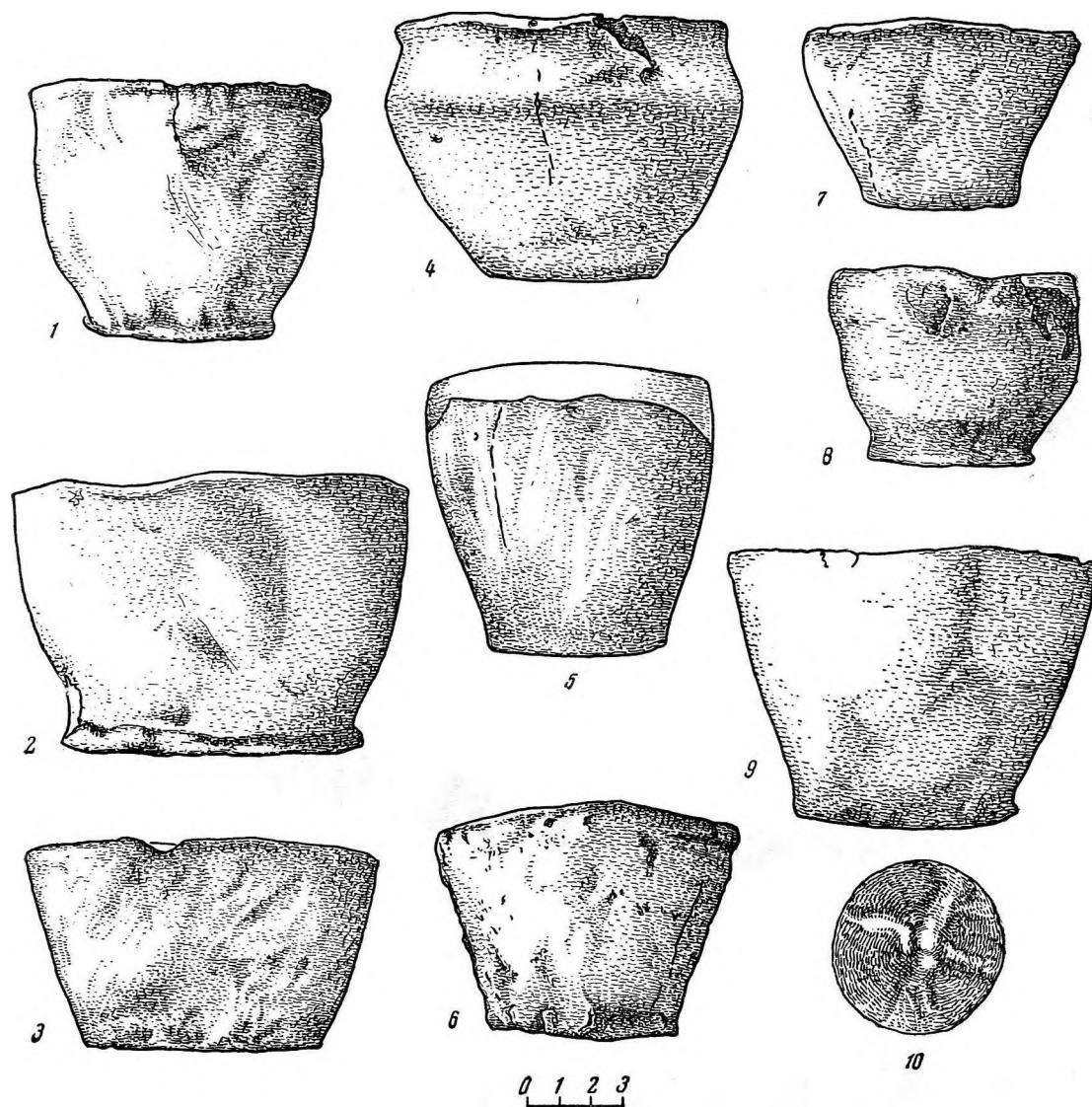

Рис. 17. Баночные сосуды из кургана 5 (1946 г.) группы «Серко»:

1 — из погребения 1; 2 — из погребения 2; 3 — из погребения 3; 4 — из погребения 4; 5 — из погребения 5; 6 — из погребения 6; 7 — из погребения 7; 8 — из погребения 8; 9 — из погребения 9; 10 — дно сосуда (изнутри) из погребения 9

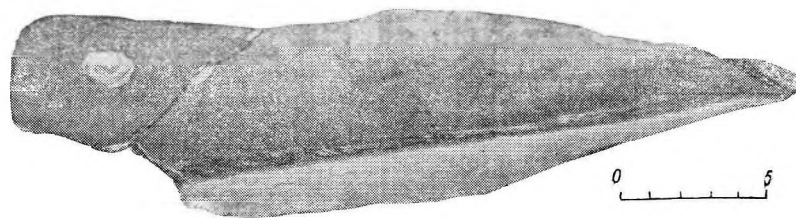

Рис. 18. Костяная мотыга из кургана 1 (1940 г.)

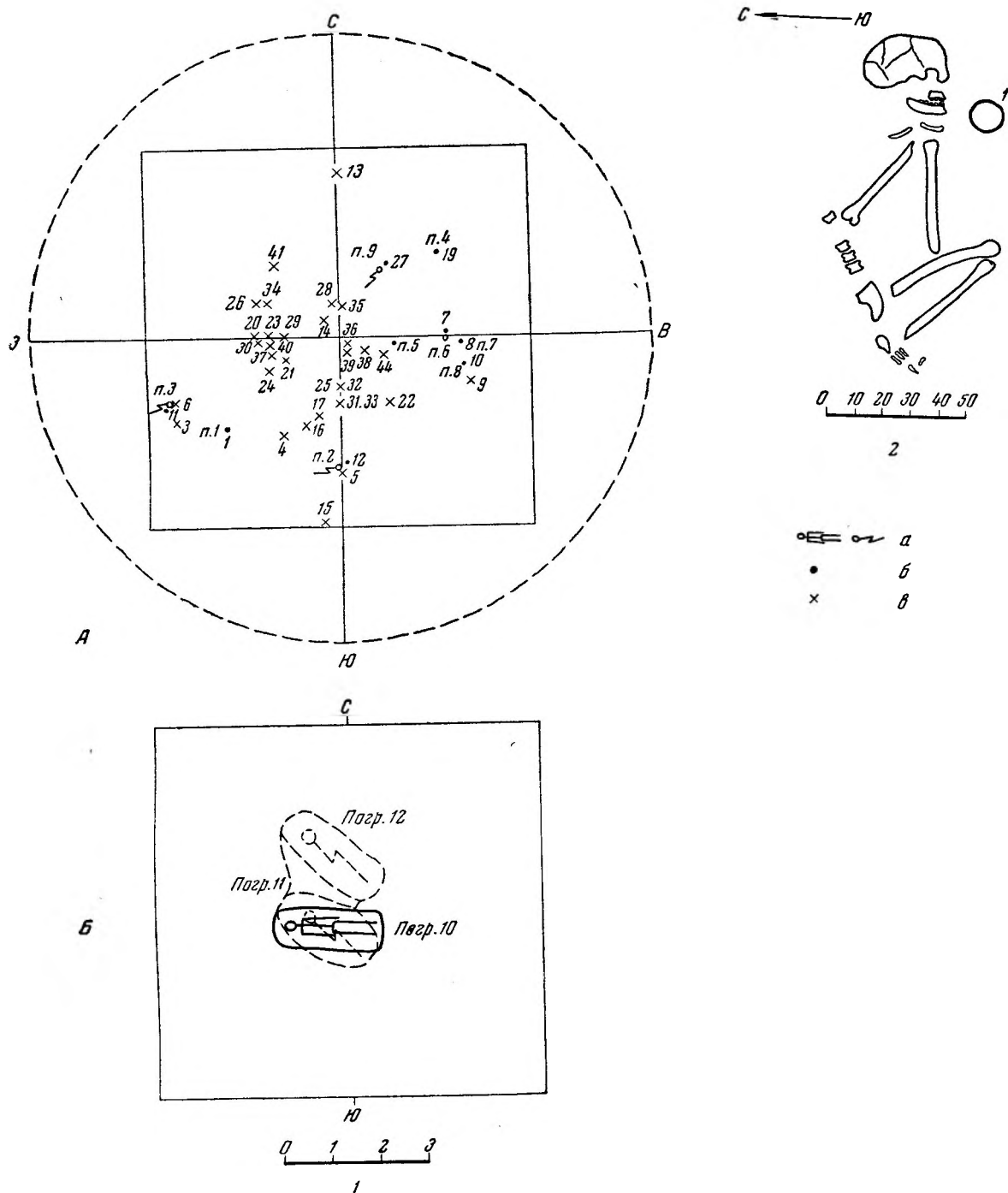

Рис. 19. Планы кургана 5 (1946 г.) группы «Серко»:

1 — план кургана 5; А — план кургана; Б — план центра кургана на глубине 0,85 м от горизонта (а — погребение; б — горшок; в — отдельная находка); 2 — план погребения 3 (1 — горшок)

Б. Н. Граков

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА НИКОПОЛЬСКОМ КУРГАННОМ ПОЛЕ

ОПИСАНИЕ НИКОПОЛЬСКОГО КУРГАННОГО ПОЛЯ

Никопольское курганное поле представляет собой часть первой от Днепра гряды, тянущейся от Никополя по коренному берегу этой водной артерии и ее притоков на запад и юго-юго-запад. Курганы расположены справа вдоль дороги из Никополя на с. Алексеевку и Кривой Рог, часто подходят к ней непосредственно и редко удаляются от нее на 100—200 м. Курганы образуют небольшие группы или цепочки, в общем тянущиеся с востока на запад.

Когда в 1930 г. на этой площади началось строительство, местный краеведческий музей им. М. В. Ломоносова начал на средства строительства в порядке охраны памятников исследование курганов. В связи с этим топографами строительства был составлен план поля протяжением в 11 км, начиная от окраины города. В план попали курганы не ниже чем 0,8 м. В 1940 г. этот план был мной дополнен и к 40 с небольшим насыпям прибавилось еще 22. К сожалению, план погиб во время эвакуации музея.

Курганная группа выглядит следующим образом. У самой окраины города высится большой пятиметровый курган, частью разрушенный при сооружении стадиона. Далее расположено около 10 курганов малого размера. Они все не раскопаны, за исключением двух-трех у Соцгородка. От этих раскопок, проводившихся покойным сотрудником музея Ф. Н. Кирановым, не сохранилось никаких документов.

Группа I (по нумерации Ф. Н. Киранова) находилась в конце шестого и начале седьмого километра от Никополя. Судя по скудным записям, сохранившимся в инвентаре музея, в этой группе было около 20 насыпей. Все они (или почти все) были вскрыты Ф. Н. Кирановым в 1931 и 1932 гг. Раскопки самой большой из них (№ 2) были начаты им же в 1933 г. и закончены после его смерти А. П. Манцевич осенью 1935 г. Это единственный курган высотой около 3 м. Остальные курганы малые.

Курганная группа II, расположенная (по Ф. Н. Киранову) в конце седьмого километра, состояла из 26 курганов. Все они малые и раскопаны полностью в 1933, 1934 и 1935 гг. Кирановым, а после его смерти в 1935 г. — Л. Д. Дмитривым и А. П. Манцевич и в 1936 г. — А. Я. Брюсовым, Е. И. Крупновым и А. П. Манцевич. Записки Ф. Н. Киранова сохранились почти целиком, а дневники и чертежи последней группы работников оказались мне доступны для изучения и сокращенной публикации здесь полностью¹.

В 1937 г. по поручению МОИИМК и Ни-

¹ Л. Д. Дмитров. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 роках. Інститут Історії археології України. — Нукові записки, кн. II, 1946 р., стр. 55—73. Краткое изложение этих данных помещено ниже. Между дневниками сотрудников экспедиции и изданием Л. Д. Дмитрова есть небольшие различия в понимании данных. План этой группы, составлен покойным Кирановым без точного масштаба — см. рис. 1.

копольского музея к этим раскопкам приступил я и вел их в 1937—1940 гг. совместно с павшим впоследствии на фронте Великой Отечественной войны Б. З. Рабиновичем. В первую очередь нами была подвергнута раскопкам группа в конце седьмого километра дороги, у пос. Сулицкого. Из шести входящих в нее насыпей две малых и одна большая четырехметровая раскопаны нами в 1937 г. и занумерованы как 1 и 2 (1937 г.). Одна насыпь раскопана А. П. Манцевич в 1936 г. (слева от дороги на Кривой Рог). Вторая большая шестиметровая насыпь не затронута. Одна малая, совершенно распавшаяся, обнаружена в 1940 г. и пока не тронута. Во все дальнейшие годы курганы нумеровались по порядку с номера первого, с указанием года раскопок.

В 1938—1939 гг. у самого столба восьмого километра нами вместе с А. И. Тереножкиным была раскопана насыпь крупного почти трехметрового кургана и отстоящая от него на 80 м к северу малая насыпь скифского времени. Далее очень некомпактно раскидано на восьмом километре семь малых насыпей. Все они не раскопаны.

На половине девятого километра находится вытянутая вдоль дороги небольшая группа из четырех курганов, три из которых раскопаны нами в 1937 и 1939 гг.

На рубеже девятого и десятого километров находится цепочка из четырех малых курганов. Три из них, скифские, образуют самостоятельную подгруппу, а курган эпохи бронзы (самый восточный, высотой 1 м) стоит несколько в стороне.

С конца десятого километра вдоль всего одиннадцатого и частью на двенадцатом километре в урочище, связанном с именем Серко, тянется цепью группа из шести крупных курганов высотой от 2,5 до 6 м. Эти курганы расположены с большими промежутками друг от друга. Около четырех из них образуются отдельные четко выраженные подгруппы из малых насыпей. Общее число малых, но еще различимых насыпей в этой группе не менее 40.

Всего мне известно в семи группах 136 насыпей. Скифские погребения, исследованные в этих курганах, и являются объектом настоящей работы.

Никопольское курганное поле состоит в большинстве из малых насыпей, чаще 2. Приношу всем этим товарищам и Никопольскому музею благодарность за разрешение опубликовать эти данные.

круглых в основании, реже овальных, вытянутых с запада на восток. Их высота от 0,5 до 1,5 м, диаметр — 12—25 м. Лишь самые крупные из них (от 0,8 до 1 м) еще сохраняют характерный признак степных курганов: большую крутизну северной пологой и перемещение вершины от центра с севера не более чем на 1 м.

Десять больших насыпей высотой 2—6 м имеют округлое основание, диаметр 30—50 м. Вокруг них по свежей вспашке ясно заметны рвы в виде черного широкого кольца вокруг подошвы.

Как показали раскопки групп, более или менее вскрытых целиком, курганы бронзового века были расположены (крупные и малые) на расстоянии 1 км и более друг от друга, причем один-два — рядом (в группе I — один курган этого времени; в группе II — два; пос. Сулицкого — один; в группе на восьмом километре — один; на девятом километре — два; на девятом-десятом километрах — один). Только в восточной части группы «Серко» имелись в непосредственной близости друг от друга три кургана бронзового века. В большинстве случаев крупные и малые курганы бронзового века оказывались насыпанными для погребений ямной культуры, а впоследствии туда же вводились погребения катакомбной и срубной культур. Погребений бронзовой эпохи округленно от 10 до 25 и только в трех случаях их около 5 на курган.

Скифские курганы в огромном большинстве самостоятельны. Лишь в пяти случаях удалось установить впускные скифские погребения в курганах бронзового века. В одном большом кургане — два погребения и в четырех малых — по одному. Зато ни одна скифская группа курганов не возникла самостоятельно, а каждая из них складывалась вокруг большой или малой насыпи бронзового века. Большей частью этих насыпей несколько, и лишь курганная группа II, расположенная около одного кургана бронзового века, включала 25 скифских насыпей. По внешнему виду скифские курганы здесь неотличимы от курганов бронзового века.

Сарматских погребений встречено только два, оба они впускные в крупный курган бронзового века.

Позднекочевнические погребения немногочисленны (их около 15), но они часто очень своеобразны по инвентарю, всегда введены

то по одному, то по несколько в насыпи как бронзового века, так и в скифские. Самостоятельных курганов с такими погребениями нет вовсе.

В итоге из отмеченных на этом поле 136 курганов вскрыто 79. По-видимому, на этой территории курганы исчерпаны. За все время моей работы случайно раскопана при хозяйственных работах одна малая, ранее не замеченная насыпь. Однообразный характер показывает, что нового ожидать почти невозможно. Дальнейшая опасность, грозящая курганам Никопольского поля, та же, что и любому другому кургану в сельскохозяйственных районах — распашка.

Ф. Н. Киранов применял в первые три года работы метод раскопок на снос по секторам от вершины. В 1933—1934 гг. он перешел к раскопкам большой площадью, слагавшейся из двух-трех траншей. Его наследники в 1935 и 1936 гг. применяли такой же способ раскопок на снос. Мной с 1937 по 1940 г. применялся этот же способ. В 1945 г.

четыре кургана вскрыты мной на снос новым приемом, дающим те же результаты, но более быстрым, а именно: курганы вскрывались от полы к вершине опоясывающими concentрическими траншеями шириной 2 м с выбросом земли в уже открытую траншею. Средняя часть, диаметром в 4 м, вынималась целиком. В 1946 г. вскрыто шесть курганов. Центральная часть этих курганов вскрывалась круглой или квадратной выемкой диаметром до двух третей почти распаханых насыпей. В нужных случаях добавлялись прирезки различной величины.

В дальнейшем я сначала описываю каждую курганную группу, все ее курганы, погребения и детально — их инвентарь, а в конце даю сводные характеристики сооружений, погребального обряда, инвентаря, времени и характера ограблений и устанавливаю принадлежность курганов низшему слою скифского свободного населения и однообрядность и одновременность их с нижнеднепровскими царскими курганами.

РАСКОПКИ Ф. Н. КИРАНОВА И ДРУГИХ НА НИКОПОЛЬСКОМ КУРГАННОМ ПОЛЕ в 1931—1936 гг.

КУРГАННАЯ ГРУППА I

Заведующий археологическим отделом Никопольского музея, ныне покойный, Ф. Н. Киранов в 1931 и 1932 гг. производил раскопки в первой (по его терминологии) курганной группе на Никопольском поле. Она включала до 30 малых курганов, часть из которых была раскопана. Ни плана группы, ни дневников или отчетов раскопок в архиве музея после смерти Ф. Н. Киранова не сохранилось. О восстановлении плана нечего и думать: вся эта площадь сnivelирована и застроена.

О временной принадлежности этой группы я могу судить по тщательно составленной А. П. Манцевич инвентарной картотеке музея. Лишь начатый позднее (в 1935 г.) Кирановым и законченный Манцевич курган 2 этой группы имеет полные дневники и снабжен планами и чертежами. Поневоле описание скифских курганов этой группы выглядит очень неполно. Это только перечень вещей по курганам. Только курган 2 может быть описан сколько-нибудь удовлетворительно.

Курган 1, судя по вступлению Ф. Н. Киранова к описанию кургана 2, раскопан им в 1933 г.

Курган 2 выделялся своей высотой (2,2 м), диаметром (с севера на юг — 42 м; с запада на восток — 33 м). Была раскопана часть (28 м в поперечнике), и остались полы до 0,7 м. В нем обнаружено 24 погребения. Из них одно — позднекочевническое, 21 — бронзовой эпохи и два (12 и 17) — впускные скифские. По окончании работы в центре кургана был выложен из больших кубических камней крест. Это теперь единственный знак расположения группы I.

Крест выложен по требованию тогдашнего руководителя работ Л. Д. Дмитрова.

Погребение 12 впускное, расположенное метрах в трех к северо-востоку. Оно представляет собой овальную яму длиной 3,2 м, шириной 0,9—1,25 м, глубиной 2,5 м (от начала грунта она была вытянута с востока на запад). На дне ямы лежал слой черной земли толщиной в 1 см. Это желобки до 4 см ширины и 5 см длины. На стенках ямы видны следы инструмента: на восточной и южной они прослеживаются на глубину до 2 м, в северной — до 1,55 м. По западной стенке были расположены два уступа: первый — на глубине 0,15 м, шириной 0,35 м, высотой 0,55 м; второй — на глубине 0,7 м, шириной 0,4 м, высотой 0,4 м. На них также есть следы инструмента. По мнению А. П. Манцевич, это входная яма, подобная катакомбы не удалось обнаружить; ее стенки лесовые, но с пятнами серовато-желтого цвета, т. е. яма состоит из копаной земли. В записи дневника отмечено, что следов подбоя нигде не нашли. Скорее, на наш взгляд, это обвалившаяся катакомба первого типа — продолжение входной ямы, но с ориентацией, противоположной обычной². По форме видно,

² В заключительной части все ямы разделены на два типа (№ 1 и 2), а катакомбы — на три (№ 1—3). Именно эта нумерация имеется в виду в описательной части могильника, когда она указана, как это наблюдается в данном случае.

что это погребение скифское. Оно впускное. Это явствует из того, что самыми старыми в кургане являются ямные погребения древнейшего типа (см. работу О. А. Кривцовой-Граковой). В засыпке могилы найдено несколько костей животных и обломок амфоры. Думаю, что могила в древности была ограблена.

Погребение 17 впускное, расположено в 3,8 м к юго-востоку от центра. Овальная входная яма ориентирована с востока на запад, длина ее 2,6 м, ширина 1,3 м, глубина от горизонта 0,9—1 м. Во входной яме найдены в верхней части два обломка раковины *Ulio*, может быть, попавшие сюда из какого-то погребения бронзовой эпохи при впуске в курган погребения 17, а также обломок железного наконечника копья и несколько костей человека. Яма была заполнена черноземом, перемешанным с лёссом, в самом низу лежал слой более чистого лёсса.

Катакомба первого типа (см. стр. 83) расположена под северной стенкой входной ямы (рис. 2А, 1). Форма устья не прослежена, но оно занимало всю северную стенку входной ямы. В нем сохранилось 11 вертикальных плашек от загородки. Они частично упали внутрь катакомбы. В плане катакомба имела четырехугольную форму, ориентирована с запада на восток. В юго-западном и юго-восточном углах — добавочные небольшие ниши, длина ее 2,9 м, ширина 1,6 м, глубина от горизонта 1,05 м (от поверхности насыпи 2,25 м). Восточный конец катакомбы находился на уровне восточного конца входной ямы, а западный — на одну четверть своей длины выступал за нее. Свод не был прослежен. Думаю, что катакомба обвалилась. Под северной стенкой катакомбы, упираясь ногами в восточную стенку, лежал покойник-мужчина, головой на запад, в вытянутом положении, на спине; ноги были в коленях чуть-чуть расставлены. Дно ямы выстлано камышовой циновкой косого плетения, поверх нее — тонкий слой коры. Под костяком — тростниковая подстилка толще, на полу она лежала в один слой. В 7 см к востоку от плечевого сочленения были прослежены окрашенные в красный цвет древки стрел, направленные на восток и заканчивавшиеся через 82 см 54 бронзовыми наконечниками (рис. 3, 2). На этом пучке стрел лежала левая рука. Длина древков и наконечников вместе 0,82 м. Стрелы были расположены остриями вниз, т. е. к ногам. На 10 см выше стрел находился лучок железа неясного назначения. Вдоль тела слева поверх стрел в руке скелета прослеживался деревянный истлевший лук (длина 40 см) и лежали остриями вверх еще два наконечника стрел. Против середины левого бедра в лёссовую стенку, на высоте 0,18 м от дна, острием прямо на север был воткнут до половины рукоятки железный меч с прямым перекрестием и без навершия; его длина 48 см. В головах, под западной стенкой, — кости коровы (бок с неполной левой ногой без стопы) на истлевшем деревянном блюде с медными скрепками. Длина блюда около 0,8 см, ширина — около 0,6 м. По длине оно лежало с севера на юг. Южнее в ряд с ним находился деревянный сосуд — той же формы, что и сосуд со сценой охоты из Солохи; ручки-упоры его расположены были одна — к северу, другая — к югу.

Среди костей коровы находился железный нож с костяной рукояткой (длина ножа 24 см, ручки 15 см). В юго-западном углу катакомбы торчало втулками вверх два железных наконечника копий: один — с обломанным концом, другой — целый, длиной 38 см (рис. 5, 4а,б).

Курган 3. Полевых записей и чертежей нет. По инвентарю музея в погребении 1 (центральном) найдены обломки клинка железного меча и втулки копья.

Курган 4. То же. Нож железный с остатками костяной рукоятки.

Курган 5. То же. По инвентарной записи раскопок в 1931 г. найдены коническая бронзовая ворворка, обломки клинка меча, подтоки копья, несколько расширенный на одном конце (длина 20 см) и еще один (длина 14 см); подтоки см. на рис. 5, 2а,б. Все это помечено в могиле 2.

Погребение 2: пластинки бронзовые от пояса, куски дерева, обломок ножки амфоры и обломок крестовины железного меча, кости лошади, клинок железного меча, еще его узкая бабочковидная крестовина и три наконечника трехгранных бронзовых стрел, две втулки железных копий (в обломках).

Курган 6. То же. По инвентарной записи раскопок в 1931 г. Погребение 1: найдены два наконечника копий длиной 31 и 22 см (рис. 5, 3а, б) и 15 астрагалов овцы, бронзовый трехгранный очень узкий наконечник стрелы, обломки втулки копья и деревянная доска в обломках.

Курган 7. То же. По инвентарной записи раскопок в 1931 г. В насыпи кости ног коня. Погребение 1: втулка копья в обломках и трехгранные бронзовые наконечники стрел (более 18, точно не указано — см. рис. 3, 1).

Курган 8. О нем ничего неизвестно.

Курган 9. Полевых записей нет. Найдены (в насыпи) обломок туловища и части горла гераклеидской амфоры со вдавленным неполным клеймом [ΑΡΙΣΤΟ] | ΚΑΛΣ | ΟΝ[Α]Σ | [Ο] начала IV в. до н. э., а также челюсть лошади.

Курган 10. То же. Содержал, судя по инвентарю музея, не менее шести погребений. В инвентаре вещи бронзового века и обломок средневековых удил.

Курган 11. То же. Четыре скифских пращевых камня (в насыпи).

Курган 12. О нем ничего не известно.

Курган 13. Полевых записей нет.

Погребение 1 (центральное): найдены кости человека, куски дерева и бронзовый трехгранный наконечник стрелы.

Курганы 26, 27 и 30. Относятся ли эти курганы к группе I, что вероятнее, или были где-то в другой части Никопольского курганного поля, выяснить сейчас невозможно, ввиду гибели во время войны генерального плана, на котором стояли порядковые номера, не связанные с нумерацией Ф. Н. Киранова, но им, по-видимому, в этом случае примененные.

Курган 26. Полевых записей нет. На одной этикетке пометка рукою Киранова: «Могила бия шляху з паленою глиною». По инвентарю в нем найдены сосуды бронзовой эпохи. Однако есть и находки скифского времени: ручка амфоры, цилиндро-коническая костяная стрела.

Курган 27. То же. Найден нож железный с костяною граненой ручкой из одной пластинки.

Курган 30. То же. Погребение 1 позднечетвическое. Погребение 2 (центральное) скифское. Найдены какие-то железные обломки, куски дерева, синие стеклянные бусы, коническое свинцовое пряслице, три кусочка листового золота и кости ног лошади.

Таким образом, в этой группе можно констатировать не меньше 15 погребений скифского времени. Три из них центральные и поэтому, может быть, основные (курганы 3, 13, 30). Погребения 12 и 17 кур-

гана 2 впускные в более древнем кургане бронзовой эпохи и единственные в этой курганной группе, о которых известны все подробности. В кургане 5 одно из двух скифских погребений, конечно, основное, а другое — впускное. Пока не найдутся те или иные

документы, составить представление об устройстве невозможно, так как Киранов не применял еще в это время на этикетках термина «склеп», коим он по ольвийскому обычаю позднее, в 1933—1935 гг., характеризовал катакомбу.

КУРГАННАЯ ГРУППА II

Эта группа была расположена справа от дороги. Никополь — Кривой Рог, в 150—200 м от нее, и состояла из 26 компактно расположенных насыпей. Самые южные ее насыпи — 24—26. С запада на восток группа тянется метров на 200, с севера на юг — на 150 м.

В 1933 г. были раскопаны курганы 1—7. Остальные докапывались в 1934—1936 гг. Номера курганов устанавливались прежде всего по дневникам Ф. Н. Киранова, по инвентарным записям музея и по сохранившемуся плану группы (рис. 1, 2).

Курган 1 — крайний, северный в центре. В архиве Ф. Н. Киранова сохранилось очень немного от черного дневника раскопок этого кургана. Из этих документов видно, что курган был менее 10 м диаметром, высота его не обозначена вовсе; из отрывков ясно, что он не превышал полуметра. В насыпи (судя по описям музея) были найдены десять костей лошади и обломок стенки амфоры.

В кургане заключалось, по крайней мере, три погребения. Из них одно (1 по Ф. Н. Киранову) — средневекового кочевника с конем, второе (судя по двум сохранившимся сосудам) — бронзовой эпохи и третье (по терминологии Киранова — склеп), несомненно, — скифское.

Это погребение находилось в квадрате 2 (ближе не указано). Входная яма имела форму четырехугольника с закругленными углами и была ориентирована по линии с северо-запада на юго-восток, ее длина 1,7, ширина 1,1, глубина от уровня материка 0,8 м. Вдоль ее юго-восточной стенки шел покатый уступ, небольшой высоты, вернее, дно входной ямы. Под северо-западной стенкой находилась катакомба третьего типа, расположенная перпендикулярно ко входной яме. Устройство устья неясно. Катакомба в плане имела форму прямоугольника со скругленным южным концом и была ориентирована по линии с северо-востока на юго-запад. Ее длина 2,4 м, ширина 1,12 м, высота 1,45 м, глубина от уровня грунта около 1,4 м. В юго-западном конце ее — череп и несколько ребер покойника. В катакомбе (порядок расположения находок неясен) было найдено 36 бусин: 28 небольших синих колечек, шесть грушевидных (3 синие, 2 желтые и 1 голубая), коричневая пастовая цилиндрическая с желтыми глазками и дыневидная бусина синего стекла; 37-я бусина — параллелепипед коричневой пасты с желтыми разводами елочкой, крупная (2×1,2×1,3 см); небольшая костяная привеска с остатком бронзового колечка в отверстии и синяя шаровидная стеклянная бусина с остатком медной проволоки внутри. Погребение, вероятно, женское, безусловно, ограбленное.

Курган 2, находившийся в 15 м к юго-западу от кургана 1, имел в основании форму овала, высоту 1,25 м, диаметр с запада на восток 19,25 м; с севера на юг 10—15 м (?).

В северо-восточной части насыпи от края к центру найдены верхняя челюсть и еще несколько крупных костей лошади, пять фрагментов амфорных стенок, маленький обломок лепного сосуда. Прямо к

западу, в 2 м от центра, находились челюсти, по крайней мере, трех коней. Почти под поверхностью насыпи, к северо-востоку от ее центра лежал лёссовый выкид. Его толщина не указана, ниже половины насыпи он переходил в черноземный. Вторая куча выкида находилась в 2 м к югу.

Между обеими кучами выкида у самого центра, к юго-востоку от него находилось пятно входной ямы погребения 1. Пятно имело близкую к четырехугольной неправильную форму и было ориентировано с юго-востока на северо-запад, длина его 1,7 м, ширина — 1,2 м, глубина — 2,45 м. С юго-восточной стороны в яме было два материковых уступа: на глубине 1,7 м, шириной 0,45 м, высотой 0,65 м и на глубине 1,35 м, шириной 0,9 м, высотой 0,12 м. Вход в катакомбу был расположен под северо-западной стенкой входной ямы, заложённой семью неправильными комьями лёсса, в виде пятиугольника неправильной формы, с коротким, в 50 см, коридором, пока что спускающимся в катакомбу третьего типа. Имевшая форму неправильного полуовала, катакомба была расположена поперек входной ямы и ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Длина ее — 3,1 м, ширина 2,45 м, глубина 2,8 м. Свод катакомбы представлял собой четверть круга высотой 2,1 м. В западной стенке была большая пещерообразная нора какого-то зверька, совершенно нарушившего погребение. Кости этого зверька были спружены в южном конце могилы и лишь немногие находились в западном. Беспорядок явно произведен зверьком. В его норе была найдена большая часть обнаруженных в катакомбе вещей. Они перечислены в порядке музейного инвентаря: обломок древка копья, толщиной 2 см, длиной 0,95 м, железные обломки, три обломка ручек амфоры, неопределенный костяной предмет, нижняя часть узкой мотыги (длина 0,15 м), три шаровидные железные проныжи (диаметр 3 см) и две скобы железные, две глиняные и одна стеклянная биконические проныжи (длина 2—2,5 см), грушевидное глиняное пряслице (рис. 6, 1), обломки железного дротика (втулка и часть стержня), семь бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел, небольшой обломок железного стержня, 28 бусинок черного, синего и зеленого стекла в виде маленьких колечек (одна удлиненная), обломок бусины голубого стекла с белыми глазками (рис. 6, 2), серебряное проволочное колечко (диаметр около 3 см) в обломках, смолистые темно-коричневые кусочки. Судя по плану катакомбы и составу инвентаря, в могиле были захоронены мужчина и женщина.

Курган 3 был расположен к юго-востоку от кургана 1. Курган в основании круглый, высотой 0,7 м, диаметром 17 м. У подошвы насыпи, к западу и востоку от центра кургана и к западу от погребения 1, найдено несколько крупных костей от ног лошади. К северо-западу у подошвы насыпи лежала ручка амфоры. К юго-западу и к югу от центра найдены по верхней челюсти лошади, прямо на запад и на юго-юго-запад от погребения 2 — несколько об-

ломков амфор. Все эти находки были расположены южнее погребения 2 и ближе к подошве кургана.

Был ли в насыпи лёссовый выкид, по архиву. Ф. Н. Киранова установить нельзя.

Погребение 1 находилось в 0,5 м к северу от центра кургана. Здесь было обнаружено пятно входной ямы, в виде неправильного четырехугольника, ориентированного с востока-северо-востока на западо-юго-запад, длиной 1,5 м, шириной 1,2 м, глубиной около 1,5 м. На глубине 0,57 м, вдоль западно-юго-западной стенки находился несколько наклонный уступ шириной 0,17 м. Глубина входной ямы 2,17 м, ширина дна 0,55 м. В заполнении входной ямы обнаружены мелкие обломки дерева и два кусочка железа. На глубине 1,15 м под восточно-северо-восточной стенкой входной ямы находилась вершина устья катакомбы второго типа, имевшей высоту 0,75 м, т. е. лежащей на глубине 1,9 м от поверхности входной ямы. По краям свод опускался, и высота его достигала 0,1 м.

Катакомба в длину была расположена прямо на востоко-северо-восток, составляя прямое продолжение входной ямы; длина ее 2 м, ширина 1,45 м. В засыпке найдены обломки дубовых брусков с девятью железными скобками и два бронзовых трехгранных втульчатых, узких наконечника стрел. Дно было покрыто корой; в беспорядке лежали кости ребенка 1—2 лет. Погребение, несомненно, ограблено.

Погребение 2 было расположено в 1,75 м на юг от центра. Входная яма в плане имела форму четырехугольника с округленными углами и была ориентирована с запада на восток, ее длина 0,85 м, ширина 0,6 м, глубина около 2,1 м. Вдоль западного конца ямы, на глубине 0,85 м от поверхности, был прослежен первый уступ шириной 0,2 м, на глубине 1,5 м — второй уступ шириной 0,55 м, покато спускающийся до дна катакомбы на протяжении более 1,1 м. В засыпке попадались кости человека и лошади. Катакомба второго типа составляла прямое продолжение входной ямы на восток и сообщалась с нею небольшим (в ширину входной ямы) коридором, высотой в устье 0,6 м; длина катакомбы вместе с коридором 2,1 м, ширина 1,1 м, глубина 2,6 м, высота 0,7 м, свод приплюснутый, дуговидный; на дне катакомбы в беспорядке находились кости человека и ног лошади. В первоначальном положении сохранились ноги покойника, по ним можно судить, что костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на западо-юго-запад, т. е. ко входу к катакомбу. Кое-где были найдены мелкие обломки железных предметов.

Курган 4 был расположен на юго-юго-запад от кургана 3, почти рядом с ним. Сведений в записях Ф. Н. Киранова о плане и профиле не сохранилось. По черновым записям высота неясна, но очевидно, мала. Диаметр 16 м (с востока на запад). Судя по описям музея, среди погребений в этом кургане было очень богатое средневековое кочевническое погребение.

В основе кургана было скифское погребение 1/2, весьма сложное и по описанию не совсем ясное. На расстоянии 1,6 м друг от друга (место точно в насыпи не выяснено, но близ центра) находились две входные ямы. Входная яма 1 (восточная) была ориентирована с востока на запад и имела длину 1,8 м, ширину около 1,6 м (?), глубину 1,8 м, на дне она невысоким покатым уступом в 0,2 м высотой падала на дно катакомбы. Входная яма 2 (западная) имела форму почти квадрата, ориентированного с севера

на юг, длиной 1,2 м, шириной 1,1 м, глубиной около 1,8 м. По ее западной стенке на глубине 1 м был расположен покатым уступ шириной в 20 см, а ниже, на глубине 1,8 м, лежало ее дно, сокращенное покато уступа в длину до 0,7 м. Оба устья округленные, содержавшие остатки дерева. Под слоем материка между этими входными ямами была расположена катакомба первого типа, ориентированная с запада на восток, длиной 2,75 м, шириной 2,1 м, глубиной около 2 м, высотой со стороны входной ямы 1—2 м, входной ямы 2—1,6 м. К северу во всю длину катакомбы была расположена дуговидная ниша. Дно катакомбы углублено корытообразно, отчего в середине ее высота достигает 1 м.

Во входной яме 1 и в катакомбе встречены обломки конских (ноги) и человеческих (в том числе череп) костей. Там же обнаружены плоская с покатыми продольными гранями по сторонам костяная пластинка с двумя железными заклепками для укрепления лезвия ножа на одном конце (длина 9,6 см) и с остатками железного кольца на другом; трехгранный бронзовый со втулкой наконечник стрелы, семь шаровидных бусин синего, желтого и голубого стекла, у входа во вторую входную яму лежал еще такой же наконечник стрелы, и в центре — чернолаковый канфар без одной ручки и груды человеческих костей. Катакомба явно ограблена.

Погребение 3 было открыто по пятну входной ямы, находившемуся в 1,6 м к северу от ямы 1. Входная в плане квадратная яма (1,4 × 1,4 м), ориентирована сторонами по странам света. Ее глубина 1,35 м. На дне она образовывала по западной стенке уступ в 0,4 м шириной, который затем на протяжении 0,8 м покато шел в катакомбу, куда обрывался низким уступом. Во входной яме лежали в беспорядке кости человека и глиняное пряслице (рис. 6, 3). Катакомба третьего типа сообщалась со входной ямой устьем (форма не выяснена), высотой 0,55 м. Она не менее чем на полметра глубже покатоности уступа, а всего глубиной около 2 м (точнее установить по чертежу Ф. Н. Киранова не удалось). Катакомба была расположена под восточной стенкой входной ямы, не доходила на 0,3 м до северо-восточного угла входной ямы и продолжалась за ее юго-восточный угол на 70 см. Расположение катакомбы строго меридиональное. В плане это неправильный четырехугольник, расширяющийся к востоку. Длина его с севера на юг 2 м, ширина на севере 1,75 м, на юге несколько меньше. В катакомбе ничего не оказалось; она, очевидно, ограблена.

Курган 5 был расположен прямо на запад, метрах в 60—70 от кургана 1. В основании это овал, вытянутый с запада на восток; курган малый. Размеры в черновом дневнике не указаны. Точное расположение могил неясно, но все они находятся очень недалеко друг от друга, близ центра (1 — в квадрате 4; 2 — в квадрате 9; 3 — в квадрате 7).

Погребение («склеп») 1, вероятно, основное. По соседству были замечены в насыпи лёссовые прослойки. Входная яма прямоугольная, углы округлены; расположена с востоко-северо-востока на западо-юго-запад, длина 1,55 м, с севера на юг — 1,1 м, глубина около 1,7 м. Вдоль западно-юго-западной стенки, на глубине 0,2 м, был прослежен узкий уступ; на глубине 1,25 м — второй, шириной 20 см, высотой 15 см. Отсюда на протяжении 0,75 м дно ямы покато спускалось в катакомбу, дно которой было расположено на 0,3 см ниже дна ямы. Во вход-

ной яме лежали кости какого-то домашнего животного. Катакомба находилась под восточно-северо-восточной стенкой ямы. Устье ее имело высоту 0,68 м, ширину 0,95 м и образовывало с севера на юг дугу в одну четверть окружности. Катакомба третьего типа — в плане четырехугольник, расположенный перпендикулярно ко входной яме, ориентированной с северо-северо-запада на юго-юго-восток, длина ее 2,4 м, ширина на севере 1,4 м, на юге 0,8 м. Северный конец катакомбы на 0,6 м выступает за входную яму, южный — на 0,8 м. В восточной половине лежал в вытянутом положении на спине, головой к северо-северо-запад костяк мужчины, череп которого был отброшен в центр катакомбы. У черепа лежал трехгранный наконечник втульчатой бронзовой стрелы удлинённых пропорций. В северо-западном углу помещались остатки ноги и черепа лошади, а в остатках костяной рукоятки был найден железный нож с двумя заклепками и черешком.

Погребение 2 было расположено в 2,1 м на юго-юго-восток от погребения 1. Входная яма в форме четырехугольника с округленными углами была ориентирована с востоко-северо-востока на западо-юго-запад. Размеры ее не указаны, но они меньше, чем у входной ямы 1. Глубина ямы около 1 м. По западо-юго-западной стенке были сделаны три уступа: один узкий и два — широкие, все покатые к катакомбе; юго-восточный угол входной ямы занимал вход в катакомбу (форма его и закладка не указаны). Катакомба третьего типа, ориентированная с севера ($21^{\circ} 3'$) на юг ($21^{\circ} 3'$), была расположена немного наискось по отношению к входной яме. Ее длина 1,7 м, ширина 0,9 м, глубина не указана, высота 0,75 м. В северном конце она имела прямые углы, а в южном — сведена почти в острие. Прямо посредине лежал в вытянутом положении, на спине, костяк взрослой женщины головой на северо-восток. Справа от головы найдены были два глиняных биконических пряслица (третье шаровидное упомянуто в инвентаре музея). На груди лежало 36 бусин (шесть костяных трубочек и семь синих стеклянных с белыми глазками), а около ушей — по бронзовой проволоочной серье-кольцу, диаметром 3 и 3,5 см. У локтя правой руки находились ребра, лопатка, локтевая и лучевая кости лошади, а среди них железный нож с костяной рукояткой из двух граничных пластин с двумя железными заклепками для закрепления лезвия и с железным кольцом на другом конце. Точно не совсем ясно, где были найдены четыре обломка граненой крученой серебряной проволоки.

Погребение 3 (по дневнику Ф. Н. Киранова, подбой 1). Входная яма имела форму четырехугольника с округленным юго-западным концом, ориентированным с северо-востока на юго-запад, длиной 1,47 м, шириной 1,1 м, глубиной 1,05 м. По северо-западной стенке на глубине 0,65 м был сделан уступ, шириной 20 см, под юго-западной стенкой находился подбой частично обвалившейся катакомбы первого типа, слабо уходящий под стенку. На дне подбоя и в его засыпке были обнаружены кости ног лошади.

Курган 6 находился в 14 м к югу от кургана 2. Курган был в основании круглым, высота его около 1,5 м, диаметр 17 м.

В насыпи были обнаружены немногочисленные находки В 3—3,5 м к северо-северо-востоку от центра — 14 мелких обломков глиняного лепного сосуда; то же (3 экз.) в 1—2 м от центра к северо-западу,

а в 8 м на юг — пращевый шар из глины (диаметром 4,5 см).

Выкид, состоящий из лёсса, находился прямо к северо-востоку от центра (пятном в 3—4 м) и в 2,5 м от центра к северу, в виде небольшой прослойки, узкой полосой вытянутой с запада на восток. Прямо в центре находилась входная яма (слегка сдвинутая к югу) погребения 1 (единственного). Это был четырехугольник с округленными концами, ориентированный с востока на запад, длиной 1,7 м, шириной 1 м, глубиной 1,95 м. По западной стенке были расположены уступы: первый — на глубине 1,15 м, шириной 0,15 м, высотой 0,65 м; второй — на глубине 1,8 м, шириной 0,45 м, высотой 0,15 м. Дно входной ямы шириной и покатою уступов сокращалось до 0,65 м в длину. Под восточной стенкой находилось устье катакомбы, имевшее обычную форму высокой округленной наверху арочки, высотой 1,5 м, шириной 0,9 м. Катакомба второго типа (рис. 2А, 2) составляла прямое продолжение входной ямы, была ориентирована с запада на восток (?). Длина ее 2,5 м, ширина около 1 м, глубина 2,15 м; ее дно на 0,2 м ниже дна входной ямы, образующего к ней слабопокатый уступ. Высота катакомбы в середине 1,47 м, в поперечном разрезе имела форму трапеции с верхним основанием 0,88 м. Во входном проеме раскиданы кости и череп человека, кости ног лошади; последние со следами ржавчины.

Курган 7, расположенный в 30 м к юго-западу от кургана 2, был круглым в основании, высотой 0,5 м, диаметром 12 м. В западной поле, к северо-западу и западу от центра, обнаружено около 30 обломков остроносовой амфоры, в том числе от ручки и донышка. Следов выкида в насыпи не отмечено.

Погребение 1 находилось в 2,25 м к юго-западу от центра. Входная яма имела в плане форму трапеции с округленными углами и была ориентирована с северо-востока на юго-запад, размеры ее, кроме глубины (1,9 м), не указаны. По юго-западной стенке шли два уступа: первый — на глубине 0,3 м, шириной 0,1 м, высотой 1,4 м; второй — на глубине 1,7 м, шириной 0,7 м, высотой 0,6 м; оба сильно покатые. Дно входной ямы низким уступом (высота не указана) переходило в дно катакомбы.

Катакомба третьего типа находилась под северо-восточной стенкой входной ямы. Устье ее имело форму полукруга, шириной 1,15 м, высотой 0,6 м. В плане катакомба имела форму трапеции с широким основанием, обращенным к северо-востоку. По длине она ориентирована с северо-запада на юго-восток и была расположена поперек входной ямы. Длина ее 1,4 м; ширина 1,4 м; глубина 2 м. Поперечный разрез представлял собой неполную дугу полукруга. Ее высота 0,85 м.

В заполнении входной ямы был найден мужской череп и еще несколько человеческих костей. В катакомбе под самой стенкой, слева от входа, — два мужских черепа. Следовательно, покойники лежали головой на северо-запад. Рядом обнаружена кость от ноги лошади. Остальные человеческие кости разбросаны. В катакомбе без определенного порядка найдены: пять трехгранных бронзовых наконечников стрел с втулкой (рис. 3, 3), костяная коническая ворворка, четыре биконических золотых бусины (в инвентаре музея их нет), около одного из черепов — ножка чернотаврового килика и верх остроносовой амфоры одного из ранних эллинистических типов.

Погребение 2 находилось в 1,65 м на восток от погребения 1. Входная яма имела форму овала

длиной 1,15 м, шириной 1,1 м и была ориентирована, судя по записи, по линии северо-восток — юго-запад. Глубина ее около 50 см. С северо-восточной стороны был сделан один высокий уступ. Катакомба первого типа помещалась под юго-западной стенкой и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Ее глубина около 1,5 м. Склон потолка на всем протяжении прямо покатый, высота задней вертикальной стенки 0,8 м. Можно уверенно сказать, что это результат обвала части потолка. Вещей в катакомбе нет. Она явно срезана восточной частью катакомбы 1.

Курган 8 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.), расположенный в 10 м на юг от кургана 3, овальный в основании, имел высоту 0,65 м; диаметр с севера на юг — 14,6 м; с востока на запад — 15,55 м. В насыпи в центре кургана найден конский нащечник (рис. 8, 1) в виде стилизованных задних лап хищника, как в насыпи Чертомлыцкого кургана.

Погребение 1 (основное, судя по центральному положению) находилось прямо к западу от центра. Его входная яма ориентирована по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Длина 1,55 м, ширина 1,5 м, глубина 1,3 м. Дно входной ямы покатым уступом спускается ко дну катакомбы. В ее западно-юго-западном конце было расположено устье неправильной трапециевидной формы шириной 1,5 м, высотой около 1,35 м. В нем было обнаружено пять стоявших в ряд кольев, оставшихся от загородки устья. Катакомба была расположена под западно-северо-западной стенкой входной ямы, перпендикулярно ей, так что катакомба с ямой имели форму буквы «Т» (3-й тип). В плане это четырехугольник с округленными углами, ориентированный с севера на юг, длиной 2,45 м, шириной 2,45 м, глубиной около 1,8 м. Свод, в четверть окружности, лежал поперек катакомбы, высота его — 1,1 м. Под западной стенкой в вытянутом положении, на спине, головой на север, лежал костяк мужчины (?) на подстилке из дерева. В юго-восточном углу помещался конский бок: ребра, лопатка и передняя нога. Среди костей лежало лезвие железного ножа. В устье было обнаружено три трехгранных удлиненных бронзовых наконечника стрел со втулкой. Под стеной, в северо-восточном углу, — чернолаковый канфар (рис. 7, 2), у которого повреждена одна ручка. Тут же находился небольшой фрагмент грубого сосуда. Согласно инвентарю музея, в этой катакомбе были также найдены один бронзовый наконечник стрелы, шаровидная глиняная бусина, кольцо серебряное, диаметром 3,5 см, с незамкнутыми концами и костяная плоская коническая ворворка очень низкой сохранности.

Погребение 2 было расположено в 2,7 м к юго-юго-востоку от погребения 1; его входная яма имела форму четырехугольника с округленными углами, ориентированного приблизительно с севера на юг, длиной 1,55 м, шириной 1,15 м, глубиной около 1,8 м, по восточной стенке на дне находился уступ шириной 0,8 м; западная стенка очень покато уходила в сторону катакомбы на расстояние 1,45 м. Вход в катакомбу был расположен под западной стенкой и представлял собой полукруг шириной 1,55 м, высотой 1,35 м. В нем было обнаружено дерево от загородки. Катакомба второго типа, являвшаяся прямым продолжением входной ямы, в плане имела форму четырехугольника; ее длина была 2,5 м, ширина 1,35 м, глубина 2,15 м; дно лежало ниже входной ямы на 0,35 м. Входная яма была заполнена землей, в катакомбе же ее не обнаружено. Было найдено

биконическое глиняное пряслице (в инвентаре музея не записано).

Яма 3 в записях отсутствует. В инвентаре же музея значится под № 2240 обломок венчика остроудной амфоры, найденный в этой яме (рис. 7, 3).

Курган 9 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.), был расположен как раз посередине между курганами 3, 15/17, 14/16, 17 и 8, в 10 м к северо-востоку от кургана 8.

Судя по записи в инвентаре музея, в нем было погребение скифского времени. В инвентаре под № 2241—2249 значатся череп и другие кости человека, четыре ребра и лопатка лошади; остатки клинка меча с приставшим деревом от ножен; три скрепы-обоймы из железа со следами дерева внутри, железный четырехгранный заостренный с обоих концов стержень (длиной 0,11 м); железный цилиндр длиной 0,13 м (втулка или подток копья) и четыре бусины стекловидной синей, зеленой и коричневой массы (три в виде колечек и одна шаровидная).

Курган 10 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.) был расположен в 40 м к западу от кургана 3, имел в основном форму неправильной окружности, высоту 0,75 м, длину с севера на юг 8,6 м. В насыпи не было обнаружено никаких находок.

Погребение 1 (входная яма) находилось к западу от центра почти у края насыпи. Яма имела форму четырехугольника, ориентированного с востока на запад, длиной 1,3 м, шириной около 1 м, глубиной около 1,8 м. По ее западной стенке были расположены два уступа: первый — на глубине 0,45 м шириной 0,22 м, высотой 0,5 м; второй — на глубине 1,15 м, шириной 0,12 м, высотой 0,65 м. Дно входной ямы слабо опускалось к катакомбе, от которой оно было отделено неглубокой канавкой, расположенной поперек устья для укрепления деревянной загородки с двумя столбами на концах. Катакомба третьего типа расположена под восточной стенкой перпендикулярно входной яме, образуя вместе с ней букву «Т». Устье подбоя, шириной 0,9 м и высотой 0,75 м, в самой середине стенки имело форму сегмента круга; за ним в сторону катакомбы шел короткий (0,5 м) коридорчик в высоту и ширину устья. Катакомба удлиненной формы была ориентирована с севера на юг. Ее северный конец образовывал прямые углы, южный — почти заострен; длина — 2,55 м, ширина — 1,4 м, глубина — 2,35 м. Кости покойника (мужчина) были сильно сдвинуты зверьком, но все же видно, что он лежал под восточной стенкой, в вытянутом положении на спине, головой на север. Справа, в северо-западном углу, лежал бок коровы (ребра и передняя нога), тоже разбросанный в разные стороны. Здесь было 27 бусин конической формы из синего с белыми и красного с зелеными полосками стекла; одна цилиндрическая бусина синего стекла с белыми глазками (рис. 6, 4); серебряный перстень (рис. 8, 1) с крупным гладким шитком и ободком с находящимися друг на друга концами и один трехгранный шпиль с обрезной втулкой наконечник стрелы из бронзы.

Курган 11 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.) был расположен в 40 м к юго-западу от кургана 10, в основании — круглый, высоты определить не удалось (сильно разрушен), диаметр около 8 м; в юго-западной части кургана был найден обломок амфоры.

Погребение 1 находилось прямо к западу от центра. Входная яма в виде четырехугольника, ориентированного с запада на восток, имела длину

около 1,25 м, ширину 0,8 м, глубину 1,5 м. Восточная стенка ее слабо поката. Дно опускалось к катакомбе второго типа (рис. 2А, 3), находящейся под западной стенкой, где было сделано устье в форме сегмента круга, высотой 0,6 м, шириной 0,8 м. Устье было загорожено двумя каменными плитами; в момент раскопок одна плита лежала на дне, а другая — стояла на ней вертикально. Они явно были отодвинуты грабителями. Катакомба представляла собой четырехугольник, несколько более широкий, чем входная яма, имела скругленные углы и была ориентирована по линии восток — запад; ее длина 1,85 м, ширина около 1 м, глубина 2,1 м; поперечный разрез показывал потолок, параллельный полу, но задняя стенка несколько наклонна. Черепа двух костяков лежали у входа, а остальные кости двух человек и жеребенка были сгружены в кучу под стенку. Судя по положению ног, костяки лежали головой на запад. Черепа же, наоборот, были обращены затылком в ту же сторону, но находились у входа.

В засыпке была обнаружена ножка винной амфоры (рис. 7, 4) типа Солоха I (по И. Б. Зеест), т. е. IV в. до н. э., а в катакомбе — обломок венчика лепного сосуда, продолговатая бусина зеленоватой пасты с клетками, образованными углубленными линиями (длина 1,2 см), и золотое кольцо с заходящими один на другой концами, причем на него был надет небольшой серебряный кружок.

Курган 12 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.) был расположен в 1 м к северо-западу от кургана 13/14, малый, точные размеры не указаны. В насыпи найдены обломок песчаниковой плиты, сглаженной с обеих сторон (6,8×5,0×1,1 и 2,1 м), три обломка стенки и венчика грубого лепного сосуда, девять фрагментов остроногих амфор, обломок человеческой челюсти и передняя нога лошади.

В центре кургана было обнаружено погребение 1. Яма первого типа имела форму четырехугольника с округленной северной стороной, была ориентирована с востока на запад, и имела длину 2,25 м, ширину 1,45 м, глубину от уровня леса 1,15 м, в северной стороне — 1,3 м. По ее южной стенке был сделан уступ на глубине 0,8 м, шириной 0,25 м, высотой 0,35 м. Внизу дно ямы сократилось до 0,85 м, а в длину больше — до 2,5 м.

На дне (ближе к северу) лежал костяк взрослого мужчины, в вытянутом положении, головой на запад (черепа, плечевой пояс, руки и часть верхних ребер отсутствовали). При костяке находилось шесть шаровидных бусин из стекла (две голубые, одна белая, диаметром 1 см), три четырехсторонние пирамидальные подвески (две синие и одна голубая) и небольшой обломок лезвия железного ножа.

Устройство могилы по описанию и чертежам Ф. Н. Киранова не совсем ясно. Судя по дуговидности северной стороны и по увеличению длины могилы на дне, это была яма с небольшим подбоем во все стороны.

Курган 13 (на плане 13/14, по инвентарю кургана — 13/15) находился в 15 м к юго-юго-западу от кургана 6. Размеры его не указаны. На фоне леса почти в центре были обнаружены и пятно входной ямы и катакомбы. Они по длине ориентированы с востока на запад. Свод катакомбы первого типа почти полностью обвалился, в результате чего пятно имело форму сегмента, выгнутого к северу. Длина входной ямы 1,35 м, ширина 0,5 м, глубина 0,75 м. Дно ее уступом в 0,15 м отнесено спускалось ко дну катакомбы. Размеры последней 1,90×0,70×1,15 м. В за-

падном конце она длиннее входной ямы на 0,55 м; к северу сохранился слабо дуговидный в разрезе подбой катакомбы. В засыпке входной ямы были найдены ребра и плечо лошади со следами ржавчины, два обломка лезвия железного ножа и бронзовый трехгранный наконечник стрелы со втулкой. На дне катакомбы были раскиданы в небольшом количестве кости человека: из них локтевая — в западном, а бедренная — в восточном конце ямы, но не in situ. Вероятно, покойник лежал головой на запад. Могила, несомненно, ограблена.

Курган 14 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.), номер дан по черновым записям и по инвентарю музея, по плану это, вероятно, курган 14/16, находящийся в 12 м к юго-востоку от кургана 9. В основании курган представляет собой овал, вытянутый с востока на запад. Высота по профилю малая, но размеры не установлены. Поперечник (с востока на запад) 10 м.

Судя по инвентарю музея, в насыпи найдены: кварцитовое прашевое ядро (диаметром 6,5 см), семь обломков стенок амфор, обломки костей животных и восемь обломков грубого глиняного сосуда с орнаментом в виде косых насечек на венчике и плечиках. Была ли найдена в кургане могила, неясно.

Курган 15 отсутствует и на плане и в записях музея.

Курган 16 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.). На плане этот номер отсутствует (есть 15/17). Размеры не указаны; несомненно малый, так как был раскопан траншеей длиной 8 м. По-видимому, недалеко от центра было обнаружено погребение. Входная яма вытянутая, с округленными концами, была ориентирована с востоко-юго востока на западо-северо-запад. Ее длина 1,8 м, ширина 1 м, глубина 1,25 м. По южной стенке, на глубине 0,85 м, был уступ шириной 0,5 м, высотой 0,4 м. Катакомба первого типа — под северной стенкой в плане четырехугольная, ориентирована с востоко-юго-востока на западо-северо-запад. Размеры: 2,45×1,10×1,35 м. На дне ее в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лежал костяк. От него сохранились правая часть грудной клетки, правая рука и левая нога. В могиле без определенного порядка находились кости овцы со следами железной ржавчины, обломок стенки амфоры, два втульчатых наконечника стрел (обычной пирамидальной формы и у правой руки — железный нож с костяной рукояткой в обломках).

Курган 17 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.) совершенно отсутствует на плане. Вероятно, эта насыпь расположена в 17 м к югу от кургана 9 и почти вплотную подходит с юго-юго-востока к кургану 8. Несомненно, он небольшой. Точнее о размерах ничего неизвестно (не выше 0,5 м), но был раскопан сквозной траншеей, длиной 8,5 м, через центр.

В нем было обнаружено вокруг центра три погребения, расположенных по прямой с севера на юг: первое — в центре; в 0,7 м от него, к югу, — второе; в 2,1 м к северу от него же — третье. В насыпи, по-видимому, находок не было.

Погребение 1. Входная яма катакомбы была ориентирована с востока на запад. Длина ее 1,5 м, ширина 1,1 (?), глубина 1,05—1,10 м. По западной стенке ямы были расположены два слабопокатых уступа: первый — на глубине 0,4 м, шириной 0,25 м, высотой 0,45 м; второй — на глубине 0,9 м, шириной 1 м, высотой 0,1 м; далее дно покато спускалось к устью катакомбы. Катакомба третьего типа находи-

лась под восточной стенкой входной ямы, образуя вместе с ней «Т»-образную форму (заходила к северу на 0,15 м; к югу — на 0,8 м), форма устья — малая трапеция, его высота 0,6 м. Катакомба по длине ориентирована с востоко-северо-востока на западо-юго-запад; в северном конце она образовывала прямые углы, в южном была почти заострена. Ее длина 1,55 м, ширина 0,65 м, глубина 1,25 м. Разрез катакомбы по длине — полуэллипсис; разрез поперек — неполный (с запада) сегмент круга; ее высота 0,6 м. На дне лежал костяк женщины головой на северо-северо-восток, в вытянутом положении (руки слабо изогнуты). В головах, в северо-западном углу, находился бок лошади (ребра, лопатка, плечо, лучевая кость). На них сверху был положен железный нож с костяной рукояткой.

Погребение 2. Входная яма, ориентированная с востоко-северо-востока на западо-юго-запад, имела форму четырехугольника с округленными концами, длиной 1,2 м, шириной 1,10 м, глубиной 0,7 м. По ее западной стенке, на глубине 0,5 м, находился отвесный уступ шириной 0,3 м, высотой 0,2 м. Дно ее имело слабую покатость к катакомбе, спускалось туда покатым уступом в 0,15 м высотой. Катакомба третьего типа была расположена под восточной стенкой ямы, поперек последней; северный конец ее образовывал прямые слегка округленные углы, южный — заострен; она была ориентирована с севера на юг; длина ее 2,6 м, ширина 0,5 м, глубина 0,85 м; продольный разрез — круговой сегмент, поперечный — одна четверть окружности. Устье входа — яйцевидное, 0,55 м в поперечнике. На дне был обнаружен совершенно разбросанный мужской костяк; судя по остаткам, костяк лежал в вытянутом положении, головой на север. В головах были найдены лопатка и два ребра лошади. Среди костей — бронзовый трехгранный со втулкой наконечник стрелы и четыре бусинки: две — черного, одна — синего и одна — желтого стекла.

Погребение 3. Погребальное сооружение вполне совпадало по форме с двумя первыми, но катакомба третьего типа совершенно обвалилась. Входная яма была ориентирована с запада на восток; длина ее 1,1 м, ширина в западном конце у входа 0,8 м, глубина 0,6 м, дно ее полого. Катакомба была вытянута с севера на юг, поперек входной ямы. Северный конец был округлен, южный — почти заострен. Длина 1,4 м, ширина 0,8 м, глубина 0,4 м. Дно опускалось отвесно, ниже входной ямы на 0,25 м. На дне лежал детский костяк в беспорядке, без вещей.

Курган 18 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г. На плане есть только курган 18/20, в 15 м к юго-востоку от 14/16). Основание кургана представляет собой овал, вытянутый с востока на запад. Размеры малые, но неясны. Длина раскопной траншеи 8 м, глубина ее не более 0,5 м. В насыпи было шесть обломков лепного сосуда и один — от амфоры. Пятно ямы погребения овальной формы, по длине ориентировано с востока на запад, длина его 2,2 м, ширина 1,2 м, глубина 1,45 м. По-видимому, это или совершенно обвалившаяся или неудавшаяся с самого начала катакомба, затем превращенная в яму. По ее южной стенке, на глубине 0,25 м, был сделан уступ шириной 0,35 м, высотой 0,1 м. Этим дно ямы сокращалось до 0,7 м. На дне находился совершенно разбросанный зверьковый костяк. Несмотря на сдвинутость костей, совершенно очевидно, что он лежал вытянуто, головой на запад; на руке — пятно медной окиси. В головах — кости овцы со следами железной

ржавчины. Около них — пластинка от ручки ножа (в инвентаре музея отсутствует).

Курган 19 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934 г.) был расположен в 98 м на востоко-юго-восток от кургана 18 и на план группы не попал по масштабу. Курган имел овальное основание, высоту не более 0,5 м, диаметр с востока на запад 14,5 м, диаметр с севера на юг — 13 м.

В насыпи найдены обломок известняковой плиты, сглаженной с двух сторон (к юго-западу от центра), а обломки местной керамики (к юго-востоку от центра) в инвентаре музея не значатся.

Погребение 1 находилось в 2—3 м к югу от центра. На фоне лёсса прослеживались входная яма и обвалившаяся катакомба (у Ф. Н. Киранова склеп № 1), заполненные лёссом. Вход в катакомбу узкий в виде длинного дромоса, прямым продолжением которого являлась катакомба второго типа; все это было ориентировано с 39° юга на 39° севера, длина их была 2,95 м, длина дромоса 1,3 м; ширина входной ямы 0,7 м, глубина 1,3 м; длина катакомбы 1,55 м, ширина 1,35 м, глубина 1,55 м. В северной и западной стенках катакомбы подбои частично сохранились. Основная часть свода обвалилась. Костяк 1а (по Ф. Н. Киранову — I) был обнаружен в 0,6 м к западу от входной ямы, вне всего сооружения катакомбы; здесь лежали в беспорядке кости ног и нижняя часть левой руки, а на юго-восток от них — остальные кости, т. е. грудная клетка, правая рука и верхняя часть левой руки. Таким образом, покойник лежал вытянуто, на спине, головой на востоко-юго-восток. Он, очевидно, был разрушен при сооружении входной ямы в катакомбу. Во входной яме был обнаружен кусок трубчатой кости животного, расколотый в древности. Костяк 1б взрослого мужчины (по Ф. Н. Киранову, тоже I) был в катакомбе, направо от входа в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кисть правой руки лежала на тазу. У левого и правого бедер было шесть наконечников бронзовых стрел обычного типа.

Костяк 1в (по Ф. Н. Киранову, — II), помещался налево от входа. Женский костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. У ушных отверстий было обнаружено по сережке в виде бронзового проволочного кольца (диаметром 3,2 см в обломках); на правой руке — браслет из такой же проволоки (поломан). На груди — семь пастовых бусин черного, голубого и синего цвета. Судя по инвентарю музея, здесь же были найдены два лошених глиняных пряслица, биконическое и грушевидное. Между обоими костяками лежал бок лошади (ребра, лопатка, плечо и локоть — по чертежу).

Погребение 2 (основное, по Ф. Н. Киранову — «пляма № II» — по инвентарю музея склеп № 1). Входная яма была расположена непосредственно к западу от центра, в 2,15 м к северо-северо-западу от пятна погребения 1. Входная яма имела форму четырехугольника с округленными углами, ориентированного с востоко-северо-востока на западо-юго-запад; ее длина 1,45 м, ширина 1,15 м, глубина 1,7 м. На дне ямы несколько шире. По ее юго-юго-восточной стенке были расположены три слегка покатых уступа: первый — на глубине 1,3 м, шириной 0,3 м, высотой 0,15 м; второй — на глубине 1,5 м, шириной 0,55 м, высотой 0,2 м; третий (в то же время и дно входной ямы) — на глубине 1,7 м, шириной 0,45 м, высотой 0,4 м (до дна катакомбы). Под восточно-северо-восточной стенкой помещалось устье катакомбы, имевшее форму трапеции, шириной внизу 0,9 м, на-

верху 0,45 м и высотой 0,75 м. Катакомба по ориентации первого, а в плане третьего типа, перпендикулярная входной яме и образовавшая вместе с ней форму буквы «Т», имела вид трапеции, меньшим основанием обращенной к устью, и ориентированной почти точно с запада на восток. За западную стенку входной ямы катакомба продолжалась на 0,2 м, за восточную — на 1,25 м. Ее длина 2,15 м, ширина 1,25 м, глубина 2,1 м, высота 0,8 м. Поперечный разрез представлял собой сегмент круга, продольный — трапецию. Костяк сдвинут, лежал грудой у устья, многих костей не было. В склоне найдены: железный стержень с петлей (длиной 0,06 м), кусочек кремня, обломок мусата с протыком в отверстие железным кольцом. Упомянутая в дневнике трехгранная бронзовая стрела в инвентаре музея отсутствует. Погребение явно ограблено. Все заполнено черной землей. Грабители совершенно не нарушили могилы и устья.

Курган 19/21 расположен вплотную к кургану 8, к юго-западу от него и к северо-востоку от кургана 20. Основание кургана овальное, длина с востока на запад — 25 м, ширина с севера на юг — 24 м, высота 0,65 м, окружность 74,5 м.

В насыпи найдены железные удила с двумя псалиями обычного для IV—III вв. до н. э. типа в форме русского «С» (с шишечкой на одном конце); с краю насыпи — железная пряжка, 12 обломков лепного сосуда, один — с ямочным узором и 66 обломков остродонной гераклейской амфоры, среди них обломок ножи и три фрагмента ручек, два обломка пращевых камней. Вокруг погребения 1 прослеживался тонкий слой лёссового выкида.

Погребение 1 (основное) было расположено в центре насыпи, на лёссе. Входная яма — четырехугольник с округленными углами, ориентирована с 36° северо-востока на 6° юга. Длина ее 1,35 м, ширина 0,95 м, глубина 1,85 м. По западной стенке был сделан отвесный уступ шириной 0,3 м, высотой 0,45 м, на глубине 0,6 м. Во входной яме были обнаружены отдельные человеческие кости, часть дна гераклейской амфоры, глиняное биконическое пряслице (рис. 6, 5), обычные бронзовые трехгранные наконечники стрел (по дневнику — 3, по инвентарю — 6; рис. 3, 4), 2 кружочка из стенок амфор, мелкие обломки дерева с бронзовой проколкой. Под восточной стенкой находилась катакомба третьего типа, расположенная поперек входной ямы и образовавшая с ней форму «Т». Устье имело вид небольшой трапеции (размеры не даны). Дно входной ямы круто (на 0,4 м) опускалось ко дну катакомбы, которая имела в плане форму овала и была ориентирована по линии север — юг; ее северный конец широк, южный — заострен. Дно ее слегка повышается к восточной стенке. Поперечный разрез был почти яйцевиден. Остальные размеры не указаны. Совершенно разобранный скелет был сдвинут к северу. Однако хотя кости черепа, рук и грудной клетки, а также ног и были сдвинуты, но их положение дает возможность предполагать, что покойник лежал головой на север. Слева от входа лежала лопатка барана. Катакомба была заполнена лёссом.

По инвентарю музея сюда же относится 32 разноцветных пастовых бусины, которых мы после войны не нашли.

Погребение 2 (впускное) находилось в 2,9 м на западо-северо-запад от погребения 1. Входная яма — четырехугольник с округленными углами — была ориентирована с юго-востока на западо-се-

ро-запад; ее длина 1,6 м, ширина 1,15 м, глубина 2,8 м. На глубине 1,55 м, по ее западно-северо-западной стенке, был сделан очень покатый уступ шириной 0,7 м, образующий под конец отвесную стенку высотой 0,35 м. Дно ее этим сокращено до ширины 0,4 м и образовывало второй пологий уступ ко дну катакомбы, обрывавшийся отвесно, на высоту 0,35 м. Входная яма была заполнена лёссом с вкраплениями чернозема. На дне входной ямы найдено три фрагмента гераклейской амфоры. Катакомба находилась под восточно-юго-восточной стенкой входной ямы. Четырехугольное устье занимало почти всю эту стенку, не достигая до южной стенки на 0,6 м (ширина устья — 0,55 м) и имея в высоту 0,8 м. Оно выходило прямо в северо-западный угол катакомбы наискосок и было плотно забито лёссом. Катакомба третьего типа в плане имела удлиненную с севера на юг форму, ее северный конец слабоокруглен, южный — заострен, ее длина 2,48 м, ширина 1,57 м, глубина 3,15 м. На дне катакомбы, головой на север, в вытянутом положении, на спине, лежал на травянистой подстилке костяк взрослого мужчины. В головах костяка, занимая всю северную стенку, помещался бок лошади без хребта с частью передней ноги, обращенный верхней стороной к покойнику; на ребрах лежала костяная ручка ножа, лезвие не сохранилось. Слева, вдоль стенки, острием у ребер, концом втулки на уровне темени (0,5 м от черепа к востоку), находилась большой наконечник железного копья (рис. 5, 1). Между левой рукой и телом лежал железный короткий меч с ручкой, обложенной кожей (рис. 4, 2). Узкое бабочковидное перекрытие помещалось против локтя, конец лезвия приходился у середины бедра. Ручка покойника пересекала меч. Под нижней частью лезвия меча лежал пучок стрел (около 100 штук), обычных медных, трехгранных, направленных концами в южную сторону. Они, по-видимому, за время войны утратили свои музейные номера. Близ меча лежал железный кинжал; разрушение не позволило установить его размеров и формы. У правого ушного отверстия находилась серга: серебряное проволоочное кольцо (диаметром около 3 см), его концы крючочками заходили один в другой, причем на кольцо за ушко была подвешена золотая амфоровидная привеска с зернью на поверхности и с шариком на остром кончике обычного для царских курганов типа. Кроме того, судя по инвентарю музея, в этом погребении найдены: комок земли с отпечатком ткани, мелкие угольки, остатки травяной подстилки, железный нож (три обломка) с остатками деревянной рукоятки, костяная шаровидная бусина и бронзовый с плоскими заходящими друг на друга концами браслет.

Следует отметить некоторую особенность этого погребения. Оно не ограблено, но между тем на дне входной ямы, вопреки господствующему обычаю, оказались обломки гераклейской амфоры, и входная яма была заполнена не черноземом, а лёссом с вкраплениями чернозема. Из этого следует, что это погребение впускное и что его забили выкидом из насыпи, причем во входную яму попали обломки амфор из прежней тризны.

Погребение 3 (впускное) было расположено в 3,5 м к югу от погребения 2; входная яма имела форму четырехугольника с округленными углами, ориентированного с востока на запад, длина ее 1,6 м, ширина 1 м, глубина 1,95 м. Яма была заполнена черноземом, который на глубине 0,4 м сменялся лёссом. С юга на север разрез ямы очень своеобразен (контур-

ры бочонка), ширина наверху 1 м, на половине глубины 1,05 м, на дне 0,95 м. Ее дно полого поднималось кверху на 10 см, к устью в катакомбу, и обрывалось туда почти отвесно. В 0,75 м от западной стенки перед устьем катакомбы была прослежена продольная канавка, глубиной 4 см; на дне ямы и канавки лежали куски коры и дерева от загородки катакомбы. Во входную яму упало от нее три кола, у северной стенки посредине и недалеко от южной стенки. Катакомба третьего типа находилась под северной стенкой входной ямы. Устье, ведущее в нее, представляло собой сегмент круга высотой 0,7 м, шириной 0,75 м. Катакомба, расположенная перпендикулярно входной яме, в северном конце имела два прямых округленных угла, в южном — сведена в острие. Она ориентирована с севера на юг. Длина ее 2,55 м, ширина 0,95 м, глубина 2,25 м, т. е. ее дно на 0,3 м ниже дна входной ямы. Катакомба была заполнена лесом. Поперечный разрез катакомбы близок к треугольнику, продольный — к сегменту круга, наибольшая ее высота 1,3 м. На дне на подстилке из травы головой на север, в вытянутом положении на спине, лежал костяк женщины. В северо-восточном углу вдоль северной стены лежал бок лошади с передней ногой, на ней — железный нож с костяной ручкой (рис. 9, 1), острием на восток. В северо-западном углу на боку, устьем на восток, лежал чернолаковый канфар (рис. 7, 5). К югу от него помещалось деревянное веретено, лежавшее по линии север — юг (размер не указан); на его северном конце надето два глиняных пряслица: сначала биконическое, потом боченовидное меньшего размера. Согласно инвентарю музея, к этому погребению относится много бусинок из пасты: девять — белых, 30 — черных и костяная круглая подвеска с отверстием посредине, а также две янтарные пронызы неправильной формы; в некоторых из бусинок остатки нитки. Не относятся ли сюда 32 бусины, приписанные инвентарем к первому погребению?

Курган 20 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1934—1935 гг.) прилегал вплотную с юга-запада к кургану 19/21; основание кургана овальное, вытянутое в широтном направлении. Высота около 0,61 м, диаметр с севера на юг 22,45 м, с запада на восток — 25,8 м. В насыпи кое-где встречались обломки гераклейских амфор и было обнаружено позднекочевническое впускное погребение без номера. Где-то проходил тонкий слой лесового выкида.

Погребение I (основное) очерчивалось на лессе в форме полукруга. Несомненно, пятно соединяло в себе контуры входной ямы и катакомбы первого типа, ориентированных по длине с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Длина его 1,8 м, ширина 1,5 м, глубина 1,45 м. На 0,35 м яма засыпана черноземом. На юго-юго-западной стороне был сделан уступ длиной 1,8 м, шириной 0,35 м, высотой 0,2 м. Дно ямы представляло собой четырехугольник с закругленными углами. Во входной яме были отдельные человеческие кости. На дне, где ее длина 2,55 м, а ширина 0,8 м, обнаружены остатки бока лошади (?) и ноги вытянутого костяка, свидетельствующие о том, что покойник лежал головой на западо-северо-запад.

Погребение 2 находилось в 1,8 м к югу от погребения 1. Входная яма имела форму четырехугольника (углы слегка округлены), ориентированного с востока на запад, размером 1,30 × 1,30 м, глубиной не менее 1,5 м. Во входной яме по южной стенке на глубине 0,5 м был сделан уступ шириной 0,6 м,

высотой 0,9 м. Под северной стенкой была расположена катакомба третьего типа по плану, но первого по широтной ориентировке, в виде четырехугольника с округленными углами. Устье ее треугольное, длиной 0,85 м, высотой 0,6 м, продольный разрез представлял трапецию (вверх обвалом). Катакомба была ориентирована с востока на запад, длина ее 1,9 м, ширина 0,9 м, глубина не менее 2,2 м. Под ее северной стенкой лежал вытянуто на спине, головой на запад, костяк ребенка, несколько потревоженный зверьком. В головах его находились остатки ребер и передней ноги барашка, на них — железный нож с костяной из двух пластинок ручкой. Там же обнаружено еще несколько обломков костяных ручек (всего, по-видимому, от трех ножей), на одной у основания лезвия — бронзовая обойма. Под правой локтевой костью были бронзовый наконечник втульчатой стрелы одного из обычных типов и железная разрушившаяся ворворка. Согласно инвентарю, сюда же относятся обломок дерева от лука, две бусинки желтой и голубой стеклянной пасты и глиняное пряслице биконической формы.

Погребение 3 было расположено в 1 м к северо-востоку от погребения 1. Четырехугольная входная яма была ориентирована с запада на восток, ширина ее 0,6 м, длина около 1,5 м, глубина 1,15 м (?). По ее восточной и северной стенкам расположен на глубине 0,55 м уступ длиной 0,9 м, шириной 0,25 м, высотой 0,2 м. Этим дно входной ямы сокращено в ширину до 0,25 м. Катакомба третьего типа по плану и первого типа по ориентации, расположенная под южной стенкой, имела устье в юго-западной части входной ямы. Ее конец на востоке далеко заходил за входную яму, а на западе не достигал одной трети до ее конца. В плане она — четырехугольник, ориентированный с востока на запад, ее длина 1,15 м, ширина 0,75 м, глубина 1,25 м. На дне в восточном конце лежали таз и кости обеих ног. Из их положения видно, что костяк лежал вытянуто, головой на запад. Согласно инвентарю, там было до 100 обломков амфоры. Среди них два обломка горла с клеймами КОΔΓ, ΓΑ и Ξ (ΠΔ)ΜΑΧΗ|ΠΩΦΥΤΞ. Оба вдавленные, гераклейские, первой половины IV в. до н. э.

Курган 21 (раскопки Коршика, 1935 г.; раскопки А. Я. Брюсова, 1936 г.)³. Курган находился к юго-западу от кургана 12, недалеко от него. Высота его 0,4 м, диаметр 23,6 м. В насыпи найдено довольно много мелких и крупных обломков амфор, среди них — донышко с остатками смолистого вещества и два обломка ручек. В одном из секторов была найдена почти полная, но с разбитым корпусом амфора боспорского типа IV—III вв. до н. э. (рис. 7, 7), обломки грубого сосуда с примесью дресвы, 16 мелких камней и рукоять ножа с остатками железного лезвия. Вокруг центра прослеживался лессовый выкид радиусом около 6 м. Его толщина около 20 см.

³ Л. Д. Дмитриев. Археологічне вивчення Нікопольщини в 1935—1936 рр. Археологія, т. III. Київ, 1950, стр. 151 и сл. В этой заметке на таблицах II—IV опубликованы рисунки некоторых скифских вещей из раскопок 1935—1936 гг. Часть этих рисунков нами повторена с клише Л. Д. Дмитриева, часть дана с новых рисунков. Здесь же рисунки к кургану 2, погребению 17 (см. выше, стр. 59). Дневники тоже опубликованы (см. выше).

Погребение 1 (основное) расположено близ центра, к востоку от него. Входная яма четырехугольная, ориентированная с востока на запад, длиной 1,45 м, шириной 0,8 м, глубиной 1,85 м. По западной стенке был сделан узкий уступ на глубине 1,25 м, высотой 0,65 м. Под восточной стенкой находилась катакомба второго типа длиной около 1,6 м, шириной 0,8 м, глубиной 4,17 м, заполненная черноземом вперемежку с лёссом и, несомненно, обвалившаяся. На стенках ямы и катакомбы были заметны следы оружия в 4 см шириной. На дне на травянистой подстилке лежал головой на запад, в вытянутом положении, на спине, костяк молодой женщины (?). У входа был найден обычный наконечник бронзовой стрелы. В головах лежало на ребре бронзовое зеркало с костяной ручкой (рис. 8, 2), состоявшей из двух пластинок, соединенных железными заклепками. За зеркалом был обнаружен деревянный столбик высотой 15 см и 12 см в поперечнике. Около него на боку лежал маленький горшочек (рис. 7, б); к его дну пристала половина бронзового браслета, другая — отвалилась и лежала тут же. Л. Д. Дмитриев предположил, что горшочек сначала стоял на столбике. На шее было несколько пастовых красных и зеленых бусин. Справа у входа в катакомбу лежали ребра, лопатки, часть передних ног и таз коровы. Среди ребер коровы находился железный нож с костяной ручкой, у головы — какие-то деревянные остатки, прошитые бронзовой проволокой, свинцовое коническое пряслице, а у левой руки — 11 обычных бронзовых наконечников стрел (рис. 3, 5). Три наконечника лежали отдельно на разных местах скелета. Под костяком были прослежены остатки деревянного ложа, скрепленного железными скобками.

Погребение 2 находилось в 8 м на восток от погребения 1 (впускное). Входная яма — овальная, длиной 1,3 м, шириной 0,9 м, глубиной 0,8 м. Ориентирована с юго-запада на северо-восток. Под восточной стенкой был вход в катакомбу третьего типа, расположенную перпендикулярно яме с северо-запада на юго-восток. Длина ее 2,5 м, ширина 0,8 м, глубина около 2 м. Северный конец округлен, а южный — заострен. Костяк лежал головой на северо-запад, вытянуто, на спине, на травянистой подстилке. На правом плече лежал железный наконечник копья, совершенно расслывшийся. У правой ноги — железный цилиндрический подток. У кисти левой руки — девять бронзовых трехгранных стрел, а две такие же — у колена левой ноги. Еще девять раскидано у ног в насыпи, две — у правого плеча и восемь — у входа в катакомбу (рис. 3, б). В головах под северной стенкой лежал левый бок лошади без хребта. Под костями прослежена деревянная подставка. Близ костей лошади находился железный нож с костяной ручкой, состоявшей из двух скрепленных железными заклепками пластинок. Среди костей коня найдена маленькая пирамидальная ворзорка с вертикальной сверлиной.

Погребение 3 (впускное) было расположено в 3,5 м к северу от центра. Входная яма продолговатая, ориентирована с востока-северо-востока на западо-юго-запад. Размеры: 1,5×1×2,2 м. Вдоль западной стенки над дном ямы на глубине 1,75 м был расположен уступ шириной 0,25 м, высотой 0,45 м. В насыпке очень много человеческих и конских костей и обломков местного сосуда. В восточной стенке помещалось устье катакомбы третьего типа высотой 0,6 м, шириной 0,55 м. (Над катакомбой находилось детское погребение головой на во-

сток.) Катакомба была расположена поперек входной ямы, ориентирована с северо-запада на юго-восток, ее северный конец закруглен, а южный — заострен, длина 2,65 м, ширина 1,05 м, глубина 2,85 м. Дно залито илом. Костяк лежал на дне, головой на северо-запад, в вытянутом положении, на спине. Он сильно потревожен и разбросан. В могиле найдено пять бронзовых трехгранных наконечников стрел (рис. 3, 7).

Погребение 4 (раскопки А. Я. Брюсова) находилось между вскрытыми ранее погребениями. Катакомба второго типа. Входная яма была ориентирована с запада на восток. Ее длина 1,21 м, ширина 1,05 м. Она имела три уступа и достигала 0,97 м глубины. К востоку шла поката катакомба высотой 0,55 м; длиной 2,4 м, ширина у входа 1,1 м, на восточном конце 0,2 м. В этом конце дно — на глубине 1,8 м. В насыпке входа были разбросаны в беспорядке человеческие и лошадиные кости, кусочки железа, раздавленная бусина и кусочки древесного тлена. В восточном конце катакомбы — череп, берцовые и бедренные кости человека. Помимо древнего ограбления, погребение пострадало от деятельности крупных грызунов.

Курган 22 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1935 г.; А. Я. Брюсова, 1936 г.) находился в 10 м на юго-юго-запад от кургана 21. Раскопки начаты Ф. Н. Кирановым, но после его смерти никаких записок найдено не было. В насыпи, частично им вскрытой, обнаружено 14 костей молодого человека, пять костей домашних животных, обломок толстостенного лепного сосуда и обломок стенки амфоры с вырезанным знаком вроде восьмерки.

Размеры насыпи, определенные А. Я. Брюсовым в 1936 г., следующие: высота 0,7 м, диаметр 15 м. Тогда же был открыт невидимый извне узкий и мелкий ровик за подошвой кургана. Размеры его А. Я. Брюсовым не указаны.

В насыпи по северной подошве (особенно в северо-западном секторе) найдено несколько костей лошади, обломки амфоры (ручка и др.) и мелкие обломки лепного сосуда. В северо-западном секторе — разбитая амфора и зернотерка с частью куранта. Вокруг центра — несколько пятен лёссового выкида.

Посреди этого лёссового кольца находилось пятое основное погребение 1. Это четырехугольная яма с округленными углами, ориентированная с юго-востока на северо-запад, размеры не выяснены, глубина около 2,25 м. В ней были разбросаны в беспорядке кости человека и бронзовая стрела.

Погребение 2 (впускное) находилось очень близко к югу от погребения 1. План и ориентировка его те же. Длина 2,1 м, ширина 1,44 м, глубина 1,8 м от вершины кургана, от горизонта — 0,5 м. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад, на подстилке из травы. При костяке найдены свинцовое коническое пряслице, 14 стеклянных бусин на груди и бронзовые серьги в виде проволоочных колец по сторонам головы.

Погребение 3 было расположено ниже дна могильной ямы погребения 1 и занимало северо-западную четверть этой ямы (размеры не даны), форма и ориентировка ямы те же, что у погребения 1. На дне ее (глубина от грунта 10 см) лежал сильно потревоженный костяк ребенка в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад. (На месте сохранились кости от шеи до таза). На груди лежали две целые дутые бронзовые шаровидные бусины и несколько их обломков.

Курган 23 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1935 г.; А. Я. Брюсова, 1936 г.) — к югу от кургана 13/14. Ф. Н. Киранов до своей смерти успел вскрыть часть насыпи. Записей и планов не сохранилось. Насыпь вытянута с востока на запад. В музее из этого кургана сохранилось два обломка костей домашних животных и небольшой кусок обработанного дерева.

При исследовании кургана в 1936 г. А. Я. Брюсовым установлена высота в 1,5 м и диаметр в 27 м. Со всех сторон от центра в насыпи, на одну треть ее радиуса, неровными слоями лежало кольцо лёссового выкида. Как раз внутри него находились погребения 1 и 2. В насыпи, у подошвы, в северо-западном секторе, были обнаружены кости лошади и несколько обломков амфоры. Вокруг насыпи, почти под ее видимой подошвой, был вскрыт узкий и неглубокий ровик (размеры не указаны).

Погребение 1 (впускное). В центре кургана находилась яма в форме неправильного овала, ориентированного с востоко-юго-востока на западо-северо-запад, длиной 2,8 м, шириной 1,3 м, глубиной 2,6 м. В этой яме в полном беспорядке лежали кости покойника, а также обломок железа и т. п.

Погребение 2 (основное). Ниже-дна первой ямы находилась еще яма в виде четырехугольника очень неправильной формы, ориентированная с западо-северо-запада на востоко-юго-восток, с округленным западно-северно-западным концом. Ее глубина 2,88 м. Ее длина и ширина примерно те же, что у погребения 1. В восточно-юго-восточном конце (на дне) сохранились вытянутые голень правой и вся левая нога. Покойник лежал, очевидно, на подстилке из листьев, в вытянутом положении, на спине, головой на западо-северо-запад. Слева был виден след меча или кинжала (?); зеленое пятно от рукояти было прослежено от нижних ребер до половины бедра, далее вдоль ноги — полоса от ржавчины железа.

Курган 24 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1935; А. Я. Брюсова, 1936 г.). Очень маленькая насыпь, расположенная в 5 м к востоко-юго-востоку от кургана 23. Высота его 0,2 м, диаметр 12,5 м. Выкида не наблюдалось. В центре была овальная яма, заполненная черноземом, ориентированная с востока на запад, длиной 2,2 м, шириной 1,7 м, глубиной 1,35 м. Ниже 1,1 м заполнение лёссовое. В засыпке на разных глубинах были найдены ручка амфоры, черепная крышка человека, бронзовый наконечник стрелы. Под северной стенкой лежали в беспорядке остатки костей человека, а к востоку — нижняя часть костяка мужчины *in situ*. По форме ямы и положению костяка видно, что это были одновременно и входная яма и обвалившаяся катакомба. По ней видно, что костяк лежал головой на запад, вытянуто на спине. У правой голени были обнаружены 11 трехгранных бронзовых наконечников стрел, лежащих остриями на восток, около них — древесный тлен от колчана (?). Ф. Н. Киранов отмечает, что в этом погребении впервые не было найдено костей животного. В 1936 г. А. Я. Брюсов исследовал курган. Никаких находок в насыпи и новых могильных ям при этом не было обнаружено.

Курган 25 (раскопки Ф. Н. Киранова, 1935 г.; А. Я. Брюсова, 1936 г.) был расположен в 3 м к северо-востоку от кургана 24. Насыпь не описана. Курган, несомненно, небольшой. Судя по плану группы, он круглый в основании.

Погребение 1, расположенное в 2,1 м к северу от центра, находилось в яме с какими-то ни-

шами. По форме оно представляло собой овал, ориентированный с востока на запад, длиной 2,1 м, шириной 1,7 м, глубиной около 1,05 м (?). В засыпке лежало несколько человеческих и коровьих костей, а также обломок лепного сосуда. С глубины около 1 м от горизонта начали попадаться куски гранита; их было шесть. Они довольно крупные (44 × 30 × 20 см и т. п.). На дне лежало восемь малых камней. По мнению Ф. Н. Киранова, это была разбросанная закладка устья. В засыпке и на дне ямы лежали в беспорядке кости человека и коровы. Там же были найдены прашевое ядро, часть костяной ручки и железное лезвие ножа, два конических свинцовых пряслица, две железные скобочки, четыре пирамидки, бусины синего стекла, 27 бронзовых наконечников трехгранных стрел (все однотипные) и при них — тлен дерева и кожи от колчана (?).

Погребение 2 было расположено почти в центре кургана на глубине 0,35 м ниже горизонта и содержало средневековое трупосожжение.

Погребение 3 находилось к северу от погребения 2, в яме длиной 3,81 м, шириной 2,57 м, глубиной 2,15 м. Судя по размеру, это была обвалившаяся катакомба, ориентировка ее неизвестна. Мужской скелет, обращенный головой на запад, лежал скорченно на травяной подстилке. У кисти левой руки находилась кучка бронзовых стрел обычного типа (16 экз.), а в головах — кости коровы. Среди последних был обнаружен железный нож. Еще несколько стрел было между ногами костяка. А. Я. Брюсов обнаружил в центре входную яму в погребение 1, которое было вскрыто Ф. Н. Кирановым. Итак, это тоже была катакомба, хотя и недостаточно прослеженная.

Погребение 4, сильно потревоженное, являлось, по мнению А. Я. Брюсова, древнейшим, что, однако, маловероятно. Яма длиной 2,58 м, шириной 1,24 м, глубиной 0,9 м была ориентирована с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. В этом конце был небольшой подбой. Здесь найдены трехгранная бронзовая стрела (рис. 3, 8), человеческие и бараньи кости.

Погребение 5 находилось в четырехугольной яме, вытянутой с юго-востока на северо-запад, длиной 1,2 м, шириной 0,7 м, глубиной 1,14 м от вершины. Костяк ребенка 7—8 лет лежал вытянуто, головой на северо-запад. Судя по отсутствию вещей и положению над погребением 1, это впускное, позднейшее, отнюдь не скифское погребение.

Курган 26 (раскопки А. Я. Брюсова, 1935 г.) находился в 5—6 м прямо на восток от кургана 25. Высота его 1,17 м над горизонтом 1,75 м, диаметр 23,5 м.

В насыпи было найдено несколько костей человека, обломок железного предмета, несколько костей овец, несколько обломков амфоры и лепного сосуда. Вокруг центра прослеживался вал лёссового выкида шириной 9—10,5 м, а внутри — темная черноземная часть насыпи. Ниже, как всегда, лежал слой первоначально выкинутого из погребальной ямы чернозема. Внутренний диаметр кольца выкида 9—10,3 м.

Погребение 1 (основное и единственное, расположенное в самом центре). Сразу открыто пятно и входной ямы и обвалившейся катакомбы. Входная яма в форме неправильного четырехугольника ориентирована с севера на юг, ее длина 1,4 м, ширина 1 м, глубина от горизонта 1,9 м. Катакомба находилась под ее восточной стенкой. Она имела фор-

му очень неправильного четырехугольника, ориентированного с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Ее северный конец совпадал с северной стороной входной ямы, а южный был на 65 см длиннее входной ямы. Ее длина 2,05 м, ширина около 1 м (северный конец уже), глубина 1,9 м. В засыпке были най-

дены кусок костяного и кусок железного предмета и отдельные кости человека (бедря, череп и т. л.). У восточной стенки катакомбы лежали обломки железного предмета (копья?). Могила, несомненно, отработана в древности.

КУРГАНЫ, РАСКОПАННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ Б. Н. ГРАКОВА (в 1937—1946 гг.) И КУРГАН 27, РАСКОПАННЫЙ А. П. МАНЦЕВИЧ в 1936 г.

ГРУППА КУРГАНОВ ПРОТИВ УЛИЦЫ 9-го ЯНВАРЯ пос. СУЛИЦКОГО

Эта группа расположена вдоль дороги из Никополь на Алексеевку, справа от нее, к северу от пос. Сулицкого. Всего в группе пять курганов: курган 1 находится в 72,5 м на 202° от центра крайнего западного кургана группы II (по нумерации Ф. Н. Киранова); курган 2, находящийся прямо напротив столба седьмого километра от Никополь, расположен на 196° в 54,75 м от кургана 1; курган 3 стоит в 90 м на 295° от кургана 2; курган 4 той же группы находится в 20 м к западу от кургана 3; курган 5 расположен прямо к юго-западу от кургана 3, самого высокого (около 6 м) в группе. Курганы 1, 2 и 4 малых размеров, курганы 3 и 5 — крупные.

В 1937 г. были раскопаны курганы 1, 2, 3. Первые два относятся к скифской эпохе, а третий — к бронзовой и поэтому входит в описание О. А. Кривцовой-Граковой. К этой же группе следует отнести курган 27, раскопанный А. П. Манцевич в 1936 г.

Курган 1, сильно распаханный, имел 0,7 м высоты от уровня пашни, а от древнего горизонта — 0,8 м. Его диаметр около 2 м. Насыпь (как было обнаружено при вскрытии) была совершена в два приема. Об этом можно судить по двум рвам, один из которых отстоял от центра насыпи на 8—9 м и был ею полностью покрыт, а второй — находился вне насыпи в метре с небольшим от первого. Внутренний ров был раскопан полностью, а второй вскрыт поперечной траншеей с восточной стороны кургана. Ширина внутреннего рва до 0,95 м, внешнего — до 1,4 м. Оба они сужаются книзу и имеют глубину 0,7 и 0,85 м. К северу и северо-востоку от центра была расположена могильная яма погребения 1, единственного в кургане. Вокруг могилы широким нерегулярным пятном расположен выкид, примыкавший на уровне древнего горизонта к могильной яме и состоявший здесь из тонкого слоя чистого лёсса, а под ним и дальше от могилы — из чернозема, смешанного с лёссом (в последовательности выбрасывания из ямы).

В насыпи был сделан ряд находок. Фрагменты греческих амфор (рис. 7, 8 и 9), впрочем малочисленные, были найдены частично в пределах первой насыпи, на уровне горизонта, частично — во внутреннем рву. Среди них имелись бортик типа Солохи I и ножка рюмкообразной формы. Здесь же находились фрагменты нескольких местных сосудов. Под насыпью на горизонте, было найдено пять фрагментов от одного сосуда с плоским дном и прямым горлом, с большим содержанием слюды в глине. Небольшие фрагменты довольно крупного сосуда были обнаружены во внешнем рву. Там же найден фрагмент первого из двух сосудов.

Кроме того, в насыпи обнаружены: шестиугольная бляшка из белого металла с ушком на обороте, бронзовый неполный псалий в трех кусках с коническим расширением, отогнутой в сторону нижней частью, с двумя отверстиями в угловатых расширениях середины стержня и фрагмент середины такого же бронзового псалия с двумя отверстиями, но меньшего размера (рис. 110, 2). Не вызывает сомнения, что те, вещи, которые находятся на уровне горизонта под насыпью внутри рвов, могут относиться только к первой ранней тризне, а те, что были во рвах и под внешней насыпью, — лишь ко второй тризне перед окончательной насыпкой кургана. При этом сосуды разбивались и разбрасывались, то же делалось хотя бы с частью и других предметов (например, с псалиями). Так же поступали и со съеденными во время тризны животными: кости лошадиные и бараньи были встречены и во внешней и во внутренней ямах.

Несколько находок в насыпи не связаны с тризной, а некоторые из них хронологически не увязываются со всем комплексом. Таков, например, небольшой фрагмент черепа, интенсивно окрашенного красной карской. Этот фрагмент находился на глубине 0,37 м в черноземе насыпи (из рва). Он мог попасть сюда из разрушенного грунтового погребения гораздо более раннего времени. Кусок белой глины и два бронзовых трехлопастных наконечника стрел, обнаруженных в насыпи, вполне совпадают с найденными при покойнике и скорее всего были вынесены в насыпь зверьками.

Погребение 1 (рис. 2А, 4) находилось в яме следующей структуры. Входная яма имела форму овала, ориентированного с западо-северо-запада на восток-юго-восток. Ее длина 2,3 м, ширина 1 м, глубина от горизонта 1,5 м. Вдоль западно-юго-западной стенки входной ямы на глубине 1,5 м от горизонта шел уступ, имевший 0,4—0,6 м ширины при высоте 0,25 м. Входная яма была заполнена черноземом. Под восточной-северо-восточной стенкой была расположена катакомба первого типа, также ориентированная с западо-северо-запада на восток-юго-восток, длиной 2,65 м, шириной 1,7 м, глубиной 1,9 м. На дне входной ямы — остатки древесного тлена и тростника от перегородки, отделявшей камеру. Свод катакомбы обвалился в древности, и она засыпалась и затянута лёссом. Костяк мужчины лежал в катакомбе вытянуто, не прямо по ее оси, а головой на северо-запад. Справа от него находились два копья: от них сохранились перержавевшие листовидные наконечники, лежавшие в головах, остриями к северо-западу, и железные цилиндрические подтоки

В этом положении замерена длина копий: один оказался в 1,98 м, другой — 2,1 м. Вдоль левой руки лежал железный акинак с наваршием в виде двух обрамленных внутри завитков и узким сердцевидным перекрестием (рис. 4, 3). От ножен на поверхности лезвия сохранился незначительный тлен дерева и прикипевшая к острию полуовальная пластинка от оковки ножен снизу снаружи. На мече и груди костяка без определенного порядка лежали четыре конических бронзовых и одна такая же железная ворворки (рис. 11, 1—5). По дну камеры также в беспорядке были разбросаны 14 бронзовых втульчатых и трехлопастных наконечников стрел (рис. 12, 1). В головах костяка под стенкой катакомбы лежали нога, лопатка и ребра вепря. Земля под ними и самые кости были обожжены. Среди костей находилось лезвие железного ножа.

Сильно распаханный курган 2 имел высоту над пашней 0,55 м, над древним горизонтом — 0,6 м. Диаметр его около 20 м (рис. 13, 2). Однородная насыпь состоит из чернозема. Лёссовый выкид узкой полосой окружал центр кургана, уходя на восток и на юг на 2—3 м от него; в 6—7 м от центра шел внутренний ров, соответствовавший первой насыпке кургана. Его ширина на древнем горизонте очень неравномерна: на юге — до 3 м, на западе — более 1 м, но в среднем 0,9—1 м. Ко дну он суживался, имея глубину 1—1,05 м, но в месте наибольшей ширины на юге он был всего 0,5 м глубиной. Внешний ров пересечен траншеей в северо-западном направлении. Его ширина здесь 1,5—2 м, глубина 0,8 м, из них 0,3 м — в материковом лёссе. Таким образом, курган 2, как и курган 1, насыпался дважды.

Остатки тризны очень малочисленны в древнейшей насыпи, находящейся внутри первого рва. Это пращевый камень, мелкие фрагменты двух лепных сосудов, случайно попавшие в погребение 1; во входной яме погребения 3, во внешнем рву — фрагменты от тех же двух сосудов, немного крупных костей барана и лошади (?). Больше находок во внутреннем рву: в юго-восточном секторе — три фрагмента амфоры, таз ошцы, кости лошади, каменная зернотерка, фрагмент лепного сосуда. К северо-востоку, у внешней границы насыпи, найдены ручка амфоры и фрагмент местного сосуда. В юго-западном секторе находок была мало: во внутреннем рву — (квадрат А4) фрагмент амфоры и ребро лошади (квадрат Г1), а между этим рвом и внешней границей кургана — берцовая кость (квадрат Б2) и позвонок лошади (квадрат Б4). Гораздо больше остатков тризны за внутренним рвом, в северо-западном секторе. Здесь всюду было рассеяно множество амфорных остатков. Во внутреннем рву лежала (по кускам) почти полная разбитая боспорская амфора IV—III вв. до н. э. Во внешнем рву сплошной массой лежали (квадрат А7 и соседние) черепки амфор. Все фрагменты по меньшей мере от трех сосудов. Картина тризны ясна: кости и черепки на горизонте говорят о тризне перед открытой могилой; остатки во внутреннем рву и между ним и внешним рвом — о тризне после сооружения внутренней насыпи; остатки амфор во внешнем рву — о последней тризне после сооружения внешней насыпи. Главная масса остатков двух последних тризн расположена в головах основного покойника (погребение 3: 2). Вся насыпь была сооружена для погребения 3: к его яме относится материковый выкид, яма находилась в центре; рвы расположены концентрически по отношению к ней.

Впускное погребение 1, расположенное в северо-западном секторе (квадрат 31) на глубине около 0,2 м, возможно, разрушено плугом. Сохранились только берцовые кости; по ним видно, что покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-восток. Здесь же находился древесный тлен. Время погребения совершенно неясно.

Впускное погребение 2 было обнаружено в квадрате Е6 по пятну входной ямы на горизонте. Входная яма узкоовальной формы ориентирована с западо-юго-запада на востоко-северо-восток; длина ее 1,55 м, ширина 0,75 м, глубина 2,3 м от горизонта. На дне ее длина сократилась до 1,15 м. В южной стенке входной ямы сохранился уступ от устья катакомбы длиной 1,1 м, шириной 0,5 м, высотой 0,1 м. На ее западной стенке были видны следы мотыгообразного орудия, шириной сверху 0,06 м, внизу — 0,08 м. Его вертикальные размеры установить не удалось. Погребальная камера была отделена от входной ямы загородкой, от которой сохранился тлен дерева вдоль уступа из входной ямы. Камера имела форму овала длиной 1,55 м, шириной 1,3 м, глубиной 2,4 м от горизонта. Свод ее обвалился почти целиком. Все дно было покрыто слоем ила толщиной 0,15 м, ясно показывающего, что сюда долго проникала вода. В иле без определенного порядка лежали нижняя часть и половина большой берцовой кости взрослого человека, обе малые берцовые — ребенка и одно ребро лошади. Из вещей сохранилась медная подвеска в виде лунницы. Катакомба первого типа, несомненно, была ограблена, после чего в нее долгое время свободно стекала вода. Способ ограбления совершенно не поддается определению.

Основная могила — погребение 3 — была обнаружена на горизонте по пятну входной ямы, в юго-западном секторе в квадрате Д4, примыкающем к центру, а катакомба была расположена к северу от ямы, так что центр кургана приходился почти над ее серединой. Входная яма имела форму, близкую к прямоугольнику, и была ориентирована с западо-северо-запада на востоко-юго-восток; длина ее 2,9 м, ширина 1,05 м, глубина 2,55 м от горизонта. На глубине 1,7 м вдоль южной стенки шел уступ шириной 0,3 м. Концы входной ямы были подбиты в материк до высоты в восточном конце 1,65 м, в западном — до 1,75 м. Под северной стенкой входной ямы находилось устье катакомбы длиной по этой стенке 1,5 м и шириной в сторону камеры 0,3 м. Дно устья и камеры на 0,15 м ниже дна входной ямы. Прямоугольная катакомба имела длину 2,75 м, ширину 1 м, глубину от горизонта 2,75 м. Свод и устье у катакомбы совершенно обвалились. Входная яма была заполнена черноземом, а катакомба — желтым с черными прослойками лёссом от обвала свода. Таким образом, входная яма, очевидно, была засыпана, а катакомба оставалась пустой.

Во входной яме было обнаружено погребение 3: 1, расположенное немного выше уступа. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад на тростниковой подстилке и был покрыт сверху истлевшим тростником. По-видимому, при обвале катакомбы часть земли во входной яме осела, почему ноги покойника в погребении 3: 1 сильно опустились. Тело его еще не истлело в этот момент, так как кости не разошлись. Наиболее вероятно, и это подтверждается подробностями ритуала, что это впускное средневековое кочевническое погребение и что только относительно недавно катакомба обвалилась. Во входной яме у южной стенки на глубине 2,25 м от

горизонта был положен на левый бок, головой к западу, скелет молодой овцы, потревоженный зверьком. На дне входной ямы, в ее западном конце, лежала куча костей коня: много ребер, плечевая и лучевая и обе лопатки. При них было два ножа с костяными рукоятками (рис. 9, *3а* и *б*); лезвия собрались из кусков, обнаруженных и во входной яме и в катакомбе.

В катакомбе первого типа (погребение 3:2) было захоронено три покойника: мужчина, женщина и ребенок. Их совершенно целые кости были раскиданы слоем около 20 см по катакомбе и лишь немногие оказались в восточном конце катакомбы. Их целость, а также большая нора, заполненная черным перегноем, уходящая из катакомбы к северу, показали, что весь этот беспорядок — результат работы крупного животного. В первоначальном положении, посредине дна катакомбы лежали берцовые кости мужчины, который, несомненно, лежал в вытянутом положении, на спине, головой на западо-северо-запад. Он же был, очевидно, самым крайним к северу, так как у середины северной стенки *in situ* сохранились наконечники стрел, вероятно, относящиеся к нему. Небогатый инвентарь погребенных был так же разбросан. Здесь находились 94 бронзовых втульчатых трехгранных и трехлопастных наконечника стрел (рис. 12, 2). Они лежали остриями к востоку, под серединой северной стенки, а частью были разбросаны по могиле. В некоторых втулках сохранились концы древков с красным пояском под втулкой, а ниже — окрашенные в черный цвет. Несколько стеклянных бусин (11 в виде четырехгранных пирамидок синего стекла, две конические прозрачные, четыре — цилиндрические, вероятно, синие, семь мелких бусинок, одна из них голубой пасты, фрагмент цилиндрической бусины синего

стекла с белым глазком, фрагмент раскрошившейся бусины голубой пасты), костяное кольцо в виде низкого конуса с широким отверстием (рис. 6, 7), библиотечное глиняное пряслице (рис. 6, 8), несколько обломков тонких железных стержней, очень деформированных, два незамкнутых бронзовых кольца из круглой тонкой проволоки, почти совершенно расслоившихся, и небольшая бронзовая сильно окислившаяся пластинка — это все, что дошло до нас. В западном конце катакомбы, т. е. в головах покойника, лежали плечо и ребра лошади, отрубленные от хребта.

Курган 3, как указано выше, почти целиком относится к бронзовой эпохе. Два из 25 погребений в нем принадлежали средневековым кочевникам. Скифских погребений в этом кургане не было. Однако в траншее, перерезающей ров, было обнаружено на глубине 0,75 м три фрагмента остроногих греческих амфор, в насыпи, в 2 м к востоку от центра, на глубине 0,85 м — обломок стенки амфоры, в 3 м на запад и в 2,9 м на юг от центра, на глубине 3,55 м — еще фрагмент стенки амфоры, в 16 м на юг и 11,5 м на восток (под самой травой) лежала круглая выпуклая бляшка из бронзы с ушком, но от ушка на обороте остались только части оснований. Как попали эти вещи в ров и в насыпь, неясно. Обломки амфор в глубине насыпи скорее всего занесены зверьками. Бляшка под дерном и куски амфоры во рву могли относиться к тризне, справлявшейся на высокой насыпи этого кургана по всем погребенным здесь предкам вообще. Наличие под северной полкой злупского скифского погребения маловероятно, так как это было бы в самой окраине насыпи, а подобное явление неизвестно в скифских курганах Никопольского поля.

КУРГАН У пос. СУЛИЦКОГО (1936 г.)

Курган 27 был расположен через дорогу против курганный группы у пос. Сулицкого, раскопанной мной в 1937 и 1938 гг., у разветвления дороги Никополь — Кривой Рог, в 715 шагах на запад. Курган раскопан А. П. Манцевич в 1936 г. Насыпь сильно повреждена. Высота ее 1,6 м, диаметр около 27 м. В ней найдены кости животных и мелкие обломки амфоры. На глубине 1,25 м был прослежен тонкий слой лёссового выкида, лежавший пятнами вокруг центра кургана на черном выкиде.

Погребения 1 и 2 в насыпи позднечевичские.

Погребение 3 было расположено к юго-западу от центра, внутри кольца выкида. Входная яма представляла собой вытянутый овал длиной 3 м, шириной 1 м, глубиной 1,8 м, ориентированный с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. На глубине 1,4 м, вдоль южной стенки, был сделан уступ шириной 0,4 м, высотой около 0,4 м. Дно входной ямы, покрытое камышовой подстилкой, крутым уступом спало в катакомбу. Во входной яме встречено мно-

го костей человека и комья земли с приставшей к ним камышовой подстилкой. В яме было очень много остатков дерева от загородки катакомбы, среди них — лежащая продольно внизу доска и несколько вертикальных досок. Входная яма была заполнена черноземом.

Катакомба первого типа полуовальная в плане (в северо-северо-восточную сторону), ориентирована с востоко-юго-востока на западо-северо-запад, длина 3 м, ширина 1,4 м, глубина 1,8 м. В катакомбе лежал череп покойника и обломки втулки копы. В западном ее конце помещался бок коня (ребра, лопатка, плечо, лучевая кость); среди ребер найден железный нож с костяной ручкой. Дно было сплошь выстлано деревом, поверх которого лежала еще такая же, как и на дне входной ямы, подстилка. На дне катакомбы было найдено шесть обычных бронзовых наконечников стрел. Курган, несомненно, ограблен. А. П. Манцевич предполагает, что при этом были нарушены погребения 1 и 2, что может свидетельствовать о позднем характере таких ограблений.

ГРУППА КУРГАНОВ У ВОСЬМИКИЛОМЕТРОВОГО СТОЛБА ВДОЛЬ ДОРОГИ ИЗ НИКОПОЛЯ НА АЛЕКСЕЕВКУ

Группа состояла из двух курганов. Первый, раскопанный в 1938—1939 гг., высотой до 3 м и диаметром 32—33 м, находился справа у дороги, прямо напротив столба, на восьмом километре от Никополя. Второй, расположенный в 120 м к северо-западу от первого и раскопанный в 1938 г., принадлежал к числу обычных малых курганов.

Курган 1 представлял собой такую же коллективную усыпальницу бронзовой эпохи, как и курган 3 курганной группы против пос. Сулицкого. Его описание полностью дается в работе О. А. Кривцовой-Граковой. Лишь два впускных погребения относятся к занимающему нас времени.

Погребение 18 находилось в 1,05 м на север и в 2,4 м на запад от центра кургана. Хотя оно было впускным и далеко не достигало древнего горизонта, все же в насыпи удалось проследить контуры ямы, имевшей форму прямоугольника с округленными углами, длиной 1,9 м, шириной 0,8 м и глубиной от вершины 0,95 м. Яма была ориентирована с юго-юго-запада на северо-северо-восток. Могила была перекрыта поперек жердями, опавшими в яму. На дне ямы головой на северо-северо-восток, в вытянутом положении, на спине, лежал костяк молодой женщины. Череп лежал на затылке, зубы были плотно сжаты. Правая нога была согнута в колене. В головах сверху стоял кувшин красной глины, сделанный на круге. Рядом с ним к западу найдены лопатка и голени барана и при них плохо сохранившееся лезвие железного ножа. Под подбородком лежал ряд из девяти яйцевидных мелких бусин с позолотой. Много таких же бусин без определенного порядка находилось с правой стороны под черепом и среди них одна большая той же формы, но синего цвета. Под затылком лежало небольшое бронзовое круглое зеркало без ручки и без орнамента, под которым сохранились остатки футляра из ткани на мелкой плетенке из прутиков. Тут же было еще несколько бусинок. Вокруг каждой щиколотки было рассеяно много мелкого синего бисера от обшивки шаровар или верхней части обуви. На правой ноге было 77, на левой — 58 бусин.

Погребение 23 находилось в 6,7 м на север и в 6 м на запад от центра, на 0,75 м выше горизонта. Это был почти мстлевший костяк грудного ребенка, лежавший скорченно, на левом боку. Сохранились часть черепа, хребта, ребер, правая лопатка и плечевая кость, расположенная вдоль грудной клетки, а также обе бедренные кости без эпифизов, лежавшие под тупым углом к туловищу. Перед костяком на уровне плеча находилась розовая яйцевидная бусина (распалась). Под подбородком — пастовая фалличес-

кая подвязка и серебряный цилиндрический футляр с двумя ушками на верхней стороне по концам. В ногах лежал кубок без ручки на полый цилиндрической ножке с резным орнаментом в виде треугольников по корпусу и бортику. За кубком почти вертикально стояла небольшая песчаниковая плита.

Оба эти погребения, судя по кувшину и по бусам, не могут относиться к основной массе скифских погребений и, несомненно, должны быть отнесены к первым векам нашей эры.

Курган 2, сильно деформированный распахом, имел высоту 0,6 м и диаметр 16—18 м (точнее не поддающийся определению). Следы тризны в насыпи крайне немногочисленны и ограничивались несколькими разбросанными по горизонту обломками гераклевских амфор, лепных сосудов, костей лошади и плоской известняковой четырехугольной (26 × 18 см) плитой (утрачена в Никопольском музее во время войны). Следы тризны в основном сосредоточивались в северо-восточном секторе кургана.

Погребальное сооружение было со всех сторон окружено неровным пятном лёссового выкида, имевшего незначительный перерыв с южной стороны. Овальная входная яма имела направление с востока на запад. Ее длина 1,6 м, ширина 1,2 м, глубина 3 м от горизонта; от западной стенки четырьмя неравной высоты уступами она опускалась до дна катакомбы третьего тила, которая была сделана под восточным концом ямы и шла поперек него в виде перекладины буквы «Т». Могила была в древности ограблена, о чем свидетельствуют отдельные кости, разбросанные во входной яме, и остатки ила, показывающие, что яма была вновь открыта и стояла незасыпанной. По границе входной ямы и катакомбы шла узенькая канавка, в которой был укреплен разрушенный плетень на тонких кольях. Свод устья и катакомбы обвалился. Катакомба была ориентирована с севера на юг и сильно расширялась в юго-западном углу. Длина катакомбы 2,5 м, ширина в среднем 1,5 м, глубина 3 м от горизонта. Еще сильнее были следы древнего грабежа в катакомбе, где на дне остались в первичном положении только голень и стопа правой и верх голени левой ноги. Из их положения видно, что костяк лежал вытянуто, головой на север. В головах сохранились кости ног коровы, и среди них лезвие железного ножа. Частью тут же, частью у восточной стенки лежали в обломках медные квадратные штампованные бляшки небольшого размера с головкой барана en face. В середине катакомбы оказалась неполная ручка железного кинжала скифского типа.

ГРУППА КУРГАНОВ НА ДЕВЯТОМ КИЛОМЕТРЕ ДОРОГИ ИЗ НИКОПОЛЯ НА АЛЕКСЕЕВКУ

Эта небольшая группа находилась на девятом километре, справа у самой дороги, тянулась на протяжении немногим более 100 м и состояла из четырех насыпей (?) неопределенных очертаний, едва заметных над поверхностью. Курганы ли это или, может быть, результаты своеобразной распахки, совершенно не ясно. Одна из таких насыпей раскопана как курган 5 в 1937 г. Остальные четыре насыпи обычного для Никопольского курганного поля типа малых курганов. Из них одна раскопана в 1937 г. под

номером 4 и две — под номерами 2 и 3 в 1939 г. Не раскопанным остался небольшой курган (который можно отметить как курган 1 этой группы).

Курган 1 (не раскопан). Он крайний западный в группе, расположен в 28 м от кургана 4, и на его вершине был найден при осмотре в 1937 г. бочок баночного сосуда, густо покрытый обычной гребенчатой штриховкой.

Курган 2 был расположен у самой дороги, между нею и курганами 4 и 5, раскопанными в 1937 г. На-

сыпь сильно распахана. Его вершина (0,8 м) находится с южной стороны, что совершенно необычно. Может быть, это результат выбрасывания земли при древнем ограблении. Диаметр около 18 м. Вскрытие показало, что при сооружении кургана было использовано незначительное естественное возвышение, так что современная высота в центре равняется 0,4 м от поверхности древнего холмика. В насыпи до горизонта на разных глубинах было встречено несколько обломков человеческих и овечьих костей и ребро лошади (?). Кроме того, найдены: фрагмент плечика гераклейской амфоры, два кусочка реальгара и фрагмент плоской зернотерки. Находки сосредоточивались главным образом вокруг центральной ямы в южной половине кургана.

На горизонте, в 6—7 м от центра кургана, был обнаружен опоясывающий ров, немного шире 1 м, глубиной 35—60 см. Этот ров был более заметен в разрезах, чем в плане, на котором поэтому его границы нанесены пунктиром. Был ли этот ров внутренним, как в курганах 1 и 2 (1937 г.), или внешним и единственным, через который распашка стянула часть насыпи, сказать трудно. Выкид лежал рядом, к востоку от входной ямы погребения 2.

Погребение 1 (впускное, рис. 14, 1), расположенное менее чем в 2 м к востоку от центра, оно находилось в яме, имевшей форму четырехугольника, ориентированного с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Ее длина 1,7 м, ширина 0,85 м, глубина от горизонта 1,2 м. Могила была немного нарушена зверьками. Поэтому на уровне горизонта в северном конце могилы была найдена белая яйцевидная стеклянная бусина (все бусины из этого кургана см. рис. 6, 9) с темным пояском посередине. На дне ямы лежали рядом два костяка детей 6—7 лет. Оба они лежали в совершенно вытянутом положении, головами на северо-северо-восток, у обоих нижние челюсти были отнесены зверьками в сторону. К северо-востоку от головы лежавшего к востоку костяка находились кости передней ноги и несколько ребер овцы, среди которых лежало лезвие железного ножа. В головах западного костяка стоял небольшой лепной серый сосуд с низким и широким горлышком (рис. 7 11). На груди восточного костяка лежала синяя стеклянная бусина с желтым орнаментом, у его левого плеча — раковина пурпурницы, у носка левой ноги — рубчатая желтая цилиндрическая бусина из стекла. На правой ключице лежавшего в западной стороне костяка находилась голубая пастовая бусина с белыми глазками, под позвоночником — еще такая же бусина и под тазом — глиняное грушевидное пряслице.

Погребение 2 (основное). К востоку и северу от пятна входной ямы, обнаруженной на горизонте к западу от центра, находились небольшие холмики лёссового выкида. Входная яма имела в плане форму неправильного четырехугольника, ориентированного с северо-запада на юго-восток и имевшего длину 1,3 м, ширину 0,75 м и глубину от горизонта 3,3 м. На глубине 1,15 м от горизонта в ней шел уступ по всем сторонам, шириной по длинным сторонам 0,10—0,17 м, по коротким 0,20—0,25 м. На глубине 3,08 м был сделан еще опоясывающий материковый уступ, шириной 0,2 м. Во входной яме, заполненной черноземом, на разных глубинах попались: человеческая челюсть, шесть грубых известняковых больших камней, вероятно, от закладки устья катакомбы, немного гнилого дерева, железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (на глубине 2,8 м), ребро

лошади и костяная ручка ножа (на глубине 3,2 м). Катакомба третьего типа (рис. 2А, 5) была расположена поперек оси входной ямы, образуя как бы перекладину буквы «Т». Она имела заостренный свод, хорошо сохранившийся в разрезе. Устье, находившееся под юго-восточным концом входной ямы, оказалось, но было, несомненно, очень узко: не более 0,5 м в диаметре. Дно катакомбы в плане представляло собой не вполне правильный четырехугольник, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Длина катакомбы 1,9 м, ширина до 1,75 м, дно на глубине от горизонта 4,25 м. Высота свода катакомбы от ее дна 4,25 м. На дне катакомбы открылась картина полного расхищения. В северном конце лежал неполный череп взрослого мужчины в первичном положении. У западной стенки — кисть мужской руки; у восточной — левое плечо взрослого человека, по-видимому, женщины. В могиле, таким образом, лежали два костяка, в вытянутом положении, головой на северо-восток. Вещей сохранилось очень мало: в центре — три трехлопастных втульчатых наконечника, в юго-западном углу — два, все бронзовые, около первых стрел — обломок железа и две бусины: одна — черная с желтыми зигзагами и другая уплощенная mille fiore (рис. 6, 10). Под черепом находился кусок выделанной кожи. В юго-восточном углу в полном беспорядке лежало несколько крупных костей от ног лошади.

Курган 3, крайний восточный в этой группе, также малых размеров, заключал 11 погребений. Лишь погребение 6 принадлежит эпохе раннего средневековья, остальные — бронзовой эпохе и описываются в работе О. А. Кривцовой-Граковой.

Курган 4 был расположен прямо к северу от кургана 2, сильно распахан. Его высота от уровня пашни 0,55 м, от древнего горизонта 0,6 м. Диаметр около 20 м. Насыпь состояла из чернозема (рис. 13, 1). Вокруг лежал лёссовый выкид, толщиной до 0,55 м, частью смешанный с черноземом. Выкид отстоял от центра на 4—5 м, оставляя свободной и то не полностью площадь над могилой, находившейся очень близко от современного центра, к северо-западу. Над самой катакомбой, на уровне горизонта, была обнаружена ножка красноглиняной (рис. 7, 10) амфоры, и ниже горизонта в почвенном черноземе — три мелких обломка каменного блюда или зернотерки. В юго-западном секторе немного ниже горизонта было найдено еще два обломка того же блюда. Все они, таким образом, были разбросаны на очень значительном расстоянии друг от друга. В северо-восточном секторе в разных местах в черноземе ниже горизонта были найдены венчик лепного сосуда, часть амфорной ручки и два обломка длинных костей лошади.

В юго-восточном секторе были найдены прашевый шарик и еще глиняный небольшой шарик. Все эти немногочисленные остатки тризны в результате интенсивной деятельности роющих зверьков оказались ниже уровня древнего горизонта.

Погребение было расположено к северо-западу от центра. Входная яма имела близкую к прямоугольнику форму, была ориентирована с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Ее длина 2,4 м, ширина 0,8 м, глубина 2,25 м от горизонта. В ней на глубине 2,15 м от горизонта, по юго-юго-западной стенке, был сделан материковый уступ шириной 0,5 м. В темной черноземной засыпке входной ямы ниже уступа попались отдельные человеческие кости и обломок железного ножа. На стенке уступа в могильной

яме сохранились следы двух орудий: одного — в виде узкой полукруглой в сечении кирки, шириной около 2 см, и мотыги длиной до 9,5 см при ширине сверху 4 см и внизу — 6 см.

Катакомба первого типа (рис. 2А, 6) находилась к северо-северо-востоку от входной ямы, причем ее устье занимало почти всю соответствующую стенку последней. В восточном конце устья вдоль основания уступа сохранились остатки нескольких кольев от загородки катакомбы. Колья концами упали внутрь нее. Свод и устья и катакомбы обвалились, в результате чего она заполнилась желтым лёссом. В плане катакомба имела форму неправильного овала, ориентированного с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Ее длина 2,45 м, ширина 1,6 м, глубина от горизонта 2,25 м, т. е. совпадает с глубиной входной ямы. По ее средней оси лежал костяк женщины, от которого в первичном положении сохранились обе ноги и правая подвздошная кость. По их положению ясно, что погребенная лежала в вытянутом положении, головой на западо-северо-запад. Остальные кости или отсутствовали или были раскиданы. Могила была, несомненно, ограблена с западного конца, причем часть костей была извлечена наружу. Ограбление не имело особой мины. Грабители проникли в катакомбу, вскрыв западную часть входной ямы и разобрав и выкинув с той же стороны плетень-загородку. Совершенно очевидно, что катакомба во время ограбления стояла еще пустой, не обвалившейся, так как колья восточного конца плетня после этого успели упасть внутрь ее. Первоначально погребение было, вероятно, очень богато. При раскопках в области шеи оказались разбросанными девять золотых

(рис. 6, 11а) и несколько стеклянных бусин (рис. 6, 11б), узкая золотая ленточка, оторванная от чего-то большого. Золотые бусины были ювелирные из тонкого листика; среди них было восемь яйцевидных с четырьмя продольными гладкими валиками, перемежающимися со столбчатыми же рубчатыми (каждый из пяти выпуклых прямоугольников). Девятая бусина биконическая: на каждом конусе по шесть треугольников из зерни вершинами в противоположные стороны (через один); на одной половине весь узор сохранился полностью, на другой — только отдельные зернышки зерни. Шесть стеклянных бусин небольшие, из них четыре — биконические синего цвета, одна — шаровидная, и один обломок, утративший первоначальный цвет. У левой голени было найдено свинцовое пряслице (рис. 6, 12) с вертикальными бороздками, а перед левым коленом — кусочек яркого реальгара. Как и обычно, в катакомбе, несомненно, были когда-то и остатки жертвенного мяса: крупные кости животных и обломок ножа были выброшены при ограблении из катакомбы во входную яму.

Курган (?) 5, расположенный по соседству с курганом 4, представлял собой едва заметное возвышение, высотой 0,2 м, поперечником 10 м с запада на восток (в меридиональном направлении границы были неясны). Всюду на глубине 0,3 м открывалась погребенная почва. Никаких следов могильных или иных ям обнаружено не было. Все же в раскопе было найдено пять бронзовых трехлопастных втулчатых наконечников стрел (рис. 12, 3) и обломок от современной кровельной черепицы.

ГРУППА КУРГАНОВ В КОНЦЕ ДЕВЯТОГО КИЛОМЕТРА ДОРОГИ ИЗ НИКОПОЛЯ В АЛЕКСЕЕВКУ

Эта группа находится на последних трехстах метрах девятого километра от Никополья, также справа в 50—70 м от дороги. Курган 1 может считаться одиночным. Он был расположен недалеко от группы курганов на девятом километре, описанной только что. В 300 м к западу от него была расположена компактная группа из трех курганов. Таким образом, объединение этих четырех курганов в одну группу условно. Крайний западный из этих курганов был расположен почти напротив километрового столба, за которым начинается десятый километр. Эти курганы раскапывались в 1940 г.

Курган 1 был крайним восточным в группе и заключал в себе 12 погребений. Все они, кроме погребения 6, принадлежащего кочевнице раннего средневековья, относятся к эпохе бронзы. Они описаны в публикации О. А. Кривцовой-Граковой.

Курган 2 находился в 300 м к западу от кургана 1. Он был сильно распахан. Высота его 0,65 м, диаметр около 20 м. В различных частях насыпи обнаружены фрагменты лепной керамики, фрагмент греческой остродонной амфоры, ряд обломков каменной плитки, может быть, зернотерки и пять шаровидных пращевых камней. Все это разбросано, как и всегда при тризне в скифских курганах Никопольского поля, а сосуды и зернотерка, вероятно, нарочно сломаны. Вокруг могильной ямы был прослежен вал высотой около 50 см над горизонтом, шириной в основании до 2 м, состоявший сверху из лёсса, а снизу — из чернозема. Лёсс был как бы размазан по поверхности чернозема и сильно отвердел. Внутри это-

го вала на горизонте оставалось свободным только место над могильной ямой.

Погребение было открыто по входной яме, имевшей форму неправильного узкого овала, ориентированного с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Длина ямы 2,24 м, ширина 1,26 м, глубина 1,5 м. Северная сторона обвалилась. На глубине 1,17 м от горизонта вдоль южной стенки была сделана ступень длиной 2 м, шириной 0,25 м, высотой 0,25 м. В засыпке входной ямы находились: биконическая стеклянная бусина, пращевый камень, несколько обломков железа, кусок костяной пластинки от ручки ножа, стеклянная бусина и несколько бараньих и человеческих костей и гнилушек дерева. Под северной стенкой был обнаружен небольшой подбой. Кости покойницы были свалены в кучу в восточном конце катакомбы (почти на дне). Под черепом было найдено несколько кусочков окрашенной в желтый цвет кожи. Курган, несомненно, был ограблен в древности, когда катакомба первого типа стояла еще незаполненной землей. При этом грабители обвалили северную стенку входной ямы и южную часть свода катакомбы, оставив от нее незначительный подбой. Примечательно, что они при этом совершенно не заделали вала выкида.

Курган 3, расположенный в нескольких метрах к западу от кургана 2, тоже был довольно сильно распахан. Его высота 0,85 м, диаметр около 24 м. В разных местах, главным образом на горизонте, обнаружены остатки тризны: несколько фрагментов местной посуды, частью с налпным валиком, несколько

обломков стенок остродонной амфоры, два обломка заглаженной с одной стороны известняковой плитки, один такой же обломок гранитной плитки и несколько костей лошади. На горизонте вокруг пятна основной могилы лежал кольцом мощный нарочно построенный вал из выкида, высотой до 0,5 м, шириной в основании 2—3 м. Он состоял из лёсса с черноземом; последний приходился в нижней части вала на горизонте; лёсс вала сильно отвердел.

Погребение 1 (впускное) приходилось над центром (над основным погребением) в углу юго-восточного сектора, на глубине 0,7 м от вершины. Оно прорезало вал выкида. Это было погребение женщины-кочевницы домонгольского времени.

Погребение 2 (основное), из которого был взят выкид для устройства вала, было открыто по пятну входной ямы на горизонте. Пятно имело форму трапеции с округленными углами и было ориентировано с юго-востока на северо-запад. Длина его 2,4 м, ширина 2 м, глубина 1,7 м. Вдоль юго-западной стенки, начиная с глубины 1,45 м от горизонта, шел материковый уступ шириной до 0,7 м. На глубине 1,1 м, под северо-восточной стенкой ямы, находились остатки свода обвалившейся катакомбы первого типа. От этого обвала, соединившего входную яму с погребальной камерой, пятно на горизонте получило странную форму трапеции, и входная яма заполнилась глыбами материкового лёсса. В засыпке ямы выше дна в разных местах были обломки втулки железного копья, два фрагмента горлышка глиняного леплого сосуда с венчиком и защищенным напелным валиком (как выше в насыпи), обломок черенка железного ножа со штифтиками и следами деревянной ручки, довольно много древесных гнилушек. Над уступом, в юго-восточном углу входной ямы, на глубине 1,35 м от горизонта, находились ребра, плечевые кости и лопатки лошади, а несколько ниже в засыпке — череп человека без нижней челюсти. Вдоль северо-восточной стенки лежал в вытянутом положении, на спине, головой на 300°, костяк мужчины (череп был выброшен зверьками и лежал во входной яме). Он покоился на подстилке из речной травы, устилавшей дно катакомбы. Отпечатки листьев хорошо сохранились. Обе лопатки, нижняя челюсть и правое плечо были отброшены в северо-западный угол. У ног костяка, в северо-восточном углу, лежала пара железных удиц, с такими же псалиями, продетыми сквозь боковые их кольца. Псалии в виде прямых палочек, длиной около 15 см, имели в середине по восьмиобразному расширению с двумя отверстиями, а их нижние концы были раскованы в узкую пластинку. Все это совершенно распалось. В головах слева, в северо-западном углу, было много плоских железных обломков со следами дерева на обратной стороне. Там же находилась железная втулка от наконечника копья. В ногах (у стенки) лежали рядом два железных подтока от копий. Длина копий, высчитанная по расстоянию от втулки до подтоков, — 1,8 м. Слева от средней части костяка лежала совершенно разрушенная плоская полоса железа от меча, длиной около 0,5 м. Над грудной клеткой сохранились два трехгранных бронзовых удлинённых наконечника стрел с короткими втулками. Костяк, вещи и самая катакомба, вероятнее всего, пострадали от работы грызуна, кости которого были обнаружены у западной стенки могилы. Поскольку обвал катакомбы был сходен с обвалом в кургане 2 этой же группы, не исключена возможность и древнего ограбления. Если оно и наблюдалось, то произошло при том же состоянии ката-

комбы и произведено тем же способом, что и в кургане 2.

Курган 4 — крайний на запад в группе. Несмотря на сильную распахку, все же хорошо заметно, что его северный склон круче южного. Высота его 1,5 м, диаметр около 36 м.

В насыпи сделаны обычные находки: наконечник железной черешковой средневековой стрелы, на горизонте в разных местах девять крупных обломков от ручек и стенок, по крайней мере, двух остродонных гераклейских амфор, глиняная биконическая пуговица, обломок каменной плитки со стертой поверхностью, обломок железа, конец кинжала с остатками дерева на поверхности, кусок железной руды, кусочки лигнита, несколько человеческих, конских и барачьих костей. В насыпи близ центра было обнаружено три впускных позднекочевнических погребения 1, 2 и 3.

Погребение 4 (основное). Погребальное сооружение, как и в двух предыдущих курганах, было окружено мощным сплошным валом выкида, достигавшим в высоту до 0,85 м и в ширину по основанию — 4—6 м. Сверху выкид состоял из материкового лёсса, внизу — из чернозема; лёсс очень затвердел.

Еще при вскрытии насыпи в профиле южного радиуса была замечена узкая (вверху 1,5 м, внизу 0,75 м) мина, наискось достигавшая горизонта над самой могилкой. И на деле, основное погребение оказалось ограбленным. Пятно входной ямы было открыто в центре на древнем горизонте. Оно имело форму не вполне правильного четырехугольника с округленными углами и было ориентировано по длинной оси с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Его длина 2,6 м, ширина 2,55 м, глубина ямы 2,36 м. Северо-северо-восточная часть ямы была заполнена лёссом; вдоль юго-юго-восточной стенки, на глубине 1,65 м от горизонта, шел уступ в среднем шириной до 0,45 м. На этой же глубине под северо-северо-восточной стенкой стали обнаруживаться признаки не осыпавшейся части катакомбы. Внизу уступ юго-юго-восточной стенки расширялся до 0,7 м, его высота достигала около 65 см. Катакомба, несомненно, почти достигала уступа, но первоначальные размеры ни ее, ни входной ямы не поддавались определению. Длина всей ямы на дне 2,9 м, ширина, включая сохранившуюся часть подбоя, 1,8 м. На стенках могилы кое-где остались следы орудия копья в среднем до 5 см шириной. На уступе и по его склону сохранились следы травянистого тлена. В засыпке могилы с глубины 1,5 м попадалось много кусков древесных гнилушек, конечно, от загородки устья катакомбы.

В результате древнего ограбления, по месту, способу и состоянию катакомбы совпадающего с таковым же в курганах 2 и 3, в засыпке ямы, попадалось много костей и вещей: зуб и фаланга лошади, две втулки от железных копий, два обломка костяных пластинок от ручки ножа, небольшой обломок его лезвия, а на глубине 1,65 м от горизонта — куча человеческих костей, крупный обломок лезвия меча и пращевой камень. На разной глубине почти полностью найден в разрозненном виде костяк покойника. На дне уцелели непо потревоженными только берцовые кости со стопами, улиравшимися в восточную стенку. Покойник, таким образом, первоначально лежал на спине в вытянутом положении, головой на запад. В погребении у восточного конца найдены два железных подтока от копий и две бронзовые ворковки: одна — в виде усеченного конуса, другая — в виде шестигранной пирамидки. В одной из них сохранился обрывок ремешка.

ГРУППА «СЕРКО» НА ДЕСЯТОМ-ОДИННАДЦАТОМ КИЛОМЕТРАХ ДОРОГИ НИКОПОЛЬ—КРИВОЙ РОГ

Это самая большая и предпоследняя группа перед балкой Чертомлык, впадающей в приток Днепра Лапинку. Она тянется на протяжении около 2 км и захватывает почти всю последнюю половину десятого километра, весь одиннадцатый и начало двенадцатого километра. Так же, как и все курганы этого поля, она тянется вдоль дороги справа, то подходя к ней непосредственно, то уходя от нее в северном направлении на 200—300 м. В ней учтено 44 кургана, указанных на плане (рис. 1, 1). Очень многие из них были распаханы до того, что их высота не поддавалась учету, и общее число их несколько выше зарегистрированного. Совершенно распаханные курганы в этой группе отмечены желтоватыми пятнами на фоне темной свежей осенней вспашки. Крупные курганы этой группы были зарегистрированы в 1937 и в 1944 гг., подробно описаны нами, но в оба эти года растительность на них была очень интенсивна и, таким образом, малые курганы совершенно не поддавались учету. Это лишнее доказательство того, что курганные разведки почти совершенно бесполезны летом, а должны совершаться только осенью или весной. Осенью по свежей пашне это даже лучше. Группа включает пять крупных курганов высотой от 3 до 5,5 м при диаметре от 30 до 50 м (курганы 1, 7, 10, 22 и 25) и четыре средних, высотой 1,2—1,5 м при диаметре 28—35 м (курганы 9, 24, 26 и 27). Остальные 33 кургана все малые, т. е. не превышают 1 м высоты, а в большинстве случаев гораздо меньше. Курганы при снятии плана нумерованы с запада на восток. Наиболее крупный из курганов — 7 (высота 5,5 м) — находится в 600 м от западного конца группы, курган 22 (высота 3,5 м) — в 900 м от восточного конца. И крупные и малые курганы составляют волнистую цепь, тянущуюся в общем с северо-запада на юго-восток. Малые курганы образуют своеобразные подгруппы, сосредоточивающиеся около того или другого крупного или среднего кургана. К северу от кургана 1 расположено пять малых курганов (2—6);

между курганами 1 и 9 расположен один малый курган 8, между курганами 7 и 10 один малый курган 11, между курганами 10—22, на протяжении около 350 м, — довольно компактная подгруппа из 18 малых курганов (12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42 и 43). Именно в этой подгруппе в 1945 г. было раскопано четыре малых кургана. К ней же относятся зарегистрированные (свыше 30) и не зарегистрированные (по своей сомнительности) курганы в виде желтых пятен. Между курганами 22 и 24 тянется еще по крайней мере пять малых курганов (23, 33, 34, 38 и 44); часть из них также распахана до простых пятен. Среди них два кургана раскопаны летом 1946 г. Крупные и средние курганы (24—27) тянутся короткой цепью на расстоянии около 250 м. Они составляют как бы нечто целое, причем крайний к западу курган 24 отличается от всех остальных во всей группе. Он относится к тому типу курганов, который у местных жителей носит название «довга могила». В основании это вытянутый с северо-запада на юго-восток овал длиной 49 м при более или менее равномерной высоте около 1,4 м. Через 250 м была расположена на протяжении 200 м подгруппа из четырех малых курганов (29, 30, 31 и 32), раскопанных в 1946 г.

На поверхности кургана 10 были найдены кусок остродонной амфоры и фрагмент лепного сосуда скифского времени. Из четырех курганов, раскопанных в 1945 г., три оказались скифскими, а один бронзовой эпохи, из шести курганов, раскопанных в 1946 г., — три бронзовой эпохи и три скифской, причем в двух курганах эпохи бронзы оказалось по скифскому вводу погребению. Это показывает, что малые скифские курганы группами по несколько штук насыпались и при больших курганах бронзовой эпохи (I группа Ф. Н. Киранова, группа против пос. Сулицкого и у километрового столба 8 вдоль дороги из Никополь в Алексеевку) и при малых.

РАСКОПКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПОДГРУППЕ, МЕЖДУ КУРГАНАМИ 10 и 22 в 1945 г.

Курган 1 (по плану 17) принадлежит бронзовой эпохе и описан в особой работе О. А. Кривцовой-Граковой.

Курган 2 (по плану 19), расположенный к северу от кургана 1, имел высоту от поверхности пашни 0,3 м, от древнего горизонта — 0,5 м и диаметр около 20 м (рис. 13, 3). В насыпи обнаружено довольно много остатков тризны. На разной глубине (в большинстве случаев от 40 до 50 см) и в разных местах, но главным образом в северо-западном и юго-западном секторах, найдено 89 обломков стенок и ручек, судя по глине и форме ножек, от двух гераклейских амфор; они были раскиданы в разных местах, но в 5—6 м к западу от центра лежало на глубине 0,5 м 62 фрагмента амфор, среди них две ножки и две ручки. Найденные в разных местах насыпи и в головах погребения 2 кости оказались принадлежащими одной лошади.

Кое-где в насыпи попадались камни: на уроне горизонта, в 1 м на север и в 7 м на восток от центра, — кусок известняка; на том же уровне, в 1,5 м

на юг и в 7 м на восток от центра, — такой же кусок. В северо-западном секторе, на глубине 0,6 м от вершины кургана, в 1,75 м на север и в 4,5 м на запад, лежали один возле другого шесть крупных камней, а под ними (на 20 см ниже) — перевернутый зубами кверху череп лошади без нижней челюсти. В 0,2 м к западу лежал венчик горла с частью ручки от той же гераклейской амфоры. Вероятно, все это находилось на дне особой ямы, контуры которой не удалось проследить, так как она не достигала уровня материка. Остается неясным, к какому из двух скифских погребений этого кургана относилась тризна.

Погребение 1 (впускное) обнаружено по пятну входной ямы. Оно имело форму неправильного четырехугольника, ориентированного с северо-запада на юго-восток. Длина его 1,25 м, ширина 0,75 м, глубина 1,75 м от горизонта. У северо-восточной стенки входной ямы сделаны два материковых уступа: первый — на глубине 1,05 от горизонта, другой — на 15—20 см ниже, их общая ширина равняется

двум третям длины ямы. На дне обнаружены лопатка и ребра лошади и нижняя челюсть человека.

В юго-западной стенке входной ямы находился вход в катакомбу, имевший полукруглый свод и равный по ширине стенке входной ямы. Верх свода находился на глубине 1,6 м от горизонта. Катакомба третьего типа была расположена по отношению ко входу в виде буквы «Т», но не совсем перпендикулярно к нему, а со значительным отклонением к северу. Свод катакомбы сохранился; от устья он шел покатом, но без всякого изгиба, на глубину 1,6 м от горизонта, затем прямо опускался до дна катакомбы. Последняя заканчивалась в северном конце правильными углами, а в южном — сильно суживалась и округлялась (рис. 13, 3). Ее длина 2,35 м, ширина в северном конце 0,9 м, в середине 0,75 м, в южном конце 0,4 м, глубина от горизонта 2,9 м, т. е. дно ее на 0,15 м ниже дна входной ямы. На дне катакомбы, ближе к южной части, лежал костяк взрослой женщины, в вытянутом положении, на спине, по оси катакомбы, головой на 30°. Левая рука, левая сторона груди, часть позвоночника и ребер беспорядочно были раскиданы по северо-северо-восточной части катакомбы и покрывали правую нетронутую сторону костяка. Череп отсутствовал. Все это, несомненно, было разбросано крупным зверьком, им же были выкинуты кости, обнаруженные на дне входной ямы. Среди костей, беспорядочно сдвинутых с места, в северо-северо-восточном конце катакомбы находились левая лопатка, два ребра и плечо крупного копытного. При костяке найдены у правой руки коническое свиное пряслице (рис. 6, 13), на месте черепа — две маленькие круглые пастовые бусины с глазками, у левой подвздошной — две маленькие биконические бусины, одна — круглая с глазками у северной стенки и кусочек бусинки среди ребер.

Погребение 2 (основное). Лёссовый выкид на глубине 0,2 м шел пятном от центра на восток на 2,8 м, на юг на 1,8 м; до глубины 0,40—0,45 м он состоял из лёсса, а ниже (до горизонта) — из чернозема. Он примыкал к югу к пятну входной ямы основного погребения 2. Входная яма имела форму прямоугольника с округленными углами и была ориентирована по линии с западо-северо-запада на востоко-юго-восток, длиной 2,2 м, шириной 0,7 м, глубиной от горизонта 2,1 м. Во входной яме сначала шел чернозем (до глубины 1,45 м), смешанный с лёссом, а ниже — лёсс. На глубине 1,65 м от горизонта, по юго-юго-западной стенке входной ямы был сделан материковый уступ шириной 0,25—0,30 м. На его восточном конце лежала часть ручки глиняного лепного сосуда. Дно входной ямы находилось на глубине 2,1 м. Все дно покрыто следами тростниковой поперечной подстилки, спадающей вниз на дно катакомбы. Вдоль северной стороны входной ямы (начиная от глубины 0,9 м) попадались кусочки гнилого дерева от закладки катакомбы. Катакомба первого типа (рис. 2Б, 8) в древности обвалилась и плотно заполнилась материковой землей. Свод ее и устье были совершенно уничтожены обвалом. Катакомба прямоугольная с округленными северо-восточным и северо-западным углами, ориентированная почти прямо с запада на восток. Ее длина 2,8 м; на востоке она на 0,4 м, а на западе — на 0,1 м длиннее входной ямы. Глубина 2,65 м от горизонта.

На дне лежал в вытянутом положении, на спине, костяк взрослого мужчины, головой на запад. Череп был обращен лицом к северу. Под кистью левой руки — 61 наконечник стрел, трехгранных и трех-

лопастных со втулками (рис. 12, 4), обращенными остриями к ногам и лежавшими друг на друге в 2—3 ряда. Справа от черепа (под стенкой) находились два наконечника копья, скипевшиеся между собой, обращенные остриями к западу; справа от копий — брусочек из песчаника, сильно сточенный со всех сторон. Подток только одного из копий лежал в восточном конце в ногах костяка, на расстоянии 1,6 м от втулок копий. В головах покойника находились ребра лошади и на них — железный нож с костяной рукояткой (лезвие неполное) (рис. 9, 2). Все дно катакомбы было устлано тростниковой подстилкой, спадавшей сюда со дна входной ямы.

Курган 3 (по плану 18) был расположен между курганами 1 и 2. Насыпь была распахана почти совершенно; высота от древнего горизонта 0,34 м, диаметр 19 м (?). На глубине 0,20—0,25 м вокруг центра сразу обнаружился тонкий лёссовый выкид, на 10 см ниже перешедший в чернозем. Его границы с севера на юг — 3,7 м, с запада на восток — 3,2 м. В насыпи найдены два мелких черепка легких сосудов и пара крупных конских костей. В 0,6 м от центра, среди выкида, было обнаружено пятно входной ямы, удлинённого овала, ориентированного с востока на запад с малым отклонением. Длина входной ямы 2,2 м, ширина с заметным (с южной стороны) повреждением 1 м, без него — 0,75 м, глубина 1,9 м. Во входной яме (начиная с глубины 1,2 м от горизонта) были обнаружены фрагмент сосуда, фаланги, ребра, позвонки, нижняя челюсть, плечевая, большая берцовая кость человека и один зуб лошади и свиное пряслице с остатками дерева внутри.

Под северной стенкой входной ямы находилась катакомба первого типа (рис. 14, 2); округленная арка устья вполне сохранилась. Ее вершина находилась на глубине 0,6 м от горизонта. На глубине 1,5 м от горизонта концы арки устья сходились с углами входной ямы. Свод катакомбы по большей части обвалился. Катакомба имела в плане форму полуовала, обращенную дугой к северу, и была ориентирована с запада на восток. Ее длина 2,35 м, наибольшая ширина 0,55 м, наибольшая высота в высшей точке устья 1,55 м, глубина от горизонта 2,15 м, т. е. ниже дна входной ямы на 0,25 м. Дно входной ямы переходило в дно катакомбы ровно, без уступа. По границе устья (рис. 14, 2) сохранился тлен дерева от загородки катакомбы. На дне катакомбы лежали три фаланги, позвонки и зуб человека; повсюду были видны следы травяной подстилки. Там же найдено несколько синих пастовых бусин с глазками.

Курган, несомненно, был ограблен до заполнения и обвала катакомбы. При этом грабителями повреждена южная стенка входной ямы. Катакомба со стороны устья до самой его вершины была заполнена черной землей. Верх ее и северная половина были завалены лёссом.

Курган 4 (по плану 16) расположен к юго-юго-западу от кургана 1 (рис. 13, 4). Насыпь сильно распахана. Высота от пашни и горизонта с юга 0,45 м, диаметр около 18 м. В насыпи на глубине от 0,28 до 1,10 м было разбросано до 40 разных предметов, сконцентрированных главным образом в восточной части. Среди них были обломок стенки амфоры, шесть фрагментов зернотерки, несколько мелких осколков и обломков лепной керамики, твердый кусок красной краски. Обломки зернотерки находились все в 2—3,5 м на северо-запад и юго-восток от центра, на глубине от 0,2 м до 1,1 м. Кроме того, в 2 м на север и в 2 м на запад от центра, на глубине 0,2 м

была обнаружена погнутая бронзовая булавка с лопатковидной головкой (рис. 8, 3). В насыпи же было обнаружено довольно много костей лошади, большей частью от конечностей, все они, по заключению В. И. Цалкина, принадлежали двум коням. На глубине 1 м, в 6,5 м на север и в 1 м на восток, от центра, находился клык кабана. В насыпи много раздробленных костей, в том числе человеческих.

В центральной части кургана, к югу и к западу от центра и почти не заходя на север, был расположен лёссовый выкид. Его мощность от горизонта не менее 35 см. От центра его внешний край отстоял на 2,5—3 м. На уровне древнего лёсса, вокруг центра, в среднем в 6 м от него, был открыт древний внутренний ров шириной на этом уровне 0,5 м, глубиной от горизонта до 1 м.

Погребение. Пятно входной ямы было обнаружено к востоку от выкида; оно имело яйцевидную форму (тупой конец на юге) и было ориентировано с севера на юг; его длина 1,25 м, ширина 1,05 м, глубина от древнего горизонта 3,7 м. На глубине 1,25 м от горизонта, вдоль западной стенки, был сделан уступ шириной 0,35 м, слегка наклонный к востоку. Ниже уступа западная стенка шла покато. На глубине 2,6 м от горизонта — второй уступ шириной 0,25 м с поврежденным еще в древности южным концом. Уступ начинался в 15 см восточнее первого. На 10 см ниже второго находился третий уступ; он не только тянулся вдоль западной стенки, но поворачивался, шел вдоль северной стенки и вплотную подходил к восточной. У северной стенки он образовывал еще уступик ниже на 0,1 м. Ширина третьего уступа у западной стенки 0,3 м.

Восточная стенка входной ямы все время шла покато в глубь материка; поэтому ширина ямы на уровне первого уступа была 1,15 м, на уровне второго уступа — 1,55 м (из них 0,75 м ширина обоих уступов). На уровне третьего уступа ширина ямы без уступов 0,65 м (ширину уступов очень трудно учесть).

На глубине от 1,8 до 2,4 м найдено было несколько неопределенных кусочков костей, осколок грубого сосуда и кусочек раковины. На глубине 2,5 м лежало несколько ребер, плечевая и локтевая кости лошади и среди них — обломок ножа. В углу, между вторым уступом и северной стенкой, находился деревянный кол, спускавшийся папсось ко дну. К северу от этого уступа в засыпке было найдено два ножа с костяными ручками. Одна из ручек была совершенно разрушена, лезвие то же. Немного выше ножей лежали железный стержень и обломок железного крюка, в стороне — еще кусок стержня крюка с несколькими прикипевшими наконечниками железных стрел. Пучок скипевшихся втульчатых трехлопастных железных наконечников стрел (рис. 12, 5а) пахнулся и под ножами, среди железных была и одна такая же бронзовая стрела (рис. 12, 5б). Здесь же — плечевая кость коня и еще бронзовая и железная стрелы.

Катакомба смешанного первого и третьего типов (рис. 2Б, 9—11). На глубине 2,5 м от древнего горизонта показался верх устья коридора, соединяв-

шего входную яму с камерой. Сквозь коридор было видно, что и он и самая катакомба совершенно пусты и сохранили необвалившийся свод. Устье, имевшее слабодуговидный верх при высоте 0,7 м и ширине 0,9 м, начинало коридор длиной 0,9 м, расширявшийся к катакомбе до 1,25 м. Высота коридора та же. Арка его у катакомбы образовывала правильную дугу. Сама катакомба очень трудна для описания: в плане это полуовал, обращенный дугой на юго-запад; по длинной оси он был ориентирован на 300° и образовывал с коридором тупой угол; северо-восточная часть катакомбы расширялась. Длина катакомбы 2,7 м, наибольшая ширина 1,9 м. Дно находилось на уровне дна коридора и входной ямы, т. е. на глубине 3,7 м. Свод катакомбы правильный, дуговидный и в продольном и в поперечном разрезах. Высота катакомбы — около 1,5 м. Стенки коридора и катакомбы были сплошь покрыты следами орудий копья. Прослежено три типа следов: 1) трапецевидные (высота 0,1 м, большее основание 5 см, меньшее — 3,5 см); 2) прямоугольные (высота 13 см, ширина 4 см); 3) узкие киркообразные (высота 10 см, ширина 2,5 см). Отпечатки инструментов были расположены сверху вниз вертикально или более или менее наклонно, рабочим концом влево.

Дно катакомбы равномерно (на толщину около 0,25 м) залито землей тонкослоистого строения — несомненный след длительно стоявшей здесь воды. В толще этого слоя в пределах катакомбы как бы плавали обломки человеческих костей: ребер, трубчатых, позвонки, фаланги и нижняя челюсть. В юго-восточном конце, по всей ширине катакомбы, в полном беспорядке лежали длинные кости ног и почти у самой северо-восточной стенки находился череп человека. Северо-северо-западная часть была больше чем наполовину свободна от костей. На дне в разных местах были видны следы плесени, вероятно, от какой-то травянистой подстилки. В слое натека в начале коридора была найдена тонкая каменная плитка, а в катакомбе близ коридора — костяная коническая ворворка, с отверстием посередине. Около бедренных костей было найдено несколько чешуек окуня. Очень возможно, что в катакомбе было два захоронения: первое — в начале катакомбы, второе — в северо-восточном расширении. Одно из этих захоронений мужское (крупные кости, оружие), другое — женское (булавка, обломки блюда или зернотерки в насыпи).

Налицо несомненное древнее ограбление. О нем свидетельствуют находки вещей могильного инвентаря в насыпи (красная краска, головная булавка, клык кабана), заполнение землей черного цвета очень мягкой входной ямы, упавшие обратно в эту яму вещи (ножи, остатки колчана или горита, вероятно, имевшего драгоценную обкладку), повреждение второго материкового уступа, натечная земля внутри катакомбы, разбросанные и часто поломанные кости. Эта могила была, как и все другие, ограблена через входную яму с удивительным знанием расположения погребения, причем грабители совершенно не заделали всего сооружения в целом.

РАСКОПКИ В КРАЙНЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПОДГРУППЕ В 1946 г.

Курган I (по плану 32) был очень сильно распахан, но все же его северная пола сохранила несколько большую крутизну. Высота его над пашней 0,4 м, над уровнем погребенного горизонта — 0,8—0,9 м,

диаметр около 17 м. В насыпи обнаружено несколько обломков костей лошади, овцы и зайца и один осколок лепного сосуда.

Вокруг центра, на расстоянии 2—3 м от него

находился выкид, лёссовая вершина которого образовывала незамкнутый круг, шириной 0,75—1 м, кроме северо-восточной стороны, где круг этот состоял из отдельных пятен. Высота выкида достигала 0,55 м.

Погребение было обнаружено в 1,25 м к северу от центра. Могильная яма представляла собой совершенно обвалившуюся катакомбу первого типа, образовавшую вместе с входной ямой на фоне материка полукруг, обращенный к северу дугой и ориентированный по оси с юго-востока на северо-запад. Длина пятна с запада на восток 2,5 м, ширина — 2 м, глубина от древнего горизонта 2,4 м. Границы входной ямы и катакомбы установить не удалось. По южной стенке входной ямы, на глубине 1,9 м от горизонта, шел уступ шириной 0,2 м. На дне ямы он расширился до 0,4—0,5 м.

Часть катакомбы (начиная с глубины 1,5 м) была заполнена лёссом от обвалившегося свода. Ширина завала 0,7—0,8 м. Самый свод сохранился на 0,45 м к северо-востоку и на 0,15 м — к северо-западу. Следовательно, ширина катакомбы была сначала около 1,3—1,4 м.

В заполнении попадались кусочки истлевших и частью стоявших вертикально прутьев (в северо-западном и юго-восточном углах) и отдельные кости мелкого рогатого скота и зайца. На дне ямы, в ее юго-восточном конце, обнаружен бронзовый трехлопастный со втулкой наконечник стрелы (рис. 12, 6). Погребение было ограблено.

Курган 2 (по плану 31) сильно деформирован распахой. Его насыпь слегка вытянута с запада на восток. Высота кургана от уровня пашни — 0,35 м, от древнего горизонта — 0,55 м; диаметр с севера на юг — 13 м, с востока на запад — 16 м.

Всего в кургане обнаружено шесть погребений, из них только одно — скифского времени. Остальные пять принадлежали бронзовой эпохе и описаны в отдельной публикации О. А. Кривцовой-Граковой.

Погребение 5 (впускное). Никаких следов выкида здесь не наблюдалось, что вполне естественно. Погребение обнаружено в 0,4 м к юго-востоку от центра. Входная яма, имевшая форму неправильного овала, была ориентирована с запада на восток. Длина ее 2,35 м, ширина 1,8 м, глубина от горизонта 0,9 м.

На глубине 0,5 м от горизонта, на середине южной стенки был расположен уступ длиной 1,1 м, шириной 0,15—0,20 м; на глубине 0,8 м — второй уступ длиной 2,2 м, шириной 0,15—0,50 м (шире — в восточном конце). В заполнении входной ямы найдено много разбросанных костей костяка взрослого человека, плечевая кость коровы и кости барана.

Под северной стенкой — катакомба первого типа с дугообразным устьем. В плане катакомба близка к овалу и ориентирована с запада на восток. Длина ее 2,2 м, ширина 1,35 м, глубина 1,2 м от горизонта,

дно ее на 0,3 м ниже дна входной ямы, высота 1 м. Выше уровня дна найдено несколько костей, в том числе детский череп и несколько костей взрослого. В северо-западном конце на дне в первичном положении лежали правая нога взрослого и пальцы правой руки; следовательно, костяк лежал головой на юго-восток, в вытянутом положении, на спине. На дне были разбросаны осколок лепного сосуда, фрагменты железной втулки, фрагменты железного ножа и небольшой пращевый шарик из кварцита. Погребение ограблено.

Курган 3 (по плану 29) полностью принадлежит бронзовой эпохе и описан О. А. Кривцовой-Граковой.

Курган 4 (по плану 30). Насыпь очень сильно распахана. Ее высота от пашни 0,3 м, от древнего горизонта — 0,45 м. Диаметр с севера на юг — 16 м. В насыпи найдено очень немного обломков небольшого лепного сосуда, стенок амфоры, костей человека, овцы и коровы.

Выкид лёсса вокруг центра прослеживался, но слабо.

Погребение открыто прямо на восток от центра. Входная яма, близкая к овалу, была ориентирована с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Длина ее 2,5 м, ширина 0,9 м, глубина от горизонта 1,2 м. На глубине 1,2 м от горизонта обнаружено материковое дно. В заполнении входной ямы на разной глубине и в разных местах найдено несколько человеческих костей (в их числе — черепная крышка и половина нижней челюсти).

Катакомба первого типа, расположенная под северной стенкой, имела на дне форму, приближающуюся к овалу, и была ориентирована с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Ее длина 2,2 м в необвалившейся части, ширина 1,5 м, глубина от горизонта 1,8 м (т. е. ее дно ниже входной ямы на 0,6 м). Вдоль границы входной ямы и катакомбы слоем до 3 см толщины лежат тнгушки от кольев и прутьев, остатки плетня — загородки катакомбы.

В катакомбе на 0,15—0,25 м выше уровня дна лежали в беспорядке вторая половина нижней части верхней челюсти, лопатка, позвонки, коленная чашечка, локоть, ключица, бедро человека. В западно-северо-западном конце на остатках толстой доски лежали бок, лопатка, локтевая и лучевая кости коровы. Под ногой найдена железная квадратная рамка (обойма?). У первого ребра — узкое железное лезвие ножа, совершенно разложившееся. У концов ребер — небольшой кусочек кожи, прошитый медной ленточкой, образующей узор в виде зигзага. Между северной стенкой и последним ребром лошади лежали в ряд: железная пластинка с остатками дерева, овальная железная скобка с двумя гвоздиками на концах и остатками дерева на обороте и кусок кожи с медной пластинкой и пришитой к ней по краю медной ленточкой. Погребение ограблено.

РАСКОПКИ В ПОДГРУППЕ МЕЖДУ КУРГАНАМИ 22 И 24 в 1946 г.

Курган 5 (по плану 23). Курган почти совсем распахан и отличим от пашни главным образом по желтоватой окраске. Его высота от уровня поля 0,15 м, от горизонта — 0,35 м. В кургане 11 погребений большей частью бронзовой эпохи. Они описаны О. А. Кривцовой-Граковой. Одно погребение (10) принадлежало средневековому кочевнику. В насыпи кургана на глубине 0,5 м, на расстоянии около 1,2 м

к юго-западу от центра, найден втульчатый трехгранный наконечник стрелы из бронзы (при 12, 7).

Скифским оказалось только погребение 12 (впускное) (рис. 14, 3). Могильная яма была почти в центре кургана, имела закругленные концы и была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее длина 2,5 м, ширина 1,15 м, глубина от горизонта 0,85 м. На глубине 0,65 м вдоль юго-западной ее стенки

шел уступ шириной 0,4 м и высотой 0,15 м. Вдоль северо-восточной стенки, в центре и в северо-западном конце могилы, лежало восемь больших обломков гранита. В насыпи попадались часто древесные гнилушки, отдельные угольки и мелкие человеческие кости. На дне могилы в юго-восточном конце сохранилась в первичном положении верхняя часть левой руки. От северной стенки входной ямы шел коридор длиной около 1 м и шириной почти во всю стенку входной ямы. Он вел в катакомбу первого типа, по размеру почти равную входной яме. Свод катакомбы проследить вовсе не удалось. Сохранившееся дно катакомбы имело в плане форму узкого четырехугольника с закругленными узкими сторонами, ориентированного с северо-запада на юго-восток, длиной 2,2 м, шириной 0,9 м, глубиной 0,75 м. На дне лежал костяк взрослой женщины головой на северо-запад, в вытянутом положении, на животе. Правая рука согнута в локте и концами пальцев уходила под таз; левая рука, слабо согнутая в локте, кистью приходилась под левой подвздошной костью, концом на лобковом сращении. Ноги слабосогнуты, и коленные сочленения сдвинуты вместе. Стопы — на боку, пяточные кости — кверху концами. Рост около 1,65 м. Под северной стенкой против таза покойника лежала обезглавленная тушка ягненка на левом боку, головой на юго-восток. На спине, на месте окончания грудной клетки, находились две круглые костяные застежки шляпкой вверх, на грудной клетке барана стояли пять таких же застежек, расположенных в два ряда, на расстоянии 5 см друг от друга (два в одном и три в другом ряду). На костях под этими застежками остался тлен травянистого покрова.

Курган 6 (по плану 28) был совершенно распахан и едва заметно выделялся на фоне пашни. Диаметр его неясен.

В основании курган прежде был опоясан кольцом из обломков известняка. Частями они сохранились более или менее со всех сторон насыпи, но с очень большими перерывами. Лучшее всего почти без перерывов они сохранились на западной и северной сторонах. Ширина насыпи от 0,5 до 1,5 м (по большей части), высота от древнего горизонта кое-где до полуметра. В насыпи найдено свыше десятка обломков амфор, в том числе две ножки (рис. 7, 12 и 13), совершенно деформированное железное кольцо, лопатка и челюсть овцы. Всего в кургане одна кость от коровы и 24 кости от трех овец.

Погребение было расположено в 1,1 м к югу от центра, где была обнаружена продолговатая куча ракушечника, длиной с востока на запад 1,25 м, шириной 0,7 м, высотой 0,55 м. В куче найдены череп и еще несколько костей овец.

Под кучей находилась могильная яма с закругленными концами, ориентированная с востока на запад. Ее длина 2,15 м, ширина 0,7 м, глубина (от вершины) 0,9 м. На дне ямы в вытянутом положении, на спине, головой на восток лежал костяк. Грудная клетка и правая рука разбросаны зверьком. При костяке найдены у середины груди — кусок лезвия меча или пера копья, три обломка совершенно разрушившегося железного ножа, у правого плеча — половина разрушившегося железного кольца, слева — у середины костяка — верхний кусочек древка стрелы с медной окисью и три медных втульчатых трехгранных наконечника стрел (рис. 12, 8), повернутых остриями к ногам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И РИТУАЛ

Всего с 1931 по 1946 г. на Никопольском курганном поле вскрыто в 53 курганах 86 погребений скифской эпохи. Из них Кирановым и товарищами, работавшими в 1935—1936 гг., раскопано 66; мной совместно с моими различными спутниками — 20 погребений. Нами было раскопано свыше 100 погребений эпохи бронзы, подготовленных в печать О. А. Кривцовой-Граковой. Из этого количества следует исключить 15 погребений, о которых не сохранилось после смерти Ф. Н. Киранова никаких полевых записей, так что о них можно судить только по инвентарным данным Никопольского музея. Их можно, и то с опаской, привлечь при рассмотрении отдельных подробностей ритуала. Остальные захоронения, сходные с Никопольским могильником, вкратце рассмотрены ниже (см. стр. 96—100).

Курганы, имеющие основные скифские погребения, все относятся к числу малых и имеют размеры от 0,5 до 1,5 м при диамет-

ре 10—25 м. Большей частью они округлы в основании, а форма их насыпи близка невысокому сегменту, более или менее нарушенному распахкой. Благодаря этой последней современная высота от поверхности поля ниже высоты от древнего горизонта сантиметров на 20. Вокруг насыпей та же распахка уничтожила следы рвов, которые едва заметны и не могут быть по внешнему виду восстановлены. В тех случаях, когда через ров проводили траншею (группа II, курганы 22, 23; курганы 1 и 2 у пос. Сулицкого; курган 2 на девятом километре группы «Серко»; курган 5 — 1945 г.), их неизбежно открывали. Опоясывая подошву насыпи, эти рвы имели очень небольшую ширину и глубину. Только один раз Ф. Н. Киранов описал у подошвы кургана не окружающий его ров, а небольшую выемку с северо-западной стороны. Очень редки овальные по основанию курганы; в этом случае их длинная ось тянется в широтном направлении, а в меридиональном

они уже. Длина курганов от 14 до 26 м, ширина от 22 до 13 м. Их пять на всю курганную группу. Кроме внешнего рва, трижды пришлось наблюдать внутренний ров, опоясывающий основную могилу и выкид из нее. Это — курганы 1 и 2 группы у пос. Сулицкого и курган 4 — 1945 г. группы «Серко». Такой ров узок и мелок. Он, конечно, свидетельствует о двукратном, может быть, следовавшем через год сооружении кургана. Обычай этот известен и из описания Геродотом похорон скифского царя и в таких «царских» курганах, как Чертомлык, Солоха и курган у с. Башмачки (в последнем даже троекратная насыпка). Второй внутренний ров наблюдался в Мордвиновском кургане.

Изучение насыпи за редкими исключениями (группа II, курганы 1, 4 и 8, о которых у Ф. Н. Киранова не сохранилось записей о насыпи) позволило констатировать наличие тризны. Судя по находке черепков местных сосудов и нескольких разбитых эллинских амфор, она состояла в поедании коней, в употреблении каких-то местных кушаний и греческого вина. Коней съедали от одного до трех. В. И. Цалкин определил на материалах раскопок 1945 и 1946 гг., что кости одних и тех же особей попадались и в остатках тризны и в могилах покойников как сопровождавшая их пища. В. И. Цалкин определил также число съеденных коней: в двух случаях (курганы 2 и 3) их было по одному на курган, в одном — два (курган 4). Ф. Н. Киранов в кургане 2 группы II установил наличие трех конских челюстей в одной и той же насыпи. В кургане 1 группы у пос. Сулицкого Б. З. Рабинович нашел среди остатков тризны псалии от двух пар удил. В погребении 2 кургана 19 группы II была одна пара удил, в насыпи кургана 8 — нащечник (рис. 10, 1), в группе на девятом километре в могиле кургана 3 была положена одна пара железных удил. Таким образом, число приносившихся в жертву погребенному коней было невелико, и одно и то же животное служило пищей и для погребенного и для поминавших его родственников. Лишь в единичных случаях лошадь заменялась коровой (группа I, курган 2, погребение 17, группа II, курган 24, погребение 3, курганы 2—38) и еще реже овцой (группа II, курганы 16 и 18; группа у пос. Сулицкого, курган 2, погребение 3; группа «Серко», курганы 1 и 6 — 1946 г.). Специфической особенностью тризны иногда являлись обломки зернотерок,

очень небольшие, иногда один или несколько пращевых камней. Все предметы, использовавшиеся на тризне, разбивались и разбрасывались по площади будущего кургана. Впрочем, три раза были встречены разбитые, но не разбросанные амфоры. В нескольких случаях можно установить, что тризну охотнее совершали с той стороны, куда головой обращен был покойник, т. е. к западу или к северу. Тризна совершалась и после сооружения кургана, независимо от того, был ли он насыпан в один или в два приема. В первом случае ее остатки наблюдались или в самом краю насыпи или во внешнем рву, во втором случае — и во внутреннем рву, и во внешнем и по окраине насыпи (группа у пос. Сулицкого, курганы 1 и 2). Заупокойная пища и предметы, оставшиеся на месте тризны, одинаковы, независимо от того, был ли погребенный мужчиной или женщиной, но при погребении последней в насыпь попала разбитая зернотерка. Только среди остатков тризны попадались пращевые камни.

Могила, для которой насыпался курган, сооружалась одинаково, вне зависимости от того, к какому из описанных ниже типов она относится. Яма ли это, или катакомба, ориентированная по широте или меридиану, она копалась орудием типа тесла с нижним концом 4—6 см ширины или киркой 1,5—2 см ширины. Д. Я. Самоквасов нашел такое орудие в грабительском ходе кургана «Старшая могила» и отметил⁴, что таким орудием копались, судя по следам на стенках ям, очень многие могилы. Это известный «топорик» гальштатского образца с двумя выступами по бокам лезвия.

Как видно, оно служило при всякой копке земли. Выкинутая земля широким кольцом распределялась вокруг погребения. Естественно, в таком выкиде нижний слой был черноземом, верхний — лёссовидным суглинком, т. е. слои расположены в порядке выкидывания земли из ямы в обратной последовательности природным наслоениям. Поэтому лёссовая часть выкида не лежит никогда на древнем горизонте, а помещается выше, причем ее линзообразные в разрезе включения по большей части лежат наклонно: их внешняя граница немного ниже внутренней. Выкид вокруг основной скифской могилы является обязательным признаком Нико-

⁴ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 99.

польского курганного поля. В раскопках Ф. Н. Киранова он помечен далеко не везде, но это объясняется тем, что при всей своей аккуратности мой покойный предшественник, отвлекаемый музейной работой, явно не всегда замечал выкид, а к тому же он иногда поручал вскрытие насыпи своим работникам. В 16 случаях, когда раскопки производились археологами, учениками В. А. Городцова, выкид был констатирован каждый раз. (Имею в виду работы А. Я. Брюсова, Е. И. Крупнова и наши, а также работы А. П. Манцевич и Б. З. Рабиновича.) В трех случаях, в одной и той же группе на десятом километре, в курганах 2, 3 и 4, было установлено нарочитое превращение выкида в непрерывный правильный кольцевой вал вокруг основного погребения, достигавший 0,85 м высоты при поперечнике внешнего основания 4—6 м и при внешнем диаметре 7—8 м. По-видимому, такой же вал наблюдался в кургане 26 (открытом в 1936 г. А. Я. Брюсовым) курганной группы II. Отмечу еще одно явление, имеющее не обрядовый, а чисто практический для археолога характер. При современной гибельной для малых курганов тракторной распахке иногда наблюдается уже при зачистке первого штыка на фоне черной насыпи ряд совершенно правильных, параллельных направлению вспашки, шириной в борозду плуга, полос желтого грунта. Это начало разрушения верхушки выкида. При постепенном понижении насыпи при распахке лёссовая верхушка выкида будет растаскиваться все больше и больше, и в результате при обычно очень тонкой линзе лёсса выкид исчезнет, перемешавшись с черноземом, так что его придется констатировать по каким-то новым признакам, возникшим в результате разрушения.

Встречаемые в скифских курганах погребальные сооружения можно разделить на пять основных типов.

Известны ямы двух типов.

Тип 1. Четырехугольная яма с округленными углами или концами (или в форме вытянутого овала), ориентированная по длине с востока на запад, с большими или меньшими отклонениями, но никогда не переходящая в меридиональное направление (рис. 14, 4). Такая яма часто имеет уступ вдоль всей южной стенки. Они встречены всего восемь раз: в группе II, в курганах 12, 22 с тремя погребениями; в кургане 23

с двумя погребениями; в кургане 24, в погребении 5, в группе «Серко», в кургане 5, погребении 6. Ямы перекрывались деревом. Иногда сверху наваливалась куча камня (группа «Серко», курган 5, погребение 6—1946 г.). Только в трех случаях такая яма основная. В погребении 10 кургана 3 (1939 г.) (рис. 14, 4) был обнаружен горшок, явившийся подражением тюльпановидному позднечернолесскому. Подробно погребение описывается в публикации, подготовленной О. А. Кривцовой-Граковой.

Тип 2. Яма такой же формы ориентирована меридионально. Встречена один раз в кургане 2 1939 г. группы I на девятом километре.

Более обычные, чем ямы, катакомбы представлены тремя типами.

Тип 1. Входная яма с катакомбой, расположенные параллельно друг другу в широтном направлении (рис. 2А, 1, 4, 6; 2Б 8 и 14, 2А, 3). Входная яма, расположенная с юга, имеет форму четырехугольника с округленными концами или углами, или вытянутого овала, длиной от 1,8 до 2,7 м, шириной от 0,7 до 1,3 м, глубиной от 1,2 до 2,5 м. Такая яма редко превышает 2 м глубины. По ее южной стенке на небольшой глубине помещался чаще отвесный, редко покатый уступ, иногда два. Дно ее чаще образует уступ к катакомбе, реже спускается к ней полого или находится на одном уровне с ней. Именно у этих катакомб наблюдаются случаи покрытия дна входной ямы и катакомбы одной и той же цинковой спадающей по склону дна входной ямы в катакомбу. Под северной стенкой в нее делалось устье, обычно имевшее форму более или менее правильной дуги, достигавшей углов входной ямы или у дна или несколько выше. Его обычная высота составляет половину или две трети глубины входной ямы. Катакомба представляет собой в плане четырехугольник, овал или сегмент круга и ориентируется параллельно входной яме. Ее длина 1,8—3 м, ширина 1—1,8 м, глубина 1,3—2,8 м, чаще около 1,5 м; большей частью дно ее ниже дна входной ямы, а концы чаще заходят за концы входной ямы, хотя не обязательно. Продольный разрез дуговидный или трапециевидный, поперечный — полуокружность, четверть окружности или трапеция (рис. 2А, 1—3). В тех случаях, когда это можно было проследить, она всегда оказывалась отгороженной от входной ямы

плетнем, заборчиком из плах или снаружи еще корой. Изредка основание такой загородки утверждено в канавке, идущей вдоль устья. Входная яма засыпалась: ее заполнение — чернозем или чернозем с примесью лёсса. Катакомба оставалась пустой и или засыпалась позднее сама при обвале, или затягивалась извне и со стенок; поэтому ее заполнение отличается резким преобладанием лёсса слоями и комьями, иногда с прожилками перегноя. В катакомбах, подвергшихся древнему ограблению или разрушению крупным зверьком, все или часть заполнения бывают рыхлы и состоят из интенсивно черного перегноя. В двух случаях (группа II, курган 8, погребение 2 и курган 25 группы «Серко», курган 4—1945 г.) входные ямы были заполнены, а катакомбы в момент раскопок стояли пустыми. В одном случае (группа у пос. Сулицкого, курган 2, погребение 3) катакомба явно обвалилась недавно; об этом свидетельствовали широкая горизонтальная трещина над ней, куда полностью в длину уходила двухметровая рейка. Во всех этих случаях катакомбы оказались ограбленными, но входные ямы уже затянулись. В катакомбах курганной группы «Серко» (курган 4 1945 г.) и у пос. Сулицкого (курган 2, погребение 3) в результате ограбления на дно катакомб натекла грязь, осевшая в виде ила, в которой как бы плавали разбросанные кости. Всего катакомб этого типа 26.

Как единичные варианты этого типа можно отметить:

1) расположение катакомбы под южной стенкой входной ямы (группа II, курган 20, погребение 3; группа у пос. Сулицкого, курган 2, погребение 2, впускное);

2) наличие короткого коридорчика между входной ямой и катакомбой (группа у пос. Сулицкого, курган 2, погребение 2 и 3);

3) входная яма в виде небольшого дромоса, близкого ко второму и третьему типам, а не длинная, параллельная катакомбе, т. е. все сооружение в плане напоминает букву «Т» (курганная группа II, курган 19, погребение 2, основное, и курган 20, погребение 2 и 3, оба впускные). В плане, но не в ориентировке, этот вариант совпадает с третьим типом;

4) совершенно особым вариантом этого типа является катакомба в группе «Серко», кургана 4 1945 г., имевшая многоступенчатую входную яму, ориентированную с во-

стока на запад, по образцу катакомб второго и третьего типов; коридорчик и камеру сложной формы под восточной стенкой, но расположенную искусно в широтном направлении (рис. 2Б, 9, 10, 11). Глубина этой катакомбы 3,7 м, что также сближает ее с катакомбами третьего типа.

Тип 2. Входная яма с катакомбой, являющейся ее прямым продолжением в широтном направлении. Входная яма прямоугольной, трапециевидной эллиптической или яйцевидной формы, ориентирована или широтно или реже — меридионально. По ее западной или восточной стенке один—четыре уступа, крутых или покатых. Размеры входной ямы в длину не более 1,5 м, ширина до 80—130 см, глубина не более 1,5 м. Катакомба под восточной или западной стенкой длиной 1,8—2,5 м, шириной 1,3—1,7 м, глубиной 2,1—2,5 м, высотой 0,5 м и немногим более. Дно входной ямы переходит в нее крутым или покатым уступом, устье сегментовидное, трапециевидное, треугольное, или чаще в виде арочки с полуциркульным верхом, шириной от 50 см до 1 м, высотой до 1 м; оно чаще всего было закрыто плетнем или заборчиком, иногда стоявшим в канавке, забито лёссом или заслонено двумя и более камнями (нечасто). Катакомба в поперечном разрезе представляет собой полукруг, сегмент или трапецию; в продольном — трапецию или сегмент, или же ее потолок покато спускается по прямой к задней низкой или наклонной стенке. Она то шире входной ямы, то одинаковой с нею ширины и сужается к ногам покойника (рис. 2А, 5). Всего таких катакомб 15.

Тип 3. Входная яма, как у второго типа, с такими же уступами. Устье и катакомба были расположены под восточной стенкой; форма и закладка его, как у второго типа. Катакомба расположена под восточной стенкой, поперек входа, отчего все сооружение в плане похоже на букву «Т» с короткой ножкой. Это бывает в том случае, если устье находится посредине стенки катакомбы. Если же оно ближе, что иногда встречается, к северному концу катакомбы, то план всего сооружения близок к букве «Г». Катакомба в плане имеет форму прямоугольника с округленными углами или концами, полуовала с дугой к востоку или широкая, угловатая или округленная, на северном конце она сужена, в южном конце (т. е. в ногах покойника) — почти в острие.

Этот вариант обычен. Южный конец всегда длиннее, считая от устья, чем северный. Катакомба ориентирована меридионально, с отклонениями, никогда не переходящими в широтные. Ее поперечный и продольный разрезы такие же, как у второго типа. Не отличаясь в общем размерами от катакомб двух предыдущих типов, катакомбы третьего типа имеют иногда огромную глубину (курганная группа II, курган 19/21, погребение 2—3,15 м; группа на восьмом километре, курган 2—3 м, группа на девятом километре, курган 2, погребение 2—4,25 м). Единичные варианты отличаются либо наличием короткого коридорчика из входной ямы в катакомбу, чаще, чем у первого типа (группа II, курган 2, основное погребение; курган 5, погребение 2; курган 10, основное погребение; курган 21, погребение 2 и 3 впускные; группа на восьмом километре, курган 2), либо положением катакомбы под западной стенкой входной ямы (группа II, курган 2, курган 8, погребение 1, основное) с соответствующим перенесением уступов на восточную ее стенку. Заполнение ям у этого типа, как и у двух предыдущих. Всего катакомб третьего типа 22 (рис. 2А, 5). Промежуточным звеном между вторым и третьим типами является впускное погребение 1 в кургане 19 курганной группы II Ф. Н. Киранова. Ее узкая входная яма вытянута с севера на юг (1,3×0,7×1,3 м); под ее северной стенкой — катакомба, продолжающая ее по длине, т. е. с севера на юг, и имеющая форму прямоугольника. Ее размеры 1,65×1,55×1,55 м. Покойники лежали вдоль головами на юг, т. е. к устью. Взаиморасположение входной ямы и катакомбы сходно со вторым типом, а ориентировка всего сооружения и покойников — с третьим типом.

Как одинаковы во всех случаях тризны, так большой близостью отличаются и детали обряда захоронения. Случаев трупосожжения нет, всюду труположение. Покойник лежит в вытянутом положении, на спине, головой в ямах и первых двух типах катакомб на запад, часто с отклонениями к северу или югу, в третьем типе катакомб — на север. Единично в первом и втором типах встречается положение головой к востоку. Один раз (группа II, курган 25, погребение 38) в катакомбе третьего типа покойник лежал в слабоскорченном положении, головой на запад (подробнее Ф. Н. Кирановым не описано). Покойника клали редко по длин-

ной оси катакомбы, чаще по ее длине, но под стенкой. В катакомбе погребения 12 в кургане 5 (1946 г.) группы «Серко» женщина лежала ничком (рис. 14, 3), ее сопровождало только несколько костяных застёжек (рис. 8, 4), известных в некоторых скифских погребениях VI в. до н. э., например в детском погребении у с. Серогозы из раскопок Ф. И. Брауна⁵. Исключительность позы, может быть, говорит о захоронении колдуньи — обычный, нередко засвидетельствованный и в этнографии и в раскопках. Под костяком очень часто наблюдалась подстилка, чаще из травы, особенно тростника, иногда в виде циновки, иногда из кусков дерева, положенных поверх травы, иногда из коры. В головах прямо под стенкой катакомбы нередко встречались ноги и ребра лошади (чаще), коровы или овцы, всегда острым орудием отрубленные от хребта, иногда они лежали в головах, но в одном из углов, изредка — сбоку, справа от входа в катакомбу; однажды — между скелетами мужчины и женщины (группа II, курган 19, погребение 2). Один раз (группа у пос. Сулицкого, курган 2, погребение 3) во входной яме лежал бок лошади и целая овца, но конский бок находился и в головах троих погребенных в катакомбе людей. За исключением двух случаев, на костях или между ними лежал нож с костяной ручкой (порой от его лезвия оставалось только ржавое пятно на костях), находили по два-три ножа при нескольких погребенных. Однажды в головах покойника на обожженном круглом топке лежала передняя нога кабана. Иной раз под жертвенным мясом находилось нечто вроде доски, простой или с бронзовыми или железными скрепами и с набивным орнаментом на бронзовой пластинке (группа «Серко», курган 4—1946 г.). А. П. Манцевич в кургане 2 группы I в погребении 17 удалось проследить овальное деревянное блюдо. Сосуды — редкость в могилах Никопольского поля. У взрослых покойников три раза обнаружены чернолаковые канфары обычных эллинистических типов (рис. 7, 1, 2, 5), местных сосудов нет вовсе. Один раз (группа II, курган 2, погребение 17) А. П. Манцевич проследила в головах покойника деревянный сосуд совершенно того же типа, что и известный сереб-

⁵ Ф. И. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. — ИАК, 19, СПб., 1906, стр. 81—116.

ряный сосуд из Солохи с двумя горизонтальными ручками без отверстий по сторонам. Только дважды при костяке молодой женщины и детских костяках встречено по глиняному местному сосуду (рис. 7, 6, 11) в виде невысоких яйцевидных криночек, суженных книзу, с цилиндрическим горлом (группа II курган 21, погребение 1; группа на девятом километре, курган 2). Эти сосуды — небольшие кубки, напоминающие один из малых сосудов с Каменского городища⁶. Нет в могилах ни амфор с вином, ни медных скифских котлов, что встречаются в Нижнем Приднепровье в большинстве царских и в рядовых курганах Мариинского могильника. Может быть, деревянных сосудов было больше, но они не сохранились. Может быть, вино ставилось в канфарах или деревянных сосудах лишь изредка, а в большинстве случаев возливалось, но на это нет в наших раскопках прямых указаний. Сосуды, как и заупокойная пища, помещались всегда в головах. В погребении 4 кургана 21 группы II; в курганах 2 и 4 группы на девятом километре и в кургане 4 (1945 г.) группы «Серко» найдена, хотя и не в первоначальном положении, красная краска — реальгар в кусочках — и во внутреннем рву кургана 4 группы «Серко» (1945 г.) — клык дикого кабана без признаков сверлины для ношения. Реальгар довольно обычен в архаических погребениях скифского времени Среднего Приднепровья, но реже встречается в V и IV вв. до н. э., а в Нижнем Приднепровье до сих пор не был известен.

В остальном инвентарь никопольских погребений резко различается в зависимости от пола и возраста погребенного. Мужчина здесь — всегда воин (см. рис. 2А, 4; 2Б, 8). Поскольку в женских погребениях, не затронутых грабителями, оружие почти всегда отсутствует, можно смело сказать, что наличие его свидетельствует о погребении мужчины. Для савроматских погребений женщин характерно оружие, присутствие которого несомненно объясняется воинственностью и особым положением женщин в обществе, засвидетельствованным многочисленными древними авторами. В погребениях у женщин-скифянок оружие зарегистрировано всего два раза. Это, во-первых, наконечники стрел при женском погребении (группа II, курган 21, погребение 1); во-вто-

рых, копьа, стрелы и пояс-панцирь при захоронении молодой женщины (Аккермень I, курган 16, погребение 2 — основное)⁷. При патриархальном строе скифов эти отступления, конечно, можно объяснить браками скифов с савроматскими женщинами.

Оружие никопольских курганов несложно по составу. Найденные в погребениях бронзовые стрелы относятся к обычным типам (рис. 3 и 12), единично встречаются железные (группа «Серко», курган 4 1945 г.). Пучки стрел в деревянных, иногда обтянутых кожей колчанах (от 10 до 100), если они лежат *in situ*, покоятся у левого бедра остриями к ногам, т. е. ко дну колчана; только один раз они в таком же положении лежали справа (группа II, курган 24, погребение 1, раскопки А. Я. Брюсова). Длина древков около 85 см (группа II, курган 2, погребение 17), они окрашены в ярко-красную (там же) или в черную краску с красным пояском под наконечником (курганы у пос. Сулицкого, курган 1, погребение 2, раскопки 1937 г.). Форму колчана определить не удалось. Лук (если только это он) встречен только один раз в левой руке покойника в курганной группе I, в погребении 17 кургана 2 у пос. Сулицкого в виде двух кусков дерева длиной 45 см. Далеко не во всех мужских погребениях, но все же относительно часто (в 13 случаях) встречены копьа. Если они лежат *in situ*, то чаще — справа от покойника по два, реже — слева, тоже по два, параллельно друг другу, остриями в сторону от головы покойного; а у ног встречаются подтоки в виде цилиндрических трубок 15—20 см длиной. Два раза было найдено по одному копыю. Лишь один раз при потревоженном погребении у одного из двух копий подтока не было (унесен зверьком?) — в группе «Серко», в кургане 2, раскопки 1945 г. (рис. 2Б, 8). По взаимному расположению наконечников и подтоков удалось установить длину всего копьа от 1,8 до 2,2 м. Даже в погребениях, разграбленных и разбросанных, наличие двух наконечников, или двух подтоков указывает на то, что копьа обычно помещались парами. Однажды два копьа были воткнуты вертикально справа в головы покойника (рис. 2А, 1). Этот обычай наблюдается нечасто и, следовательно, применялся субъективно. Он известен у упоми-

⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. — МИА, 36, 1954, стр. 71, табл. III, 5.

⁷ М. И. Вязьмитина и др. Курганы біля села Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». — АП УРСР, т. VIII, Київ, 1960, стр. 63—66.

навшейся уже воинственной женщины из кургана 16 у колхоза Аккермень⁸. Его наблюдал Д. Я. Самоквасов в одном из рыжановских курганов⁹ и А. А. Миллер в одном из курганов близ станицы Елизаветовской в устьях Дона. Наконец, совсем недавно А. М. Лесков обнаружил такой же ритуал в одном мужском погребении в Крыму у пос. Ленино на Керченском полуострове. Известен и знаменитый рассказ Геродота (кн. IV, гл. 71). Возможно, выдаваемый за типичный в этом рассказе случай царских похорон есть на деле всего только индивидуальный пример, сообщенный Геродоту кем-то из его осведомителей.

Дротики не обычны в этих могилах. Всего один раз (в кургане 19/21 группы II) встречены втулка и стержень от жаловидного дротика при двух копьях. Впрочем, и в группе царских курганов эти дротики нечасты (Чертюмлык). Таким образом, наличие в погребениях копий обычно, но необязательно. Значительно реже встречаются короткие мечи типичных форм (рис. 4, 1—3). Они встречены всего в девяти курганах. Их положение различно. Один раз меч был по рукоять вткнут слева от покойника в лёссовую стену перпендикулярно к бедру трупа (группа I, курган 2, погребение 17). Редки точильные камни, столь казалось бы необходимые воину. Встречен один подвесной цилиндрический мусат даже с железным ушком, один раз (группа «Серко», курган 2, погребение I — 1946 г.) — точильный камень (песчаник), четырехугольный, все шесть сторон которого сточены до значительного углубления. На боковых сторонах — желобки с контурами точившихся о него наконечников стрел (рис. 3, 8). Их было найдено в этом погребении 62 штуки. Камень лежал около копий и служил, очевидно, для их затачивания. Этим исчерпывается весь набор наступательного оружия. Впрочем, выше уже упоминалось, что в остатках тризны (на сей раз и мужской и женской) обычно встречаются прашевые ядра, шарики более или менее тщательно заполированные, из галек и два раза — из обожженной глины. Может быть, это единственное оружие, употреблявшееся скифскими женщинами.

В могиле рядового скифского всадника не обнаружен конь целиком. В этом исключительное отличие одновременных царских курганов. В никопольском могильнике лошадиные кости встречаются и среди остатков тризны и рядом с погребенным. Конские удила или другие украшения сбруи (рис. 8, 1—3) иногда попадались в тризне. Три раза в ногах покойника лежали простые железные удила.

Мужчина не был любителем украшений. При мечях очень редко (группа у пос. Сулицкого, курган 1—1937 г.) встречались от одной до пяти ворворок разных форм, служивших для скрепления или украшения портупей. Подобное явление Н. И. Веселовский отметил в Золотом кургане. Изредка при мужском костяке встречается несколько бусин. Один только раз в правом ухе красовалась серьга: серебряное кольцо из проволоки с подвеской в виде заостренной яйцевидной капли, покрытой зернью, с шариком на конце. Сотни таких подвесок украшают головные уборы, височные кольца и серьги женщин из царских гробниц.

Женский инвентарь никопольских скифских погребений очень однообразен и небогат. Встречаются серьги¹⁰ в виде проволочных бронзовых, железных, единично золотых колец с напущенным миниатюрным арибаллом цветного стекла, серебряным кружком, той или иной бусиной (рис. 8, 5). Много бус из цветного стекла, пасты, редко из янтаря и кости (рис. 6). Типы их обычные для позднеклассической и эллинистической эпохи. Изредка попадались золотые бусины также обычных для этого времени типов (группа на девятом километре, курган 4). К сожалению, грабители и зверьки ни разу не дали определить последовательность бусин в ожерелье. Почти обязательно наличие в погребениях женщин глиняных или свинцовых пряслиц (рис. 6). Их типы богато представлены на Каменском городище. Что это именно пряслица, а не ворворки или пуговицы, явствует из характерного для них довольно широкого вертикального отверстия, в котором в нескольких случаях были найдены следы дерева, и из находки веретена с двумя пряслицами на нем (группа II, курган

⁸ М. И. Вязьмитина и др. Указ. соч., стр. 64—66.

⁹ Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 84; Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 48.

¹⁰ Б. Н. Граков. Каменское городище. Серьги, стр. 104, табл. XI, 1 и 2 и стр. 105, табл. XII, 1—4. Они есть в Мариинском и Кутском могильниках, упоминавшихся выше, в большом кургане у с. Башмачки.

19, погребение 3). Обычно пряслиц бывает по одному, но изредка даже по два и по три на одно женское погребение. В тризнах женских погребений всегда встречаются разбитые на куски и редко цельные зернотерки (цельные: группа у пос. Сулицкого, курган 2, группа на восьмом километре, курган 2).

В детских погребениях особенностей почти нет. В них, как указывалось, изредка встречались сосуды местной работы, отсутствовавшие при взрослых покойниках. Кроме того, детей хоронили с пестрыми бусами и игрушками: крупной шумящей морской раковинкой, кружками из стенок амфоры, игрою из овечьих астрагалов. Иногда в детских погребениях совсем нет археологически ощутимых вещей, что отнюдь не свойственно погребениям взрослых.

Заупокойная пища у детей, если это был бочок телянка или барашка, иногда не заключалась в сосуды. Имеются отличия и в сооружениях. В редких случаях катакомба заменялась ямой первого и второго типов.

Обычно в кургане одна могила и в ней один покойник. Изредка в могилах встречались парные захоронения — мужчина и женщина (группа II, курган 19), женщина и ребенок (курган 2 1937 г.), мужчина, женщина и ребенок (курган 2 1937 г., погребение 2). Во всех случаях приходится предполагать одновременное захоронение. Едва ли есть основание видеть здесь насильственную смерть, за исключением кургана 19 группы II, где с одного края катакомбы лежал мужчина, с другого — женщина. Между ними — один общий бок коня, но и здесь чувствуется полное равенство обоих членов семьи. Аналогия с царскими курганами тут вряд ли уместна.

В 17 курганах встречаются как основные, так и впускные скифские погребения в одном и том же кургане. Интересно при этом сочетание типов погребальных сооружений. В первом случае все катакомбы — первого типа (группа II, курган 25; группа у пос. Сулицкого, курган 2), во втором — катакомбы первого и второго типов (только два впускных в курган 2 группы I бронзовой эпохи); в третьем — катакомбы первого и третьего типов (группа «Серко», курган 2—1945 г.); в четвертом — катакомбы второго и третьего типов (курганный группа II, курганы 8 и 21). Для выяснения взаимоотношения этих форм могил следует проследить их по отдельным группам. Оказывается, что в

трех курганах могильника у пос. Сулицкого все пять погребений находились в катакомбе первого типа. То же наблюдалось во всех трех курганах группы на десятом километре. В группе «Серко» раскопано семь скифских курганов; в них заключались две ямы первого типа, т. е. с западной ориентировкой покойников, пять катакомб первого типа с той же ориентировкой, одна катакомба — вариант первого типа с дромосом типа катакомб первого и третьего типов. Наконец, в одном кургане при основной катакомбе первого типа имеется впускная — третьего типа.

В группе II, судя по описанию Ф. Н. Киранова, в кургане 3 было две могилы второго типа, в пяти курганах (4 и 5, 7, 17, 19/21) по две-три могилы третьего типа, в двух курганах (19 и 20) разные варианты первого типа. В первом случае основное было по ориентации первого, а по плану третьего типа, а впускное — второго типа катакомбой. Во втором — основное принадлежало к катакомбам первого типа, а два впускные были первого типа по ориентации и третьего — по плану. В курганах 22 и 23 — в одном — три, в другом — две ямы первого типа. В четырех курганах — по одной катакомбе первого типа, в двух — второго типа, в четырех — третьего типа; в одном — яма первого типа.

В группе на восьмом километре — одинокий курган с катакомбой третьего типа; в группе на девятом километре — один курган с катакомбой первого типа и один — с катакомбой третьего типа и впускным детским парным погребением в яме второго типа.

К тому же следует учесть, что существуют малочисленные (четыре случая) варианты переходных от первого к третьему типов катакомб и один — переходный от второго к третьему. Столь же очевидно, что ямы первого типа, особенно с уступом на южной стенке, являются всего навсего упрощенным вариантом катакомб первого типа, а единственная яма второго типа не что иное, как упрощение катакомб третьего типа.

Поскольку в отдельных группах курганов встречаются однообразные сооружения и в отдельных курганах однородные типы погребений, можно думать, что такие группы и курганы принадлежат небольшим группам населения, твердо придерживавшимся одного и того же обряда. Малочисленность отдельных однообразных сооружений в каждом таком случае говорит скорее всего о не-

больших группах родственников в 3—10 человек. Значение этих небольших семейных групп может быть раскрыто только при подробном исследовании близлежащих селищ, которое едва-едва начато.

Ямы первого и катакомбы первого и второго типов, несомненно, абсолютно, тождественны по обряду захоронения. Ямы второго, катакомбы третьего и переходного от второго к третьему типам отличаются меридиональным положением покойника и господством северной ориентировки. Ямы и катакомбы первого типа никогда не бывают впускными в курганы с погребениями второго и третьего типов. Катакомбы с признаками третьего типа хоть и малочисленны, но встречаются. Катакомбы третьего типа бывают впускными в курганы с основными погребениями первого и второго типов, но не наоборот. Наконец, курганы с катакомбами третьего типа, в противоположность курганам с сооружениями второго типа, не образуют особых групп, а часто встречаются среди курганных групп с катакомбами первого типа, а катакомбы третьего типа встречаются как впускные в курганы с катакомбами первого и второго типов. Семейные их группы встречаются в отдельных курганах, но не в самостоятельных группах. Таким образом, из всех имеющихся комбинаций очевидно, что первичными являются катакомбы первого типа. Катакомбы второго типа, образующие отдельные подгруппы, и самостоятельные курганы с несколькими могилами этого типа, появляются позднее. Еще более поздними являются катакомбы третьего типа, к которому есть промежуточные формы от первого и второго типов, но не наоборот. Однако катакомбы второго и третьего типов существовали одновременно. Это заключе-

ние вытекает и из анализа погребений Никопольского могильника, где они встречаются в одном кургане, бывая попеременно то основными, то впускными, и из сравнения с другими могильниками (особенно Знаменским). Одновременное же существование катакомб первого и третьего типов, т. е. древнейшего и позднейшего, определяется только наличием случаев переходных форм от одного к другому, и сколько времени это продолжалось, неизвестно. Итак, несомненно, что, несмотря на полное тождество ряда бытовых и погребальных деталей, всех погребений Никопольского могильника, в обряде захоронения произошло в известное время изменение, причем какое-то время старые и новые формы сосуществовали. Объяснить это обстоятельство может только сравнение с однотипными могильниками, что и будет сделано ниже.

Особенно интересен одинокий по характеру сооружения и обряда курган 6 (1946 г.) в группе «Серко». Он выделяется среди 80 других курганов. Каменная обкладка насыпи, кучка камней над простой ямой широтной ориентировки, обилие овечьих костей в тризне — это признаки, свойственные более северному Кичкасскому могильнику у порогов¹¹. По-видимому, такое единичное вторжение более северного сооружения и обряда в могильник группы «Серко» свидетельствует о каких-то взаимоотношениях между населением отдельных частей Нижнего Приднепровья, может быть, родственных в духе экзогамии или приема в семью чужака иным путем, причем этого чужака хоронят по обычаю племени.

¹¹ Дніпропетровський Історично-археологічний музей. Збірник, т. I. Дніпропетровськ, 1929, стр. 48—60.

ИНВЕНТАРЬ

Рассмотрим весь набор вещей, встречающихся в никопольских курганах.

Главное оружие лук и стрелы. Остатки первого ничтожны и о нем нечего сказать, кроме того, что он, несомненно, был очень мал. Колчаны сохранились в виде остатков кожи или дерева. Их носили слева на поясе у бедра. От 10 до 100 стрел (чаще от 30 до 50) помещались в них остриями вниз. Яркоокрашенные древки, красные или черные, иногда с красным пояском под наконечником, были довольно коротки (45 см). Не бы-

ло случая, когда бы в мало-мальски сохранившихся могилах мужчин при наличии другого оружия или без него не было стрел. Всего они встречены в 43 случаях.

Бронзовые наконечники преобладают. Железные найдены только в трех случаях, причем лишь один раз они численно преобладают над бронзовыми. Бронзовые наконечники не отличаются разнообразием. Это сплошь пирамидальные и эллипсоидно-пирамидальные жала, трехгранные или трехлопастные, с короткой или обрезной

втулкой длиной 3—4,5 см. Грани обязательно заканчиваются шипами. Длина жала в 3—4 раза превышает поперечник основания. Треугольные стрелы имеют иногда П-образное обрамление ложной втулки на гранях, сделанное бороздками. Два раза на боковых поверхностях стрел встречены рельефные украшения: 1) крестик и 2) три поперечные рельефные полосы через втулку. Все это общие признаки наконечников стрел с середины классического периода до III в. до н. э. включительно. Большие уточнения едва ли когда-нибудь будут возможны. Солоха, Огуз, Чертомлык, Александропольский курган — вот общие рамки распространения таких наконечников в массовых масштабах. Железные наконечники однообразны: довольно длинная втулка и пирамидальное трехлопастное жало с шипастыми гранями обычных для бронзовых наконечников стрел пропорций. Характер сопровождавших их комплексов (группа на девятом километре курган 2, группа «Серко», курган 4 1945 г.) указывает на позднейшее время. И это тем более, что в двух случаях они найдены в катакомбах третьего типа и один раз — в катакомбе, переходной от первого к третьему типу. Лишь два раза довольно большие (60 и 40 штук) наборы стрел были однообразными по типу. В остальных случаях в набор входят один, три, четыре типа. Этим никопольские комплексы резко отличаются от комплексов царских курганов, где часто в колчане содержалось по несколько сот стрел одного и того же типа. К тому же стрелы часто сточены и, очевидно, употреблялись многократно¹².

Другой вид оружия — копья (рис 5, 1—4) встречаются несколько реже. Они обнаружены 13 раз (24 экз.). Нет сомнения, что в большинстве случаев их носили по два (ср. изображение на воронежском серебряном сосуде); только два раза встречено по одному копьё. Длину копий измеряли *in situ* от нижнего конца подтока до острия. Их размеры 1,8—2,2 м. Низкая сохранность железа привела к тому, что лишь немногие из копий могут быть точно описаны и измерены. Несмотря на это, обломки ряда копий позволяют считать господствующим однообразный тип наконечника. Это листовидное перо с цилиндрической или слабоконической втулкой

общей длиной 30—35 см при втулке 7—13 см, имевшей диаметр основания 2,5—3 см. По основанию тульи шел выступ в виде кольца. Всегда хорошо заметна щель сварки. Перо имело форму листа, наибольшая ширина которого отстояла на одну треть длины от вершины втулки. Его ширина в этом месте 5—6 см. Ребра вдоль лезвия нет ни разу. Подтоки всегда цилиндрические, длиной 7—20 см со сквозным отверстием диаметром 2—3 см. Соотношение длины наконечника и подтока неопределенно. Измерено всего восемь наконечников и семь подтоков. Один наконечник имел ту же форму, но иные размеры: длина его 42 см, длина втулки 9 см. Наибольшая ширина пера в одну четверть его длины от втулки и была равна всего 3,5 см. Кольца в основании втулки нет так же, как и ребра на пере. Еще одно копье отличалось резко по типу (рис. 5, 4б). Его общая длина 39 см, длина слабоконической втулки 10 см. Ее диаметр был около 3 см. По основанию кольца — выступ. Перо — четырехгранная пирамида, с ромбическим сечением. Подобный тип для Скифии необычен. Это греческое копье, известное для эпохи бронзы — с VII в. до н. э. и до позднего классического времени. Отсутствие желобков на гранях, грубость отделки и общее сходство в деталях с остальными копьями, по-видимому, говорят о том, что его изготавливали на месте, подражая грекам, или привозили не издалека (скажем, из Оливии).

Только один раз встречены остатки (втулка и части стержня) наконечника дротика с двушипным жалом. Это оружие не было, очевидно, обычным для основной массы жителей Никопольщины в эпоху царских курганов.

Еще реже, чем копья, встречаются короткие мечи (рис. 4, 1—3). Их найдено всего девять. Мечи содержались всегда в тех же погребениях, где и копья. Более или менее сохранилось только три экземпляра. При одном из них был найден какой-то кинжал, но он совершенно истлел и только упомянут в дневнике Ф. Н. Киранова. Низкая сохранность железа пагубно сказалась и на мечах. В ряде случаев от них сохранялась только жалкая полоса железной ржавчины. При этом все три сохранившиеся меча не отличаются большим сходством друг с другом и не очень подчиняются обычной типологии скифских мечей. Меч из кургана I у пос. Сулицкого наиболее обычного типа. Его длина

¹² Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 129, табл. XVIII, наконечники стрел с Каменского городища.

57 см. Рукоять с антеннами в виде лапы хищной птицы, перекрестие почковидное. На лезвии много остатков дерева и кожи от ножен, а с внешней стороны имеется полуовальная пластинка из железа — нижняя оковка ножен (рис. 4, 3). Меч из кургана 2 курганной группы I имеет в длину 57 см, рукоять сплошь железная (рис. 4, 1). Железное навершие было, по-видимому, первоначально серповидным или в виде узкого бруска. Перекрестие прямое; под ним — железная обоймица. От ножен сохранились следы дерева и кожи. Меч из погребения 4 кургана 23 группы II имел железную ручку, одетую бронзой. В погребении 2 кургана 19/21 группы II находился меч с костяной ручкой на железных заклепках из двух пластин (рис. 4, 2) с овальным навершием и бабочковидным перекрестием. На его нижнем конце прикипела пластинка от оковки ножен. Дважды встречены неполные рукояти с перекрестием в виде узкой бабочки. Первый из описанных мечей ближе всего к мечу из Солохи, остальные — к чертомлыцким мечам. Сходство увеличивается еще однообразной формой клинков никопольских мечей. Все эти клинки представляют собой узкие равнобедренные треугольники, очень острые на концах. Такова и основная форма клинков мечей в царских курганах. Древнейшим по форме являлся первый из описанных мечей; по форме перекрестия он старше меча Солохи. Никопольский меч был обнаружен в катакомбе первого типа. Остальные мечи встречались в катакомбах первого и третьего типов. При мечах несколько раз были найдены ворворки. Подобные ворворки известны из Золотого кургана близ Симферополя, относящегося к началу V в. до н. э. Наиболее интересна у нас находка таких ворворок при первом из описанных мечей. Их пять (рис. 11): четыре — из бронзы и одна — железная, которая имеет форму очень узкого и высокого конуса, три — колоколовидные, разной величины, с тонкими стенками, довольно широкие в основании и сверху. Железная ворворка представляет собой массивный широкий конус с узким отверстием. Такие ворворки служили для скрепления ремней, что известно по уздечкам из Частых курганов и кое-где на Киевщине. Широкие же ворворки-колокольчики могли служить как для этого, так и для кистей. Остальные ворворки не отличаются по типам, но зато малочисленные.

Последний вид оружия — пращевые ядра. Это каменные шлифованные шарики диаметром в среднем 3,5—4 см. В двух случаях они были сделаны из очень крепко обожженной глины. Они ни разу не встречены в инвентаре погребений, а всегда в составе мужской и женской тризны.

Оборонительные доспехи тяжелого образца совершенно отсутствуют в никопольских курганах. Остатками легких доспехов являются обрывки кожаных башлыков, встреченные дважды, и бронзовые узкие оковки широкого пояса, найденные один раз в ограбленном кургане. Кожаные безрукавки пастухов, изображенных на плечике чертомлыцкой гидрии, являются наиболее вероятной формой легких доспехов никопольских воинов, но в курганах их остатков, естественно, не найдено.

Очень малочисленны остатки железных удили. Они встречены три раза; тип их обычный, с неподвижными кольцами на концах. Железные псалии сохранились только в одном случае. Они прямые с восьмиобразным расширением в середине и с нижним концом, раскованным в узкую треугольную пластинку. В остатках тризны на кургане 1 у пос. Сулицкого было два бронзовых псалия от разных удили (рис. 10, 2). Их середина также восьмиобразная с двумя отверстиями и с коническим выступом на нижнем конце. Этот тип псалиев представлен, например, в уздечном наборе кургана 3 у Галушинского городища¹³ и в двух экземплярах неизвестного происхождения в коллекциях Никопольского музея (рис. 8, 3). Наконец, в насыпи одного из курганов найден нащечник из бронзы в виде сильно стилизованных задних лап льва (рис. 10, 1). Этот тип есть в только что упомянутом наборе из Галушина, две штуки сохранились в уборе одного из коней Краснокутского кургана, восемь штук — в наборе чертомлыцких коней и 32 штуки — в остатках тризны того же кургана.

Орудия обнаружены в очень малом количестве. Прежде всего о них дают представление следы, оставленные на стенах могил. Встречаются трапециевидные мотыги, расширяющиеся внизу. Высота их лезвия около 10 см, ширина наверху 3—4 см, по лезвию — 4—6 см. Есть прямоугольные мотыги высотой до 13 см при ширине 4 см и узкие

¹³ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья, вып. II. Киев, 1899, табл. XIX.

заостренные кирки длиной 10 см, шириной 2,5 см. Они, конечно, были железными. Один раз в ограбленном погребении было найдено долотообразное железное орудие в виде толстой (8 мм) железной пластины длиной 15,5 см, шириной по лезвию 2,5 см. Втулки или черешка оно не имело и можно предположить, что орудие имело два выступа по бокам клинка и приматывалось к глаголеобразной ручке.

В мужских могилах орудий нет совсем. В женских были обнаружены обломки зернотерок в остатках тризны курганов. Толщина всех зернотерок 2,5—3,5 см. Форма их различна. Установить ее удалось три раза. Одна зернотерка — яйцевидная, размерами 54 × 38 см (в кусках), вторая — четырехугольная. Ее размеры 30 × 22 × 4,5 см; третья — также четырехугольная, размерами 26 × 18 × 2 см. Верхняя их сторона слабоседловидная. Материал — песчаник или твердый известняк. Они сходны с найденными на Каменском городище. Наличие другого специфически женского орудия вероятно, так как найдена его ошутимая для археолога деталь — глиняные, свинцовые или костяные пряслица. Внутри пряслиц не раз находились деревянные палочки от самых веретен, и один раз Ф. Н. Киранов проследил все веретено, на один конец которого было надето два глиняных пряслица. К сожалению, длина веретена не была измерена. Всего найдено семь глиняных пряслиц, шесть свинцовых, три костяных. Глиняные пряслица биконические, грушевидные и одно яйцевидное высотой 3—4 см с отверстием диаметром 4—5 мм. Они лощеные, иногда с небольшим поддонцем. Свинцовые — конические, иногда с вертикальными ребрышками, дважды — полушарные. Три костяных пряслица конические, очень низкие¹⁴.

Шилья встречены трижды, все очень разрушены и разрушены. Их сечение круглое. Говорить что-либо подробнее о них не берусь.

Ножи обнаружены и в мужских и в женских могилах (рис. 9). Все они железные. Все с костяными ручками, кроме одного, сохранившего на лезвии следы дерева. Всего найдено 33 более или менее целых ножа. На большинстве остатков пищи покойника были заметны ржавые пятна от ножей. Более или менее равномерно встреча-

ются лезвия двух типов: серповидное и прямое с дуговидной спинкой¹⁵. Черенок всегда во всю ширину лезвия, но разной длины. Если ручка сделана из одной костяной пластинки, то он короткий, если из двух, то черенок по длине равен ручке. Костяные ручки чаще из одной, реже — из двух пластинок. У первых — поперечный разрез трапециевидный, у вторых — шестигранный. По бокам ручек почти у всех ножей идут скошенные к черенку грани. Обнаружено всего три гладкие ручки без граней. Граненые ручки встречаются в Скифии (по А. А. Спицыну) с эпохи поздней журавской культуры. Длина костяных рукояток 7—12 см, чаще около 9—11 см, ширина их 2—3 см. Они иногда прямые, иногда слегка расширены к свободному концу. У одного ножа трапециевидное навершие, у другого — с двумя острыми выступами в сторону. Они вырезаны из такой же пластинки. Ручка, сделанная из одной пластинки, прикреплялась к лезвию двумя-тремя сквозными железными заклепками у лезвия; ручка из двух пластинок — несколькими (три-четыре) заклепками по всей ее длине. В ручке из одной пластинки иногда выпиливалось специальное гнездо для черенка. Изредка у лезвия костяная ручка была охвачена медной или железной обоймой, сквозь которую проходили заклепки. Длина лезвий ножей 7—12 см. Один из ножей имел длину 25 см. На долю костяной ручки из двух пластинок приходилось 16 см. Без сколько-нибудь серьезных изменений они встречаются, по крайней мере, с конца VI до конца III в. до н. э. Назначение этих ножей в быту, было, конечно, самое разнообразное, но и в могилах они сопровождали только остатки пищи покойника.

Точильные камни были обнаружены всего два раза. Один раз это обломок верхней части плоского мусата с железным кольцом в отверстии, другой раз — толстый песчаниковый прямоугольный брусок со следами затачивания копий, при которых он был найден. Все шесть его поверхностей сточены глубокими седловинами, на которых видны следы заточки наконечников стрел, в виде их смутных отпечатков.

К категории служебных предметов надо отнести довольно многочисленные железные скобы со следами дерева внутри

¹⁴ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 102, табл. X.

¹⁵ О ножах см. Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 119 и 113, табл. XIII, 1 и 2. Это два первых типа по классификации для Каменского городища.

Судя по дневникам Ф. Н. Киранова и А. П. Манцевич, такие скрепки соединяли бруски деревянного ложа покойника. В одном из курганов, раскопанных под моим руководством, они как будто связаны с дощатой подставкой, под жертвенным боком коровы (группа «Серко», курган 4 1946 г.). Большинство их однообразно по размерам и форме. Это четырехугольные рамки, состоящие из узкой овальной пластинки, концы которой загнуты вниз и заходят на четвертой стороне остриями друг на друга. Их средние размеры 3×3 см. Один раз встречена квадратная рамка-пряжка без язычка и дважды — овальные пластинки с острыми гвоздиками в концах.

В женских погребениях более или менее обычны украшения. Головные украшения состоят из нередко встречающихся серег (рис. 8, 5) в виде простого проволочного кольца, в одном случае серебряного, чаще бронзового, диаметром 3—4 см, острые концы которого сходятся. Бусина, небольшой кувшинчик цветного стекла, костяной шарик напущены на их нижнюю часть. Одна такая серьга из серебра с типичной для головных уборов царских курганов золотой зерновидной подвеской с шариком на нижнем конце была, как сказано выше, найдена у правого уха мужчины, который носил одну серьгу. Так рано возник этот обычай. Серьги этого типа с разнообразными привесками были довольно сильно распространены в Западной Европе с эпохи Латена II. В ближайших окрестностях изучаемых курганов они несколько раз обнаружены на Каменском городище (IV—III вв. до н. э.), в кургане близ с. Башмачки и раз — у Марицынской экономии, в могильнике с керамикой конца IV в. до н. э.¹⁶, где на серьгах были подвесные кувшинчики. Кроме таких серег, под Никополем встречена одна пара литых бронзовых серег с вертикальным крючком, с одной стороны и с массивным отвесом внизу вроде брюшка московского калача (рис. 9, 6).

Особняком стоит одинокая бронзовая булавка с весловидным навершием (рис. 8, 3), найденная в насыпи кургана 4 1946 г. группы «Серко», куда она была, может быть, выброшена грабителями. Сколько-нибудь близких аналогий к ней я пока не подыскал.

Очень обычны ожерелья из бусин (рис. 6). Они встречаются в женских и детских могилах. К сожалению, ни разу не было обнаружено целое ожерелье. Число бусин доходит до 30—40 штук.

Сравнительно редкой категорией бусин являются широкие и короткие цилиндры синей или темно-красной пасты с белыми колечками-глазками. Еще реже встречаются шаровидные бусины той же пасты всегда с широкими отверстиями. Изредка на черном фоне видна желтая елочка или зигзаг. В общем эта группа без больших уточнений характерна для IV и менее — для III в. до н. э. Очень обычны и красивы четырехгранные пирамидки синего стекла. Чаще всего попадаются мелкие биконические и кольцевидные бусины синего, реже голубого, желтого, зеленого и красного стекла. Единичны боченковидные крупные бусины зеленой пасты с насеченной мелкими четырехугольниками поверхностью и белые биконические длинные бусины с розовым пояском в середине. В кургане 4 группы на девятим километре найдено девять золотых бусин; восемь боченкообразных с продольными рядами по пять выпуклостей, чередующихся с гладкими узкими рядами и одна биконическая с треугольниками из зерен. Бусины эти обычны с V в. до н. э. Два раза встречены раковины каури.

Найдена также подвеска из бронзы в виде вилочки с шишечками на концах; в середине — втулочка для подвешивания, в которой находился обрывочек ремешка (рис. 6, 6). Таких украшений в скифских курганах обнаружено 20—30 штук. Они чаще из бронзы, реже — из кости. Подобные подвески были встречены в таких хорошо датированных памятниках, как курганы в Капитоновке, б. Чигиринского уезда, и в кургане у с. Башмачки (время Чертомлыка), а также в кургане близ станции Марьевской на Кубани (вторая половина IV в.).

Перстни и браслеты в этих памятниках совершенно единичны, как, впрочем, и вообще в Скифии. Один браслет (рис. 8, 7) из круглой медной проволоки с овальными плоскими расширениями на концах, находящихся друг на друга. Второй браслет массивный, бронзовый, трапециевидный в сечении, с утолщенными несходящимися концами. Очень своеобразен единственный перстень (рис. 8, 1). Он серебряный, с круглым, плоским и гладким щитком, от которого по

¹⁶ См. Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 104—107.

бокам загибаются друг на друга две узких полоски в виде полукруга. Ближайшая полная аналогия этому перстню, но в золоте, найдена в известном богатом погребении из Аксютинец, раскопанном Е. А. Мазараки и опубликованном в отчете ГИМ за 1906 г.¹⁷ Этот последний курган отлично датируется греческой керамикой как курган конца IV в. до н. э. Два таких перстня из бронзы найдены на Каменском городище. И браслеты и перстень обнаружены Ф. Н. Кирановым в женских погребениях.

Особняком стоит зеркало (рис. 8, 2), найденное в женском погребении (II группа, курган 21, погребение 1). Это медная круглая пластинка диаметром 13, 25 см с приделанной к ней ручкой из двух костяных граненых пластинок. Характер обработки ручки и ее скрепления такой же, как у железных ножей. Длина ручки 12, 8 см. Зеркало по типу совпадает с кульобским и чертомлыцким, но отличается формой ручки: у кульобского зеркала ручка костяная с овальным навершием, у чертомлыцкого — железная, аналогичная рукоятке меча из Солохи. Местное изготовление и близость во времени этих зеркал очевидны.

Предметов звериного стиля в никопольских курганах мало. Навершие первого из описанных мечей и единственный бронзовый нашечник (рис. 10, 1) — вот все, что здесь обнаружено. Впрочем, в кургане 2 на восьмом километре было найдено несколько небольших нашивных квадратных бляшек из бронзы с рельефной грубой головкой барана. Близких аналогий ей неизвестно. Принимая во внимание полное сходство вещей из курганов Никопольского поля с находками на Каменском городище и полное отсутствие на последнем предметов в зверином стиле, придется признать, что он совершенно прекратился у рядового населения уже в IV в. до н. э., тогда как аристократия этих же мест хранила и развивала его по-прежнему, хотя и в новых формах.

Остается рассмотреть местную и импортную керамику. Первая — очень обильна в остатках тризны, но мелко побита и разбросана. Лишь в редких случаях можно судить о форме сосудов. Они все лепные, обычно с примесью песка, дресвы и амфорного шамота; тесто ноздреватое, черное в изломе. Поверхность сглажена рукой. Она имела се-

рую, черную или красную окраску. На поверхности снаружи обычны следы копоти, а внутри — нагар от пищи. Только один раз найдена маленькая ручка от кувшинчика или кружки. Вся эта посуда плоскодонная. Удалось восстановить только три формы. Это яйцевидный горшок с низким отогнутым горлом и с ямочным круглым орнаментом на плечике; очень большой шаровидный сосуд с высоким и широким, расширяющимся кверху, горлом, и сосуд той же формы с косыми насечками на венчике и по плечике.

При костяке молодой женщины из погребения 1 кургана 21 курганной группы II был найден небольшой сосуд (высота 12 см, наибольший диаметр 7,5 см) с шаровидным корпусом (рис. 7, 6), с высоким горлом и косой насечкой по бортику и широким плоским дном. В детском погребении 1 кургана 2 на девятом километре в головах стоял очень близкий по форме сосуд (рис. 7, 11), но с более широким горлом и сужающимся к дну корпусом. В teste обоих сосудов — большая примесь дресвы. Обнаружены были также немногочисленные и очень плохой сохранности деревянные сосуды. В кургане 2 группы I в погребении 17 А. П. Манцевич удалось установить наличие деревянного сосуда с двумя боковыми горизонтальными сегментовидными ручками; он по форме совпадал с серебряным и бронзовыми сосудами из Солохи. Жертвенное мясо лежало там же на деревянном овальном подносе. Может быть, подобное же блюдо находилось под жертвенным мясом в катакомбе кургана 4 1946 г. в группе «Серко». На его деревянном краю сохранилась обивка из бронзовой пластинки, пришитой медной ленточкой и покрытой рельефным елочным орнаментом. Деревянные сосуды нередки в скифских курганах. Мы знаем о них главным образом по металлическим обивкам их ручек и краев. Впрочем, в близкой к Никополу Солохе сохранился деревянный ковш и такой же таз с золотыми обивками в зверином стиле. Общеизвестно наличие ряда деревянных сосудов в богатых курганах скифского времени как в степных, так и в лесостепных районах Скифии.

Все перечисленные признаки и формы полностью аналогичны тысячам фрагментов из Каменского городища. Только никопольская керамика еще беднее по орнаментике. Все эти типы есть также в Марицынском некрополе в погребениях IV—III вв.

¹⁷ Отчет императорского исторического музея за 1906 г. М., 1907, стр. 14, табл. I, 8.

Греческая керамика обильно представлена винными амфорами. Семь раз встречены гераклейские амфоры, от которых сохранилось три клейма. Два раза в обломках встретились амфоры того приземистого типа с широким отворотом бортика и низкой ножкой, который хорошо известен из Рыжановского кургана и из бокового погребения Солохи. Найдены были и высокие ножки с низким широким лоддоном фасосского типа IV—начала III в. до н. э. Также обычны для этого времени несколько почти цельных амфор на низких ножках с яйцевидным корпусом.

Чернолаковая керамика представлена тремя канфарами (рис. 7, 1, 2, 5) с блестящей поверхностью. Их вертикально поставленные ручки заканчиваются треугольными площадками на уровне бортика. Низкое горло равно по высоте и верхнему диаметру полушарному корпусу. Невысокая ножка имела один уступчик. На внутренней поверхности одного из них была вырезана звезда со штампованными округленными пальметками на концах лучей. По мнению Т. Н. Книпович¹⁸, этот тип относился к IV в. или началу III в. до н. э. судя по ольвийским погребениям и погребениям у станицы Елисаветовской. В комбинациях с другими сосудами конца IV в. до н. э. они встречаются в Марицынском могильнике.

Итак, рассмотрение всего инвентаря в целом заставляет считать, что Никопольское скифское курганное поле целиком укладывается в IV и III вв. до н. э. Только курганы 5 в группе «Серко» по костяным застегкам и курган 1 группы у пос. Сулицкого по мечу и псалям могли бы относиться к концу V в., но, как было отмечено, в Галушине такие же псалям могут относиться по комбинациям с очень определенными нащечниками ко времени Чертомлыка и даже Краснокутского кургана.

Нейтральный характер большинства вещей, мало развивающихся во времени, не позволяет датировать каждое погребение с большой точностью. Однако некоторые из них могут быть хронологически определены с точностью до нескольких десятилетий по

греческой керамике или по сравнительно индивидуальным местным вещам.

Так, в погребении 17 (катакомба первого типа) кургана 2 группы I был обнаружен меч второй половины IV—начала III в. до н. э.

Среди остатков тризны кургана 9 курганной группы II содержалось гераклейское клеймо IV в. до н. э., а в кургане 20—клеймо первой половины IV в. Там же, в погребении 1, в катакомбе третьего типа находился канфар конца IV в. до н. э. Там же, в кургане 8, в насыпи был обнаружен нащечник времени Чертомлыцкого кургана, первой четверти III в. до н. э. В погребении 1 этого кургана в катакомбе третьего типа находился канфар рубежа IV—III вв. до н. э. В кургане 10, в катакомбе третьего типа, был найден серебряный перстень, типичный для IV в., скорее, его конца. В кургане 19/21, погребении 2 (впускном) с катакомбой третьего типа содержалась серьга второй половины IV или начала III в. Там же во впускном погребении 3, катакомбе третьего типа, находился чернолаковый канфар рубежа IV—III вв. до н. э. Среди остатков тризны кургана 20 были найдены два гераклейских клейма. Основное погребение 1 кургана 21 с катакомбой второго типа заключало в себе упомянутое зеркало второй половины IV—начала III в. до н. э. Катакомба третьего типа (группы кургана 2 на восьмом километре) содержала рукоять меча или кинжала типа Куль-обы и Чертомлыка; следовательно, она принадлежит второй половине IV—началу III в. до н. э. Судя по бусам, курганы группы на девятом километре относятся, несомненно, ко второй половине IV в. до н. э. Курган 3 группы на девятом-десятом километре содержал (в катакомбе первого типа) удила и псалям краснокутского типа, т. е. рубежа IV—III вв. до н. э. Курган 4 в группе «Серко» 1945 г. с переходной от первого к третьему типу катакомбой, судя по преобладанию в нем железных стрел, восходит ко времени ранее начала III в. до н. э. Неоднократно встречаются обломки неклеяемых амфор (рис. 7, 3, 4, 7 — 10, 12, 13), относящиеся к IV—III вв. до н. э. Сравнивая эти датирующие данные с данными стратиграфии, можно решительно сказать, что катакомбы второго и третьего типов появляются позднее катакомб первого типа: переход совершался во второй половине и, скорее, в конце IV в. до н. э., на-

¹⁸ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.—Известия ГАИМК, вып. 104. М.—Л., 1934, стр. 128.

чина с этого времени, катакомбы первого типа получают иногда дромос катакомб третьего типа, но они существуют еще, по крайней мере, в первой половине III в. до н. э.

Ниже из сопоставления с рядом могильников мы увидим, что катакомбы первого типа восходят еще к началу IV в. Вопрос о происхождении катакомб первого и третьего типов неясен. Однако сходство их с ольвийскими катакомбами и так называемыми склепами, имеющими очень похожий дромос, позволяет думать, что при самостоятельности катакомбных сооружений в этой части степи они и в Ольвии появились в основном в конце IV в. до н. э. Отдельные случаи катакомб и подбоев встречаются в IV в.

(погребение близ Нижних Серогоз из раскопок Ф. И. Брауна) и в V в. до н. э. в известном кургане Бабы близ Муравьева-Апостола. Оба эти кургана содержали катакомбы нового типа¹⁹.

Из 71 погребения Никопольского могильника, доступного изучению и описанию, только 24 не ограблены. В ограбленных и неограбленных курганах единицами попадаются золотые вещицы. Их и искали грабители, может быть, недавние кладоискатели.

¹⁹ Ф. И. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1898 г.—ИАК, вып. 19, 1906, стр. 84—86, курган III, погребение 5; ОАК за 1896 г., стр. 133—137. Сюда же следует отнести курган 5, погребение 11 в группе «Серко».

ДРУГИЕ КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПРИДНЕПРОВЬЕ

Следует отметить следующие курганные могильники соседних с Никополем районов, могильники, принадлежащие той же категории населения²⁰.

Едва ли не древнейшим является одиночное впускное погребение 5 в кургане 3 между Верхними²¹ и Нижними Серогозами (раскопки Ф. И. Брауна в 1898 г.). Большая входная яма (2,20 × 1,25 × 0,35 м) имела под южной стенкой узкий подбой, отгороженный досками. В нем на левом боку, головой на запад, лежал костяк взрослого мужчины. Немногочисленные вещи (стрелы и резная кость) датируются от начала VI в. до н. э. до конца его третьей четверти. Таким образом, первый тип катакомб появился задолго до начала существования Никопольского могильника, исключая указанный выше курган из группы «Серко». Это сходство еще подчеркивается загробной пищей, состоящей из бока молодого коня, положенного у ног костяка во входной яме.

Н. Макаренко в 1907—1908 гг. при ра-

зисканиях в бывшей Екатеринославской губ. в группе у дер. Волошской на левом берегу открыл в кургане 1 две ямы по типу Кичкасского могильника со стрелами VI в. до н. э. и в кургане 3 — одну яму. В насыпях курганов — каменная обкладка основания и кучи камней над могилами. Обряд же чисто никопольский даже в деталях. Ямы первого типа, но ориентировка покойника восточная.

Ближайший малоисследованный могильник находится на территории Каменского городища в с. Знаменке между акрополем этого городища, бытовавшим с IV в. до н. э. по II в. н. э., и основной внутренней частью городища, заселенной в IV и III вв. до н. э. На пустом незаселенном пространстве находилось восемь компактно расположенных малых курганов, внешне совершенно сходных с никопольскими. В 1946 г. М. И. Пикун под моим наблюдением раскопала один из них. В насыпи содержались остатки обычной тризны: амфора, фрагменты которой были здесь найдены, относится к позднему эллинизму. Могила — катакомба второго типа по приведенной выше классификации. От совершенно разграбленного инвентаря остались латенская фибула II в. до н. э. и проволочный перстень со щитком в виде плоской спирали также известного типа среднего Латена. Это, таким образом, могильник того же типа, что никопольский, но следующего столетия.

Еще один могильник, исследованный очень неполно, находится в урочище Кичкас у

²⁰ Вопрос о принадлежности могильников с катакомбами никопольских типов в последние годы затрагивался не раз.—М. И. Артамонов. Этнография Скифии.—Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 143—149; А. И. Мелюкова и Б. Н. Граков. Об этнических и культурных различиях в скифское время.—Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 73—75; П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени, там же, стр. 243 и сл.

²¹ Ф. И. Браун. Указ. соч., стр. 84—86; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг.—ИАК, вып. 43, СПб., 1911, стр. 82, 84.

Запорожья. О нем вскользь уже говорилось. Кичкасский могильник состоит из 50—60 курганов. М. Я. Рудинский в 1927 г. раскопал четыре из них. Три малых кургана заключали в себе скифские захоронения. В кургане 1 под четырехугольной кучей битого камня находилась яма ($3,7 \times 2,3$ м), ориентированная с востоко-северо-востока на западо-юго-запад. Она была покрыта бревнами, в ней находились сруб и на дне его — деревянный настил. Весь сруб изнутри был обожжен. Покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на западо-северо-запад. У левой ноги — ребра овцы. Вещей не обнаружено.

Курган 2. В насыпи много камня. Над могилой также была четырехугольная кучка камня. Продолговатая могила, ориентированная с запада на восток, имела размеры $2,65 \times 1,55 \times 1,85$ м. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь состоял из конического свинцового пряслица, деревянного сосуда (?), скрепленного бронзовыми скобками, двух бронзовых трехгранных стрел, двух синих пирамидальных бусин. В головах находились ребра и астрагал овцы.

Курган 3 имел тот же характер насыпи. От тризны осталось несколько черепков амфоры и разбитых костей коня. Яма широтная, ее размеры $2,1 \times 1,1 \times 1,7$ м. Сохранились остатки дерева, вероятно, от перекрытия. Костяк молодого человека (по мнению М. Я. Рудинского — женщины, но этому не соответствует характер инвентаря) лежал в вытянутом положении, головой на запад. Найдено ожерелье, состоящее из 21 дутой шаровидной электровой бусины, двух угловатых цилиндрических бусин желтой пасты с синими глазками в белом кольце, одна большая цилиндрическая стеклянная бусина с пятью продольными ребрами, несколько темно-зеленых пастовых, золоченая и черная стеклянная бусина, граненая бусина синего стекла. На груди находились 11 маленьких золотых бляшек в виде лежащего зайчика. У правой ступни стоял яйцевидной формы горшок с невысоким горлышком, слабо отогнутым в стороны (тип Каменского городища). Кусок красной краски находился у колена. В разных местах лежало пять трехгранных стрелок из бронзы вытянутых пропорций. У правой ноги помещались два конических подтока или втулки от железных копий с попавшими как-то

внутрь наконечниками стрел. По форме бусин и бляшкам могила относится к IV в. до н. э. При костяке находились ребра коровы.

Четыре совершенно подобных кургана с каменным щитом на поверхности, с остатками амфор и костей лошади в насыпи, с четырехугольной кучей над ямой были раскопаны там же А. В. Добровольским. Ямы — четырехугольные с округлыми углами и концами; покойники вытянуты на спине, головой на запад (в кургане 17 — головой на восток). Бедный инвентарь состоял из бронзовых трехгранных вытянутых стрел (в одном случае до 40) и нескольких мелких вещей обычного на Никопольском поле образца. В кургане 25 находился знак власти в виде бронзового молотка с клевцом в форме орлиной головки. Тип, этот редок, но встречался мне в разных музеях не менее четырех раз среди скифских комплексов. Совершенно очевидно, что все семь кичкасских погребений совпадают со стоящим особняком в группе «Серко» курганом 6 (1946 г.). Та же покрытая от подошвы камнем насыпь, те же остатки тризны, та же куча из камней над могилой, тот же обряд труположения головой на запад. Да и состав инвентарей совершенно одновременен никопольскому. Кичкасский могильник датируется IV—III вв. до н. э. В то время как на Никопольском поле курган такой же конструкции и с такой же ямой только один, в Кичкасе встречается только этот тип. Из кичкасских погребений два были ограблены в древности.

Очень важен могильник около Белозерского городища между Ингульцом, Херсоном и Лиманом. Он раскапывался в начале 90-х годов XIX в. Г. Л. Скадовским²². Его пятый и шестой типы не что иное, как одинаковые катакомбные сооружения, которые были не вполне верно поняты им как полуовальные могилы, так как свод катакомб обвалился. Это в целом малые курганы. Всюду вокруг могилы был констатирован материковый выкид, впрочем, истолкованный автором не совсем верно. Все катакомбы третьего типа по указанной выше классификации погребальных сооружений Никопольского поля: обычно с двумя уступами по южной стенке. Покойники в них лежат на спине, головой на запад (дважды

²² Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда и т. д. — Тр. VIII АС в Москве в 1890 г., т. III. М., 1897, стр. 97 и сл.

на восток), на подстилке и в гробу. Всего исследовано 17 катакомб. Заупокойной пищей в восьми случаях служил бок овцы или коровы, а в остальных — коня, лежащие в головах вместе с ножом никопольских типов. Почти во всех могилах в головах находилась амфора. Обнаружены также закладка из синопской черепицы IV в. до н. э. и чернолаковые канфары никопольского типа IV—III вв. до н. э. При мужских костяках находились обычные бронзовые стрелы (по 30 и более) и железные копья с подтоками. Встречаются украшения: кольца, серьги, золотые и бронзовые, бусы, браслеты и зеркала. В целом картина сходная с никопольскими курганами. Сказывается только некоторая близость к Ольвии: присутствие амфор, канфар и энохой в погребениях и спорадическое применение гроба являются результатом этого влияния. В остальном отличий от никопольских курганов не наблюдается. Скадовский отмечает, что курганы у Белоозерского городища (его тип пятый) содержат инвентарь более мирного характера и, вероятно, принадлежат оседлому населению, а разбросанные по степи (всего восемь), судя по исключительному содержанию лошадиных костей и обилию оружия, кочевнические. Основное население Каменского городища с ремесленниками, металлургами, было более оседлым; но едва ли можно сомневаться в кочевом характере большинства этого населения (в Никопольском могильнике от поры до времени встречаются кости коровы в женских погребениях).

В настоящем сборнике А. И. Мелюкова публикует несколько десятков курганов никопольских типов, раскопанных в давние годы близ Тирасполя, материалы по которым частично сохранились в Херсонском музее. В целом курганы близки никопольским и по форме катакомб и по инвентарю.

Очень интересны курганные могильники у Марицынской экономии и у Петуховки²³, раскопанные М. Эбертом. Первая группа расположена у дер. Аджигола и Петуховки. Курганы малые; в них найдены ямы, покрытые досками, и катакомбы со ступенчатым узким дромосом в северо-восточном углу. Есть три катакомбы второго типа. Закладка

катакомбы производилась по ольвийской манере — амфорами. Среди инвентаря много греческих вещей, особенно амфор, главным образом гераклейских; встречены также килики, канфары, стрелы обычных типов от конца VI до IV вв., бронзовые и железные панцири, редкие мечи (два раза) архаического типа и с завитками; копия никопольского типа (один раз), с подтоками, положенные попарно слева от покойника, остриями к ногам, украшения совершенно тех же типов, что и в никопольских курганах. Огромное большинство могил по греческой керамике датируется IV—III вв. до н. э. Есть несколько могил конца VI и V в. до н. э., несколько — II в. до н. э. с фибулами и перстнями латенского типа. Заупокойная пища редка (части коней), при ней лежат обычные ножи. В этом могильнике преобладает никопольский первый тип катакомб, и в то же время с рубежа VI—V вв. до н. э. начинается робкое применение ступенчатых дромосов третьего никопольского типа в углу широтно расположенной катакомбы или вполне по второму типу никопольских катакомб. В то время как первый тип встречается здесь в V, IV и III вв. до н. э., второй — относится только к III и II вв. до н. э., а третьего нет совсем, хотя северная ориентировка есть в варианте первого никопольского типа. Сооружения и обряд при всей близости к никопольским дают меньше вариантов. Костяки обращены головами чаще на восток и реже на запад. Погребения несут малоиндивидуальный характер. Проникновение греческого влияния во всех отношениях сильнее, чем в Никополе: сказалась близость Ольвии. Важно также, что могильники Аджигола и Петуховки показывают длительное (с VI в. до н. э.) бытование этой культуры с однообразным обрядом и однообразными культурными навыками по всей степи у Днепра от Лимана до Никополя. Со времени раскопок на Никопольском поле прибавилось немало ценных сведений. Прежде всего это материалы раскопок Д. Т. Березовцом курганов у с. Кут на территории Каховского строительства. Здесь было обнаружено в курганах 79 скифских погребений: из них 30 — в катакомбах первого типа («поперечные» по Д. Т. Березовцу) и второго («продольные» — по его же терминологии), 27 — в ямах (часть «ям» — явно катакомбы с обвалившимся сводом), 22 — в насыпях. В одном случае в меридиональной

²³ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn.— *Prähistorische Zeitschrift*, 1913, Bd. V, Heft 1/2, S. 1.

катакомбе второго типа лежали четыре остова головами прямо на север (курган 5, погребение 5). Во всех остальных случаях костяки лежали головами на запад, с большим или меньшим отклонением к северу или югу. Многие из ям впускные в более ранних курганах. Инвентарь их совершенно сходен с таковым же в никопольских курганах. Время (в большинстве случаев) IV—III вв. до н. э.²⁴

При раскопках 1951 и 1952 гг. в разных курганах по р. Молочной было обнаружено девять погребений скифского времени. Они все впускные, причем в четырех выявлены катакомбы (три — первого и одна — второго типов), в одном случае яма и четыре погребения были сделаны в насыпях курганов. В пяти погребениях отмечена правильная широтная ориентировка головой на запад или восток, в остальных — с отклонениями к северо-западу или юго-западу. Инвентарь во всех случаях сходен с никопольским. Эти погребения в основном относятся к IV—III вв. до н. э. Мы уже упоминали погребение вооруженной молодой женщины в группе курганов Аккермень 1 (курган 16, погребение 2)²⁵.

Есть еще в разных местах такие же погребения, которые мы не упоминаем из-за единичности.

Сравним никопольские погребения с грандиозными царскими курганами, достигающими высоты 6—20 м, с их огромными камерами — катакомбами. Обряд и инвентарь тех и других практически совпадают.

Двукратная насыпка, запечатленная в тризне Чертомлыка, двух последовательных насыпях Солохи и внутреннем рву Мордвиновского кургана встречена три раза в никопольских курганах. Господствующая и наиболее ранняя форма широтных катакомб имеется в кургане Бабы у Апостолова, в центральном погребении Солохи, во впускном погребении Лемешева кургана, в Малой Лепетихе. Катакомбы Деева, Краснокутского, Лемешева кургана 2, Чмыревой могилы, центральная гробница Лемешева кургана, могилы Александропольского кургана и бокового погребения Солохи и двух курганов у Лепетихи 1916 г. отличаются наличием длинного коридора между входными

ямами и катакомбами. Широтное же расположение входных ям и катакомб остается. Даже своеобразные катакомбы Чертомлыка, Мордвиновского кургана, кургана Большой Козел и кургана близ с. Башмачки — не что иное, как варианты того же широтного типа катакомб второго типа с дополнительными камерами телохранителей из аристократии, слуг-товарищей похороненного царя или номарха. В никопольских же курганах коридор редок и короток. Лишь центральное и боковые погребения кургана близ Верхнего Рогачика, относящегося к III в. до н. э., принадлежат ко второму типу (по моему мнению). Третий тип Никополющины отсутствует в царских курганах совсем. Сообразно с большей грандиозностью царских курганов и богатством их хозяев по несколько целых коней сразу заменяют скромные символы коня в погребениях Никополя, но зато весь рядовой инвентарь тот же: те же мечи, те же копья и дротики, те же стрелы, те же ножи, простые удила и псалии и нащечник, каких десятки в тризне Чертомлыка; те же ворворки, то же греческое вино в таких же амфорах, из же центров. Даже золотые и серебряные криночки царских курганов напоминают криночки детских погребений Никополющины. Серебряные и бронзовые сосуды Солохи с боковыми сплошными горизонтальными ручками являются греческой имитацией простого деревянного сосуда из кургана 27 раскопок А. П. Манцевич у пос. Сулицкого. Золотые и серебряные чаши в никопольских погребениях заменены редкими канфарами. Труположения в царских курганах — вытянуты головой на запад, реже на восток: так лежат телохранители, царица и конюшие в Чертомлыцком кургане, царь и его оруженосец в Солохе, женщина в Мордвиновском кургане.

Обряд погребения третьего типа катакомб никопольских курганов не привился в царских гробницах, тогда как с рубежа IV и III вв. до н. э. он известен в Никополющине при всех остальных бытовых и обрядовых деталях первого типа. Новые религиозные представления, изменившие этот обряд, привились только в народной массе. Возникли они на месте или пришли извне, сказать пока трудно. Северная ориентировка с архаического времени наблюдается иногда в левобережной лесостепи (Сумская и Полтавская области). В IV—III вв. до н. э. приток нижнеднепровских бытовых форм туда

²⁴ Д. Т. Березовец и др. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та сѣфського часу в с. Кут, стр. 39—87.

²⁵ АП УРСР, т. VIII. Київ, 1960.

резко возрос сравнительно с VI—V вв. до н. э. Не результат ли это идеологических воздействий или даже инфильтрации северного скифского по культуре населения? Возможно, но это не больше, чем догадка.

Обычай катакомбных погребений на Никопольщине возник с начала VI в. до н. э. В кургане бронзовой эпохи, раскопанном Ф. И. Брауном близ Серогоз²⁶, имеется впускное скифское погребение в широтно расположенной катакомбе, с широтным положением, впрочем, еще слабо скорченного костяка. При нем — инвентарь эпохи Литого кургана, Старшей могилы Аксютинца, Гуляй-поля близ Смелы. В кургане Бабы времени поздней архаики начала VI в. до н. э. мы находим типичные широтные катакомбы Никопольщины. На то же указывают и Марицынские могильники. Знаменский курган 1946 г. и Марицыно позволяют доводить эту культуру до II в. до н. э.

Цари, аристократия и рядовое население от Запорожья до Аджигола жили одной и той же жизнью; их быт был одинаков, одинаковы обряды захоронения и связанные с этим религиозные представления, но социальное расслоение было уже очень велико.

Кому принадлежали никопольские и сходные с ними скифские погребения? Понять это позволяют мужские захоронения. Мужчина в них всегда воин-стрелок и копейщик, редко обладавший коротким мечом, мало применял он и дротик. Этот воин был к тому же всегда конным: конь сопровождал его в могилу и чаще он же следовал за его женой в качестве пищи. Исключений нет: нет ни одного мирного по инвентарю мужского погребения, кроме погребений марицынских курганов. На этой, по Геродоту, полужемледельческой, полукочевнической территории масса населения в большой мере оставалась кочевниками-скотоводами. Это население в течение четырех веков было вначале свободным и к концу — полусвободным. По

тому же обряду были похоронены конюшие царя в Чертомлыке, в кургане Большой Козел и Солохе. Они пасли коней при жизни царя и будут пасти их в загробном мире. Они сохранили и свое оружие — стрелы и лук, эти полусвободные воины. В быту это — основное конное ополчение царских войск; «пастухи и земледельцы» царя Атея, участники войны против трибалов, упомянутые Полиеном. По степям эти кочевники жили вперемежку с земледельцами до самого Херсона и Лимана. Марицынские могильники почти утратили черты ритуала и быта скифов-кочевников. У самого моря их было, очевидно, очень мало или не было совсем. А. Д. Удальцов, давая новую карту расселения скифских племен по Геродоту, убедительно показал, что в низовьях Днепра кочевники жили вперемежку с земледельцами тоже на левом берегу. Множество сходных черт быта и полное единство погребальных сооружений и ритуала говорят о том, что это был один этнический массив, с разными хозяйственными функциями, причем у земледельцев, может быть, чаще встречались погребения невооруженных мужчин.

Знакомясь с инвентарем никопольских курганов, мы не один раз имели случай сравнить их с находками на Каменском городище. С ними совпадают и простые обиходные вещи знаменитых царских курганов степи. Родство каждодневного обихода, выраженное в находках, во всех этих памятниках несомненно. Близость ритуала могильников рядового населения, а также их погребальных сооружений с царскими курганами также совершенно очевидна. Все это — лишнее подтверждение все более укрепляющихся представлений о единстве материальной культуры и этнической общности скифских племен степей северо-западного Причерноморья и северного побережья Азовского моря. Как и раньше, недочетом наших сведений в этой области остается малочисленность известных памятников VI и даже V вв. до н. э., хотя греческие авторы этой эпохи ясно говорят о населенности этой степи в их время.

²⁶ Ф. И. Браун. Указ. соч., стр. 84—86.

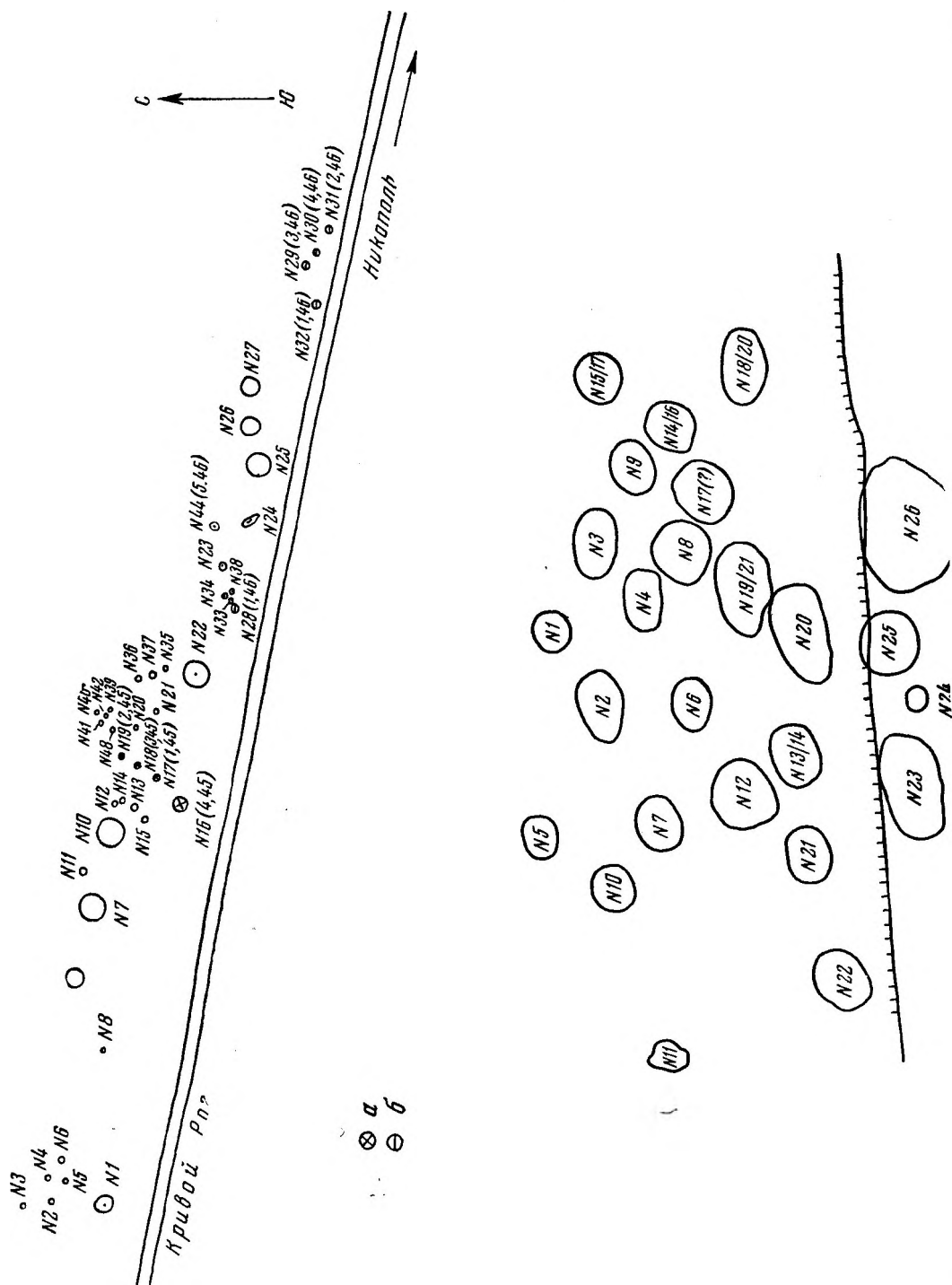

Рис. 1.

Вверху — схема расположения курганов в группе урочища «Серко» (а — курганы, раскопанные в 1945 г.; б — курганы, раскопанные в 1946 г.); внизу — схема расположения курганов группы II (по Ф. Н. Киранову). План составлен без соблюдения масштаба

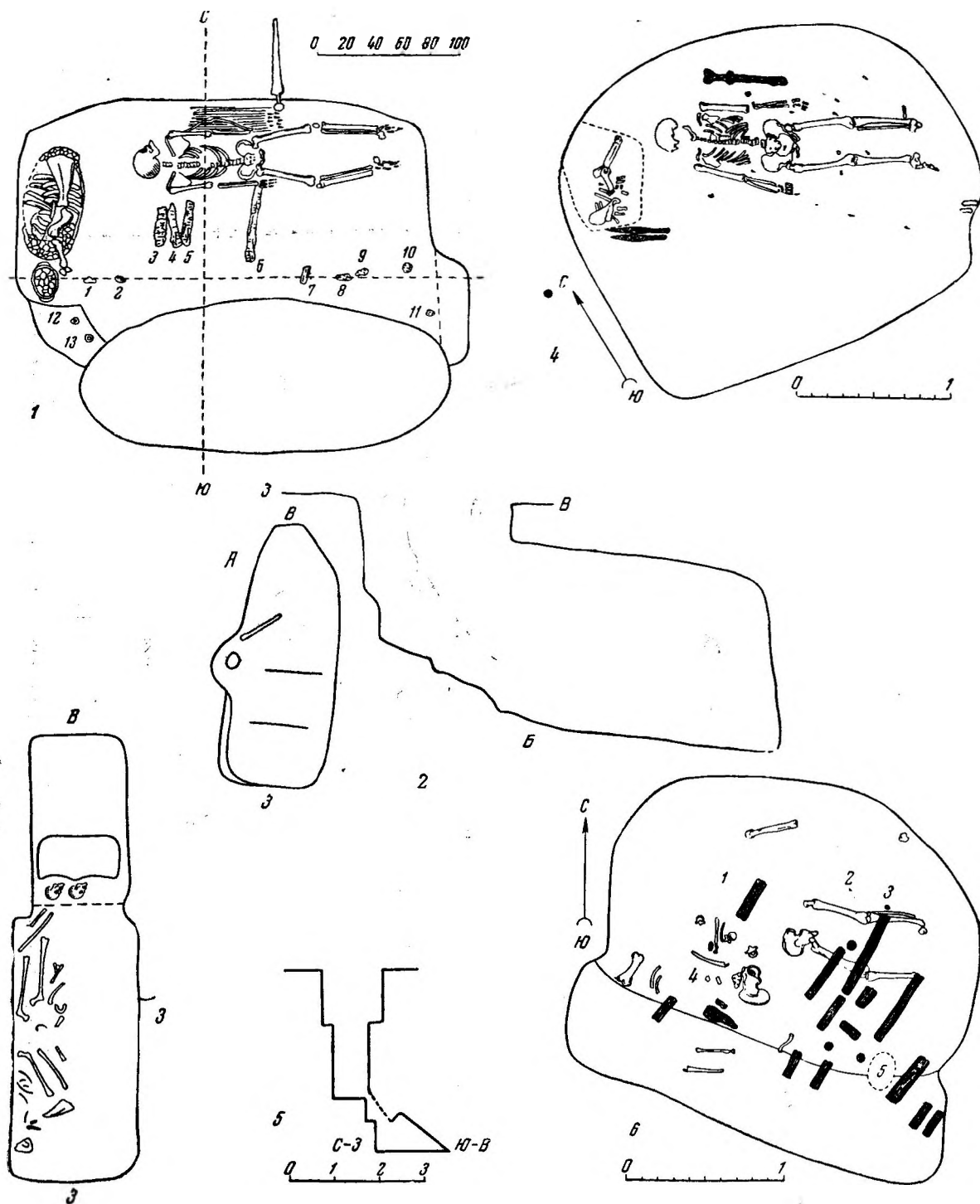

Рис. 2А. Типы катакомб в плане и разрезе:

1 — план катакомбы 1-го типа (погребение 17 кургана 2 курганной группы II): 1—11 — куски дерева из подбоя; 12, 13 — железные наконечники копий; 2 — катакомба 2-го типа, курган 6 курганной группы II (А — план; Б — разрез); 3 — план катакомбы 2-го типа (погребение 1 кургана 11 курганной группы II); 4 — план катакомбы 1-го типа (погребение 1 кургана 1 — 1937 г.); 5 — разрез катакомбы 3-го типа (курган 2 — 1939 г.); 6 — план катакомбы 1-го типа (погребение 1 кургана 4 1937 г.): 1 — бусы; 2 — реальгар; 3 — ворворка; 4 — железо; 5 — кости мелкого хищника

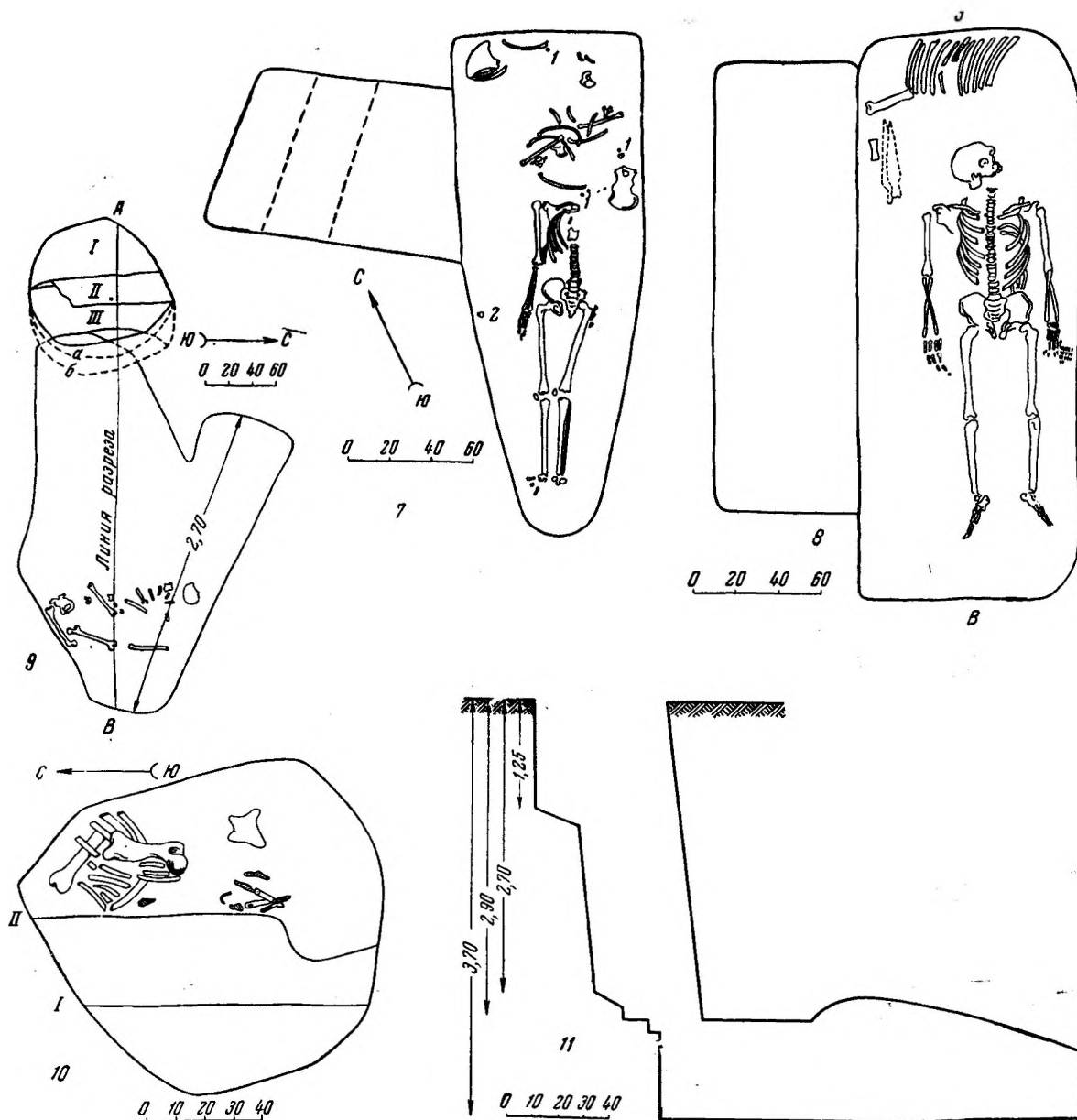

Рис. 2Б. Типы катакомб в плане и разрезе:

7—план катакомбы 1-го типа (погребение 1 кургана 2 группы «Серко» — 1945 г.); 1 — бусы; 2—пряслице; 8—план катакомбы 1-го типа (погребение 2 (основное) кургана 2 группы «Серко» — 1945 г.); 9, 10, 11 — катакомба смешанного 1-го и 3-го типов курган 4 группы «Серко»; 9 — план входной ямы и катакомбы; 10—план дромоса; 11—разрез входной ямы и катакомбы (I — первый уступ; II — второй уступ; III — третий уступ; а — уровень на глубине 1,25 м от горизонта; б — уровень на глубине 2,1 м от горизонта)

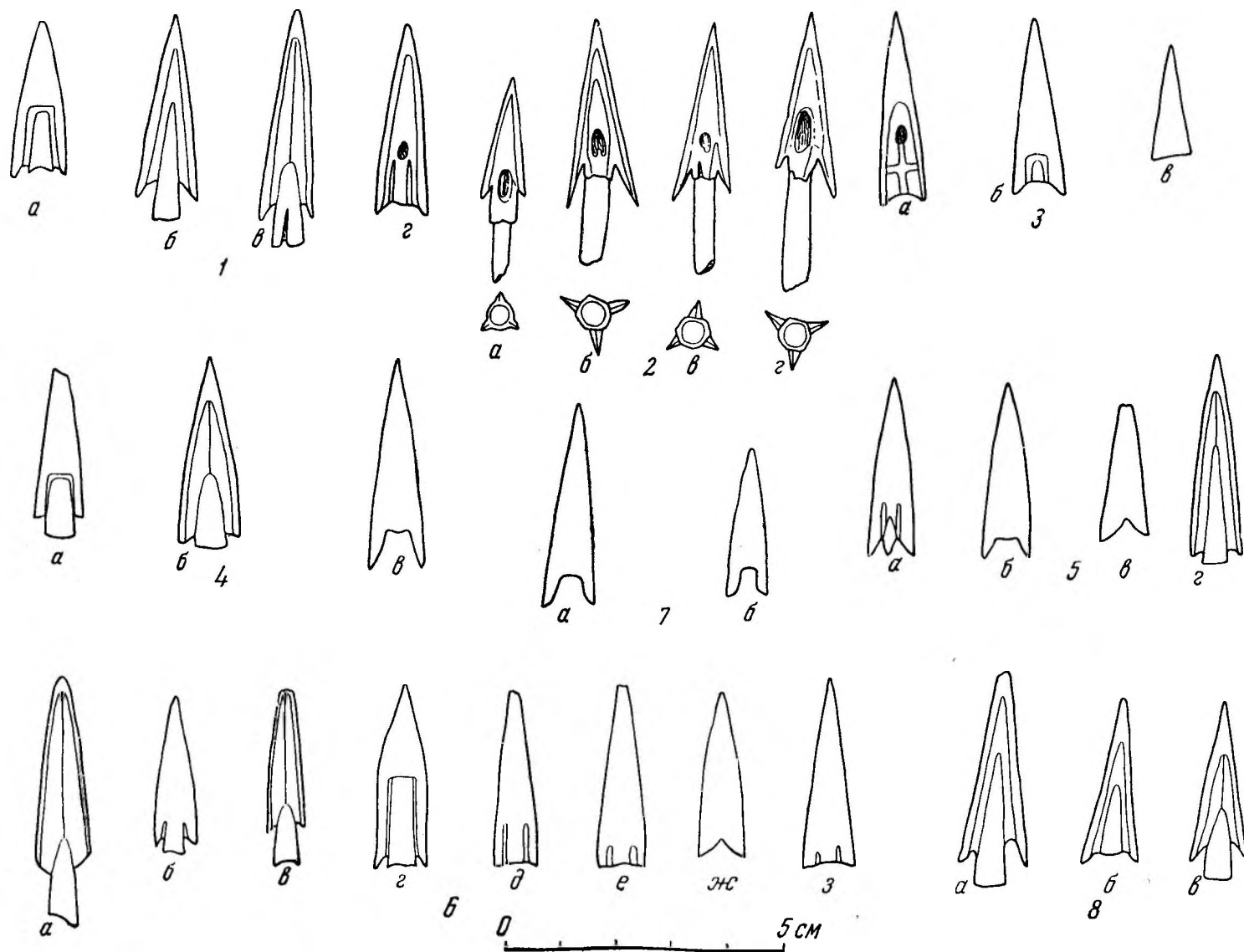

Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел из разных курганов, раскопанных Ф. Н. Кирановым и Л. Д. Дмитриевым:

1 — погребение 1 кургана 7 группы I (1931 г.) (а — 7 экз.; б — 9 экз.; в — 2 экз.; г — 1 экз.); 2 — погребение 17 кургана 2 группы I (1931 г.) (а — г — по 1 экз.); 3 — погребение 1 кургана 7 группы II (1933 г.) (а, в — 1 экз.; б — 2 экз.); 4 — погребение 1 кургана 19/21 группы II (а, б — 1 экз.; в — 4 экз.); 5 — погребение 1 кургана 21 группы II (а — 7 экз.; б — 7 экз.; в — 2 экз.; г — 4 экз.); 6 — погребение 2 кургана 21 группы II (а — г — 1 экз.; д — 3 экз.; е — 2 экз.; ж — 15 экз.; з — 5 экз.); 7 — погребение 3 кургана 21 группы II (а, б — 2 экз.); 8 — погребения 3 и 4 кургана 25 группы II (а, в — 1 экз.; б — 3 экз.)

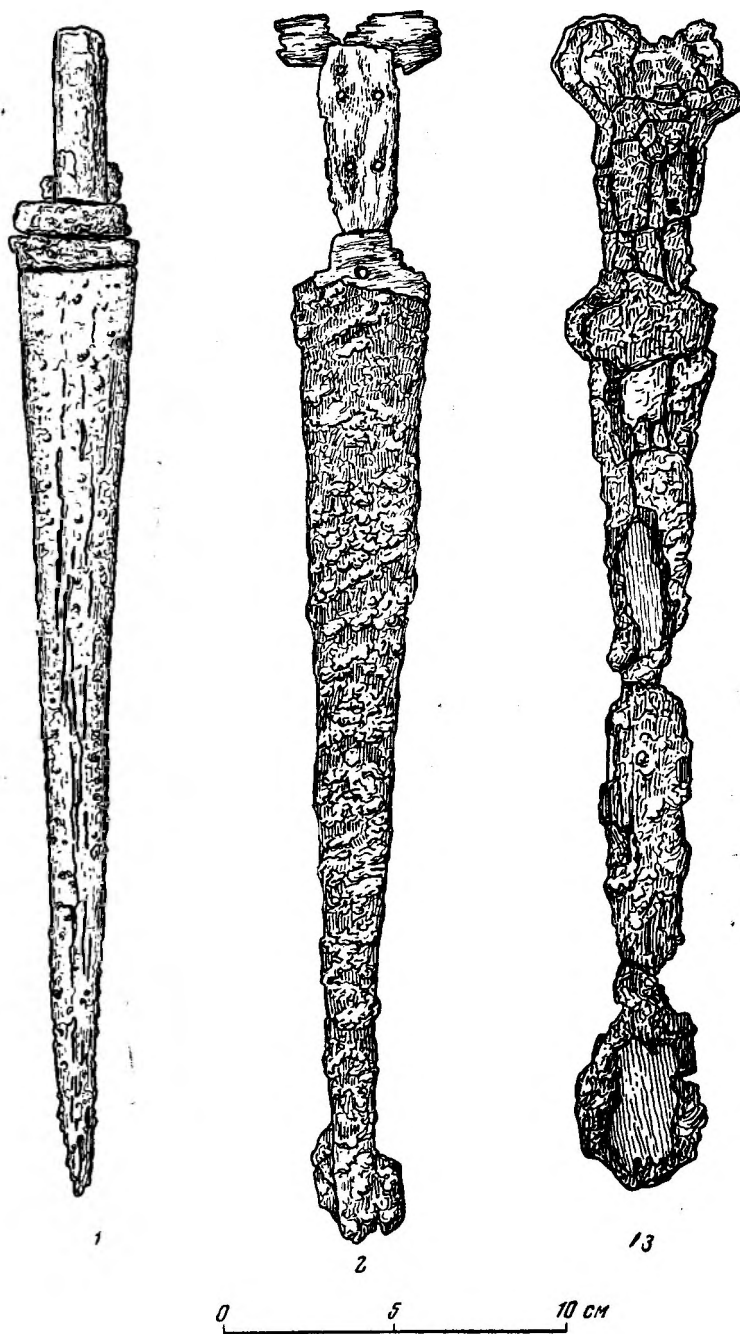

Рис. 4. Железные мечи:

1 — погребение 17 кургана 2 группы I; 2 — погребение 2 кургана 19/21 группы II; 3 — курган 1 (1937 г.)»

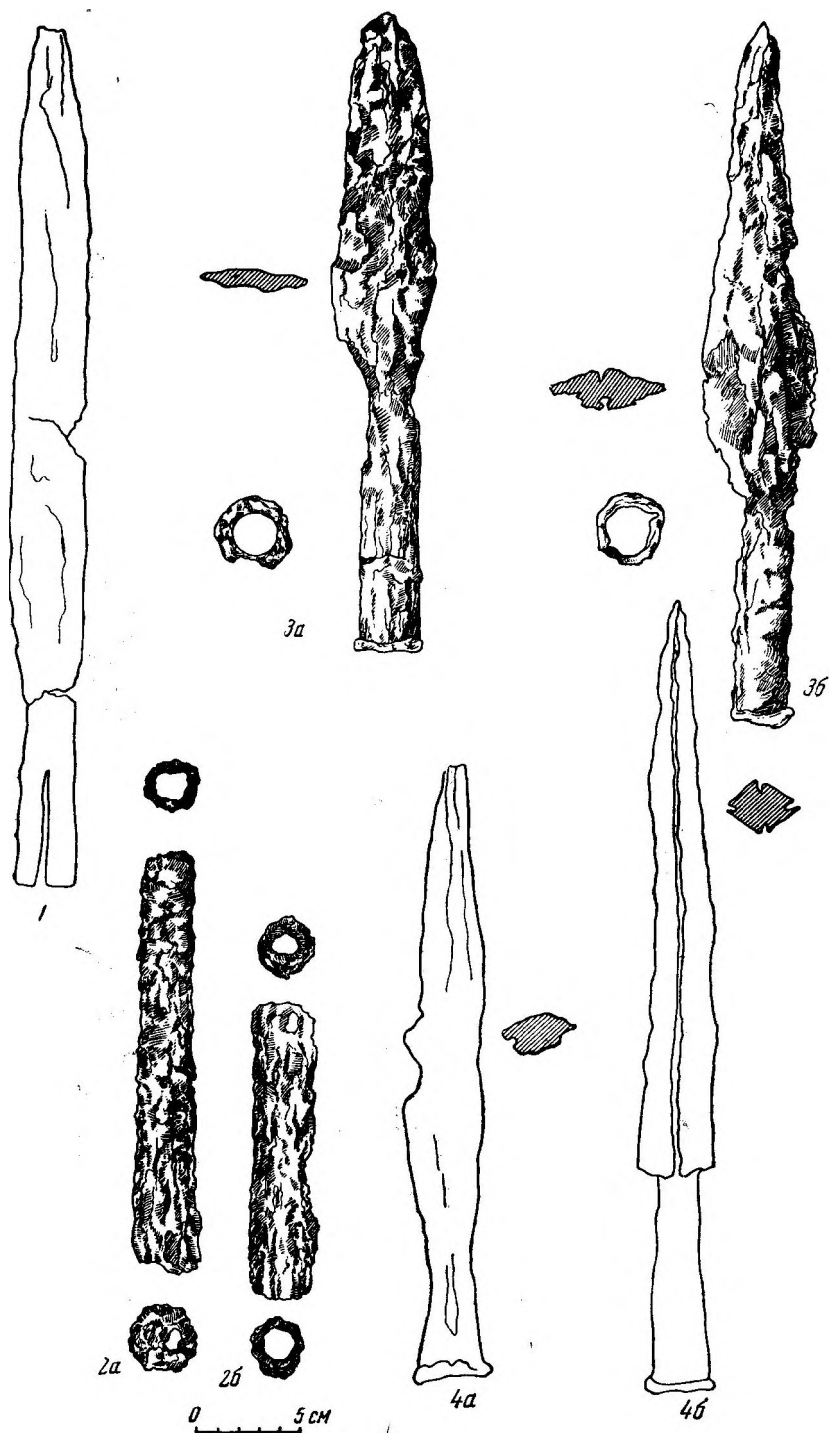

Рис. 5. Наконечники железных копий и подтоки-образцы:

1 — погребение 2 кургана 19/21 группы II; 2а, б — курган 5 группы I; 3, а, б — погребение 1 кургана 6 группы I;
4а, б — погребение 17 кургана 2 группы I

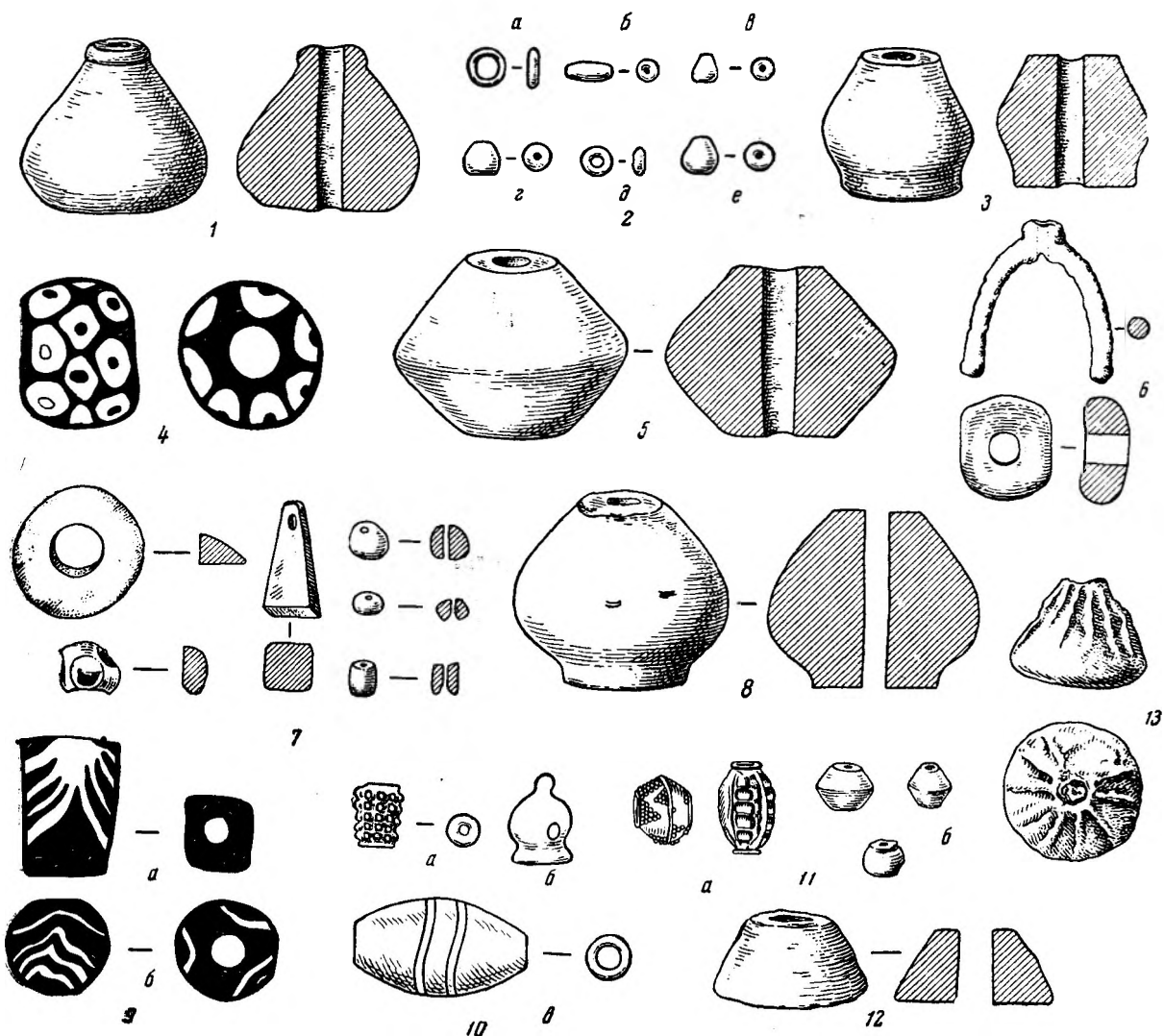

Рис. 6. Бусины, подвеска и пряслицы:

1 — глиняное пряслице из катакомбы кургана 2 группы II (1933 г.); 2 — бисер зеленого и синего стекла оттуда же (а, в, г — синее стекло; а — 27 экз.; в — 4 экз.; г — 20 экз.; б, е — зеленое стекло: б — 1 экз.; е — 3 экз.; д — зеленая паста: 20 экз. 3 — глиняное пряслице из погребения 3 кургана 4 группы II (1933 г.); 4 — синяя бусина с белыми глазками из погребения 1 кургана 10 группы II (1934 г.); 5 — глиняное пряслице из погребения 1 кургана 19/21 группы II; 6 — медная подвеска из погребения 2 кургана 2 (1937 г.); 7 — костяное кольцо, стеклянные бусины из погребений 2 и 3 кургана 2 (1937 г.); 8 — глиняное пряслице из погребения 3: 2 кургана 2 (1937 г.); 9 — стеклянные черные с желтым бусины из погребения 1 кургана 2 (1939 г.); а — 1 экз. б — 2 экз.; 10 — стеклянные бусины из погребения 2 кургана 2 (1939 г.); а — желтая; б — прозрачная; в — белая с синими точками; 11 — бусины из кургана 4 (1937 г.); а — золотые; б — стеклянные; 12 — свинцовое пряслице из кургана 4 (1937 г.) 13 — свинцовое пряслице из кургана 2 группы «Серко» (1945 г.)

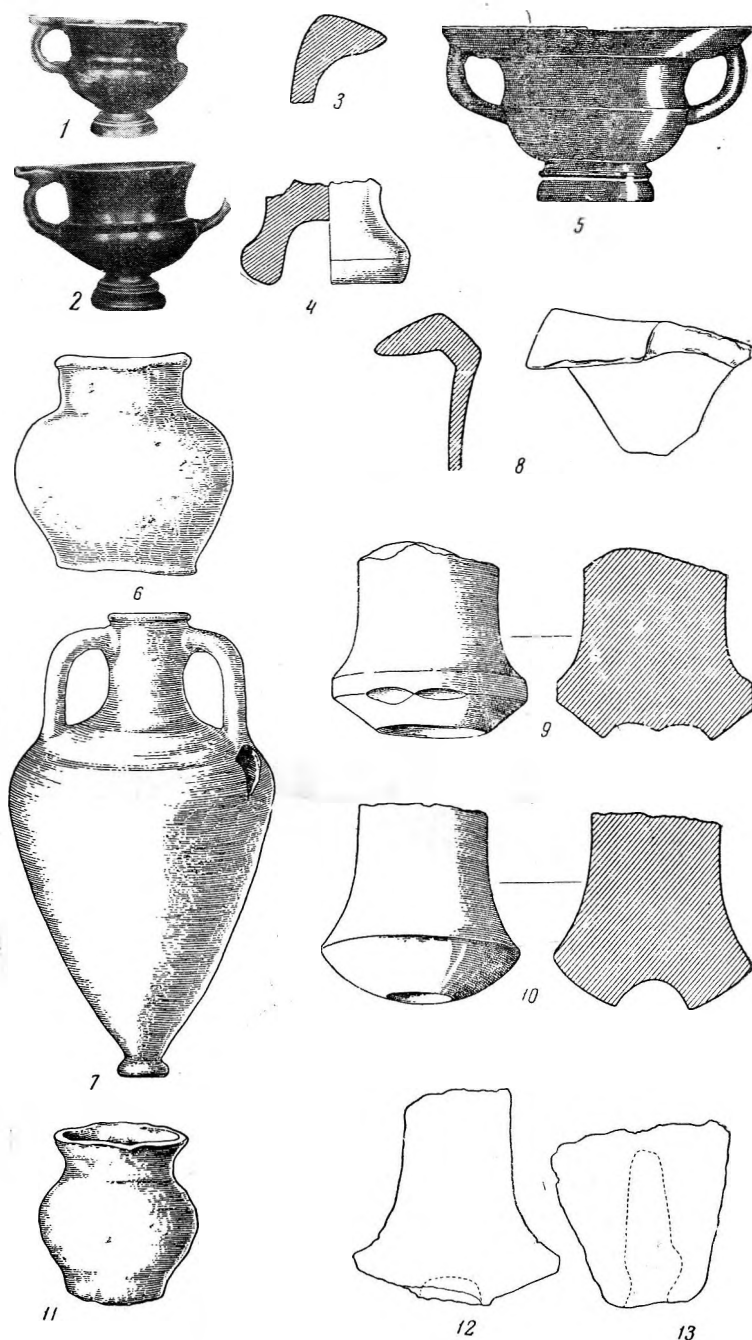

Рис. 7. Сосуды

1 — чернолаковый канфар из катакомбы 1/2 кургана 4 группы II (1933 г.); 2 — чернолаковый канфар из катакомбы 1 кургана 8 группы II; 3 — бортик амфоры того же типа, что в Солохе I, из погребения 3 кургана 8 группы II (1934 г.); 4 — ножка амфоры того же типа из впускной ямы кургана 11 группы II; 5 — чернолаковый канфар из катакомбы 3 кургана 19/21 группы II (1934 г.); 6 — сосуд из погребения 1 кургана 21 группы II (1935 г.); 7 — целая амфора одного из боспорских типов III в. до н.э. из кургана 21 группы II; 8 — венчик амфоры того же типа, что в Солохе I, из кургана 1 (1937 г.); 9 — ножка амфоры рюмкообразного типа (по И. Б. Зеест) из кургана 1 (1937 г.); 10 — ножка красноглиняной амфоры (IV — III вв. до н.э. по И. Б. Зеест) из кургана 4 (1937 г.); 11 — сосуд из погребения 1 кургана 2 (1939 г.); 12 — ножка красноглиняной амфоры I V—III вв. до н.э. из кургана 6 группы «Серко» (1946 г.); 13 — ножка колпаковой амфоры IV—III вв. до н.э. из кургана 6 группы «Серко» (1946 г.). (Типы амфор см. в статье И. Б. Зеест «К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией» — МИА, № 19, стр. 111, рис. 1 и 2.)

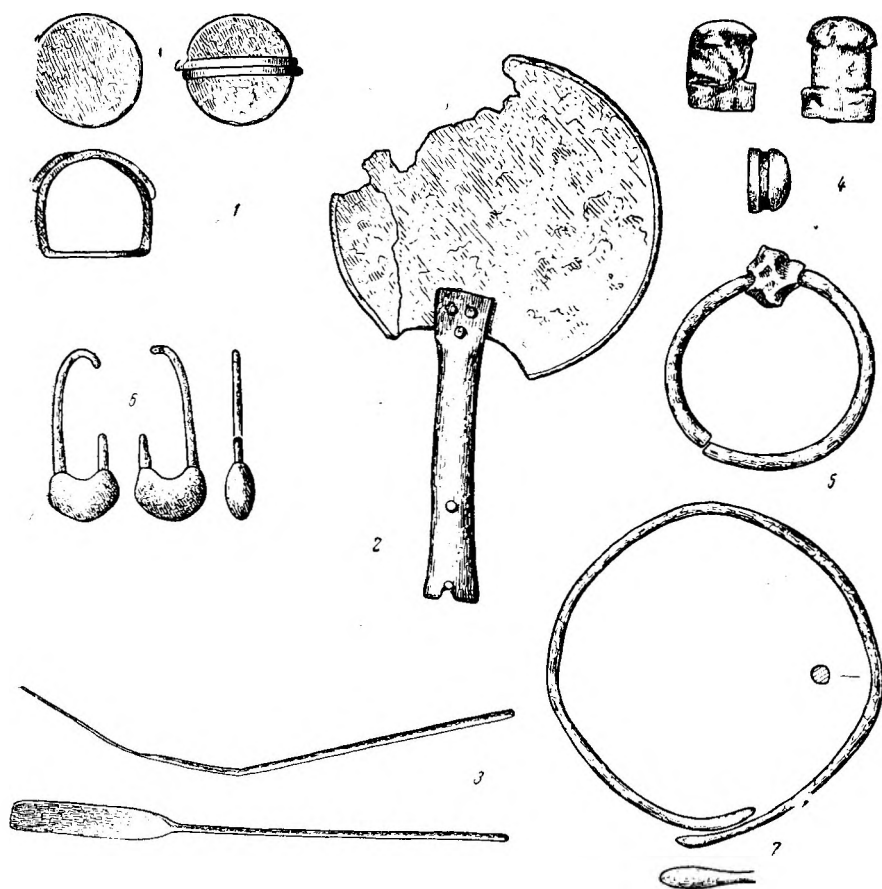

Рис. 8. Металлические и костяные вещи:

1 — серебряный перстень из погребения 1 кургана 10 группы II; 2 — бронзовое зеркало с костяной ручкой из кургана 21 группы II (1935 г.); 3 — бронзовая булавка из насыпи кургана 4 группы «Серко» (1945 г.); 4 — костяные застёжки из погребения 12 кургана 5; 5 — бронзовая серьга с привеской из кургана 21 группы II (1935 г.); 6 — бронзовая серьга (№ 2354 по инвентарю); 7 — бронзовый браслет из катакомбы 2 кургана 19/21 (1934 г.)

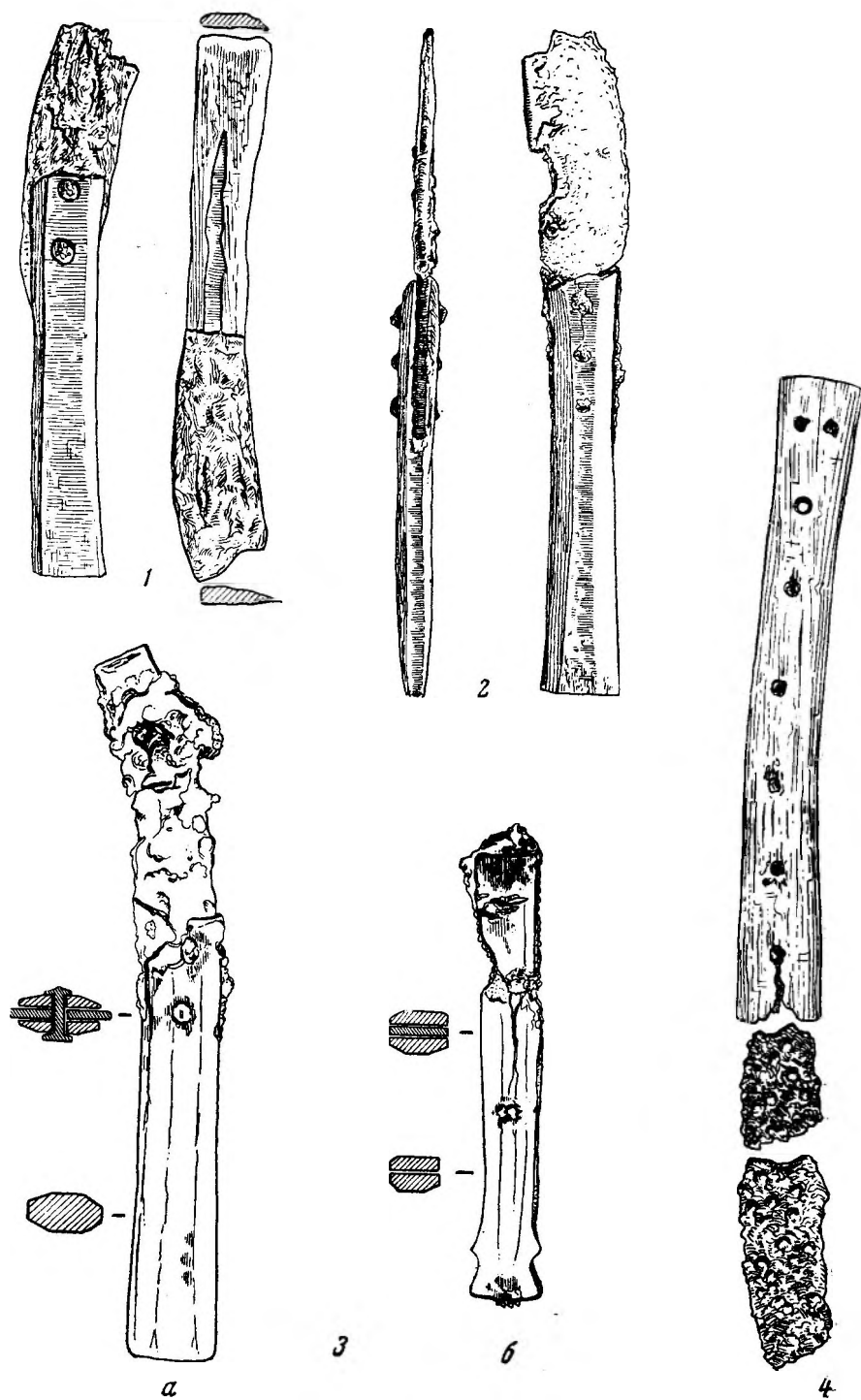

Рис. 9. Железные ножи с костяными рукоятками:

1 — погребение 3 кургана 19/21 группы II; 2 — погребение 2 кургана 2 группы «Серко» (1945 г.); 3а и б — погребение 3 : II кургана 2 (1937 г.); 4 — погребение 17 кургана 2 группы I

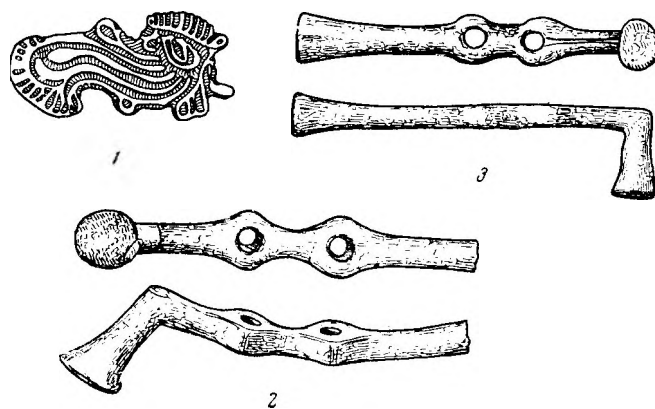

Рис. 10. Бронзовые предметы от уздечек:

1 — нащечник из насыпи кургана 8 группы II; 2 — псалий из кургана 1 (1937 г.); 3 — псалий из собрания Никопольского музея

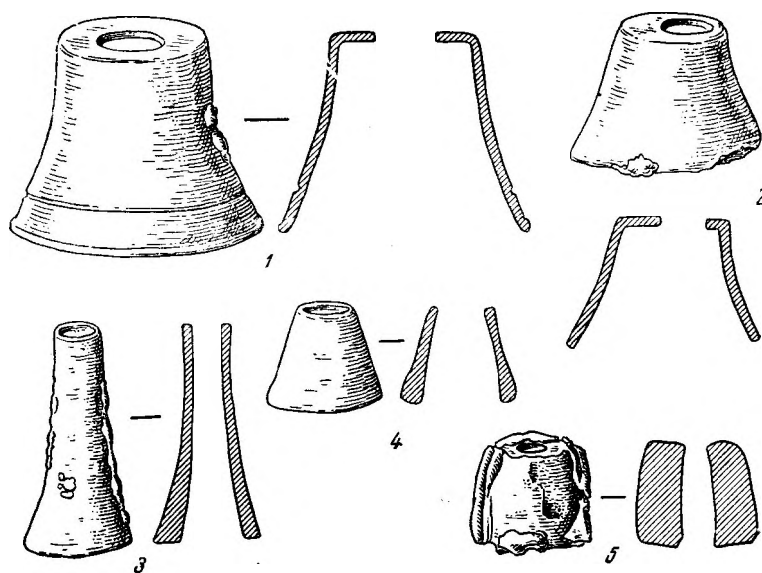

Рис. 11. Ворворки из кургана 1 (1937 г.):

1—4 — бронза; 5 — железо

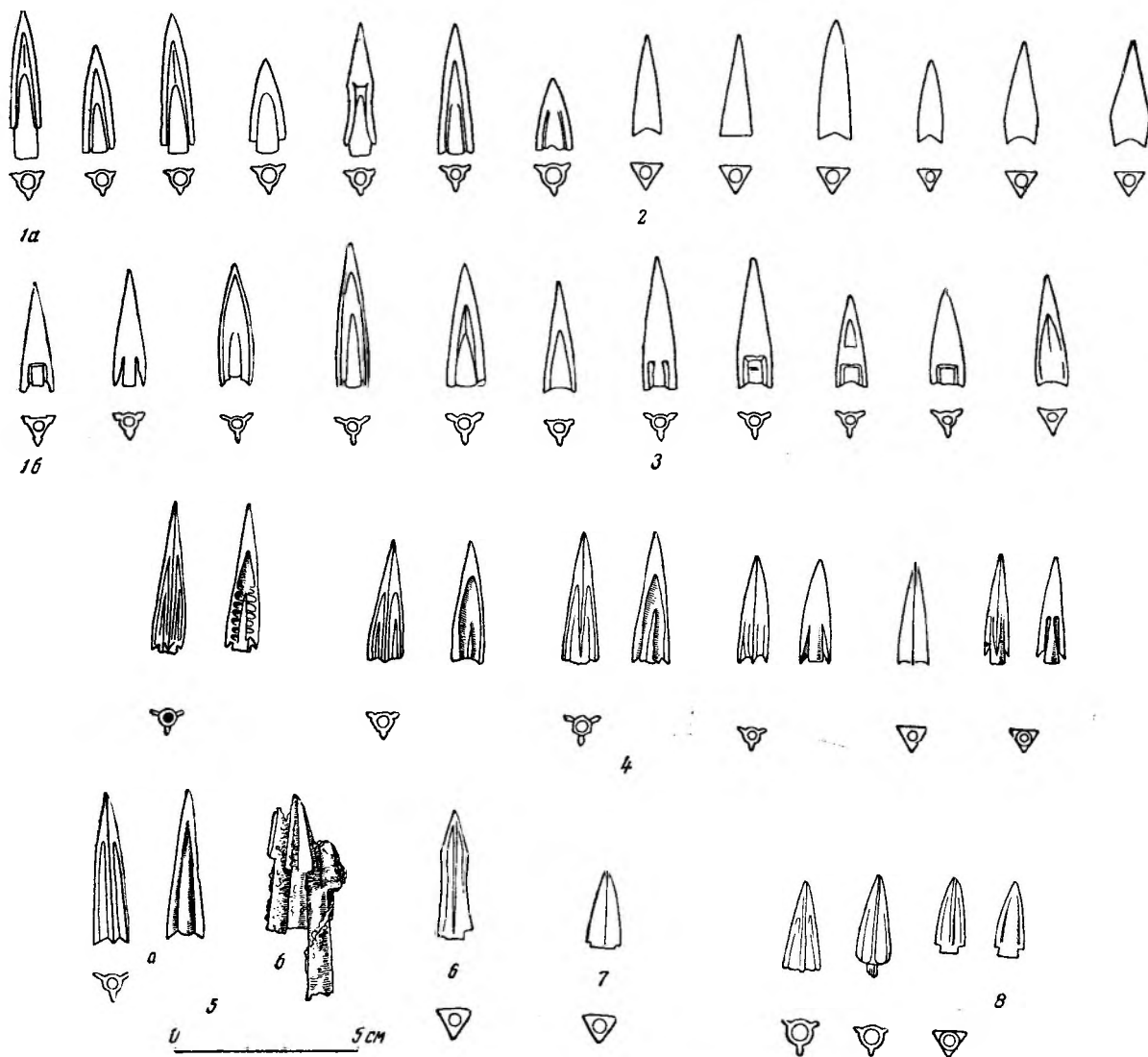

Рис. 12. Наконечники стрел из раскопок Б. Н. Гракова:

1а и б — из кургана 1 (1937 г.); 2 — из погребения 3 : 2 кургана 2 (1937 г.); 3 — из насыпи кургана 5 (1937 г.); 4 — из погребения 2 кургана 2 группы «Серко» (1945 г.); 5а и б — из кургана 4 группы «Серко» (1945 г.); 6 — из кургана 1 группы «Серко» (1946 г.); 7 — из насыпи кургана 5 группы «Серко» (1946 г.); 8 — из погребения кургана 6 группы «Серко» (1946 г.).
(5б — железо, все остальные — бронза)

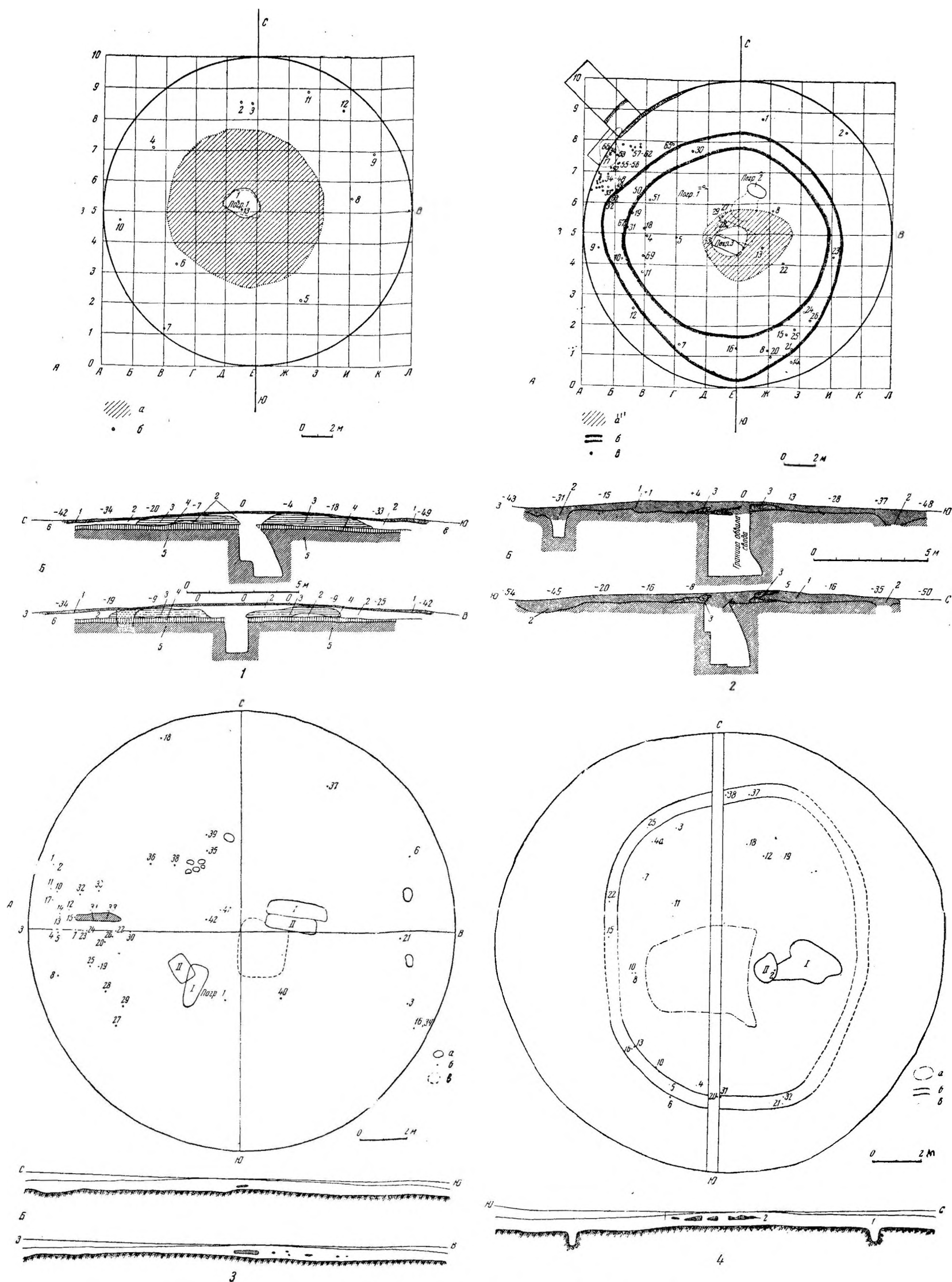

Рис. 13. Планы и разрезы курганов с профилями катакомб:

1 — курган 4 группы на девятом километре (1937 г.): А — план (а — выкид; б — отдельные находки); Б — разрезы по линиям С—Ю и З—В (1 — пахотный слой; 2 — светло-серый насыпной слой; 3 — слой выкида, лёсс; 4 — погребенный чернозем; 5 — серый лёсс; 6 — темно-серый сильно гумированный слой в полах насыпи); 2 — курган 2 группы у пос. Сулицкого (1937 г.): А — план (а — выкид; б — внутренний ров; в — отдельные находки); Б — разрезы по линиям З—В и Ю—С

(1 — насыпь; 2 — внутренний ров; 3 — выкид); 3 — курган 2 группы «Серко» (1945 г.): А — план (а — камни, б — отдельные находки, 1 — катакомба; II — входная яма); Б — разрезы по линиям С—Ю и З—В; 4 — курган 4 группы «Серко» (1945 г.): А — план (а — выкид; б — внутренний ров; в — отдельные находки; 1 — катакомба; II — входная яма); Б — разрез по линии С—Ю (1 — насыпь из современного чернозема; 2 — лёсс)

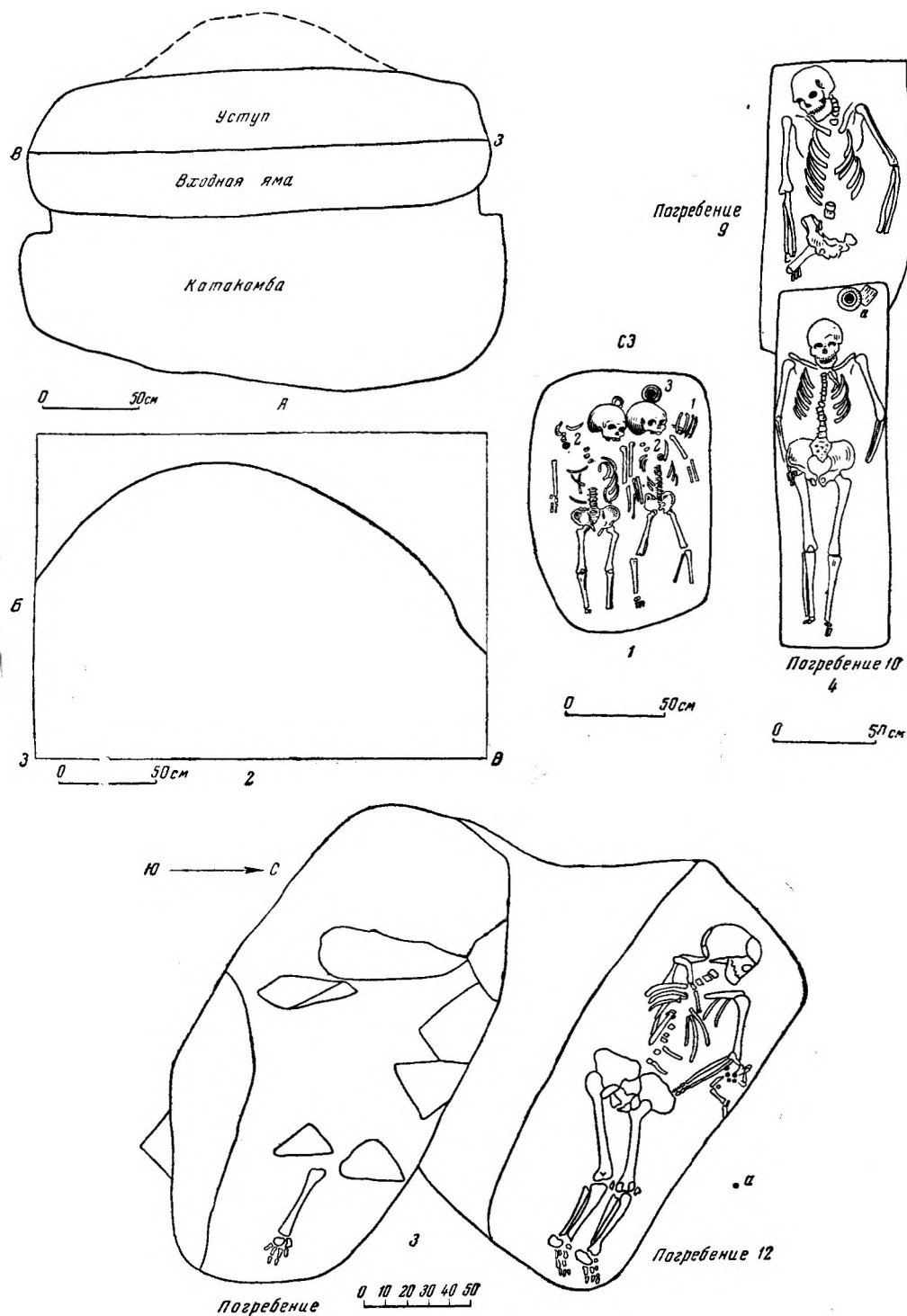

Рис. 14. Планы погребений:

1 — двойное детское погребение 1 в кургане 2 (1939 г.) (1 — баранья кость и нож; 2 — бусина; 3 — сосуд); 2 — катакомба 1-го типа в кургане 3 группы «Серко» (А — план; Б — устье катакомбы на северной стене входной ямы); 3 — катакомба 12-го типа в кургане 5 группы «Серко» (1946 г.) (женщина погребена ничком; а — костяные застёжки); 4 — предскифские погребения 9 и 10 в кургане 3 (1939 г.) (а — сосуд с плитой)

А. И. Мелюкова

СКИФСКИЕ КУРГАНЫ ТИРАСПОЛЬЩИНЫ

(по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских)

ВВЕДЕНИЕ

С 1896 по 1910 г. на левом берегу Днестра в бывшем Тираспольском уезде Херсонской губернии¹, возле сел Коротна, Глинное, Чобручи, Слободея, Карагаш, Суклея, Терновка, Парканы и Красногорка, И. Я. Стемпковский и Л. П. Стемпковская раскопали более 400 курганов².

Дневники этих раскопок не были изданы. Извлечения из них, часто неполные и даже не всегда точные, были опубликованы В. И. Гошкевичем³. Несколько более подробные, но все же лишь суммарные сведения об этих памятниках имеются в работе И. В. Фабрициус⁴.

Курганы, исследованные на Тираспольщине Стемпковскими, относятся к разным историческим эпохам. Одни из них принадлежат к энеолиту (время поздней трипольской культуры — Усатово), другие — к эпо-

хе бронзы (главным образом к срубной культуре), третьи — к скифо-сарматской эпохе и четвертые — к эпохе раннего средневековья. Кроме того, имеется значительное количество начисто ограбленных курганов, датировать которые невозможно.

В научной литературе достаточное освещение получили курганы, содержавшие погребения усатовского типа. Все остальные материалы и главным образом те, которые происходят из погребений эпохи бронзы и скифо-сарматского времени, до сих пор остались необработанными и почти неиспользованными даже в обобщающих работах.

Между тем результаты раскопок Стемпковских представляют большой интерес, так как они дают возможность выявить хотя бы частично культуры, созданные племенами, населявшими западные районы Северного Причерноморья в эпоху бронзы и в скифо-сарматское время. Это тем более важно, что новых сколько-нибудь значительных исследований в этом районе пока почти не производилось.

Настоящая работа посвящена памятникам скифо-сарматской эпохи, исследованным Стемпковскими. Кроме того, в ней использованы материалы из раскопок М. Шкадышека кургана у с. Суклеи и материалы двух случайно раскопанных курганов у с. Троицкое, находящихся на тер-

¹ По современному административному делению Тираспольский район Молдавской ССР.

² И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. На стр. 15 в примечании 10 отмечено, что с октября 1899 г. фактическим исполнителем раскопок по открытым листам, выданным Археологической комиссией на имя И. Я. Стемпковского, стала его жена, которая тщательнее выполняла раскопки, подробнее вела дневники и точнее составляла инвентари.

³ В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии, ч. I. Херсон, 1903, а также Летописи херсонского музея 1909—1911 гг., стр. 24—25, 1914, стр. 38—39.

⁴ И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 15—31.

ритории УССР, смежной с Тираспольщиной. Всего насчитывается 70 курганов интересующей нас эпохи.

Для своего времени раскопки большинства курганов были произведены Стемповскими на довольно высоком методическом уровне. Раскапывалась большая часть насыпи при помощи квадрата, вписанного в основание кургана, или (реже) при помощи широкой траншеи. Неисследованными, таким образом, оказались лишь неширокие полы у основания насыпей курганов. В дневниках указаны размеры курганов, отмечается структура насыпей, дана характеристика погребальных сооружений с указанием размеров, описаны обряд погребения и инвентарь. Кроме того, в особой тетради имеется перечень находок из каждого кургана часто сопровождающийся схематическими рисунками. Одним из больших недостатков является отсутствие чертежей погребальных сооружений, сделанных в масштабе. Описания сопровождаются лишь схематическими изображениями, вследствие чего отдельные детали конструкций остаются не вполне ясными. Сами схемы вызывают некоторое сомнение, так как трудно поверить, что все погребальные сооружения имели столь правильную и четкую форму, как это изображено в дневниках. Возможно, однако, наши сомнения излишни, так как автор постоянно указывает, что погребальные сооружения (ямы и катакомбы) были сделаны в твердом материковом суглинке, а это позволяло вырубать погребальные камеры правильной формы и способствовало их хорошей сохранности.

Авторы дневников, по-видимому, вели довольно тщательные наблюдения за раскопками погребальных сооружений, поскольку они заметили следы орудий на стенках одних из них, обмазку стен, потолка и пола жидкой глиной и орнаментацию их резными линиями на других.

Вторым существенным недостатком дневников Стемповских является отсутствие в них описаний курганных групп. Курганы интересующей нас эпохи известны у всех населенных пунктов, возле которых Стемповские производили раскопки, но мы не знаем, составляли ли они отдельные группы

или были расположены рядом с более ранними и более поздними курганами. Невозможно понять также, сколько курганов входило в ту или иную курганную группу. Только при описании памятников у с. Чобручи автор отметил, что «курганы были расположены небольшими группами, по пять в каждой, редко поодиночке».

Несмотря на отдельные погрешности, дневники Стемповских представляют собой достаточно ценную научную документацию, на основании которой можно судить о характере исследованных памятников.

Настоящая работа преследует цель дать по возможности полную характеристику погребальных памятников скифо-сарматского времени Тираспольщины, с тем чтобы ввести в научный оборот оставленные без внимания материалы старых раскопок. Это представляется необходимым в связи с тем, что данные исследований Стемповских расширяют наши представления о скифской культуре степного Северного Причерноморья, основанные главным образом на изучении материалов с Нижнего Поднепровья и Побужья. В работе использованы дневники Стемповских, имеющиеся в архиве ЛОИА АН СССР⁵ и Херсонском историческом музее⁶, и коллекция находок, происходящая из курганов Тираспольщины, но сохранившаяся в Херсонском музее далеко не полностью. Часть коллекции погибла во время Великой Отечественной войны⁷.

При описании мы придерживаемся единой нумерации курганов (1—412), данной В. И. Гошкевичем и принятой И. В. Фабрициус, вместо очень сбивчивой нумерации курганов по годам и местностям, имеющейся в оригиналах дневников Стемповских⁸.

⁵ Дела АК, 1897/62; 1898/10; 1899/23; 1900/47; 1905/15.

⁶ В Херсонском историческом музее хранятся копии дневников Стемповских, а также тетрадь с перечнем находок из курганов и схематическими рисунками отдельных предметов.

⁷ Сохранилась почти вся керамика и лишь отдельные металлические вещи, тогда как предметы вооружения и украшения отсутствуют. О некоторых из них мы можем судить только по схематическим зарисовкам.

⁸ Нумерация В. И. Гошкевича имеется в дневниках Стемповских, хранящихся в Херсонском музее.

Глава I

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Все курганы Тираспольщины скифо-сарматского времени были насыпаны из чернозема, камень для сооружения не употреблялся. Насыпи обычно небольших размеров высотой до 1 м, редко до 2 м, с диаметром основания от 4,5 до 20—35 м, имеют полусферическую и коническую форму. Следов тризны не отмечено, находки в насыпи, как правило, отсутствуют. Подавляющее большинство погребений было обнаружено под курганами в материке на значительной глубине и только в четырех случаях погребения были устроены в насыпях курганов или на уровне древнего горизонта.

Обычно под курганом имелась только одна центральная могила, впускные погребения в курганах крайне редки. Редко встречаются также погребения скифского времени, впущенные в курганы эпохи бронзы.

По характеру погребальных сооружений памятники Тираспольщины интересующего нас времени делятся на две группы. В первую из них (меньшую) входят курганы с простыми погребальными ямами, во вторую — курганы с катакомбными погребальными сооружениями.

Прежде чем переходить к описанию погребальных сооружений, устроенных в материке, остановлюсь на погребениях, находящихся в насыпях курганов и на горизонте.

В насыпи кургана 3 у с. Суклеи усатовского типа, содержавшем впускные погребения эпохи бронзы, было обнаружено парное погребение. Костяки лежали в вытянутом положении, на спине, были ориентированы головами на юг. Между черепами находился большой сосуд, украшенный по плечу резным орнаментом и вертикально расположенными парными валиками (табл. 1).

В кургане 96 у с. Парканы под насыпью на горизонте было обнаружено вытянутое на спине погребение, головой на запад. При покойнике найден лощеный сосуд, украшенный по тулову богатым резным и штампованным орнаментом (табл. 1).

В кургане 147 у с. Парканы эпохи бронзы в насыпи находился вытянутый на спине, головой на восток, костяк, при котором были найдены серебряная серьга с белой

пастовой бусиной, медная или бронзовая серьга и обломок точильного камня (табл. 4, 2).

Разрушенное погребение, расположенное на материке и представлявшее собой кучку костей, около которых находились глубокая миска и бронзовый ромбический наконечник стрелы, было обнаружено в кургане 178 у с. Парканы (табл. 1, 3).

Незначительное количество впускных погребений в насыпи лишает нас возможности сделать какие-либо выводы относительно характерных для них особенностей.

Погребальные сооружения группы 1 (грунтовые ямы) были исследованы в 16 курганах. Всего их известно 18 (табл. 1—4).

Большинство из них являлось основными и единственными погребениями, но в трех случаях они представляли собой впускные погребения в курганы эпохи бронзы (курган 385 у г. Тирасполя, курганы 98 и 158 у с. Парканы), в двух курганах было обнаружено по две таких могилы (курганы 155 у с. Парканы и 252 у с. Плоского).

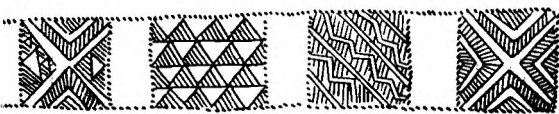
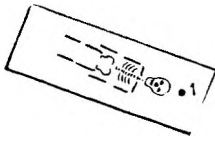
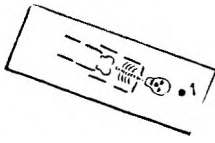
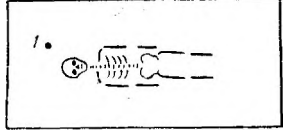
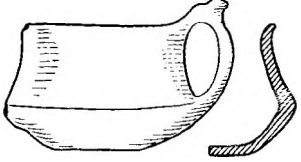
Погребальные сооружения этой группы представляют собой преимущественно прямоугольные в плане ямы от 2,5 до 3,3 м длиной, от 0,67 до 1,4 м шириной (в одном случае 1,78 м), вырытые в материке на глубину от 0,36 до 2 м. Только в кургане 112 у с. Парканы яма имела трапецевидную в плане форму⁹, а в кургане 252 у с. Плоского в могиле юго-западная стенка ямы была округленной.

По ориентировке могильные ямы могут быть разделены на два основных типа, преобладают ямы, ориентированные по длинной оси с запада на восток (их 10); они объединены нами в первый тип (табл. 1—3). Ко второму типу отнесена лишь одна могила, обнаруженная в кургане 131 у с. Парканы, ориентированная по длинной оси в направлении с севера на юг (табл. 4, 1).

Остальные семь могил занимают как бы промежуточное положение между этими двумя типами и ориентированы в двух случаях с северо-востока на юго-запад, в двух — с северо-запада на юго-восток и в одном —

⁹ Возможно, однако, что эта могила представляет собой обвалившуюся катакомбу.

Таблица 1

№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры могилы, м	Погребальный инвентарь
1	Парканы 97	Погребение на горизонте 	—	
2	Суклей 3	Парное погребение в насыпи кургана усатовского типа 	—	
3	Парканы 178	Кучка костей на материке 	—	
4	Тирасполь 385		2,22×0,67×0,36	Черный лощеный сосуд с резным геометрическим орнаментом
5	Парканы 986		3×1,40×0,8	

с западо-юго-запада на востоко-северо-восток. Ориентировка могильных ям, исследованных в курганах 1 и 4 у с. Суклеи, в дневниках не указана.

Следов деревянных конструкций или деревянного перекрытия в ямах ни разу не от-

мечено. Все ямы, вырытые в материковом суглинке, были засыпаны мешаной землей. Дно ям плоское и ровное, стенки отвесные. Ниш или каких-нибудь иных сооружений в них не найдено.

Таблица 2

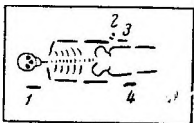
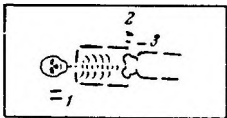
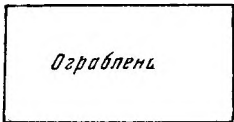
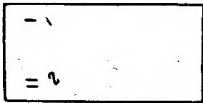
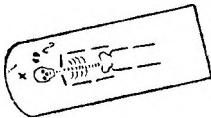
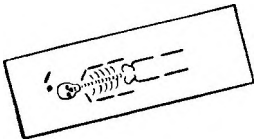
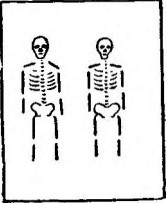
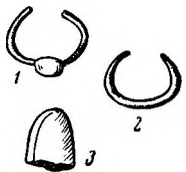
№ п.п.	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры могилы, м	Погребальный инвентарь
1	Парканы 155 ₁		2,05×1,25×0,75	1 — наконечник копья; 2,3—32 бронзовых наконечника стрел; 4—2 железных ножа
2	Парканы 157	<i>Ограблена</i>	2,5×1,30×1,40	Обломок железного ножа; 2 бронзовых наконечника стрел
3	Парканы 158 ₂		2,13×1,10×0,80	1—2 наконечника копий; 2—37 бронзовых наконечников стрел; 3 — железный нож; 4—костяная бусина (в засвепи)
4	Парканы 161	<i>Ограблена</i>	3,3×1,20×1,10	10 бронзовых наконечников стрел
5	Плоское 252	<i>Ограблена</i>	2,71×1,42×1,50	1 бронзовый наконечник стрелы
6	Сукля 1	<i>Ограблена</i>	2,8×1,4×2,1	<i>Золотая серьга</i>
7	Сукля 4	яма 3—В	?	<i>Перстень золотой</i>

Таблица 3

№ пп	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры могилы, м	Погребальный инвентарь
1	Парканы 367		2,43×1,21×1,42	3 бронзовых-наконечника стрел; 5 бусин; 1 подвеска из синего стекла в форме четырехгранной пирамидки
2	Плоское 267		2,×1,01×1,20	2 бронзовых наконечника стрел
3	Плоское 297		2,83×1,02×0,62	Обломки медной фибулы
4	Парканы 151		2,43×1,07×1,07	1 — железный меч; 2 — 2 наконечника копий; 5 бронзовых наконечников стрел
5	Парканы 155 ₂		2,85×1,40×0,80	12 бронзовых наконечников стрел 2 бронзовых сергца Перстень серебряный
6	Плоское 252 ₂	ЮЗ 	2,05×0,8×0,85	1 — нож среди костей барана; 2 — 2 бронзовых наконечника стрел
7	Парканы 167		2,6×0,9×1,7	1 — античный кувшин

№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры могилы, м	Погребальный инвентарь
1	Парканы 131		2,20×1,78×0,53	Нож, 4 железных и 1 бронзовый наконечники стрел, бусины золоченые, пастовые, костяные <i>1 серьга из элп-той проволоки</i>
2	Парканы 147	Погребение в насыпи кургана эпохи бронзы 	—	 1 — серебряная серьга с белой пастовой бусиной; 2 — медная серьга; 3 — обломок точильного камня
3	Парканы 112	 В насыпи могилы кости человека и лошади	2,45×2,06×1,44	2 бронзовых наконечника стрел; обломок ножа
4	Парканы 104	Курган ограблен Находки в насыпи	—	<i>Серебряная серьга</i> <i>5 бронзовых наконечников стрел</i>

Большинство ям первого и промежуточного типов оказались ограбленными в древности, человеческие кости были найдены в них в беспорядке вместе с небольшим количеством оставшихся после ограбления вещей.

В связи с этим трудно сколько-нибудь определенно и подробно говорить о погребальном ритуале.

Судя по сравнительно небольшому размеру погребальных ям первого и промежуточ-

ных типов, можно предполагать, что, по крайней мере, в большинстве из них были одиночные захоронения. В единственной могильной яме второго типа (курган 131 у с. Парканы) сохранились костяки двух лежащих рядом покойников.

По-видимому, погребения совершались прямо на дне могильных ям без гроба. Только в кургане 167 у с. Парканы отмечено наличие в могильной яме дубовых досок будто бы от гроба. Следов подстилок или подсы-

пок на дне могильных ям также не обнаружено.

Судя по трем сохранившимся погребениям, в могильных ямах первого типа покойники лежали головой на запад, на спине, в вытянутом положении, с руками, положенными вдоль туловища. В погребении 2 кургана 252 у с. Плоского руки погребенного были слегка согнуты в локтях.

В могильных ямах промежуточных типов покойники имели разную ориентировку. В кургане 385 на территории г. Тирасполя покойник был ориентирован головой на юго-восток. В кургане 151 у с. Парканы, судя по расположению остатков погребального инвентаря, покойник лежал головой на северо-запад. В кургане 252 в погребении 2 у с. Плоского скелет был ориентирован головой на юго-запад, а в кургане 167 у с. Парканы — на северо-восток.

В могильной яме второго типа оба погребенных были положены на спину, головой на север, с вытянутыми руками и ногами.

Лишь в двух случаях отмечены остатки напутственной пищи. В погребении 2 кургана 252 у с. Плоского в изголовье погребенного были обнаружены кости барана с железным ножом между ними.

В разграбленной могиле кургана 112 у с. Парканы вместе с человеческими костями находились и конские.

Судя по сохранившимся погребениям, инвентарь, сопровождавший покойников в простых ямах, невелик и довольно однообразен.

Керамика в могилах первого типа, как правило, отсутствует. Только в кургане 98, в погребении «б» у с. Парканы найден сосуд из черной глины и в кургане 367 у того же села в разграбленной могиле была найдена часть сосуда. Причем в первом погребении других вещей при покойнике найдено не было. Находки керамики без какого-либо другого инвентаря отмечены в двух погребениях, в могильных ямах промежуточного типа: в кургане 385 на земле Тирасполя был найден большой лощеный сосуд с резным орнаментом, в кургане 167 у с. Парканы около черепа был обнаружен античный красноглиняный кувшин. В единственной могиле второго типа при парном погребении были найдены миски и кувшин.

Большинство погребенных сопровождали стрелы, находившиеся, по всей вероятности,

или в колчанах, как в сохранившихся погребениях в кургане 155, где в погребении 1 их было 22, и в кургане 158, в погребении 2—37, или без них, как в кургане 252, в погребении 2 (у черепа погребенного находилось всего два наконечника), а в кургане 131 при двух покойниках — пять наконечников стрел. От 2 до 12 наконечников стрел было найдено и в ограбленных могилах на дне ям или в заполнявшей их земле. В целом наконечники стрел были обнаружены в 11 могилах.

В шести могильных ямах были найдены железные ножи. Реже встречались наконечники копий. Они были найдены лишь в трех могилах, при этом в двух из них было по два наконечника (курган 151 у с. Парканы и курган 158, погребение 2 у того же села) и в одной — один (курган 155, погребение 1 у с. Парканы). Только в одной могильной яме в кургане 151 у с. Парканы был найден железный меч.

В некоторых могильных ямах было встречено небольшое количество украшений. В трех курганах были найдены бусы (курган 158, погребение 2 у с. Парканы; курган 367 у с. Парканы; курган 131 у с. Парканы). В трех случаях были обнаружены серьги или височные кольца (курган 155, погребение 2 у с. Парканы — две серьги, курган 1 у с. Суклеи — одно височное кольцо и курган 131 у с. Парканы — одна серьга). В кургане 155 в погребении 2 был найден, кроме того, серебряный перстень в кургане 4 у с. Суклеи — золотой. Лишь в одном случае встречены обломки медной фибулы (курган 292 у с. Плоского).

Для того чтобы получить представление о том, как был расположен инвентарь возле погребенных, остановлюсь на описании сохранившихся погребений.

В погребении 1 кургана 155 у с. Парканы в могильной яме первого типа 29 бронзовых стрел лежали у левой руки и три — у левой ноги. У правой руки находилось два железных ножа; у черепа справа лежал железный наконечник копья. Близкое расположение вещей при погребенном мы видим в погребении 2 кургана 158 у с. Парканы, где 37 бронзовых наконечников стрел находились у левой руки погребенного, рядом с ними лежал железный нож, а справа у черепа — два железных наконечника копий.

В погребении 2 кургана 252 у с. Плоского при покойнике, ориентированном головой на

юго-запад, в изголовье лежали кости барана вместе с сопровождавшим их железным ножом. У черепа справа лежали два бронзовых наконечника стрел.

В кургане 151 у с. Парканы в могильной яме, ограбленной в древности, И. Я. Стемпковским отмечена интересная деталь: два железных наконечника копий и меч были забиты в землю. Можно предполагать, что наконечники копий находились справа от головы покойника, а меч — слева. Описание расположения вещей при парном погребении в кургане 131 у с. Парканы отсутствует. Отмечено только, что при погребенных были найдены упомянутые выше кувшин, миска, четыре железных и одна медная стрелы, железный нож, золоченые, пастовые и костяные бусины и одна золотая серьга.

Для второй группы погребальных сооружений характерно наличие входной ямы и специальной погребальной камеры, вырубленной в материке в одной из стенок входной ямы. Всего в курганах Тираспольщины известно 46 катакомбных сооружений. В зависимости от ориентировки катакомбы и расположения ее к входной яме погребальные сооружения этой группы разделены нами на пять типов. В каждом типе отмечено несколько вариантов. При выделении вариантов трудно руководствоваться единым принципом, но все же главными признаками являются расположение входа в катакомбу в той или иной стене входной ямы, наличие или отсутствие коридора, отделяющего входную яму от катакомбы, а также более или менее сложная конструкция погребального сооружения.

Первый тип объединяет 36 погребальных сооружений. В него включены те могилы, которые имеют катакомбу, ориентированную по длинной оси с севера на юг, и входную яму, расположенную или перпендикулярно или под углом к катакомбе, т. е. ориентированную или с востока на запад или с северо-запада на юго-восток. Вход в катакомбу во всех погребальных сооружениях этого типа находился в одной из узких сторон входной ямы. Внутри этого типа можно выделить семь различных вариантов.

Вариант 1-й (см. табл. 5, 1—17) объединяет 17 погребальных сооружений¹⁰, которые имели прямоугольную в плане вход-

ную яму, ориентированную с запада на восток, длиной от 1,55 до 2,8 м (преимущественно 2,1 м), шириной от 1,05 до 1,5 м, глубиной от 1,4 до 1,8 м. В восточной узкой стороне входной ямы находился вход в катакомбу, отделенную от ямы небольшим коридорчиком длиной 0,7 м, шириной 0,5 м, высотой 0,7 м.

Катакомбы имели в плане преимущественно прямоугольную форму и только в одном случае — овальную, длиной от 2,1 до 3,2 м, шириной от 0,7 до 2,1 м (преимущественно 1,1—1,5 м), высотой от 0,7 до 1,4 м (преимущественно 0,7—1,1 м). Коридор и катакомба вырубались в материковом суглинке, при этом обычно пол входной ямы, коридора и катакомбы находился на одном уровне и только в кургане 114 у с. Парканы пол камеры был ниже пола входной ямы и коридора. Вход из ямы в катакомбу и, вероятно, коридор, имели обычно стрельчатый свод; потолок камеры был сделан чаще в виде круглого свода, что и позволило И. Я. Стемпковскому назвать погребальные камеры полуцилиндрическими. Известны, однако, и другие по форме своды катакомб. В кургане 154 у с. Парканы катакомба имела форму параллелепипеда, т. е. потолок ее был плоским, а в кургане 172 у того же села отмечено наличие стрельчатого свода. Потолок и стены погребальных камер не имели следов тщательной отделки или облицовки. Только стрельчатый свод катакомбы в кургане 172 у с. Парканы был украшен параллельными линиями, сделанными острым инструментом.

Вход в погребальные камеры не был закрыт, и поэтому катакомбы затекли землей, попавшей из входной ямы.

Несколько отличается от описанных меньшими размерами и формой катакомбы погребальное сооружение, исследованное в кургане 377 у с. Плоского. Входная яма была почти квадратной в плане и имела размеры 1×0,9×0,8 м. Коридор, идущий из восточной стенки входной ямы в катакомбу, имел длину 0,55 м, ширину 0,40 м и высоту 0,35 м. Катакомба овальной в плане формы также имела небольшие размеры и, очевидно, была предназначена для погребения невысокого человека. Длина ее 1,6 м, ширина — 0,85 м, высота — 0,55 м. Вход из коридора в катакомбу был закрыт каменной плитой. По определению И. Я. Стемпковского, в катакомбе находился скелет молодого человека.

¹⁰ Курганы 399—405, 407—409, 411—412 у с. Чобручи, курганы 114, 154, 156, 172 у с. Парканы, курган 377 у с. Плоского.

Таблица 5

№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
1	Чобручи 399		2,4×1,4×2,4	0,7×0,5×0,7	3,2×1,4×1,4	 3 — браслет; 4 — 2 стеклянных бусины; 5 — удила; 6 — зеркало
2	Чобручи 400		2,1×1,4×2,4	0,7×0,5×0,7	2,4×1,2×1,3	 3 — грузило
3	Чобручи 401		2,5×1,4×2,4	0,7×0,5×0,7	2,4×1,4×0,7	
4	Чобручи 402		2,4×1,4×2,7	0,7×0,5×0,7	2,5×2,4×1,4	 2 — железный нож
5	Чобручи 403		2,4×1,4×2,2	0,7×0,5×0,7	2,4×1,4×0,9	1 — курильница
6	Чобручи 404		2,4×1,4×2,5	0,7×0,5×0,7	2,4×1,4×1,4	1 — грузило; 2 — железные стрелы; 3 — 7 стеклянных бусин; 4 — кувшин; 5 — железный нож

Таблица 5 (продолжение)

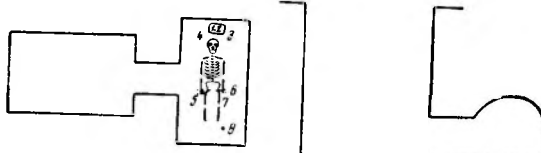
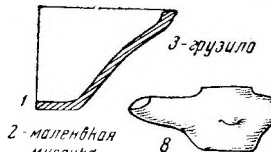
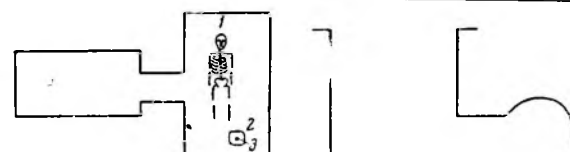
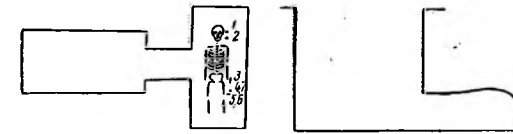
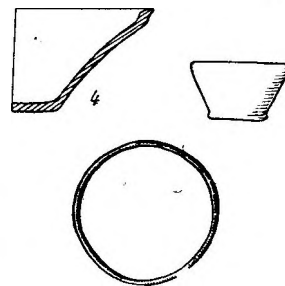
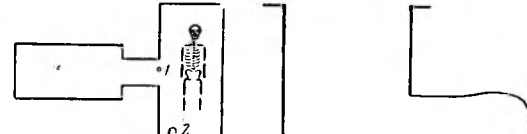
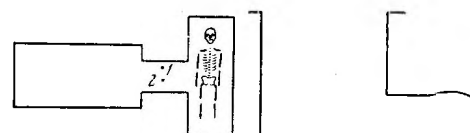
№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
7	Цобручи 405		2,1×1,4×2,5	0,7×0,5×0,7	2,1×1,4×1,1	 3-фрагмент 2-маленькая мисочка 4 — каменная плитка 5 — 14 стеклянных бусин. 6 — 4 бусины; 7 — перстень
8	Цобручи 407		2,6×1,4×2,1	?	2,5×1,4×1,1	1 — железный нож; 2 — каменная плитка; 3 — курительница
9	Цобручи 408		2,1×1,4×2,1	0,7×0,5×0,7	2,1×1,4×0,7	 6-зеркало 1 — серьга; 2 — стеклянная бусина; 3 — железный нож; 5 — браслет
10	Цобручи 409		2,1×1,4×2,1	0,7×0,5×0,7	2,4×0,9×0,7	 2 — каменная плитка
11	Цобручи 411		2,1×1,4×2,1	0,7×0,5×0,7	2×0,7×0,7	1 — железный нож; 2 — наконечник копья

Таблица 5 (продолжение)

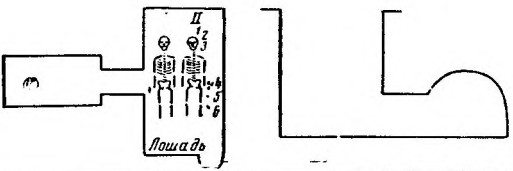
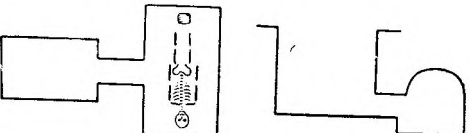
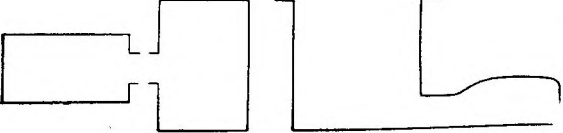
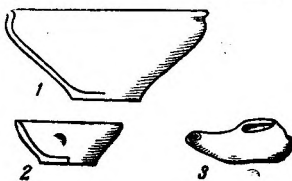
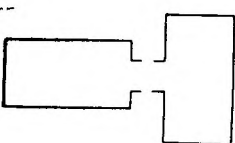
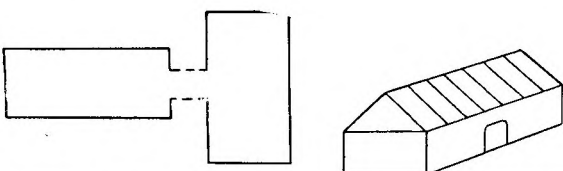
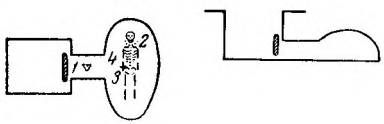
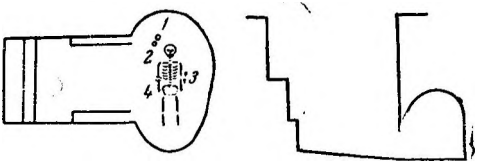
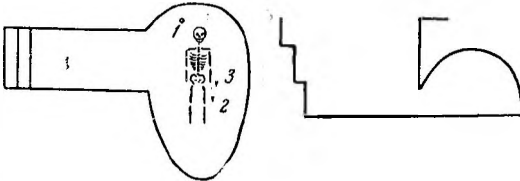
№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	кагаком-ба	
12	Чобручи 412		1,6×0,9×2,1	0,7×0,5×0,7	2,7×1,3×1,2	I. 1 — железный нож; II. 1 — железный нож; 2 — брус; 3 — 2 камня; 4 — железные наконечники стрел; 5 — часть железной пряжки; 6 — удила
13	Парканы 114		1,55×1,05×1,40	?	2,1×1,05×1,15	Железный наконечник стрелы (в засыпи могилы)
14	Парканы 154		2,1×1,5×2,1	?	2,2×1,5×0,8	 4 — железный нож; 5 — 31 бусина
15	Парканы 156		2,1×1,1×1,8	?	2,1×1,1×1,1	 1 — 3 железных и 3 бронзовых наконечника стрел; 2 — бронзовый крючок
16	Парканы 172		2,8×1,4×2,8	?	2,6×1,15×1,40	Ограблена, вещей нет
17	Плоское 377		1×0,9×0,8	0,55×0,40×0,35	1,60×0,85×0,50	 2 — мелкие бусины; 3 — бронзовый браслет; 4 — часть перстня

Таблица 6

№ п/п	Група и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
1	Терновка 186		2,14×1,42×2,18	—	2,31×1,42×1,15	 2 — каменная плита; 3 — 5 железных наконечников стрел; 4 — 7 бусин
2	Терновка 188		2,30×1×1,97	—	2,95×1,65×1,15	1 — сосуд; 2 — 2-обломка железного ножа; 3 — 3 железных и 2 бронзовых наконечника стрел

Большинство погребений, исследованных в погребальных сооружениях первого варианта первого типа в курганах у с. Чобручи и в кургане 377 у с. Плоского, имели хорошую сохранность и позволяют составить представление о погребальном ритуале.

В большинстве катакомб находилось по одному погребению и только в двух катакомбах, в курганах 402 и 412, имелись парные погребения. Судя по правильному положению костей погребенных и сопровождавшему покойников инвентарю, парные погребения совершались одновременно.

Все погребенные в курганах у с. Чобручи и в кургане 377 у с. Плоского были положены головой на север, на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и вытянутыми ногами.

В кургане 114 у с. Парканы покойник лежал в вытянутом положении, на спине, но головой на юг.

Погребенные были положены прямо на дно погребальных камер без гроба, или какой-либо подстилки. Остатки жертвенного мяса в виде костей животных, как правило, в катакомбах отсутствовали. Но в катакомбе кургана 412 у с. Чобручи в небольшой нише, сделанной у восточного угла южной стены, был обнаружен скелет лошади, сопровождавшей парное захоронение. В коридоре, ведущем из входной ямы в катакомбу,

найлены кости крупного животного с железным ножом на них.

Большинство погребений сопровождалось инвентарем, набор которого невелик и довольно однообразен. Только в одной катакомбе, в кургане 401 у с. Чобручи, погребальный инвентарь при покойнике отсутствовал.

В катакомбах описываемого варианта обычно встречалась керамика. Один, два или три сосуда разных форм бывали поставлены у головы, реже — у ног или у рук погребенных. Обычной находкой являлся также железный нож, положенный либо вместе с керамикой, иногда даже на дно миски, а в одном случае (в кургане 400 у с. Чобручи) — на горло кувшина, либо лежавший у черепа, у кисти правой или левой руки. В кургане 411 железный нож вместе с наконечником копья был найден в коридоре, ведущем из входной ямы в катакомбу.

Значительно реже, чем керамика и ножи, встречались наконечники стрел. Они были найдены лишь в двух погребениях (в курганах 404 и 412) у с. Чобручи и в двух катакомбах (в курганах 114 и 156) у с. Парканы.

При двух погребенных (в курганах 399 и 412 у с. Чобручи) были обнаружены желез-

ные удила. В кургане 399 они находились в коридоре, ведущем из входной ямы в катакомбу, а в парном погребении в кургане 412 — в ногах второго погребенного.

В четырех погребениях у с. Чобручи и в одном разграбленном погребении, в кургане 154 у с. Парканы, было обнаружено небольшое количество украшений. В кургане 399 у с. Чобручи у кисти правой руки находились две стеклянные бусины, а на правой руке — бронзовый браслет. У кисти правой руки лежало бронзовое зеркало. В кургане 404 у кисти правой руки было найдено семь стеклянных бусин. В кургане 405 у с. Чобручи было найдено 14 бусин возле кисти правой руки и четыре — возле левой руки. В этом же погребении на левой руке находился бронзовый перстень. Стеклянная бусина и серьга были обнаружены у левого виска погребенного в кургане 408 у с. Чобручи; на кисти левой руки этого же погребенного находился браслет, а возле руки — зеркало. В кургане 377 на шее погребенного были найдены бусы, на правой руке — браслет и часть перстня.

Кроме перечисленных находок, следует отметить еще следующие: в трех погребениях (в курганах 405 и 409 у с. Чобручи и в кургане 114 у с. Парканы) найдены известняковые камни, имеющие форму плит с закругленными углами. В кургане 405 такой камень лежал за черепом погребенного, а на нем стояли две миски и глиняное грузило. В курганах 409 и 114 каменные плиты находились в ногах погребенных.

Находка глиняных грузил у черепов погребенных известна в курганах 400, 404 и 405 у с. Чобручи. В парном погребении кургана 412 у с. Чобручи при втором костяке найден брусочек и два камня-кресала (?) у левого плеча, а на поясе — части железной пряжки. В разграбленной катакомбе кургана 156 у с. Парканы наряду с наконечниками стрел найден бронзовый поясной крючок.

Второй вариант первого типа катакомб (табл. 6, 1, 2; 7, 1, 2) объединяет четыре погребальных сооружения, исследованных в курганах 186 и 188 у с. Терновки и в курганах 218 и 221 у с. Плоского. От погребальных сооружений первого варианта они отличаются формой погребальной камеры (камеры в плане овальные или яйцевидные), а также отсутствием коридора, ведущего из входной ямы в катакомбу.

Эти катакомбы имели большую входную яму прямоугольной формы, длиной от 1,9 до 2,3 м, шириной от 1 до 1,42 м, глубиной 1,57—2,65 м. У западной стенки двух входных ям в курганах у с. Терновки имеется по две ступеньки для спуска в яму, а по северной и южной стенкам входной ямы в кургане 186 у с. Терновки сделаны небольшие уступы. Дно входной ямы в кургане 218 у с. Плоского было покатым с запада на восток.

Вход у всех катакомб этого варианта устроен в восточной стенке ямы. Катакомбы были ориентированы по длинной оси с севера на юг. Они имели длину от 2,2 до 2,95 м, а ширину по средней линии от 1,1 до 1,65 м.

Своды камер в трех погребальных сооружениях имели куполообразную или полукруглую форму, а в кургане 218 у с. Плоского свод был покатым с запада на восток. Отверстие (вход в катакомбы) имело полукруглый свод. В кургане 218 у с. Плоского отверстие в катакомбу было заложено каменной плитой. Остальные катакомбы, так же как и катакомбы первого варианта, не были закрыты.

Входные ямы и катакомбы были вырыты в материковом суглинке и, как замечает И. Я. Стемпковский, высечены грубо, но полы катакомб, а иногда и входных ям обмазаны желтой глиной или хорошо утрамбованы. Стенки и потолок не имели дополнительной обработки.

О погребальном ритуале позволяют судить сохранившиеся погребения в курганах 186 и 188 у с. Терновки.

Покойники лежали головой на север, так же как и в погребальных сооружениях первого варианта, на спине, с вытянутыми руками и ногами, только в кургане 188 у с. Терновки правая нога покойника была согнута в колене и положена на левую ногу.

Заупокойная пища в погребениях отсутствует, лишь в разграбленной катакомбе в кургане 221 у с. Плоского наряду с человеческими костями были найдены и кости лошади. Погребальный инвентарь, сопровождавший покойников, такой же, как и в катакомбах первого варианта.

В катакомбе кургана 186 у с. Терновки у черепа справа были найдены светильник и мисочка; пять железных стрел лежали возле левой плечевой кости и семь бусин — возле правой плечевой кости.

Таблица 7

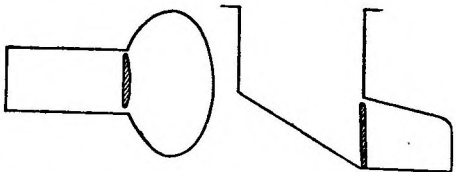
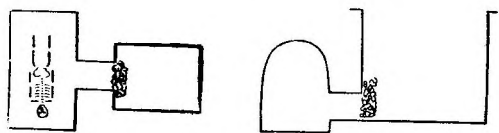
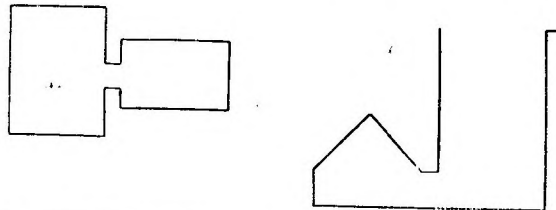
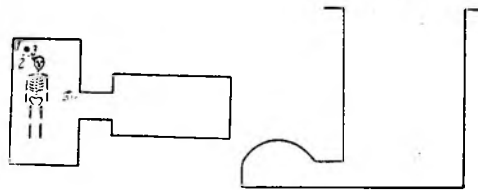
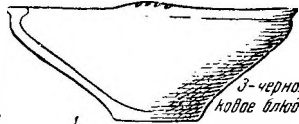
№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
1	Плоское 218		1,9×1×1,4	—	2,4×1,35×1,2	Ограблена, вещей нет
2	Плоское 221		2,05×1,35×2,1	—	2,2×1,1×1,8	Ограблена, вещей нет
3	Парканы 109		1,4×1,1×1,85	?	2×1,1×1,5	1 — обломок железного ножа; 2 — 6 бронзовых и 1 железный наконечники стрел; 3 — 2 обломка медной фибулы
4	Парканы 143		2,1×1×3,2	?	2,1×1,65×1,5	Ограблена, 1 бронзовый наконечник стрелы
5	Парканы 174		1,9×1,1×2,9	?	2,1×1,2×0,8	- дно кургана 3 — чернотопочное блюдо; 4 — светильник; 5 — сердог 2 — дно кургана; 3 — чернотопочное блюдо; 4 — светильник; 5 — сердог; 6 — нож; 7 — 6 железных и 1 бронзовый наконечники стрел; 8 — 7 бусин

Таблица 7 (продолжение)

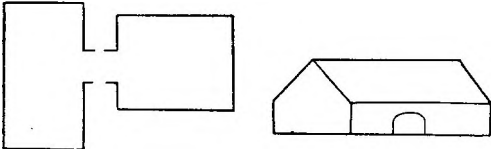
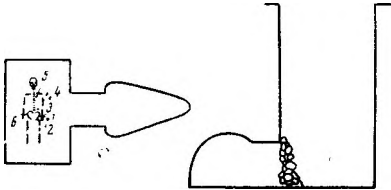
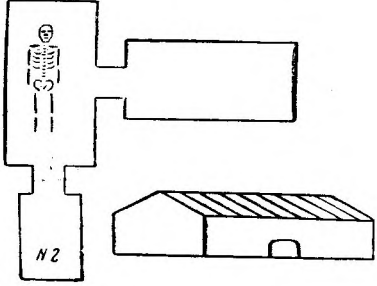
№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы и положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
6	Парканы 153		1,87×1,45×2,93	?	2,44×1,33×1,16	 1 — бронзовый браслет 2 — 2 серьги; 3 — 2 серебряных кольца; 4 — 3 бусины; 5 — 4 железных и 1 бронзовый наконечники стрел
7	Сукля		2,03×1×?	0,7×0,7×0,53	2,3×1,6×1	1 — миска с костями животного и железный нож; 2 — сосуд с золой; 3 — железный нож; 4 — 13 железных, 1 бронзовый наконечники стрел и железная бляха от колчана; 5 — железная фибула; 6 — браслет из медных пропизей и 1 бусина; 7 — 13 стеклянных и 3 пастовых бусины;
8	Парканы 173		2,8×1,3×2,8	?	1—2,14×1,5×0,7; 2—1,4×1,05×0,7	 4 — горшок; 5 — железный нож; 6 — 10 железных наконечников стрел; 7 — 15 бусин; 8 — 2 металлических серьги; 9 — 3 пращевых камня; 10 — 2 пряслица

Таблица 8

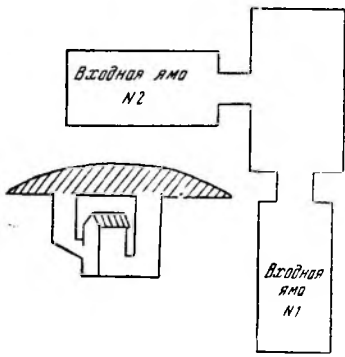
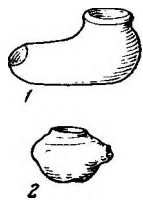
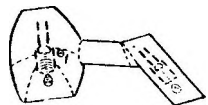
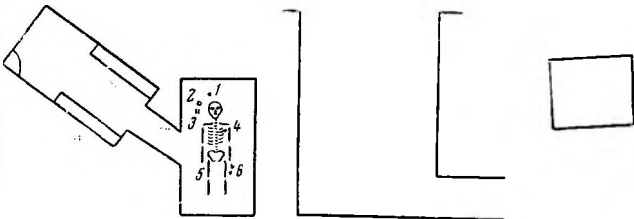
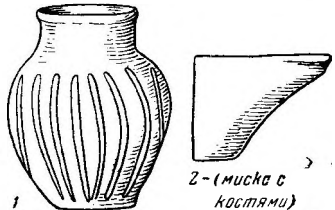
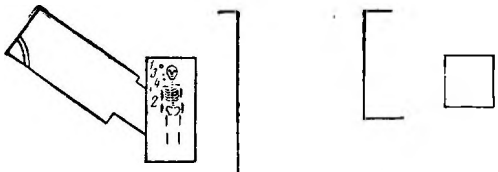
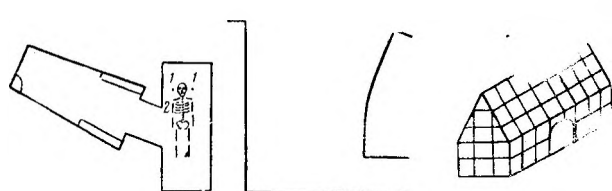
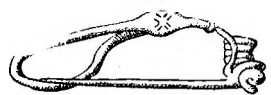
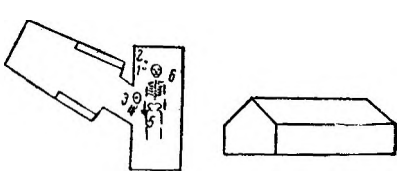
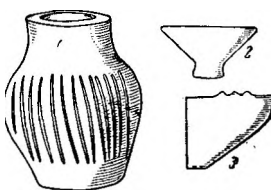
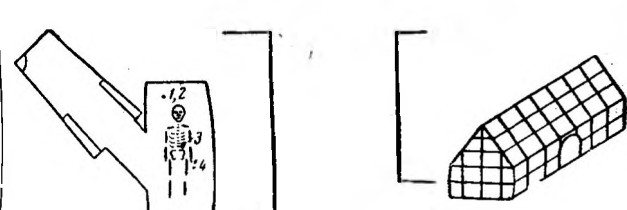
№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
1	Парканы 159		1-2,2×4,7×4,5; 2-2,5×1,2×3,2	?	2,7×1,53×1,5	2 светильника 3 — обломки ножа с костяной ручкой; 4-7 железных наконечников стрел; 5-36 бусин; 6-3 золотых серьги; 7-золотое и серебряное кольца
2	Сербская земля 260		2,47×1×0,5	1,3×0,8×1,2	2,4×1,9×1,35	1 — миска; 2 — сосуд
3	Цобручи 288		2,25×1,24×3,1	1,44×0,62×0,62	1,91×1,24×1	 3-2 железных ножа; 4-железная фибула; 5 — кинжал; 6 — железные наконечники стрел
4	Цобручи 289		1,95×0,93×2,62	0,53×0,71×0,88	1,51×0,8×0,8	1 — сосуд 3 — серьга 4 — бусина

Таблица 8 (продолжение)

№ п/п Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
		входная яма	коридор	катаком- ба	
5 Глиняное 378		2×1×2,85	0,57×0,65×0,55	2,13×0,85×1,3	 2 — бронзовая фибула 1 — серьги
6 Глиняное 275		1,95×0,9×2,75	0,55×?×0,55	?	 4 — нож в миске; 5—8 бу- син; 6 — железная фибула
7 Глиняное 279		2,05×1,4×3	0,55×0,75×0,55	2,2×1,05×1,25	1 — миска с костями; 2 — железный нож; 3 — же- лезная фибула в обломках; 4—3 железных наконечника стрел

В катакомбе кургана 188 у черепа справа находился сосуд, слева у руки — три железных и два бронзовых наконечника стрел, а в земле, заполнявшей катакомбу, было найдено два обломка железных ножей и два куска железа.

Третий вариант первого типа катакомб представлен пятью погребальными сооружениями; четыре из них обнаружены в курганах у с. Парканы (курганы 174, 153, 159 и 173) и одно — в кургане у с. Суклеи, раскопанном М. Шкадышем в 1909 г. (табл. 7, 6—8; 8, 1).

От погребальных сооружений двух первых вариантов они отличаются расположением катакомбы с западной стороны входной ямы. В курганах у с. Парканы входные ямы в плане имеют форму прямоугольника,

ориентированного по длинной оси с востока на запад. Размеры их колеблются от 1,4 до 2,1 м в длину, от 1 до 1,45 м в ширину и от 0,85 до 3,2 м в глубину. В кургане у с. Суклеи входная яма в плане имела форму равнобедренного треугольника с закругленными углами. Длина ее 2,03 (с востока на запад), ширина 1 м у западной стенки. Глубина не указана.

В западной стенке всех входных ям начинается коридор, ведущий в катакомбу. Однако в дневнике И. Я. Стемпковского описание коридоров в курганах у с. Парканы отсутствует. О существовании коридоров мы можем судить только по приложенным к дневникам рисункам. М. Шкадышек, описывая погребальное сооружение, исследованное им в кургане у с. Суклеи, указы-

вает, что коридор имел длину 0,7 м, ширину 0,7 м и высоту 0,53 м.

Входы в коридор только в двух случаях были заложены необработанными камнями (курган 109 у с. Парканы и курган у с. Суклеи).

Погребальные камеры во всех пяти курганах имели одинаковую прямоугольную в плане форму, близкие размеры и были ориентированы с севера на юг. Длина их колебалась между 2 и 2,44 м, ширина — от 1,1 до 1,65 м, высота — от 0,8 до 1,5 м. Камеры отличались друг от друга по форме сводов. В курганах 174 и 109 у с. Парканы и в кургане у с. Суклеи своды были полуцилиндрическими, в курганах 153 и 143 у с. Парканы катакомбы имели стрельчатые своды.

Пол катакомбы кургана 143 был вымазан желтой глиной. В катакомбе кургана у с. Суклеи стены и свод обмазаны желтой глиной и, кроме того, свод камеры был отделен от стен резко очерченной горизонтальной линией.

Погребения сохранились только в трех катакомбах (в курганах 174 и 109 у с. Парканы и в кургане у с. Суклеи). В кургане 174 и в кургане у с. Суклеи покойники были положены головой на север, а в кургане 109 — головой на юг. Все костяки лежали на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и протянутыми ногами. Следы гроба или досок, которыми был обложен покойник, известны только в катакомбе кургана у с. Суклеи. В остальных погребениях нет ни дерева, ни каких-либо иных следов гроба и подстилок под покойниками. Наборы инвентаря почти такие же, как в катакомбах первых двух вариантов.

Наиболее полный комплекс находок сопровождал покойника в кургане у с. Суклеи. У головы погребенного стояла миска, в которой находились лопатка, три ребра барана и сопровождавший их железный нож. У левой руки был поставлен второй небольшой сосудик, названный М. Шкадышеком урной, наполненный золой и углями, а возле него лежал железный нож. Отсутствие костей в этом сосудике является основанием для того, чтобы не считать его урной, а золу с углем — остатками сожжения. Скорее всего можно предполагать, что его содержимое имело какое-то ритуальное назначение.

Возле левого колена находились остатки колчана с 13 железными и одним бронзовым наконечниками стрел. На правой руке

сохранился браслет из медных трубочек-пронизей, среди которых имелась одна бусина. 13 разноцветных стеклянных бусин и три пастовых глазчатых были обнаружены на левой руке погребенного. На груди лежала железная фибула.

В кургане 174 у с. Парканы справа у черепа находились два лепных сосуда и маленькое краснолаковое блюдо. В этом же погребении были найдены обломки железного ножа, шесть железных и один бронзовый наконечники стрел, лежавшие слева от погребенного, семь бусин и одна бронзовая серьга.

В кургане 109 у с. Парканы при погребенном были найдены обломок железного ножа, шесть бронзовых и один железный наконечники стрел, два обломка медной фибулы.

Для четвертого варианта первого типа катакомб характерны ориентировка входной ямы в направлении с северо-запада на юго-восток, наличие небольшого коридора, вход в который находился в юго-восточной стенке ямы, ориентировка катакомбы с севера на юг. Всего известно девять погребальных сооружений этого варианта (табл. 8, 3—7; 9, 1—4). Пять — в курганах у с. Чобручи (282, 283, 288, 289, 290), три — в курганах у с. Глинного (275, 279, 378) и одно — в кургане у с. Коротного (294).

Входные ямы в четырех курганах прямоугольные, а в пяти — трапециевидные в плане. Длина их от 1,85 до 2,25 м, ширина от 0,8 до 1,24 м, глубина от 2,57 до 3,1 м. В шести входных ямах по длинным сторонам находились невысокие уступы в виде скамеек. Часто в западном углу ямы имеется одна или две ступеньки для выхода из ямы. Отверстие в юго-восточной стенке входной ямы, ведущее в коридор, имело полукруглую форму. Коридоры длиной 0,55—0,98 м, шириной 0,55—0,75 м, высотой 0,55—0,88 м.

Катакомбы в плане имели прямоугольную форму (в курганах 288, 289 у с. Чобручи и 378, 285 у с. Глинного) или были эллипсоидными с обрезанными вершинами. Потолки большинства катакомб плоские, но известны три катакомбы со стрельчатыми сводами. В этих случаях катакомбы имели вид домиков. Размеры катакомб разные. Малые размеры (1,51 × 0,80 × 0,80 м) имела катакомба в кургане 289 у с. Чобручи. По всей вероятности, она была рассчитана на

Таблица 9

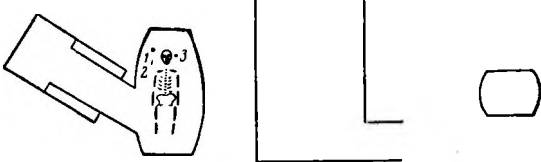
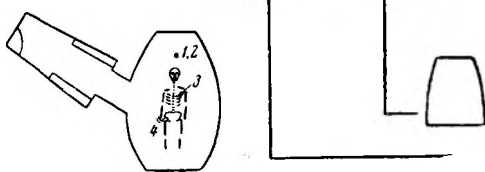
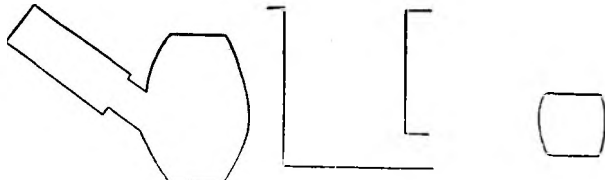
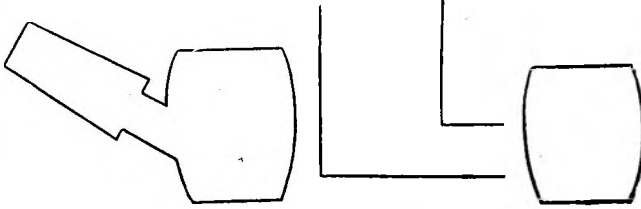
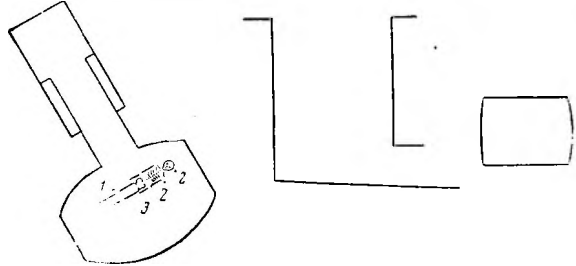
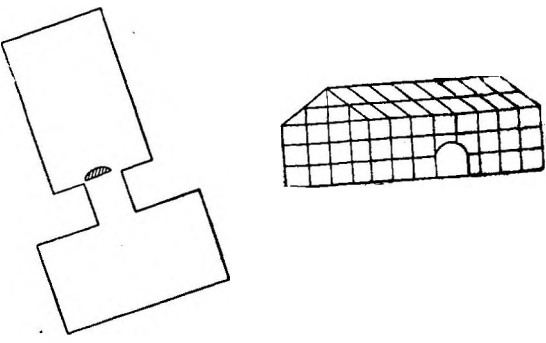
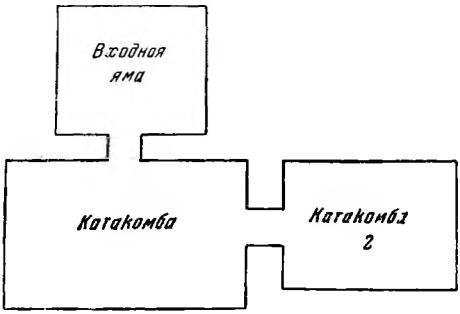
№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
1	Чобручи 290		1,75×0,97×2,57	0,58×0,62×0,62	2,04×1,07×0,76	1 — обломки миски; 2 — железный нож; 3 — серьга
2	Чобручи 282		1,85×1×2,85	0,6×0,5×0,6	2,04×1,06×1,1	1 — (с костями) 2 — железный нож в миске; 3 — железная фибула; 4—6 бусин
3	Чобручи 283		1,95×0,8×2,6	0,65×0,55×0,6	2,45×1,8×1,05	Ограблена
4	Коротное 294		2,48×1,45×3	0,98×?×0,88	2,57×1,87×2,3	Ограблена
5	Чобручи 281		1,95×0,9×2,65	0,6×0,55×0,6	2,05×1,35×1,15	1 — железные наконечники стрел; 2 — медные спиральные серьги; 3 — железная фибула

Таблица 9 (продолжение)

№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
6	Парканы 121		2,8×1,75×3,9	?	2,58×1,5×1,67	Ограблена
7	Парканы 122		2,48×2,13×5,08	?	1—4,26×2,48×2,38; 2—2,84×2,13×2,13	1 — бронзовый наконечник стрелы в засыпи катакомбы 1

небольшой рост погребенного. Остальные катакомбы имели длину 1,91—2,55 м, ширину 1,05—1,8 м, высоту 0,8—1,3 м.

Коридоры и погребальные камеры вырублены в материковом суглинке. Большинство катакомб, как отмечает И. Я. Стемпковский, были грубой работы и только катакомбы в виде домиков имели на стенках, потолке и полу обмазку из желтой глины. Стенки и потолки этих катакомб были орнаментированы взаимно-перпендикулярными резными линиями, сделанными каким-то острым инструментом.

Погребенные были положены головой на север, на спине, с вытянутыми руками и ногами. Следов гроба или подстилок в катакомбах не отмечено. Почти обязательно наличие остатков жертвенной пищи в виде костей животных, лежавших в мисках вместе с железным ножом. Их не было только в курганах 289 и 378 у с. Глиного.

Обычно миски с жертвенным мясом были поставлены справа от головы покойника, но в кургане 290 у с. Чобручи кости животных без миски были найдены слева от черепа погребенного.

Иногда, кроме миски, в головах покойников или у рук были поставлены сосуды иных форм. Так, в кургане 288 был обнаружен еще кувшин, лежавший рядом с миской. В кургане 275 у с. Глиного рядом с миской с костями животных находился кувшин, а у локтя правой руки на камне была поставлена небольшая чашечка.

Оружие было встречено только в кургане 288 у с. Чобручи и в кургане 279 у с. Глиного. В первом случае у левого колена покойника было найдено несколько железных наконечников стрел, а у правого колена — железный кинжал; во втором — три железных наконечника стрел и один бронзовый находились у левой руки.

Необычной находкой для описываемой группы памятников является топор, положенный рядом с сосудом у черепа погребенного в кургане 289 у с. Чобручи.

Украшений немного, но, пожалуй, они встречаются чаще, чем в погребальных сооружениях других типов. Здесь обычно находили железные или бронзовые фибулы. Они известны в пяти погребениях. Фибулы были обнаружены на левом плече покойника в кургане 288 у с. Чобручи, на груди погребенных в кургане 282 у того же села и в кургане 275 у с. Глинного, на правом плече погребенного, в кургане 378 у с. Глинного и на тазовых костях в кургане 279 у с. Глинного.

Шесть бусин было найдено у правой руки погребенного в кургане 282 у с. Чобручи; восемь бусин находились также у правой руки в кургане 275 у с. Глинного. В трех погребениях были обнаружены одна или две серьги (всегда у черепа).

Три следующих варианта первого типа (пятый, шестой, седьмой) представлены всего тремя погребальными сооружениями. Они отличаются от других более сложной конструкцией.

Пятый вариант (курган 173 у с. Парканы (табл. 7, 8) по принципу расположения входной ямы по отношению к катакомбе и по ориентировке близок к погребальным сооружениям третьего варианта. Однако в отличие от последних здесь имелись не одна, а две катакомбы. Входная яма прямоугольной формы была ориентирована с запада на восток и имела размеры $2,8 \times 1,30 \times 2,80$ м. Вход в катакомбу, отделенную от входной ямы небольшим коридором, находился в западной стене. Размеры коридора не указаны. Катакомба 1, ориентированная с севера на юг, т. е. расположенная перпендикулярно по отношению к входной яме, была прямоугольной в плане формы и имела длину 2,14 м, ширину 1,5 м и высоту 0,7 м. Свод ее стрельчатый, так что катакомба имеет вид домика с двускатной крышей.

В южной стене этой катакомбы был вырублен вход во вторую катакомбу меньших размеров, отделенную от нее небольшим коридором. Эта вторая катакомба была ориентирована по длинной оси так же, как и первая, т. е. с севера на юг. Длина ее 1,4 м, ширина 1,05 м, высота 0,7 м.

Погребение было обнаружено только в первой катакомбе, вторая — оказалась пу-

стой. Костяк лежал головой на север, в вытянутом положении, на спине. При погребении был найден следующий инвентарь: глиняный лепной горшок, накрытый чернолаковым киликом, светильник, железный нож, десять железных наконечников стрел, 15 бусин, две металлические серьги, три пращевых камня, два пряслица и три кусочка железа. О расположении вещей И. Я. Стемпковский ничего не говорит.

Шестой вариант представлен погребальным сооружением в кургане 159 у с. Парканы (табл. 8, 1). Здесь имелись две входные ямы и одна катакомба. По ориентировке катакомбы с севера на юг и по расположению по отношению к ней одной из входных ям (2) это погребальное сооружение близко к тем, которые объединены нами в первый вариант. Однако входная яма 1 по длинной оси была ориентирована с севера на юг и катакомба, отделенная от нее небольшим коридором, являлась как бы продолжением этой входной ямы на север. Обе входные ямы и катакомба прямоугольны в плане. Входная яма 1 имела размеры $2,5 \times 1,7 \times 4,5$ м, входная яма 2, ориентированная с запада на восток, имела размеры $2,5 \times 1,2 \times 3,20$ м. Катакомба была длиной 2,7 м, шириной 1,53 м и высотой 1,5 м. Свод ее стрельчатый, так что катакомба имела вид домика с двускатной крышей.

Курган был ограблен, но в пересеченной земле из катакомбы нашли два светильника, два фрагмента горшков, обломки железного ножа или ножей с костяной рукояткой, пять железных наконечников стрел и два обломка стрел, 36 бусин, три золотые серьги, золотое и серебряное кольца.

В седьмом варианте (курган 260 на Сербской земле, табл. 8, 2) входная яма была ориентирована с северо-запада на юго-восток и имела форму параллелограмма размерами $2,1 \times 1 \times 0,5$ м. Вход в коридор, ведущий в катакомбу, находился в западной стене у северного ее угла. Коридор длиной 1,3 м, шириной 0,8 м и высотой 1,2 м находился к северо-западу от входной ямы. Катакомба имела форму эллипсоида с усеченными концами и была ориентирована по длинной оси с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. Длина катакомбы 2,4 м, ширина в центре 1,9 м, у южной стены — 1,45 м, у северной — 0,9 м. Высота катакомбы в центре — 1,35 м, у северной и южной стенок — 0,9 м. Свод катакомбы —

полуцилиндровый. Вход в катакомбу из коридора имел форму полуовала.

В погребальном сооружении кургана 260 было обнаружено два погребения. Одно из них находилось на дне входной ямы. Скелет лежал головой на юго-восток, лицом вниз. Левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая — согнута в локте и положена так, что касалась локтем правого плеча, ноги вытянуты. В ногах скелета был найден сосуд.

Погребение 2 находилось в катакомбе. Покойник лежал головой на юг, на спине, в вытянутом положении. У тазовых костей справа стояла глиняная миска.

Для второго типа катакомб характерно следующее: входная яма расположена в направлении с северо-запада на юго-восток; в юго-восточной стороне ее имелся вход в коридор, ведущий в катакомбу, расположенную перпендикулярно к входной яме, т. е. в направлении с северо-востока на юго-запад. К этому типу принадлежит всего два погребальных сооружения (в кургане 281 у с. Чобручи и в кургане 121 у с. Парканы) (табл. 9, 5, 6). В обоих курганах входные ямы были прямоугольными в плане. В кургане 281 яма имела размеры: $1,95 \times 0,90 \times 2,65$ м. По длинным сторонам ее были сделаны уступы в виде скамеек, а в северо-западном углу — две небольшие ступеньки. Пол ямы устроен покато в направлении с северо-запада на юго-восток, т. е. по направлению к катакомбе.

Входная яма в кургане 121 у с. Парканы отличалась большими размерами ($2,8 \times 1,75 \times 3,90$ м). Никаких уступов или ступенек в яме не было.

В кургане 281 у с. Чобручи коридор, ведущий в катакомбу, имел полуцилиндровый свод, а само отверстие было полукруглым. Длина коридора 0,6 м, ширина 0,55 м, высота 0,6 м. Катакомба в этом кургане в плане имела форму овала со срезанными конусами. Длина ее с северо-востока на юго-запад равна 2,05 м, наибольшая ширина, находящаяся в центре, — 1,95 м, высота — 1,15 м. Потолок катакомбы плоский; пол ничем не смазан, стены грубой работы.

В кургане 121 у с. Парканы коридор не описан И. Я. Стемпковским, но изображен на плане, приложенном к дневнику. Катакомба имела прямоугольную форму, длина ее 2,58 м, ширина 1,5 м, высота 1,67 м. Свод этой катакомбы был стрельчатым, в резуль-

тате чего сама катакомба имела вид домика. Стены и потолок были орнаментированы резными взаимно-перпендикулярными линиями, как и катакомбы-домики в погребальных сооружениях первого типа. Отверстие в катакомбу имело форму полуцилиндра и было заложено каменной плитой.

Костяк погребенного сохранился только в катакомбе кургана 281; катакомба кургана 121 была начисто ограблена. Покойник лежал головой на северо-восток, в вытянутом положении, на спине. У правого колена было найдено несколько наконечников стрел, у левого виска — медная серьга, вторая такая же находилась возле левого плеча; слева у шеи — железная фибула.

Третий тип объединяет всего три погребальных сооружения, катакомбы которых ориентированы по длинной оси в направлении с запада на восток. В связи с тем, что каждое из них имеет свои особенности, выделяются три разных варианта этого типа (табл. 9, 7; 10).

Промежуточное положение между вторым и третьим типами занимает погребальное сооружение в кургане 276 у с. Глинного (вариант первый, табл. 10, 2). По общей планировке, формам входной ямы и катакомбы оно очень близко к погребальным сооружениям второго типа, именно к тому, которое исследовано в кургане 281 у с. Чобручи. Однако по ориентировке погребальной камеры с запада на восток оно должно быть включено в число погребальных сооружений третьего типа.

Входная яма имеет в плане форму вытянутой трапеции, ориентирована по длинной оси в направлении с северо-запада на юго-восток; длина ее 1,77 м, ширина северо-западной части — 0,84 м, юго-восточной — 1,02 м, глубина — 1,96 м. По длинным сторонам имелись небольшие уступы в виде скамеек, а в западном углу — грубо высеченная ступенька для входа в яму. Пол ямы был покатым в направлении ко входу в катакомбу. Коридор длиной 0,88, шириной 0,93 и высотой 0,84 м имел полуцилиндровый свод и вел в катакомбу, имевшую в плане форму овала со срезанными вершинами. Длина катакомбы в направлении с запада на восток равна 2,22 м, ширина в центре — 1,42 м и высота в центре — 1,02 м, а у западных и восточных концов — 0,98 м. Катакомба имела полуцилиндровый свод. Пол ее был вымазан желтой глиной.

Таблица 10

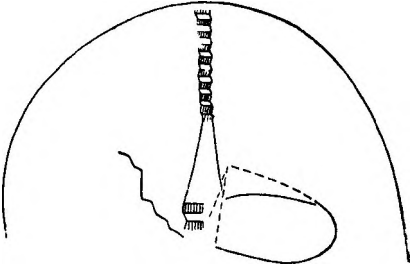
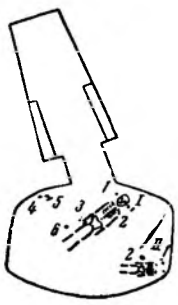
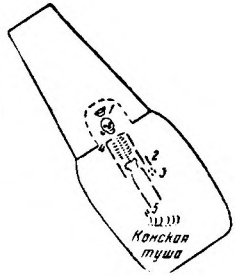
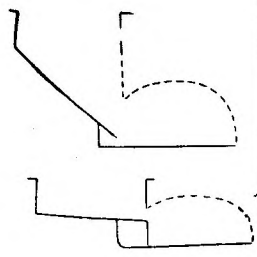
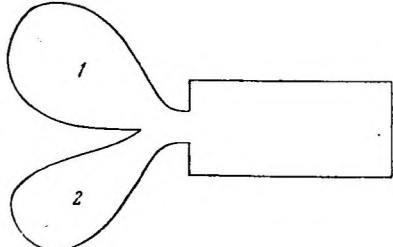
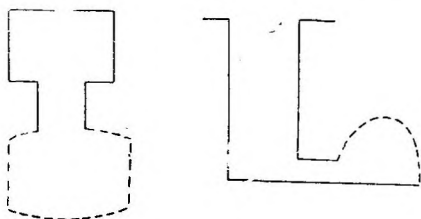
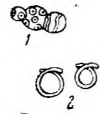
№ п/п	Група и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
1	Терновка 185		?	?	?	Ограблена
2	Глинное 276		1,77×1,02×1,96	0,88×0,93×0,84	2,2×1,42×1,02	1 — бронзовые спиральные серьги 2 — обломки железной фибулы 3 — пастовые бусы 4—14 железных и 1 бронзовый наконечники стрел 5 — нож (среди костей) 6 — бронзовое зеркало (в обломках); 7 — точильный камень 8 — бронзовое зеркало (в обломках); 9 — точильный камень
3	Цобручи 345	 	2,15×1,40×0,71	—	2,15×1,60×2,75 (или 1,33)	1 — чернолесовый канфар 3 — масса бронзовых наконечников стрел 4 — золотая серьга 2 — железный нож с костяной ручкой

Таблица 10 (продолжение)

№ п/п	Группа и № кургана	Форма могилы, положение погребенного	Размеры, м			Погребальный инвентарь
			входная яма	коридор	катакомба	
4	Парканы 120		3,38 × 1,58 × 3,85	?	1 — 2,90 × 2,04 × 2,20; 2 — 2,38 × 1,55 × 2,10	Ограблена
5	Глиное 277		?	?	?	 1 — пастовые бусы; 2 — бронзовые серьги

В катакомбе находились два костяка. Один из них принадлежал взрослому человеку и был положен почти по диагонали катакомбы, близко от входа в нее, головой на северо-восток, вытянуто, на спине. У височных костей были найдены две серьги, на груди — остатки железной фибулы, на правой руке — браслет из бусин, а возле колена правой руки — сосуд. У северной стены катакомбы справа от входа находились остатки берестяного колчана с 14 железными и одним бронзовым наконечниками стрел. Здесь же лежали кости животного и нож.

Второй погребенный (ребенок) лежал в вытянутом положении, на спине, у юго-восточного угла катакомбы, головой на восток. Череп не сохранился. На месте черепа были найдены две бронзовые серьги, у кисти левой руки — оселок и камешек, а у правой — бронзовое зеркало. По-видимому, оба погребения были совершены одновременно.

Второй вариант представлен в кургане 122 у с. Парканы (табл. 9, 7). Входная яма была ориентирована с запада на восток, имела размеры 2,48 × 2,13 × 5,68 м. Небольшой коридорчик, ведущий из входной ямы в катакомбу 1, был вырублен в центре

южной стены ямы. Катакомба 1 была расположена параллельно входной яме, т. е. ориентирована с запада на восток. Она имела форму прямоугольника и размеры 4,26 × 2,48 × 2,38 м. Посредине ее восточной стены находился вход в катакомбу 2, отделенную от нее небольшим коридорчиком. Катакомба 2, также прямоугольная в плане, отличается от первой меньшими размерами. Длина ее 2,84 м, ширина 2,13 м, высота 2,13 м. Обе катакомбы, как отмечает И. Я. Стемпковский, были прекрасными сооружениями. Катакомбы оказались начисто ограбленными. В пересеченной земле из катакомбы 1 нашли только один бронзовый наконечник стрелы.

Третий вариант представлен в кургане 185 у с. Терновка (табл. 10, 1). Это было сложное погребальное сооружение: в северной стороне кургана восемь ступенек вели в яму длиной 4,05 м, шириной возле ступенек 0,68 м, а у южной стены — 1 м. В восточной стене этой ямы у южного угла имелся вход в катакомбу. У входа в катакомбу находилась ступенька 1,75 м высотой. Катакомба была ориентирована с востока на запад и в плане имела овальную форму. Дли-

на ее 4 м, ширина в центре — 2,4 м, у западной стены — 1,52 м. Из катакомбы на запад вели пять ступенек. Стенки и потолок носили следы работы лопатой (?). Пол вымазан желтой глиной. Катакомба в древности ограблена. В пересеченной земле был найден бронзовый наконечник стрелы.

Четвертый тип катакомб представлен погребальным сооружением в кургане 345 у с. Чобручи (табл. 10, 3). Характерной особенностью этого типа является то, что катакомба была устроена как непосредственное продолжение входной ямы по длинной ее оси и ориентирована так же, как и входная яма, в направлении с северо-запада на юго-восток.

Входная яма в виде вытянутой трапеции имела длину 2,15 м, ширину у северо-западной стены — 0,80 м, у юго-восточной — 1,4 м. Глубина ямы у северо-западной стены равнялась 0,71 м. К юго-восточной стене пол входной ямы понижался, но глубина ямы у юго-восточной стены И. Я. Стемпковским не указана. Отверстие в катакомбу было вырублено в юго-восточной стене входной ямы. Коридор отсутствовал. Уровень пола катакомбы был ниже уровня пола входной ямы, но из описания И. Я. Стемпковского неясно, имелась ли ступенька, отделявшая входную яму от катакомбы, и какими были ее размеры.

Катакомба имела форму параллелепипеда с закругленными углами. В северной части катакомбы автор дневника отмечает наличие уступа в виде скамейки. Длина катакомбы — 2,15 м, ширина — 1,65 м, высота — 1,33 м. Отверстие, вырубленное в юго-восточной стенке входной ямы, имело полукруглую форму, но размеры его не указаны.

Катакомба необычна еще и тем, что в ней была сделана ниша, углубленная под пол входной ямы. Длина ее 0,55 м, ширина — 0,45 м, а высота 0,55 м.

Покойник лежал головой на северо-запад, в вытянутом положении, на спине. За черепом был обнаружен чернолаковый канфар, у правого виска — золотая серьга, а слева — у колена — была найдена «масса» бронзовых наконечников стрел, слипшихся кучками, и железный нож в костяной оправе.

В ногах костяка находилась часть конского скелета без ног и головы и рядом с ними — две железные ворворки (?).

Как своеобразный вариант четвертого типа можно рассматривать погребальное со-

оружие в кургане 120 у с. Парканы (табл. 10, 4). Большая входная яма прямоугольной формы ($3,38 \times 1,58 \times 3,85$ м) была ориентирована с запада на восток. В западной стене ямы находился вход в небольшой коридор, который вел в две грушевидные в плане погребальные камеры. Катакомба 1 была ориентирована с северо-запада на юго-восток и имела длину 2,9 м, ширину 2,04 м (в наиболее широком месте), высоту 2,1 м. Катакомба 2, ориентированная с юго-запада на юго-восток, была длиной 2,38 м, шириной 1,55 м и высотой 2,1 м. Курган ограблен в древности, никаких находок в катакомбах и входной яме сделано не было.

Пятый тип представлен погребальным сооружением, исследованным в кургане 277 у с. Глинного (табл. 10, 5). Так же как в кургане 122 у с. Парканы (третий тип, второй вариант), входная яма и катакомба были параллельны друг другу, но обе ориентированы по длинной оси не с запада на восток, а с северо-запада на юго-восток.

Входная яма имела прямоугольную форму и размеры $2,05 \times 1,40 \times 3,30$ м. Вход в катакомбу был вырублен в длинной северо-восточной стене. Коридор, отделявший входную яму от катакомбы, имел длину 0,95 м, такую же ширину и высоту 0,45 м. Свод его — полуцилиндровый. Катакомба в форме эллипсоида с усеченными концами имела длину 2,4 м, ширину 1,6 м в центре, 1,4 м у юго-восточной стены и 1,25 м у северо-западной. Высота катакомбы 1,75 м в центре, 1,25 м у юго-восточной стены и 1,15 м у северо-западной.

Катакомба ограблена; в пересеченной земле были найдены: железный нож и обломок второго ножа, десять бусин, две бронзовые серьги, обломок кольца.

Классификация катакомбных погребальных сооружений Тираспольщины показывает, что в этой группе памятников значительно преобладает первый тип погребальных сооружений (36 из 46), представленный семью различными вариантами. Для всех вариантов характерна ориентировка погребальных камер по длинной оси с севера на юг. Входные ямы расположены в одних вариантах перпендикулярно к катакомбе и ориентированы по длинной оси с запада на восток (варианты 1, 2, 3, 5), в других — под некоторым углом к катакомбе и тогда ориентированы с северо-запада на юго-восток

(варианты 4, 7). Вход из ямы в катакомбу чаще находился в восточной (варианты 1, 2, 5) или в юго-восточной стенках (вариант 4), реже — в западной (вариант 3) или юго-западной стенках.

Остальные типы погребальных сооружений этой группы (второй — пятый) встречаются реже и объединяют меньшее количество вариантов. В двух курганах были обнаружены погребальные сооружения второго типа, для которого характерна ориентировка катакомбы с северо-запада на юго-восток, а входной ямы — с северо-востока на юго-запад. В трех курганах открыты погребальные сооружения третьего типа, в которых объединены памятники с ориентировкой катакомб с запада на восток.

Четвертый тип представлен двумя погребальными сооружениями. В нем катакомбы являются как бы продолжением входной ямы по длинной оси и ориентированы с северо-запада на юго-восток.

Пятый тип, отличающийся от четвертого параллельным расположением входной ямы и катакомбы, включает лишь одно погребальное сооружение, ориентированное по длинной оси с северо-запада на юго-восток.

Несмотря на большое разнообразие в конструкциях катакомбных погребальных сооружений, исследованных на Тираспольщине, можно видеть ряд черт, характерных для большинства погребальных сооружений разных типов и вариантов. Входные ямы, как правило, имели в плане форму прямоугольника, или, реже, трапеции. Лишь в одном кургане (у с. Суклеи, раскопанном М. Шкадышеком) входная яма была треугольной в плане. Нередко устраивали у длинных сторон входных ям неширокие уступы в виде скамеек, а в одном из углов — ступеньку для выхода из ямы.

Погребальную камеру от входной ямы отделял недлинный и неширокий коридор. Коридоры отсутствовали лишь в четырех погребальных сооружениях, объединенных во второй вариант первого типа. Коридоры имели стрельчатый или полукруглый свод. В зависимости от формы свода коридора вход в катакомбу был полукруглым или с треугольной вершиной. Обычно вход в катакомбу оставался незакрытым, лишь в нескольких погребальных сооружениях у входа в катакомбу были поставлены каменные плиты или вход был завален известняковыми камнями (курганы 109 и 121 у с. Парканы,

218 и 377 у с. Плоского, курган у с. Суклеи раскопок М. Шкадышека).

Катакомбы в большинстве погребальных сооружений были четырехугольными в плане, реже встречались овальные и имевшие форму овала с обрезанными вершинами. Катакомбы имели полукруглый, плоский или стрельчатый свод. Однако если первые два вида свода встречались у катакомб разных форм, то третий был известен только в катакомбах, четырехугольных в плане. В зависимости от формы свода катакомбы имели вид полуцилиндра, эллипсоида, параллелепипеда или домика с двускатной крышей.

Коридоры и катакомбы вырублены в лёссовидном суглинке. Иногда на стенках их можно было проследить следы орудий, при помощи которых они сделаны. Стенки и потолок многих погребальных сооружений, по описанию И. Я. Стемпковского, грубой работы, т. е., по-видимому, не имели следов дополнительной обработки. Наряду с этим известны такие катакомбы, потолок, стены и пол которых были обмазаны желтой глиной. В катакомбах, имевших вид домиков, стены и потолок часто бывали украшены резными взаимно-перпендикулярными линиями, сделанными острым инструментом. Реже отмечается орнаментация резными параллельными линиями только стрельчатого свода катакомб. Пол катакомб обычно находился на одном уровне с дном входной ямы и коридора, но в некоторых погребальных сооружениях дно катакомбы было расположено несколько ниже дна коридора или входной ямы. В этих случаях у входа в катакомбу имелась ступенька или пол входной ямы был покатым по направлению к входу в катакомбу (курган 218 у с. Плоского).

Совершенно особое место среди катакомбных погребальных сооружений Тираспольщины занимает погребальное сооружение в кургане 185 у с. Терновки, имевшее длинный ступенчатый дромос, ведущий в катакомбу с северной полы кургана.

Большинство катакомбных погребальных сооружений Тираспольщины было предназначено для погребения в каждом из них одного покойника. Только в трех курганах (402 и 412 у с. Чобручи и 276 у с. Глинного) были обнаружены парные захоронения, совершенные одновременно. Повторных погребений в катакомбах неизвестно.

По набору инвентаря и ритуалу парные погребения не отличались друг от друга. Это показывает, что по социальному положению люди, погребенные вместе в одной катакомбе, были равны или почти равны. К сожалению, отсутствие антропологических определений лишает нас возможности сказать о том, кому принадлежали костяки, сохранившиеся в курганах 402 и 412 у с. Чобручи, но в кургане 276 у с. Глинного, рядом с костяком взрослого человека находился скелет ребенка.

Несколько иной характер имело парное захоронение в погребальном сооружении в кургане 260 на Сербской земле. Основное погребение совершено в катакомбе, второе — во входной яме и отличалось от первого по ритуалу. Как уже говорилось выше, покойник был погребен лицом вниз. Возможно, что здесь был похоронен человек, занимавший какое-то зависимое положение.

К сожалению, нельзя ничего сказать относительно захоронений в сооружениях сложной конструкции и главным образом в тех, где было по две катакомбы. Однако интересно, что в кургане 173 у с. Парканы погребенный был обнаружен только в одной катакомбе и именно в той, которая имела большие размеры. Катакомба 2 оказалась пустой.

Все погребения в катакомбах так же, как и в простых могильных ямах, представляли собой трупоположения. Покойники были положены вытянуто на спине. Лишь в катакомбах кургана 188 у с. Терновки правая нога погребенного была согнута в колене и положена на левую ногу. Куски дерева, возможно от гроба, обнаружены только в катакомбе кургана у с. Суклеи, раскопок М. Шкадышека. В остальных курганах следов дерева не было найдено. Костяки находились прямо на дне катакомб. Погребенные, как правило, лежали вдоль длинной оси катакомбы; в кургане 276 у с. Глинного костяк лежал почти по диагонали погребальной камеры.

В катакомбах, ориентированных с севера на юг, т. е. относящихся к первому типу, покойники были положены головой на север. Только в двух погребальных сооружениях этого типа (в кургане 114 у с. Парканы и кургане 260 на Сербской земле) погребенные лежали головой на юг.

В катакомбах второго типа, ориентированных с северо-востока на юго-запад, по-

койники были положены головой на северо-восток. Таким же было положение погребенного в катакомбе кургана 276 у с. Глинного, отнесенной нами к первому типу третьего варианта. К сожалению, нельзя установить ориентировку погребенных в катакомбах второго и третьего вариантов третьего типа, т. е. ориентированных с запада на восток, так как они были ограблены. Головой на северо-запад лежали покойники в катакомбах четвертого и пятого типов (курганы 345 у с. Чобручи и 277 у с. Глинного). Таким образом, можно говорить о том, что в тех случаях, когда ориентировка катакомб отклонялась от основного меридионального направления, покойников в них клали головой на северо-восток или северо-запад, но не на юго-восток или юго-запад.

Если по ориентировке погребения в катакомбах разного типа несколько отличались друг от друга, то по остальным признакам погребального ритуала различий между ними почти не наблюдается.

Конские захоронения, сопровождавшие погребенных, были встречены только в двух курганах с катакомбами — 345 и 412 у с. Чобручи. В кургане 412 конское захоронение было совершено в специальной нише в ногах у основного покойника. В кургане 345 в ногах человека была положена большая часть конской туши без ног и головы. В обоих случаях захоронения коней сопровождали погребения воинов. Предметы конского убора также редко встречались в рассматриваемой группе погребений. В кургане 412 у левого колена покойника была найдена пара железных удилов. Вторая пара железных удилов происходит из погребения в кургане 399 у с. Чобручи. Интересно отметить, что удила здесь сопровождали, по-видимому, женское погребение, так как вместе с ними были найдены только украшения и керамика.

Остатки жертвенной пищи обычны для погребений, совершенных в катакомбах четвертого варианта первого типа, но встречаются и в катакомбах других вариантов и типов. Часто кости животных вместе с ножом лежат в миске у головы погребенного. Возможно, символом жертвенной пищи является нож, вложенный в миску или в сосуд другой формы, что отмечено в ряде случаев, особенно в катакомбах первого варианта первого типа. К сожалению, мы далеко не всегда можем установить, мясо каких

животных предпочитали класть вместе с погребенными. М. Шкадышек, описывая погребение в кургане у с. Суклеи, отмечает находку в нем лопатки и трех ребер барана. И. Я. Стемпковский в нескольких местах говорит о находках костей крупных домашних животных, в частности коровы.

С заупокойной пищей или питьем следует связывать и сосуды, поставленные чаще у головы, реже — у ног или рук погребенных, а иногда в коридоре, ведущем в катакомбу. Во всех неогрбленных катакомбах почти обязательно находили керамику. Количество сосудов в погребениях различно, но обычно встречается от одного до трех сосудов разных форм. В кургане, раскопанном М. Шкадышеком у с. Суклеи, в одном из сосудов находилась зола с наконечником стрелы.

Возможно, какое-то ритуальное назначение имели и изредка встречающиеся при погребениях каменные плиты, на которые иногда были поставлены сосуды. Это отмечено в трех катакомбах первого варианта первого типа.

Предметы вооружения были найдены в 17 из 30 неогрбленных катакомб разных типов и вариантов. Наиболее обычной находкой являются наконечники стрел, причем количество их в большинстве случаев невелико — от одного до семи. Только в трех погребениях были обнаружены остатки колчанов в виде бересты или древесной коры вместе с наборами стрел (курганы 345 у с. Чобручи, 276 у с. Глинного, курган у с. Суклеи раскопок М. Шкадышека). Количество стрел в колчанах, положенных в катакомбах, меньше, чем в колчанах, сопровождавших погребения в простых ямах. В кургане 276 у с. Глинного было 14 железных и один бронзовый наконечник стрел, в кургане у с. Суклеи — 13 железных и один бронзовый и только в кургане 345 у с. Чобручи была найдена «масса» бронзовых наконечников стрел. Стрелы в колчанах и без них обычно клались слева от погребенного, т. е. так, как их носили при жизни. Лишь в нескольких случаях отмечено иное положение стрел.

В кургане 411 у с. Чобручи был обнаружен наконечник копья, но другие предметы вооружения при этом отсутствовали. Находка кинжала справа от погребенного, а наконечников стрел — слева, отмечена в кургане 288 у с. Чобручи.

В погребениях, сопровождавшихся ору-

жием, часто встречаются железные ножи, но последние также обычны для тех погребений, в которых оружие отсутствовало. Довольно обычной находкой в катакомбных погребениях разных типов являются мелкие украшения: чаще — бусины, реже — серьги, браслеты и фибулы. Бусины обычно (особенно в погребениях с оружием), не составляют ожерелий, а употребляются для браслетов, так как их находили у кистей рук или у плечевых костей. Количество бусин всегда невелико — от 2 до 10. В кургане у с. Суклеи, раскопанном М. Шкадышеком, одна бусина находилась среди медных пронизок, составлявших браслет, надетый на правую руку погребенного. Серьги, или скорее, височные кольца, встречались у висков погребенных по одной или по две. Фибулы, всегда по одной, были найдены на груди у правого плеча и в одном случае — на тазовой кости. Они обнаружены в девяти погребениях, причем пять из них найдено в погребениях с оружием. Возможно, что фибулы так же, как и другие мелкие украшения, были принадлежностью как мужского, так и женского костюма.

Из вещей, сопровождавших погребения без оружия, можно назвать лишь зеркала. Однако находки этих предметов редки. Они встречены лишь в трех курганах. В кургане 399 у с. Чобручи и в кургане 276 у с. Глинное зеркала были положены у кисти правой руки, в кургане 408 зеркало лежало у кисти левой руки.

Отсутствие в дневниках Стемпковских необходимых сведений лишает нас возможности проследить, как распределялись погребальные сооружения различных групп, типов и вариантов по отдельным могильникам. Приходится ограничиться подсчетом количества погребальных сооружений тех или иных типов, исследованных в курганах у каждого села и составлявших одну или несколько групп, расположенных поблизости.

У с. Парканы И. Я. Стемпковским было исследовано 27 курганов интересующей нас эпохи, содержащих 28 погребений. 14 курганов имели погребальные сооружения в виде простых ям. 13 из них относятся к первому типу этой группы; 11 ориентированы с запада на восток; одно ориентировано с северо-запада на юго-восток и одно — с северо-востока на юго-запад. Одна яма принадлежит ко второму типу и ориентирована с севера на юг.

В 12 курганах были открыты катакомбы. Девять из них относятся к первому типу: три — к первому варианту, четыре — к третьему, одно — к пятому и одно — к шестому. Одно погребальное сооружение принадлежит ко второму типу, одно — ко второму варианту третьего типа и одно — ко второму варианту четвертого типа.

Кроме того, известно два погребения скифской эпохи, найденных в насыпи курганов (курганы 104 и 178).

Погребения обеих групп были обнаружены в курганах небольшой высоты, преимущественно от 0,3 до 0,71 м. Диаметры курганов различны — от 4,6 до 21,3 м, но преобладают курганы диаметром от 6,4 до 18,5 м. При этом часто курганы малой высоты имели очень большие диаметры. Например, в кургане 157 при высоте 0,5 м диаметр равен 27,6 м. Наряду с этим известны курганы, имевшие большую высоту, но меньший диаметр. Так, курган 114 при высоте 0,71 м имел диаметр 7,8 м, курган 109 был высотой 0,8 м, диаметром около 9 м. Какой-либо разницы между курганными насыпями, под которыми были обнаружены те или иные типы погребальных сооружений, проследить не удается.

Большей высотой отличается только курган 122, под которым находилась катакомба третьего типа (в нем было две катакомбы). Он имел высоту 1,6 м и диаметр около 15 м. Остальные курганы, в которых были встречены сложные катакомбные сооружения, по своим размерам не отличались от тех, под насыпями которых были обнаружены простейшие погребальные сооружения.

У с. Чобручи И. Я. Стемпковским производились раскопки, по-видимому, в основном в двух курганных группах. В одной из них было раскопано шесть курганов (281—283, 288, 289, 290), во второй — 12 (399—405, 407—412). В обеих группах были обнаружены только катакомбы. В первой из них в пяти курганах были погребальные сооружения первого типа четвертого варианта и одно — второго типа. Во второй группе все 12 катакомб относятся к первому варианту первого типа. По-видимому, ни в одну из этих двух курганных групп не входил курган 345 с катакомбой четвертого типа.

Курганные насыпи первой курганной группы были высотой от 0,67 до 1,3 м и отличались малым диаметром (от 3,73 до 5,3 м).

Курганы второй группы имели высоту от 0,5 до 1,2 м (преобладали от 0,9 до 1,2 м) и сравнительно большой диаметр (преобладали насыпи диаметром от 14,9 до 29,8 м). В кургане 407 при высоте 1,1 м диаметр был равен 5,1 м, а в кургане 409 высота равнялась 0,9 м, а диаметр — 34 м.

Все курганы были насыпаны из чернозема.

У с. Глинного было исследовано пять курганов интересующего нас времени. Четыре из них определенно составляли одну курганную группу (курганы 275, 276, 277, 279). О месте расположения пятого кургана (378) ничего сказать нельзя.

Три катакомбы, исследованные у с. Глинного, относятся к четвертому варианту первого типа, одно — к первому варианту третьего типа и одно — к пятому типу.

Курганы насыпаны из чернозема и имели небольшие размеры (от 0,62 до 0,95 м высотой; от 4,35 до 6 м в диаметре).

У с. Плоского исследовано шесть курганов. Курганы 218 и 221 находились на расстоянии 9 саженей друг от друга и оба содержали катакомбы первого типа второго варианта. К этому же типу и варианту относилось погребальное сооружение в кургане 377, местоположение которого по отношению к упомянутым выше двум курганам осталось неизвестным.

Погребение 2 кургана 252 и курганы 267 и 292 имели погребальные сооружения в виде ям первого типа. Две из них ориентированы с запада на восток и одна — с юго-запада на северо-восток.

Курганы, исследованные у с. Плоского, были насыпаны из чернозема и имели высоту от 0,98 до 1,42 м. Диаметр их был сравнительно небольшой — от 4,2 до 10,65 м.

Три кургана у с. Терновки¹¹, относящиеся к скифскому периоду, по-видимому, находились в одной курганной группе. Два из них (курганы 186, 188) имели катакомбы, принадлежащие ко второму варианту первого типа.

Третье погребальное сооружение (курган 185) отличалось от двух первых более

¹¹ И. В. Фабрициус описывает курганы у с. Терновки вместе с курганами у с. Парканы, по-видимому, на том основании, что эти курганы находились у самой межи, отделявшей Терновскую землю от Парканской.

сложным устройством (катакомбы со ступенчатым дромосом из северной полы кургана) и относилось к числу катакомб третьего типа.

Все три кургана были насыпаны из чернозема и имели высоту 0,7; 1,25; 1,64 м, а диаметр 10; 5,5; 10,65 м. Наибольшие размеры имел курган, содержащий погребальное сооружение с дромосом.

В остальных местах раскопок И. Я. Степковского у сел Коротного, Суклеи, Сербки и в г. Тирасполе было исследовано по одному-два кургана интересующего нас времени. Они ничего не дают для характеристики распределения погребальных сооружений в курганных группах.

Таким образом, на основании приведенных подсчетов можно сделать вывод о том, что в каждой курганной группе преобладал какой-нибудь один тип и вид погребальных сооружений. Это особенно ясно на примере двух могильных групп у с. Чобручи.

Наряду с основным типом в одном и том же могильнике имелось по одному или несколько курганов с погребальными сооружениями других типов. По всей вероятности, каждая семья или небольшие группы родственников при сооружении могил для умерших близких руководствовались определенными традициями, что и нашло свое выражение в появлении различных типов и вариантов погребальных сооружений.

Существование на Тираспольщине двух различных групп погребальных сооружений, по моему мнению, указывает на принадлежность их двум общественным группам. Для одной из них характерен обычай хоронить покойников в простых ямах, для другой — в катакомбах. Возможно, что это были разные племенные или родовые группы. Вопрос о том, одновременно или в разное время существовали эти группы, можно решить только после анализа вещественных находок из этих курганов. Прежде чем переходить к этой задаче, необходимо остановиться на сопоставлении погребальных сооружений и ритуала левобережного Нижнего Поднепровья с памятниками скифского времени соседних территорий.

По размерам курганных насыпей, формам погребальных сооружений и скромному погребальному инвентарю могильники Тираспольщины можно сопоставить с рядовыми скифскими курганными могильниками

Нижнего Поднепровья — Никопольским¹², Кутским¹³, Марицынским¹⁴, Белозерским¹⁵.

Во всех перечисленных могильниках известны погребальные сооружения в виде простых четырехугольных ям, но преобладают катакомбы. Большинство погребений в этих могильниках датируется IV—III вв. до н. э. и только в Марицынском могильнике известны погребения от VI до II вв. до н. э. В могильнике Белозерского городища и особенно в Марицынском в погребальном ритуале и главным образом в инвентаре сильно сказалось влияние Ольвии. В Никопольском и Кутском могильниках, расположенных в глубинных степных районах Скифии, эллинское влияние мало заметно.

Памятники Тираспольщины ближе всего к скифским курганам Никопольского могильника, хотя в значительной степени отличаются и от них.

Б. Н. Граков, описывая погребальные сооружения Никопольского курганного поля, выделяет две группы могил. В первую он объединяет простые ямы четырехугольной формы с широтной ориентировкой или с некоторым отклонением от нее, но никогда не переходящей в меридиональную. Таких погребальных сооружений в Никопольском могильнике мало: восемь из 84.

По форме, размерам и ориентировке ямы Никопольского могильника ничем не отличаются от ям, исследованных в курганах Тираспольщины и выделенных нами в первый тип первой группы. Однако могилы Никопольщины часто были перекрыты деревом или отмечены сверху кучей камней. По краям или стенкам их часто были расположены уступы или ступени, что ни разу не встретилось в ямах Тираспольского могильника.

Так же редко, как на Нижнем Днестре, в Никопольском могильнике встречаются простые могильные ямы, ориентированные

¹² Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле.— См. настоящий том, стр. 56 и сл.

¹³ Д. Т. Березовец и др. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу в с. Кут.— АП УРСР, IX. Київ, 1960, стр. 39 сл.

¹⁴ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn.— PZ. Bd. V, 1913.

¹⁵ Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингулы и началом Днепровского лимана.— Труды VIII АС. М., 1897, т. III, стр. 97 и сл.

в меридиональном направлении. Такая яма была открыта всего лишь в одном кургане.

Катакомбные погребальные сооружения Никопольского могильника объединены Б. Н. Граковым в три основных типа (первый — третий) в зависимости от ориентировки погребальных камер и расположения их по отношению к входной яме. Здесь преобладают погребальные сооружения, не характерные для курганных могильников Тираспольщины. Они имеют широтную ориентировку катакомб (первый и второй типы). Для одного из них (первый тип) характерно параллельное расположение входной ямы и катакомбы, для второго — расположение катакомбы по длинной оси входной ямы, т. е. катакомба является прямым продолжением входной ямы (тип 2). В курганах Тираспольщины оба этих типа встречаются только изредка. К первому типу никопольских катакомбных сооружений близки три катакомбы, выделенные нами в третий тип. Однако каждая из этих трех катакомб может быть лишь особым вариантом сооружений первого типа Никопольского могильника. Полного тождества между ними нет, хотя принцип устройства тех и других одинаковый.

Ко второму типу никопольских катакомбных сооружений могут быть отнесены две катакомбы четвертого Тираспольского могильника, но, как и в предыдущем случае, каждая из них имеет свои особенности, не свойственные никопольским погребальным сооружениям.

Катакомба в кургане 345 у с. Чобручи отклонена от правильной широтной ориентировки и вытянута в направлении с северо-запада на юго-восток. Размеры ее больше, чем обычные размеры никопольских сооружений этого типа и, кроме того, она имеет подбой в северо-западной стенке, уходящий под дно входной ямы, что также не свойственно погребальным сооружениям Никопольского могильника.

Еще значительно отличается от обычных никопольских катакомб второго типа погребальное сооружение в кургане 120 у с. Парканы, отнесенное нами ко второму варианту четвертого типа. У западной стены большой входной ямы в нем имеются две катакомбы.

Преобладающему на Тираспольщине первому типу катакомб соответствует только третий тип никопольских катакомб. Наибо-

лее близкое сходство с никопольскими имеет второй вариант первого типа, отличающийся от остальных отсутствием коридора, соединяющего входную яму с катакомбой, и некоторыми другими деталями. Остальные варианты погребальных сооружений Тираспольщины не имеют прямых аналогий в Никопольском могильнике или представляют там редкое явление. Так, совсем неизвестны в Никопольском могильнике погребальные сооружения четвертого варианта, для которых характерно расположение входной ямы под углом к катакомбе. Обычный для описанных курганов Тираспольщины первый вариант встречается там лишь изредка.

Б. Н. Граков, характеризуя никопольские катакомбы третьего типа, отмечает, что входная яма прямоугольной, трапецевидной, эллиптической или яйцевидной формы с уступами. Катакомба расположена под восточной стенкой поперек входа, отчего в плане все сооружение похоже на букву «Т» с короткой ножкой. Это бывает в случае, если устье находится посередине стенки катакомбы. Если же оно ближе к северному концу катакомбы, то план всего сооружения близок к букве «Г». Катакомба в плане — прямоугольник с округленными углами или концами, полуовал с дугой к востоку, или широкая угловатая или округленная на северном конце, она очень сужена в южном конце, т. е. в ногах покойника, почти в острие. Этот вариант достаточно обычен. Южный конец всегда длиннее, считая от устья, чем северный. Катакомба ориентируется меридионально, с отклонениями, никогда не переходящими в широтные.

Единичные варианты отличаются либо наличием короткого коридорчика из входной ямы в катакомбу, либо положением катакомбы под западной стенкой входной ямы с соответствующим перенесением уступов на восточную ее стенку¹⁶. Из этого описания следует, что коридорчик, ведущий из входной ямы в катакомбу, обычный для погребальных сооружений Тираспольщины, в Никопольском могильнике представляет редкое явление, но зато там почти всегда имеются уступы на стенке входной ямы, противоположной входу в катакомбу, лишь изредка встречающиеся в описанных курганах Нижнего Поднестровья.

¹⁶ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 84, 85.

В скифских курганах Никопольского могильника нет катакомб со стрельчатым сводом, имевших вид домиков с двускатной крышей. Стены, потолок и пол катакомб здесь никогда не обмазывались глиной и не украшались. Большинство катакомбных сооружений Тираспольщины отличается от никопольских более четкими и правильными формами и производит впечатление сделанных гораздо тщательнее, хотя наряду с ними имеются катакомбы и грубой работы, со следами узкого инструмента на стенках, при помощи которого они были сделаны. Подобные следы неширокого рабочего инструмента на стенках входных ям и катакомб отмечали и исследователи никопольских курганов.

В могильниках у с. Кут и у Белозерского городища отсутствуют характерные для Тираспольщины и встречающиеся в Никопольском могильнике катакомбные погребальные сооружения с меридиональной ориентировкой катакомб и широтной ориентировкой входных ям. В Кутском могильнике встречаются катакомбы третьего и четвертого типов, в Белозерском значительно преобладает третий тип катакомб. В Марицынском могильнике известно несколько катакомбных сооружений, близких к погребальным сооружениям третьего типа Никопольского могильника, но и здесь преобладают катакомбы с широтной ориентировкой.

Таким образом, сопоставление с рядовыми скифскими могильниками Нижнего Поднепровья показывает, что как там, так и на Тираспольщине были известны одинаковые приемы устройства погребальных сооружений. Погребения совершались или в простых грунтовых ямах, или чаще — в катакомбах. Однако, только на Тираспольщине господствовали катакомбы с меридиональной ориентировкой, тогда как в могильниках Нижнего Поднепровья преобладали катакомбы, ориентированные с востока на запад.

Погребальный обряд тираспольских курганов также имеет черты сходства и различия с погребальным обрядом скифских могильников Нижнего Поднепровья. Для тех и других памятников характерно положение погребенных на спине, с вытянутыми руками и ногами. И там и здесь покойники положены вдоль длинной оси или длинной стены могил в широтных ямах и катаком-

бах головой на запад, в меридиональных — на север. В зависимости от этого, в отличие от Нижнего Поднепровья, на Тираспольщине преобладают погребения, ориентированные головой на север, а не на запад, хотя западная ориентировка господствует в погребениях в простых грунтовых ямах.

Подобно тираспольским в рядовых могильниках Нижнего Поднепровья преобладают одиночные захоронения и лишь в небольшом количестве известны парные или совместные: мужчины и женщины, женщины и ребенка; мужчины, женщины и ребенка.

В могильниках Нижнего Поднепровья, более часто, чем на Тираспольщине (особенно в Никопольском и Кутском могильниках), клали в головах покойника жертвенную пищу. Обычно это бок коня, реже — овцы или коровы с воткнутым в него ножом. При этом жертвенное мясо было положено прямо на дно могилы или на деревянное блюдо. В большинстве тираспольских курганов мы видим как бы пережитки этого обычая и только в некоторых погребениях имеются полные аналогии. Во всех упомянутых могильниках редко встречаются вместе с погребениями конские захоронения или части конского убора. Некоторые отличия наблюдаются в наборах инвентарей. К обычным рядовым скифским погребениям Нижнего Поднепровья по набору инвентаря ближе всего погребения в простых ямах с широтной ориентировкой и погребение в кургане 345 у с. Чобручи. Инвентарь большинства погребений в катакомбах тираспольских курганов весьма своеобразен.

Сосуды в Никопольском и Кутском могильниках представляют большую редкость, причем местной керамики нет совсем. В погребениях Тираспольщины, особенно в тех, которые совершались в катакомбах, местная керамика почти обязательна.

Инвентарь женских и мужских погребений в скифских рядовых погребениях обычно строго разграничен, чего нельзя сказать об описанных памятниках. Мужчины в нижнеднепровских могильниках всегда погребены с оружием. Стрелы положены в колчанах и поэтому количество их обычно больше, чем в катакомбах тираспольских курганов. Значительно чаще, чем на Тираспольщине, встречаются наконечники копий и мечи. Украшения же в скифских мужских

погребениях представляют большую редкость. В Никопольском могильнике, например, всего лишь один раз в мужском погребении встретилась серьга. Редкой находкой являются и бусы. Фибулы совсем отсутствуют. Находка их известна лишь в могилах II—I вв. до н. э. Марицынского могильника.

Женские погребения обычно сопровождаются мелкими украшениями и пряслица-

ми, известны лишь единичные случаи женских погребений в сопровождении наконечников стрел (только в могильнике у с. Кут).

В целом, курганы Тираспольщины по размерам и структуре насыпей, по погребальным сооружениям и погребальному обряду близки к рядовым скифским курганам Нижнего Поднепровья, хотя и имеют ряд особенностей.

Глава II

ИНВЕНТАРЬ И ДАТИРОВКА ТИРАСПОЛЬСКИХ КУРГАНОВ

Оружие. Довольно обычной находкой из предметов вооружения в тираспольских курганах являются только наконечники стрел. Они происходят из 29 курганов¹⁷. В погребениях, устроенных в простых грунтовых ямах, преобладают находки бронзовых наконечников стрел. Лишь в кургане 131 у с. Парканы, в яме, ориентированной с севера на юг, было четыре железных и один бронзовый.

В катакомбах наборы из одних бронзовых наконечников стрел представляли большую редкость. Известен только один комплект бронзовых наконечников стрел, происходящий из кургана 345 у с. Чобручи. В трех ограбленных катакомбах погребальных сооружений было найдено по одному бронзовому наконечнику (в курганах 122 и 143 у с. Парканы и 185 у с. Терновки). В остальных катакомбах были обнаружены или только железные наконечники стрел или железные вместе с бронзовыми. При этом лишь в одном кургане бронзовые наконечники стрел преобладали над железными (шесть бронзовых и один железный в кургане 109 у с. Парканы), а в одном количество железных и бронзовых стрел было одинаковым (три железных и три бронзовых в кургане 156 у с. Парканы).

В восьми катакомбах найдены только железные наконечники стрел (курганы 281, 288, 404, 412 у с. Чобручи; 114, 159, 173 у с. Парканы; 186 у с. Терновки). В шести катакомбах железные наконечники стрел

значительно преобладали над бронзовыми (тринадцать железных и один бронзовый наконечник в кургане у с. Суклеи, раскопанном М. Шкадышеком, четырнадцать железных и один бронзовый в кургане 276 у с. Глинного, шесть железных и один бронзовый в кургане 174 у с. Парканы, четыре железных и один бронзовый в кургане 188 у с. Терновки, четыре железных и один бронзовый в кургане 153 у с. Парканы, три железных и один бронзовый в кургане 279 у с. Глинного). Значительное количество курганов, в которых преобладают железные наконечники стрел, отличает памятники Тираспольщины от скифских могильников Нижнего Поднепровья.

В рядовых скифских курганах IV—III вв. до н. э., а также в одновременных им царских курганах в колчаных наборах обычно содержатся только бронзовые наконечники стрел или бронзовые резко преобладают над железными. В Никопольском могильнике, где наборы стрел встречены в 43 курганах, железные наконечники стрел были найдены в трех курганах, при этом только в одном случае железные наконечники преобладали над бронзовыми. Б. Н. Граков отмечает, что курганы, в которых были обнаружены железные наконечники стрел, относятся к числу наиболее поздних.

В Марицынском могильнике железные наконечники стрел найдены в погребениях II в. до н. э., тогда как в более ранних — лишь бронзовые наконечники стрел. Памятники не только Нижнего Поднепровья, но и степного Крыма свидетельствуют о том, что железные наконечники стрел начинают широко применяться со II в. до н. э., в более ранних комплексах они встречаются

¹⁷ Наконечники стрел известны нам по схематическим рисункам, имеющимся в тетради с перечнем находок из курганов. Тетрадь хранится в Херсонском музее. Сохранился лишь набор из 48 бронзовых наконечников стрел из кургана 345 у с. Чобручи.

ся лишь изредка и всегда в небольшом количестве¹⁸. П. Д. Рау относит комплексы стрел из курганов Тираспольщины к III—II вв. до н. э.¹⁹ Однако это заключение является слишком обобщенным и полностью не отражает времени бытования каждого набора стрел из числа найденных в курганах Тираспольщины и происходящих из большинства катакомбных погребальных сооружений. Оно не может быть применено к тем стрелам, которые происходят из погребений в ямах и в насыпях курганов.

Из насыпи кургана 178 у с. Парканы происходит бронзовый двухлопастный с ромбической головкой наконечник стрелы (см. табл. 1)²⁰, который находит многочисленные аналогии среди предскифских и раннескифских стрел конца VIII—VI вв. до н. э.

Комплексы бронзовых наконечников стрел, происходящие из курганов с погребальными сооружениями в виде простых ям (из 10 курганов), как мне представляется, относятся также к более раннему времени, чем дата, предложенная П. Д. Рау. Судя по рисункам И. Я. Стемпковского, они состоят из трехгранных и трехлопастных наконечников со слегка свисающими шипами. В кургане 161 у с. Парканы, кроме того, имеются трехгранные наконечники стрел со скрытой втулкой. Аналогичные наконечники стрел обычны для скифских памятников IV—III вв. до н. э.²¹ Об этом же времени свидетельствует и отсутствие в этих комплексах железных наконечников стрел. К IV—III вв. до н. э. могут относиться и пять бронзовых трехгранных пирамидальных наконечников стрел с небольшой втулкой из насыпи кургана 104 у с. Парканы. К этому же времени принадлежат и 48 бронзовых наконечников стрел (железные отсутствуют) из кургана 345 у с. Чобручи.

Судя по описаниям И. Я. Стемпковского и по его рисункам, все железные наконечники стрел, встречавшиеся в сопровождении бронзовых, или без них, — трехгранные пирамидальные с довольно длинной втулкой, по форме и размерам копируют бронзовые. Железные наконечники стрел, сходные по

форме и размерам с бронзовыми, известны из трех курганов Никопольского могильника²², в курганах II в. до н. э. Марицынского могильника²³ и в ряде других памятников, главным образом II в. до н. э.

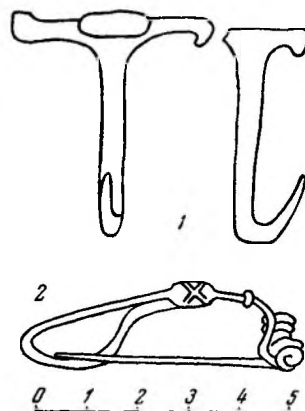

Рис. 1. Бронзовая фибула и крючок:

1 — из кургана 156; 2 — из кургана 378

Вероятно, для прикрепления колчана к поясу служил бронзовый крючок, найденный в ограбленной катакомбе кургана 156 у с. Парканы (рис. 1, 1). Крючок литой, круглый в сечении, имеет крестообразную форму с овальным выступом на месте пересечения горизонтальной и вертикальной перекладин. Бронзовый колчаный крючок, близкий к описанному, известен из кургана 9 могильника у с. Кут IV—III вв. до н. э.²⁴

М. Шкадышек, описывая погребение у с. Суклеи, отметил находку треугольной железной бляхи, вероятно, от колчана, но сколько-нибудь подробно эта бляха не описана.

Железные наконечники копий найдены всего в четырех погребениях Тираспольщины (в трех случаях — в простых грунтовых ямах и в одном — в катакомбе). В двух — в кургане 151 и в погребении 2 кургана 158 у с. Парканы, найдено по два наконечника; в кургане 155, в погребении 1 у с. Парканы и кургане 411 у с. Чобручи — по одному. К сожалению, ни один из них не сохранился до наших дней, но два наконечника бегло зарисованы И. Я. Стемпковским. Судя

¹⁸ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — Труды секции археологии РАН ИОН, V, М., 1930, стр. 86.

¹⁹ P. Ra u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, стр. 23.

²⁰ В. И. Гошкевич. Клады..., стр. 116.

²¹ P. Ra u. Op. cit. Taf. X—XII.

²² Б. Н. Граков. Указ. соч.

²³ M. Ebert. Op. cit.

²⁴ Д. Т. Березовец и др. Розкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифського часу в с. Кут, стр. 59, рис. 17, 4.

по рисункам, они имели листовидное, сравнительно узкое перо без ребра посередине и довольно короткую втулку. Длина одного из них (из кургана 155, погребения 1) равна 28,6 см. Также листовидным, по описанию автора, был наконечник копья из кургана 151 у с. Парканы. О наконечнике копья из кургана 411 у с. Чобручи нельзя сказать ничего определенного, кроме того, что его длина равна 17,8 см.

Железные наконечники копий с узким листовидным пером без ребра известны в рядовых и царских курганах Нижнего Поднепровья IV—III вв. до н. э., однако часто они отличаются большей длиной (30—35 см). Обычно в погребениях было положено по два копья, реже — по одному. В курганах Никопольского могильника копья найдены в 13 погребениях и только в двух из них встречено по одному наконечнику. Два подтока от копья в виде железных цилиндрических трубок длиной 4,45 см и 11 см, диаметром около 2 см были найдены в кургане 345. В Никопольском и других скифских могильниках подтоки довольно обычны.

Еще реже, чем копья, в тираспольских курганах встречаются мечи или кинжалы. Обломки железного меча обнаружены в кургане 151 у с. Парканы; кинжал у правого колена воина найден в кургане 288 у с. Чобручи. О форме и размерах этих предметов судить невозможно. В кургане 289 у с. Чобручи был найден единственный железный топор, однако он остался неописанным и незарисованным И. Я. Стемпковским.

В двух случаях известны находки пращевых камней; в ограбленной яме кургана 157 у с. Парканы найден один пращевой камень, в катакомбе кургана 173 их было три.

Пращевые камни встречались в рядовых скифских курганах и в мужских и в женских. В одних случаях их находили вместе с погребенными, в других — в тризне. В Никопольском могильнике, например, пращевые камни были найдены только в составе тризны.

Оборонительное вооружение в погребениях Тираспольщины совершенно отсутствует, так же как и в большинстве рядовых скифских курганов Нижнего Поднепровья.

Орудия труда и инструменты. Довольно обычной находкой в тирасполь-

ских курганах являются железные ножи. Они были найдены в 25 курганах, в погребальных сооружениях всех типов и видов. По-видимому, ножи одинаково сопровождали мужские и женские погребения, так как они встречаются в погребениях с оружием и без него.

Обычно в могилах лежало по одному ножу вместе с костями животных — в миске или на сосуде, реже нож был положен вместе с другими предметами при погребенном. В некоторых могилах было найдено по два ножа. Известны находки ножей с костяными рукоятками. Так, например, у правой руки погребенного в грунтовой яме в кургане 155 (погребение 1) было положено два таких ножа. В большинстве случаев отмечаются находки железных лезвий ножей или их обломки. Описания ножей в дневниках Стемпковских, как правило, отсутствуют, но немногие указания или беглые рисунки, изредка встречающиеся в тексте, позволяют говорить о существовании на Тираспольщине ножей двух типов. Одни из них были почти прямыми, другие — имели горбатую спинку. По-видимому, они вполне аналогичны обычным скифским железным ножам с костяными рукоятками, которые без каких-либо существенных изменений бытовали на обширной территории Северного Причерноморья с VI по II в. до н. э. включительно.

В трех погребениях Тираспольщины были найдены точильные бруски. В двух случаях — это части оселков с небольшим отверстием для подвешивания к поясу (курган 412 у с. Чобручи и 276 у с. Глиного). В кургане 147 у с. Парканы находился обломок довольно большого точильного камня из песчаника. Все они аналогичны точильным камням, происходящим из скифских погребений Нижнего Поднепровья. В последних, так же как и в тираспольских курганах, бруски редко сопровождали погребенных. В Никопольском могильнике, например, они были найдены только в двух курганах.

Редко встречались в могилах Тираспольщины типичные женские орудия труда — глиняные пряслица. Они найдены в пяти курганах (275—277 у с. Глиного; 147 и 173 у с. Парканы). Четыре из них — биконические, сделаны из черной глины с примесью шамота, высотой 3—4 см. Одно пряслице — круглое, выточено из стенки

лепного сосуда диаметром 4 см с отверстием в 4 мм.

В никопольских курганах пряслица являются обычной находкой в женских погребениях. Среди них известны глиняные биконические, весьма близкие к тираспольским, как по форме, так и по размерам.

В трёх курганах у с. Чобручи (400, 404, 406) в головах у погребенных вместе с керамикой найдены глиняные грузила пирамидальной формы с круглым отверстием. Назначение этих предметов не вполне ясно. Возможно, что они употреблялись для ловли рыбы, не менее вероятно их принадлежность к числу предметов ткацкого производства (грузила для ткацкого станка). В скифских курганах Никопольского и Кутского могильников грузила не известны, но они найдены в курганах у Белозерского городища²⁵ и в погребениях Марицынского могильника²⁶.

Украшения. Наиболее обычным видом украшений, часто встречающимся в погребениях тираспольских курганов, являются бусы. Они были найдены в 19 погребениях, причем только в трех случаях бусы происходили из погребений в простых грунтовых ямах (курганы 367, 158₂ и 131 у с. Парканы), тогда как все остальные 16 бусин были найдены в катакомбах. Количество бусин в погребениях всегда невелико, от одной до 14—15 и лишь в кургане 377 у с. Плоского было найдено целое ожерелье из мелких пастовых бусин, кольчатых или бипирамидальных различного цвета.

Мелкие бусины, золоченые кольчатые и стеклянные бипирамидальные, вероятно, также от ожерелья, происходили из кургана 131 у с. Парканы.

В кургане 376 у с. Парканы было обнаружено пять перламутровых бусин и среди них подвеска в форме четырехгранной пирамидки из синего стекла. Подобные пирамидки из синего стекла характерны для скифских погребений IV—III вв. до н. э.

Одна мелкая костяная шаровидная бусина происходила из погребения 2 кургана 158 у с. Парканы. Небольшая костяная бусина в форме усеченного конуса найдена в кургане 185 у с. Терновки.

Во всех остальных наборах бусин из курганов Тираспольщины встречаются сравни-

тельно крупные шаровидные, кольчатые, боченкообразные бусинки из стеклянной композиции или пастовые. Среди них преобладали глазчатые — темно-синие с синими в желтых ободках глазками и др. В кургане 276 у с. Глинного наряду с пастовыми глазчатыми бусинами найдена амфоровидная подвесочка из стеклянной композиции.

Как уже указывалось выше, бусины в катакомбных погребениях часто встречаются у кисти правой или левой руки или же у плечевых костей. По-видимому, низки бусин употреблялись в качестве браслетов. Браслеты из бусин для скифских погребальных комплексов представляют относительно редкое явление²⁷. Значительно чаще их находили в погребениях сарматской эпохи. Принимая во внимание отсутствие в могилах Тираспольщины больших наборов, мы не можем сказать, какие из перечисленных типов бусин были господствующими. Как известно, пастовые и стеклянные бусины (в том числе и глазчатые разных форм) существовали в течение очень длительного времени, но в то время как в могилах IV—III вв. до н. э. преобладали одни из них, в более позднее время — другие. Бусины, сходные с найденными в курганах Тираспольщины, были обнаружены как в скифских могильниках IV—III вв. до н. э., так и в погребениях сарматской эпохи.

Серьги или височные кольца — второй довольно обычный вид украшений, происходящий из курганов Тираспольщины. Височные кольца были найдены в 19 погребениях. Подобно бусам, серьги чаще встречаются в катакомбах. В кургане 1 у с. Суклеи, в кургане 104 у с. Парканы серьги были найдены в насыпи разграбленных курганов. При одном покойнике находили по одной серьге у правого или левого виска или по две у обоих висков. В двух ограбленных курганах было обнаружено по три серьги. Большинство серег или височных колец сделано из медной проволоки, но встречены также золотые и серебряные серьги. Медные и серебряные серьги одинаковы по форме. Они представляют собой кольцо с заходящими друг на друга или несомкнутыми концами. Обычно концы серег слегка заострены, но встречаются

²⁵ Г. Л. Скадовский. Указ. соч., стр. 110. Хранятся в Херсонском музее.

²⁶ M. Ebert. Op. cit., S. 39.

²⁷ В Никопольском могильнике они отсутствуют. В погребениях у с. Кут браслеты из пастовых и стеклянных глазчатых бусин встречены неоднократно. Д. Т. Березовец и др. Указ. соч., стр. 49, 51, 67.

серьги, у которых один конец несколько утолщен, второй — заострен (курган 276 у с. Глиного). В трех курганах были найдены проволочные височные кольца с напущенной на нижний конец бусиной (курган 147 и погребение 2 кургана 155 у с. Парканы — табл. 1 — и курган 408 у с. Чобручи). В кургане 147 — бусина пастовая белого цвета, в кургане 408 у с. Чобручи — бусина стеклянная с глазками. Проволочные височные кольца или серьги с заходящими друг на друга и несомкнутыми концами с напущенной подвеской из бусин часто встречались в различных памятниках Северного Причерноморья эллинистического времени. Они представлены, в частности, и в рядовых скифских могильниках IV—III вв. до н. э. Однако без каких-либо изменений эти предметы продолжали употребляться в сарматскую эпоху.

Отличается от описанных височное кольцо из низкопробного серебра или меди из кургана 289 у с. Чобручи. Один конец кольца раскован в тонкую пластинку, украшенную пунсонным орнаментом, второй — слегка заострен.

Золотые серьги представлены двумя типами. В кургане 1 у с. Суклеи и 345 у с. Чобручи найдены золотые серьги в виде кольца с несомкнутыми концами. На обоих концах колец имеются небольшие конические шишечки. По форме эти серьги очень напоминают браслеты с коническими шишечками на концах, столь часто встречающиеся в памятниках Причерноморья эллинистического и раннеримского времени. Височные кольца или серьги из золота и серебра с коническими шишечками на концах, вполне аналогичные описанному, были найдены в кладе у с. Матеуцы Молдавской ССР IV—III вв. до н. э.²⁸

В кургане 131 у с. Парканы была найдена золотая серьга из тонкой витой проволоки, согнутой в кольцо. Концы соединены, но способ скрепления неясен.

Кольца или перстни были обнаружены в шести погребениях Тираспольщины. В трех из них было по одному кольцу, в двух — по два, в кургане 4 у с. Суклеи золотое кольцо было найдено в насыпи кургана.

Перстни были сделаны из серебра (три

штуки), золота (две штуки) и бронзы (две штуки). Формы перстней не совсем ясны. Говоря о серебряном и золотом кольцах из кургана 159 у с. Парканы, И. Я. Стемпковский называет их проволочными спиральными. Кольца из серебряной проволоки были найдены в кургане 153 у с. Парканы.

Золотой перстень из кургана 4 у с. Суклеи был сделан из узкой, как бы гофрированной по длине, пластины и имел заходящие друг на друга концы. Серебряный перстень с овальным щитком происходил из погребения 2 кургана 155 у с. Парканы. Подобные перстни с овальным щитком довольно обычны для погребений Северного Причерноморья скифо-сарматской эпохи, с IV в. до н. э.

Металлические браслеты встречены только в четырех курганах Тираспольщины. Все они происходили из погребений в катакомбах. Два браслета (из курганов 153 у с. Парканы и 399 у с. Чобручи) были сделаны из круглого медного или бронзового прута; концы их заострены, не сомкнуты.

В кургане 377 у с. Плоского и 418 у с. Чобручи найдены бронзовые браслеты также из бронзового прута, но концы их были расплющены и заходили друг на друга. На плоских концах браслета из кургана 377 у с. Плоского имелся орнамент в виде вертикальных углов.

Бронзовые браслеты, круглые в сечении, с заостренными несходящимися или заходящими друг на друга концами относятся к браслетам простейших форм, известных во многих разновременных культурах. На территории Северного Причерноморья подобные браслеты известны в скифских погребениях IV—III вв. до н. э., в Никопольском, Белозерском, Кутском, Марицынском могильниках. Встречаются они также и в погребениях сарматского времени²⁹.

Как уже говорилось выше, в кургане у с. Суклеи, раскопанном М. Шкадышеком, был найден браслет из медных пронизей-трубочек.

Фибулы происходили из 11 курганов Тираспольщины. Все они, за исключением одной (из кургана 292 у с. Плоского), были найдены в катакомбах преимущественно первого типа. Преобладали среди них же-

²⁸ А. А. Нудельман и Э. А. Рикман. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. — Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4(31). Кишинев, 1956, стр. 130, рис. 1, 1.

²⁹ К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станции Пашковской. — МИА, № 64, 1958, стр. 284, рис. 7, 19, 20.

лезные фибулы (семь штук происходили из курганов 275, 276, 279 у с. Глинного; 281, 282, 288 — у с. Чобручи, кургана у с. Суклеи, раскопки М. Шкадышека), в четырех курганах были найдены бронзовые (курганы 109, 153 у с. Парканы, 378 у с. Глинного, 292 у с. Плоского). Все железные фибулы очень плохой сохранности и представлены главным образом фрагментами. Две бронзовые также сильно фрагментированы и только две (из кургана 153 у с. Парканы и 378 у с. Глинного) были хорошей сохранности. Фибула из кургана 378 у с. Глинного выкована из круглой в сечении проволоки³⁰. Спиральная пружина ее состоит из пяти витков. Стержень дуги исходил от одного из витков, игла — от расположенного рядом витка. Приемник для иглы представлял собой узкий вытянутый ложок, который после изгиба переходил в круглый стержень концевой отрезка. Этот отрезок ближе к концу, примерно посередине спинки, расплюснен и образует овальный в плане выступ, украшенный рельефным полым крестом. Конечный отрезок с шишечкой на конце плотно прилегал к спинке фибулы (рис. 1, 2). Эта фибула относится к числу ранних образцов проволоочных фибул среднелатенского типа. По сводке Ю. В. Кухаренко, среднелатенские фибулы были распространены довольно широко. Кроме Поднепровья, они были известны на территории Поднепровья, в Крыму и даже в Нижнем Поволжье³¹. Однако аналогичных фибул на территории СССР мне неизвестно. Типологически фибула из кургана 378 у с. Глинного как-будто предшествует обычным для нашего юга среднелатенским проволоочным фибулам. Последние отличаются от нее более развитой формой. Ближе к описанной, но также имеющей некоторые специфические особенности, является фибула из латенского поселения, которое в целом датируется II. Вуга 300—100 гг. до н. э.³² По принятой хронологии проволоочные среднелатенские фибулы датируются II—I вв. до н. э.³³ Принимая во внимание, что фибула из кургана 378 типологически предшествует развитым формам

среднелатенских проволоочных фибул, я склонна датировать ее временем не позднее начала или первой половины II в. до н. э.

Тип фибулы из кургана 153 у с. Парканы неясен, так как сохранился лишь мелкий рисунок этого предмета в дневнике И. Я. Стемповского.

Обломок фибулы из кургана 109 у с. Парканы принадлежит проволоочной среднелатенской фибуле со слегка уплощенной спинкой³⁴. По аналогии с ольвийскими находками она может быть датирована II—I вв. до н. э.³⁵

Бронзовые зеркала найдены всего в трех погребениях (в курганах 399 и 408 у с. Чобручи и 276 у с. Глинного). В Херсонском историческом музее сохранилось только одно зеркало из кургана 399 у с. Чобручи. Оно литое с невысоким и нешироким бортиком на оборотной стороне, имеет диаметр 8,5 см. Следов прикрепления ручки на зеркале незаметно. Сохранность его хорошая. По форме и размерам оно близко к литым сарматским зеркалам, появившимся в Поволжье и Приуралье еще в савроматскую эпоху и широко распространившимся во II в. до н. э.³⁶ В кургане 276 у с. Глинного были найдены обломки, по-видимому, такого же зеркала, судя по рисунку, с нешироким бортиком по краю.

Глиняная посуда. Самую многочисленную группу находок из курганов Тираспольщины составляет керамика. Она найдена главным образом в катакомбных погребальных сооружениях и лишь в четырех курганах с простыми грунтовыми ямами (в трех ямах первого и промежуточного типов — в курганах 385, погребении 3 у г. Тирасполя; 367 у с. Парканы; 98, погребение «б» у с. Парканы и в одной яме второго типа в кургане 131 у с. Парканы).

Сосуды, найденные в двух грунтовых ямах — в кургане 385, погребении 3 у г. Тирасполя и в кургане 98, погребении «б» у с. Парканы, — отличаются от всех других находок этого рода, поэтому о них придется сказать особо.

В погребении 3 кургана 385 был найден большой черноглиняный сосуд с отбитым

³⁰ И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XXII, 1.

³¹ Ю. В. Кухаренко. Распространение латенских вещей в Восточной Европе. СА, 1959, № 1, стр. 32—34, рис. 1—6, 8.

³² P. Vouga. La Tène. Leipzig, 1923, Taf. XX, 13.

³³ Там же, а также см. А. И. Фурманська. Фибулы з розкопок Ольвії.— «Археологія», VIII, Київ, 1956, стр. 77 и сл.

³⁴ И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XXII, 2.

³⁵ А. И. Фурманська. Указ. соч., табл. I, 9, стр. 78.

³⁶ М. Г. Мошкова. Сарматские курганы в Оренбургской обл.— КСИА АН СССР, вып. 83. М., 1961, стр. 117, рис. 46, 6.

горлом и округлым туловом. По наиболее широкой части тулова сосуд украшен поясом резного орнамента, состоящего из взаимно-пересекающихся линий, которые образуют геометрические фигуры (ромбы, квадраты, треугольники)³⁷. Этот сосуд по форме и орнаментации близок к сосудам, происходящим из памятников VII—VI вв. до н. э. лесостепной правобережной Украины и Молдавии. Поселение на Тарасовой горе на Тясмине³⁸, одновременные ему курганы Киевщины, поселения типа Сахарны — Солончены на Днестре³⁹ дали значительное количество аналогичной посуды.

В кургане 98, в погребении «б» был найден кубок с довольно высокой шейкой, низким туловом, отделенным от шейки сравнительно острым ребром и двумя высокими ручками с цилиндрическими выступами (рис. на табл. 1). Одна ручка кубка была отбита. Поверхность коричневато-серая, слаболощенная. Двуручные кубки, как известно, нехарактерны для скифского времени. Они были в широком употреблении в лесостепных районах Поднестровья и западнее в предскифский период и особенно в VIII — начале VII в. до н. э.⁴⁰ Довольно близки к описанному, например, двуручные сосуды из могильника и с поселения у с. Шолда-нешты, они отличаются лишь менее четкой профилировкой. Двуручные сосуды, очень близкие к описанному, продолжали бытовать и в раннескифский период⁴¹.

Из погребения на горизонте в кургане 97 у с. Парканы происходил сосуд, близкий к найденному в кургане 385, погребении 3. Он отличается лишь более сложным и разнообразным орнаментом, выполненным резбой и зубчатым штампом (рис. на табл. 1)⁴².

К группе сосудов предскифского или раннескифского времени, найденных в грунтовых могилах, примыкает сосуд из погребения в насыпи кургана 3 у с. Суклеи. Он имеет невысокое горло, слегка расширяю-

щееся к венчику, выпуклые плечи и тулово, резко сужающееся ко дну. На плече зубчатым штампом нанесен несложный геометрический орнамент в виде углов, расположенных между двумя горизонтальными линиями. Штампованный орнамент прерывается в местах, где находятся небольшие вертикально расположенные парные валики (рис. 2, 1). Близкие аналогии этому сосуду имеются среди керамики чернолесского типа⁴³.

Вся остальная керамика, происходящая из катакомбных сооружений и из грунтовой могилы кургана 131, довольно однородна и может быть объединена в несколько групп. Преобладают находки лепной посуды. Импортная греческая керамика была найдена всего в трех курганах (в курганах 173 и 174 у с. Парканы и в кургане 345 у с. Чобручи).

Наиболее обычной находкой являются лепные миски. Они встречены в 19 погребениях, причем в нескольких случаях отмечены находки двух мисок. По формам и размерам миски могут быть распределены на шесть типов. Первый тип объединяет миски довольно большого диаметра (от 24 до 40 см), сравнительно глубокие (высотой от 12 до 15 см), имеющие широкий (до 2 см) венчик, горизонтальный или слегка наклонный внутрь. Ко дну миски резко сужаются, но ребро, отделяющее верхнюю часть сосуда от нижней всегда округлое, как бы сглаженное (рис. 3, 1, 2). Поверхности мисок неровного цвета — желтоватые, серовато-желтые или коричневатые с более темными пятнами, хорошо заглажены и слабо залощены. На венчике одной из мисок этого типа имелись два небольших полукруглых выступа, украшенных орнаментом, сделанным бочком круглой палочки⁴⁴.

Миски такого типа происходят из пяти погребений: из курганов 154 и 174 у с. Парканы и из курганов 288, 405, 409 у с. Чобручи. Фрагменты миски такой же формы были найдены еще и в кургане 290 у с. Чобручи.

Несколько отличается от описанных большая фрагментированная миска из кургана 275 у с. Глиного. Она имеет косо срезанный широкий край, слегка отогнутый наружу.

³⁷ В. И. Гошкевич. Клады..., стр. 121.

³⁸ М. І. Вязьмітіна, Е. Ф. Покровська. Поселения VII—VI ст. до н. э. в окрестностях с. Жаботина. — АП УРСР, т. VI. Київ, 1956, стр. 42, рис. 3, 4.

³⁹ А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. — КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 64, рис. 30, 2.

⁴⁰ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. — МИА, № 64. М., 1958, стр. 62, рис. 16, 5, 6.

⁴¹ Там же, стр. 77.

⁴² И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. VI, 1а, б.

⁴³ А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. — Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, стр. 97, 98, рис. 2, 4.

⁴⁴ И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XVI, 1

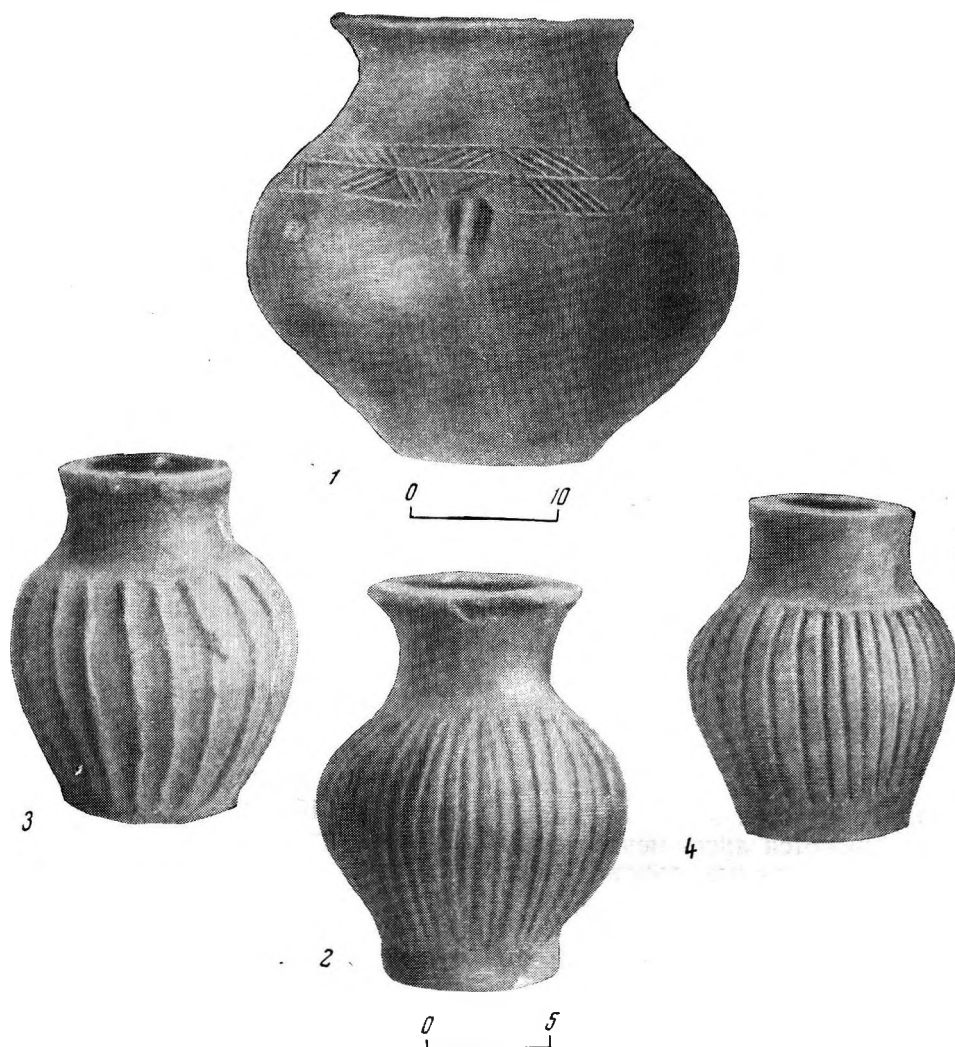

Рис. 2. Глиняные лепные сосуды:

1 — из кургана 3; 2 — из кургана 400; 3 — из кургана 288; 4 — из кургана 173

сильно изогнутую шейку и довольно хорошо выраженное округлое ребро. На венчике миски имеется орнамент в виде выступа, состоявшего из трех зубцов. Поверхности миски желтовато-серого цвета, хорошо лощеные.

Второй тип представлен лишь одной миской из кургана 282 у с. Чобручи. Миска имеет хорошо выраженное ребро (рис. 3, 4). Диаметр устья ее 20,5 см, высота 10,5 см. Поверхности грязновато-желтые, заглаженные и слабозалощенные. В глине была заметна примесь крупного шамота и отдельные вкрапления зерен кварца.

К третьему типу относится миска средней величины из кургана 131 у с. Парканы с плавно суживающимися ко дну стенками без какого-либо ребра. На краю имеется довольно большое ушко (рис. 3, 5). Поскольку сосуд сохранился не целиком, трудно сказать, было ли второе такое же ушко с противоположной стороны. Поверхности миски желтые, заглаженные, но без лощения. В глине заметны примеси крупного песка и шамота⁴⁵.

По-видимому, такой же или близкой по форме была несохранившаяся миска из кур-

⁴⁵ И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XVI, 6.

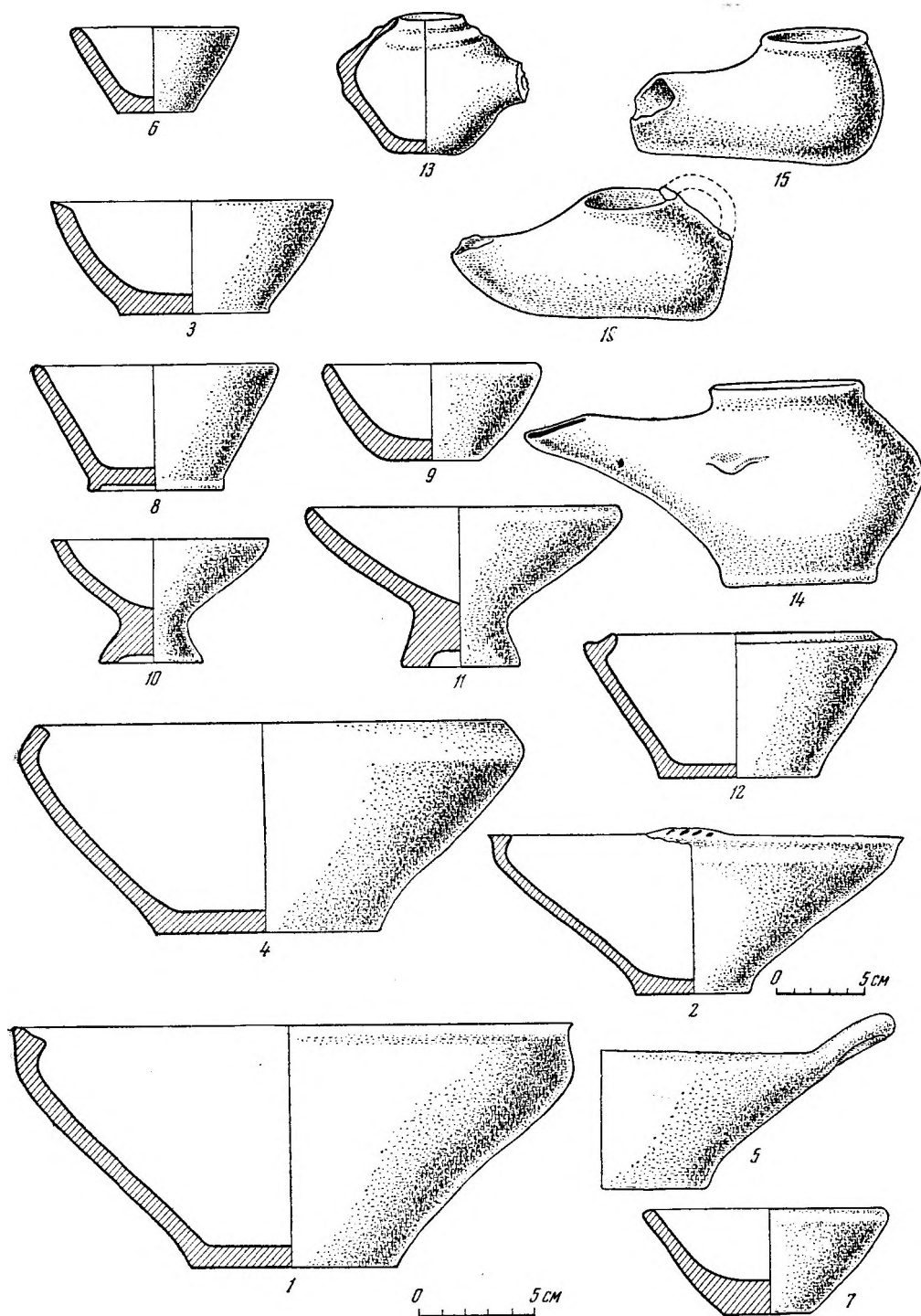

Рис. 3. Глиняные лепные сосуды:

1, 3, 16 — из кургана 154; 2 — из кургана 174; 4 — из кургана 282; 5 — из кургана 131; 6 — из кургана 186;
7 — из кургана 399; 8 — из кургана 408; 9 — из кургана 400; 10 — из кургана 377; 11 — из кургана 409;
12, 14 — из кургана 402; 13, 15 — из кургана 159

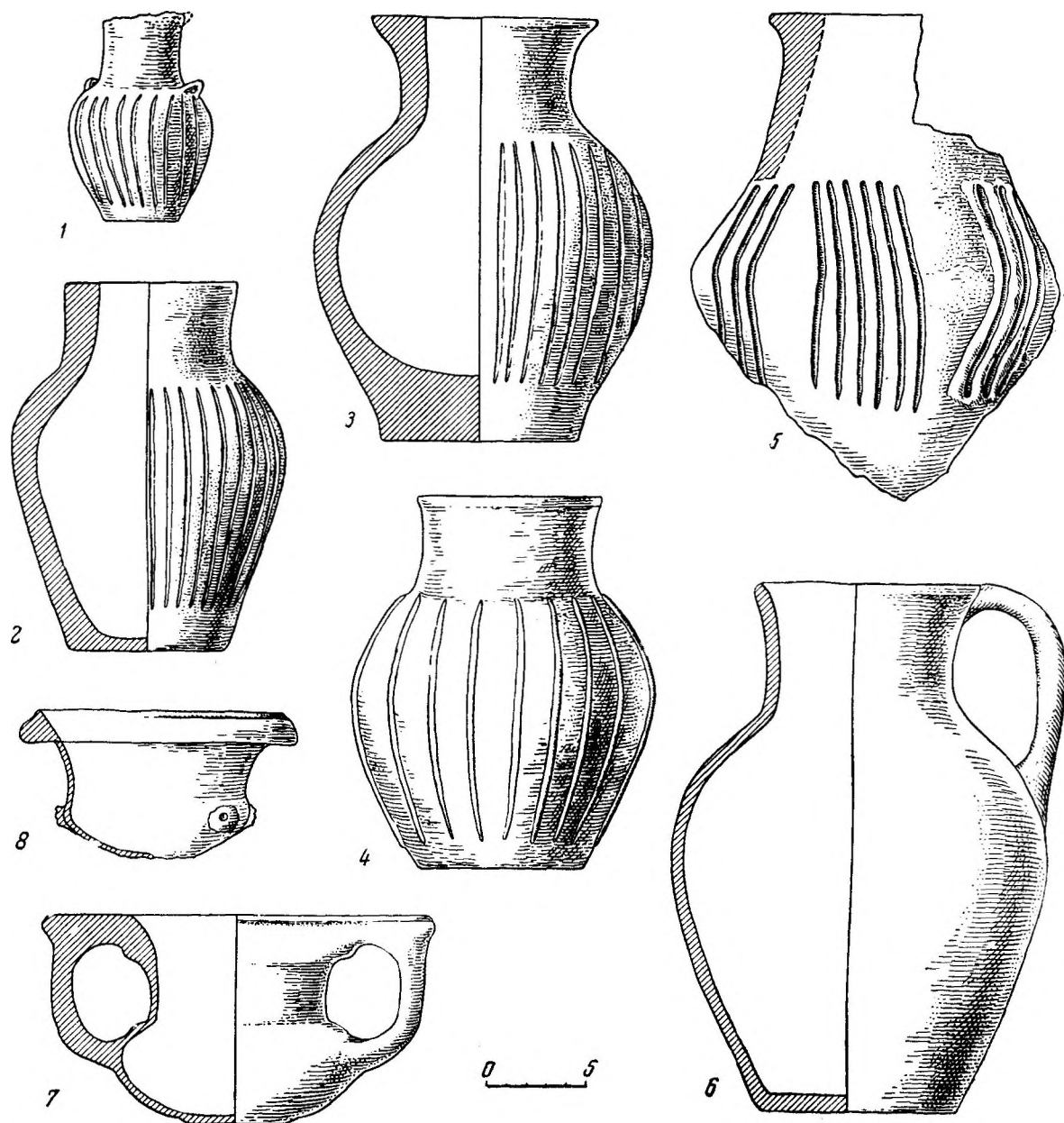

Рис. 4. Лепная керамика и греческие чернолаковые сосуды:

1, 2 — 6 — лепная керамика; 7, 8 — греческие чернолаковые сосуды (1 — из кургана 399; 2, 8 — из кургана 173; 3 — из кургана 400; 4 — из кургана 288; 5 — из кургана 403; 6 — из кургана 276; 7 — из кургана 345)

гана 260 на Сербской земле, имевшая, по описанию И. Я. Стемпковского, среднюю величину и одно ушко.

В четвертый тип объединяются небольшие (диаметр устья 7—10 см, высота 3,5—5 см) мисочки простой формы с плавно расходящимися от дна к венчику стенками без реб-

ра. Они сделаны из грубой глины с примесью шамота и крупного песка. Поверхности их не имеют следов дополнительной и сколько-нибудь тщательной обработки, грязно-желтого или серовато-коричневого цвета (рис. 3, 3, 6—9). Найдены они в шести погребениях (в курганах 154 у с. Парканы,

186 у с. Терновки, 245 у с. Глинного, 399, 400, 408 у с. Чобручи).

К пятому типу отнесены небольшие мисочки-плошки на ножке (рис. 3, 10, 11). Они неглубокие, стенки их плавно сходятся к ножке, ребра нет, венчик горизонтальный или косо срезан. Ножки невысокие, слегка расширяются книзу. Поверхности этих мисок-плошек отделаны более тщательно, чем мисочек четвертого типа, но хуже, чем мисок двух первых типов. Они заглажены, но на них выступают куски шамота и песок. Только одна из них (из кургана 377) лощеная. Миски-плошки найдены в трех курганах (245 у с. Глинного, 409 у с. Чобручи, 377 у с. Плоского).

Шестой тип. Совершенно особую форму имеет небольшая мисочка из кургана 402 у с. Чобручи (рис. 3, 12). Край миски загнут внутрь. Ребро резко выделено так, что образует закраину, предназначенную как бы для упора крышки. Стенки от ребра плавно сходятся ко дну. Наружная поверхность желтая, внутренняя — черная, обе слабо залощены. В глине заметна примесь шамота.

Следующую группу лепной керамики составляют так называемые курильницы. Они были найдены в восьми погребениях: в кургане 275 у с. Глинного, 173 у с. Парканы, 288, 399, 400, 403 и 407 у с. Чобручи⁴⁶. Все они принадлежат к одному типу, хотя и несколько отличаются друг от друга (рис. 4, 1—5). Для них характерно наличие прямого горла, иногда расширяющегося к венчику, и округлого грушевидного тулова. Венчик всех курильниц широкий (до 2,5 см), стенки и дно толстые. Тулово украшено или вертикальными глубокими бороздками или также вертикально расположенными рельефными валиками. Поверхности курильниц серовато-желтого или коричневатого-желтого цвета, слегка лощеные или просто заглаженные. Высота сосудов от 15 до 20 см, диаметр устья наружный — 7—9 см, внутренний — 4,5—6,5 см. На плечиках сосуда из кургана 399 у с. Чобручи имеется два небольших полукруглых ушка с круглыми отверстиями, вероятно, для подвешивания (рис. 4, 1).

Считать эти сосуды курильницами позво-

ляет то обстоятельство, что стенки, а особенно горло и дно, слишком толстые, а внутренняя поверхность очень грубая, пористая. О том, что их употребляли в качестве курильниц, говорит сходство с явными курильницами из Неаполя скифского⁴⁷. Впрочем, об этом будет сказано ниже особо.

В шести погребениях были найдены глиняные лепные светильники (в курганах 159 (два), 173 и 174 у с. Парканы; 186 у с. Терновки; 402 и 405 у с. Чобручи). Формы их различны, но все они, по моему мнению, являются подражанием античным позднеэллинистическим светильникам с носиком. Светильники (из курганов 402, 405 и один из светильников, найденных в кургане 159) представляют собой сосудики с длинным носиком (рис. 3, 13, 14)⁴⁸, при этом на светильнике из кургана 405 имеются два небольших полукруглых упора.

Светильники из курганов 154 и 159 имеют форму сапожка, у одного из них была ручка (рис. 3, 15, 16). Светильник из кургана 178 имеет форму асимметричной мисочки с небольшой ручкой на противоположной носик стороне.

Светильники сделаны из грубой глины. Поверхности их неровные, желтые с серыми пятнами или серые.

Сравнительно редкой находкой в курганах Тираспольщины являются кувшины. Они были встречены только в трех курганах (131 у с. Парканы, 276 у с. Глинного и 404 у с. Чобручи). В Херсонском музее сохранилась лишь часть кувшина из кургана 276⁴⁹ (рис. 4, 6), но в работе И. В. Фабрициус имеется рисунок еще одного кувшина из кургана 131⁵⁰.

Кувшины имеют невысокое горло, плавно переходящее в округлое плечо. Венчик слегка отогнут наружу. Тулово от плеча сужается ко дну. Дно плоское, без поддона. Ручка ленточная, один конец ее прикреплен к наиболее широкой части тулова, второй — к венчику. Кувшин из кургана 276 имеет хорошо лощеную наружную поверхность

⁴⁷ О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя скифского. — МИА, № 64, 1958, стр. 254, рис. 2; Т. Н. Троицкая. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее. — История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 182—184.

⁴⁸ И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XVI, 9.

⁴⁹ Там же, табл. XVI, 3.

⁵⁰ Там же, табл. XVI, 7.

⁴⁶ Сохранилось только три целых сосуда из курганов 173, 275, 288. Сосуд из кургана 399 см. И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. XVI, 4. Остальные представлены обломками в Херсонском музее.

неровного цвета, в основном черную с серыми и желтыми пятнами. Ручка его не поднимается выше венчика; посередине ручки имеется довольно глубокая бороздка. Ручка кувшина из кургана 131 слегка поднимается над краем.

Кувшины из курганов 131 и 404, по-видимому, были нелощеными, так как И. Я. Стемповский отмечает, что они были сделаны из черной глины грубой работы.

Кроме описанных форм керамики в курганах Тираспольщины, очевидно, имелись сосуды иных типов, но так как они не сохранились, сказать о них что-нибудь определенное по кратким описаниям И. Я. Стемповского трудно. Известно, что в кургане 188 у с. Терновки был найден сосуд из черной глины в виде «вазона»; в кургане 147 у с. Парканы — «два горшка»; в кургане 260 на Сербской земле — «раздавленный сосуд из черной глины без орнамента». Небольшая «урна» была найдена Шкадышеком в кургане у с. Суклен.

Лепная керамика, происходящая из курганов Тираспольщины, не имеет аналогий среди скифской посуды IV—III вв. до н. э. Близкие формы посуды происходят зато из позднескифских городищ Нижнего Поднепровья, относящихся к концу III—I вв. до н. э. (Знаменского, Гавриловского, Любимовского и Золотобалковского). Они имеются среди посуды новых для степной Скифии форм, появившихся на рубеже III—II вв. до н. э. и бытовавших наряду со старыми типами скифской керамики⁵¹. Здесь же найдены вполне сходные с описанными мисочки на ножке⁵², маленькие миски-плошки⁵³, кувшины⁵⁴. С поселения у Золотой Балки происходит близкая к описанным по форме курительница, отличающаяся лишь иной орнаментацией тулова и наличием четырех круглых отверстий для воздуха⁵⁵. Возможно, что курительницам, сходным по форме и орнаментации поверхностей с тираспольскими,

принадлежат обломки, происходящие со Знаменского городища и опубликованные Н. Н. Погребовой⁵⁶.

Не совсем аналогичны, но довольно близки к тираспольским, большие лощеные миски, происходящие с городищ Нижнего Поднепровья⁵⁷. Однако преобладают среди последних миски, имеющие хорошо выраженное острое или округленное ребро, а также несколько иную форму венчика. Неизвестны на памятниках Нижнего Поднепровья миски с орнаментом по краю в виде зубчатых выступов или расширений с косыми насечками (рис. 3, 2). Вполне аналогичны этим сосудам миски, характерные для памятников позднескифского времени лесостепной Молдавии⁵⁸ и Румынии⁵⁹. Там же известны и небольшие миски-плошки.

Керамика новых для степной Скифии форм, появившаяся на рубеже III и II вв. до н. э., как справедливо отмечают Б. Н. Граков и Н. Н. Погребова, не имеет местных корней⁶⁰. Ряд форм этой новой для Скифии керамики связывается по происхождению с гетской или фракийской посудой Днестро-Дунайского междуречья. К такой керамике принадлежат, очевидно, и встречающиеся в курганах Тираспольщины большие лощеные и маленькие миски с плоским дном. Неясен вопрос о происхождении мисочек на высокой ножке с углублением посередине. С конца III в. до н. э. до I—II вв. н. э. сосуды этой формы были широко распространены на территории Северного Причерноморья и за его пределами. Кроме нижнеднепровских городищ, находки их известны в Ольвии, Танаисе, Кубани, Крыму, Тире. Найдены они также и в зарубинецких памятниках. Однако пока нельзя сказать, где впервые появились миски с высокой ножкой, распространившиеся впоследствии столь широко.

Уже в VI—начале V в. до н. э. небольшие мисочки на высокой ножке были извест-

⁵¹ Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днестре.—МИА, № 64, 1958, стр. 131 и сл.

⁵² Там же, стр. 185, рис. 34, 6, 9; М. И. Вязьмитина и А. И. Фурманская. Раскопки поселения у с. Золотая Балка в 1953—1954 гг.—КСИА, 5, Киев, 1955, стр. 44, рис. 4, 5.

⁵³ Н. Н. Погребова. Указ. соч., рис. 34, 7, 8.

⁵⁴ Там же, стр. 185, рис. 34, 10, 11.

⁵⁵ М. И. Вязьмитина. Поселения близ с. Золота Балка.—«Археологія», т. XI, 1957, стр. 124, рис. 9.

⁵⁶ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 132, рис. 16, 8, рис. 18, 7.

⁵⁷ Там же стр. 131 рис. 15, 12, 16; стр. 181, рис. 32, 6, 7; стр. 212, рис. 45, 10.

⁵⁸ Происходят с городища у с. Бутучены Оргеевского р-на раскопок Г. Д. Смирнова. Не изданы, хранятся в МФ АН СССР.

⁵⁹ Radu et Ec. Vulpe. Les fouilles de Poiana.—Dacia, III—IV, Bucurest, 1933, p. 285, fig. 29, 6, 8, 10, 11, 12.

⁶⁰ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 141.

ны в западных районах лесостепного Поднестровья⁶¹. Однако, в связи со слабой изученностью памятников более позднего времени на этой территории мы не знаем, существовала ли здесь керамика этой формы и в IV—III вв. до н. э. В памятниках скифского времени лесостепной Молдавии, соседней со степными районами Поднестровья, подобная керамика не встречалась. Она появилась здесь в то же время, что и в степных районах Северного Причерноморья⁶². На территории, занятой гето-дакийскими племенами, миски на высокой ножке как будто тоже не были известны до II в. до н. э. Правда, в IV—III вв. до н. э. встречались так называемые фруктовые вазы, но по общей форме и пропорциям они существенно отличаются от мисок на ножке из Северного Причерноморья⁶³.

С VI в. до н. э. миски на ножке были известны в Прикубанье. Однако их ранние формы имеют более глубокое тулово⁶⁴, а те, которые датируются III—II вв. до н. э., ничем не отличаются от степных северочерноморских⁶⁵.

Весьма сложно решить и вопрос о месте происхождения курильниц, хотя круг их распространения значительно уже, чем мисочек на ножке. По количеству находок курганы Тираспольщины занимают первое место. Откуда-то с Днестра происходят две совершенно аналогичные тираспольским курильницы, находящиеся в настоящее время в Одесском музее.

За пределами Поднестровья курильницы этого типа были известны на Нижнем Днепре, о чем уже говорилось выше. Две курильницы, весьма близкие по форме и орнаментации к тираспольским, происходят из Ольвии: одна из них была найдена в погребении II в. до н. э.⁶⁶, место находки второй

неизвестно⁶⁷. Из Ольвии же происходит несколько обломков подобных курильниц⁶⁸.

Обломки лепной курильницы коричневого лощения с крупными каннелюрами были найдены во впускном погребении II—I вв. до н. э., в земляном склепе I раскопок 1949 г. в Неаполе скифском⁶⁹.

Близкие, но не совсем аналогичные курильницы происходят из Мавзолея Неаполя скифского, а также из кургана Черкеса 2⁷⁰. Эти находки датируются II—I вв. до н. э.⁷¹

Одна курильница, отличающаяся от тираспольских более сложным орнаментом, была найдена на некрополе Пантикапея в 1816 г. при раскопках Дюбрюкса⁷².

За пределами Нижнего Поднепровья, Побужья, Поднестровья и Крыма находки подобных сосудов неизвестны. По-видимому, впервые курильницы рассмотренного типа появились в одном из указанных районов, а затем получили более широкое распространение. Относительно прототипа описанных курильниц, к сожалению, ничего определенного сказать пока нельзя. Находки близких форм лепной керамики в памятниках, относящихся к более раннему времени, чем рубеж III—II вв. до н. э., остаются неизвестными.

Импортная греческая керамика была найдена, как уже говорилось выше, в трех курганах. В Херсонском музее сохранились сосуды только из двух курганов — кургана 345 у с. Чобручи и кургана 173 у с. Парканы.

В кургане 345 у с. Чобручи был найден чернолаковый канфар (рис. 4, 7)⁷³. Ножка его была отбита в древности, а место скола заглажено, так что сосуд, по-видимому, продолжали употреблять. Поверхность была покрыта хорошим черным лаком оливкового оттенка с металлическим отливом. По форме и лаку канфар принадлежит к концу IV в. до н. э. Подобные античные канфары встречаются во многих памятниках Север-

⁶¹ T. Sulimirski. *Scythowie na Zachodnim Podolu*. Lwów, 1936, табл. XIII, 1, 2.

⁶² Хорошо представлена, например, на поселении II в. до н. э. у с. Лукашевка. Г. Б. Федоров. *Население Прутско-Днестровского междуречья*. — МИА, № 89. М., 1960, стр. 37 и сл.

⁶³ E. Bujor. *Săpăturile de salvare de la Murighiol*. SCIV, VI, nr. 3—4, 1955, p. 576, pl. II, 1, 2.

⁶⁴ Н. В. Анфимов. *Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской*. — МИА, № 23. М.—Л., 1951, стр. 161, рис. 1, 8; стр. 67, рис. 4, 6.

⁶⁵ Там же, стр. 171, рис. 10.

⁶⁶ Б. Фармаковский. *Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.* — ИАК, вып. 8. СПб., 1903, стр. 83 (из могилы 56).

⁶⁷ Хранится в Киевском историческом музее

⁶⁸ Известны от С. И. Капошиной.

⁶⁹ О. Д. Дашевская. *Указ. соч.*, стр. 253.

⁷⁰ П. Шульц. *Мавзолей Неаполя скифского*. М., 1955, табл. XXI.

⁷¹ О. Д. Дашевская. *Указ. соч.*, стр. 253—255.

⁷² О. И. Бич. *Первые раскопки некрополя Пантикапея*. — МИА, № 69. М.—Л., 1959, стр. 301, рис. 3.

⁷³ И. В. Фабрициус. *Указ. соч.*, стр. 18, рис. 2 (изображен не совсем верно).

ного Причерноморья конца IV — начала III в. до н. э.⁷⁴

В кургане 173 у с. Парканы был найден чернолаковый килик с отбитыми ручками и ножкой (рис. 4, 8). Лак хороший, черный с металлическим отливом, но очень сильно потерт, что свидетельствует о длительном употреблении сосуда. На дне имеются остатки пальметки. Килики этой формы датируются концом IV—III вв. до н. э. Совершенно тождественный килик с пальметкой на дне был найден, например, в Керченском расписном склепе 1908 г.⁷⁵

Из кургана 174 происходило чернолаковое блюдо или чашечка, но она не сохранилась.

Описание находок из курганов Тираспольщины показывает, что рассмотренные памятники не могут относиться к одному времени.

По керамике главным образом выделяется небольшая группа погребений относящихся к предскифскому и раннескифскому времени, т. е. к VIII — началу VI в. до н. э.: курганы 385 у г. Тирасполя, 97 (погребение на горизонте), погребение «б» в кургане 98, погребение в насыпи в кургане 178 у с. Парканы, парное погребение в насыпи кургана 3 у с. Суклей. По-видимому, наиболее ранними из них являются погребения в кургане 178 с ромбической плоской стрелой и в кургане 3 у с. Суклей с сосудом чернолесского типа. Они относятся еще к чернолесскому времени — к VIII — первой половине VII в. до н. э., остальные принадлежат к концу VII — началу VI в. до н. э.

Следующая группа курганов датируется IV—III вв. до н. э. Это 11 погребений в простых грунтовых ямах, ориентированных с запада на восток или несколько отклоненных от правильного широтного направления⁷⁶. Из катакомбных погребальных сооружений к IV—III вв. до н. э. совершенно определенно можно отнести

только катакомбу из кургана 345 у с. Чобручи. Основанием для датировки памятников IV—III вв. до н. э. являются прежде всего находки только бронзовых трехгранных и трехлопастных наконечников стрел. Железные наконечники стрел и фибулы в них отсутствовали. Нет в этих погребениях и лепной керамики, которая, как было показано выше, появляется в степном Северном Причерноморье только на рубеже III и II вв. до н. э. Катакомба из кургана 345 у с. Чобручи датируется IV—III вв. до н. э. на основании находок бронзовых наконечников стрел обычных для этого времени типов и чернолакового канфара конца IV в. до н. э.

По находке золотой серьги с коническими шишечками на концах, аналогичной серьге из кургана 345 к IV—III вв. до н. э. относится также разграбленная грунтовая яма в кургане I у с. Суклей.

Находки в насыпи девяти бронзовых наконечников стрел и серебряной серьги с заходящими друг на друга концами позволяют датировать IV—III вв. до н. э. и разграбленный курган 104 у с. Парканы.

Большинство катакомбных погребальных сооружений, прежде всего курганы с катакомбами первого типа, датируются более поздним временем и принадлежат скорее всего ко II в. до н. э. Для памятников этого времени характерно преобладание железных стрел над бронзовыми или наличие только железных наконечников стрел, а также лепная керамика описанных типов: миски, курильницы, светильники, подражающие позднеэллинистическим античным. Довольно обычной находкой являются в них бронзовые или железные фибулы⁷⁷. Проволочные среднелатенские фибулы, образцом которых является бронзовая фибула из кургана 378 у с. Глининого, как известно, существовали в течение довольно длительного отрезка времени со II в. до н. э. до I в. н. э. Однако датировать разбираемые нами памятники позднее II в. до н. э. не позволяют наконечники стрел. Как уже было сказано выше, все железные стрелы, найденные в курганах Тираспольщины, трехгранные втульчатые, по форме головки, подражают бронзовым. Между

⁷⁴ М. Ebert. Op. cit., Abb. 48 b.

⁷⁵ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 73—74, табл. XXVIII, 1.

⁷⁶ См. табл. 1, курган 112, погребение 1 в кургане 155, курган 157, погребение 2 в кургане 158, курган 161, курган 151, погребение 2 в кургане 155, курган 367 у с. Парканы; погребения 1 и 2 в кургане 252 и курган 267 у с. Плоского.

⁷⁷ См. таблицы 5—9.

тем уже с конца II в. до н. э. и особенно в I в. до н. э. на большой территории степей нашего юга, в том числе в Северном Причерноморье, господствующими становятся черешковые железные стрелы⁷⁸. Отсутствие таковых в курганах Тираспольщины достаточно определенно свидетельствует о том, что эти памятники не выходят за пределы II в. до н. э.

Комплекс находок, особенно керамики, в большинстве курганов этой хронологической группы весьма однообразен, что позволяет относить их к одному времени. Курганы 156 и 173 у с. Парканы являются, по-видимому, несколько более ранними катакомбными погребальными сооружениями первого типа. В ограбленной катакомбе кургана 156 был найден бронзовый колчаный или поясной крючок, аналогии которому имеются лишь в памятниках IV—III вв. до н. э., например, в кургане 9 могильника у с. Кут (раскопки Д. Т. Березовца). В памятниках сарматской эпохи находки подобных предметов мне неизвестны.

В кургане 173 наряду с местной лепной посудой обычных типов был найден чернолаковый килик IV—III вв. до н. э. Сильная потертость лака свидетельствует о том, что килик употреблялся в течение долгого времени. Однако едва ли можно допускать, что им пользовались более 100 лет. Наличие только железных наконечников стрел, курильницы и светильника позволяют относить этот курган ко времени не ранее конца III в. до н. э.

Курганы с катакомбными погребальными сооружениями второго типа, судя по железной фибуле и железным наконечникам стрел из кургана 281 у с. Чобручи, также относятся ко II в. до н. э.

Неясна датировка курганов с катакомбами третьего и пятого типов. Определенно к тому же времени, что и курганы с катакомбами первого и второго типов, относится лишь курган 276 у с. Глинного (же-

лезная фибула, 14 железных и один бронзовый наконечник стрел).

К курганам с катакомбными погребальными сооружениями II в. до н. э. близко по времени погребение в простой грунтовой яме первого типа в кургане 292 у с. Плоского, судя по находке в нем обломка фибулы, а также погребение в кургане 131 у с. Парканы, находящееся в грунтовой яме, ориентированной с севера на юг. По набору инвентаря последние не отличаются от погребений в катакомбах II в. до н. э. Может быть, этим же временем датируется и погребение в грунтовой яме первого типа в кургане 167 у с. Парканы, в котором был найден красноглиняный античный кувшин.

Рассмотрение датировки памятников Тираспольщины позволяет прийти к следующим выводам.

Курганы с простыми грунтовыми ямами, ориентированными с запада на восток, появились на этой территории еще в VIII—VII вв. до н. э. Памятники VI—V и V—IV вв. до н. э. здесь неизвестны. Курганы IV—III вв. до н. э. содержат главным образом погребения в простых грунтовых ямах с широтной или несколько отклоненной от нее, но никогда не переходящей в меридиональную, ориентировкой. Обычай погребения покойников в простых грунтовых ямах с широтной ориентировкой продолжал существовать и во II в. до н. э. Погребения в грунтовой яме с меридиональной ориентировкой появились только во II в. до н. э.

Катакомбные погребальные сооружения стали известны на Тираспольщине только в конце IV или начале III в. до н. э., но в это время, очевидно, преобладали захоронения в простых грунтовых ямах. Во II в. до н. э. катакомбные погребальные сооружения стали господствующими, хотя наряду с ними продолжал существовать обычай погребения в простых грунтовых ямах с широтной и меридиональной ориентировкой. Погребальные сооружения с меридиональной ориентировкой катакомб, наиболее характерные для Тираспольщины, если и появились здесь в III в. до н. э., то широко применялись лишь во II в. до н. э.

⁷⁸ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — Труды секции археологии РАН ИОН, V. М., 1930, стр. 86.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятники Тираспольщины четко делятся на две хронологические группы. Первая из них, небольшая, относится к VIII — началу VI в. до н. э.; вторая — к концу IV—II в. до н. э.

Ранние памятники (их всего пять) представляют собой погребения в насыпях и на горизонте, обычно в курганах более раннего времени или в неглубоких грунтовых ямах. Все погребенные лежали в вытянутом положении, на спине, но ориентированы были по-разному. В одном случае — на запад, в другом — парное погребение на юг, один раз — на юго-восток; одно погребение разрушено и представлено лишь кучкой костей.

В погребениях найдена керамика (по одному сосуду в каждом) и только над разрушенным погребением в кургане 178 обнаружен бронзовый наконечник стрелы.

Небольшое количество ранних погребений и крайняя бедность сопровождавшего их инвентаря лишает нас возможности сделать выводы относительно культурной и тем более этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники. Обращает на себя внимание тот факт, что керамика степного типа здесь не представлена. Все сосуды, как об этом уже говорилось выше, имеют ближайшие аналогии среди характерной лесостепной посуды и, в частности, той, которая была распространена в более северных лесостепных районах Поднепровья. Как объяснить это явление? Возможно, что в степи Поднепровья проникла какая-то отдельная часть лесостепного населения, но, может быть, проникли лишь отдельные формы лесостепной керамики. Последнее предположение представляется наиболее вероятным, так как по обряду погребения памятники Тираспольщины существенно отличаются от погребений, известных в лесостепных областях Поднепровья⁷⁹, и вместе с тем имеют черты сходства с погребениями VIII — начала VI в. до н. э., известными в небольшом количестве в степных районах Нижнего Поднепровья. Кстати говоря, вместе с этими погребениями встречаются так же, как и на Тираспольщине, отдельные образцы

типичной лесостепной посуды чернолесского и раннескифского времени⁸⁰. Образцы типичной лесостепной лощеной керамики с резным орнаментом, известные на поселениях Нижнего Поднепровья и Нижнего Побужья, имеются также в Ольвии⁸¹.

А. И. Тереножкин в своей докторской диссертации склонен объяснять это явление культурным воздействием населения лесостепной правобережной Украины на степные племена⁸².

В хронологическом отношении памятники Тираспольщины следуют за погребениями эпохи поздней бронзы, известными в курганах на той же территории. Это — погребения со скорченными костями, лежащими преимущественно на левом боку, в насыпях, на горизонте и реже — в грунтовых ямах. Единства в их ориентировке нет, но как будто преобладает южная с отклонениями на восток и запад; встречаются и погребения, ориентированные на запад. Керамика, обнаруженная в них, представляет собой типичные образцы посуды, характерной для памятников эпохи поздней бронзы степного Северного Причерноморья. Это — баночные горшки, продолжающие традиции керамики срубной культуры, иногда украшенные наlepным валиком с пальцевыми зацепками. Встречаются также сосуды с довольно высокой шейкой, отделенной от крутого плеча небольшим уступом, известные в настоящее время на поселениях типа верхнего слоя Ушкалки и Бабино IV на Нижнем Днестре⁸³ и Нижнем Днестре⁸⁴.

Возможно, что погребения Тираспольщины VIII — начала VI в. до н. э. не только хронологически следуют за погребениями

⁸⁰ Например, курган у Сурской заборы, раскопки Бодянского, 1933; курган у пос. Тарасовка, раскопки А. М. Малеваного, 1956; курган 8, погребение 12 у с. Кут, раскопки Д. Т. Березовца. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

⁸¹ С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, № 50. М., 1956, стр. 158; И. В. Фабрициус. Указ. соч., табл. VI, 4.

⁸² А. И. Тереножкин. Предскифский период в днепровском лесостепном правобережье. Докторская диссертация. Киев, 1956. — Архив ИИМК, Р-2, № 1440, стр. 430.

⁸³ В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. — КСИА, вып. 5. Киев, 1955, стр. 21, табл. I, 15, 16.

⁸⁴ Найдены при наших раскопках на поселении Тудорово I. А. И. Мелюкова. Работы в Поднепровье в 1958 г. — КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 113 сл.

⁷⁹ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Поднепровья.

поздней бронзы, но и генетически связаны с ними. На это как будто указывает сходная неустойчивая ориентировка тех и других погребений.

Гораздо более определенный облик имеют погребения Тираспольщины IV—II вв. до н. э., значительно превосходящие первые в количественном отношении (их 65). По формам погребальных сооружений и погребальному обряду эти памятники, если не вполне аналогичны, то очень близки к скифским рядовым погребениям Нижнего Поднепровья, большинство которых датируется IV—III вв. до н. э. При этом наиболее ранние погребения Тираспольщины этой второй группы отличаются от одновременных им курганов Нижнего Поднепровья только тем, что в них преобладают захоронения в простых грунтовых погребальных ямах, а не в катакомбах. Как там, так и здесь господствуют широтная или несколько отклоненная от нее ориентировка могил и положение покойников головой на запад, северо-запад или юго-запад. Близки и сопровождавшие погребенных наборы инвентарей. Мужчины и там и здесь — воины, главным образом лучники. Пожалуй, только черты кочевнического быта выражены несколько ярче в нижнеднепровских памятниках, чем на Тираспольщине, хотя наличие большей части скелета коня в кургане 345 у с. Чобручи ясно свидетельствует о принадлежности погребенного к числу конных воинов.

Как известно, Никопольский могильник, могильник у с. Кут, курганы у Белозерского городища целиком укладываются в IV—III вв. до н. э., и только в Марицынском могильнике, наиболее южном из числа хорошо исследованных скифских могильников, захоронения продолжали совершаться и во II в. до н. э.

Б. Н. Граков отмечает, что на рубеже IV—III вв. до н. э. на Никопольщине появляются погребальные сооружения с меридиональной ориентировкой катакомб, в которых покойники были положены головой на север. Во всех остальных бытовых и обрядовых деталях эти погребения не отличались от погребений в могилах с широтной ориентировкой.

Такой способ устройства катакомб в IV—III вв. до н. э. не получил сколько-нибудь широкого применения в степном Нижнем Поднепровье. Судя по погребениям Марицынского могильника II в. до н. э. и

единичным погребениям этого же времени у с. Знаменки, на Нижнем Днепре и во II в. до н. э. катакомбные сооружения с меридиональной ориентировкой погребальных камер не были господствующими. Только на Тираспольщине во II в. до н. э. они становятся обычными и значительно преобладают над могилами других видов. Сравнение их с никопольскими показывает, что погребальные сооружения Тираспольщины, выделенные нами в первый тип, представляют собой как бы дальнейшее развитие катакомб третьего типа Никопольского могильника. Катакомбы приобретают более правильную и четкую форму. Обычным становится коридор, отделяющий катакомбу от входной ямы. Появляется способ устраивать катакомбы наподобие жилых домиков с двускатной крышей. Стены и потолок таких камер часто обмазывались глиной и украшались орнаментом.

Новые черты возникают и в погребальном обряде. Так, например, обычным становится захоронение с покойником местной лепной керамики, хотя остальной набор инвентаря в целом состоит из тех же предметов, которые сопровождали покойников и в более раннее время. Значительное количество могил, в которых были найдены наконечники стрел, позволяет предполагать, что и во II в. до н. э., как и в более раннее время, мужчины оставались воинами, и предметы вооружения следовали за ними в могилу.

Таким образом, курганы Тираспольщины II в. до н. э. представляют собой дальнейший этап развития скифских погребальных памятников IV—III вв. до н. э. По-видимому, они так же, как и несколько более ранние курганы этого района, принадлежали какому-то скифскому племени, жившему на западной окраине Скифии. Наименования этого племени мы, к сожалению, привести не можем, поскольку в письменных источниках, относящихся к IV—II вв. до н. э., нет сколько-нибудь удовлетворительной локализации племен Северного Причерноморья. Быть может, это были скифы, упоминаемые в декрете в честь Протогена, которые вместе с савдоратами и фисаматами искали убежища за стенами Ольвии во время нашествия галатов. В. В. Латышев, комментируя протогеновский декрет, отмечает, что эти племена, очевидно, жили в открытой степи к западу от Буга, так как если бы они жили к востоку, то незачем

было бы переходить через реку для того, чтобы укрыться в Ольвии⁸⁵.

Трудно сказать и о том, когда левобережье Нижнего Поднестровья было заселено скифами, имевшими близкие к нижнеднепровским погребальные памятники. Из Геродота мы знаем о том, что Скифия на запад простиралась до Дуная. Однако отсутствие археологических памятников на Днестре геродотовского или близкого к нему времени лишает нас возможности судить о том, насколько сходным по культуре было население западных окраин с племенами, жившими на основной скифской территории.

Важным историческим событием, по времени совпадающим с появлением скифских курганов на Тираспольщине, было объединение Скифии от Меотиды до Истра царем Атеем и его походы во Фракию. К этому же времени большинство исследователей относит рассказ Страбона о постепенных переходах скифов через Дунай и образовании задунайской Малой Скифии⁸⁶. Быть может, это способствовало появлению на Днестре скифского населения с Нижнего Поднепровья, принесшего с собой обычай погребения в катакомбах. Однако, поскольку в IV—III вв. до н. э. на Тираспольщине преобладали захоронения в простых грунтовых могилах, можно думать, что пришлого населения было немного, оно не могло изменить существовавших погребальных обрядов. В катакомбах, по всей вероятности, хоронили лишь представителей скифских племен Нижнего Поднепровья. Основное же население, по-видимому, составляли потомки скифов, живших здесь во времена Геродота.

Возможно, что переселение части племен с Нижнего Днепра на левобережье Днестра произошло несколько позднее, в конце III или в начале II в. до н. э., когда с востока скифов сильно потеснили сарматские племена, вследствие чего жизнь на большей части Каменского городища прекратилась, а политический центр Скифии был перенесен в Крым. Может быть, это была та часть населения Нижнего Поднепровья, среди

которой на рубеже IV—III вв. до н. э. распространился обычай строить меридиональные катакомбы и хоронить покойников головой на север.

Во времена Геродота, а позднее Атея, район степного Поднестровья, безусловно, входил в территорию Скифского царства. После поражения Атея Филиппом в 339 г. до н. э. геты перешли Дунай и заняли степи между Прутом и Днестром. Территория Скифского царства на западе сократилась, но мы не знаем, простиралась ли власть скифских царей в III в. до н. э. на население левобережного Нижнего Поднестровья. Декрет в честь Протогена отчетливо говорит лишь о том, что царские скифы господствовали на землях до Ольвии⁸⁷.

Во II в. до н. э. территория левобережного Нижнего Поднестровья и обитавшее на ней население как будто не входило в состав Скифского царства, центр которого помещался в Крыму. Степным Крымом, прибрежными районами Нижнего Поднепровья и Побужья ограничивалась территория Малой Скифии. В степях Северного Причерноморья господствовали сарматы. Скифское население левобережного Поднестровья, оставшееся за пределами скифского царства, видимо, существовало обособленно. Возможно, что это выделение левобережного Нижнего Поднестровья или большей территории между Бугом и Днестром из Скифии произошло сразу же после поражения, нанесенного Атею Филиппом, так как ослабление централизованной власти должно было привести к отпадению от царства удаленных от центра районов.

Сказать о том, каковы были взаимоотношения скифов Нижнего Поднестровья с населением Малой Скифии, при отсутствии данных письменных источников не представляется возможным. Однако существование там и здесь одинаковых форм посуды, по моему мнению, все же свидетельствует о близких связях между ними. Также на основании керамики прослеживается контакт с Ольвией, хотя отсутствие скольконибудь значительного количества привозной античной посуды как будто позволяет считать, что связи с Ольвией не были тесными и постоянными.

⁸⁵ В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 88.

⁸⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре.— МИА, № 36. М., 1954, стр. 20.

⁸⁷ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 24.

С запада и северо-запада скифское население Нижнего Поднестровья граничило с гетами. Об этом свидетельствуют не только данные письменных источников о гетской пустыне между Прутом и Днестром, но и археологические материалы. На северо-западе, в лесостепных районах правобережного Поднестровья, известны городища и поселения с типично гетской посудой IV—III вв. до н. э.⁸⁸

Сохранение черт типичной гетской культуры мы видим и в памятниках II—I вв. до н. э. лесостепного правобережного Поднестровья, на селищах у с. Лукашевка, раскопанных Г. Б. Федоровым⁸⁹.

В степных областях правобережного Поднестровья также известны гетские памятники. В с. Паланка Олонештского района случайно было выпажено несколько гетских сосудов IV—III вв. до н. э. с остатками трупопожжений в них⁹⁰. В с. Тудорово, которое находится несколько выше Паланки по Днестру, имеются остатки большого поселения или городища IV—III вв. до н. э. и первых веков нашей эры. Фрагменты лепной керамики, найденной на этом поселении, принадлежат к типичной гетской посуде⁹¹.

Находясь по соседству с гетским миром, скифы левобережного Нижнего Поднестровья не могли не испытывать на себе влияния этих племен. Однако это влияние, по всей вероятности, было более ощутимым в быту, чем в погребальном обряде. Черты гетских погребальных обычаев в курганах Тираспольщины отсутствуют, зато керамика и, прежде всего миски, встречающиеся в этих памятниках, как уже было сказано выше, имеют близкое сходство с гетскими. Возможно, что именно скифское население Нижнего Поднестровья было передатчиком элементов гетской культуры дальше на восток, в Побужье и Поднепровье.

Очень незначительным было воздействие сарматов на обитателей левобережного Нижнего Поднестровья. Оно сказалось лишь в появлении зеркал сарматского типа.

О быте и хозяйстве населения, оставшего тираспольские курганы, а также о социальном строе на основании описанных археологических источников можно сказать лишь очень немного. Наличие в ряде курганов II в. до н. э. катакомб, имитирующих жилые дома с двускатной крышей, глинобитные или сделанные из сырца, обмазка стен этих катакомб глиной, довольно разнообразный набор посуды, нехарактерный для кочевого быта, как будто указывают на то, что население вело оседлый образ жизни. По-видимому, оно занималось не только земледелием, но и скотоводством, так как довольно часто покойников сопровождала мясная пища. Но, с другой стороны, части конских туш, положенные вместе с несколькими погребенными воинами, как будто свидетельствуют о кочевом быте, быть может сохранившемся лишь у части населения Нижнего Поднестровья, или о пережитках этого быта.

Находки в ряде курганов глиняных пряслиц и грузил, вероятно, от ткацкого станка, указывают на существование ткачества, а местной лепной посуды и светильников, подражающих античным, — на местное керамическое производство. Где производились найденные в курганах металлические изделия — железные и бронзовые наконечники стрел, наконечники копий, мечи и другие предметы из металла, — сказать невозможно.

Рассмотренные курганы Тираспольщины, судя по небольшим размерам насыпей и скромному погребальному инвентарю, принадлежали рядовым членам общества так же, как аналогичные памятники Нижнего Поднепровья. Возможно на некоторую имущественную или социальную дифференциацию внутри этого рядового населения указывает существование катакомбных погребальных сооружений довольно сложной конструкции с двумя камерами. По всей вероятности, в таких могилах хоронили наиболее богатых или наиболее уважаемых членов рода. Поскольку под каждым курганом имелась лишь одна могила и случаи повторных захоронений в могилах неизвестны, можно думать, что семейных усыпальниц у населения Нижнего Поднестровья в течение IV—

⁸⁸ А. И. Мелюкова. Указ. соч., стр. 91 и сл., рис. 30, 31.

⁸⁹ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э., стр. 9 и сл.

⁹⁰ Сосуды хранятся в Кишиневском республиканском музее. См. Г. П. Сергеев. Скифский кинжал Олонештского района Молдавской ССР. — Зап. Одесского археологического общества, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 262 и сл.

⁹¹ Г. Б. Федоров впервые обследовал этот памятник в 1950 г. В 1958—1959 гг. скифский отряд Молдавской экспедиции собрал большой подъемный материал на этом поселении. Хранится в лаборатории ИА АН СССР

II вв. до н. э. не было. Вероятно, семьи или группы родственников хоронили своих близких в курганах, расположенных поблизости друг от друга, т. е. так же, как в IV—III вв. до н. э. это делали скифы Нижнего Поднепровья. Это в свою очередь показывает, что семья еще не отделилась от рода и что родовая организация была достаточно сильной. О существовании родового строя свидетельствует также и то, что все мужчины или большинство мужчин были вооруженными воинами, а это очень характерно для первобытнообщинного строя, в том числе и для эпохи его разложения, т. е. для периода военной демократии. Если в степном Нижнем Поднепровье для IV—III вв. до н. э. мы застаем ту же картину, то с конца III и особенно со II в. до н. э. здесь начинаются существенные изменения. В мужских погребениях рядового населения исчезает оружие, довольно обычными становятся погребения членов одной семьи в одном погребальном сооружении, появляются грунтовые бескурганные могильники⁹². Те же черты

наблюдаются и у населения степного Крыма⁹³.

Появление на основной территории Скифии новых черт в погребальном обряде связано с дальнейшим развитием скифского общества, с упрочением государственной власти, когда род перестал играть сколько-нибудь существенную роль, а семья стала основной экономической единицей.

Как видно, все эти изменения как будто не коснулись населения Нижнего Поднепровья. По своему социальному развитию это население отставало от жителей Малой Скифии. Такое положение можно объяснить тем, что отколовшись от основного скифского ядра, население Поднепровья вело обособленную жизнь и находилось вдали от оживленных торговых связей с античными городами. Активизация гетских племен, известная нам из письменных источников, по-видимому, приводила к частым военным столкновениям между соседями. Очевидно, они велись с переменным успехом и не способствовали экономическому и социальному подъему днестровских скифов.

⁹² Например, могильник, относящийся к поселению Золотая Балка.— А. В. Добровольский. Золото-балковское поселение.— КСИА, вып. 4. Киев, 1955, стр. 71.

⁹³ Т. Н. Троицкая. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореферат диссертации. Симферополь, 1954.

Н. Л. Членова

СКИФСКИЙ ОЛЕНЬ

На пространстве степей Евразии в скифскую эпоху (VII—II вв. до н. э.) распространяются сходные предметы оружия и конского убора, часто украшенные в так называемом зверином стиле. По вопросу о природе этого сходства существуют две диаметрально противоположные точки зрения: 1) сходные вещи возникли конвергентно, т. е. независимо друг от друга, в разных частях Евразии; 2) сходство возникло вследствие происхождения вещей перечисленных категорий из одного центра. Последняя точка зрения включает самые разные мнения о причинах распространения этих вещей из одного центра и не исключает гипотезу, что их образцы, попав в определенную область, могли далее развиваться в ней самостоятельно.

Среди этих вещей есть почти тождественные, что наиболее трудно объяснимо с точки зрения теории конвергентного развития, например, изображение «скифского» оленя, который представлен в нескольких основных позах: первая — с подогнутыми ногами, вытянутой вперед шеей и поднятой головой (иногда голова повернута назад); вторая поза — стоячая — менее распространена. Иногда олень стоит на кончиках копыт, как бы «на цыпочках»; в некоторых случаях изображение обрамлено кольцевой рамкой; иногда изображена только голова оленя.

Изображения первого типа (с подогнутыми ногами) распространены в скифское время в Прикубанье, Северном Причерноморье, в Воронежской области, встречаются в Центральной Европе (Венгрия, Болгария), на Северном Кавказе, в Курдистане (Саккыз), на Памире, в Восточном Казах-

стане, в Западной Сибири (бассейн р. Томи и Чулыма), в Минусинской котловине, единичные находки известны близ Красноярска, в Туве, Монголии и Забайкалье (изображения на так называемых оленных камнях) и наконец, в Ордосе (см. табл. I и II, а также рис. 2). Все упомянутые изображения очень близки друг к другу (см. табл. II).

Наиболее ранними считаются изображения оленей с подогнутыми ногами на золотом поясе из Саккыза (Курдистан), который датируется временем не позже второй четверти VII в. до н. э.¹ К первой полови-

¹ R. Ghirshman. Notes iranienne, IV. Le trésor de Sakkez, les origines de l'art Mede et les bronzes du Luristan.— «Artibus Asiae», XIII, N 3—4, 1950, p. 197—198 (дата определена по фибуле и деталям изображений, указывающим на египетское влияние, проявившееся после завоевания Египта Ассаргадом; скифские вещи автор считает наиболее древними в кладе). Дата А. Годара — VIII в. до н. э. для наиболее поздних вещей этого клада (A. Godard. Le trésor de Ziwiye (Kourdistan). Haarlem, 1950, p. 12) — принимается Р. Гиршманом за terminus post quem. Дата, предложенная Б. Б. Пиотровским, — конец VII — начало VI в. до н. э. (Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток.— СА, XIX, 1954, стр. 156) — получена на основании приближения клада из Саккыза к находкам из Келермеса и Мельгуновского кургана. Однако следует заметить, что датировка вещей с Ближнего Востока по причерноморским может считаться убедительной лишь при наличии бесспорных доказательств их причерноморского происхождения, которых в данном случае нет. М. Лоер (M. Loehr. The Stag Image in Scythia and the Far East.— «Archives of the Chinese Art Society of America», IX, 1955, p. 65) на основании типологического анализа приходит к выводу, что олень из Саккыза старше оленей из Келермеса, Мельгуновского кургана и ст. Костромской; он согласен с датой, предложенной Р. Гиршманом.

не VI в. до н. э. относится появление изображений оленя в этой позе в Причерноморье (Келермес, Мельгуновский курган, Костромская и др.)², и, по-видимому, к VI в. до н. э. относятся золотые изображения оленей из Восточного Казахстана, найденные к югу от оз. Зайсан (Чиликты, курган 5, раскопки С. С. Черникова, 1960, см. табл. II, 16)³. В V в. до н. э. изображения оленей с подогнутыми ногами появляются в Минусинской котловине (о дате их см. ниже). Из изображений, найденных в других районах, некоторые не могут быть точно датированы, а другие относятся к еще более позднему времени.

В евразийских степях изображения оленя с подогнутыми ногами, относящиеся к доскифскому времени, не известны.

Наиболее многочисленны изображения оленей с подогнутыми ногами в Причерноморье и в Минусинской котловине. В обоих этих районах они были распространены в течение длительного времени. Как видно из табл. II, ранние вариации этого типа в Причерноморье и Минусинском крае очень близки, как между собой, так и к изображениям из Саккыза. В дальнейшем развитие изображений в обоих районах идет разными путями и сходства между более поздними экземплярами меньше, но тем не менее, изменяясь, экземпляры из Причерноморья и Минусинского края приобретают иногда ряд новых сходных деталей. Это обстоятельство представляет интерес и требует объяснения. Причины сходства и различия упомянутых изображений в двух районах помогает установить классификация этих изображений.

Для Причерноморья такая классифика-

ция сделана К. Шефольдом⁴. Необходима подобная же классификация и для изображений Минусинского края. В этом районе нет столь хорошо датированных импортных вещей, как в Причерноморье, но работы по хронологии тагарских памятников, опирающиеся на корреляционные таблицы инвентаря из тагарских курганов, помогают датировать минусинские экземпляры почти так же надежно, как датированы скифские экземпляры⁵.

Общее количество известных минусинских изображений оленей с подогнутыми ногами довольно велико (111), из них 32 экземпляра найдено в датированных тагарских комплексах. Это позволяет составить схему (табл. I и стр. 178) развития этих изображений в Минусинской котловине. Стилистический анализ изображений позволяет выделить среди них десять групп.

Описание деталей изображения каждой группы ведется в таком порядке: рога, ноги, форма морды, глаз, ухо, рельеф фигурки, хвост.

Классификация минусинских изображений оленей с подогнутыми ногами

Группа I. К ней относятся 12 экземпляров. Из них датированных — семь. Шесть из них относятся к V—IV вв. до н. э., они найдены в курганах Малой Ини (курган 6, погребения 1 и 2⁶ — 4 экз.; курган 2, могила 1⁷ — 2 экз.; курган 3, погребение 2⁸ —

⁴ К. Schefold. Op. cit., S. 33—44.

⁵ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 46—50 и табл. I; С. В. Киселев. Тагарская культура. — ТСА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 257—263 и таблица; его же. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 108—167 и табл. XX—XXVII. Важные сведения по классификации тагарских древностей были изложены М. П. Грязновым в курсе лекций, прочитанных в 40—50-х годах на историческом факультете ЛГУ.

⁶ Раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210. Курган датируется ножом, расширенным кверху, бу-
силами из синего стекла и голубым бисером.

⁷ Раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210. Курган датируется ножами, расширенными вверх, петельным ажурным, однодырчатым ножом, ручка которого сверху срезана тупым углом, и двумя шильями, тонкими, четырехгранными с тройной головкой.

⁸ Раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210. Курган датируется однопетельным ножом, ножом-дериватом типа вкладышевого, шильями, аналогичными найденным в предыдущем кургане, а также массивным шилом со шляпкой и шейкой.

² Е. Придик. Мельгуновский клад. — МАР, № 31, 1911, стр. 20—21; М. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 41; Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. — СА, I, 1936, стр. 88; К. Schefold. Der skythische Tierstil in Südrussland. — ESA, XII, 1936, S. 9; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 112—116.

³ Курган датируется бронзовыми двухлопастными втульчатыми наконечниками стрел и золотыми изображениями свернувшихся пантер, близкими изображениям на лапах и хвосте знаменитой келермесской пантеры.

Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность С. С. Черникову за любезное разрешение ознакомиться с оригиналами вещей.

1 экз.). Одно изображение относится к III в. до н. э. (Большой Барандат, «курган за поскотиной»⁹).

Рога изображаются в виде отдельных S-видных петель, расположенных более наклонно, чем на скифских экземплярах (ст. Костромская, Мельгуновский курган и др.) и изображениях из Саккыза (ср. на табл. II 1, 2, 13, и 28). Последний отросток загибается вверх крючком, как на раннескифских экземплярах VI в. до н. э., но никогда не образует петли — отличительной особенности причерноморских изображений, на которую обратил внимание М. Лоев¹⁰. Обычно вся ветвь прижата вплотную к спине, но иногда к ней прижат только последний отросток. Передний отросток над лбом оленя на всех без исключения минусинских экземплярах — один, в отличие от скифских VI в. до н. э. и от изображений из Саккыза, где имеются два передних отростка, в чем сказалось отступление от строго профильного изображения. Передний отросток на минусинских экземплярах также S-видно изогнут, но помещен горизонтально, в отличие от вертикально поставленных отростков на скифских изображениях. Между рогами и теменем животного изображен выпуклый валик, как на раннескифских экземплярах и на изображениях из Саккыза.

Ноги изогнуты под туловищем так, что передняя нога положена поверх задней. Лишь на одном минусинском экземпляре (Верхняя Коя, ММ, 1926, табл. I, 1 и табл. II, 28) ноги вплотную прижаты к туловищу, как на скифских экземплярах; на

⁹ Раскопки Г. О. Оссовского, 1896, ГИМ, № 36518. Курган датируется сочетанием вещей, близких к таштыкским (глиняная полукруглая бляшка с круглыми выпуклостями, половинка бронзовых миниатюрных удил, подобных железным таштыкским), с большим количеством тагарских вещей типов V—III вв. до н. э. (ножи — один волотовый и большее количество петельных обычных и миниатюрных, уменьшенный бронзовый кинжал с сердцевидным перекрестием и рубчатой ручкой, большое количество самых разнообразных миниатюрных кинжалов и чеканов, медалевидные зеркала и бронзовое навершие с боковыми ушками, очень близкое к навершиям из кургана 1 у с. Волковцы (Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 2, 1899, табл. XI, IV в. до н. э.). Здесь нет еще железных вещей. Ранние таштыкские памятники датируются китайским зеркалом начала эпохи старших Хань (конец III—II вв. до н. э.), найденным в склепе 2 Изыхского чаа-таса (Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 85—86).

¹⁰ М. Лоев. *Op. cit.*, p. 64—65.

других изгиб ноги в колене образует с голенью петлю (этой петли нет на скифских экземплярах). Обе ноги плотно прижаты одна к другой. Ни на одном минусинском экземпляре копыта не изображены детально, как на скифском изображении из ст. Костромской.

Морда поднята вверх, форма ее четырехугольная, тупая, в одном случае морда острая, но также поднята вверх (табл. I, 1—3). Губы изображены в виде широкой длинной черты. Ноздрей нет, в отличие от раннескифских экземпляров.

Глаз изображен округлой выпуклостью, иногда выпуклыми концентрическими овалами. Ни на одном экземпляре глаз не изображен в виде выпуклых концентрических кругов, как у оленя из ст. Костромской.

Ухо в виде удлиненного овала, иногда чуть заостренного, гораздо более короткое и менее острое, чем у оленей из Скифии. Оно прижато к рогам, но не так плотно, как на скифских экземплярах.

Изображения рельефы, у животного выделяются лопатки и бедра, иногда видна полукруглая выемка у бедра, как у оленя из ст. Костромской. Рельеф мягкий, резких граней, как на изображениях из Саккыза и ст. Костромской, нет, а на горле иногда выделяется рельефная полоска, может быть, изображающая волосы. Этой детали нет на древнейших скифских изображениях, но есть, например, у оленя из Куль-обы.

Хвоста обычно нет, но иногда он изображен в виде рельефного маленького полукруга.

На обратной стороне пластинки имеются одна или две (в двух случаях) петельки.

Итак, анализ изображений первой группы показывает, что в целом они очень близки к древним изображениям из Причерноморья (начало VI в. до н. э.) и Саккыза (VII в. до н. э.). Однако различия во многих деталях никак не позволяют считать эти изображения импортом из Причерноморья. Напротив, изображения из Причерноморья и Саккыза сходны между собой как раз во всех деталях, отличающих их от минусинских. Поэтому причерноморские изображения можно рассматривать либо как импорт с Ближнего Востока, либо, по предположению Б. Б. Пиотровского, как копии ближневосточных образцов¹¹.

¹¹ Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток, стр. 157.

Любопытен и тот факт, что древнейшие минусинские изображения оленей с подогнутыми ногами относятся к V в. до н. э., тогда как причерноморские — к первой половине VI в. до н. э., а саккызские — ко времени не позже второй четверти VII в. до н. э. Характерно, что древнейшие минусинские экземпляры V в. до н. э. (рассмотренной нами первой группы) совершенно не похожи на причерноморские изображения этого времени¹² (ср. на табл. II, 6 и 28), что также говорит против предположения об импорте их из Причерноморья.

Этот разрыв во времени между тремя группами столь сходных между собой изображений заставляет предполагать, что была какая-то территория, расположенная между Причерноморьем и Минусинской котловиной, откуда произошли первоначальные изображения, где они изготовлялись, изменяясь сравнительно мало, в течение 250—300 лет, и откуда они могли распространяться в разное время в разных направлениях, в частности, в начале VI в. до н. э. в Причерноморье, а в V в. до н. э. — в Минусинскую котловину. Нет оснований считать подобным центром именно Саккыз в Курдистане. Но все же факт, что там найдены наиболее ранние изображения такого рода, наводит на мысль, что Саккыз расположен где-то недалеко от их родины.

Что касается изображений из Чиликты (Восточный Казахстан, табл. II, 16), то они сходны с минусинскими как раз по тем признакам, которые отличают их от причерноморских: последний отросток направлен вверх, но не образует петельки; передний отросток — один, S-видные отростки рогов расположены наклонно, а не вертикально, по форме уха изображения ближе к минусинским, чем к причерноморским. Рога на изображении оленей из Чиликты, пожалуй, ближе к натуре, чем на любых других, стилизованных гораздо сильнее. Это говорит об

архаичности восточноказахстанского типа изображения. Олени из Чиликты, датируемые VI в. до н. э., с большой долей вероятности могут считаться предками минусинских оленей.

Итак, в VI в. до н. э. имелись уже две группы изображений, отличавшиеся рядом признаков: причерноморская и восточноказахстанская. Так как причерноморская группа прямо восходит к саккызскому варианту изображений, дата которых VII в. до н. э., то, следовательно, возникновение различий между типами относится еще к VII в. до н. э., а существование какого-то общего прототипа (скорее, нескольких прототипов, сочетающих в себе как «западные», так и «восточные» черты) должно относиться к VII в. до н. э. или к более раннему времени. Скорее всего, этот общий прототип связан с территорией, расположенной между Курдистаном и оз. Зайсан. Ниже я постараюсь подтвердить этот вывод при рассмотрении ордосской группы изображений.

Группа II. Всего к этой группе относится 37 изображений. Датированных экземпляров шесть, из них два — в одном погребении V в. до н. э. (Большая Ничка)¹³; один — в могиле близ кургана 5. «Думная гора», (ГЭ, № 1126—111), также V в. до н. э.¹⁴; один — в Верхнем Суэтуке, также в кургане V в. до н. э.¹⁵; один в сочетании с изображениями группы I и III (Малая Иня, курган 6, погребение 1, V—IV вв. до н. э., см. стр. 168) и один даже с изображением группы VIБ (Верхний Сайбар, КМ 131-406, 407), вероятно, V в. до н. э. На таком небольшом материале опасно делать выводы; однако создается впечатление, что эта группа более многочисленна в Минусинском крае и более характерна для него, чем предыдущая (табл. I, 4—6).

Рога более или менее такие же, как на изображениях группы I, но S-видные отро-

¹² С. В. Киселев, впервые обративший внимание на разницу в возрасте между древнейшими причерноморскими и минусинскими экземплярами, предполагает, что изображения оленей из Причерноморья проникли в Минусинскую котловину «не позднее начала V в. до н. э.» (Древняя история Южной Сибири, стр. 145 и 156—157). Однако этому мнению противостоят как упомянутые выше различия в деталях изображений, так и тот факт, что непосредственные связи Причерноморья и Минусинского края не подтверждаются другими категориями «скифских» вещей — оружием и конским убором.

¹³ Погребение датируется уменьшенным чеканом с прекрасной фигуркой козла на обушке («случайная раскопка могилы», ММ, № 9561—9570).

¹⁴ Раскопки А. В. Адрианова, 1895. Могила датируется бронзовым наконечником стрелы, ромбическим в сечении, с внутренней втулкой и двумя опускающимися книзу жалыцами (ГЭ, № 1126—110).

¹⁵ Курган датируется ножами: верхняя часть одного из них превращена в сильно стилизованную голову грифона, другой увенчан стоящей фигуркой козла; уменьшенным чеканом с прорезным обушком и уменьшенным втоком, кончающимся плоской лопаткой.

стки поставлены более вертикально, концы их торчат вверх более длинными крючками. Ветвь теперь не прижата к спине, а соединяется с ней последним отростком, загнутым вниз. Передний отросток в ряде случаев теперь уже не S-видный, а простой, загнутый вверх крючок. Валик между рогами и теменем по-прежнему сохраняется. Ноги изредка еще сохраняют прежнюю позицию (Большая Ничка, ММ, № 9561), но более характерны теперь другие положения: а) при той же позиции ноги не прижаты плотно друг к другу, а разъединены, как у некоторых скифских оленей V в. до н. э. из кургана Бабы¹⁶ (табл. II, 6), причем копыто передней ноги обращено вверх, а задней — вниз (то же на упомянутых скифских экземплярах); б) ноги соединены лишь у лодыжек и изогнуты — передняя вверх, а задняя вниз (Сабинское, ММ, № 9134); в) ноги образуют одну линию, копыто передней ноги упирается в копыто задней; иногда копыта даже не обозначены (табл. I, 6). Эта позиция, совершенно не типичная для причерноморских изображений, очень характерна для минусинских. Она сохраняется и на всех позднейших минусинских экземплярах. При этом положении передняя нога опущена и петля между бедром и голенью, как в предыдущей группе I, не образуется. Петля сохраняется лишь на тех экземплярах, где одна нога лежит поверх другой.

Морда лишь на немногих экземплярах так резко поднята вверх, как в предыдущей группе I (дер. Ключи, ММ, № 9203; Минусинский округ, ММ, № 9159). У большинства изображений она параллельна линии ног или чаще слегка опущена вниз. Форма ее теперь более треугольная, более острая, чем прежде. Губы изображены так же, как и прежде, но часто их нет совсем. В одном случае губы изображены в виде очень длинного желобка, а морда очень узкая и напоминает клюв, как на «оленных камнях» из Монголии и Забайкалья, где морды еще более вытянуты и еще больше похожи на клюв (см. например, табл. II, 20).

Глаз обычно изображается, как и прежде, овальной выпуклостью, но на одном экземпляре (Верхний Сайбар, КМ, 131-406) он представлен в виде концентрических кругов с отверстием посередине. Эта последняя

форма характерна для более поздних минусинских экземпляров и для причерноморских V и IV вв. до н. э.

Думается, что на изменение морды и глаза оленей на бляшках в Минусинской котловине повлияли изображения горного козла, более распространенные и привычные здесь. Глаза горного козла еще с карасукского времени изображали в виде концентрических кругов¹⁷, и морду оленя стали стремиться изображать более близкой к морде козла. На причерноморских изображениях оленя V в. до н. э. морда по-прежнему квадратна.

Ухо также прижато к рогам, как на изображениях предыдущих групп. Прежняя его форма в основном сохранена, но стала более вытянутой.

Бляшки этой группы значительно менее рельефны, чем прежде. Мускулы бедер и лопаток часто совсем не выделяются. На оборотной стороне уже не бывает двух петель, иногда есть одна, иногда нет совсем.

Хвоста, как правило, нет, иногда он изображается в виде небольшого выступа, более острого, чем в группе I.

В целом фигурка делается менее компактной: рога и ноги уже не прижаты тесно к туловищу, как прежде, а отделены от него; линии ног, морды и рогов становятся почти параллельными. Благодаря этому не создается того впечатления напряженности, которая видна в позе изображений группы I, — фигурки делаются более спокойными и менее выразительными. Первоначальная идея выразить стремительный бег и рев оленя начинает утрачиваться.

Группа III. Всего четыре экземпляра, все они датируются. Два найдены в одном погребении (Малая Иня, курган 1, погребение V—IV вв. до н. э.)¹⁸, один — в другом погребении в сочетании с изображениями I и II групп (Малая Иня, курган 6, погребение I, V—IV вв. до н. э.)¹⁹ и один — за пределами Минусинской котловины в сочетании с изображениями групп I и V (Ягуня, курган 3, V в. до н. э.)²⁰.

¹⁷ См. например, на ноже из Минусинской котловины и кинжалах из Забайкалья (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XI, 2, 7, 15 и др.).

¹⁸ Раскопки А. В. Адрианова, 1896. Курган датируется ножами, верхние концы которых срезаны тупым углом и ножом с волютами (ГИМ, № 40210).

¹⁹ О датировке этого кургана, см. выше, стр. 168.

²⁰ Раскопки А. И. Мартынова, 1959, Тисульский район Кемеровской области. Архив ИА АН СССР,

¹⁶ K. Scheffold. Op. cit., S. 47, Abb. 38, N 43.

Рога оленей изображены еще в виде отдельных S-видных петель, но уже не касаются спины, а соединены с ней специальным тяжем (табл. I, 7); передний отросток уже не S-видный, а в виде простого крючка.

Ноги соединены в одну линию, как в группе II (табл. I, 6), при этом нога выше колена загнута вниз и образует искусственную петлю (см. табл. I, 8). Образовалась эта петля скорее всего под влиянием изображений группы I, где петля у колена естественна. Этим косвенно подтверждается, что изображения группы I в это время еще существовали, но, вероятно, были уже редки, и художник начал забывать, откуда тут образовалась петля. Здесь нарушается еще одна черта первоначального изображения. Никаких причерноморских параллелей данной разновидности изображений оленя не существует.

Морда слегка опущена вниз, как и в предыдущей группе II.

Глаз изображен в виде концентрических кружков, в середине — ямка или отверстие. Ухо вытянутое в форме миндалевидной ложечки. Оно уже не прижато плотно к рогам: между рогами и ухом возникает пустой промежуток. Рельеф бляшек слабый, чуть выделена лопатка. Хвост изображен в виде небольшого выступа.

Группа IIIA. Всего в группу входят пять экземпляров. Датировано три (один — Батени, курган 3, могила 23, V—IV вв. до н. э.²¹; и два — в одном погребении (Батени, «у пристани», могила II, V в. до н. э.)²².

Форма рогов происходит от их изображений в группе II. Они представляют собой слившиеся S-видные отростки, у которых верхние, загнутые вверх крючки почти атрофировались (табл. I, 8). На одном экземпляре (Сабинское, МИМК ТГУ, № 6272-214) этих верхних крючков уже нет, и рога пред-

ставляют собой ряд слившихся колец со срезанной нижней частью. Этот экземпляр одновременен группе III, так как ветвь рогов не доходит до спины, а соединена с ней вертикальным тяжем. На других экземплярах рога соединяются со спиной последним отростком ветви, как в группе II. Передний отросток надо лбом сохраняется в виде простого крючка. Валика между рогами и теменем уже нет.

Ноги положены одна на другую, но не прижаты плотно друг к другу, как и в группе II.

Морда иногда еще квадратная, вытянута горизонтально, а на одном экземпляре опущена вниз.

Глаз на одном экземпляре обозначен округлой выпуклостью, на другом — круглым отверстием. На одном из экземпляров его нет совсем.

Ухо изображается так же, как в группе II, иногда его не бывает вовсе.

Рельеф очень слабый, бедро и лопатка не выделены. На обороте одна петелька.

Хвост изображается, как в группе II, иногда его нет.

Группа IV. К ней относятся всего два недатированных экземпляра (табл. I, 11 и табл. II, 30).

Рога представляют собой теперь стержень с насаженными на него S-видными отростками. Конец основной ветви по-прежнему соединен со спиной специальным тяжем. Передний отросток надо лбом сохраняется в виде простого крючка, как и прежде. Валик между теменем и рогами также сохраняется.

Ноги образуют одну линию со слабым прогибом в середине и с ложной петлей. Передняя нога отделена от задней косой черточкой.

Морда вытянутой формы опущена вниз, губы изображены длинной бороздкой. Чуть намечен выступ (пока еще округло) восходящей ветви нижней челюсти.

Глаз изображен в виде концентрических кружков, в середине — сквозное отверстие.

Ухо на этом этапе изображается в форме вытянутого треугольника, обращенного тупым углом вниз. Оно вытянуто параллельно линии рогов и отделено от них пустым промежутком.

Рельеф бляшки слабый, чуть намечена лопатка.

Хвост изображен загнутым вниз крючком.

Р-1, 1977-6, л. 11. Курган датируется однодырчатым ножом и уменьшенными втоками.

²¹ Раскопки С. А. Теплоухова, 1926. Курган датируется ножами, расширяющимися вверх, и миниатюрными чеканами с рубчатыми обушками и с фигуркой козла на обушке (ГЭ, 4580-111).

²² Раскопки С. А. Теплоухова, 1924. Курган датируется подобными же ножами и клевцом с фигуркой козла на обушке в сочетании с более ранними вещами: однодырчатым ножом, ножом с фигурой стоящего зверя, расширяющимся вверх прорезным ножом, довольно массивными четырехгранными шильями со шляпками и шейками, параболическим втоком с граненым пирамидальным концом (ГЭ, № 4316).

Группа IVA, может быть, происходит от группы IIIA (табл. I, 12, 13 табл. V, 8). Всего шесть экземпляров. Из них датировано четыре: два — из одного кургана (Большой Тесинский курган V—IV вв. до н. э.)²³ и два — найдены за пределами Минусинской котловины (Ягуня, курган I, V в. до н. э.; в сочетании с изображениями группы V²⁴ и Боготол — конец V или IV в. до н. э.)²⁵.

Рога здесь образованы рядом слившихся колец, иногда со срезанной нижней частью. Этот ряд довольно короткий и расположен иногда параллельно спине, а в одном случае — наклонно и доходит до спины. Передний отросток и валик над лбом отсутствуют.

Ноги образуют одну линию. На одном экземпляре передняя нога помещена немного выше задней, но не прикасается к ней, как в группе II. Петли нет.

Морда вытянута горизонтально, в одном случае голова повернута назад и морда слегка опущена²⁶. Морда удлиненная с перехватом. Глаза и ноздри обозначены круглыми ямками (в одном случае глаз представляет сквозное отверстие).

В форме морды, в кольчатости ноздрей и глаз, в отсутствии переднего отростка на рогах и повернутой назад голове сказалось влияние изображений козла, который часто представлен именно в такой позе. Не ис-

ключено, что и рога на бляшках этой группы происходят не от рогов на изображениях группы III A, а от изображений рогов козлов, где рубчики на них делались полукруглыми²⁷. В Причерноморье кольчатые рога появляются очень рано — в первой половине — середине VI в. до н. э. (Ульский аул, Синявка, Берестяги, табл. II, 3, 4)²⁸, но все другие признаки не позволяют прямо связывать минусинские экземпляры с причерноморскими. Кольчатые рога — столь же универсальное явление в изображении «скифских» оленей на территории Евразии, как и S-видные отростки. Они встречаются, кроме Причерноморья и Минусинской котловины, на Северном Кавказе (Верхняя Рутха, VI—IV вв. до н. э.)²⁹, в Казахстане, в Ордосе (табл. II, 14, 17, 23 и табл. III, 15 и 17) и в Западной Сибири — по Чулыму и Урюпу (табл. III, 4, 5)³⁰. В Западную Сибирь изображения оленя проникли из Минусинской котловины, что доказывается их специфически минусинскими чертами (одна линия ног, лосеобразные морды и т. д.); они относятся скорее всего к V—IV вв. до н. э. Но прочие изображения оленей с кольчатыми рогами таких минусинских черт не имеют и восходят, видимо, к той же среднеазиатской территории, о которой шла речь выше (стр. 170). Разновидностью таких кольчатых рогов являются рога в виде двойной спирали с третьим дополнительным колечком (Ордос, табл. II, 22); близкий тип найден Б. А. Литвинским на Восточном Памире в кургане 7 могильника Тегерман-су (табл. II, 15), что также подтверждает существование в Средней Азии изображений оленей с кольчатыми рогами.

Ухо на экземплярах группы IVA миндалевидное, ложечкообразное, отдельно от ветви рогов. На одном экземпляре уха нет.

Маленькие изображения оленей из Минусинского края, относящиеся к группе IVA, представляют собой не бляхи, а сильно

²³ Раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ, № 1252-88 и 1252-47. См. также С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, табл. III, 129—157. Датируется двухлопастным бронзовым шипастым наконечником стрелы, миниатюрными чеканами с рубчатым и гладким обухом, ножами с расширяющейся вверх ручкой, массивным четырехгранным шилом с шейкой, стеклянной бусиной «под сердолик» с орнаментом, нанесенным белой краской.

²⁴ Раскопки А. И. Мартынова, 1959, архив ИА АН СССР, Р-1 1977-6, л. 7—9; датируется ранними типами ножей — однодырчатыми и с фигурой стоящего зверя, чеканами почти не уменьшенных размеров, втками таких же размеров, коническими, с плоской лопаточкой на конце.

²⁵ Найден вместе с бронзовым колокольчиком и бляшкой, изображающей двух геральдически расположенных животных кошачьей породы (Ачинский музей, архив, папка: «Материалы по учету памятников материальной культуры», л. 100, арх. 183). Такие колокольчики встречаются в основном в памятниках IV в. до н. э. (Лысая гора на р. Яя, Луан-Пинг в Маньчжурии. Частые курганы под Воронежом — курганы II и 13).

²⁶ Одно из двух известных мне в Минусинском крае изображений оленя с повернутой назад головой (см. также рисунок на ноже, табл. V, 10).

²⁷ Например, две головки козлов на ручке зеркала, ГЭ, № 5531-1539.

²⁸ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 115; Б. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднестровья. — СА, I, 1936, стр. 98—99.

²⁹ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. — «Ученые записки ЛГУ», серия ист. наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 196, табл. IX Б, 5 и табл. VII, 6.

³⁰ Подробные сведения см. в описаниях таблиц.

уплощенные скульптуры, характерные для минусинских бронз с VI в. до н. э. (фигурки, украшающие бронзовые ножи) до таштыкского времени (фигурки косуль). Бляха из Боготола слаборельефна.

Хвост изображен в виде небольшого торчащего выступа, как на фигурах козлов.

В целом эта группа представляет собой обработку пришлого мотива — оленя с подогнутыми ногами — в духе старого тагарского звериного стиля VII—VI вв. до н. э.

Группа V. Всего восемь экземпляров. Датированных четыре (один — Малая Иня, курган 5, погребение 2, IV в. до н. э.³¹; один в кургане 1, V—IV вв. до н. э. у пос. Вознесенское на р. Убиенка (табл. III, 10)³², два — из одного кургана (Ягуня, курган 1, V в. до н. э. о дате см. выше, стр. 173).

Рога по-прежнему представляют собой наклонный стержень, можно выделить три типа (V, VA и UB — см. табл. I, 14, 15 и табл. II, 31). В группе V стержень прямой, без дугообразного изгиба. На него насажены отростки, но уже не в виде буквы S, а в виде простых крючков. На двух экземплярах, видимо, самых ранних в этой группе (Верхний Суэтух, ММ, № 9125 и Малая Иня, курган 6, погребение 2, раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210), эти отростки еще образуют чуть заметный S-видный изгиб, на других — простые крючки, направленные назад и вниз («гребенчатые рога»). Таким образом, верхняя часть S-видного отростка утрачивается. Передний отросток надо лбом также утрачивается. Валика между теменем и рогами нет. В целом, рога на этой стадии упрощаются.

Ноги образуют одну линию, намечены копыта (три случая); на двух упомянутых экземплярах из Верхнего Суэтука и Малой Ини ноги положены одна на другую (как в группе II), причем на одном из них (Малая Иня) задняя нога положена поверх передней, видимо, по ошибке. В одном случае имеется ложная незамкнутая пегля.

³¹ Раскопки А. В. Адрианова, ГИМ, № 40210, оп. 764/98. Курган датируется ножами, расширяющимися вверх, и тонким четырехгранным шилом.

³² Раскопки Г. О. Оссовского, 1896, ГИМ 36518/141. Датируется ножами, расширяющимися вверх, миниатюрными чеканами с рубчатым и гладким обушком и коническим миниатюрным втоком, найденными в сочетании с ножом более ранней, однодырчатой формы и параболическим втоком с плоской лопаткой на конце.

Морда иногда очень вытянутая и острая, губы обозначены длинным, глубоким желобком (Верхний Суэтух, ММ № 9125 и Малая Иня, курган 6). Морда напоминает клюв, как у некоторых изображений из группы II. В других случаях морда поднята вверх, но конец ее дугообразно расширен и опущен вниз (эта форма сохраняется и в более поздних группах). У этих экземпляров морда напоминает лосиную. Такую же форму имеют лошадиные морды на некоторых тагарских ножах³³, причем на тагарских ножах ухо лошади также изображается в виде вытянутого тупоугольного треугольника вершиной вниз, а глаз — в виде концентрических кружков. Губы в одном случае изображены полукруглой выпуклой скобочкой, а ноздря обозначена выпуклым колечком. Так изображали губы и ноздри на древнейших скифских экземплярах из ст. Костромской и др. На древнейших минусинских изображениях оленя ничего подобного нет. Быть может, эти детали механически перенесены с лошадиных морд на ножи, которые существуют в Минусинской котловине еще с VI в. до н. э.

Глаз по-прежнему изображается концентрическими кружками, иногда он представлен сквозным отверстием.

Ухо в трех случаях очень вытянутое, с заостренными концами, в одном — в виде треугольника вершиной вниз (ММ, № 11984; АМ, № 254-2). Ухо всегда вытянуто параллельно линии рогов и в двух случаях соединено с рогами специальным тяжем (ММ, № 11984 и ГЭ, № 1123-122).

Рельеф бляшек, по-прежнему слабый. Лишь на одном экземпляре (Минусинский край, ГЭ, № 1123-122) путем углубления окружающей поверхности выделена лопатка. На другом изображении (ММ, № 11984) лопатка выделена очень слабым рельефом и врезанными линиями — одна идет от горба, другая отделяет лопатку от шеи. В этой группе на всех экземплярах появляется на спине небольшой острый горб, видимо, также в подражание изображениям лося. Среди фигурок этой группы встречаются крупные, достигающие 12 см в длину.

Хвост изображен в виде небольшого крючка, загнутого вниз. В одном случае (ГЭ.

³³ ММ, № 3981 (Малая Иня), ММ, № 4056 (Ключи), ММ, № 4057 (Кокорева); ММ, № 3980 (Ничка) и др.

№ 1123-122) хвост имеет древнюю форму группы I.

Группа VA (табл. I, 16) представляет следующий этап в развитии изображений оленя с кольчатыми рогами.

Рога имеют вид дугообразного стержня, как в типе VB, но вместо крючков на него насажены полукольца. Остальные черты (горбатая «лосеобразная» морда, горб, отсутствие рельефа) характерны для групп V и VB.

Минусинские экземпляры мне неизвестны. Единственный экземпляр из Ладейского городища (в 15 км от Красноярска) найден вместе с ножом с расширяющейся ажурной ручкой V или IV в. до н. э.³⁴

Группа VB (табл. I, 17). Из пяти известных минусинских экземпляров датировано три (Батени, «у пристани», могила 2, раскопки С. А. Теплоухова, 1924, один — V в. до н. э., в сочетании с изображениями группы III, см. выше, стр. 171. Один — Ягуня, курган 3, раскопки А. И. Мартынова, 1959, в сочетании с изображениями групп I—II и III, V в. до н. э., см. выше, стр. 171. Один — Коркино (район Красноярска), курган 2 V—IV вв. до н. э.³⁵).

Стержень рогов изогнут крутой дугой и упирается в спину у самой шеи. Отростки в виде крючков направлены вниз. Передний отросток превращен в петельку. Валик между теменем и рогами отсутствует.

Ноги в одном случае положены одна на другую (как в группе II), в другом — образуют прямую линию.

Морда опущена вниз, напоминает морду козла. В трактовке морды и рогов видно совершенно явное влияние изображений козла. Если убрать гребенчатые отростки на рогах, животное вполне можно принять за козла.

Глаз в одном случае представляет собой концентрические кружки с ямкой в центре, в другом — округлую выпуклость.

Ухо треугольное, но треугольник имеет необычную неправильную форму.

Рельеф слабый, характерный для этого времени. Лопатки и бедра не выделены. У одного экземпляра имеется едва заметный горб (Сабинское, ММ, № 9136). На том же экземпляре на крупе животного округлый выступ с петелькой. Один экземпляр (Калы, ММ, № 9257) представляет собой не бляшку, а уплощенную фигурку того же типа, что в группе IVA. Эта фигурка еще больше напоминает козла.

Хвост в одном случае представляет собой небольшой крючок, загнутый вниз, во втором — едва заметный округлый выступ.

Группа VI. Всего 11 экземпляров, датировано два: один — из Сарагаша, могила 41; в сочетании с экземплярами группы VIA, IV в. до н. э.³⁶; другой оттуда же, из могилы 42, в сочетании с бляшкой группы V и несколькими плохо сохранившимися бляшками IV в. до н. э.³⁷ Изображения этой группы являются прямыми потомками изображений группы V.

Рога такие же, как в изображениях группы V; только отростки сделаны небрежнее и посажены реже (табл. I, 18; табл. II, 33).

Ноги образуют одну линию с прогибом посередине и ложной петлей. Линия ног тоньше и прогнута сильнее, чем в группе V.

Морда еще более горбата, и конец ее еще больше расширен, чем в группе V. Губы и ноздри обозначены так же, как в изображениях группы V, но гораздо менее тщательно. Очень резко подчеркнут угол ветви нижней челюсти.

Глаз представляет собой концентрические кружки с отверстием посередине. Ухо на всех сохранившихся экземплярах обломано.

Фигурки совершенно плоские. На одном экземпляре выделена лопатка, но не рельефом, а двумя бороздками, отделяющими ее от шеи и туловища. Горб еще резче и острее, чем в группе V.

Оборотная сторона бляхи не вогнутая, как у всех описанных выше, а совершенно плоская. Петелек нет. На этом этапе снова

³⁴ ГИМ, № 84866/1. Оп. XXIV-940. Сборы А. Ф. Семенова, 1954.

³⁵ Раскопки Р. В. Николаева, 1957. Курган датируется ножами: с большим кольцом, со слегка расширяющейся ручкой и петлей, с круглым отверстием в расширяющейся сверху закругленной ручке; миниатюрным рубчатообушным клевцом. Благодарю Р. В. Николаева за любезно предоставленные рисунки вещей из этого кургана.

³⁶ Раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ, № 4131. Памятник датируется ножами, расширенными вверх, миниатюрным чеканом и миниатюрным коническим втоком.

³⁷ Датируется ножами: волютовым, расширенным вверх; миниатюрными клевцами с гладким обушком; бусиной «под сердолик» с узором, нанесенным белой краской; встречаются и более ранние вещи: втоки, кончающиеся плоскими лопаточками, шило с круглой шейкой и шляпкой.

исчезают крупные экземпляры, длина блях 9,5 см.

Фигурки в целом делаются более поджарыми, тонкими, плоскими, с выступающими острыми углами.

Крючок, изображавший хвост, превращен теперь в петельку.

Аналогичны причерноморские экземпляры IV—III вв. до н. э. (Александрополь, Чертомлык, Покровка³⁸ — см. табл. II, 10, 11, 12).

Группа VIA (табл. I, 19) представляет дальнейшее развитие изображения оленя с кольчатыми рогами. Всего четыре минусинских экземпляра. Датированных два: один из Саргаша, могила 41, раскопки С. А. Теплоухова, 1923. Найден вместе с типом VI. См. выше, стр. 175 другой найден в Сарговом улусе в кургане I группы II, V в. до н. э.³⁹

Полукольца по-прежнему насажены на стержень, но более редко, чем в группе VA, с промежутками. Ноги изображены так же, как в группе VI, с ложной петлей.

В одном случае (Знаменка, ММ, № 9119) черточками обозначены копыта. Ухо — тупоугольный треугольник (как в группах V и VI), соединенный со стержнем рога тяжем. Морда такая же, как в группе V. Так же обозначены губы и ноздри. Глаз изображен сквозными концентрическими кругами. Фигурки слабо рельефны. Сильно подчеркнут горб. На обороте бляшки — одна петелька. Величина бляшек 9,5 см. Хвост представляет собой петельку, как в типе VI.

Экземпляр, найденный в кургане у Саргова улуса, не отличается от экземпляров типа VIA по контурам, но более массивен, имеет хороший рельеф (выделены рельефом лопатка и даже бедро), стержень рогов, ноги и ухо толще, чем на экземплярах группы VIA, и VI; по всем этим признакам изображение можно бы поставить в группу VA.

Группа VIB. К ней относятся семь экземпляров⁴⁰, причем, по-видимому, все они,

кроме одного (Минусинский край, ГЭ, № 3975/303, колл. И. Р. Товостина), отлиты в одной форме (при наложении рисунков друг на друга все контуры совпали). Датированных экземпляров нет. Датировать группу вернее всего по аналогиям с изображениями группы VI, т. е. IV в. до н. э. Один экземпляр этой группы найден в сочетании с изображением группы II. Этот факт позволяет говорить о том, что отдельные изображения группы II сохранялись до этого времени (см. выше, стр. 170).

Изображения отличаются несколько иной формой морды и уха (табл. I, 20). Морда квадратная, но с сильным перехватом, как в одновременной группе VI. В двух случаях резким углом подчеркнута восходящая ветвь нижней челюсти. Губы (или ноздри) обозначены сквозным круглым отверстием. Глаз имеет вид концентрических кружков или простого круглого отверстия. Ухо миндалевидное, недлинное, направлено вверх и касается рогов (архаизирующая форма), в одном случае уха нет вовсе. Рельеф бляшек очень слабый. Все фигурки очень тонкие, в отличие от значительно более массивных описанных выше. Такая тонкость характерна для более поздней группы VI. На трех экземплярах виден острый горб. На обороте одного из экземпляров есть две петельки, как в группе I (Березовка, ГЭ 5531-1398). Хвост — в виде острого выступа.

В целом группа имеет ряд архаизирующих признаков, но гребенчатость рогов, острые углы челюсти и горб, плоскость и тонкость фигурок не позволяют отнести ее к более раннему времени, чем изображения группы V.

Группа VII. К ней относятся два недатированных экземпляра (табл. I, 21, 22). Вероятная дата — III в. до н. э.

Рога представляют собой дугообразно изогнутый стержень, упирающийся в спину, с густо насаженными на него гребенчатыми отростками. Ноги — одна слабоогнутая линия, копыта не намечены. Ложная петля выродилась в большую вертикальную прорезь, живот на одном экземпляре (ММ, № 9158) соединен тяжем с линией ног; это остаток ложной петли. Иногда живот спускается вниз острым углом (ММ, № 9153). Морда по-прежнему напоминает морду лося, изгиб ее утрирован. На одном экземпляре резко подчеркнут угол ветви челюсти. Глаз изображен концентрическими кружками или сквоз-

³⁸ K. Schefold. Op. cit., S. 61, Abb. 47; ОАК, за 1897 г., стр. 73, рис. 169.

³⁹ Раскопки А. В. Адрианова, 1903, ГИМ, № 43930. Курган датируется ножами расширяющимися вверх со стоящим бараном, ажурным; дериватом ножа «с полукольцом»; простыми расширяющимися вверх ножами в сочетании с вещами более поздними: миниатюрными чеканами с гладким обушком.

⁴⁰ Верхний Сайбар, КМ, № 130—407; с. Идрикское; ГЭ, № 1293—201; Минусинский край, ММ, № 9155; ММ, № 9161; ГЭ, № 3975/304; ГЭ, № 3975/708; Минусинский край, ГЭ, № 3975/303.

ным отверстием. Ноздри и губы не изображены. Ухо вытянутое, на одном экземпляре оно соединено тяжем с линией рогов. Фигурки абсолютно плоские. Горб выражен маленьким бугорком у основания шеи. На обороте бляшек одна петелька. Хвост также отмечен едва заметным бугорком.

Вообще на этой стадии фигурки дегенируют, лишены всяких деталей, характерных для предыдущих стадий, и выполнены крайне небрежно. Видимо, образ оленя на этой стадии теряет всякое значение.

Группа VIII. В группе два недатированных экземпляра (табл. I, 23, 24). Вероятная дата — III или II в. до н. э. Фигура (табл. I, 23) совершенно деградировала, нарушены все пропорции, и трудно даже узнать оленя. Значение всех деталей совершенно забыто художником. Изображение оленя представляет собой бляшку, в которой прорезаны округлые отверстия, чтобы отделить стержень рогов от туловища, но отверстие это сделано несоразмерно большим, и благодаря этому передняя часть туловища совершенно исчезла. Гребенчатые отростки рогов торчат вверх, они непропорционально велики. Линия ног чрезмерно прогнута. Вместо ложной петли в туловище прорезано круглое отверстие, но слишком высоко. Ухо, ноздри и губы отсутствуют. Глаз изображен концентрическими кружками, морда вытянута и заострена, челюсть чрезмерно подчеркнута, горб исчез. Хвост изображен в виде небольшого выступа, без петли. Фигурка довольно массивная, выпуклая, но обратная сторона совершенно плоская и без петельки.

Другое изображение представляет собой также крайне схематизированный и дегенировавший тип (табл. I, 2, 4). Фигурка геометризована, лишена ажурности в еще большей степени, чем предыдущая. Рога представляют собой выступы, растущие прямо из спины, стержень отсутствует.

Ноги образуют прямую горизонтальную линию без прогиба, линия спины также совершенно горизонтальна и параллельна линии ног, живот выделен углом, появившимся на предыдущей стадии в группе VII. Ухо, ноздри, глаз отсутствуют, морда довольно широкая, на месте губ — вырез углом. Бляшка абсолютно плоская, на обратной стороне петелька.

Этот экземпляр стремились сделать как можно более четырехугольным, что может быть связано с распространением в эту эпо-

ху прямоугольных блях, появившихся в Барандате и оказавших сильное влияние на вырождающийся тагарский звериный стиль.

К этой же группе могут быть отнесены фигурки, напоминающие по очертаниям ранние типы II или даже I групп, но отлитые чрезвычайно грубо, лишенные всяких деталей и без голов. Рога как будто «решетчатые» (см. вариант группы IVA, табл. V, 8) или с полукольцами на стержне, но детали плохо угадываются.

Известны три экземпляра: один — в могиле 15, у дер. Лепешки, III в. до н. э.⁴¹; один — в кургане I у Частоостровского, та же дата⁴²; один — в Белоярском, случайная находка (ГЭ, 1293/20).

В приведенной выше классификации развитие минусинских изображений оленя с подогнутыми ногами дано по типам, но не вполне в хронологическом порядке, что видно из описания всех шести групп. Экземпляры из разных групп встречаются друг с другом в одном погребении или в одном кургане. На таблице I (стр. 178) показано, в каком сочетании встречаются изображения разных групп в одном кургане. Арабскими цифрами обозначено количество курганов, в которых данные группы встречены вместе.

Как видно из таблицы, взаимовстречаемость типов подтверждает в основном порядок появления групп.

Группа VB, судя по этой таблице, должна быть как будто раньше группы IVA, и это не исключено: можно себе представить, что полукольца рогов (табл. I, 10) постепенно превращались в крючки (табл. I, 17). Однако и корреляционная таблица и таблица изображений (табл. I) позволяют установить лишь порядок появления различных типов, но не их хронологию. По мере появления новых типов, изображения ранних групп не выходили из употребления, а лишь становились, видимо, более редкими (об этом свидетельствует и инвентарь курганов, датирующий их). По-видимому, типы групп I—III более характерны для V в. до н. э., а типы групп VI, VIA и VIB — для IV в. до н. э.

⁴¹ Раскопки С. А. Теплоухова, ГЭ, № 4327-7. Могилу датируется миниатюрными бронзовыми вещами: проушиным чеканом и коническим втоком, ножами, кинжалом с рубчатой ручкой. Железных вещей еще нет. Набор вещей близок к инвентарю кургана Большого Барандата.

⁴² Раскопки А. В. Адрианова, 1902. ГИМ, 42359, хр. VII 47/56. Тот же набор вещей. Много проушных миниатюрных чеканов.

Таблица 1

Корреляционная таблица взаимовстречаемости типов изображений

Группы	I	II	III	IIIA	IVA	V	VB	VI	VIA	VIB
VIB		1				1		1		
VIA								1		
VI						1				
VB	1	1	1	1						
V					1			1		1
IVA					1	1				
IIIA				1			1			
III	1	1	1				1			
II	1	1	1				1			1
I	2	1	1				1			

Таким образом, единичный экземпляр не может быть точно датирован, и эта дата будет менее всего надежна для изображений, относящихся к группам I и II, очень долго не выходявших из употребления (уже говорилось о том, что изображение оленя группы I было найдено в кургане III в. до н. э.).

Наиболее ранней из всех известных минусинских находок, представленных в комплексах, является фигурка из кургана 35 у Тагарского озера, относящаяся по инвентарю к началу V в. до н. э.⁴³ К сожалению, у фигурки обломаны рога и уши, но, по-видимому, это олень, не относящийся к самым ранним группам I и II.

Кроме перечисленных, имеются еще стоящие особняком крайне малочисленные группы IX и X.

Группа IX. К ней относится один недатированный экземпляр (табл. 1, 26).

Рога представляют схематические головки ушастых грифонов, клювы которых загнуты вверх и назад, по направлению к хвосту оленя. Передний отросток изображен также в виде грифоньей головы, но без уха. Обозначен валик между теменем и рогами оленя. Ноги оплавлены, сохранилась лишь незамкнутая петля передней ноги. Морда поднята вверх, конец ее оплавлен,

и о форме судить трудно. Глаз обозначен сквозным отверстием, окруженным выпуклым кольцом. Ухо выпукло, отделено от рогов.

Фигурка представляет собой бляшку, она рельефна, отмечены лопатка и полоска из выпуклых четырехугольников на шее, обозначающая волосы, как например, у скифского оленя из Куль-обы. Фигурка неудачно отлита: не вышли ноги, задняя часть и морда оленя.

Группа X. В группе всего два недатированных экземпляра, причем от одного из них сохранилась лишь голова с рогами (табл. 1, 27, 28).

Рога ажурные, каждая петля рогов превращена в схематическую головку горного козла, на которой круглыми ямками обозначены глаза и ноздри. Вся ветвь высоко поднята над спиной и не соединена с ней. Переднего отростка в одном случае нет, а в другом он обозначен колечком. Между теменем и рогами заметен валик. Ноги у обоих изображений обломаны. Морда вытянута горизонтально, даже слегка поднята, и в одном случае она несколько напоминает морду лося; скобочкой обозначены губы и колечком ноздря, как в типе V; слегка намечен угол восходящей ветви нижней челюсти, как в типе IV. Глаз обозначен выпуклым колечком. Ухо приближается по форме к тупоугольному треугольнику, напоминающему тип IV. Оба экземпляра — уплощенные скульптуры, как в группах IVA и VB. Фигурки рельефны, подчеркнута лопатка и бедро. Хвоста нет.

⁴³ Раскопки А. В. Адрианова, 1894, ГИМ, № 34578. Курган датируется чеканом обычной величины с головкой грифона под бойком, миниатюрным чеканом, втоком параболоидной формы с граненой пирамидкой на конце, обломком трехгранной втульчатой стрелы, а также более поздними вещами: миниатюрным рубчато-обушным клевцом и ножом с большим кольцом.

Обе последние группы, очевидно, по времени близки друг к другу. Группа X по некоторым деталям сходна с группами IV, IVA и V, как упоминалось выше. Однако о дате ее трудно сказать что-либо определенное, так как все отмеченные детали, сближающие ее с перечисленными группами, появляются в них в результате обработки мотива оленя в духе более древних тагарских традиций VII—VI вв. до н. э. (см. выше). Наиболее вероятная дата группы X — первая половина V в. до н. э. Этой датировке не противоречат и скифские параллели — золотая бляшка из Эльтегена⁴⁴, олень из Кульобы, где рога превращены в головы баранов. К. Шефольд датирует эти экземпляры второй четвертью V в. до н. э.⁴⁵

Олень группы IX не имеет параллелей среди изображений Минусинской котловины. Он хранится в Музее истории материальной культуры ТГУ, но твердой уверенности, что он происходит из Минусинской котловины, нет. Возможно, он западносибирского происхождения. Ушастые грифоны — очень редкий мотив на вещах из Минусинской котловины. Они известны лишь на навершиях некоторых кинжалов V—IV вв. до н. э., но там ухо изображено круглым, а в данном случае — заостренно-овальным.

Ни на одной минусинской фигурке оленя не изображены и волосы на шее в виде рубчатой полосы, хотя такая полоска часто украшает различные тагарские бронзы VI—V вв. до н. э. Все же голова каждого грифона образует S-видный изгиб, что является сравнительно ранним признаком и в Минусинской котловине и в Причерноморье; о том же говорят и валик над теменем, и хороший рельеф фигурки, и ее общий реалистический вид и упомянутая уже рубчатая полоска на шее. В Причерноморье имеются экземпляры оленей с рогами в виде голов ушастых грифонов, например, олень с золотой обивки колчана из Аксютинцев. На этом изображении есть и подобная полоска на шее (табл. II, 9). Э. Миннз датирует этот предмет V в. до н. э., К. Шефольд — серединой V в. до н. э.⁴⁶ Можно думать, что и рас-

сматриваемый экземпляр относится к тому же времени.

Рога оленя, заканчивающиеся головками грифонов, — также довольно распространенный мотив в искусстве «скифского» мира. Такого же типа рога представлены на гирлянде оленя, находящейся в пасти грифона на изображении из второго Пазырыкского кургана (табл. II, 19). Наиболее вероятная дата кургана — конец V в. до н. э.⁴⁷ Олень

(С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 189; А. А. Гаврилова. Раскопки второго Катандинского могильника. — СА, XXVII, 1957, стр. 267). Однако изображенный на катандинской пластине стоящий фантастический зверь с телом и хвостом хищника и рогами в виде грифонных голов, на которого нападает спереди маленький хищник, гораздо больше напоминает золотую бляху из Верхнеудинска — фантастического зверя с хвостом хищника, головой и гривой лошади, на которого также нападает зверь (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, стр. 59), или китайские бляхи гуннского времени (P. Reinecke. Über Beziehungen der Altertümer Chinas zu denen des Skythisch-Sibirischen Völkerkreises. — ZFE, XXIX 5, 1897), чем оленя с подогнутыми ногами из Аксютинцев. На это обстоятельство обращал внимание уже Г. Мергарт (Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, S. 155).

А. А. Гаврилова (Указ. соч., стр. 267) справедливо сближает катандинскую пластинку с бронзовыми бляхами из Дерестуйского кургана в Забайкалье (II—I вв. до н. э.). Раз возникнув, мотив рогов в виде грифонных голов живет чрезвычайно долго, вплоть до появления «скифо-пермского стиля» (см. об этом Н. Appelgren-Kivalo. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentmotive in der Vorzeit Sibiriens. — «Finnisch-Ugrische Forschungen», XII/1, 2, 1912).

⁴⁷ М. П. Грязнов (Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 43) считает наиболее вероятной датой первого Пазырыкского кургана IV в. до н. э.; С. И. Руденко — вторую половину V в. до н. э. для первого Пазырыкского кургана и V—IV вв. до н. э. — для всей группы Пазырыкских курганов (С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, стр. 59; его же. Искусство скифов Алтая. М., 1949, стр. 81; его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953, стр. 360; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1960, стр. 336). И. М. Замоторин, устанавливая относительный возраст Пазырыкских курганов (И. М. Замоторин. Относительная хронология Пазырыкских курганов. — СА, 1959, № 1, стр. 30), пришел к выводу об одновременности сооружения первого и второго Пазырыкских курганов. Другой точки зрения придерживаются С. В. Киселев (Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9, 1949, стр. 214—215), Л. Р. Кызласов и К. Ф. Смирнов (рецензия на книгу С. И. Руденко: «Горно-алтайские находки и скифы». — СА, XIX, 1954, стр. 333), относящие Пазырыкские курганы ко времени не ранее III в. до н. э. Однако, как сообщил автору К. Ф. Смирнов, сейчас он считает возможным датировать Пазырыкские курганы V—IV вв. до н. э.

⁴⁴ ОАК за 1877 г. табл. 3, 24

⁴⁵ K. Schefold, Op. cit., S. 38.

⁴⁶ E. H. Minns. Scythians and Greeks, p. 182; K. Schefold. Op. cit., S. 40.

Э. Миннз сближает изображение оленя из Аксютинцев с алтайской деревянной резной пластинкой из Катанды (E. H. Minns. Op. cit., p. 182). Катандинский курган датируют обычно II—I вв. до н. э.

с рогами, заканчивающимися головками баранов и грифонов, изображен на бляхе из Гаршиново (Болгария), которую Н. Феттих считает возможным датировать даже VI в. до н. э.⁴⁸

Обе группы, IX и X, не характерны для Минусинской котловины.

* * *

Такова основная линия развития минусинских изображений оленя. При сравнении ее с причерноморскими изображениями выявляются любопытные закономерности. Уже говорилось, что наиболее сходны самые ранние группы изображений обеих областей — группа I Минусинской котловины и изображения VI в. до н. э. из Причерноморья. Эти изображения очень близки друг к другу, хотя и не совсем тождественны (см. выше, стр. 169). Между более поздними фигурками такого близкого сходства нет. Сравнивая минусинские экземпляры групп II и III (V в. до н. э.) с причерноморскими изображениями V в. до н. э. — типа оленя из кургана Бабы или из Ак-Мечети (табл. I, 4—7 и табл. II, 5, 6), — мы не можем определить происхождение каждого из этих типов, не можем уверенно утверждать, что первые являются причерноморским импортом или, напротив, вторые — минусинским. Развитие стиля изображений в обоих районах пошло разными путями. Интересен тот факт, что у изображений обеих этих территорий вновь появляются общие черты, причем такие, каких не было на более раннем этапе — это, например, положение ног, при котором они неплотно (как было прежде) прижаты друг к другу, и копыто передней ноги направлено вверх, а задней — вниз (минусинский тип II и олень из кургана Бабы), горизонтально вытянутая морда, тогда как прежде она была поднята (минусинские типы II, III, IV и тот же олень из кургана Бабы и из Ак-Мечети). Наконец, превращение и тут и там рогов оленя в головы грифонов или козлов (Минусинская котловина) и в головы баранов (Причерноморье).

В последнем случае общим является только принцип, но не изображение голов животных. Мы видели, что в Минусинской котловине фигурки оленей с головами грифонов и козлов на рогах стоят в стороне от основной

линии развития рассматриваемых изображений; для появления их нет никаких предпосылок, и группы эти очень малочисленны. Они проникают в Минусинскую котловину не из Причерноморья, так как отличие их от причерноморских оленей с головами баранов на рогах очень велико. Все это заставляет предполагать, что в течение V в. до н. э. и Причерноморье и Минусинская котловина поддерживают связи с какой-то третьей территорией, для которой характерны перечисленные выше общие детали изображений, ибо все эти черты обычны в VI в. до н. э. В IV в. до н. э. положение меняется.

Различия в изображениях оленей в Причерноморье и Минусинском крае объясняются местными влияниями, причем их можно конкретизировать.

Уже говорилось, что в минусинской группе V упрощается тип крючков, насаженных на основной стержень рога: вместо S-видных крючки делаются простыми, загнутыми назад (к хвосту) и немного вниз. Это получается при атрофировании верхней части S-видных крючков, которые на минусинских изображениях оленя наклонены назад и имеют обычно дугобразный стержень, в чем сказалось влияние изображений рогов горного козла. Указывались и другие детали, изменившиеся под влиянием изображений козла, — сужение морды, поворот головы назад, изменение формы хвоста и др. Таких изменений нет в Причерноморье, это минусинские вариации, сложившиеся под влиянием изображений горного козла. Последние изображения очень часты в VII—VI вв. до н. э. на тагарских бронзах и в более раннее время, в карасукскую эпоху, — в Минусинской котловине, в Ордосе и Забайкалье, где распространены культуры, сходные с карасукской⁴⁹. Изображения козлов в течение всей тагарской эпохи распространены наряду с изображениями оленей, но гораздо многочисленнее последних. Есть все основания полагать, что они представляли наследие карасукской культуры.

В Причерноморье наблюдается другая картина. Здесь на фигурах оленей S-видные отростки рогов расположены вертикально, нет основного стержня, на который они на-

⁴⁸ N. Fettich. Der Scythische Fund von Gartschilowo. — «Archaeologia Hungarica», XV, 1934, S. 39.

⁴⁹ Например, ножи с головами козлов в Минусинской котловине, шило из окрестностей Красноярска, кинжал с оз. Кото-Кель, сретенский меч, ордосские кинжалы с головами козлов, хорошо известные в литературе.

сажены, уничтожается не верхняя, а нижняя часть отростков и остаются крючки, загнутые вперед (к голове) и вверх. Их очень удобно превратить в пальметку⁵⁰. Того же типа рога и у оленей, найденных на Дону, (табл. II, 7). В этом сказывается влияние греческого искусства, как известно, очень сильное в Причерноморье. Оно проявляется и в других деталях, например, в изображении фигурок животных, наложенных на тело знаменитого оленя из Куль-обы. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось всеми исследователями скифского звериного стиля, и останавливаться на нем еще раз здесь нет необходимости.

Перечисленными влияниями и объясняются различия в изображениях оленя на Западе и Востоке в V в. до н. э.

В IV в. до н. э. и позднее новых черт сходства в изображениях этих двух областей не появляется. И тут и там наблюдаются дальнейшее развитие образцов предыдущих стадий, схематизация и деградация мотива. Скифские изображения оленей IV и III вв. до н. э. (Чертомлык, Чмырева могила, Покровка⁵¹, табл. II, 11, 12) все меньше и меньше похожи на минусинские. Здесь явно нет ни непосредственной связи, ни той связи с третьей территорией, которая наблюдалась в Скифии VI—V вв. до н. э. и в Минусинской котловине в V в. до н. э. Общим является лишь самый принцип схематизации и упрощения, что говорит об уменьшении значения образа оленя и в той и в другой области. Эта деградация изображений, видимо, была следствием прекращения поступления новых изображений оленя, которым подражали в обоих районах. При изготовлении только копий с копий довольно быстро утрачивается всякое сходство с оригиналом. Интересный опыт такого рода был проделан в свое время Максом Ферворном, предлагавшим детям школьного возраста копировать палеолитическое изображение северного оленя так, чтобы оригинал изображения видел только первый из них, а остальные срисовывали последовательно друг у друга. После седьмой-восьмой копии изображение изменялось до неузнаваемости — оно очень деге-

нерировало, становилось геометризованным⁵², т. е. приобретало как раз те черты, которые характерны и для тагарских и позднескифских изображений оленей.

Кроме того, в Минусинской котловине в это время в изображения благородного оленя начинают вносить некоторые черты, характерные для изображений лося (горбоносые морды и горб на спине у оленей групп V—VII), что пока трудно связать с каким-либо определенным влиянием.

В конце III—II вв. до н. э. изображения оленя окончательно исчезают в рассматриваемых районах.

Изображения оленей в Ордосе довольно многочисленны. Мне известно 33. Некоторые из них по ряду черт сходны с минусинскими (ср. табл. II, 21—27 и 28—35). Однако внимательный анализ показывает, что сходство между ними заключается не в близости характерных для каждой из этих групп деталей, а в общей линии развития изображений, как это наблюдалось и при сравнении минусинских экземпляров с причерноморскими: первоначальные варианты (табл. II, 21 и 28) очень сходны, затем появляется вариант изображения с рогами в виде колечек, распространенный, как мы отмечали выше, почти на всей рассматриваемой территории, позднее рога из S-видных становятся простыми гребенчатыми (не превращаясь, однако, в пальметку, как на причерноморских экземплярах), и, наконец, изображение делается более примитивным и грубым. Но ни одной специфически минусинской черты на ордосских экземплярах нет: ноги никогда не образуют одну линию, передняя нога всегда положена поверх задней, и на ней нет ложной петли, морды не напоминают лосиные или козлиные, на спине нет острого горба и т. п. Зато имеется ряд особенных черт: морда обычно чрезмерно поднята вверх (табл. II, 21, 23), чего нет не только на минусинских экземплярах (где морду обычно изображают опущенной), но и на причерноморских. Зато такая чрезмерно задранная вверх морда изображена у оленя, гравированного на костяной бляхе для перекрестья ремней из могильника I у 4-го отделения Бобровского совхоза

⁵⁰ Кроме приведенных на табл. II (6, 5), см. подобные же изображения у Б. Н. и В. И. Ханенко, в «Древностях Приднепровья», т. 2, 1899, табл. XXVI, 437 (Галушино Киевской губ.).

⁵¹ К. Schefold. Op. cit., Abb. 61; Abb. 47; ИАК, 19. СПб., 1906, стр. 110, рис. 70, 72; ОАК за 1897—1898 гг., стр. 73, рис. 169.

⁵² М. Ферворн. К психологии первобытного искусства. «Статьи и речи». М., 1910, стр. 199 и рис. 35А. Благодарю П. М. Кожина, указавшего мне эту интересную работу.

в Павлодарской области (табл. II, 17)⁵³. Форма рогов часто близка к естественной (табл. II, 25), как на изображениях оленей из Чиликты в Восточном Казахстане (табл. II, 16) и на гравированных изображениях гроба-колоды в Туэктинском кургане 2⁵⁴. Тело ордосского оленя (табл. II, 25) покрыто спиральным и геометрическим орнаментом, что абсолютно не встречается на минусинских экземплярах, но чрезвычайно характерно для изображений зверей Горного Алтая (Башадар, Туэкта, случайные находки)⁵⁵.

Ноги рассматриваемого ордосского оленя непропорционально толстые и лишены копыт; по положению они ближе всего напоминают ноги оленя из Павлодарской области (табл. II, 17). Наконец, самое любопытное, что на ордосских экземплярах иногда изображаются два передних отростка рогов. Этой детали нет ни на одном минусинском экземпляре, но мы встречаем ее на древнейших изображениях из Причерноморья, иногда на изображениях с Алтая (Туэкта, Пазырык, табл. II, 19) и на оленьих камнях Монголии и Забайкалья (табл. II, 20).

Все эти факты позволяют говорить о связи изображений оленя из Ордоса с изображениями из Восточного Казахстана и Алтая, и, вероятно, Монголии. Общие черты, имеющиеся у изображений Восточного Казахстана, с одной стороны, с изображениями из Ордоса, а с другой стороны, — Ирана и Причерноморья, снова указывают на то, что Восточный Казахстан — область, расположенная где-то недалеко от места происхождения изображений. Все ордосские изображения являются случайными находками и могут быть датированы только по указанным аналогиям весьма приблизительно. Так, олени, изображенные на табл. II, 22, 23, могут датироваться VI и V вв. до н. э., олень на зеркале (табл. II, 25) — концом V или началом IV в. до н. э., олени на табл. II,

26, 27 могут относиться к IV в. до н. э. или к еще более позднему времени.

В Монголии, Туве и Забайкалье фигурки оленей с подогнутыми ногами известны нам пока только по изображениям на оленьих камнях⁵⁶. Некоторые из тувинских изображений очень близки к минусинским (камень из Турана)⁵⁷ по трактовке лосеобразной морды и гребенчатых рогов. Другие ближе к монгольским и забайкальским образцам и представляют собой своеобразные стилизованные изображения с мордами наподобие клювов, чрезмерно вытянутыми длинными шеями и маленькими короткими ножками, иногда — с двумя ветвями рогов, одна поверх другой. Датируются эти оленьи камни «скифским временем» по предметам вооружения этой эпохи, изображенным на них вместе с оленями. Важно отметить, что очень близкие к ним изображения известны и в более западных районах на наскальных рисунках в урочище Тамгалы, в 160 км к северо-западу от г. Алма-Ата, и в урочище Сура-Таш в горах Айрымач-Тау, в 25—30 км к северу от г. Ош⁵⁸. На обоих рисунках олени изображены с очень длинными, вытянутыми вперед шеями и с двумя ветвями рогов, расположенными одна поверх другой. На тамгалинском памятнике изображены три оленя, один под другим. Айрымач-тауское изображение по стилю более отлично от монгольских, у него более геометризованы рога. Факт находок в юго-восточном Казахстане и Фергане наскальных рисунков, близких к изображениям на оленьих камнях, очень интересен. Во-первых, он позволяет считать рисунки на оленьих камнях не территориальным, а стилистическим вариантом изображений оленя с подогнутыми ногами. Можно предполагать, что, как и на территории Средней Азии,

⁵³ Раскопки Ф. Х. Арслановой, 1960. Приношу глубокую благодарность Ф. Х. Арслановой за присланную фотографию этого предмета и М. П. Грязнову, сообщившему мне об этой находке и показавшему выполненные им прорисовки изображения оленя.

⁵⁴ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., 1960, стр. 112, рис. 60.

⁵⁵ Там же; С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М., 1952, стр. 172, рис. 87.

⁵⁶ В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. I, 1892, табл. III, 7; вып. 3, 1896, табл. XCVII; Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. II, 1881; А. П. Окладников. Оленьи камни с р. Иволги. — СА, XIX, 1954, стр. 211, 212, рис. 2, 3; Н. Appelgren-Kivalo. Atl-Altäische Kunstidenkmäler. Helsinki, 1931, Abb. 331, 332; Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, стр. 43—46; А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-тайге. — Труды ИК АЭЗ, т. I, 1960, стр. 110, рис. 44.

⁵⁷ Н. Appelgren-Kivalo. Op. cit., Abb. 331.

⁵⁸ Из материалов экспедиции 1939 г. на Большом Ферганском канале. См. также: А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. — Вестник АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1958, № 9, рис. 24.

в Монголии наряду с такими изображениями могут быть найдены и бронзовые фигурки оленей обычного «скифского» стиля. Это предположение тем более вероятно, что в Ордосе такие фигурки известны в большом количестве. Во-вторых, находки подобных рисунков позволяют установить существование связей Восточного Казахстана и Киргизии с районами Монголии, Забайкалья и Тувы.

Несколько блях с изображениями оленя с подогнутыми ногами найдено на Северном Кавказе, на территории распространения кобанской культуры (табл. III, 26 и II, 14). Они очень своеобразны: голова оленя повернута назад, морда чрезвычайно вытянута и напоминает скорее клюв, изображены две ветви рогов, раскинутые вправо и влево от головы (табл. III, 26), в виде лент с завитками. Е. П. Алексеева датирует их VI—IV вв. до н. э.⁵⁹ Сходство этих изображений с только что рассмотренными рисунками на оленных камнях бросается в глаза. Уже отмечалось, что и тут и там морда часто превращена в подобие клюва. На оленных камнях встречаются изображения оленей, так же повернувших голову назад (см. например, табл. II, 20, боковое, маленькое изображение). У оленей на оленных камнях нередко изображены только верхние части ног, выше колена, ноги выглядят как бы обрубленными (табл. II, 20). То же самое мы видим на бронзовой фигурке оленя из Лизгора⁶⁰. На оленных камнях у оленей обычно две ветви рогов, одна поверх другой. На упоминавшейся выше (стр. 173) бляшке в виде обычного «скифского» оленя из Верхней Рутхи также изображено две ветви рогов, из них нижняя — кольчатая, а верхняя — близкая к натуре (табл. II, 14). Сходство кобанских блях с изображениями на оленных камнях не случайно. Следует вспомнить, что между Северным Кавказом и Монголией лежит еще территория Средней Азии, где также известны наскальные рисунки, подобные оленным камням. Таким образом, может быть, Восточный Казахстан и Средняя Азия были центром распространения и этого вида изображений оленя. В других районах оленей с мордами-клювами как будто неизвестно, за исключением

нескольких блях из Минусинской котловины, о которых уже шла речь выше (стр. 171 и 174).

В Прикубанье также довольно часто встречаются изображения оленей с повернутой назад головой и с двумя ветвями рогов, раскинутыми по обе стороны головы. Иногда они превращены в пальметку (см. например, табл. III, 24). Трудно установить, сказалось ли здесь влияние кобанских изображений, или, напротив, последние оказали воздействие на Прикубанье. Более вероятным представляется кобанское влияние.

В Северном Причерноморье олени с повернутой назад головой и с двумя ветвями рогов по обе стороны головы встречаются редко.

Золотой олень с подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой найден в Венгрии (Тапьюсентмартон, табл. III, 29). Он очень похож на древнейшие причерноморские изображения VI в. до н. э., отличаясь только тем, что контуры его рогов, глаза и бедра обведены выпуклым кантиком с насечками. Другой золотой олень из Венгрии представлен стоящим, с согнутой в колене передней ногой и повернутой назад головой (Жолдгаломпуста, табл. III, 30). Такая поза известна на кобанских бляхах (Верхняя Рутха)⁶¹.

В подобном же положении изображен олень на известной бляхе из Гаршиново (Болгария, табл. III, 27); концы его рогов превращены в головы баранов и грифонов. На той же бляхе изображен и олень в обычной «скифской» позе — с подогнутыми ногами и вытянутой вперед головой (табл. III, 28). Н. Феттих датирует бляху VI в. до н. э., К. Шефольд — первой четвертью V в. до н. э.⁶²

Появление вещей скифского типа в Центральной Европе большинство западноевропейских ученых связывает со скифской экспансией. Обзор различных теорий по этому поводу приведен в статье А. И. Мелюковой «К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы»⁶³. Рассматривая подробно находки «скифских» вещей и место их в культуре местных племен, А. И. Мелюкова приходит к выводу, что «скифские» находки Венгрии ближе стоят к вещам лесостепной Украины, чем к собст-

⁵⁹ Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 13. Л., 1949, стр. 196 и 233.

⁶⁰ Там же, табл. VII, 4.

⁶¹ МАК, VIII. М., 1900, табл. CV, 19.

⁶² N. Fettich. Op. cit., S. 50; K. Schefold. Op. cit., S. 40.

⁶³ СА, XXII, 1955, стр. 239—253.

венно скифским (стенным), и появились там в результате не скифских набегов, а культурных и, вероятно, этнических связей этой территории с лесостепной Украиной еще с бронзового века⁶⁴. В Болгарию в VII—VI вв. до н. э. проникали лишь отдельные «скифские» вещи⁶⁵.

Последняя территория, где встречаются изображения оленей с подогнутыми ногами,— это Западная Сибирь. Несколько изображений оленей найдено в районе Красноярска в курганах «красноярского варианта» тагарской культуры (табл. III, 2) с вещами IV в. до н. э. и на известном Ладейском городище (табл. III, 1 — вместе с тагарским ножом с расширенной решетчатой рукояткой V—IV вв. до н. э.). Довольно большое их количество известно из курганов и случайных находок в бассейне р. Чулыма (табл. III, 3—10; «ачинский» и «мариинский» варианты тагарской культуры, IV—III вв. до н. э.). Далее на запад они известны на р. Яя (жертвенное место «Лысая гора», IV—II вв. до н. э. и случайная находка V и IV вв. до н. э., табл. III, 11, 12). Наконец, одно подобное изображение оленя найдено на Чувашском мысу близ Тобольска (табл. III, 13). Тагарское происхождение оленей этой западносибирской группы не вызывает никаких сомнений. Им присущи все детали минусинских тагарских оленей IV и V групп: лосеобразные морды, рога в виде стержня с посаженными на него иногда S-видными, а чаще простыми крючками, ноги в виде прямой линии. Сходство их с тагарскими доходит иногда до полного тождества.

Таковы основные районы распространения изображений оленя с подогнутыми ногами. В доскифскую эпоху в степях Евразии таких изображений неизвестно.

При разборе типов оленей с подогнутыми ногами уже упоминалась фигурка оленя из Забайкалья с повернутой назад головой и рогами, поднятыми вверх (стр. 183 табл. II, 20). Этот тип изображений встречается изредка на самых разных территориях. Он известен в Прикубанье (Семибратний курган)⁶⁶. Одно подобное изображение есть на

ноже из дер. Аешки (Минусинская котловина, табл. V, 10), где, кроме того, представлена еще птица с загнутым клювом и полосатой штриховкой. Ножи такого типа встречаются в курганах V—IV вв. до н. э.

Вторую группу изображений оленя в скифское время составляют изображения только одной головы оленя с рогами, поднятыми вверх. Этот тип часто встречается на территории Минусинской котловины. Подавляющее большинство оленьих голов представлено рисунками на тагарских бронзовых ножах только что упоминавшегося типа (V—IV вв. до н. э.).

Эти изображения отчетливо видны на ножах, найденных в с. Очуры, с. Березовке и на р. Абакан (табл. V, 12, 13). Можно отнести сюда же ряд ножей, где видны лишь отдельные завитки рогов. Всего таких ножей мне известно 13. Олени на них близки друг к другу, но не тождественны. Морда изображается довольно схематично, она тупая, глаза и губы не намечены. Ухо петлевидное, поднято вверх. Рога направлены вертикально вверх и изображены по-разному, но чаще всего в виде завитков. Рисунки нанесены на обе стороны ножа.

Очень близкое гравированное изображение головы и передней ноги оленя обнаружено на клыке кабана в погребении 35 Калиновского могильника (Волгоградская область). Клык служил подвеской к железному мечу-акинаку VI—V вв. до н. э.⁶⁷

Автор раскопок В. П. Шилов усматривал в этом изображении сибирское влияние. Рассмотренные рисунки на тагарских ножах подтверждают существование такой связи. По всей вероятности, подобные изображения были распространены и в областях между Нижним Поволжьем и Минусинским краем. Изгибы рогов на нижневолжском экземпляре, да и на сибирских ножах, довольно близки к натуре и заставляют вспомнить голову оленя в пасти грифона из Пазырыка (табл. II, 19), головы оленей на кафтане из второго Пазырыкского кургана⁶⁸, рога туэктинского оленя и оленя из Чиликты (табл. II, 16). Видимо, в восточной части рассматриваемой территории такая трактовка рогов сохранялась долго.

⁶⁴ СА, XXII, 1955, стр. 249—253.

⁶⁵ Там же, стр. 249.

⁶⁶ E. H. Minns. Scythians and Greeks, p. 215, fig. 115. А. К. Коровина предлагает новую дату: вторая половина V в. до н. э. (А. К. Коровина. К вопросу об изучении Семибратних курганов.— СА, 1957, № 2, стр. 186).

⁶⁷ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, 1959, стр. 425, рис. 39 и стр. 424.

⁶⁸ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 94, рис. 37.

Изображения оленьих голов распространены и в Прикубанье и в Причерноморье в V—IV вв. до н. э. Рога их обычно не направлены вверх, как у восточных экземпляров, а образуют пальметку⁶⁹ или превращены в очень замысловатый орнамент⁷⁰. Повидимому, оленю голову следует рассматривать все же как общий мотив с западными и восточными вариациями того же типа, как и для оленей с подогнутыми ногами.

Третья большая группа изображений оленя — стоящий олень — имеет несколько разновидностей. Прежде всего, есть фигурки оленя, представленного в позе как бы промежуточной между стоящим и с подогнутыми ногами. Это две минусинские находки — олень на обушке миниатюрного клебца (табл. IV, 16) и костяная фигурка из дер. Козловой (табл. IV, 17). Такие клебцы неоднократно встречены в погребениях V в. до н. э. В громадном большинстве случаев на их обушке изображены одна или две фигурки горного козла⁷¹. Клевец с оленем — пока единственный. Здесь олень занял место традиционного животного — козла. Дата — V в. до н. э. — подтверждается и сравнением деталей этой фигурки с минусинскими бляшками группы II (ср. табл. IV, 16 и табл. 1, 4).

Нет никаких оснований рассматривать указанную позу как переходную от позы с подогнутыми ногами к стоящей, или наоборот. Это был лишь несколько иной способ изображения бегущего оленя, возникший, возможно, в результате знакомства с обоими типами. Ни та, ни другая поза не изобретены в Минусинской котловине, оба типа изображений появились здесь поздно.

Стоящий олень представлен иногда в кольцевой рамке. Изображения этого типа встречены на Кубани, в Минусинской котловине и в Ордосе (табл. V, 5). Одна из подобных минусинских находок обнаружена в кургане второй половины тагарской эпохи (Абаканская управа, курган I, погребение 3, раскопки А. В. Адрианова 1898 г., табл. V, 2). Судя по рогам, это изображение относится скорее всего к V в. до н. э. Другие минусинские экземпляры представляют со-

бой случайные находки (табл. V, 3, 4)⁷². Они более схематичны, рога изображены гребенчатыми, что дает основание датировать эти образцы IV в. до н. э. Датировку подтверждает и распространение в Минусинской котловине V—III вв. до н. э. бронзовых ножей с большими кольцами. В кольце наиболее ранних из них бывает помещено изображение горного козла. На более поздних экземплярах кольцо увеличивается, и тело стоящего в нем животного бывает соединено с кольцом специальными тяжами.

Появление тяжей вообще характерно для второй половины V и IV в. до н. э., например, в изображениях оленей групп III—VII (еще один пример будет приведен ниже).

Таковыми же тяжами соединены с кольцами фигуры оленей на рассматриваемых экземплярах из Минусинского округа и из дер. Кривой.

На жертвенном месте «Лысая гора» на р. Яя (бывшая Томская губерния)⁷³, где подавляющее большинство предметов относится к IV—II вв. до н. э., найдены изображения лошади и горного козла в круге. Оба животных также соединены с внешним кольцом перемычками. Отличие от минусинских экземпляров состоит лишь в том, что кольцо украшено насечками.

В Ордосе изображение оленя в кольце найдено в комплексе Луан-Пинг (табл. V, 5), который убедительно датируется временем «не позже первой половины III в. до н. э., но может быть между 350 и 300 гг. до н. э.»⁷⁴ Известны в Ордосе и случайные находки такого рода⁷⁵.

Кроме Минусинской котловины, изображения оленей, стоящих в кольце, украшенном насечками, найдены на Кубани, в кургане у ст. Елизаветинской, датированном IV в. до н. э. (табл. V, 1)⁷⁶. Кубанские изображения слишком близки к сибирским, чтобы предположить, что они появились в этих двух областях независимо друг от друга. Вероятнее всего, они распространились

⁷² Имеются также экземпляры из дер. Кривой (ММ, № 9212) и из Быскара (А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, pl. IX, 9).

⁷³ Раскопки С. К. Кузнецова, 1891—1892, ГЭ.

⁷⁴ T. J. Arne. Die Funde von Luan-Ping and Hsuan Hua. — BMFEA, N 5, 1933, S. 166.

⁷⁵ Archaeologia Orientalis, ser. B, v. 1. Tokyo and Kyoto, pl. XVII, 4.

⁷⁶ M. Rostovtzeff. Op. cit., p. 194, fig. 21 A; p. 201, 237.

⁶⁹ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. I, табл. VI, 3.

⁷⁰ Семибратние курганы III и IV (K. Scheiföld. Op. cit., S. 44, 45; А. К. Корovina. Указ. соч., стр. 186).

⁷¹ См. например, G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, Taf. IX, 3.

из одного центра, который пока не может быть определен.

По сравнению с другими животными олень редко изображался в кольце. На подавляющем большинстве тагарских ножей в кольцах представлены горные козлы и кабаны. Эти образы наиболее типичны для тагарской культуры еще с VI в. до н. э. Следовательно, и в данном случае на какой-то довольно короткий срок олень занял место других животных.

Вторая группа изображений стоящих оленей — ручки котлов «скифского типа». Мне известны две подобные находки: одна — из Прикубанья, другая — из Минусинской котловины. Первая найдена в кургане 2 Ульского аула и датируется началом VI в. до н. э. Г. И. Боровка считает этот котел греческим изделием⁷⁷, справедливо замечая, что для скифских котлов гораздо характернее ручки в виде козлов⁷⁸.

Это замечание справедливо и для Минусинской котловины, где ряд котлов «скифского типа» с изображением животных украшен фигурками козлов⁷⁹, один — фигурками лошадей⁸⁰, но все же есть одна ручка котла и в виде фигурки оленя (табл. V, 7). Она выполнена в чисто тагарском стиле и свидетельствует о том, что замена козла оленем допускалась иногда и тут, и что греческий мастер, украсивший котел из Ульского аула вместо фигурки козла фигуркой оленя, не совершил грубой ошибки.

Рога тагарского оленя изображены необычно: в виде двух параллельных горизонтальных стержней, соединенных вертикальными тяжами, и заставляют вспомнить, во-первых, бляшку — оленя из Большого Тесинского кургана (раскопки С. В. Киселева 1928 г., табл. V, 8), которая может считаться вариантом минусинского типа IVA или VA (табл. I, 13); во-вторых, многочисленную серию тагарских ножей с прорезными навершиями (табл. V, 9). Ножи эти найдены в комплексах V в. до н. э.⁸¹ Очевидно, так же следует датировать рассматриваемое изображение оленя, тем более, что этой дате

не противоречит и его довольно реалистический общий вид. Изобразил ли мастер в данном случае рога в привычном стиле украшений ручек ножей или, наоборот, ручки ножей являются схематическим изображением оленьих рогов, сказать трудно. Но последнее предположение более вероятно, так как каждый орнамент в те времена был не простым украшением, а схемой какого-то предмета, причем в скифо-тагарском мире по преимуществу схемой какого-то животного или части его тела. Известны измененные до неузнаваемости изображения голов грифонов, лап хищников и т. п. То же может относиться и к рогам оленей.

Третья группа изображений стоящих оленей представлена четырьмя экземплярами, два из которых найдены в Енисейской губернии (табл. IV, 21, 22), а третий происходит из пос. Булычевка на р. Уфимке (табл. IV, 23)⁸². Енисейские экземпляры по типу рогов, наличию перемычек и по форме морды можно сравнить с минусинской группой V оленей с подогнутыми ногами (табл. I, 14, 15) и отнести к V или скорее к IV в. до н. э.: Уфимский экземпляр скорее всего того же времени. Еще одна фигура оленя того же типа найдена в Причерноморье, в Эльтегене близ Керчи и датируется V в. до н. э. (рис. 1)⁸³. Таким образом, изображения оленей этого типа также были широко распространены. К ним приближается изображение, вырезанное на гробе-колоде из второго Туэктинского кургана⁸⁴. Рога оленя здесь по форме близки к натуре и напоминают рога оленя из Чиликты, о чем уже шла речь выше. Абсолютная датировка больших алтайских курганов радиоуглеродным методом и относительная — дендрохронологическим — показала, что первый Туэктинский курган старше первого и второго Пазырыкских на 130 лет. С. И. Руденко считает возможным

Рис. 1. Изображение оленя из Эльтегена вблизи Керчи

⁷⁷ Г. И. Б о р о в к а. Бронзовый олень из Ульского аула. — ИРАИМК, т. II. Пгр., 1922, стр. 133 и 196—202.

⁷⁸ Там же, стр. 195.

⁷⁹ Иркутский краеведческий музей, № 7486 и др.

⁸⁰ ММ, № 12845; с. Тигрицкое.

⁸¹ Малая Иня, курган 2, могила 2. Раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210. См. G. Mengert. Op. cit., Taf. IV/V, 8 и многие другие.

⁸² Благодаря К. Ф. Смирнова за любезно предоставленный рисунок этой бляшки.

⁸³ ОАК за 1877 г. СПб., 1880, стр. 240.

⁸⁴ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая, стр. 112, рис. 60.

относить первый и второй Туэктинские курганы к середине VI в. до н. э.⁸⁵

Четвертый тип стоящих оленей представлен ордосскими экземплярами. Это стоящие (или идущие) в ряд друг за другом олени на ножках ножа (один из них изображен на табл. IV, 20) и на бронзовом изогнутом предмете (табл. IV, 19, 19a). Близок к ним и олень на верхней части ножа из Ордоса (табл. IV, 18, 18a). Все эти олени приземисты, с короткими ногами, в отличие от стоящих оленей других типов, хотя и те и другие изображают благородного оленя.

Следующий тип стоящих оленей представлен фигурами на различных навершиях. Они известны как в Причерноморье, так и в Сибири и в Ордосе (табл. IV, 10—15). Если все рассмотренные выше изображения представляли собой плоские или барельефные пластины (кроме двух круглых скульптур, табл. IV, 16a, 17), то олени фигуры на навершиях — круглые скульптуры, обычно полые внутри. Минусинские навершия с фигурками оленей (табл. IV, 14, 15) по всем признакам — лосеобразные морды, гребенчатые рога, треугольное ухо, глаза в виде концентрических кружков — могут быть сопоставлены с группой V минусинских оленей с подогнутыми ногами (см. табл. I). Они относятся, видимо, ко времени не ранее середины V в. до н. э. Эти олени укреплялись на навершиях, имеющих форму колокольчика⁸⁶. В более раннее время (VI в. до н. э.) такие навершия заканчивались фигурками горных козлов⁸⁷. Таким образом, и на навершиях изображение оленя сменило на время фигуру козла.

Ордосские навершия с изображениями оленей также немногочисленны; мне известно всего два. Одно из них (табл. IV, 12) имеет ряд архаических признаков: чрезмерно задранную вверх голову, рога-колечки, и, наконец, хвост в виде петельки, совершенно такой же, как у оленя из ст. Костромской (табл. II, 1). По аналогии с последним его

можно датировать VI в. до н. э. Другое навершие (табл. IV, 11) также скорее всего архаическое; статичная, лишенная движения поза оленя, его массивность, наконец, то, что он помещен на прорезном бубенчике, — все это напоминает навершия карасукского времени из Ордоса; навершия с прорезными бубенчиками характерны также для архаических курганов Прикубанья и Причерноморья⁸⁸. Таким образом, фигуры стоящих оленей, как и оленей с подогнутыми ногами, появляются в Ордосе, видимо, раньше, чем в Минусинской котловине.

В одном случае на навершии неизвестного происхождения (по стилю, может быть, Алтай?) изображен олень, стоящий на кончиках копыт, «на цыпочках» (табл. IV, 10). Четыре оленя в такой позе (стоящие на кончиках копыт) с поднятыми вверх головой и задом изображены на ручке ножа из Турана (Северная Тува, табл. IV, 6). Сверху на этом ноже помещена фигура хищника с кольчатыми лапами, хвостом и мордой, состоящей из трех колец. Такие изображения животных, как и вообще ножи этого типа, характерны для VI в. до н. э. Почти аналогичные ножи найдены в Минусинской котловине⁸⁹. На обратной стороне ручки одного из них помещены стоящие друг над другом четыре козла, на другом ноже — четыре кабана; на третьем — обратная сторона ручки гладкая (как и на описываемом ноже из Турана). Происхождение таких ножей пока трудно установить. Они распространены в пограничном районе между Минусинской котловиной и Тувой. Почти аналогичный олень нарисован на оленном камне из окрестностей того же с. Туран в Северной Туве⁹⁰ (табл. IV, 9). Пять почти аналогичных оленей изображены на обратной стороне зеркала с Алтая (табл. IV, 8)⁹¹. М. П. Грязнов датирует это зеркало временем не позднее V в. до н. э.⁹²

⁸⁵ Там же, стр. 335, 336.

⁸⁶ Олень, изображенный на табл. IV, 14, издан еще у Э. Миннза стоящим на колокольчике («Scythians and Greeks», p. 251, fig. 172); мне удалось видеть его уже без колокольчика, который, видимо, утерян.

⁸⁷ Самохвал, курган I, могилы I и II. Раскопки А. В. Адрианова, 1898, ГИМ. См. также случайные находки козлов на навершиях-колокольчиках у В. В. Радлова («Сибирские древности», — МАР, № 15. СПб., 1894, стр. 26).

⁸⁸ См., например, В. В. Шлеев. К вопросу о скифских навершиях. — КСИИМК, XXXIV, 1950, рис. 15, 5—12.

⁸⁹ Дер. Городок (табл. IV, 7), ММ; Минусинский край; с. Усть-Абаканское; ГЭ, № 5531-976.

⁹⁰ H. Appelgren-Kivalo. Op. cit., Abb. 331.

⁹¹ J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1877, p. 71, fig. 323; G. Боготва. Scythian Art, 1928, p. 141.

⁹² М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. — КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 10; зеркала с бортиком

Вся эта алтайско-тувинская и южноминусинская группа оленей, стоящих на кончиках копыт, относится, видимо, к VI в. до н. э.

Следует подчеркнуть, что рога оленей на фигурах этой группы всегда отличаются от рогов оленей с подогнутыми ногами: здесь нет S-видных отростков.

Другая группа изображений оленей, стоящих на кончиках копыт, происходит с Северного Кавказа (табл. IV, 3, 4).

Четыре оленя в этой позе, стоящие один под другим, изображены на бронзовом поясе из Душети (табл. IV, 3). О. А. Артамонова-Полтавцева датирует этот пояс VI в. до н. э.⁹³ Сходство оленей на этом поясе с оленями на тувинском и минусинском ножах очень велико: они также стоят на кончиках копыт, у них также приподнят зад, наконец, их также четыре и они также расположены один под другим. Только головы их повернуты назад, а рога изображены в виде двух ветвей, торчащих вверх. Но бляха из Фаскау (табл. IV, 4) показывает, что и на Кавказе оленей, стоящих на кончиках копыт, изображали иногда с сильно задранной вверх головой и рогами, закинутыми на спину. Олень из Фаскау, по мнению О. А. Артамоновой-Полтавцевой, датируется V в. до н. э.⁹⁴

Наконец, еще один олень в близкой позе изображен на золотой бляхе из дер. Дубовой бывшей Екатеринославской губернии (табл. IV, 5). Он также относится к V в. до н. э.⁹⁵ Уже Г. Боровка сопоставлял позу оленя на этой бляхе с позой оленей май-эмирского зеркала⁹⁶. Другие олени в той же позе, видимо, не были ему известны. Действительно, сходство сибирских оленей, стоящих на кончиках копыт, с такими же кавказскими слишком велико, чтобы быть случайным. По-видимому, это явление того же порядка, что и сходство оленей с подогнутыми ногами из Причерноморья и Минусинской котловины и оленей в кольце из Минусинской котловины, Ордоса и Кубани. Объяснение этому сходству надо искать в

по краю и петелькой на обратной стороне как в Причерноморье, так и в Сибири характерны для VI в. до н. э.

⁹³ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. — СА, XIV, 1950, стр. 98.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ G. Borovka. Op. cit., p. 13; K. Schefold. Op. cit., S. 40.

⁹⁶ G. Borovka. Op. cit., p. 36, 37.

том, что все эти изображения происходили из одного центра.

В пользу такой гипотезы говорит манера изображать и других животных (козлов, кабанов) стоящими на кончиках копыт. Она была распространена не только в Минусинской котловине (упомянутые ножи из дер. Городок и Минусинского края), но и в Восточном Казахстане (изображения кабанов из золотой фольги в кургане 4 Чиликты, где также найдены знаменитые золотые олени с подогнутыми ногами VI в. до н. э.) и в Приуралье (I Пятимары, раскопки К. Ф. Смирнова 1960 г. — золотые изображения ног копытного животного «на цыпочках», служившие оковками деревянного сосуда)⁹⁷.

Есть еще одна, более ранняя группа изображений оленей, которая может быть сопоставлена с только что разобранный. Это бегущие олени на северокавказских сосудах из Нальчика и из Ставропольского кургана (табл. IV, 1, 2). Голова оленя изображена на сохранившемся крупном фрагменте сосуда из Моздокского могильника⁹⁸; наконец, такое же изображение известно на сосуде из Лугового могильника⁹⁹. Эти сосуды А. А. Иессен относит к «предкелермесской группе», т. е. ко второй половине VII или рубежу VII—VI вв. до н. э.¹⁰⁰ Сосуды эти чернолощенные. На нальчикском сосуде олени изображены скачущими среди острых заштрихованных сеткой треугольников, которыми, без сомнения, обозначены горы. Сосуд из Ставрополя найден в комплексе с чашей, украшенной подобными треугольниками.

Чернолощенные сосуды и этот элемент орнамента характерны еще для эпохи поздней бронзы на Северном Кавказе (кобанская культура) и в Горном Крыму (кизил-кобинская культура) и в гораздо более восточных

⁹⁷ Вещи демонстрировались на докладе К. Ф. Смирнова в скифо-сарматском секторе Института археологии АН СССР в январе 1961 г.

⁹⁸ А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды с изображением оленя. — СГАИМК, № 2, 1931; Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 36, рис. 10; стр. 34, рис. 6; табл. XII, 1.

⁹⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 264.

¹⁰⁰ Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 48, 49; А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — Об. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 117.

районах, а кое-где их продолжают изготовлять и в VII—VI вв. до н. э. (кроме указанных районов, следует в первую очередь назвать лесостепную Украину). Совершенно очевидна их прямая преемственность, однако следует подчеркнуть, что ни на одном из сосудов эпохи бронзы нет изображений оленей. Это новый мотив, появляющийся лишь в скифское время.

Еще в 1931 г. А. А. Иессен сопоставлял изображения на этих северокавказских сосудах с оленями на майэмирском зеркале и с оленем из собрания Паскевича (см. табл. IV, 18, 10). И в самом деле, сходство велико: так же поднята и вытянута вперед голова, так же приподнят зад, на некоторых экземплярах очень близка трактовка рогов (ср. на табл. IV, 1 и 6а, 9) и хвоста (ср. на табл. IV, 1 и 8, 9). Даже такая деталь, как открытый рот, которую А. А. Иессен считал местной кавказской чертой, лишь впоследствии проникшей в скифо-сибирское искусство¹⁰¹, известна у стоящих оленей Тувы и Ордоса (см. табл. IV, 9, 12) и, может быть, послужила основой для изображения оленя с вытянутой клювообразной мордой и открытыми, отогнутыми губами. Ноги у оленей на северокавказских сосудах изображены несколько по-иному, олени не стоят на кончиках копыт, а скачут. Тем не менее, есть все основания считать оленей этой группы изображениями предками оленей, стоящих на кончиках копыт.

Таким образом, изображения оленей двух наиболее широко распространенных типов (с подогнутыми ногами и стоящих) появляются в скифском мире в VII в. до н. э. Хронология появления различных типов изображения «скифских оленей» в различных районах такова: Саккыз в Курдистане — первая половина VII в. до н. э. (олень с подогнутыми ногами); Северный Кавказ — вторая половина VII в. до н. э. (бегущие олени на сосудах); Северный Кавказ, Кубань, Северное Причерноморье — VI в. до н. э. (олени с подогнутыми ногами, стоящие олени на наверху и, может быть, на ручках котлов). В том же VI в. до н. э. изображения оленей с подогнутыми ногами появляются в Восточном Казахстане и, вероятно, в Ордосе а оленей, стоящих на кончиках копыт, на некоторых наверху —

на Алтае в Туве и в Минусинской котловине (три ножа неизвестного происхождения с оленями на кончиках копыт, аналогичные тувинскому). В V в. до н. э. изображения на Алтае, в Туве и в Минусинской котловине (все разновидности: с подогнутыми ногами, на наверху, на обушке клевца, в круге, на котлах, головы оленей на ручках ножей), в Болгарии и Венгрии. Наконец, в V—IV вв. до н. э. изображения оленей с подогнутыми ногами проникают в лесостепные и лесные районы Западной Сибири.

До сих пор речь шла о типах изображений, общих для различных территорий Евразии в скифскую эпоху. Помимо этого, каждая из рассмотренных территорий имеет свои местные типы, характерные только для данного района. Так, для Ордоса характерны изображения оленей с подогнутыми ногами в прямоугольной рамочке (табл. III, 17), изображения спаривающихся оленей (табл. III, 18) и некоторые другие (табл. III, 14—16, 19, 20). В больших курганах Горного Алтая найдены особые изображения оленей, не встречающиеся в других районах скифского мира (табл. III, 21, 22). Изображения Кобани при тех общих чертах с рисунками на оленных камнях, которые были отмечены выше (стр. 183), все же достаточно своеобразны (табл. III, 26); совершенно своеобразен стоящий олень с опущенной вниз головой и перекрученным телом, украшающий ножны из Урус-Мартана (табл. III, 25).

Для Центральной Европы характерны изображения оленей, припавших на переднее колено и повернувших голову назад (хотя, как было уже сказано, такая поза известна и в Причерноморье и в Кобани; см. табл. III, 27, 30).

Это явление еще раз подтверждает тот факт, что во всех перечисленных областях Евразии изображения оленя были не импортными, а местными, и их даже не всегда изготовляли по импортным образцам. Повидимому, олень играл во всех этих районах большую роль, что и вызвало такое обилие и разнообразие его изображений.

Уже отмечалось, что в Минусинской котловине до V в. до н. э. не было изображений оленей. Еще в карасукское время появляются, а в VII—VI вв. до н. э. здесь решительно преобладают изображения горного козла; в V в. до н. э. последние во многих случаях вытесняются изображениями оле-

¹⁰¹ А. А. Иессен. Северо-кавказские сосуды..., стр. 17.

ней. В Причерноморье изображения козлов и оленей одновременны, но все же и здесь в самых ранних памятниках более многочисленны изображения козлов. Вообще в доскифскую эпоху изображения оленей распространены очень мало. На всем Ближнем и Среднем Востоке в древности, начиная с Ура и кончая бронзами Луристана II—I тысячелетий до н. э., резко преобладают изображения горных козлов. Все же в Уре встречаются золотые изображения лежащих оленей с подогнутыми ногами, головой в фас и двумя короткими рогами, расходящимися вверх по обе стороны головы; позой эти олени отдаленно напоминают скифских. Они вместе с другими животными — козлами и бородатыми быками — украшают корону Шуб-ад (III тысячелетие до н. э.)¹⁰².

Олень с подогнутыми ногами, с головой также в фас и рогами, расположенными по обе стороны головы, изображен на цилиндре печати типа Керкук, найденном на Северном Кавказе. Этот олень вместе с другими животными поклоняется священному дереву (II тысячелетие до н. э.)¹⁰³. К подобным изображениям мы еще вернемся.

Лишь в отдельных районах изображения оленя характерны и для эпохи бронзы. Одним из таких районов является Кобань. Очень распространенные здесь в эпоху бронзы изображения благородных оленей стилистически не имеют ничего общего ни с одной из разновидностей скифских образов оленя¹⁰⁴. Но скифские изображения, попав сюда, нашли здесь хорошо подготовленную почву для развития. Культ оленя существовал, видимо, в эпоху бронзы и в Крыму. А. А. Щепинский в кургане у пос. Марьино близ Симферополя обнаружил погребение оленя, которое он считает одновременным могиле бронзового века (в том же кургане оказались впускные погребения VII—V вв. до н. э.)¹⁰⁵.

Встречаются изображения оленей и в Китае в эпохи Инь и Чжоу. Они также не име-

ют ничего общего со скифскими. М. Лоер в работе, посвященной изображениям оленя в Скифии и на Дальнем Востоке, убедительно показал, что китайские изображения эпох Инь и Чжоу никак не могут считаться предками ордосских или скифских изображений оленя¹⁰⁶.

Наконец, и за пределами перечисленных районов Евразии изображения оленя в скифскую эпоху либо совсем не распространены, либо не характерны. Так, у савроматов известны пока лишь четыре изображения оленя¹⁰⁷, хотя звериный стиль этой культуры изучен уже довольно хорошо. В памятниках ананьинской культуры найдено пока всего одно изображение оленя¹⁰⁸. Обе эти культуры изучены гораздо лучше синхронной им эпохи Ордоса, а между тем в Ордосе по далеко не полным данным известно 33 изображения оленя. В памятниках дьяковской культуры никаких изображений оленя нет, так же как в Центральной и Западной Европе, за исключением тех изображений из Венгрии и Болгарии, о которых шла речь выше. Их нет на советском Дальнем Востоке, в Корее, Японии и во всех остальных районах Азии.

Таким образом, изображения благородных оленей в нескольких строго выдержанных позах, изготовленные в определенной манере с соблюдением ряда деталей, характерны для скифского времени (VII—II вв. до н. э.) для обширной, но вполне четко выделяемой степной и горной территории Евразии, где распространены известные «скифообразные» культуры.

Э. Миннз выдвинул гипотезу, согласно которой родиной изображений оленя является Сибирь, так как там южная граница современного распространения северного оленя ближе всего подходит к местам находок «скифских» изображений оленя; из Сибири, по мнению Э. Миннза, они проникли на за-

¹⁰² L. Wooley. *Ur Excavations*, v. II (plates), pl. 140, 141.

¹⁰³ Альбом рисунков к ОАК. СПб., 1906, стр. 270, № 1681.

¹⁰⁴ Изображения кобанских оленей см. в МАК, VIII. М., 1900; МАК, VI. М., 1911; R. Virchow. *Über die Kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus*. — «Abh. Preuss. Ak. d. Wiss.», 1895.

¹⁰⁵ А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму. — КСИА АН УССР, вып. 9, 1959, стр. 67.

¹⁰⁶ M. Loehr. *The Stag Image in Scythia and the Far East*. — «Archives of the Chinese Art Society of America», IX, 1955, fig. 23, 24, 26, 28—35, p. 70, 71.

¹⁰⁷ Блюменфельд, курган А-12 (см. табл. III, 23); Калиновка, курган 8 (см. табл. V, 14) пос. Булычевка на р. Уфимка (см. табл. IV, 23) и I Пятимары, курган 6, центральное погребение, раскопки К. Ф. Смирнова 1960 г. Как сообщил мне К. Ф. Смирнов, у савроматов наиболее распространенным было изображение волка.

¹⁰⁸ A. M. Tallgren. *L'époque dite d'Ananino*. Helsinki, 1919, fig. 120, 2.

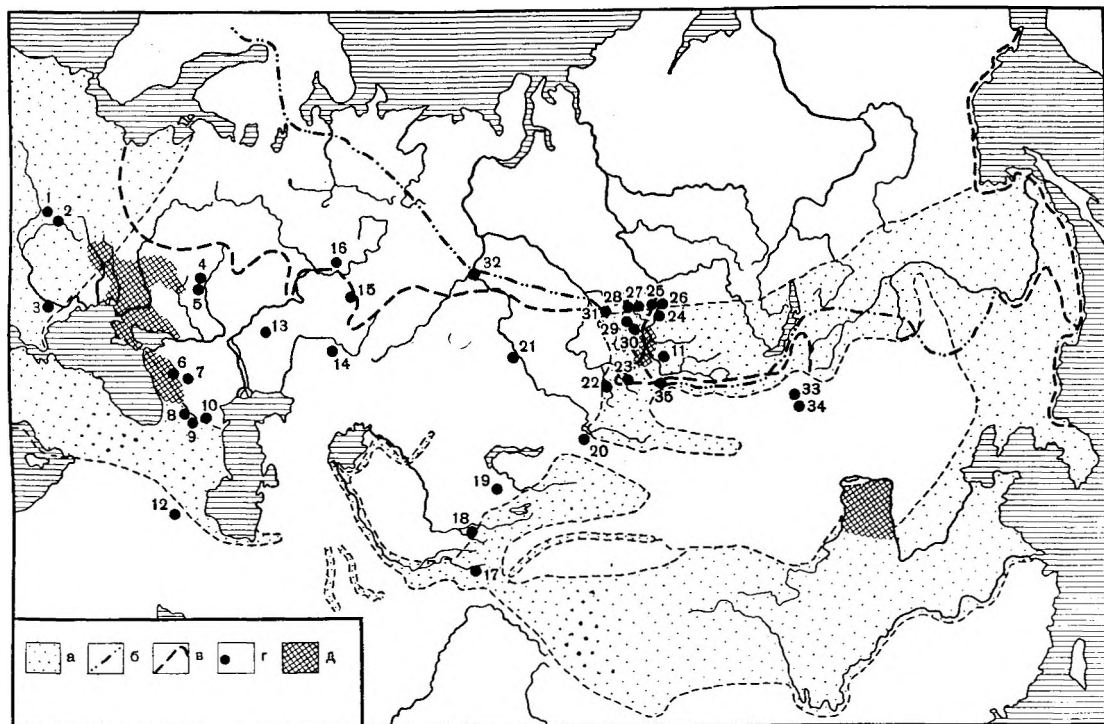

Рис. 2. Современное распространение оленей и места находок изображений оленя в скифское время
 а — область распространения благородного оленя (по Флерову, Гептнеру и Цалкину); б — южная граница распространения северного оленя (по Миннзу); в — южная граница распространения лося; г — отдельные находки изображений оленя скифского времени; д — районы сплошного распространения изображений оленя скифского времени

1 — Тапъосентмартон; 2 — Жолдгломпуста; 3 — Гаршиново; 4 — Частые курганы; 5 — Мастюгино; 6 — Келермес; 7 — Ставрополь; 8 — Нальчик; 9 — Кобань; 10 — Урус-Мартан; 11 — Туран; 12 — Саккыз; 13 — Блюменфельд; 14 — Пятимары; 15 — Уфимка; 16 — Анаьино; 17 — Памир; 18 — Сура-Таш; 19 — Тамгалы; 20 — Чиликты; 21 — Бобровое; 22 — Туэкта; 23 — Пазырык; 24 — Ладейское; 25 — Коркино; 26 — Частостровское; 27 — Айдашинская пещера; 28 — Боготол; 29 — Большой Барандат; 30 — Ягуня; 31 — р. Яя; 32 — Чувашский мыс; 33 — Ихсе-алык; 34 — Дурбельджин; 35 — Коп-Кожэз;

пад¹⁰⁹. Эта гипотеза не может быть принята, во-первых, потому, что во всех случаях представлен не северный, а благородный олень, как считает и В. И. Цалкин, видевший все изображения¹¹⁰. Иногда (как и минусинским оленям с подогнутыми ногами, начиная с группы V, и некоторым стоящим оленям из Сибири — табл. IV, 14, 15, 21, 22) благородному оленю приданы некоторые черты лося. Это, вероятно, связано с тем, что для жителей районов, где делали эти

изображения, лось был более привычным животным, чем благородный олень. Тем не менее, изображен не лось, а благородный олень с некоторыми чертами лося. В других, более южных районах, где лось не водится, эти черты лося в изображении оленя отсутствуют (см. рис. 2)¹¹¹. Во-вторых, гипотеза Э. Миннза неприемлема потому, что, как было показано, в Сибири изображения оле-

¹⁰⁹ E. H. Minns. The Art of the Northern Nomads. — «Proceedings of the Brit. Ak.», XXVIII, 1942, p. 57, 58 и карта.

¹¹⁰ По заключению В. И. Цалкина, даже самые реалистические из «скифских» изображений оленя слишком сильно стилизованы, и вид оленя по ним не может быть определен; можно только установить, что это — благородный, а не северный олень.

¹¹¹ Границы распространения благородного оленя на нашей карте даны по К. К. Флерову (К. К. Флеров. Кабарги и олени. — Фауна СССР, т. 1, вып. 2. М., 1952, стр. 148—151 и карта на стр. 148) и В. Г. Гептнеру и В. И. Цалкину (В. Г. Гептнер и В. И. Цалкин. Олени СССР. М., 1947, стр. 66—81 и карта на стр. 94). Южная граница распространения лося дана по карте в статье «Лось» в Большой Советской Энциклопедии, т. 25, 1954. Южная граница распространения северного оленя дана по карте в упомянутой выше работе Э. Миннза.

ней появляются позже, чем в других местах; как раз там, где известны наиболее ранние изображения оленей (Кавказ, Иран), разрыв между местами их находок и южной границей распространения северного оленя наибольший (рис. 2). Жители этих районов не могли видеть ни северного оленя, ни лося, которые там не водились. Они видели только благородного оленя, его и изображали.

Интересно сделать по этому поводу одно сопоставление.

В. И. Абаев показал, что самоназвание скифов *saka* сближается с осетинским словом *sag* (олень)¹¹². Это слово повторяется во многих скифских личных именах и племенных названиях, которые могут быть легко объяснены из осетинского языка: Таксакис — «быстрый олень»; Сакесфарз — «имеющий оленью челюсть»; Рахойсакос — «пронзающий оленя»; массагеты — «люди-олени»; тиссагеты — «туро-саки» или «быстрые олени» и др.¹¹³

В. И. Абаев сделал отсюда вывод о том, что олень был первоначально тотемом скифов¹¹⁴. Название рода по животному-тотему — столь обычное явление в первобытном обществе, что примеров можно не приводить. Известно также, что род владел определенными собственными именами, либо прямо связанными с названием рода, либо близкими к нему. Л. Г. Морган сообщает названия некоторых собственных имен у рода ястреб-голубятник индейцев омаха: Длинное крыло; Ястреб, парящий в воздухе; Белоглазая птица (имена мальчиков); Птица, поющая при дневном свете; Одна из птиц; Птичье яйцо (имена девочек)¹¹⁵.

Если принять, что олень был первоначально тотемом у саков, то рассмотренные выше изображения оленей, видимо, могут также иметь тотемическое происхождение, восходить к изображению тотема. Здесь важен вопрос о назначении изображений оленя. Все они украшали либо оружие, либо конский убор, либо культовые предметы, либо одежду. Знаменитый золотой олень из ст. Костромской служил укра-

шением щита; в Мельгуновском кургане фигура оленя украшала ножны меча; в Келермесе — золотую обкладку ручки секиры; в Аксютинцах — обкладку горита (табл. II, 9), в Минусинской котловине — чекан, нож; в Ордосе — нож, ножны ножа; в Урус-Мартане (Чечня, Северный Кавказ) — медную обкладку ножен кинжала, 14 золотых оленей (один из которых изображен на табл. II, 16) украшали колчан в кургане у Чиликты (Восточный Казахстан) и т. д. Конскую сбрую украшали изображениями оленьих голов (серебряные нащечники из Причерноморья¹¹⁶) или оленей (Пазырык, табл. III, 21, 22; Восточный Казахстан — табл. II, 17, гравированное изображение на бляхе от перекрестья ремней; Ордос — табл. III, 14) и т. д.

Бляшки с изображениями оленей нашивали на одежду, иногда на головной убор (Синявка, курган 100 — табл. II, 3). Фигурами оленей украшали металлические пояса: золотой пояс из Саккыза (табл. II, 13), бронзовый пояс из Душети (табл. IV, 3). Во всех случаях эти украшения в Причерноморье связаны с погребениями мужчин-воинов. В Минусинской котловине бляшки оленя тоже служили для нашивания скорее всего на одежду; однако установить, связаны ли они только с мужскими или и с женскими погребениями, труднее, так как эти бляшки находят в коллективных могилах с большим количеством погребенных, лежащих вплотную друг к другу. Покровительство тотема в битвах, по воззрениям древних людей, было особенно необходимым. Поэтому изображениями тотема обычно украшали оружие.

Д. Фрэнгер сообщает, что знак тотема вырезается на оружии. Туземцы Верхнего Дарлана (Австралия) вырезают тотемные знаки на щитах. Индейцы, которые сопровождали Хирна в его путешествии с Гудзона залива к берегу Тихого океана, несли на своих щитах рисунки тотемов. Собираясь в битву, минниты одеваются в волчьи шкуры и так, чтобы волчья голова находилась на груди воина. Иногда вместо тотема изображается какая-нибудь его часть,

¹¹² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. т. 1. М.—Л., 1949, стр. 37.

¹¹³ Там же, стр. 179.

¹¹⁴ Там же, стр. 37, 179, 198.

¹¹⁵ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 47.

¹¹⁶ Чмырева могила Ф. И. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губ. в 1838 г.— ИАК, 19. СПб., 1906, стр. 106, рис. 41 и др.

например, лапа волка вместо всего волка¹¹⁷.

Навершия с изображениями оленей служили либо украшениями колесниц, как полагают В. В. Шлеев¹¹⁸, либо боевыми знаменами. Известно, что боевые знамена древних обычно изображают тотем. Этот обычай отмечает Д. Фрэзер и у американских индейцев¹¹⁹. У древних тюрков тотемом был волк, а золотая волчья голова была их знаменем¹²⁰.

Оленя часто изображают и на зеркалах, как на ольвийских, изготовленных для скифов, так и на упоминавшемся майэмирском зеркале и на зеркале из Ордоса. Фигурами оленей украшены ручки бронзовых котлов и чаша из Келермеса. Все эти вещи, несомненно, носят культовый характер. Таким образом, назначение изображений оленя в скифскую эпоху не противоречит гипотезе о том, что происхождение их было вызвано тотемическими представлениями.

Но можно ли говорить об изображениях тотема в столь развитом обществе, как скифское? Тотемизм связан, как правило, с материнским родом. С возвышением отдельных родов их тотемы часто превращаются в тотемы фратрии и племени (разумеется, теряя при этом свой первоначальный смысл, так как все племя не может происходить от одного тотема), в племенные гербы¹²¹. В патриархальном роде, пишет Д. Фрэзер, такие тотемы племен занимают наивысшее положение в иерархии тотемов, группируя вокруг себя нижестоящие тотемы¹²² и часто превращаясь в межродовое и даже межплеменное верховное божество¹²³. Таким образом, для скифского общества речь может идти, конечно, лишь о пережитках тотемизма, известных этнографии и у многих современных народов. Иногда с разложением тотемизма и возникновением шаманизма тотемы отдельных родов превраща-

ются в духов — помощников шамана¹²⁴. В этой связи интересно остроумное предположение Ф. Ганчара о том, что во втором Пазырыкском кургане похоронен шаман¹²⁵. Следует отметить и другие следы культа оленя у скифов: так, Н. И. Веселовским в кургане у ст. Марьевской на Кубани были найдены рога и ноги оленя¹²⁶.

Все ли изображения оленей связаны со скифо-сакской этнической общностью¹²⁷? Причерноморские изображения принадлежали скифам; изображения из лесостепной Украины, населенной, как считают теперь, нескифскими племенами¹²⁸, вероятно все-го, проникли сюда из степи. Клад из Саккыза Р. Гиршман приписывает скифам и убедительно связывает со скифской резиденцией в Курдистане¹²⁹.

Аналогичные предметы с Памира и из Восточного Казахстана принадлежали саксам. Население Алтая и Тувы в этот период было очень близко по физическому типу и материальной культуре к населению Восточного Казахстана и Киргизии, что мы рассматривали в специальной работе. Эта же близость заметна и между восточноказахстанскими вещами и многими предметами Монголии и Ордоса (физический тип населения Монголии и Ордоса того времени неизвестен)¹³⁰. Поэтому есть основания предполагать, что саки или родственные им племена населяли также Горный Алтай и Туву. Нет ничего невероятного и в том, что они могли проникать в Ордос. Выше (стр. 181, 182) было показано сходство деталей изображений оленей из Ордоса именно с восточноказахстанскими и алтайскими. Интересны в связи с этим свидетельства

¹²⁴ Там же, стр. 148—154 и др.

¹²⁵ P. F. Gančar. Eurasian Animal Style and the Altai Complex.— «Artibus Asiae», XV, 1/2, 1952, p. 182, 193, 194.

¹²⁶ ОАК за 1912 г., 1916, стр. 51.

¹²⁷ По языку скифы Причерноморья и саки Средней Азии совершенно не различались. В материальной культуре тех и других (в керамике, обряде погребения и проч.), напротив, много отличий.

¹²⁸ Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М.— Л., 1954, стр. 90.

¹²⁹ R. Ghirchman. Op. cit.

¹³⁰ Н. Л. Членова. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» степных культур Евразии.— Уч. зап. Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы», т. IX. Кызыл, 1961, стр. 133—135.

¹¹⁷ Д. Фрэзер. Тотемизм и его происхождение (главы из книги «Тотемизм и экзогамия».— «Атеист», 1929, № 45, стр. 22, 23.

¹¹⁸ В. В. Шлеев. К вопросу о скифских навершиях.— КСИИМК, XXXIV, стр. 53—61.

¹¹⁹ Д. Фрэзер. Указ. соч., стр. 23.

¹²⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, 1950, стр. 220, 221, 229.

¹²¹ А. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, стр. 4, 16.

¹²² Д. Фрэзер. Указ. соч., стр. 35.

¹²³ А. Ф. Анисимов. Религия эвенков. М.— Л., 1958, стр. 126.

китайских источников. Н. Я. Бичурин, ссылаясь, из Шицзы Сыма Цяня, сообщает: «В царствование великого князя Му-вана жуны и ди перестали представлять дань: почему Му-ван воевал с цюань-жунами на западе и, взяв в плен пять королей их, получил от них четырех белых оленей и четырех белых волков»¹³¹. По другому свидетельству, Му-ван подарил золотых оленей народу Цзяо-ну¹³². Правление чжоусского Му-вана относится к X в. до н. э., однако исследователи справедливо замечают, что описание путешествия Му-вана могло быть создано сотни лет спустя после смерти Му-вана и могло отражать обычаи того времени, когда было написано¹³³. Г. Масперо относит эти сведения к V—IV вв. до н. э.¹³⁴

Приведенные данные показывают, что олень играл важную роль в жизни и представлениях северо-западных соседей Китая. Это можно связать с пережитками тотемизма, чем и объясняется, скорее всего, большое количество и разнообразие изображений оленя в Ордосе.

Культура Минусинской котловины в рассматриваемый период, входя в круг культур «скифского мира» в широком смысле этого понятия, значительно отличалась от того ее варианта, который был распространен в Туве, на Алтае и на территории Казахстана и Киргизии¹³⁵. В конце VI—V вв. до н. э. в Минусинской котловине появились новые образцы оружия и новые мотивы звериного стиля, сходные со среднеазиатскими и персепольскими¹³⁶. Одним из таких мотивов и являлся олень. Можно предполагать, что появление новых вещей объясняется не только торговлей и заимствования-

ми, но и притоком новых людей в Минусинскую котловину из Казахстана или Средней Азии и смешением их с местным населением — прежними носителями тагарской культуры, которые жили там еще в VII—VI вв. до н. э. В. И. Абаев в беседе с автором настоящей работы высказал предположение, что причиной такого движения из Средней Азии в Сибирь мог явиться поход Дария I на среднеазиатских саков в 517 г. до н. э.¹³⁷, закончившийся, если верить Бехистунской надписи, их завоеванием.

И на территории Минусинской котловины и в других местах, куда попали изображения оленя, были прежде свои, старые тотемы, которые продолжали существовать, уживаясь с новыми, привнесенными. Так, в Минусинской котловине до V в. до н. э. основными объектами изображения являлись горный козел и кабан. Изображения козла только частично были вытеснены изображениями оленя и даже, как было показано выше, сами олени иногда стилизованы под козлов. Этнографии хорошо известно, что «когда какое-нибудь племя находится в частом или продолжительном соприкосновении с соседями, то образуются новые мифы, которые переплетаются со старыми. Одновременно с этим обогащаются и усложняются отношения тотемического родства»¹³⁸.

Уже говорилось об изображениях оленей с подогнутыми ногами на короне шумерской царицы Шуб-ад¹³⁹. Здесь олени представлены вместе с другими животными — быками, козлами — в той же позе, и ничем не выделяются среди этих животных. В шумерском искусстве доминируют изображения копытных животных — козла и быка. На скифских и тагарских предметах олени иногда изображены наряду с другими животными (на ручке секиры из Келермеса вместе с оленями были и хищники; на поясе из Зивие — козлы; на ручках минусинских ножей — козлы или кабаны), но чаще встречаются фигуры одних оленей. Число их так велико, что они воспринима-

¹³¹ Н. Я. Бичурин. История Тибета и Хухунора, ч. 1. СПб., 1833, стр. 6, 7.

¹³² Mu T'ien Tzu Chuan, ch. 2: 4a; Han Wei T'sung Shu ed. Han. Fenlou. Shanghai, 1925, ts'e 14; цитировано по M. Loehr. The Stag Image in Scythia and the Far East, p. 69, 73.

¹³³ Ibid., p. 69, 70.

¹³⁴ H. Maspero. La Chine antique. Paris, 1927, p. 57.

¹³⁵ Н. Л. Членова. Место казылганской культуры Тувы...

¹³⁶ Н. Л. Членова. О происхождении тагарской культуры Южной Сибири. Тезисы докладов на Научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960, стр. 77, 78. Этот вопрос мы затрагивали в своем докладе «Тагарское бронзовое оружие VII—V вв. до н. э.», зачитанном в 1959 г. в секторе неолита и бронзы Института археологии АН СССР.

¹³⁷ См. В. В. Струве. Поход Дария на саков-массагетов. — «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1946, № 3, стр. 231 и сл.

¹³⁸ Л. Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937, стр. 371.

¹³⁹ L. Wooley. Ur Excavations, v. II (plates), 1934, pl. 140, 141.

ются как своего рода эмблема скифской культуры.

Существенное отличие скифских изображений от древневосточных, в частности от шумерских, заключается в том, что шумерские олени вместе с козлами и быками составляют часть композиции, центром которой является дерево жизни, олицетворение Великой богини-матери. Они — только спутники этой богини, животные, посвященные ей, и в этой роли остаются на Ближнем и Среднем Востоке очень долго; то же значение имеет олень в культе Артемиды; отзвуки этого имеются и в христианстве¹⁴⁰.

Ничего подобного нет в искусстве скифского мира. Здесь нет никаких следов композиции с деревом, источником (символами богини) или с самой богиней. Нет и отдельных изображений дерева, источника или богини, которые можно было бы рассматривать как часть несохранившейся композиции. Все животные, в том числе олени, выступают здесь как самостоятельные существа, а не атрибуты верховного божества. Это объясняется, конечно, другими, гораздо более примитивными, религиозными представлениями скифского общества по сравнению с религиями древневосточных государств¹⁴¹.

Со времени работ М. И. Ростовцева считается твердо установленным факт близости между изображениями животных в Скифии и на Ближнем Востоке и возникновения самого скифского искусства где-то вблизи от Месопотамии. Очень многие месопотамские мотивы и сцены проникали в скифскую среду, конечно, вместе с мифами, иллюстрациями которых они являлись. Здесь воспринималось только то, что соответствовало уровню развития скифского общества, характеру его быта, его религиозным представлениям. Так, олень с подогнутыми ногами, посвященный Великой боги-

не, получил самостоятельное значение, был осмыслен как изображение тотема скифов и в связи с этим ему были приданы черты стремительности и силы, которые через несколько столетий были утрачены, в связи с забвением этой вторичной идеи. Оленю как тотему скифов, вероятно, были посвящены многие мифы. Следы их сохранились в осетинском фольклоре.

В послескифскую эпоху изображения оленей вновь почти полностью исчезают со всей рассматриваемой территории. У сарматов они крайне редки (кроме савроматских изображений, перечисленных на стр. 190). Известны только стоящие олени на знаменитой короне из кургана Хохлач (так называемый Новочеркасский клад); в памятниках усуней они не найдены. В таштыкской культуре, сменившей тагарскую в Минусинской котловине в последние века до нашей эры, нет ни одного изображения благородного оленя. Его место занимает косуля, которую представляют также с подогнутыми ногами¹⁴². У гуннов также нет изображений оленя, исключая вышитого на ковре из Ноин-Ула северного оленя в борьбе с грифоном¹⁴³. Изображения благородных оленей исчезают столь же внезапно, как и появляются, хотя сами олени продолжают жить на всей этой обширной территории до наших дней (см. рис. 2).

Итак, распространенные во многих районах Евразии изображения благородных оленей в определенных, строго выдержанных позах появляются в скифское время и исчезают к концу его. Они могут быть связаны со скифо-сакской общностью и, по-видимому, восходят к тотему саков. Можно предполагать, что эти изображения появляются первоначально на территории, расположенной между Северным Ираном и оз. Зайсан, по-видимому, в районах, занятых кочевыми, а не земледельческими племенами. Это предположение согласуется с историческими и лингвистическими данными о возникновении скифо-сакской общности где-то на территории Средней Азии.

¹⁴⁰ См. об этом подробно в кн.: L. I. Ringbom. *Paradisus terrestris, myt, bild och Verklighet*.— «Acta Societatis Scientiarum Fennicae», N. S., c. I, № 1, Helsinki, 1958; резюме на англ. яз.

¹⁴¹ Автору кажется убедительным мнение Л. А. Ельницкого, что у скифов только начинал складываться пантеон божеств и что его сложение в значительной степени обусловлено эллинизацией скифов (Л. А. Ельницкий. Из истории древнескифских культов.— СА, 1960, № 4, стр. 51, 52).

¹⁴² Изыхский чаа-тас, склеп 2 (Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 92, рис. 2) и случайные находки ММ, № 9170, 9276, 9204, 9277—9279.

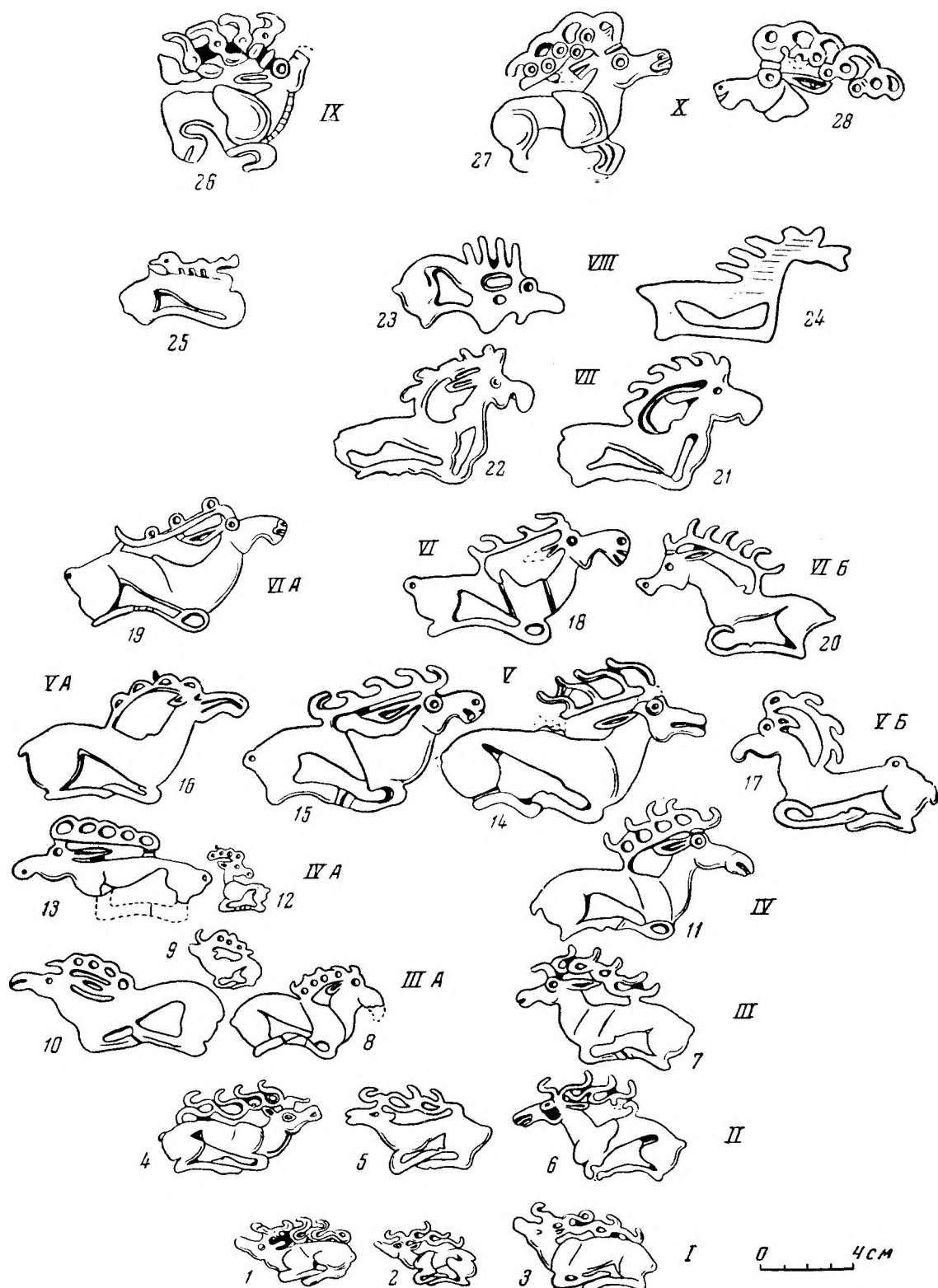
¹⁴³ C. Trever. *Excavations in Northern Mongolia*. Leningrad, 1932, pl. 8, 9.

Т а б л и ц а I. Развитие изображений оленя с подогнутыми ногами в Минусинской котловине

- 1 — Верхняя Коя (ММ, № 9126); 2 — Малая Иня, курган 2, могила 1 (раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210); 3 — Большой Барандат, «курган за поскотиной» (раскопки Г. О. Оссовского, 1896, ГИМ, № 36518/69); 4 — Минусинский край (ГЭ, № 3975/306); 5 — Верхний Суэтух (ММ, № 9128); 6 — Думная гора, «могила близ кургана 5» (раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ, № 1126 — 11); 7 — Малая Иня, курган 1, могила 1 (раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ, № 40210, хр. 32/1); 8 — Батени, курган 24, могила 3 (раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ, № 4580/111); 9 — Сабинское (МИМК ТГУ, № 6272 — 213); 10 — Батени, «у пристани», могила 2 (раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ, № 4316/45); 11 — Минусинский край (ГЭ, № 1123/73); 12 — Малая Ничка (ММ, № 9201); 13 — Тесь, Большой курган, могила 3 (раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ, № 1252/88, ноги восстановлены по рис. в кн.: С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, табл. III, 1.2); 14 — Верхний Суэтух (ММ, № 9125); 15 — Минусинский край (АМ); 16 — Ладейское городище (р-н Красноярска, сборы А. Ф. Семенова, 1954); 17 — Сабинское (ММ, № 9136); 18 — Верхний Суэтух (ММ, № 9111); 19 — Знаменка (ММ, № 9119); 20 — Верхний Сайбар (КМ, № 131—407); 21 — Минусинский край (ММ); 22 — Минусинский край (ММ, № 9158); 23 — Минусинский уезд (МИМК ТГУ, № 6272-217); 24 — Минусинский край (ММ, № 9147); 25 — Лепешки, могила 15 (раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ, 4327-7); 26 — Минусинский край (?) (МИМК ТГУ, № 6272/211); 27 — Минусинский край (ГЭ, № 5531—1422); 28 — с. Означенное (КМ, № 74-26)

1—28 — бронза (римскими цифрами обозначены номера групп).

Таблица I

Т а б л и ц а II. Сравнительная таблица развития изображения оленя с подогнутыми ногами в разных районах Евразии

- 1—12 — Причерноморье: 1 — ст. Костромская (G. Bogovka. Scythian Art); 2 — Липой курган «Мельгуновский клад». — ЗРАО, XII, вып. 1—2, стр. 277, рис. 66); 3 — Синявка, курган 100 (А. А. Бобринский. Смела, III, табл. XVIII, 2); 4 — Ульский аул (G. Bogovka. Op. cit., pl. 3E); 5 — Ак-Мечеть (E. H. Minns. Scythians and Greeks, p. 267, fig. 183); 6 — Бабы (K. Schefold, ESA, XII, 1938, S. 47, Abb. 38, № 43); 7 — Частые курганы (С. Н. Замiatин, СА, VIII, стр. 38, рис. 27, 1); 8 — Юрьева Гора близ Смелы, курган Д XXII (ИАК, 54, 1914, рис. 3); 9 — Аксютинцы (А. А. Бобринский, Смела, II, табл. XXI); 10 — Александрополь (O. Sigrén. Histoire d'art..., t. II, pl. 22A); 11 — Чертомлык (K. Schefold. Op. cit., Abb. 47); 12 — Покровка (ОАК за 1897 г., стр. 73, рис. 169); 13 — Иран. Саккыз (M. Loehr. The stag image..., fig. 1); 14 — Северный Кавказ, Верхняя Рутха (Е. П. Алексеева. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, табл. VII, 6); 15 — Восточный Памир (Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960, рис. 2—9); 16, 17 — Восточный Казахстан: 16 — Чиликты, курган 5 (раскопки С. С. Черникова, 1960); 17 — Максимо-Горьковский р-н Павлодарской обл., могильник 1 (раскопки Ф. Х. Арслановой, 1960); 18, 19 — Горный Алтай: 18 — случайная находка (С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, рис. 86, а); 19 — второй Пазырыкский курган (С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, стр. 221); 20 — Забайкалье, р. Иволга (А. П. Окладников, СА, XIX, стр. 212, рис. 3); 21—27 — Ордос: 22, 24, 25 — A. Salmony. Sino-Siberian Art, pl. IX 1, 2; X, 1, 2; 21 — O. Sigrén. Op. cit., t. II, 20A; 23 — S. H. Nansford. The Seligman Collection, 1957, pl. IX/X, A, 109; 26, 27 — I. G. Anderson, BMFEA, № 4, 1932, pl. XXI, 2, 7; 28—35 — Минусинская котловина: 28 — Верхняя Коя (ММ, № 9123); 29 — Саянская (ММ, № 9199); 30 — Минусинский край (ГЭ, № 1123—123); 31 — Минусинский край (АМ, № 254-2, передано из ММ, № 11984); 32 — Минусинский край (?) (МИМК ТГУ, № 6272/211); 33 — Сарагаш, могила 42 (раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ, № 4131-140); 34 — Верхний Сузгук (ММ, № 9111); 35 — Минусинский край (ММ, № 9147).
- 1—6, 9, 13, 16 — золото, 12 — серебро, 17, 18 — кость, 19 — дерево и кожа, 20 — выбито на камне, остальное бронза. Разные масштабы

Т а б л и ц а III. Изображение оленей из Западной Сибири и особые типы изображений из разных областей

*1, 2 — р-н Красноярск: 1 — Ладейское городище (ГИМ, № 84866; 1); 2 — Коркино, курган 1 (раскопки Р. В. Николаева, 1957; рис. Р. В. Николаева); 3—10 — бассейн р. Чулыма: 3 — Айдашинская пещера, камера 3 (раскопки П. С. Проскурякова, 1897, ГИМ, № 36855); 4 — на скале Аржанковых, р-н Боготола (по рис. из архива Ачинского музея, арх. 183, л. 124, 100); 5—8 — Ягуня, курган 1 (раскопки А. И. Мартынова, 1959, Архив ИА, р.—1, 1977 б, л. 7, 8, 9, фото); 9 — Большой Барандат, «курган за поскотиной» (раскопки Г. О. Оссовского, 1896, ГИМ, 36-518/69); 10 — пос. Вознесенское на р. Убненка, курган 1 (раскопки Г. О. Оссовского, 1896, ГИМ, № 36518/141); 11, 12 — бассейн р. Томи: 11 — Лысая гора на р. Яя (раскопки С. К. Кузнецова 1891—1892, ГЭ, № 1125—13); 12 — р. Яя, случайная находка (В. М. Флоринский. Первобытные славяне. Томск, 1897, рис. 122); 13 — Нижняя Обь: Чувакский мыс (В. М. Флоринский. Указ. соч., табл. XXIII, *); 14—20 — Ордо: (14 — I. G. Andersson, BMFEA, № 5, pl. V, 1; 15 — O. Sjöberg. Op. cit., t. II, pl. 20 C; 20 — V. Griessmair. Sammlung Baron Ed. v. d. Heydt, Abb. 63); 21, 22 — Горный Алтай: 21 — Пазырык, курган 1 (М. П. Грязнов, «Природа», 1929, № 11, фиг. 4); 22 — Пазырык, курган 1 (М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, табл. X, 2); 23 — Поволжье: Блюменфельд, курган А-12 (В. Grakov, ESA, III, fig. 28); 24 — Прикубанье: Семибратний курган 4 (Е. Н. Мипс. Op. cit., fig. 115, p. 214); 25, 26 — Кавказ: 25 — Урус-Мартан (А. А. Спицын, ИАК, 4, 1902, стр. 134, рис. 2); 26 — Кобань (МАК, VIII, табл. X, III, 4); 27—30 — Центральная Европа: 27, 28 — Гаршиново (Archaeologia Hungarica, XV, pl. III, 1, pl. IV, 3); 29 — Тапье-сент-мартен (там же, pl. VI, 1); 30 — Жолдгалсмушта (там же, pl. V).
21, 22 — дерево, остальное — бронза. Разные масштабы*

Таблица III

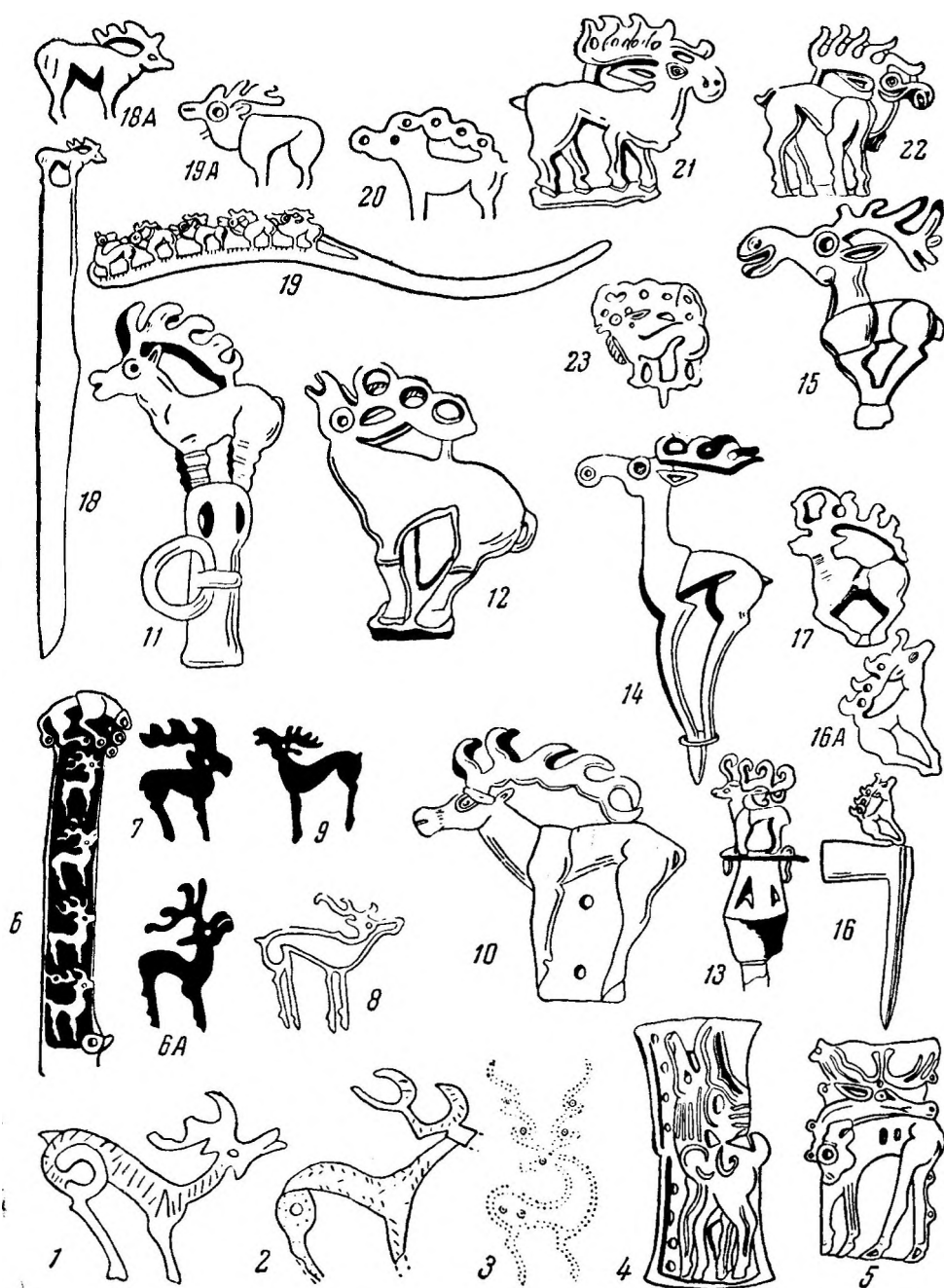

Таблица IV. Изображения стоящих оленей

1—4 — Кавказ: 1 — окрестности г. Нальчика (Б. В. Пиотровский и А. А. Иессен. Моздокский могильник, стр. 36, рис. 10); 2 — курган около Ставрополя (там же, стр. 34, рис. 9); 3 — Душети (О. А. Артамонова-Полтавцева. СА, XIV, стр. 95, рис. 48); 4 — Фаскау (МАК, VIII, табл. CXVII, 8); 5—13 — Причерноморье: 5 — Дубовая (Г. Воговца. Ор. cit., pl. 3A); 13 — В. В. Шлеев, КСИИМК, XXXIV, рис. 15, 7, стр. 54; 6, 6A, 9 — Тува: 6 — Туранский район, приобретение С. А. Теплоухова (ГЭ, № 5130-2); 6A — деталь того же предмета; 9 — Туран, Уюк (Н. Арпелген-Кивало. Art-Altische Kunstidenkinäler. Abb. 331); 8 — Алтай (М. П. Грязнов, КСИИМК, XVIII, рис. 4, 1); 10 — Алтай (?) (ГЭ, coll. Паскевича); 11, 12, 18, 20 — Ордо: 11 — А. Салмоу. Ор. cit., pl. V, 1; 12 — О. Сирен. Ор. cit., t. II, pl. VII, 45; 18 — М. Loecher. Artibus Asiae, XIV, 1/2, pl. VII, 45; 18A — деталь того же изображения; 19 — О. Сирен. Ор. cit., t. II, pl. 20D; 19A — деталь того же изображения; 20 — А. Салмоу. Ор. cit., pl. X, 1; 7, 14, 16, 17, 21, 22 — Минусинская котловина: 7 — Горюк (ММ, № 14; ГЭ, № 1124-6; 15-ГЭ, № 1124); 16 — Минусинский уезд (G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei, Wien, 1916, Taf. IX, 3); 17 — дер. Козлова (ГИМ); 21 — Минусинский край (ММ, № 9146); 22 — Енисейский или Минусинский уезд (ММ, ТГУ, № 3359); 23 — пос. Будильчева на р. Уфимка (ГЭ, № 23486, 801913, по рис. К. Ф. Смирнова)

1, 2 — изображения на керамике, 9 — выбито на камне, 17 — кость. Остальное бронза. Разные масштабы

Т а б л и ц а V. Изображения оленей в кольце, на ручках котлов и изображения оленьих голов

1, 6 — Прикубанье: 1 — ст. Елизаветинская (М. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks*, p. 194, рис. 21 А; 6 — Ульский аул (Г. И. Боровка, ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 193, рис. 1); 2—4, 7, 12, 13, 15, 16 — Минусинская котловина: 2 — Абаканская управа, курган 1, могила 3 (раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ); 3 — Минусинский округ (ГЭ, № 5531-14); 4 — дер. Таскина (ММ, № 10333); 7 — Минусинский край (ММ, № 142); 8 — Тесь, Большой курган, могила 1 (раскопки С. В. Киселева, 1928); 9 — с. Тигрицкое (ММ, № 3652); 10 — Аешка (ММ, № 3766); 11 — Очуры (G. M e r h a f t. *Op. cit.*, Taf. IX, 7); 12 — р. Абакан (ИМ, № 516-53); 13 — с. Березовка (ММ, № 3770); 15 — дер. Потехина (ММ, № 3775); 16 — с. Лугавское (ММ, № 11940); 14 — Поволжье. Калиновский курганный могильник, курган 3, погребение 35 (В. П. Ш и л о в, МИА, № 60, рис. 38, 13); 15 — Ордо: Луан-Пинг (Т. А г п е, ВМФЕА, Taf. 9).

14 — клык кабана, остальное бронза. Разные масштабы

М. Г. Мошкова

В 1958 и 1959 гг. Оренбургская экспедиция Института археологии и Оренбургского музея краеведения (начальник М. Г. Мошкова) проводила обследование мало изученных районов Оренбургской области (Ново-Орского, Кваркенского, Адамовского, Добаровского)¹. В результате разведки было зафиксировано более 30 курганных групп и одиночных курганов. Основные работы экспедиция сосредоточила на исследовании Ново-Кумакского курганного могильника², расположенного на водораздельном сырте между реками Орь и Кумак (притоки Урала), в 7 км к востоку от г. Орска (рис. 1). Могильник насчитывает 52 насыпи и представляет собой окраинную группу курганов, тянувшихся непрерывной цепью до г. Орска. Обнаруженные на этом же участке в 7—8 км еще четыре курганных группы насчитывают в общей сложности 51 курган. По-ви-

димому, все эти группы составляют один могильный массив, тянувшийся на протяжении многих километров. Такая же картина наблюдается и в Нижнем Поволжье. Так, например, курганные группы в районе сел. Бережновка и Политотдельское, почти сливаясь между собой, несомненно, образуют один колоссальный могильник.

Ново-Кумакский могильник расположен частично на вспаханном поле, подвергавшемся распашке очень давно. Местность — ровная, плоская. Курганы образуют три компактные группы: первая — около трех самых больших курганов, высотой от 1,5 до 3,5 м и диаметром 24—40 м; вторая — немного западнее первой в виде цепочки, тянувшейся с северо-востока на юго-запад и, наконец, несколько курганов зафиксировано довольно далеко в стороне на север и северо-восток от больших курганов. На вершинах трех больших курганов — заплывшие грабительские ямы, у подошвы их ясно видны рвы. Диаметр курганов колеблется от 5 до 40 м, высота — от 0,1 до 3,5 м. Формы насыпей также различны: одни маленькие (не более 10 м в диаметре), уплощенные (высота не более 0,6 м), обложенные плитняком; другие — земляные различного диаметра (от 7 до 40 м) и высоты (от 0,10 до 3,5 м), иногда сферической формы, часто с большим содержанием гальки. За два года работ вскрыто 18 курганов.

¹ М. Г. Мошкова. Сарматские памятники восточных районов Оренбургской области.— КСИА, вып. 83, М., 1961.

² В раскопках курганов участвовали: в 1958 г.— С. А. Попов, М. П. Абрамова (начальники раскопок), Ю. Б. Самылин (топограф), студенты истфака Пединститута г. Оренбурга, Ленинградского высшего художественно-промышленного училища, Оренбургского сельскохозяйственного ин-та. В 1959 г.— С. А. Попов, М. П. Абрамова (начальники раскопок), Ю. Б. Самылин (топограф), студенты истфака МГУ, Историко-архивного ин-та г. Москвы, истфака Пединститута г. Оренбурга и Ленинградского высшего художественно-промышленного училища.

КУРГАН 1³

Расположен в южной части могильника. Он является крайним в цепочке курганов, идущих от самой дороги Орск — Ново-Орск к северо-западу. Диаметр кургана 6 м, высота 0,4 м, насыпь распахана, на поверхности ее сохранилась наброска из небольших каменных плиток. Плитняк встречался по всей насыпи, но особенно интенсивно заполнена плитняком центральная часть кургана до глубины 0,4 м. В восточной части кургана на глубине 0,35 м найдена железная втульчатая стрела с четырехгранным пирамидальным острием; длина ее 9 см, диаметр втулки 1,5 см, длина втулки 3,7 см (рис. 2, 3). В кургане обнаружено одно погребение, расположенное почти в центре насыпи (рис. 2, 1). Могильная яма — узкая, длинная, с закругленными углами, ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Длина могилы 2,5 м, ширина в северной части — 0,65 м, в южной — 0,5 м, глубина 1,9 м. Засыпку могилы составляла рыхлая светло-коричневая супесь со значительным содержанием камня, главным образом в северо-восточной части могилы. На глубине 1,4 м начали попадаться куски истлевших плашек и коры, особенно заметные в восточной стенке могилы. Они расположены в один ряд с большими перерывами, наклонно ко дну ямы и ее западной стенке. Ширина плашек 5 см. На дне могилы лежал в вытянутом положении плохо сохранившийся костяк мужчины на спине, головой на северо-восток;

руки — вдоль тела, правая — чуть отставлена и согнута в локте. Под погребенным была мощная травянистая подстилка. Над левым плечом, на уровне черепа, лежали две бронзовые нашивные бляшки в виде пятиугольных розеток, диаметром 1,5—2 см (рис. 2, 2); у левой ключицы находились два обломка железных пластинок длиной 9,5 и 5,3 см, шириной 1,7 см. На левой плечевой кости лежало круглое зеркало с боковой петлей, невысоким бортиком и концентрическим валиком около него. Диаметр диска 6 см, длина ручки 1,3 см, ширина — 0,8—1,1 см (рис. 2, 4). Зеркало было сделано из светлого сплава, в состав которого входила медь (зеркало было покрыто зеленой медной патиной). На лицевой стороне его сохранились кусочки ткани от одежды или футляра для зеркала. Судя по золотым нитям, ткань похожа на парчовую материю. У левого локтя лежал обломок какого-то железного орудия, возможно шильца, с уплощенной прямоугольной рабочей частью. Длина сохранившегося обломка 3,6 см, ширина рабочего конца 0,4 см, толщина — 0,15 см. Прямо на правой руке погребенного лежали остатки берестяного колчана. На некоторых кусках его были заметны дырочки от сшивания отдельных частей колчана. Длина сохранившейся части колчана 35 см.

³ Курганы 1—3 раскопаны в 1958 г., остальные — в 1959 г. Последний порядковый номер 19, так как курган № 14 не раскапывался.

КУРГАН 2⁴

Курган 2 расположен в 13 м к северо-западу от кургана 1. Насыпь распахана и сильно расташена в направлении север — юг. Высота кургана 0,8 м, диаметр 16 м. Насыпь состояла из серой комковатой супеси с большим количеством гальки. В кургане находилось одно погребение, полностью разграбленное. Большая грунтовая яма прямоугольной формы со срезанными углами была ориентирована по линии запад — восток; ее длина 3,15 м, ширина 1,70 м, глубина 1,1 м от вершины кургана. На глубине 0,85 м и ниже попадались отдельные кости человека и животных (барана, лошади). На дне ямы в полном беспорядке на-

ходились кости двух человек, один из которых, судя по величине и толщине костей, несомненно был мужчиной. В засыпи могилы, а также на дне среди костей было разбросано 49 бронзовых наконечников стрел. Здесь представлены трехлопастные и трехгранные наконечники с выступающей и внутренней втулкой (рис. 4, 3). У восточной стенки находились обломки железного меча или кинжала. В центральной части могилы в кучке лежали обломки кольчатых удил из

⁴ Курганы 2 и 3, вскрытые в 1958 г., опубликованы автором в указанной работе, поэтому здесь дается лишь краткое описание их.

довольно массивного железного стержня и железный псалий S-видной формы с двумя отверстиями посередине (рис. 4, 1—2). Длина одного звена удил 8,2 см, длина псалия 18 см. У северной стенки могилы на боку лежал массивный толстостенный горшок с плоским широким дном и слегка ото-

гнутом венчиком. Поверхность его темно-серая бугристая; глина черная, довольно плотная, с примесью крупной дресвы и слюды. Высота горшка 18,4 см, диаметр устья 11,8 см, диаметр дна 11,4 см (рис. 4, 6).

КУРГАН 3

К северо-востоку от кургана 2 на расстоянии 100 м располагается курган 13, имеющий небольшую земляную насыпь диаметром 7 м и высотой 0,2 м. Поверхность кургана слегка задернована, насыпь состояла из плотной темно-серой супеси с крупной галькой. В центре кургана находилось одно погребение. Небольшая прямоугольная могила ориентирована по линии запад — восток; длина ее 2,15 м, ширина 1,12 м, глубина 1,5 м. Северная и частично западная стенки могилы немного скошены внутрь и образуют как бы небольшие подбойчики, за счет которых увеличивается ширина ямы по дну до 1,28 м. На дне могилы был обнаружен скелет подростка, сильно потревоженный и растащенный грызунами. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Под скелетом прослеживался тонкий слой какой-то органической подстилки. Справа от черепа, на уровне нижней челюсти, лежал железный кол-

чаный крючок, выкованный из массивного стержня (диаметром 1,3 см). Длина крючка 8,5 см. На верхней части его — сквозное отверстие (рис. 4, 4). Среди ребер погребенного были найдены два обломка от железного ножа с прямой спинкой и скошенным лезвием. У северной стенки, почти посередине ее, стоял лепной толстостенный горшок с широким плоским дном и шаровидным туловом, которое отделялось от горла сильно выступающим ребром. С одной стороны плечика прямо на ребре был расположен пирамидальный налп. Поверхность сосуда светлая, кремовая, глина рыхлая, слоистая, с шамотом и какими-то белыми частицами. В расколе стенки у плечиков хорошо видна техника изготовления горшка. Его лепили из глиняных лент, накладывавшихся одна на другую. Высота горшка 16,8 см, диаметр устья — 13 см, диаметр дна 11 см (рис. 4, 5). Около горшка находились мелкие обломки костей барана.

КУРГАН 4

Находится на расстоянии 27 м к югу от кургана 3 на распаханном поле. Насыпь неправильной формы, земляная, с мелкой светлой галькой. Высота кургана 7 см, диаметр — 6 м. В восточной поле кургана, на уровне древнего горизонта, были найдены рядом два горшка, лежавшие на боку. Первый — небольшой лепной горшочек с широким устьем, уступом по плечикам и узким дном; поверхность его — желтовато-коричневая, хорошо заглажена. Глина черная, плохо промешанная, с примесью дресвы и шамота. Весь горшок, включая дно, был покрыт резным и штампованным орнаментом в виде треугольников, расположенных зонами. На дне — четыре треугольника, обращенные вершинами к центру, были заполнены горизонтальными резными линиями (рис. 3, 5). Высота сосуда 12 см, диаметр устья 11 см, диаметр дна 8 см.

Второй горшок — большой, с широким устьем, округлым туловом и узким дном; форма его приближалась к баночной. Поверхность горшка серая с красными пятнами, сравнительно хорошо заглажена, глина плотная, черная, с примесью шамота. Верхняя часть сосуда украшена двумя поясами глубоких желобков, между которыми были расположены пучки косых углублений, сделанных плоской широкой палочкой или концом лопатки (рис. 3, 7). Высота сосуда 20 см, диаметр устья 16,5 см, диаметр дна 9 см. В западной поле кургана, почти на той же глубине, был обнаружен еще один раздавленный большой горшок с ровным горлом и уступчиком под ним, шаровидным туловом и узким дном (рис. 3, 6). Поверхность серая, бугристая, хотя и была заглажена. Глина черная, рыхлая с шамотом. Стенки сосуда были украшены сверху

и у дна поясами горизонтальных линий с заштрихованными треугольниками и зигзагами между ними. Здесь же около сосуда лежало бронзовое шило, прямоугольное в сечении. Длина шила 7,6 см, наибольший диаметр 0,4 см (рис. 3, 4). Около описанных групп вещей человеческих костей не было. Однако в этой же части кургана в одной могильной яме находились два древних разрушенных погребения. С одним из них и должны быть связаны вещи, найденные в насыпи.

Погребение 1. Грунтовая могильная яма в виде довольно узкого овала была ориентирована по линии запад—восток, длина ее 2,1 м, ширина 0,8—0,9 м, глубина 1,05 м. Ко дну яма сужалась до 0,7—0,8 м. Южная стенка могилы была испорчена грабителями (рис. 3, 1). В западной части могилы на глубине 0,60—0,65 м начали попадаться разрозненные, лежавшие в беспорядке кости человека. На некоторых из них были заметны следы красной краски. Среди разбросанных костей на глубине 0,80—0,85 м в центре и у середины северной стенки были найдены обломки довольно большого лепного горшка. Отдельные фрагменты склеились и дают некоторое представление о его форме; широкое устье с чуть отогнутым наружу краем; ровное, довольно высокое горло, переходящее с едва заметным изгибом в плечики; округлое тулово и массивное плоское устойчивое дно. Верхняя часть сосуда была украшена резным орнаментом: четыре пояса ровных горизонтальных бороздок (в каждом — по три бороздки), расположенных на расстоянии 1—1,6 см друг от друга; между вторым и третьим пояском шел двойной зигзаг; таким же зигзагом, но более крупным, было украшено тулово сосуда. У самого дна горшка широкие резные треугольники, заполненные косыми линиями, опирались на три горизонтальных резных желобка. Полностью установить размеры сосуда не удалось, диаметр устья приблизительно 18 см, диаметр дна 12—13 см. Глина сосуда темно-серая, почти черная, грубая, с примесью дресвы и крупного шамота, поверхность желтовато-серая, заглаженная (рис. 3, 2).

Погребение 2. На глубине 1—1,05 м в восточной части этой же могильной ямы были обнаружены кости второго человеческого скелета (рис. 3, 1). *In situ* лежали кости ног и таза. Судя по ним, покойник был

погребен с согнутыми в коленях ногами, на левом боку, головой на запад. В центре могильной ямы на этом же уровне были найдены обломки черепа, принадлежавшего, очевидно, второму погребенному. Остальные кости скелета лежали в полном беспорядке и многих из них не хватало. Рядом с черепом погребенного найдены две подвески. Одна из них целая, другая разломана на две половинки. Подвески сделаны из бронзового, полуовального в сечении стержня, обложенного золотой фольгой и скрученного в полтора оборота. Длина подвески — 3,1 см, ширина стержня — 0,4—0,8 см (рис. 3, 3).

Вследствие нарушения грабителями обоих погребений не удается точно установить их хронологическую последовательность, так как по сохранившимся данным одинаково возможны два варианта:

1. Погребение 1, возможно более древнее, перерезано погребением 2, так как последнее расположено глубже первого, и часть его сохранилась нетронутой, тогда как 1 разрушено полностью. Яма погребения 1 была меньше настоящей и занимала лишь ее западную часть. При совершении впускного погребения 2 яму расширили на восток и она приняла современные очертания.

2. Основным в кургане может быть и погребение 2. Оно было совершено в яме, имевшей ту же форму, что мы видим сейчас. Затем в эту могилу было впускено погребение 1, которое не затронуло погребения 2, так как было расположено чуть выше его и занимало не всю могилу, а только ее западную часть. По прошествии определенного времени обе могилы были разрушены, но грабители перерыли лишь западную часть ямы.

К основному погребению кургана относятся сосуды и шило, поскольку они находились на уровне древнего горизонта поблизости от могилы и могли быть положены только до устройства насыпи кургана.

Оба погребения относятся к середине II тысячелетия до нашей эры. По всей вероятности, между захоронением того и другого покойника прошел очень небольшой промежуток времени.

Курган 4, очевидно, не единственный в группе, относящийся к эпохе бронзы, так как на территории могильника, в его северо-восточной части, на поверхности был найден бронзовый нож (рис. 3, 8).

КУРГАН 5

Находится на расстоянии 8 м к востоку-юго-востоку от кургана 4. Он был распахан и немного вытянут в направлении север — юг. Высота кургана 0,5 м, диаметр, взятый для раскопки, 10 м. Насыпь кургана состоит из однородной темно-серой супеси с небольшим количеством гальки. В центре кургана было обнаружено одно погребение. Грунтовая продолговатая яма ориентирована с запада на восток. Длина могилы 1,7 м, ширина в восточной части — 0,65 м, в западной — 0,96 м, глубина 1,6 м. До глубины 1,5 м стенки могилы шли отвесно, затем под северной стенкой начинался небольшой подбой, общая высота которого достигает 1 м, глубина 0,4 м. На этой же глубине был сделан подбой и под западной стенкой. С глубины 1,8—1,9 м появился подбой под восточной стенкой. За счет всех этих подбойчиков размеры могилы по дну резко увеличились: длина 2,25 м, ширина 1—1,3 м (рис. 5, 7). На глубине 1,9—2 м повсюду в засыпке могилы прослеживались следы дерева и березовой коры, очевидно, от какого-то перекрытия; стенки могилы были обложены корой. На дне могилы в вытянутом положении, на спине, головой на запад, лежал скелет большого мужчины, руки его были немного отставлены в стороны, ноги вытянуты параллельно друг другу. Над костями человека по всей поверхности могилы шло покрытие из березовой коры. С обеих сторон черепа погребенного у самой стены лежали кости барана (кости ног, лопатки и ребра); слева от покойника, начиная от середины руки и примерно до голени, были расположены кости лошади (лопатки, ребра, кости ног), положенные кучей один на другое. Под костями человека был обнаружен тонкий слой коры, под костями барана, лежавшими у черепа, находилась трава или тростник. Слева от черепа среди костей барана лежал железный нож длиной 9 см с ровной спинкой и скошенным лезвием, на черенке — волокна дерева от ручки. Справа от черепа находился большой железный колчаный крючок длиной 11,3 см и шириной 1,5—2 см. Крючок был сделан из пластины, чуть расширяющейся вверху, выступала или петли для прикрепления крючка

к поясу не сохранилось (рис. 5, 9). Вдоль правой руки, частично заходя на нее, лежал берестяной колчан, каркас которого был деревянным. Очень плохая сохранность бересты и дерева не позволили выяснить конструкцию колчана. Длина колчана около 0,6 м. Среди древков стрел в колчане лежал небольшой деревянный брусочек (длина 5 см, ширина и толщина по 2,5 см), аккуратно обрезанный с двух сторон. Этот брусочек был вырезан из елового дерева, которое очень редко встречается среди деревянных остатков в приуральских сарматских погребениях. Может быть, это часть лука, который для прочности обычно склеивался из разных пород дерева. В колчане лежали стрелы с бронзовыми наконечниками (всего 24 наконечника), остриями вниз ко дну колчана. Отдельные древки были длиной 0,5—0,6 м. Все стрелы втульчатые трехлопастные (рис. 4, 8) с выступающей (13 штук) и внутренней (11 штук) втулкой. Около колчана, вплотную к нему, с наружной стороны лежала небольшая плоская каменная плитка, сделанная из глыбы (длина ее 11,6 см, ширина 7,7 см). Средняя часть ее слегка была углублена и имела следы мелового порошка. Вся поверхность плитки, особенно по краям, была хорошо сглажена (рис. 5, 10). Справа от погребенного, на уровне локтя, заходя частично в подбой, лежал на боку большой толстостенный узкогорлый сосуд. Поверхность его желтовато-коричневая с темными пятнами, глина — черная с шамотом. На раздутom тулове сосуда грубо прочерчены два знака в виде вертикальных линий с закрученными спирально концами. Левее их заметна еще одна извилистая линия, какие-то дуги и черточки были разбросаны по всей поверхности сосуда. Высота горшка 29 см, диаметр устья 12 см, диаметр дна 10,5 см (рис. 4, 7). В выбросе из засыпки могилы найден обломок предмета неясного назначения. Возможно, это часть браслета из массивного бронзового прута, круглого в сечении, диаметром 1 см. Один конец изделия был обломан, другой сохранился целиком, он чуть расширялся и на торцевой части имел небольшое круглое углубление (рис. 5, 8).

КУРГАН 6

Находится на расстоянии 9 м к юго-юго-востоку от кургана 5. Это третий по высоте и размерам курган группы, однако и он подвергался распахке и в направлении север — юг был немного растащен. Высота его 1,4 м, диаметр 30 м, для раскопки был взят диаметр 22 м. Насыпь кургана состояла из серой мягкой супеси, перемешанной с материковой глиной и песком белого и желтого цвета, и была насыщена мелкой светлой галькой. В кургане было обнаружено два погребения. На глубине 1—1,2 м в насыпи появились следы деревянного настила, особенно ясные в западной поле кургана (рис. 5, 1). Это были деревянные плахи, положенные в два слоя на уровне древнего горизонта (древняя поверхность по цвету очень четко отличалась от насыпи). Точные границы деревянного настила в полах кургана установить не удалось, но приблизительно длина его (по линии север — юг) 9—10 м, ширина — не менее 5—6 м. Замеченные в плане деревянные плахи лежали разрозненно и шли в продольном и поперечном направлениях. Очевидно, один слой настила был положен вдоль оси север — юг кургана, другой — поперек. На той же глубине, что и настил (1,1 м), на расстоянии 3,05 м к югу и 1,2 м к западу от центра, были найдены обломки трубчатой кости какого-то крупного животного, очевидно лошади, а также нижняя челюсть и обломок бедра человека. Несколько севернее на той же глубине попадались позвонки и ребра человека и тут же — довольно массивный бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с внутренней втулкой (рис. 6, 2). Профиль кургана был очень четким и ясным. На древней дневной поверхности кургана, отличавшейся от остальной насыпи ровным серым цветом, лежал слой дерева толщиной около 10 см (замеченный в плане настил). В центре кургана над могильной ямой слой дерева прерывался и была прекрасно видна темная воронкообразная линза, представлявшая собой затек после несомненного ограбления центральной основной могилы (1) кургана.

Погребение 1. Основное погребение, для которого и был сооружен курган, находилось в центре его и представляло собой огромную могильную яму с округлыми углами, ориентированную с запада на восток, длиной 4,3 м, шириной 3,7 и глубиной

3,50 м. Ко дну могила сильно сокращалась за счет наклонно спускавшихся стенок и принимала форму прямоугольника длиной 3 м и шириной 2,4 м. Начиная с уровня материка, почти по всей могиле, но главным образом в ее западной части, шли остатки деревянного настила, опустившегося в могилу. На глубине 2,6 м вдоль западной стенки могилы ясно различались два слоя досок, шедших перпендикулярно друг к другу, чуть наискось относительно стенок могилы. В центре настил был потревожен, и ближе ко дну от него сохранились лишь отдельные перерывы участки. Несомненно, это следы того же настила, который был зафиксирован в насыпи кургана: он опустился в могилу, а затем был разрушен грабителями. Начиная с глубины 1,55—1,6 м по всей площади могилы начали попадаться кости человека (ребра, позвонки, верхняя часть черепной крышки) и животных (лошади и барана) (рис. 5, 2). На некоторых участках могилы кости встречались компактными группами. На дне могилы, в северо-западном углу, сохранились *in situ* части туши лошади: кости таза, ног, позвонка и крестца. Судя по остаткам человеческих костей, здесь было погребено не менее двух человек, один из которых — мужчина (очень длинные и массивные кости рук и ног). Ближе ко дну могилы среди обломков костей человека и животных попадались отдельные вещи. В юго-западной части могилы на глубине 3,2 м лежал железный кольчатый крючок, выкованный из прямоугольного стержня, верхняя часть которого была раскована в широкую прямоугольную пластинку с двумя небольшими сквозными отверстиями. На тыльной стороне сохранился обломок выступа для прикрепления крючка к ремню. Длина крючка 8 см, толщина стержня 0,5 см, размеры верхней пластинки — 3,2 см × 2,5 см (рис. 6, 1). Почти под крючком на глубине 3,25 м лежала кучка бронзовых втульчатых наконечников стрел с древками, видимо, все они были в колчане. Среди наконечников найден один втульчатый железный, длиной 5,2 см. Его головка сильно окислена, поэтому нельзя понять, был ли он листовидным с узкими гранями или пулевидным, но скорее можно предположить второе (рис. 6, 3). Всего было найдено 97 трехлопастных бронзовых наконеч-

ников, из которых 50 имели выступающую втулку и 37 — внутреннюю (рис. 6, 4). Почти все наконечники довольно массивные, широкие, длина первых колеблется от 2,2 см до 3,6 см, вторых — от 2,2 см до 3,2 см. Среди наконечников с внутренней втулкой выделяется один четырехгранный с двумя длинными и двумя короткими гранями-шипам; по золотисто-желтому цвету поверхности он отличается от всех остальных (рис. 6, 4а). Под лежавшими в северо-западном углу костями лошади был найден обломок железного ножа с прямой спинкой. Тут же, на глубине 3,4 м, стоял очень грубый лепной горшок, узкогорлый, плоскодонный с шаровидно-биконическим туловом. В месте перехода горла в плечики — выступ. Глина горшка черная с шамотом, высота 16 см, диаметр устья 9 см, диаметр дна 9 см (рис. 5, 6).

Погребение 2 находилось в южной поле кургана, на расстоянии 2,75 м к югу от основной могилы по оси север—юг (рис. 5, 1). Это была грунтовая могила нечетких очертаний, ориентированная с запада на восток, ее длина — 2,65, ширина — 2,3 (западная сторона), 2 м (восточная), глубина 2, 8 м. На глубине 2,1—2,2 м вдоль северной и южной стенок могилы шли плечики шириной от 0,3 до 0,6 м, благодаря которым яма приняла довольно правильную форму удлинённого четырехугольника. Размеры ямы по дну: 2,65 × 1,35 м (рис. 5, 3). Деревянный настил основного погребения, сооруженный на уровне древнего горизонта, перекрывал и погребение 2, но не полностью, а очевидно лишь до половины. Поэтому со временем под тяжестью насыпи конец настила опустился в могилу. На уровне материка (1,5—1,55 м) в северной части могилы прослеживались остатки деревянных плах. В двух местах они проступали более четко: поблизости от северной стенки сохранилась плаха длиной 1 м, шириной 15—20 см, толщиной 5—7 см, почти посередине могилы лежали две плахи, наискось одна к другой. Глубже остатки дерева в могиле не встречались. На глубине 2,1 м, в северо-западном углу, почти у самых плечиков и

на одной высоте с ними, лежали в кучке ребра лошади. На дне могилы вплотную к южной стенке лежал на спине, головой на восток, скелет мужчины (30—35 лет). Череп покоился на левом боку, руки были согнуты в локтях, ноги — в коленях и образовывали фигуру ромба. Кости большие, массивные, очень хорошей сохранности и почти на всех — следы мела. При костяке был найден лишь камень (у левого локтя с внутренней стороны) яйцевидной формы желтовато-белого цвета. Нижняя широкая часть его уплощена и имеет следы работы (выщерблены). Длина камня 8 см, диаметр 4,5—5 см (рис. 5, 4). Очевидно, к этому же погребению следует отнести три совершенно одинаковые бронзовые литые бляшки-столбики для перекрестных ремней, найденные на глубине 1 и 1,5 м, т. е. на уровне материка в насыпи, непосредственно над погребением 2. Головки их в виде полусфер были орнаментированы углубленным спиральным орнаментом. Прилегающий к головке щиток также орнаментирован. Высота бляшек 2,2 см, диаметр по низу — 1,7 см, длина головки со щитком — 2,7 см (рис. 5, 5).

Судя по стратиграфии (погребение 2 не прорезало насыпь) и деревянному настилу, общему для обоих погребений, последние должны быть одновременны. Но размеры и форма могильных ям, инвентарь, сопутствующий погребенным, да и сам факт одновременного захоронения человека в отдельной, обособленной от основного погребения яме, по моему мнению, говорят о каком-то подчиненном положении последнего и, может быть, о факте насильственного умерщвления. Обращает на себя внимание даже состав заупокойной пищи: если в большой могиле, помимо костей барана, были найдены тазовая кость, крестец и кости ног лошади, то в погребении 2 положены только ребра лошади. Весьма возможно, что погребенный в могиле 2 был конюхом-рабом лица или лиц, похороненных в большой могиле, тем более, что именно над вторым погребением найдены три бляшки уздечного набора.

КУРГАН 7

В 12 м к юго-западу от кургана 6 расположен курган 7. Высота его 0,5 м, диаметр 20 м. Насыпь кургана состояла из серой су-

песи с прожилками белой и желтой материковой глины. В кургане были обнаружены два погребения.

Погребение 1 расположено в самом центре кургана. Удлиненная могильная яма овальной формы ориентирована с запада на восток, длина ее 2,8, ширина 1,5, глубина 1,5 м (рис. 7, 1). Засыпка могилы представляла собой мягкую серую супесь с попадавшимися кусками белой и желтой глины. По краям могилы были заметны отдельные куски дерева. На глубине 1,1 м в засыпке могилы найден массивный железный крючок, верхняя часть которого напоминает бабочковидное перекрестие меча. Длина крючка 11 см, ширина в верхней части 5,5 см, нижней — 3,1 см (рис. 6, 5). Тут же поблизости находился бронзовый наконечник стрелы с выступающей втулкой (рис. 6, 6). На дне могилы лежал костяк мужчины (35—40 лет) в вытянутом положении, на спине, головой на запад. В ногах погребенного в северо-восточном углу лежали позвонки, лопатка, берцовая кость барана и обломки таза коровы. Погребенный был покрыт тонким слоем коры, следы которой сохранились на костях. Справа от костяка на уровне черепа, в 15—20 см от него, лежали два бронзовых трехлопастных наконечника того же типа, что найденный в засыпке (рис. 6, 6). На уровне локтя, справа, почти у самой южной стены, стоял лепной горшок с отогнутым венчиком, округлым туловом и плоским широким дном. Его коричневатокрасная поверхность была заглажена вертикальными штрихами; глина — черная с примесью песка и дресвы. Высота горшка 14,6 см, диаметр устья — 11 см, диаметр дна — 8,8 см (рис. 7, 11). Слева от костяка, вдоль северной стенки, лежали предметы конского убора; среди них были: а) две массивные бронзовые литые бляхи с односторонним изображением длиннохвостого орла, терзающего травоядное животное, которое было изображено очень схематично. Размеры бляхи: 4,5 × 5 см. Для прикрепления на внутренней стороне одной из блях имелось два выступа; на второй бляхе — один выступ на внутренней, другой — на наружной стороне (рис. 6, 8); б) небольшая бронзовая пронизка с головой орла, длиной 2,6 см (рис. 6, 9 а); в) три бронзовые маленькие литые овальные обоймочки диаметром 1—0,6 см (рис. 6, 9 б); г) две бронзовые бляшки для перекрестных ремней со шитками в виде схематических и стилизованных изображений орлиных головок (рис. 6, 9 в), диаметр бляшек 1,4 см, длина шитков — 1,1 см;

д) еще одна бронзовая бляшка для перекрестных ремней, высота ее 1,7 см, диаметр 1,6 см. Головка ее покрыта небольшими круглыми выступами (рис. 6, 9 г); е) небольшая бронзовая коническая ворворка высотой 1,3 см и диаметром 0,9—1,5 см (рис. 6, 9 д); ж) два бронзовых небольших кольца из круглого в сечении стержня различной толщины; диаметр колец 4 см (рис. 6, 9 е). Очевидно, к уздечному же набору принадлежит и железная поделка неясного назначения, найденная тут же. Она сделана из круглого в сечении стержня, один конец которого закручен в спираль, другой заострен. Почти в центре предмета — сквозное отверстие. Длина его 7 см (рис. 6, 7). У северной стенки на уровне плеча лежали в обломках железные удила с псалиями. Удила сделаны из массивного стержня, на концах — кольца для подвижного скрепления. Псалии тоже массивные, двудырчатые, один конец их прямой, другой слегка изогнут. Общая длина псалий 15—17 см, длина удил в разворот 19 см. На костяке, поперек правого и левого бедер, лежал небольшой железный кинжал с брусковидным (сильно расслоившимся) навершием и массивным бабочковидным перекрестием. Острие кинжала обломано, длина сохранившейся части — 27,5 см, ширина клинка у рукоятки — около 4 см (рис. 7, 10). Тут же около кинжала были найдены железные спекшиеся между собой обоймочки диаметром 1,5 см. Видимо, они надевались на ремень и играли какую-то роль в портупее воина. Около меча найден обломок еще одного железного предмета, похожего на нож, с прямым лезвием и выпуклой спинкой. Длина сохранившейся части 7,8 см, ширина лезвия 1,2—1,5 см.

Погребение 2 находилось на расстоянии 2 м к северу от первого погребения. Грунтовая яма правильной овальной формы ориентирована с запада на восток; длина ее 1,73 м, ширина — 1,2 м, глубина — 1,05 м. Стенки могилы почти отвесные. На дне ее в вытянутом положении, на спине, головой на запад (рис. 7, 2) лежал скелет подростка или молодой женщины (рост 1,4 м, зубы мудрости еще не прорезались). Дно могилы было посыпано мелом. Слева от черепа лежал на боку грубый лепной толстостенный горшок. Венчик его был отогнут, тулово раздуто в верхней части и резко сужено к плоскому дну. Поверхность сосуда неров-

ная, бугристая; глина горшка — черная, на одной из сторон четыре маленькие ямки и следы от ногтей. Высота 16 см, диаметр устья 11 см, диаметр дна 8 см (рис. 7, 7). Около черепа и в районе грудных и поясничных позвонков были найдены бусинки: а) 50 штук мелких кольцевидных бисеринок из зеленоватой и кремовой стекловидной пасты, диаметром 2—3 мм; б) кольцевидная бусина из янтаря, диаметром 7 мм; в) плоская синяя стеклянная бусина, на каждой стороне по два глазка: голубые в белых ободках, между глазками — вертикальные углубления, заполненные коричневой стек-

ловидной массой; размеры бусины 1,6 × 1,1 × 7 мм; г) две синие зонные глазчатые бусины, диаметром 7 и 9 мм (рис. 8, 1). В ногах погребенной справа стоял еще один узкогорлый горшок с раздутым в верхней части туловом и небольшим плоским дном. Под венчиком шли глубокие зацепы, образующие вертикальные валики. По тулову разбросаны глубоко прочерченные косые борозды-знаки. Глина горшка темно-серая, слоистая, с шамотом. Высота — 15,5 см, диаметр устья — 9,5 см, диаметр дна — 8 см (рис. 7, 6).

КУРГАН 8

Расположен на распаханном поле в 7 м к северу от кургана 7. Очертания насыпи нечетки, вся она вытянута с севера на юг. Высота кургана 0,14 м, диаметр 8 м, насыпь его состояла из темной твердой супеси с большим содержанием гальки. В кургане было обнаружено одно погребение. Могильная яма удлиненной формы, ориентирована с востока на запад. В западной части могила расширялась: у северной стенки — за счет бывшей здесь норы суслика, у южной — за счет выступающей на глубине 1,15 м полукругом ступеньки шириной 0,35—0,4 м и длиной 0,75 м (рис. 7, 3). Длина ямы 2,6 м, ширина в восточной части 1,13 м, в западной 1,85 м, глубина — 1,75 м. Засыпка могилы состояла из серой мягкой супеси с большим содержанием гальки и отдельными кусками материкового плитняка. На дне могилы вытянуто, на спине, головой на восток лежал костяк взрослого человека. Верхняя часть скелета сильно изогнута относительно костей таза и ног. Левая рука лежала вдоль туловища, правая — немного отведена в сторону, ноги были раздвинуты, правая слегка согнута в колене. По всему дну могилы под скелетом шел слой светло-серого тлена от какой-то подстилки. В головах скелета, в северо-восточном углу, в ногах и в других местах могилы лежали куски плитняка. В северо-восточном углу

могилы за плитками и у правой руки находились кости барана (позвонки и ребра), на уровне левой руки, ближе к южной стенке, лежали кости ног барана. За черепом у самой стенки стоял большой асимметричный лепной горшок с шаровидным туловом и плоским дном. Поверхность его коричневато-серая, глина черная с шамотом. На дне сосуда сохранились отпечатки ногтей. На горле с одной стороны — небольшое круглое отверстие, проткнутое снаружи еще до высыхания глины. Высота горшка 18 см, диаметр устья 9,5 см, диаметр дна 8 см (рис. 7, 8). У южной стенки, между нею и костями барана лежали шесть наконечников стрел из красноватой бронзы, еще один был найден слева от тазовых костей. Все они трехлопастные, массивные; на одном из наконечников — рельефный рисунок. Размеры их колеблются от 1,7 до 3,4 см (рис. 7, 4); на расстоянии 0,15 м к востоку от стрел в стене могилы торчала костяная туалетная ложечка, сделанная из плоской кости животного и заостренная на конце. Ручка отделяется от головки двумя выступами. На внутренней части ложечки заметны пятна светло-серого цвета, возможно, следы краски. Длина ее 10,5 см (рис. 7, 5). Здесь же были найдены мелкие обломки железного ножа.

КУРГАН 9

В 10 м к западу от кургана 8 расположен курган 9. Насыпь его слегка задернована, однако не раз подвергалась распашке и поэтому растащена в разные стороны. Она со-

стояла из темно-серой плотной супеси с большим количеством гальки. Высота кургана 0,75 м, диаметр 20 м. В кургане находилось одно погребение. Большая могильная

яма прямоугольной формы со слегка срезанными углами ориентирована с севера на юг. Длина ее 3,25 м, ширина 2,6 м, глубина 2,2 м. Стенки могилы немного скошены внутрь, поэтому по дну она меньшего размера — $3 \times 2,3$ м (рис. 9, 1). На дне ямы находилось трое погребенных. Почти посередине могилы в вытянутом положении, на спине, головой на запад лежала женщина. Левая рука была слегка откинута, правая согнута в локте. По обе стороны от женщины (также головами на запад) лежали костяки двух детей. Первый, находившийся справа от нее, принадлежал ребенку 2—3 лет. Он также лежал вытянуто, на спине, головой на запад, руки — вдоль тела, ноги вытянуты, череп его находился на уровне плеча женщины. Второй ребенок, положенный слева от женщины, был меньше первого и также лежал в вытянутом положении, головой на запад. Вся южная часть могилы была завалена грудой костей животных, среди которых были кости барана (ноги, лопатки, ребра, позвонки, лежащие в анатомическом порядке) и лошади (позвонки, крестец, лопатка, ребра и кости ног)⁵.

Дно могилы было обмазано толстым слоем очень твердой белой глины. Особенно интенсивным он был под женским костяком. У стенок слой глины становился очень тонким. Все погребенные были покрыты тонким слоем дерева или коры. Следы дерева хорошо заметны лишь у самых стенок, и по ним, возможно, из дерева была сделана лишь рама, середина которой перекрывалась травой или корой. В районе костей животных и у южной стенки дерево не было обнаружено, но явственно проступала подстилка из травы или тростника, сохранившаяся в виде темно-серой массы с отдельными стебельками. При погребенных находился довольно разнообразный инвентарь. У женского костяка, справа от черепа, был рассыпан очень мелкий кольцевидный голубовато-зеленоватый бисер из стекло-видной пасты диаметром около 3 мм; на расстоянии 3—4 см к югу от правой ключицы была найдена золотая тисненая нашивная бляшка с изображением головы зубастого и ушастого грифона (рис. 9, 3). Еще две такие же бляшки и одна, несколько

меньшая по размеру и чуть отличная от остальных по изображению, были обнаружены в районе грудных позвонков и ребер (рис. 9, 3). Тут же, в районе грудных и шейных позвонков, а также у таза лежало пять стеклянных глазчатых бусин: а) синяя зонная, глазки белые с желтым ободком; б) синяя треугольная бусина, глазки которой выкрошились; в) прямоугольная синяя бусина с двумя зелеными глазками в белых ободках; г) плоская бусина из темно-синего непрозрачного стекла с синими глазками в белых ободках, между которыми имелся коричневый столбик; д) уплощенно-овальная бусина из черного стекла с белыми разводами и белыми же глазками; е) две бочонковидных бусины из глазурного стекла или пасты (рис. 8, 2). За головой ребенка, находившегося справа от женщины, лежало плоское бронзовое зеркало с небольшой ручкой-черенком. Последняя сильно изношена и имеет небольшое отверстие неправильной формы, служившее, очевидно, для скрепления черенка с ручкой. На обороте по краю диска — невысокая закраина, оттянутая проковкой. Диаметр зеркала 11,5 см (рис. 9, 8). Тут же были найдены две костяные пластинки, служившие, по-видимому, обкладками деревянного или кожаного футляра зеркала. На обеих пластинках — два совмещающихся круглых отверстия. Лицевые стороны хорошо заполированы. Длина пластинок — 5,3 см, ширина — 2,3—2,5 см (рис. 9, 5). Под зеркалом лежала большая раковина *Grifea* с синей или голубой (лазурной) краской. Рядом стоял маленький сосудик-курильница с высоким узким горлом, отогнутым наружу венчиком и плоским, слегка вогнутым внутрь дном; на горле — сквозное отверстие, под венчиком и на тулове сосуда — небольшие круглые углубления. Поверхность желтовато-серая с красно-оранжевыми пятнами, хорошо заглажена, на стенках — следы копти, внутри — слой коричневого нагара; глина темно-серая, плотная. Высота сосуда 7,3 см, диаметр устья 4,6 см, диаметр дна — 6 см (рис. 9, 7). Чуть ближе к черепу ребенка, также с правой стороны, лежала маленькая каменная чашечка (рис. 9, 6). Слева от черепа второго ребенка стоял каменный овальный жертвенник-алтарик из серого песчаника на двух маленьких, круглых в сечении ножках. Поверхность его гладкая, хорошо заполирована, ножки внизу сильно

⁵ Все определения костей сделаны В. И. Цалкиным.

стерты. Алтарик имеет наклон в одну сторону; на верхней желобчатой части алтарика — темно-серые (жирные?) пятна. Размер верхней части $22,4 \times 11$ см, высота 7,6—8 см (рис. 9, 9). В районе грудных позвонков была найдена золотая подвесочка в виде несомкнутого кольца с петелькой. Подвеска висела на золотой цепочке сложного плетения. Обрывки этой же цепочки лежали поблизости (рис. 9, 4).

Среди костей животных, сваленных у южной стенки, также было найдено несколько вещей: железный нож с прямой спинкой и скошенным лезвием, черенок и острие отломаны, длина сохранившейся части 8,7 см.

Сверху на ноже лежал обломок какого-то инструмента в виде железного стержня, прямоугольного в сечении с чуть заостренным одним концом, длина его 9,2 см, диаметр 0,9—1,3 см. Недалеко от ножа, немного южнее, находился небольшой лепной горшок грушевидной формы с коротким отогнутым венчиком и широким дном. Поверхность сосуда темно-серая, глина черная с шамотом и песком. Высота горшка 12,6 см, диаметр устья 9,5 см, диаметр дна 9 см (рис. 7, 12). У западной стенки, между костями барана и скелетом ребенка, был найден обломок железного шила или иглы. Длина сохранившейся части 3,6 см, диаметр 3 мм.

КУРГАН 10

Курган 10 находился в 60 м к северо-северо-востоку от девятого кургана. Земляная насыпь, слабо задернованная, состояла из темно-серой супеси, насыщенной светлой галькой с вкраплениями материковой глины. Диаметр кургана 12 м, высота 0,3 м. В центре кургана — одно погребение. Грунтовая могильная яма прямоугольной формы, ориентирована длинными сторонами по линии запад — восток; ее длина 2,2 м, ширина 1,15 м, глубина 1,7 м. Стенки могилы немного скошены внутрь, поэтому размеры ее по дну изменились; длина — 2,05 м, ширина — 1,1 м (рис. 9, 2). Засыпка могилы — серая супесь с большим содержанием гальки и комков желтого песка и глины. На глубине 0,55 м в центральной части могилы, немного наискось к стенкам ее, лежала тонкая деревянная плашка шириной 3 см и длиной 40 см. Вообще следы дерева были заметны по всей площади могилы, но остатки его были настолько малы, что конструкцию деревянного сооружения выяснить не удалось. От 1,1 до 1,55 м глубины попадались кости барана (особенно в центральной части ямы). Здесь были две челюсти барана, кости ног, ребра и позвонки. Все они лежали в беспорядке. На глубине 1,55 м у южной стенки могилы находился небольшой камень призматической формы. На дне ямы лежал костяк мужчины на спине, головой на запад, руки откинuty в стороны и слегка согнуты в локтях, ноги согнуты в коленях и образуют ромб. Под покойником находился тонкий слой коры. У западной стенки могилы, правее черепа, у южной, на уровне

голени, и у восточной были найдены кости барана. За черепом рядом с ребрами барана лежали обломки двух ножей: один — с прямой спинкой и скошенным лезвием, длиной 8,2 см, от другого сохранилось только лезвие длиной 8,6 см. Около правого плеча стоял большой грубый асимметричный горшок грушевидной формы, с широким, слегка вогнутым дном. На поверхности горшка — следы вертикального заглаживания; глина черная с шамотом. Высота горшка 21,5 см, диаметр устья — 12,5 см, диаметр дна — 13 см (рис. 7, 9). У левого плеча лежал обломок железного предмета в виде круглого в сечении стержня. Один конец его заканчивался утолщенной круглой головкой, другой (сужающийся) был отломан. Длина сохранившейся части — 6,4 см, диаметр — 0,6 см. На расстоянии 14 см от него, у самой стенки, находился обломок железного четырехугольного стержня, обломанный с обеих сторон, длиной 6,3 см (рис. 9, 11). Конец его сужен. Весьма возможно, что обе вещи представляют собой обломки каких-то инструментов. Рядом с последним лежал колчаный крючок, сделанный из круглого в сечении железного стержня (диаметр 1 см), переходящего в нижней изогнутой части в пластину. Верхняя массивная часть была разломана, очевидно там и находилось отверстие для подвешивания; длина крючка 9 см (рис. 9, 12). На уровне левой голени у северной стенки были найдены три трехлопастных втульчатых наконечника из золотистой бронзы (рис. 9, 10).

КУРГАН 11

В 40 м к северо-западу от кургана 10 находился курган 11. Это небольшая земляная насыпь с разбросанными по ней каменными плитками. Курган распахивался, поэтому плитки были найдены на значительном расстоянии от центра. Очевидно, первоначально вся его поверхность была покрыта плитками. Диаметр кургана — 5 м, высота — 0,2 м. Насыпь кургана состояла из серой супеси, насыщенной каменными плитками, особенно интенсивно встречающимися в центральной части западной половины, где и находилось единственное погребение кургана. Могильная яма — прямоугольной формы, ориентирована с северо-востока на юго-запад; северо-западный и юго-западный углы могилы были закруглены. Длина ямы 2,15 м, ширина 1,25 м (в северной части) и 1,1 м (в южной части), глубина 1,76 м. Засыпка могилы состояла из светлой супеси с галькой и плитняком. Начиная с глубины 1,15—1,35 м отдельные плитки попадались главным образом вдоль стенок могилы, за исключением восточной, где их не было совсем. На глубине 0,95 м в центре могилы была найдена стоящая вертикально берцовая кость барана. Изредка попадались кусочки дерева. Почти у самого дна могилы вдоль восточной стенки (в ее северной части) была оставлена ступенька шириной 0,25—0,3 м и высотой 0,2 м. На дне в вытянутом положении, на спине, головой на северо-восток (рис. 2, 8) лежал скелет мужчины 35—40 лет. Вдоль его правой руки был расположен берестяной колчан, длиной 0,65 м, шириной в верхней части 0,1 м, в нижней — 0,2 м. Береста прекрасно сохранилась с обеих сторон. Колчан состоял из отдельных сплюснутых берестяных колец конической формы, наложенных друг на друга и склеенных. Дно колчана не сохранилось, но, видимо, это была плоская дощечка, скрепленная с последним из берестяных колец. Около отверстия колчана находились железные и один костяной наконечники стрел, лежавшие в колчане древками вниз. Костяной втульчатый наконечник имел пулевидную форму, острие — трехгранное; длина — 2,5 см, диаметр — 1,4 см, диаметр втулки — 0,8 см (рис. 2, 5). Железные наконечники сохранились в обломках. Один из них — лучшей сохранности, длиной 10,2 см, с плоской лопатообразной головкой, черешок круглый, отделен от на-

конечника уступом. От остальных стрел уцелели два круглых в сечении черешка с уступчиками и два обломка плоских головок (рис. 2, 10). Чуть ниже середины колчана, справа от него, лежала полуовальная железная пластинка, сколотая с одной стороны. Размеры ее 8,5 × 3,7 см. Весьма возможно, что пластинка играла какую-то роль в конструкции или прикреплении колчана. По другую сторону колчана, у кисти правой руки, были найдены обломки железной кольчуги, состоявшей из длинных (5 × 2 см) пластинок, на тыльной стороне которых сохранились обрывки ткани. На отдельных пластинках были заметны отверстия для скрепления одной пластины с другой и остатки в них тонкой железной проволоки. Немного южнее колчана лежали железные удила. Они были сделаны из прямоугольного в сечении стержня, концы, образующие петли, расплющены. В одной из таких петель сохранились обломки удильного кольца (рис. 2, 12—13). Тут же около удила находился полусферический железный умбон диаметром 6 см. На выпуклой стороне его — следы грубой ткани с рогожным плетением (рис. 2, 11). У ступни левой ноги были найдены обломки железной пряжки или кольца, круглого в сечении. Диаметр кольца примерно 4,5 см. Непосредственно на костях левой стопы лежало железное стремя арочного типа с плоской подножкой; высота стремени 12,5 см. На расстоянии 30 см к востоку от него было найдено еще одно стремя того же типа, но чуть большего размера, высота его 14 см (рис. 2, 9). Под вторым стремянем была обнаружена прямоугольная пряжка с подвижным язычком, сильно деформированная, длиной 3,5 см и шириной 2 см. Она была сделана из прямоугольной в сечении тонкой проволоки (рис. 2, 6). В ногах под стопами человека лежала деревянная лука седла (рис. 2, 8). На грудных позвонках погребенного были найдены два обломка железного ножа с прямой спинкой. У самой кисти левой руки лежал обломок железного предмета в виде крючка длиной 5 см. Он был сделан из прямоугольного в сечении стержня, сильно уплощенного в месте сгиба, возможно, это обломок кресала (рис. 2, 7). Ноги погребенного были обуты в кожаные сапоги, от которых вокруг голей сохранились мелкие обрывки кожи. На

отдельных костях были обнаружены остатки одежды из коричневой ткани сложного узорчатого рисунка и кошмы или войлока. Остатки ткани прослеживались лишь до по-

ловины таза, очевидно, на погребенном поверх рубахи была одета теплая войлочная или кошмовая куртка.

КУРГАН 12

Небольшой расплывшийся курган диаметром 10 м и высотой 0,38 м расположен в 22 м к юго-западу от кургана 2. Насыпь его состояла из мягкой серой супеси со значительным содержанием гальки. На глубине 0,20 м в южной поле кургана, на расстоянии 4 м к югу от центра была найдена лопатка барана. Здесь же обнаружено и единственное погребение кургана, находившееся первоначально, несомненно, в центре насыпи (вследствие распахки кургана насыпь смещена на север). Погребение представляло собой обвалившийся подбой. Входная яма прямоугольной формы ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток; длина ее 1,8 м, ширина 0,65 м, глубина 1,77 м. Подбой устроен в западной стенке, дно его на 7 см выше дна входной ямы. Восточная и южная стенки входной ямы скошены внутрь, образуя небольшие подбойчики. Длина подбоя 2,05 м, глубина 1,1 м и высота приблизительно 0,9 м (рис. 10, 1). Судя по частично сохранившимся стенкам подбоя, потолок его был сводчатым. На дне подбоя в вытянутом положении, на спине, головой на юго-юго-восток лежал костяк мужчины 35—45 лет. На уровне бедра у входа в подбой найдены кости барана: ребра, лопатка и ноги. Во входной яме, вдоль ее восточной стенки, в подбойчике, лежал длинный железный меч с серповидным навершием и дуговидным перекрестием. Длина меча 103 см, ширина клинка у перекрестия 3,5 см (рис. 10, 5). Примерно посередине меча, под ним, со стороны восточной стенки, лежала большая темно-синяя с синими глазками в белых ободках, глазчатая бусина, диаметр ее 2 см, высота 1,7 см, диаметр отверстия 0,7 см (рис. 8, 3). На уровне черепа, справа от него, у входа в подбой, стоял лепной кувшин. Он имел прямое высокое горло с чуть отогнутым венчиком, шаровидное тулово на поддоне и массивную небольшую ручку. По горлу и плечикам шел

ряд широких желобков и орнамент в виде елочки и двух рядов косых вдавлений. Поверхность кувшина темная, почти черная, довольно хорошо залощена; глина черная с примесью большого количества талька. Высота кувшина 20 см, диаметр устья 10 см, диаметр дна 8,6 см (рис. 10, 3).

У кисти левой руки погребенного лежали два пучка стрел, а отдельные наконечники были растащены (очевидно прызунами) по всей северной части подбоя. Древки стрел, сделанные главным образом из березы, реже — из клена⁶, сохранились на длину 25—30 см. Стрелы лежали наконечниками вниз, к ногам, причем нижние концы их были обернуты кожей или положены в кожаный мешочек, донная часть которого состояла из двух слоев кожи (рис. 10, 2). Весьма возможно, что в таких мешочках стрелы клали и в колчанах, чтобы не тупились наконечники. Всего было найдено 80 бронзовых наконечников стрел нескольких типов. Среди наконечников с выступающей втулкой (70 штук) выделяются более стройные экземпляры с вытянутой почти треугольной головкой (длина 3,8 см) и более массивные, приземистые (длина 2,6—2,9 см), затем мелкие тоненькие наконечники с узкими гранями; все они трехлопастные. Наконечники с внутренней втулкой (10 штук) массивные, большинство из них — трехгранные с сильно опущенными гранями, на некоторых из них — рельефные узоры (рис. 10, 4).

У левого колена лежал обломок железной круглой пряжки (?) из прямоугольной в сечении проволоки, диаметр пряжки 3,7 см. Среди костей барана находился большой железный нож с горбатой спинкой, прямым лезвием и узким черенком, на котором сохранились следы дерева. Длина ножа 17,5 см, ширина лезвия 1,5—2 см (рис. 10, 6).

⁶ Определения сделаны Г. Н. Лисицыной.

КУРГАН 13

На расстоянии 60 м к юго-западу от кургана 12 находился курган 13. Диаметр его 12 м, высота 0,2 м. Насыпь земляная, неправильной формы, состояла из серой супеси с большим содержанием гальки. В кургане одно погребение, расположенное в центре его. При зачистке материка в районе могильной ямы был найден железный пса-лий очень хорошей сохранности. Этот пса-лий — S-видной формы с коническими утолщениями на концах и двумя круглыми отверстиями в расширенной части. Сильная деформация пса-лия является, по-видимому, результатом преднамеренной порчи предмета (рис. 11, 6). Могильная яма имела форму овала, ориентированного с севера на юг; южная часть могилы чуть шире северной, длина ее 2,1 м, ширина 1,1 м, глубина 1,45 м. На дне могилы лежал вытянуто на спине, головой на юг, скелет молодого мужчины (рис. 11, 1). В засыпке попадались мелкие кусочки дерева и коры, являвшиеся остатками какого-то покрытия. У левого плеча мужчины находились обломки железного ножа с прямой спинкой и прямым лезвием, длина сохранившейся части 10 см. Начиная от кисти левой руки поперек бедер и упираясь в восточную стенку могилы, лежал большой железный меч с массивным, изогнутым под тупым углом перекрестием, и брусковидным, слегка изогнутым посреди-

не навершием. Длина меча 1 м, ширина клинка у перекрестия 4,6 см, длина рукояти с навершием 8 см, ширина ее 3,5 см (рис. 11, 4). Рядом с концом острия лежала светло-серая плоская галька, одна сторона которой была зашлифована. Весьма возможно, что она употреблялась для заточки металлических инструментов и оружия или для заглаживания. Размеры гальки: 9,5 × 5,3 см.

У западной стенки могилы на уровне бедра были найдены 39 бронзовых наконечников стрел с древками, лежавшими компактной кучкой, остриями к ногам. Никаких следов колчана не обнаружено. За исключением одного наконечника, все остальные имели выступающие втулки, два из них трехгранные, остальные — трехлопастные. Все стрелки довольно мелкие (самая большая 3 см, самая маленькая 1,7 см) (рис. 11, 8).

У западной стенки на уровне колена стоял большой лепной горшок с чуть отогнутым венчиком, шаровидным туловом и плоским, немного вогнутым дном. Поверхность серая, залощенная. На плечиках — орнамент из трех рядов косых углублений, сделанных концом палочки. Высота горшка 16,8 см, диаметр устья — 11,1 см, диаметр дна — 9 см (рис. 11, 7).

КУРГАН 15

Курган расположен на расстоянии 250 м от кургана 13 за дорогой Орск — Новый Кумак, которая отделяет ряд курганов от основной части могильника. Диаметр кургана 20 м, высота 0,8 м. Насыпь состояла из серой супеси с галькой и отдельными вкраплениями песка и глины. В самом центре кургана находилась могильная яма, содержащая два погребения.

Погребение 1. Могильная яма правильной овальной формы ориентирована с запада на восток. Ее восточная часть чуть шире западной. Длина могилы 2,35, ширина 1,3 (1,15 м), глубина 1,6 м. Засыпка могилы состояла из темной супеси с галькой. На глубине 1,6 м вытянуто на спине, немного наискось могилы, головой на восток, лежал мужчина 35—45 лет. Из ножных костей

сохранились только бедра, причем на левом бедре нет нижнего эпифиза, и край кости имеет вид среза. Между концами бедер, перпендикулярно им, лежала ножная кость крупного животного (видимо лошади). Под скелетом шел тонкий слой коры (рис. 11, 2). Справа от черепа стоял грубый лепной горшок с отогнутым венчиком, округлым туловом и плоским (слегка вогнутым посередине) дном. Поверхность горшка коричневатосерая с темными пятнами. От сглаживания щепой сохранились на горшке вертикальные фасетки. Глина сосуда черная с шамотом. Высота 16 см, диаметр устья 11,2 см, диаметр дна 8,8 см (рис. 11, 9).

Около кисти правой руки лежали 12 бронзовых наконечников стрел остриями к стене. Восемь из них — с выступающей втулкой,

трехлопастные (длина 2,4—3,1 см), довольно широкие и массивные; четыре наконечника — с внутренней втулкой, также массивные (рис. 11, 10).

Под костями и слоем коры находилась плотная красная глина, очень неоднородная и перерытая. После снятия ее пошел слой мягкой темной супеси и обнаружились кости еще одного погребенного.

Погребение 2. На дне той же ямы на глубине 1,8 м лежал костяк мужчины на спине, головой на восток, череп — на левом боку, руки — плотно прижаты к телу, левая нога была отведена в сторону и согнута в колене, правая лежала почти прямо (рис. 11, 3). В ногах погребенного у самой стенки находились кости лошади: лопатки и часть челюсти, у южной стенки могилы на уровне кисти — кость барана. Погребенный

лежал на какой-то темной подстилке и сверху был покрыт тонким слоем коры. Справа, чуть выше пояса, между рукой и позвоночником, прямо на костях погребенного лежал железный кинжал хорошей сохранности с волютообразным навершием и бабочковидным перекрестием. Длина его 25 см, ширина клинка у перекрестья 3 см (рис. 11, 5). Около кисти левой руки и на том же уровне у южной стенки были найдены восемь бронзовых наконечников стрел. Все они — с выступающей втулкой, трехлопастные, длиной 3,2—3,8 см (рис. 11, 12). При погребенном был найден также железный колчаный крючок, сделанный из прямоугольного в сечении стержня, раскованного в верхней части. На внутренней стороне крючка — вертикальная сквозная петля; длина его 10 см (рис. 11, 11).

КУРГАН 16

Небольшой курган расположен на расстоянии 175 м к северо-востоку от кургана 15. Диаметр его 10 м, высота 0,5 м. Слегка задернованная насыпь состояла из темно-серой супеси с мелкой галькой. На глубине 60 м, т. е. на уровне древнего горизонта, и на расстоянии 2 м к северу и 0,2 м к востоку от центра кургана были найдены обломки венчика очень большого лепного толстостенного сосуда из плотной серой глины с примесью гальки. Венчик и плечики были орнаментированы: на венчике — три косых ряда небрежных наколов, на плечиках — ряд из вертикальных оттисков ребра лошадки, ниже, вероятно, шли широкие треугольники вершинами вниз (частично сохранился на одном фрагменте), заполненные рядами тех же вертикальных оттисков лошадки. На одном из фрагментов под венчиком — отверстие. Приблизительный диаметр устья сосуда — 30 см (рис. 12, 3).

В центре кургана обнаружено одно погребение. Широкая могильная яма ориентирована с северо-запада на юго-восток; длина ее 2,2 м, ширина — 1,6 (южная часть) и 1,4 м (северная часть), глубина 2,35 м (рис. 12, 1). На дне могилы, на слое дерева — довольно толстых деревянных плашек — в вытянутом положении, на спине, головой на юго-восток лежал скелет мужчины. Слева от погребенного, на уровне черепа и плеча, отчетливо прослеживались остат-

ки деревянных плашек, лежавших вдоль могилы. У восточной стенки могилы, примерно посередине ее, лежала грудная часть туши какого-то крупного животного (лошадь?); под ней находилась нога барана с лопаткой. Так же хорошо были видны остатки плашек и под грудой костей животных. Среди этих костей лежали рядом два железных ножа. Первый из них — широкий с выпуклой горбатой спинкой, скошенным лезвием и узеньким коротким черенком со следами дерева; длина ножа 13 см. Второй — узкий длинный нож с вогнутой спинкой и выпуклым лезвием; черенок той же ширины, что и лезвие, вставлялся в деревянную рукоятку, скреплявшуюся железным гвоздиком. Длина сохранившейся части — 13,5 см (рис. 13, 8).

Слева от скелета, у самой стенки могилы, был найден большой массивный меч с брусковидным навершием и дуговидным перекрестием. Длина его 0,65 м, ширина клинка у перекрестья 5 см, длина рукоятки — 12 см (рис. 12, 7). Рядом с мечом, ближе к костяку, были положены стрелы в кожаном колчане, острием внутрь. Древки стрел, сделанные из березы, были длиной 0,40—0,45 м. Форму колчана установить не удалось, так как от него остались лишь мелкие обрывки кожи. На одном из них сохранился прекрасно заделанный, очень аккуратный шов через край. В колчане лежало 28 бронзовых

наконечников стрел. Большинство из них (24 штуки) имеет выступающую втулку, за исключением одного, все наконечники — трехлопастные. Среди них — девять больших, массивных (длина 4,4—4,2 см) с длинной втулкой и широкими лопастями, опущенными вниз или срезанными под тупым углом; остальные наконечники мельче, с небольшими головками. Среди наконечников с внутренней втулкой — один трехгранный, остальные — трехлопастные средней величины (2—2,8 см) (рис. 12, 4). Между левой рукой и колчаном была обнаружена костяная пронизка. Поверхность ее хорошо заполнирована, на одной из сторон — углубление в виде желобка, очевидно, результат потери от употребления (рис. 12, 8).

У юго-западной стенки на уровне ступней погребенного стоял большой круглодонный горшок с шаровидным туловом и резко отогнутым венчиком. Внутри стенки горшка были хорошо заглажены, снаружи залощены и имели окраску от светло-коричневого до почти черного цвета; глина желтовато-коричневая, хорошо промешана, с примесью мелкой дресвы. На плечиках — орнамент в виде трех широких желобков, сетчатой полосы под ними и еще одного желобка. Орнамент нанесен ребром ложила. На одной из стенок, ближе ко дну, процарапаны какие-то знаки. Высота горшка 23 см, диаметр устья 13 см (рис. 12, 9).

КУРГАН 17

В 7 м на северо-восток от кургана 5 расположен курган 17. Диаметр его 8 м, высота 0,2 м. Насыпь кургана состояла из мягкой серой супеси с галькой. В кургане было одно погребение. Продолговатая могильная яма была ориентирована с запада на восток. Северная стенка могилы ровная, южная — округлая. Длина ямы 1,5 м, ширина 0,9 м (западная часть) и 0,7 (восточная часть), глубина 1,8 м. Стенки могилы, особенно северная, имели как бы небольшие подбойчики, за счет которых размеры ямы по дну увеличились: 1,70 × 1,15 м (0,85 м) (рис. 12, 2). Засыпка могилы состояла из серой супеси, перемешанной с материковой глиной и ярко-желтым песком. На дне ямы лежал очень плохо сохранившийся костяк подростка в вытянутом положении, на спине, головой на запад. *In situ* остались лишь череп в обломках, кости правой руки и берцовые кости. Все остальные растащены грызунами, норами которых перерыто все дно. Под костями сохранились следы светлой органической подстилки. Справа у плеча погребенного лежала лопатка барана; у юго-восточной стенки на уровне берцовых костей — ноги барана с лопаткой, ребра и газовая кость. У северной стенки могилы,

примерно на уровне руки костяка, лежал на боку толстостенный плоскодонный горшок грушевидной формы с отогнутым венчиком и массивным широким дном. Поверхность горшка коричневатая-серая с темными пятнами; глина черная с шамотом, высота его 16 см, диаметр устья 11 см, диаметр дна 10,6 см (рис. 12, 6). Немного южнее горшка была найдена небольшая раковина *Gri-fea*. В северо-восточном углу могилы в подбойчике лежал на боку большой лепной горшок с высоким узким горлом, яйцевидным туловом и массивным устойчивым дном. На горле и верхней части тулова — орнамент из двух рядов глубоких лункообразных ямок; кроме того, на одной стороне тулова — пять вертикальных полос, нанесенных черной краской. Поверхность горшка имела расцветку от коричневатого-серого до красноватого тона; глина — черная с шамотом. Высота — 37 см, диаметр устья — 13 см, диаметр дна — 13,5 см (рис. 12, 10). На расстоянии 10—15 см южнее горшка лежали два бронзовых наконечника стрел с остатками древков. Наконечники небольшие (длина 1,8 и 2,4 см), трехлопастные с выступающей втулкой (рис. 12, 5).

КУРГАН 18

Курган расположен в 7 м от дороги Орск — Новый Кумак и в 180 м на юго-восток от кургана 16. Диаметр 14 м, высота

1 м. Курган правильной сферической формы, земляная насыпь состояла из серой плотной супеси с небольшим количеством

мелкой гальки. В центре кургана находилась большая могильная яма четырехугольной формы с округлыми углами. Она ориентирована по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Длина ямы 2,45 м, ширина 1,8 м, глубина 3 м (рис. 13, 1). Стенки могилы были совершенно отвесными, над скелетом, т. е. на глубине 2,7—2,75 м, шел довольно толстый слой коры, под скелетом — деревянный настил из березы, от которого сохранились лишь отдельные плашки, лежавшие в двух направлениях, перпендикулярно друг к другу. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг, руки вытянуты вдоль тулова, правая нога слегка согнута в колене. Слева от черепа, ближе к западной стенке, находился длинный (около 25 см) железный нож с прямым заостренным лезвием. Нож был искусственно согнут вдвое, рукоять его сильно коррозирована, и утолщение на ней — результат окисления (рис. 13, 7). Около правого локтя лежал сильно окисленный железный предмет, похожий на бляху с петлей на обороте. Рядом с ней находилась выпуклая железная пластинка с точечным орнаментом на внутренней вогнутой стороне, может быть, она составляла одно целое с железной бляхой. Справа от костяка, на уровне плеча, лежал колчан со стрелами. Он был сделан из дерева и кожи, но форму установить невозможно. Стрелы (в количестве 86 штук) в колчане были положены остриями к ногам. Основную массу (50 штук) составляли трехлопастные наконечники с внутренней втулкой, среди которых преобладали мелкие экземпляры с сильно опущенными гранями-шипами. Среди наконечников с выступающей втулкой

большинство составляли небольшие трехлопастные (рис. 13, 4).

Правее колчана, параллельно костяку, лежал железный меч с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием. Клинок меча изогнут, конец его преднамеренно отломан и положен тут же. Длина меча 62 см (рис. 13, 5).

Около правого бедра стоял очень большой, прекрасно сохранившийся круглодонный горшок, массивный, аккуратно сформованный. Его поверхность была хорошо заглажена и имела окраску от серовато-коричневого до черного тона. Глина горшка темно-серая, с большим количеством талька. Плечики и верхняя часть тулова сосуда были красиво и богато орнаментированы: сверху были расположены три широких желобка, затем выделялся пояс, заполненный сеткой, проведенной ребром ложила, к сетке примыкали своими основаниями треугольники, также заполненные проложенными линиями; между треугольниками были помещены заштрихованные полумесяцы. Высота сосуда — 32 см, диаметр устья — 17 см (рис. 13, 6).

В районе грудной клетки костяка были найдены четыре бронзовых наконечника стрел: один из них застрял в ребре, два других были найдены среди ребер в области сердца и, наконец, четвертый находился в районе поясницы. Весьма возможно, что перед нами погребение воина, погибшего на поле боя. На правом предплечье погребенного лежала плоская (кварцитовая?) плиточка, под которой также оказался трехгранный бронзовый наконечник стрелы (рис. 13, 2—3).

КУРГАН 19

В 160 м на северо-восток от кургана 18 находился курган 19. Насыпь его земляная, диаметром 12 м и высотой 0,4 м, состояла из серой супеси с большим содержанием гальки. В кургане было два погребения в одной могильной яме, расположенной в самом центре его.

Погребение 1 совершено в длинной узкой могильной яме, ориентированной с запада на восток. Длина ее 2 м, ширина 0,6 м, глубина 1,05 м (рис. 14, 1). Засыпка могилы состояла из серой однородной супеси. По-

гребенный (очевидно, женщина, судя по инвентарю и размерам костей) лежал вплотную к северной стенке в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Под костяком находился слой темной супеси, шедшей дальше, в глубь ямы. В ногах погребенной, около южной стенки, лежала кучка костей барана (ноги и ребра). На уровне плечевой кости, справа от черепа, было найдено зеркало из золотистой бронзы в форме плоского диска с чуть заметной приподнятой закраиной, согнутой под

углом в 30—40°, и плоским сужающимся к концу черенком. Закраина откована, и края ее остры. Диаметр диска 12 см, длина ручки 3,5 см (рис. 14, 3). Справа у бедра на уровне кисти руки лежал в обломках железный браслет, сделанный из овального в сечении прута (диаметром 0,8 см). Диаметр браслета 7 см (рис. 14, 5). На расстоянии 20 см от правого бедра, ближе к южной стенке, был найден обломок железного шильца. Слева от скелета, на уровне кисти руки, лежали крупные стеклянные бусины, составлявшие, очевидно, браслет. Сюда входили: а) зеленоватая большая плоская бусина с четырьмя синими в белых ободках глазками на каждой из двух сторон, глазки были разделены углубленной перегородкой, заполненной коричневой стекловидной массой; б) шесть бусин примерно одной величины, плоских, синих и бледно-зеленоватых с синими и зеленоватыми глазками в белых ободках; на каждой стороне — по два глазка, разделенных коричневой полосой из стекловидной массы. На трех бусинках по краям имелись орнаменты в виде жгута из синего и белого стекла. Помимо целых, было найдено много обломков таких же стеклянных глазчатых бусин (рис. 8, 4). У северной стенки могилы, близ левой голени, лежала большая литая пряжка из золотистой бронзы с изображением голов двух грифонов, обращенных мордами друг к другу. На тыльной стороне ее, в месте соприкосновения голов грифонов, был, очевидно, неподвижный крючок или выступ, который обломался, на лицевой сто-

роне пряжки посередине кольца сохранился круглый выступ, сильно стертый от употребления (рис. 14, 8). На глубине 1,6 м в могиле было обнаружено второе захоронение.

Погребение 2. В могильной яме следов дерева нет. Вдоль южной и особенно северной стенок могилы сделаны небольшие подбойчики, за счет которых ширина ямы по дну достигла 1,15 м (рис. 14, 2). На дне ямы, посередине, лежал скелет мужчины, судя по величине и мощности костей (рост 1,8 м), в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Слева от черепа, в подбойчике, лежали в кучке кости барана (нога с лопаткой); еще одна нога с лопаткой помещалась в этом же подбое на уровне бедра человека. Около первых костей барана лежал небольшой железный нож с прямой спинкой и скошенным лезвием, на рукоятке — следы дерева (рис. 14, 4). Вдоль левой руки, прилегая почти вплотную к ней, находился железный колчаный крючок в обломках. Он сделан из прямоугольной пластины, чуть расширяющейся вверх; на его внутренней стороне — выступ. Длина крючка около 12 см (рис. 14, 6). В северном подбойчике, на уровне бедра, около костей барана, стоял маленький лепной горшочек с прямым горлом, биконическим туловом и плоским дном. Поверхность его красновато-коричневая, неровная, заглажена щепой; глина черная, грубая, слоистая. Высота сосуда 9,4 см, диаметр устья 7,8—8 см, диаметр дна 7 см (рис. 14, 7).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ново-Кумакский могильник не исследован полностью, а потому еще рано делать окончательные выводы. Однако следует все-таки остановиться на некоторых особенностях этого интересного памятника. За два года раскопок вскрыто 18 курганов, содержащих 23 погребения, из которых два относятся к эпохе бронзы (курган 4), два — позднечувашские (курганы 1, 11), а остальные — сарматские.

Погребения эпохи бронзы

Еще М. П. Грязнов⁷, а затем Г. В. Под-

гаецкий⁸ связали территорию степей от Енисея до Урала с распространением памятников андроновского типа. Как правило, это были курганы с каменной выкладкой по основанию или же плоские каменные кольца. Курган 4 Ново-Кумакского могильника имеет небольшую земляную насыпь, однако инвентарь погребений и особенно керамика заставляют нас отнести его к андроновской культуре. Типична для последней и широтная ориентировка могил с запада на восток и положение погребенного голо-

⁷ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. — Сб. «Казаки», вып. II. Л., 1927, стр. 172 и сл.

⁸ Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. — МИА, № 1, 1940, стр. 81.

вой на запад. Все горшки (за исключением одного) из кургана 4, найденные в насыпи и в погребениях, имеют характерное для андроновской керамики широкое устье, небольшое ребро в верхней части тулова и довольно резкий переход к узкому дну (рис. 3, 2, 6, 7). Типична и орнаментация сосудов в виде треугольников, зигзагов и концентрических бороздок, расположенных в верхней части тулова и у самого дна. Некоторое исключение составляет маленький горшочек, поверхность которого и даже дно полностью заполнены орнаментом (рис. 3, 5), что нехарактерно для андроновской керамики, однако форма горшка и рисунок орнамента типично андроновские. Сосуды, напоминающие по форме баночную керамику, не являются редкостью среди андроновской керамики и найдены в ближайшем соседстве от Нового Кумака в могильнике у пос. Ново-Аккермановка⁹. Весьма интересны бронзовые подвески, обложенные золотой фольгой, которые встречаются в погребениях срубной¹⁰ и тазабагыбской¹¹ культур. Такое смешение черт андроновской и срубной культур с явным преобладанием андроновских элементов объясняется местом расположения памятника. Он находится в западной области распространения андроновской культуры, на месте стыка ее со срубной и, разумеется, испытал сильное влияние последней. Наиболее вероятной датой кургана, судя по сосудам и подвескам, является вторая половина II тысячелетия до н. э.

Савромато-сарматские погребения

Для изучения сарматской культуры в восточных областях ее распространения, где за исключением небольших работ Б. Н. Гракова¹², К. В. Сальникова¹³ и М. П. Гряз-

⁹ Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 72, рис. 5, 4.

¹⁰ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, № 42, 1954, стр. 66, рис. 13; стр. 113, рис. 31, 2.

¹¹ Материалы Хорезмской экспедиции, вып. III, 1960, стр. 111, рис. 60.

¹² Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г.— Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928; В. Граков. Deux tombeaux de l'époque scythique aus environs de la ville d'Orenburg.— EAS, vol. IV. Helsinki, 1929; его же. Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3.

¹³ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орск.— МИА, № 1, 1940, стр. 121—138.

нова¹⁴, не проводилось систематических раскопок, исследование Ново-Кумакского могильника является очень важным. Могильник составляет компактную группу хронологически однородных сарматских памятников конца VI—IV в. до н. э., отражающих савроматский и раннепрохоровский периоды истории сарматов Приуралья. По погребальному обряду и инвентарю все сарматские погребения могильника разделяются на две группы.

Первая савроматская группа включает погребения курганов 2, 3, 5—10, 17, 19. Грунтовые могильные ямы овальной или прямоугольной формы, широкие и узкие, ориентированы длинными сторонами с запада на восток. Погребенные в них лежали в вытянутом положении, на спине, головой на запад, реже — на восток. За исключением погребения женщины с двумя детьми (курган 9) все захоронения были индивидуальными. Наличие в могильных ямах курганов 15 и 19 двухъярусных погребений говорит о том, что на общем родовом кладбище, которым является Ново-Кумакский могильник, некоторые могилы служили усыпальницами для членов одной семьи, так как эти погребения совершенно не разнятся хронологически. Подобные примеры двухъярусных могил известны среди сакских памятников Семиречья¹⁵. Может быть, семейным следует считать и курган 7, где основным было мужское, а впускным — женское погребение. Если поволжские савроматские погребения отличаются по погребальному обряду от памятников срубной культуры той же территории, то здесь в Приуралье не было такой резкой смены. Для погребений андроновской культуры также характерна широтная ориентировка овальных, довольно широких могил¹⁶. Почти во всех савроматских погребениях могильника лежали части туши баранов, а нередко и лошади (в 7 погребениях из 14), в кургане 7 находились кости коровы. В савроматских погребениях Приуралья по сравнению с Поволжьем более часто встречались кости лошади, что, возможно, также является наследием андроновской культуры, для погребений которой

¹⁴ М. П. Грязнов. Указ. соч.

¹⁵ К. Акишев. Саки Семиречья.— Труды ИИАЭ АН Каз. ССР, т. VII. Алма-Ата, 1959, стр. 207—208.

¹⁶ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области.— МИА, № 1, 1940, стр. 58—69.

характерно наличие в могиле именно этих костей¹⁷. Интересно также, что, как правило, савроматские погребения здесь являются основными и единственными в курганах, в то время как в Поволжье многие из них впущены в курганы эпохи бронзы. Надо вспомнить, что андроновские каменные кольца также обычно содержат по одному погребению. В пользу преемственности и генетических связей местного населения эпохи бронзы и савроматов, о чем неоднократно писал К. Ф. Смирнов¹⁸, говорят не только определенные черты погребального обряда, но и пополняющиеся антропологические данные. Черепа из Ново-Кумакского могильника (к сожалению, пока очень небольшое количество — всего четыре экземпляра) представляют брахикранный европеоидный тип, причем брахикранный выражен резко. При сравнении этих черепов с черепами срубной и андроновской культур можно отметить большую близость с последними, хотя они не тождественны ни тем, ни другим. Намечаются некоторые различия между черепами из Нового Кумака и из савроматских погребений более западных районов (бассейн Илека). Последние несколько крупнее ново-кумакских, но различия эти могут оказаться и случайными, поскольку в обеих группах еще слишком мало черепов¹⁹.

Датирующим материалом для большинства савроматских погребений (помимо погребального обряда) является главным образом оружие — бронзовые наконечники стрел и мечи. Судя по представленным наборам из курганов 2, 5, 6, 8, 10, 15 (рис. 4, 3, 8; 6, 4, 7, 4; 9, 10; 11, 10, 12), наконечники стрел характерны для V и самого начала IV в. до н. э. Это большие массивные трехлопастные или трехгранные наконечники с широкими дуговидными головками. Особенно показательны в этом отношении стрелы из кургана 5 (рис. 4, 8), где сочетаются наконечники с выступающей и внутренней втулкой, что характерно именно для Приуралья. Вспомним наборы стрел из курганов в Соболевской волости²⁰, Покров-

ки²¹, Ковыловки и Меркеля²² в Поволжье, датирующиеся серединой V в. до н. э., которые содержат типы, идентичные ново-кумакским.

Обращает на себя внимание набор стрел из погребения 1 кургана 6. Здесь представлены трехлопастные и трехгранные (последние все с внутренней втулкой) массивные бронзовые наконечники и среди них — один железный также втульчатый, пулевидный. Очень близкий набор стрел с втульчатыми бронзовыми и железными наконечниками был открыт в кургане у с. Сара Оренбургской области в 1928 г. Захаровым. П. Рау датирует этот курган V в. до н. э.²³ Среди бронзовых наконечников выделяется один четырехгранный с внутренней втулкой и двумя короткими и двумя длинными гранями. Подобные наконечники известны из сакского могильника Бес-Шатыр V в. до н. э.²⁴ Вообще комплекс стрел кургана 6 отличается некоторой архаичностью по сравнению со стрелами других курганов могильника. Его следует датировать первой половиной V в. до н. э., может быть, даже концом VI в. до н. э. Возможно, он возник одновременно с двумя самыми большими курганами, вокруг которых затем вырос весь могильник.

В кургане 7 (погребение 1) найден кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 7, 10). Мечи и кинжалы подобного типа распространены на Кавказе, Украине, Поволжье и Приуралье и характерны для VI—V вв. до н. э.²⁵ Однако на более ранних мечах VI в. до н. э. рукояти, как правило, имеют желобки, а перекрестия — четкое бабочковидное очертание. В V в. до н. э. желобки исчезают, рисунок перекрестия постепенно теряет свою четкость и все больше приближается к сломанному под тупым углом бруску. Именно эту форму и дает кинжал из

²¹ МАР, № 37, 1918, стр. 22, табл. VI, 19—21, 26—29.

²² Р. Рау. *Op. cit.*, Taf. XX, XXI.

²³ Ibid., S. 37.

²⁴ К. А. Акишев. Указ. соч., стр. 202—214.

²⁵ В. А. Іллінська. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скіїї. — Археологія, т. 5, 1951, стр. 196—212; А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II. СПб., 1894, табл. XV, 7; Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья, вып. II. Киев, 1899, табл. III, 57; Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. — СА, 1958, № 3, стр. 102, рис. 6, 1—3; Р. Рау. *Op. cit.*, S. 80, 22.

¹⁷ Там же, стр. 66.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. — СА, 1957, № 3, стр. 3—19.

¹⁹ Исследование ново-кумакских черепов было проведено Т. С. Кондукторовой.

²⁰ Р. Рау. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, Taf. XXI.

кургана 7, датируемый V в. до н. э. Кинжал из кургана 15 (погребение 2) с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 11, 5) также не выходит из рамок V в. до н. э.²⁶ Интересна серия колчаных крючков могильника (курганы 5, 6, 7, 10, 19, рис. 5, 9; 6, 1, 5; 9, 12; 14, 6), форма которых обычна для савроматских погребений V в. до н. э. Приуралья и встречается в Аландском²⁷, на Терекле²⁸, у Синеглазова²⁹ и на других памятниках. Выделяется лишь крючок из кургана 7 (рис. 6, 5), форма которого очень напоминает рукоятку меча с бабочковидным перекрестием и ранее нигде не встречалась. Найденные в этом же кургане S-видные псалии на основании аналогии с Тара-Бутацкими датируются V в. до н. э.³⁰ Керамика савроматских погребений могильника представлена рядом типов, которые находят себе ближайшие аналогии в савроматских памятниках Поволжья и Приуралья. Все сосуды плоскодонные. Самую большую группу (курган 7, погребение 1; курганы 2, 9, 15, 17, рис. 7, 11, 12; 4, 6; 11, 9; 12, 6) составляют толстостенные грубые горшки с невысоким горлом, отогнутым венчиком и массивным широким дном. Это классическая савроматская форма VI—IV вв. до н. э., очень распространенная в Поволжье³¹. Грушевидная форма горшков, например в кургане 10 (рис. 7, 9), также характерна для V — начала IV в. до н. э. и особенно часто встречается в Приуралье³².

Несколько горшков могильника имеет шаровидное тулово (курган 8, рис. 7, 8); у маленького горшочка из кургана 19 оно

²⁶ Б. Н. и В. И. Ханенко. Указ. соч., вып. III, табл. LV, 6; W. Ginters. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, Taf. 21, 6; 34, d; Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием.—КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 74—79.

²⁷ М. Г. Мошкова. Указ. соч. стр. 117, рис. 46, 1—4.

²⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 182, рис. 14, 6.

²⁹ ОАК за 1909—1910. М., 1913, стр. 192.

³⁰ Раскопки К. Ф. Смирнова, архив ИА, ф-1, д. 1686, стр. 49, рис. 167—168.

³¹ а) Раскопки В. П. Шиловой, 1954, архив ИА, ф-1, д. 1300.

б) Фриденберг, группа 1, курган 5, погребение 1; (Р. Рау. *Op. cit.*, S. 81, 23).

в) с. Улан Эрге, юго-восточная группа, погребение 5. (П. С. Рыков, 1929), хранится в саратовском областном музее.

³² Раскопки К. Ф. Смирнова, 1957, архив ИА, ф-1, д. 1686, стр. 22, рис. 63, 69; В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актобинской области.—КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 83, рис. 22, 2.

приплюснуто-биконическое. Иногда переход горла в плечики подчеркнут рельефным выступом, который затем сохраняется и на горшках прохоровского периода. Весьма любопытен горшок из кургана 5 (рис. 4, 7), который продолжает серию савроматских сосудов со знаками из Аблязовки³³, Аландского³⁴ и ряда других мест. По форме своей он представляет полную копию горшка Тара-Бутацкого могильника³⁵, датированного V в. до н. э. Особого внимания заслуживает лепной сосуд из кургана 17 (рис. 12, 10) с пятью вертикальными полосами, нанесенными черной краской. Среди савроматской керамики это первый случай росписи, которую, очевидно, следует связывать с влиянием хорезмской керамики кангюйского периода³⁶. Речь идет именно о влиянии, так как форма горшка типично савроматская, полностью аналогичная одному из сосудов в кургане у хут. Степана Разина на Волге³⁷.

Из предметов туалета в могильнике были найдены костяная ложечка и два зеркала (рис. 7, 5; 9, 8; 14, 3) одинаковой формы с откованной и приподнятой закраиной и плоской ручкой-черенком. Подобный тип зеркал обычен для Приуралья в VI—V вв. до н. э.

Большой интерес представляют вещи звериного стиля: бронзовые бляхи от конской уздечки (рис. 6, 8, 9а), пряжка (рис. 14, 8) и четыре золотых бляшки (рис. 9, 3); последние — очень тонкие нашивные с изображением головы зубастого и ушастого грифона. Три бляшки совершенно идентичны и сделаны, по-видимому, одним штампом с дальнейшей подправкой резцом, создавшей некоторые отличия в оформлении той или иной части изображения. В верхней половине каждая бляшка имеет по пять маленьких круглых отверстий, на одной из них такое же отверстие было сделано на нижней части морды. Четвертая бляшка несколько отличается от остальных. Она шире и короче прочих, а главное — трактовка грифона на ней иная: пасть открыта шире, зубы

³³ ГИМ, дар Н. А. Трескина, 1926, инв. № 58511.

³⁴ М. Г. Мошкова. Указ. соч., рис. 47, 12; 48, 2.

³⁵ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1957, архив ИА, ф-1, д. 1686, стр. 49, рис. 163.

³⁶ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода.—Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, 1959, стр. 84, сл.

³⁷ Раскопки В. П. Шиловой и Н. Я. Мерперта, 1957 Архив ИА, ф-1, д. 1972, стр. 53, № 1972а, л. 15.

представлены в виде более массивных, почти прямоугольных выпуклостей, глаз — круглый и расположен посередине бляшки, тогда как на остальных он находится в верхней половине пластинки. Ухо изображено не полностью, и создается впечатление, что бляшка с этой стороны обломана. На верхней ее части — четыре круглых отверстия для нашивания. Несмотря на кажущееся сходство с изображениями скифского звериного стиля, оказалось невозможным подыскать точных аналогий ни одной из этих бляшек. Но все-таки стилистически и по общему облику более всего они похожи на овальные золотые бляхи с изображением голов горных козлов из Покровки (М. И. Ростовцев трактует их как головы двух грифонов³⁸) и массивную бронзовую бляху, украшенную рельефным изображением трех грифонов из комплекса вещей, обнаруженных в местности Кумуртук на берегу р. Чулышмана³⁹. В состав уздечного набора из кургана 7 (рис. 6, 8) входили две большие литые бляхи с односторонним изображением орла, терзающего какое-то травоядное животное, представленное крайне схематично. Любопытно изображение самого орла. Он имеет большую голову с длинным сильно загнутым клювом и широкие лапы с когтями. Туловище орла углубленными линиями разделено на прямоугольники; длинный широкий хвост, спускаясь вниз, сливается с туловищем лежащего животного. Сам по себе сюжет очень обычен, но трактовка фигуры и поза орла своеобразны. Как и в первом случае, полных аналогий этим бляшкам автору не известно. Приведем некоторые более отдаленные аналогии. Орел из Семибратних курганов⁴⁰ близок к нашему по общей трактовке. Напомню бляху из трех орлиных ушастых голов с длинными загнутыми клювами из Елизаветинских курганов⁴¹. Трактовка туловища орла на одной из блях сибирской коллекции Государственного Эрмитажа⁴² также несколько напоминает ново-кумакского ор-

ла. Разновременность сибирской коллекции несомненна, и не исключено, что приводимая нами бляха относится к числу наиболее ранних. Орел с наклоненной головой и опущенным хвостом на александропольском штандарте-навершии⁴³ также может быть сопоставлен с орлами на бляхах из кургана 7.

Пронизки и бляшки из этого же кургана, выполненные также в зверином стиле, более обычны. Так, пронизка в виде головки орла (рис. 6, 9а) имеет полную аналогию среди уздечного набора из кургана 3 у Алабастровой горы⁴⁴, датированного концом V — первой половиной IV в. до н. э. Бляшки для перекрестных ремней, щитки которых дают схематическое изображение орлиной головы (рис. 6, 9в), полностью аналогичны уздечным бляшкам из кургана 2 у Мечет-Сая⁴⁵, датированного по бронзовым стрелам V в. до н. э. Подобные же предметы были найдены в Ананьинском могильнике⁴⁶ и Галкинском городище, датированном VI—IV вв. до н. э.⁴⁷

Углубленный спиральный орнамент на бляшках из кургана 6 (рис. 5, 5) представляет собой весьма архаичный мотив, который встречается на пуговках зеркал Минусинской долины VI—V вв. до н. э.⁴⁸ Изображение грифонных голов на бронзовой пряжке из кургана 19 (рис. 14, 8) находит себе полную аналогию среди наверший мечей на Алтае⁴⁹ и в Минусинской долине⁵⁰. Представленные материалы звериного стиля из Ново-Кумакского могильника убеждают нас не только в отличии этого стиля от скифского, о чем писали М. И. Ростовцев⁵¹ и Б. Н. Граков⁵², но даже в какой-то

⁴³ E. Minns. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 154, fig. 41.

⁴⁴ Раскопки Б. Н. Гракова, 1928, ГИМ, инв. № 66441.

⁴⁵ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1957, архив, ИА, ф-1, д. 1686, стр. 73, рис. 233.

⁴⁶ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, 1894 г. — МАВГР, т. 3, 1899, стр. 51, рис. 5.

⁴⁷ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, № 30, 1952, стр. 168, табл. XXXI, 16.

⁴⁸ Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, табл. XII, 3.

⁴⁹ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 336, табл. XXX, 11.

⁵⁰ В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. II. — МАР, № 5, 1891, стр. 68 и сл., табл. XII, 1—4, 8—10.

⁵¹ М. И. Ростовцев. Указ. соч., стр. 65 и сл.

⁵² B. Grakov. *Monuments de la culture scythique*

³⁸ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37, 1918, табл. VI, 3, 4, стр. 21.

³⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 1951, стр. 336, табл. XXX, 9.

⁴⁰ M. Rostovtzev. *The Animal style in S. Russia and China*. London, 1928, pl. X, 5.

⁴¹ Ibid., pl. XI, 5.

⁴² С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 368, табл. XXXIV, 6.

степени и от поволжского. Звериный стиль приуральских вещей своеобразен и более связан со звериным стилем Сибири, Алтая и Прикамья. Поволжские же образцы ближе к скифским. В целом савроматский вариант звериного стиля, о котором сейчас можно говорить вполне уверенно, подразделяется на два района — Поволжский и Приуральский. Вещи звериного стиля, находящиеся в Приуралье, несомненно, созданы руками приуральских савроматов. Столь же отличительной чертой савроматских памятников Приуралья являются каменные алтарики-жертвенники, один из которых найден и в Ново-Кумакском могильнике (рис. 9, 9). Форма его необычна, и точных аналогий найти не удалось. Обычно савроматские жертвенники имеют четыре или три ножки⁵³, реже они встречаются на плоском основании⁵⁴. Мне известно только три экземпляра жертвенников, имеющих две ножки. Два из них — почти круглые с овальными в сечении ножками⁵⁵ и один — прямоугольный с круглыми ножками⁵⁶. Жертвенник кургана 9, как и обычно, находился в погребении женщины. Исправление домашних культов женщинами — явление оригинальное, и на приуральских савроматских материалах это проявляется очень ярко. Вообще набор инвентаря у женщин-жриц всегда определенный, и помимо жертвенников, туда нередко входили вещи звериного стиля, раковины *Grifea*, зеркала, сосуды и, как правило, много костей животных. Систематические раскопки в Приуралье дают все большее количество погребений женщин-жриц, женщин-воинов, свидетельствующих о несомненных ярких пережитках матриархата в среде савроматского населения.

Вторая группа погребений объединяет четыре кургана: 12, 13, 16, 18. В трех из них имеются широкие грунтовые ямы, ориентированные с севера на юг, с небольшими от-

entre le Volga et les monts Oural. ESA, t. III. Helsinki, 1928.

⁵³ В. Г. Раков. Deux tombeaux de l'époque scythique..., p. 173, fig. 6; МАВГР, т. 3, 1899, стр. 12, рис. 4; стр. 13, рис. 5; табл. 9, 1, 2.

⁵⁴ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1956. Архив ИА, ф-1, д. 1255, стр. 17, рис. 27.

⁵⁵ Ульяновская область, Крестовое городище, Куйбышевский областной музей краеведения, инв. № 215; случайная находка в г. Куйбышеве. МАЭ, инв. № 1537.

⁵⁶ Киргизская степь, Сары-Озек, ГИМ, инв. № 2826, 40/2, № 1.

клонениями к западу или востоку. В кургане 12 находилось подбойное погребение, также ориентированное с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головами на юг. Набор инвентаря по сравнению с савроматским остается тот же, однако формы ряда предметов сильно изменились. Прежде всего это относится к керамике. Появились большие круглодонные или с чуть уплощенным дном яйцевидные сосуды с коротким горлом и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 11, 7; 12, 3, 9; 13, 6). Поверхность их хорошо залощена. Горло и плечики сосудов, как правило, богато орнаментированы, чего мы совершенно не видим на савроматской керамике. Немного изменилась и технология изготовления сосудов: в глине большинства из них — примесь талька, что делает ее жирной на ощупь и хорошо поддающейся лощению. В кургане 12 был найден кувшин с высоким горлом, шаровидным туловом и поддоном. Круглодонная керамика известна и в других раннепрохоровских памятниках Приуралья, датирующихся IV в. до н. э. (Любимовка⁵⁷, Буруктал⁵⁸ и Ак-Жар⁵⁹). Во всех четырех раннепрохоровских погребениях были найдены бронзовые втульчатые стрелы и мечи. На рубеже V и IV вв. до н. э. произошла определенная смена наборов бронзовых стрел. Массивные наконечники с дуговидными головками постепенно уступили место более стройным и узким стрелам (рис. 10, 4), которые на рубеже IV—III вв. до н. э. имели классическую прохоровскую форму. Больше появилось наконечников с внутренней втулкой, которым также присуща тенденция к сужению и заострению головки. И в то же время наборы стрел раннепрохоровских погребений IV в. до н. э. еще очень близки савроматским (ср. рис. 4, 3, 8, 10, 4; 12, 4). Весьма интересны мечи. Только в кургане 18 был найден типичный скифский акинак (длиной 65 см) с бабочковидным перекрестием и широким когтевидным наконечником, характерным для IV в. до н. э.⁶⁰ (рис. 13, 5).

В трех других погребениях мечи представляли собой переходные формы от брус-

⁵⁷ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1946. Архив ИА, ф-1, д. 1255, стр. 47, рис. 91.

⁵⁸ Оренбургский областной музей.

⁵⁹ В. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 83, рис. 22, 1.

⁶⁰ Н. Я. Мерперт. Указ. соч.

ковидных наверший и бабочковидных перекрестий к серповидным навершиям и прямым перекрестиям. В курганах 12 и 16 мечи имели дуговидные перекрестия (рис. 10, 5; 12, 7), а навершие в одном случае в форме бруска, в другом — в виде серпа, поскольку концы бруска сужались.

В кургане 13, который, по моему мнению, является наиболее поздним из всех четырех (хотя все они укладываются в рамки IV в. до н. э.) перекрестие меча представлено в форме бруска, сломанного под тупым углом, а навершие приближается к серпу (рис. 11, 4). Такие же переходные формы мечей и те же наборы стрел были в погребениях IV в. до н. э. из Любимовки, урочища «Лапасина», погребальный обряд которых также уже прохоровский⁶¹.

В кургане 13 (рис. 11, 6) из предметов конского снаряжения был найден лишь один псалий. Форма его отлична от псалия кургана 7, датированного по аналогии с Мечет-Сайским V в. до н. э., но весьма характерна для скифских памятников IV в. до н. э.⁶²

Итак, IV в. до н. э. является временем становления новой стадии развития сарматского общества Приуралья. Наличие переходных форм некоторых групп инвентаря, в частности мечей и бронзовых наконечников стрел, говорит о неуклонно происходящем развитии производительных сил общества и определенных внутренних процессах, результатом которых явилось зарождение в недрах савроматского общества отдельных черт, характерных затем для прохоровского времени. Однако появление совершенно новых (круглодонных) форм керамики, не связанных непосредственно с бытовавшей здесь ранее посудой, и резкое изменение погребального обряда, являющегося наиболее традиционно неизменным этническим признаком, заставляют нас искать какие-то внешние причины, приведшие к изменению археологической культуры. Последние исследования, проводимые на территории Казахстана, особенно северного, дали довольно большой новый материал по истории ранних кочевников⁶³. Для нас ин-

тересен погребальный обряд некоторых из этих памятников. Так, среди погребений курганного могильника Соколовка I, датированного VII—V вв. до н. э., встречаются могилы, ориентированные длинными сторонами с севера на юг⁶⁴. В могильнике Айдабуль II были найдены подбойные погребения, ориентированные, правда, с запада на восток⁶⁵. В той же Соколовке была обнаружена круглодонная посуда, очень близкая приуральской сарматской керамике⁶⁶. Все эти, пока еще незначительные данные, заставляют нас все же предположить возможность определенных этнических передвижений с территории Казахстана в Приуральские степи, принесших с собой новые черты погребального обряда и круглодонную керамику.

Погребения поздних кочевников

К поздним кочевникам относятся два кургана, отличающиеся от сарматских по своим внешним признакам: их насыпи обложены плитняком. Всего в могильнике насчитывается 15 таких насыпей, две из которых вскрыты. В каждом кургане находилось по одному погребению в узкой грунтовой яме, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Погребенные лежали вытянуто, головами на северо-восток. Подобная ориентировка не совсем обычна для позднекочевнических погребений, однако изредка она встречается в могилах Заволжья (Молчановка)⁶⁷ и верхней Оби (Ближние Елбаны)⁶⁸. Керамики в погребениях не найдено. Основную часть инвентаря составляют предметы вооружения, конской упряжи и, в меньшей степени, украшения. Из оружия в обеих могилах были найдены железные и одна костяная стрелы, лежавшие в берестяных колчанах обычной для поздних кочевников трапещевидной формы. В колчане из кургана 11 лежали очень распространенные в XI—XIV вв. в Заволжье⁶⁹,

⁶⁴ К. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана.— Труды ИИАЭ, АН КазССР, т. VII, стр. 23.

⁶⁵ Там же, стр. 19—21.

⁶⁶ Там же, табл. IV, 3.

⁶⁷ И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 78, 1960, стр. 129.

⁶⁸ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби.— МИА, № 48, 1956, стр. 154—156.

⁶⁹ И. В. Силицын. Археологические исследования заволжского отряда.— МИА, № 60, стр. 49, рис. 2, 5, 7.

⁶¹ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1956, архив ИА, ф-1, 1255, стр. 44—52, рис. 84, 94, 95, 101.

⁶² И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья и Украинской ССР. Киев, 1951, табл. XXII, 6, стр. 91.

⁶³ Труды ИИАЭ АН КазССР, т. VII. Археология, Алма-Ата, 1959.

Сибири⁷⁰ и юго-восточных степях⁷¹ большие черешковые стрелы с плоским вытянутым наконечником, длина их 10—13 см (рис. 2, 10). Тут же находился весьма оригинальный пулевидный втульчатый костяной наконечник, аналогий которому мне неизвестно.

Форма стрелы из кургана 1 несколько необычна и напоминает скорее наконечники дротиков или копий (рис. 2, 3). Среди наконечников копий Новгорода А. Ф. Медведев выделяет в I тип массивные четырехгранные наконечники в виде вытянутой пирамидки, очень похожие на наш экземпляр. Их находят уже в слое X—XI вв., но особенно широкое употребление они получают в XIII—XV вв.⁷² Однако подобная форма известна и в качестве наконечников стрел из городища Екимавцы в Молдавии, где Г. Б. Федоров связывает их с печенежскими стрелами X—первой половины XI в.⁷³ В этом же кургане головной убор погребенного (антропологически пол не установлен, судя по инвентарю, это могла быть и женщина) был украшен двумя тонкими бронзовыми штампованными бляшками в виде пятиконечной звезды. В центре бляшки и в каждом из ее лучей были расположены две концентрические окружности, имитирующие зернь, посередине которых были, по-видимому, небольшие несохранившиеся вставочки. Точную аналогию по форме и расположению рисунка дают золотые бляшки из кургана 3 у с. Молчановки⁷⁴. Разница только в технике исполнения: вместо штампа и имитации зерни на молчановских экземплярах имеются золотые

сканные нити с зернью. Вся группа позднекочевнических погребений района Бережновки и Молчановки по монетам и другому инвентарю датируется XIII—XIV вв.⁷⁵ Большой хронологический диапазон стрелы из кургана 1 и более определенная дата бляшек заставляют нас отнести погребение к XI—XIV вв. В эти же хронологические рамки укладывается и зеркало с чуть приподнятым ободком и ручкой-петелькой наверху (рис. 2, 4).

Предметы конского снаряжения, представленные в погребении кургана 11, удила с перегибом и большими трензельными кольцами (диаметр 4,5 см), овальными в сечении, датируются концом XII—XV вв.⁷⁶

К этому же времени относятся два стремени с треугольной, чуть заостренной в верхней части дужкой и пробитым в ней отверстием для ремня, с сильно выгнутой почти полукруглой широкой плоской подножкой (рис. 2, 9). Форма стремян, несомненно, восточного происхождения. Она появилась на Алтае уже в VII—VIII вв.⁷⁷ и затем распространилась по всей Европе, где существовала очень долгое время. Наши стремени, представляющие собой определенный вариант этой формы, особенно характерны для Евразийских степей с XII в.⁷⁸ Прямоугольная пряжка с язычком, обломок кресала не противоречат датировке кургана XII—XIV вв. Предложенную датировку следует рассматривать как предварительную, так как для азиатско-сибирских памятников мы не имеем еще той подробно разработанной типологии, которая дана в работе С. А. Плетневой для памятников кочевников южнорусских степей. Что касается этнической принадлежности погребенных в раскопанных могилах, то, судя по сведениям летописи⁹⁷, наиболее вероятно их связь с племенами половцев.

⁷⁰ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 156, табл. XII, 2, 3.

⁷¹ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958, стр. 158, рис. 4.

⁷² А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, стр. 127, рис. 3, 5.

⁷³ Г. Б. Федоров. Городище Екимавцы.— КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 109, рис. 46, 1, 2.

⁷⁴ И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 129, рис. 48, 1.

⁷⁵ Там же, стр. 168.

⁷⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 166.

⁷⁷ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 518.

⁷⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 170, рис. 10, 3, 4, 7.

⁹⁷ Ипат. лет., стр. 217.

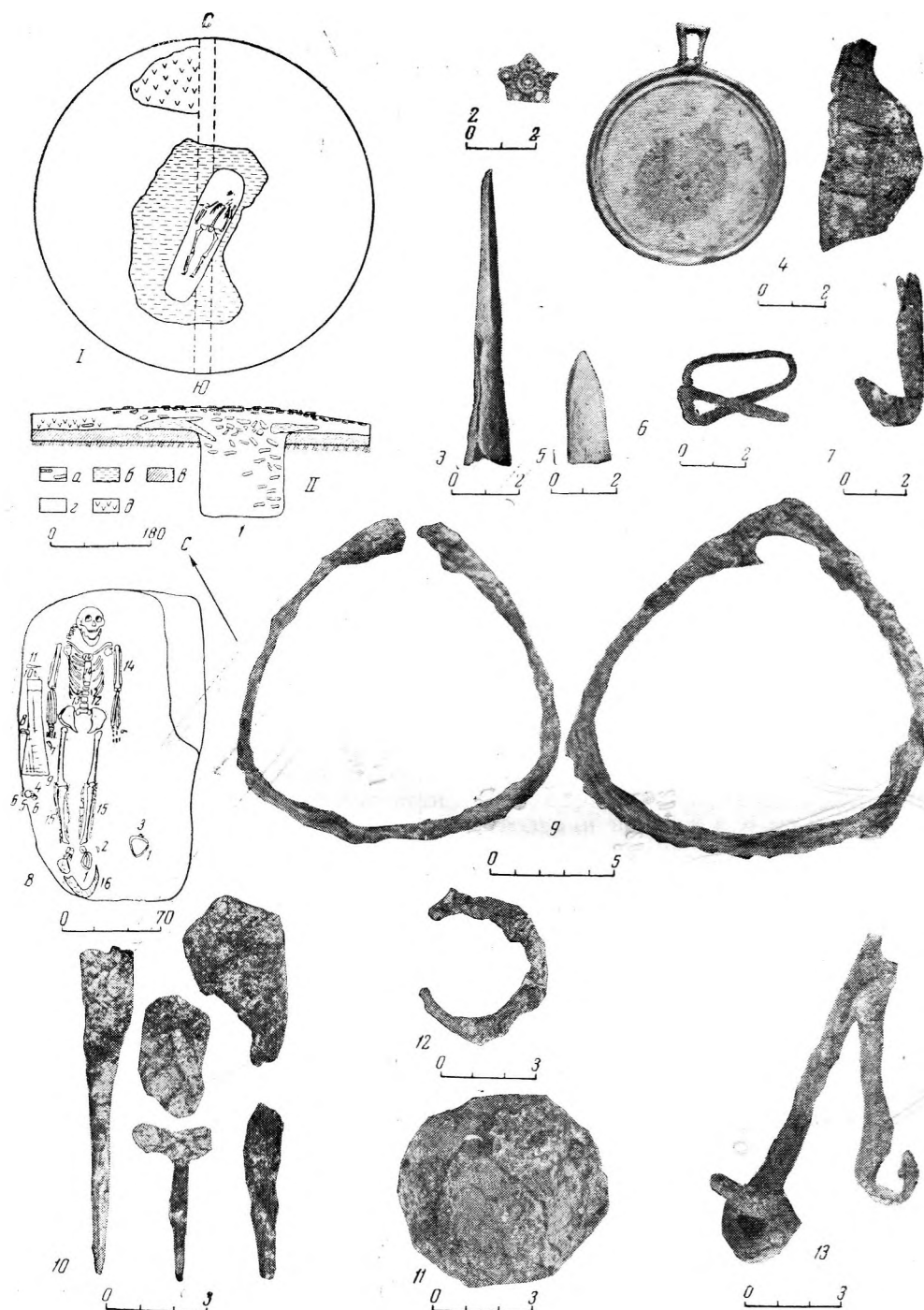

Рис. 2. Планы погребений и вещи из курганов 1 и 11:

1 — план и разрез кургана I: I — план кургана; II — разрез кургана по линии С—Ю; а — плитняк; б — могильный выкид; в — погребенная почва; г — насыпная земля; д — участки земли с мелкими кусочками угля; 2 — бронзовая бляшка; 3 — железная втульчатая стрела; 4 — бронзовое зеркало и остатки ткани; 5 — втульчатый костяной наконечник стрелы; 6 — железная пряжка; 7 — железное кресало (?); 8 — план погребения 1 кургана II (1 — стремена; 2 — обломки кольца; 3 — железная пряжка с язычком; 4 — удила; 5 — железный умбон; 6 — обломки кольца; 7 — железные детали колчана; 8 — железный предмет; 9 — берестяной колчан; 10 — костяной наконечник; 11 — железные стрелы; 12 — кресало; 13 — обломки ножа; 14 — остатки ткани, поверх которой следы кожи; 15 — остатки кожаной обуви; 16 — деревянная лука от седла; 9 — железные стремена; 10 — железные черешковые плоские стрелы; 11 — железный умбон; 12 — трезубное кольцо; 13 — железные удила (2—4 — из кургана I; 5—7, 9—13 — из погребения 1 кургана II)

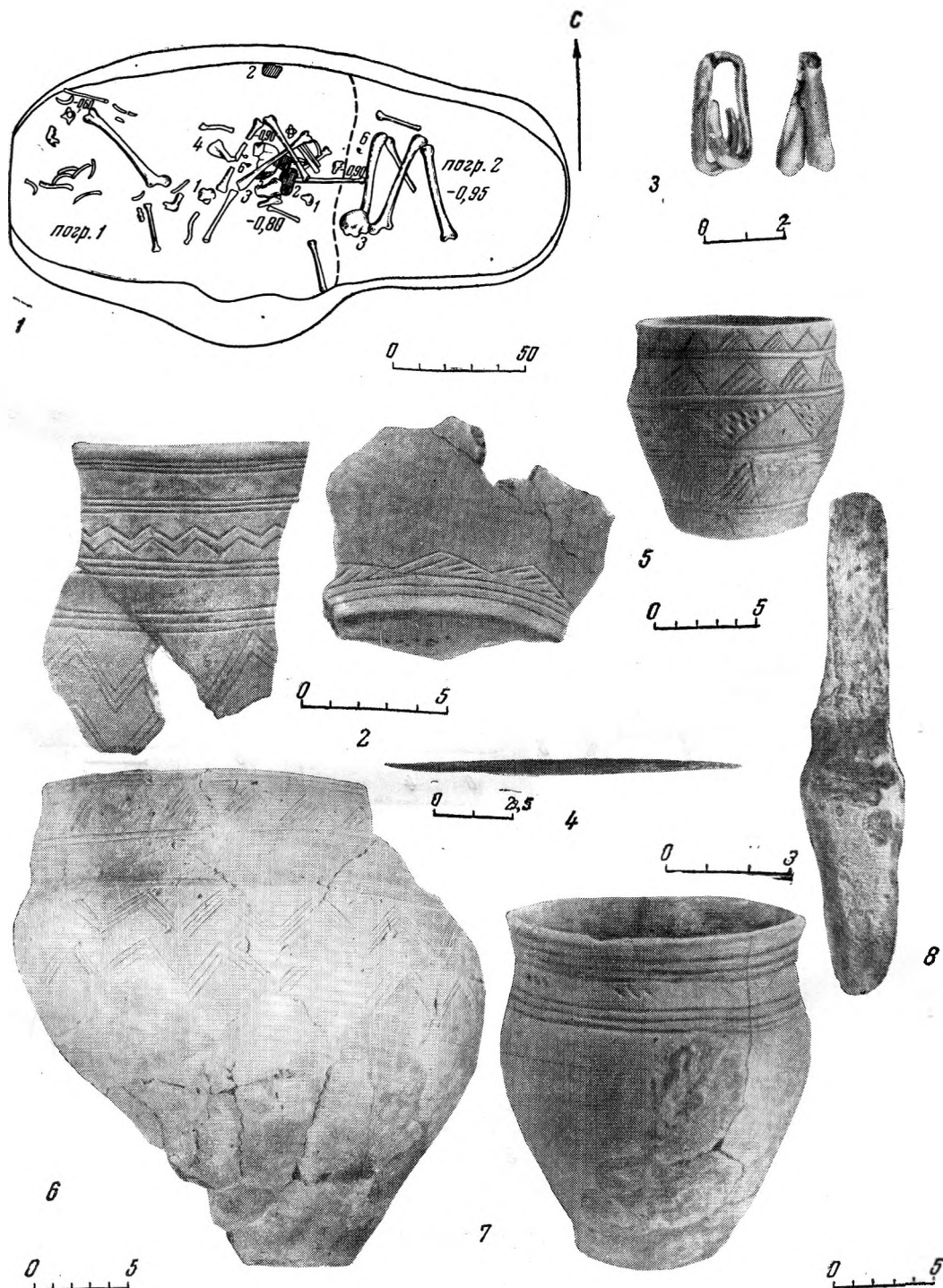

Рис. 3. План погребений и вещи из кургана 4:

1 — план погребений 1 и 2 (1 — обломки черепа человека; 2 — обломки горшка; 3 — обломки таза человека; 4 — лопатка человека; 5 — обломок черепа; 6 — бронзовые позолоченные подвески); 2 — обломки венчика и дна глиняного сосуда из погребения 1; 3 — бронзовые подвески, обложенные золотой фольгой, из погребения 2; 4 — бронзовое шило из насыпи; 5 — глиняный горшок из насыпи; 6 — глиняный сосуд из насыпи; 7 — глиняный сосуд из насыпи; 8 — бронзовый нож (подъемный материал с территории могильника)

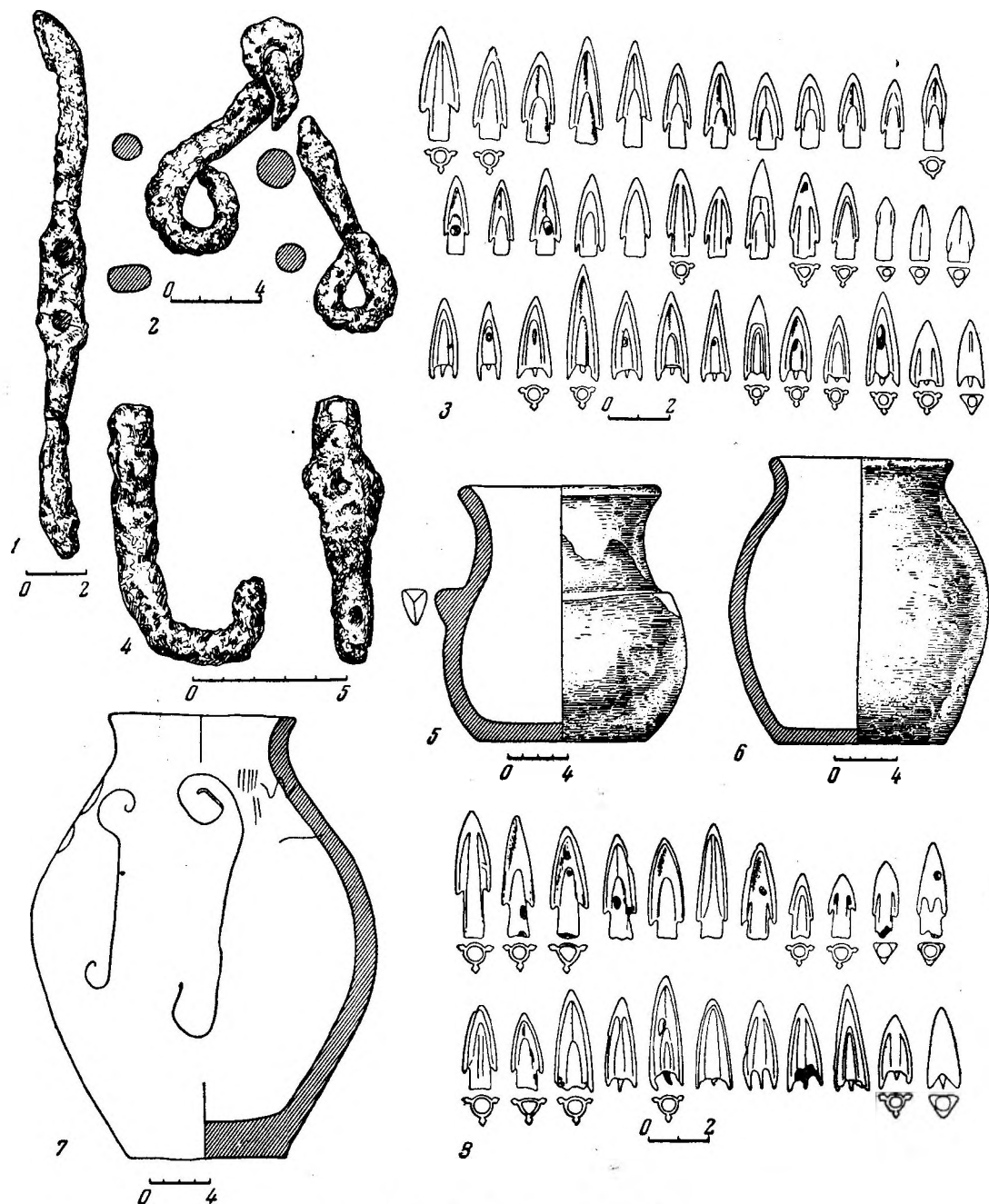

Рис. 4. Вещи из курганов 2, 3, 5:

1 — железный псалий; 2 — обломки железных удил; 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — железный колчаный крючок; 5 — глиняный сосуд; 6 — глиняный сосуд; 7 — глиняный сосуд; 8 — бронзовые наконечники стрел (1—3, 6 — из кургана 2; 4, 5 — из кургана 3; 7, 8 — из кургана 5)

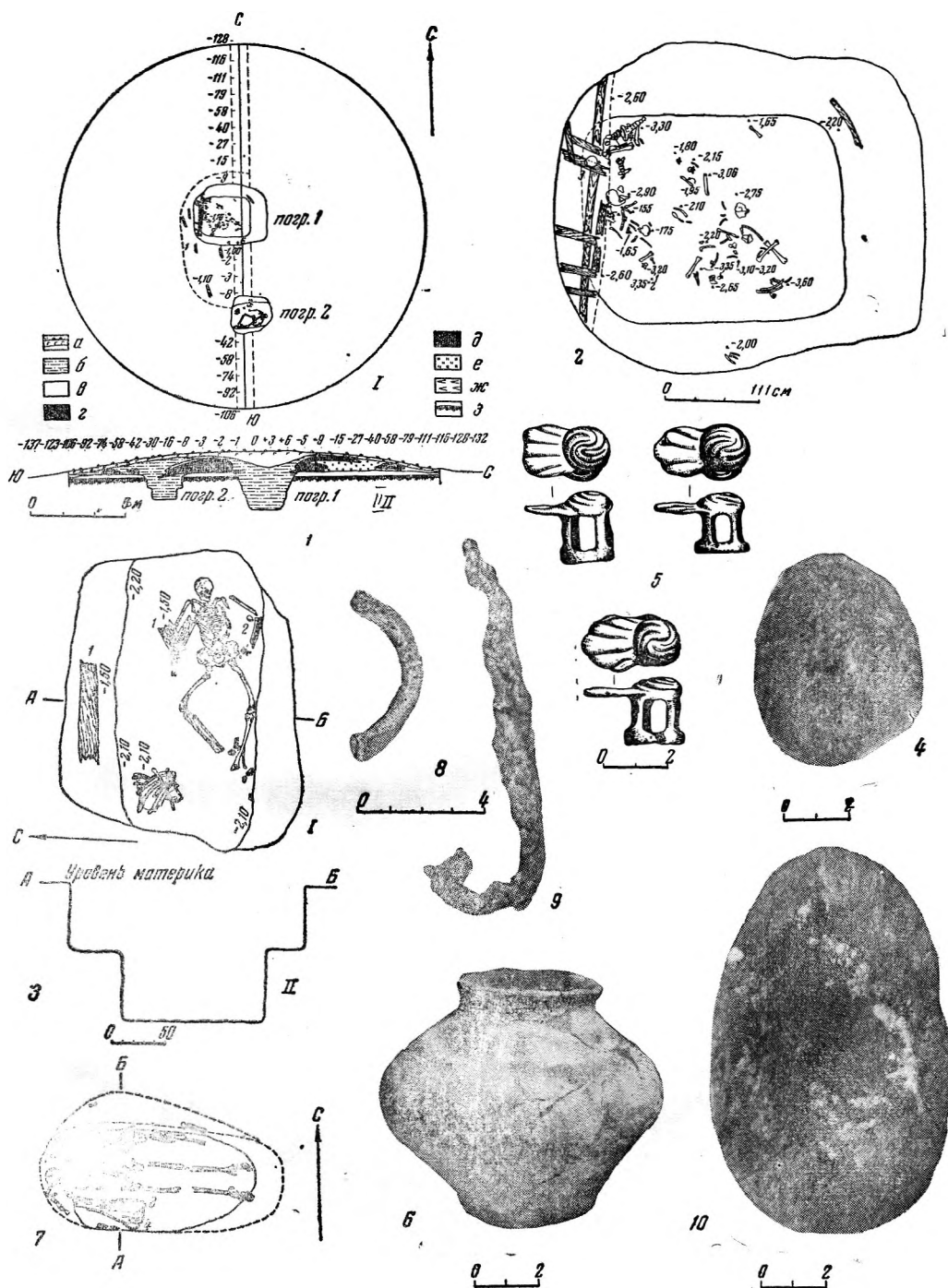

Рис. 5. Планы курганов 5 и 6 и вещи из них:

I — план и разрез кургана 6: I — план; II — разрез по линии С—Ю (а — распаханный слабозадернованный слой; б — темно-серая супесь; в — светло-серая супесь; г — могильный выкид; д — белая глина; е — серая супесь с включениями материковой глины; ж — дерево; з — материк); 2 — план погребения 1; 3 — план и разрез погребения 2: I — план погребения 2 (I — следы деревянного настила, толщиной 5—7 см на уровне материка; 2 — окатанный голыш); II — разрез погребения 2 по линии А—Б; 4 — камень с выщерблинами из погребения 2; 5 — уздечные бляхи для перекрестных ремней из насыпи; 6 — глиняный сосуд из погребения 1; 7 — план погребения кургана 5 (I — железный нож; 2 — глиняный горшок; 3 — колчан со стрелами; 4 — галька; 5 — железный колчанный крючок); 8 — обломок бронзового брашлета; 9 — железный колчанный крючок; 10 — каменная плитка (2 — 6 — из кургана 6; 8 — 10 — из кургана 5)

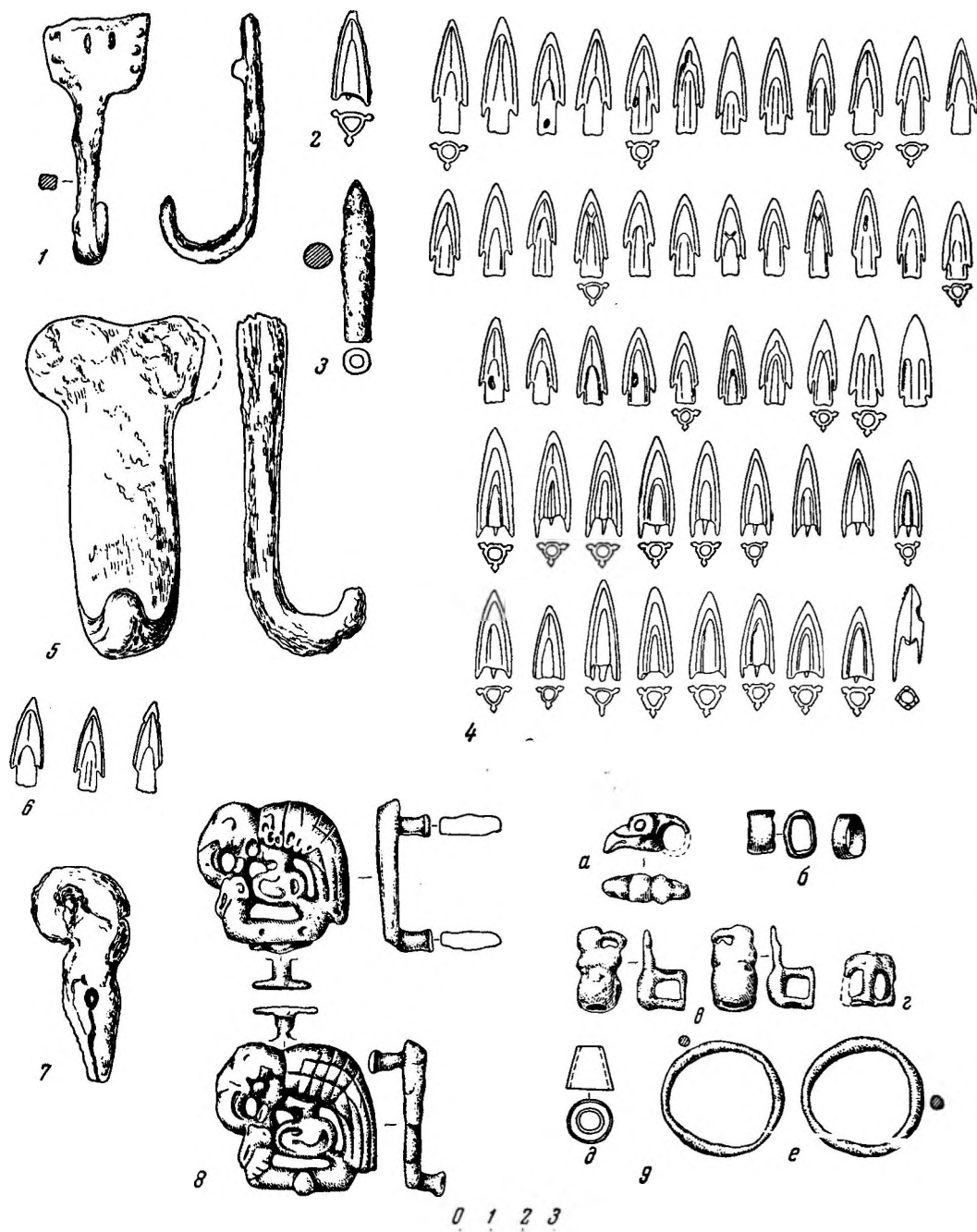

Рис. 6. Оружие и конское снаряжение из курганов 6 и 7:

1 — железный колчанный крючок; 2 — бронзовый наконечник стрелы; 3 — железный втульчатый наконечник стрелы; 4 — бронзовые втульчатые наконечники стрел; 5 — железный колчанный крючок; 6 — бронзовые втульчатые наконечники стрел; 7 — железный предмет; 8 — бронзовые уздечные бляхи; 9 а—е — бронзовый уздечный набор (а — пронызка; б — обоймочки; в, г — бляшки для перекрестных ремней; д — ворворка; е — кольца); 1—4 — из погребения 1 кургана 6; 5—9 — из погребения 1 кургана 7

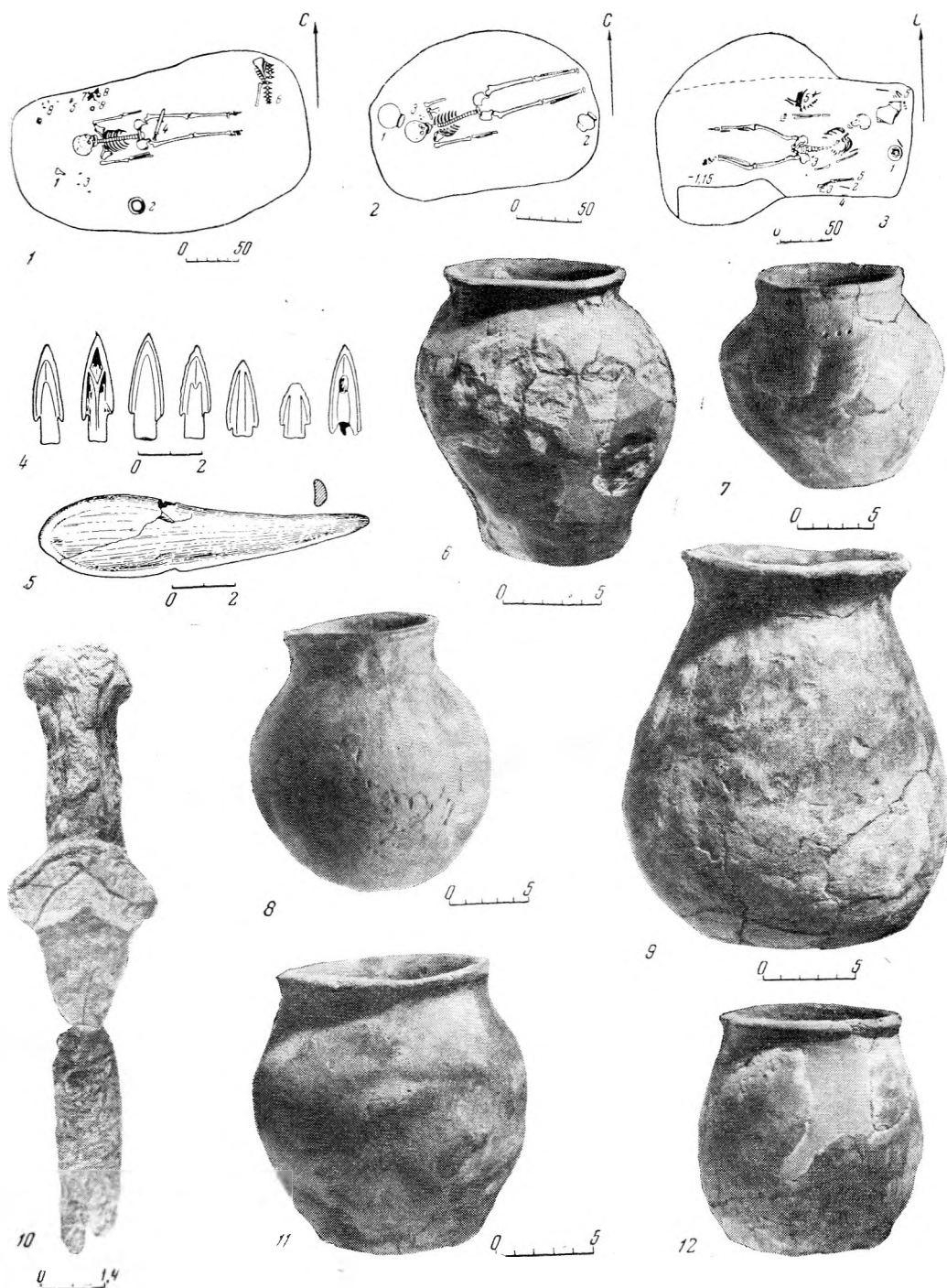

Рис. 7. Планы погребений и вещи из курганов 7, 8, 9:

1 — план погребения 1 кургана 7 (1 — колчаный крючок; 2 — глиняный сосуд; 3 — бронзовые стрелы; 4 — железный кинжал; 5 — железный предмет; 6 — кости барана; 7 — железные удила и пса́ли; 8 — предметы уздечного набора); 2 — план погребения 2 кургана 7 (1 и 2 — лепные горшки; 3 — бусы); 3 — план погребения 1 кургана 8 (1 — глиняный горшок; 2 — железный нож; 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — костяная ложечка; 5 — кости барана); 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — костяная ложечка; 6—9, 11, 12 — глиняные сосуды; 10 — железный кинжал; 4, 5, 8 — погребение 1 кургана 8; 6, 7 — погребение 2 кургана 7; 9 — погребение 1 кургана 10; 10, 11 — погребение 1 кургана 7; 12 — погребение 1 кургана 9

Рис. 9. Планы погребений и вещи из курганов 9 и 10:

1 — план погребения 1 кургана 9 (1 — горшок; 2 — жертвенник; 3 — глиняный сосуд; 4 — зеркало; 5 — раковина; 6 — костяная обкладка; 7 — каменный сосудик; 8 — золотые бляшки; 9 — бусина; 10 — железный нож; 11 — бисер; 12 — железное шило; 13 — золотая цепочка и подвески); 2 — план погребения 1 кургана 10 (1 — железный нож; 2 — лепной сосуд; 3 — обломки неопределенного железного предмета; 4 — железный крючок; 5 — бронзовые наконечники стрел); 3 — золотые штампованные бляшки; 4 — золотая подвеска на цепочке; 5 — две костяные обкладки; 6 — каменная чашечка; 7 — глиняный сосудик; 8 — бронзовое зеркало; 9 — каменный жертвенник; 10 — бронзовые наконечники стрел; 11 — обломки железных инструментов; 12 — железный колчанный крючок; 3—9 — погребение 1 кургана 9; 10—12 — погребение 1 кургана 10

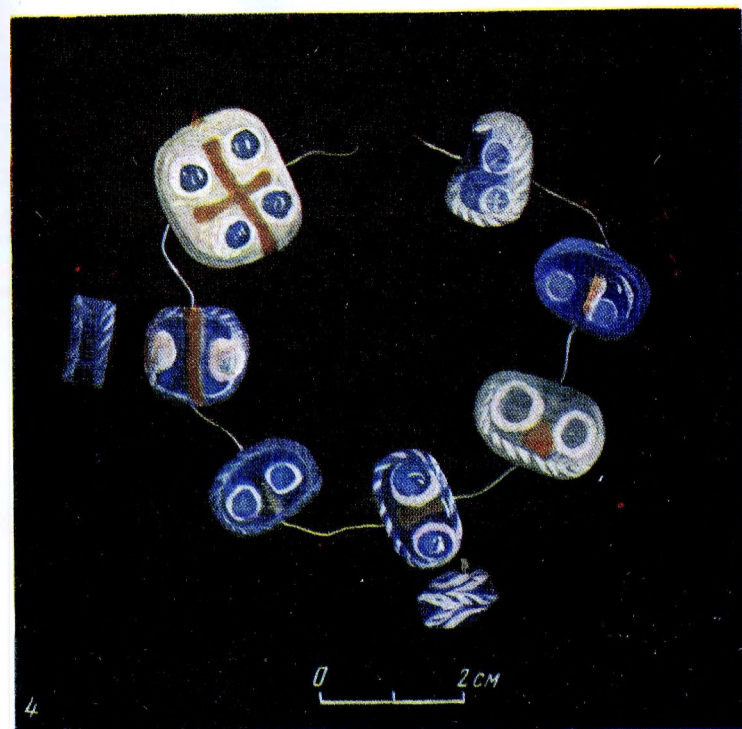
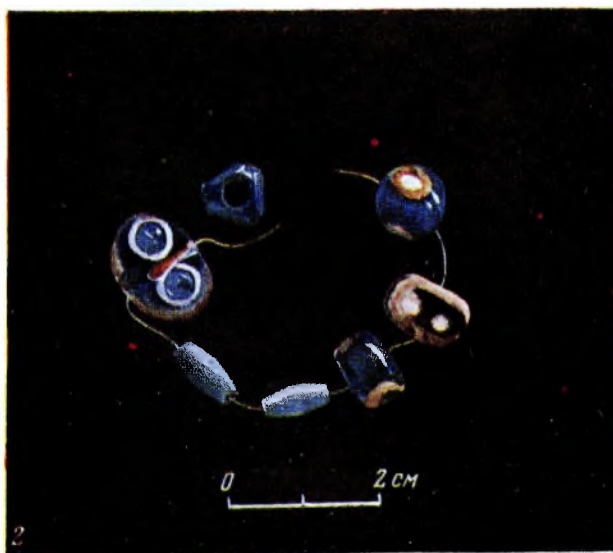
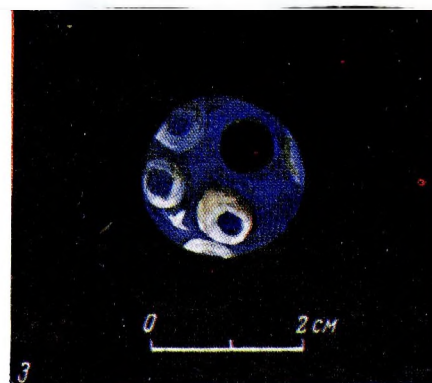
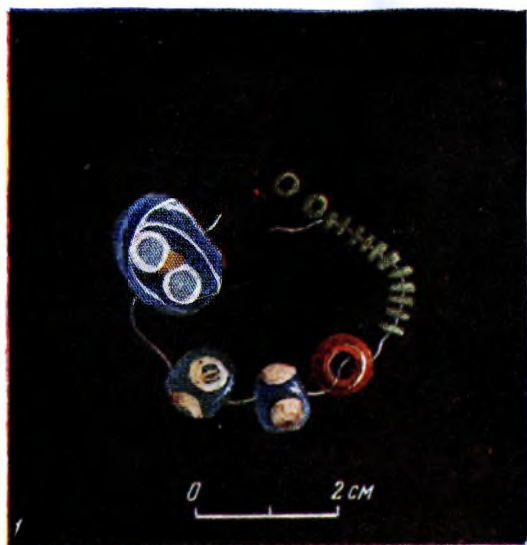

Рис. 8. Бусины из курганов Ново-Кумакского могильника:
1 — курган 7, погребение 2; 2 — курган 9, погребение 1; 3 — курган 12, погребение 1; 4 — курган 19, погребение 1

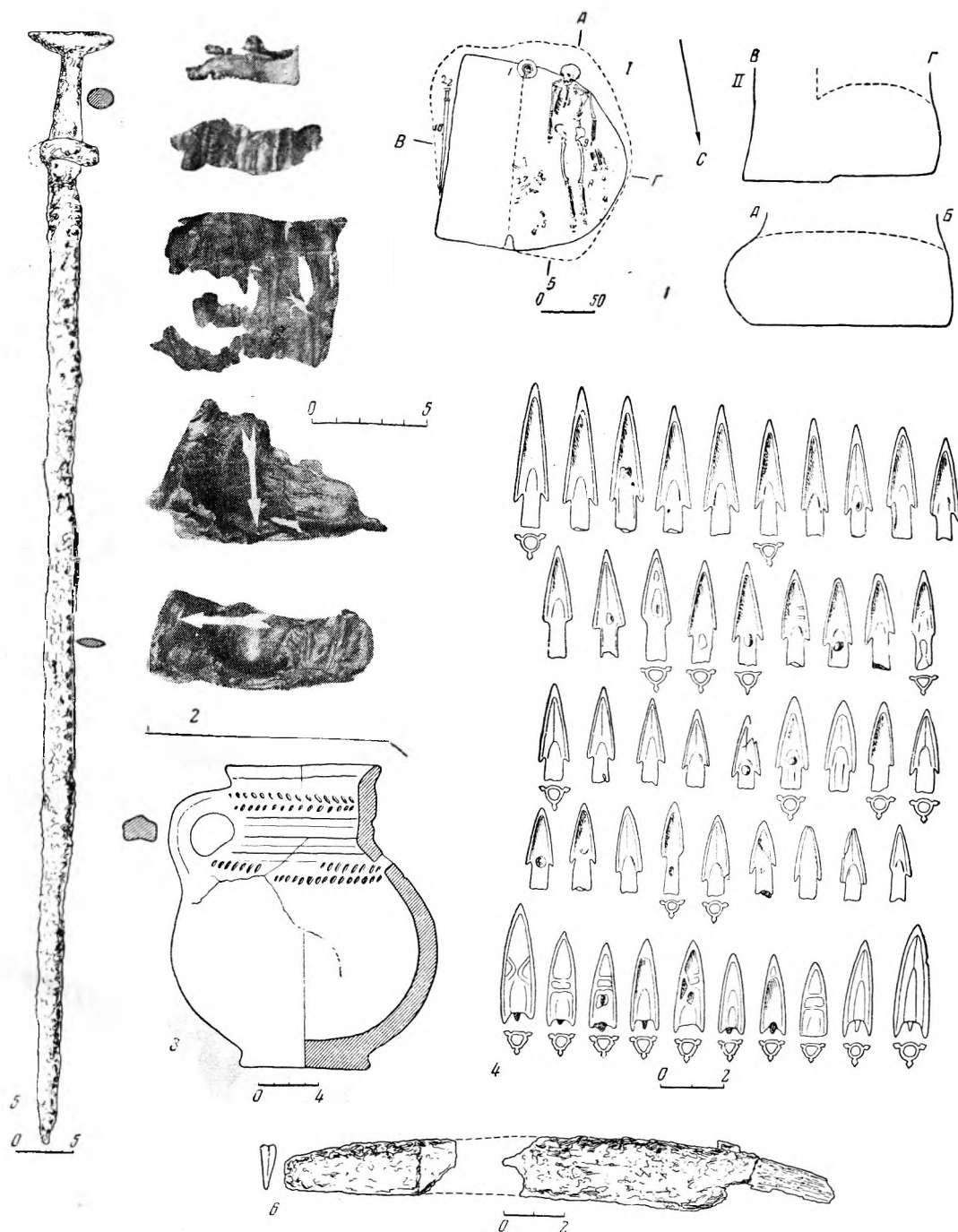

Рис. 10. Курган 12 и вещи из него:

1 — план и разрез погребения 1 кургана 12: I — план (1 — лепной кувшин; 2 — железный меч; 3 — кожаный колчан со стрелами; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — кусочек кожаного колчана; 6 — кости барана; 7 — железный нож; 8 — обломки железной пряжки; 9 — обломок железного предмета; 10 — бусина); II — разрезы по линиям А—Б и В—Г; 2 — остатки кожаных мешочков для стрел; 3 — глиняный кувшин; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — железный меч; 6 — железный нож (2—6 — из погребения 1 кургана 12)

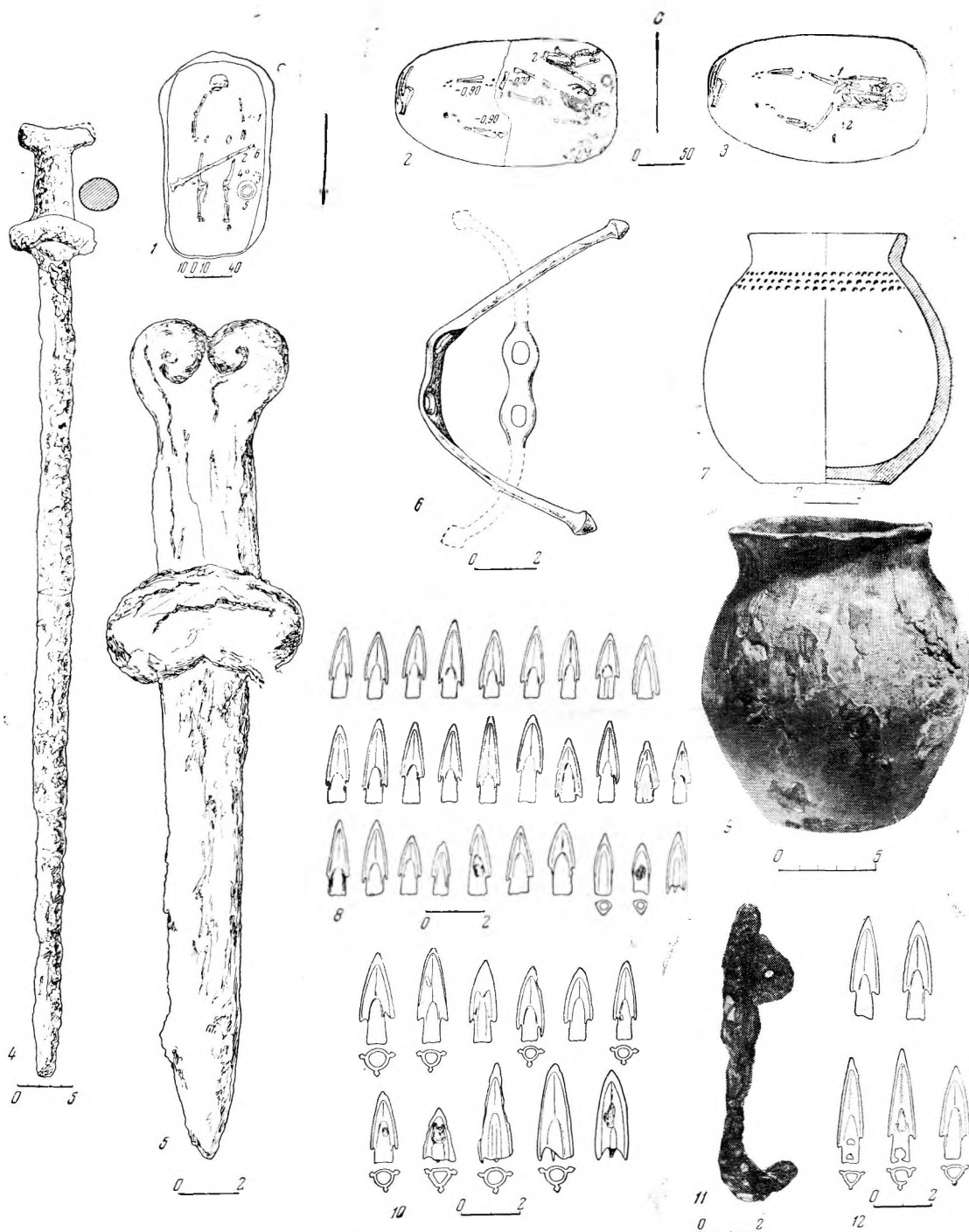

Рис. 11. Планы погребений и вещи из курганов 13 и 15:

1 — план погребения 1 кургана 13 (1 — обломки ножа; 2 — меч; 3 — наконечники стрел; 4 — обломки железного предмета; 5 — глиняный горшок; 6 — плоская галька); 2 — план погребения 1 кургана 15 (1 — лепной горшок; 2 — бронзовые наконечники стрел; 3 — ножная кость лошади); 3 — план погребения 2 кургана 15 (1 — железный кинжал; 2 — бронзовые наконечники стрел); 4 — железный меч; 5 — глиняный сосуд; 6 — железный псалий; 7 — глиняный сосуд; 8 — бронзовые наконечники стрел; 9 — глиняный сосуд; 10 — бронзовые наконечники стрел; 11 — железный колчанный крючок; 12 — бронзовые наконечники стрел (4, 6—8 — из погребения 1 кургана 13; 5, 11, 12 — из погребения 2 кургана 15; 9, 10 — из погребения 1 кургана 15)

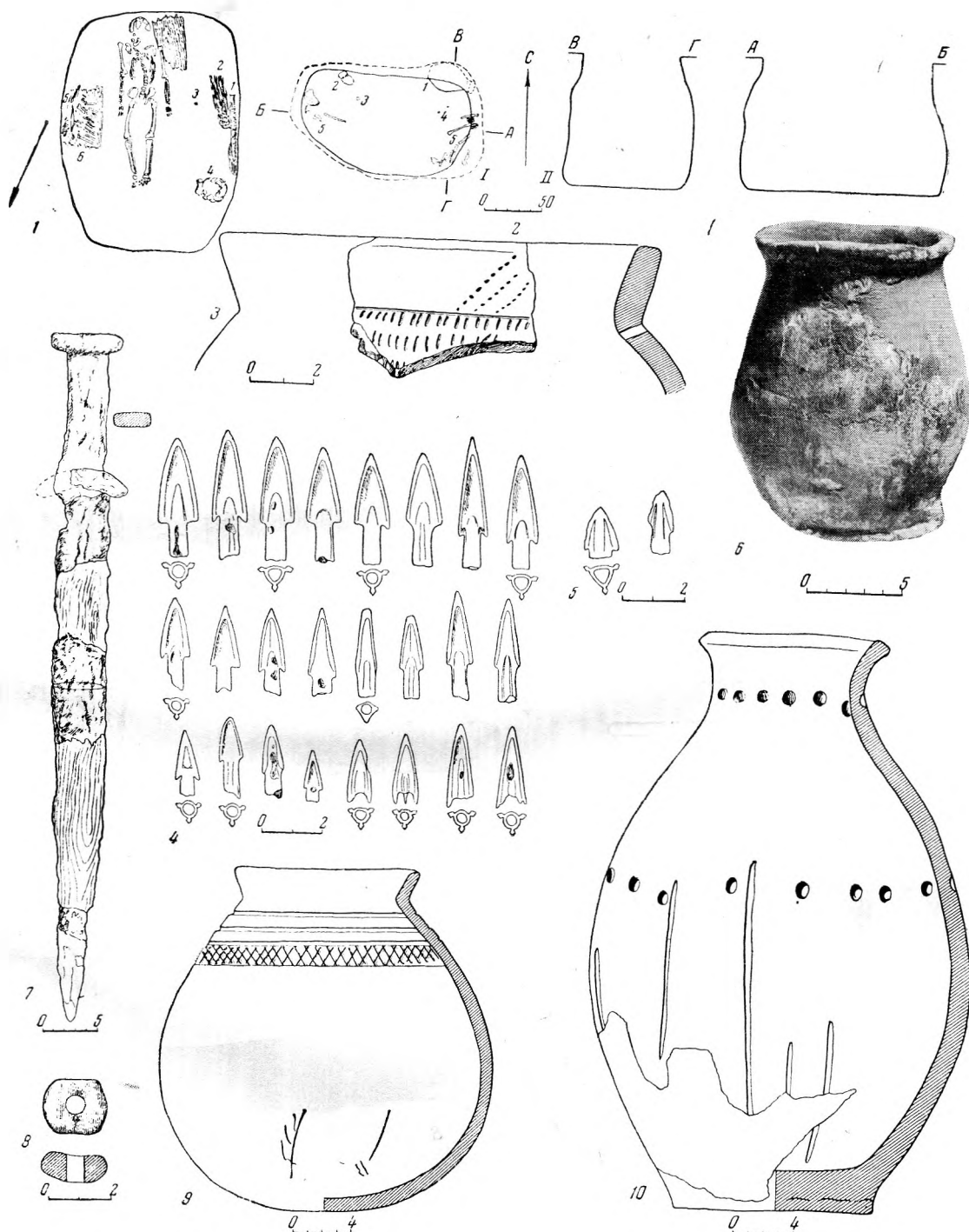

Рис. 12. Планы погребений и вещи из курганов 16 и 17:

1 — план погребения 1 кургана 16 (1 — железный меч; 2 — колчан со стрелами; 3 — костяная бусина; 4 — разбитый горшок; 5 — железный нож; 6 — кости барана и лошади; 2 — план и разрез погребения 1 кургана 17: 1 — план погребения (1 — большой глиняный сосуд; 2 — глиняный горшок; 3 — раковина; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — кости барана; 6 — череп человека); 11 — разрез погребения 1 по линии В—Г и А—Б; 3 — обломок глиняного сосуда из насыпи кургана 16; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — бронзовые наконечники стрел; 6 — глиняный сосуд; 7 — железный меч; 8 — костяная пронизка; 9 — глиняный сосуд; 10 — глиняный сосуд (4, 7—9 — из погребения 1 кургана 16; 5, 6, 10 — из погребения 1 кургана 17)

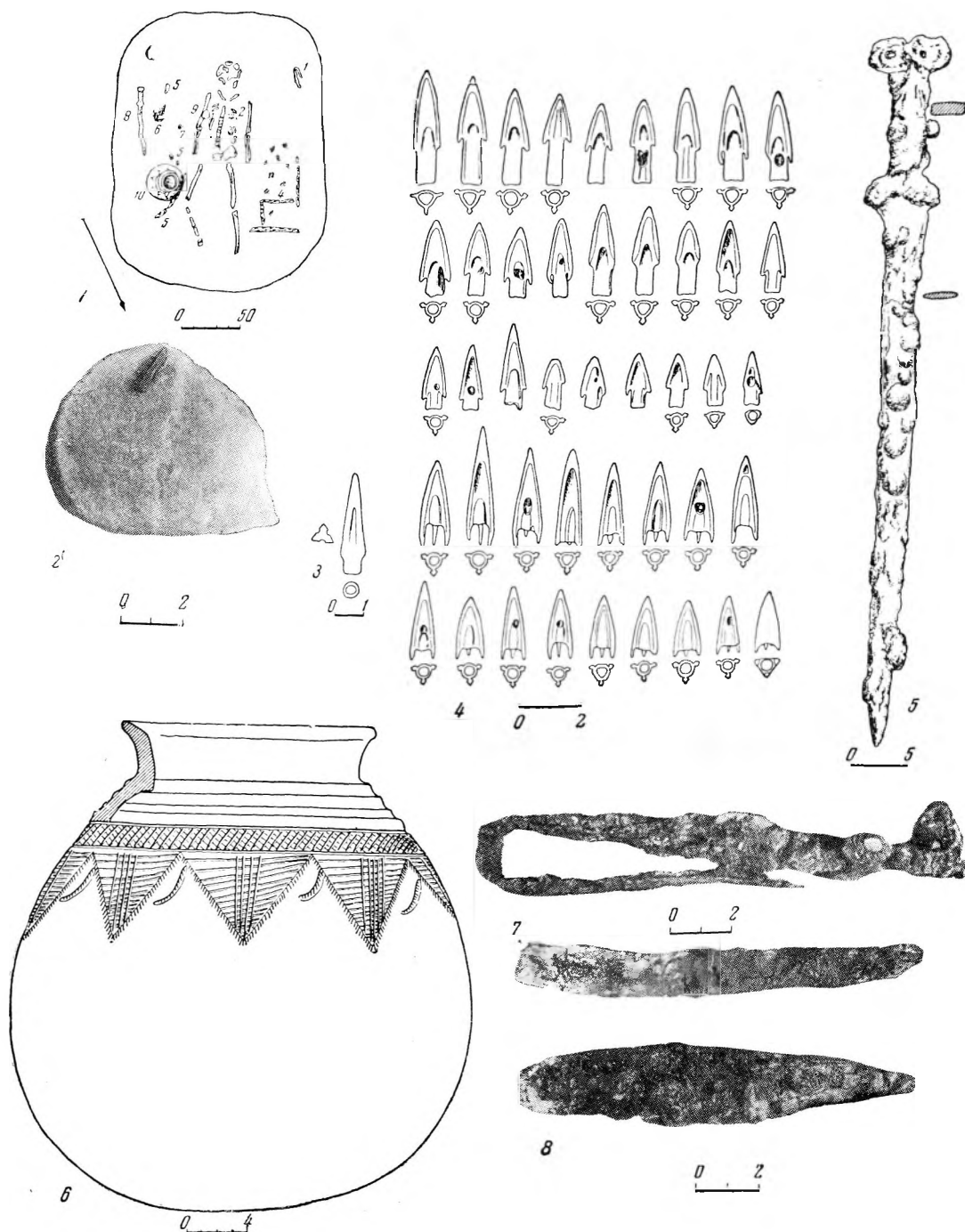

Рис. 13. План погребения и вещи из курганов 18 и 16:

1 — план погребения 1 кургана 18 (1 — железный нож, 2 — древки и наконечники стрел; 3 — наконечник стрелы; 4 — деревянный тлен и остатки корней дерева; 5 — кусочки дерева; 6 — остатки кожного колчана со стрелами; 7 — обломок железа; 8 — железный меч; 9 — плоская галька; 10 — глиняный сосуд); 2 — каменная плитка с бронзовым наконечником стрелы; 3 — бронзовый наконечник стрелы, лежавший на плитке; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — железный меч; 6 — глиняный сосуд; 7 — железный нож; 8 — железные ножи (2—7 — из погребения 1 кургана 18; 8 — из погребения 1 кургана 16)

1 — план погребения 1 кургана 19 (1 — бронзовое зеркало; 2 — железный предмет; 3 — браслет из крупных бусин; 4 — железное кольцо; 5 — бронзовая пряжка; 6 — кости барана); 2 — план погребения 2 кургана 19 (1 — железный нож; 2 — железный крючок; 3 — глиняный горшок); 3 — бронзовое зеркало; 4 — железный нож; 5 — железный браслет; 6 — железный колчанный крючок; 7 — глиняный сосуд; 8 — бронзовая пряжка (3, 5, 8 — из погребения 1; 4, 6, 7 — из погребения 2)

М. Х. Садыкова

САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ БАШКИРИИ

В 1934 г. Уфимской археологической экспедицией ГАИМК, работавшей в дер. Старые Киишки Кармаскалинского района и у хут. Кашкара, близ г. Ишимбаево, были раскопаны два кургана. Один из них, курган IX из группы у дер. Старые Киишки, автором раскопок П. А. Дмитриевым был отнесен к памятникам раннесарматской культуры IV—I вв. до н. э., другой — курган 3 у хутора Кашкара — к памятникам позднесарматской культуры (раскопки К. В. Сальникова)¹.

Отчет об итогах работы названной выше экспедиции опубликован в 1941 г. Находки из названных курганов хранятся в Государственном Эрмитаже², документы полевых исследований и рукопись отчета — в архиве ЛОИА АН СССР³.

Кроме того, в фондах Башкирского республиканского музея в г. Уфе имеются некоторые вещи из курганов Гафурийского, Кармаскалинского, Аургазинского и других южных районов Башкирии, которые также свидетельствуют о пребывании сарматских племен на территории Башкирии.

В течение 1957—1958 гг. были проведены археологические экспедиции ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР, в результате которых выявлены новые курганы в дер. Старые Киишки⁴. В настоящее время здесь

насчитывается 26 курганов. Произведены раскопки четырех новых курганов этой группы (XI, XII, XIV, XX). Материал погребений также относится к сарматской культуре последних веков до нашей эры. Разведочной археологической экспедицией ИИЯЛ в 1958 г. выявлены более 530 курганов в Федоровском, Стерлитамакском, Стерлибашевском и Кармаскалинском районах. Некоторые из них также могли быть оставлены сарматскими племенами.

В археологической литературе еще мало работ, посвященных исследованию сарматских памятников Башкирии. Кроме упомянутого отчета П. А. Дмитриева и К. В. Сальникова, об одном из погребений кургана IX у дер. Старые Киишки упоминается в работе К. В. Сальникова⁵. И только в работе А. П. Смирнова⁶ обобщен материал сарматских памятников Башкирии.

Данная статья ставит своей целью дать характеристику сарматского материала с включением в него ряда новых находок и материалов археологических раскопок 1957 г.

Известные памятники сарматской культуры Башкирии по своему характеру могут быть разделены на памятники последних веков до нашей эры и памятники первых веков нашей эры.

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Город Уфа — станция Ишимбаево. — Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М — Л., 1941, стр. 135—145.

² ГЭ, № 1693.

³ Архив ЛОИА, д. 173, 175.

⁴ В отчете П. А. Дмитриева и К. В. Сальникова

указано, что курганная группа у дер. Старые Киишки состоит из 15 курганов.

⁵ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орск — МИА, № 1, 1940, стр. 121—138.

⁶ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. — МИА, № 58, 1957.

САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

К памятникам последних веков до нашей эры могут быть отнесены курганы IX и XIII из группы у дер. Старые Кишки Кармаскалинского района⁷; находки из курганов у дер. Ильтуганово; отдельные находки из Гафурийского, Аургазинского и других районов Южной Башкирии.

Курганы IX и XIII расположены на второй надпойменной террасе р. Белой, на ее левом берегу и занимают всю юго-восточную и юго-западную часть дер. Старые Кишки (рис. 1).

Курганы круглые. У хорошо сохранившихся курганов северная часть более круглая.

Курган IX, высотой 50 см, имел диаметр 21 м. Раскопки его велись большим квадратом, площадью 12 × 12 м. Бровки разделяли площадь раскопа на четыре квадрата, по 36 кв. м каждая⁸.

С восточной стороны пола кургана прорезалась траншеей, которая шла далеко в поле. Длина ее 17,5 м. Траншея в своем профиле обнаружила ровик шириной около 4 м, глубиной 0,85 м от современной поверхности.

Находки, состоящие из костей домашних животных (овцы, лошади, коровы), были расположены по всей площади раскопа глубиной 35 см.

В кургане было обнаружено десять погребений с двенадцатью костяками, из них восемь погребений одиночных и два — парных (погребения 3, 9). Погребения были совершены в ямах, вырытых или в древнем почвенном слое (погребения 1, 2) или в грунтовом суглинке на разной глубине. Два погребения совершены в старых могильных ямах.

В погребении 1 находился костяк мужчины. Справа от черепа стоял глиняный горшок с двумя ушками (рис. 2, 1), около левого плеча — несколько железных и один бронзовый наконечник стрелы. Вдоль правого бедра лежал железный кинжал с сер-

повидным навершием и прямой крестовиной (рис. 2, 2); в ногах, около ступни, — бедренная и пястная кости барана и среди них же был найден железный нож.

Погребение 2. Костяк взрослого человека лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Череп был повернут лицом к ногам. Ноги и руки сильно согнуты. Около ступни левой ноги лежал кусок мела, а справа от таза — кости барана.

Погребение 3 (парное). Могила вырыта в гумусном слое; дно могилы находилось в верхнем слое суглинка. Форма могильной ямы не установлена. В засыпке могилы была найдена перержавевшая пластинка (часть меча). В могиле обнаружено два мужских костяка.

Костяк 1 (справа) плохой сохранности. При нем около левого плеча были найдены шесть бронзовых и несколько железных спекшихся наконечников стрел с сохранившимися частями древков; в области поясничных позвонков — железная перержавевшая пластинка; между кистью левой руки и левым бедром — такая же пластинка; справа около таза — железный меч без крестовины, конец которого уходил под правое бедро. Около рукояти и острия меча под ним — две круглые бронзовые бляхи, украшенные шишечками и псевдофилигранью, лежавшие лицевой стороной вниз. Под ними оказались остатки шерстяной ткани и дерева. Между бедренными костями — пять или шесть бронзовых обоймиц в виде колечек, надетых на ремешок и лежавших на ткани и дереве; около кисти левой руки — две такие же обоймицы. Около правого колена — кости барана; в 50 см от правой ступни — глиняный сосуд (рис. 2, 3) с узким горлом и одной ручкой.

Костяк 2 (слева) тоже плохой сохранности. При нем около ступни правой ноги были найдены пять бронзовых наконечников стрел, лежавших остриями вниз, и несколько спекшихся железных; около левой берцовой кости — четыре ребра крупного животного.

Погребение 4. Скелет женщины был ориентирован головой на юг. Череп и грудная клетка — выше ног. Это, как объясняет автор раскопок, результат того, что погреб-

⁷ Сведения о наличии курганов в данной деревне впервые были сообщены учителем Х. Мифтаховым и проверены М. И. Касьяновым.

⁸ При описании погребений этого кургана и кургана 3 у хут. Кашкара используются отчеты П. А. Дмитриева и К. В. Сальникова. — Архив ЛОИА, д. 173, 175.

бение было совершено в старой могильной яме, и поэтому рыхлая земля под ним неравномерно осела. Около костяка было найдено пряслице из обломка посуды. Около левого бедра и ступней ног — фаланги коровы и барана.

Погребение 5 совершено в яме, вырытой в древнем почвенном слое и в верхнем слое суглинка. Костяк женщины лежал головой на юго-юго-восток. Справа от костяка, около левого бедра, были положены кости барана. Около них обнаружены черепные кости ребенка.

Погребение 6 — женское, на глубине 1,2 м, в яме, вырытой в старом почвенном слое и в верхнем слое суглинка. Голова костяка была ориентирована на юг. Туловище лежало выше ног. Оно, как и погребение 4, было впущено в старую могилу. Положение костяка зависело от тех же причин. Справа от черепа при костяке найдены кусок мела, крупинки красной краски и каменная плитка с перехватом, южнее черепа — куски мела; около берцовых костей правой ноги — кости барана и среди них — обломок железного ножа; слева от костяка, около берцовых костей, — маленький толстостенный сосудик с отверстием в стенке (рис. 2, 4). Около шейных позвонков — 70 бусин из черного стекла, между локтевой и лучевой костями правой руки — 51 такая же бусина, около сгиба левой руки, справа от нее, — 53 таких же бусины. В этом же погребении было найдено керамическое пряслице.

Погребение 7 девочки в яме неправильно-четыреугольной формы, с закругленными углами, вырытой в суглинке. Длина могилы — 1,6 м, ширина — 80 см, глубина — 40 см, стенки ямы отвесные. Костяк был ориентирован головой на юго-юго-восток.

Около костяка были найдены: справа от черепа — круглодонный горшок (рис. 2, 5), слева от черепа — костяная лопаточка, расколота на три части, глиняная чашка, сделанная на гончарном круге (рис. 2, 6); у правого плеча лежали куски мела; на правом виске — часть маленького проволочного золотого колечка; около левого виска — бронзовое височное колечко; в области шейных позвонков и левой лопатки — как бы наизанные на нитку четыре стеклянные рубленые бусины (подобные найденным в погребении 6) — 29 штук; около запястья правой и левой рук — 14 стеклянных бусинок

с легкой позолотой; слева, около бедра левой ноги, — глиняное пряслице из черепка; немного ниже пряслица — трехгранный наконечник стрелы из железа; у берцовых костей правой ноги стоял круглодонный горшок (рис. 2, 7); около правого плеча — кусок мела; в северо-западном углу могилы — кости животного.

Погребение 8 — мужское, в яме неправильно-овальной формы, 2,6 м длиной, 80 см шириной и 45 см глубиной, считая от границы между древним почвенным слоем и суглинком. Стенки ямы были отвесными. Костяк ориентирован головой на юго-юго-запад. Около него были найдены: справа от бедра — кинжал с прямой крестовиной и серповидным навершием (рис. 2, 8); в северо-западном конце ямы, в ногах, — кучка сильно спекшихся железных наконечников стрел (не менее 13) и один бронзовый наконечник с остатками дерева; около стрел — бараньи кости и обломок наконечника железного копья.

Погребение 9 — парное (юноша и девочка). Яма вырыта в суглинке до глубины 1,4 м. Над этим погребением было совершено более позднее погребение 6. Поэтому форма могильной ямы не установлена.

Погребение обнаружено при расчистке погребения 6. Юноша лежал справа от девочки. Оба костяка ориентированы головой на юг. Сохранность их очень плохая.

При первом костяке (юноши) найдены: около правого плеча — стеклянная мозаичная бусина (рис. 2, 13), около кисти правой руки — стеклянная бусина с легкой позолотой; около правого бедра — бронзовый кинжал с прямой крестовиной (рис. 2, 9)⁹, около левой ступни — десять бронзовых наконечников стрел с остатками древков и дерева под ними; около стрел — бараньи кости, из которых одна лежала на левой берцовой кости скелета; над левой ступней был найден железный нож.

Около другого костяка были обнаружены: в области шейных позвонков — две рубленные стеклянные кольчатые бусинки; в области поясничных позвонков — 11 стеклянных рубленых черных бусин и одна с позолотой; у кисти левой руки — бусы из черного стекла; две бусинки стеклянные с позолотой и две рубленные из синего стекла (рис. 2, 13).

Погребение 10 — мужское, в яме, вы-

⁹ Навершие не сохранилось.

рытой в суглинке. Длина ямы — 2,05 м, ширина — 1,05 м, глубина от границы старого почвенного слоя и суглинка — 47 см. Форма ямы — неправильный овал; стенки — отвесные. Над этим погребением совершенно более позднее погребение 4. Костяк хорошей сохранности лежал головой на юг. Левая нога слегка согнута в колене. Около костяка были найдены: в южном конце ямы, около стенки, — большой глиняный сосуд (рис. 2, 10); справа от костяка, между локтевой костью и грудной клеткой, — длинный железный меч с прямой крестовиной (рис. 2, 11); между мечом и правым бедром — железный кинжал с прямой крестовиной и серповидным навершием (рис. 2, 12); между ног — железный нож; на левом бедре — части железного перержавевшего кольца; на тазу справа — железное перержавевшее кольцо со стержнем; справа от ступни правой ноги — кости барана и около них — железный нож; около левой ступни — кучка стрел с бронзовыми и железными наконечниками и остатками древков. Из них бронзовых 63 наконечника. Железные наконечники имеют очень длинные стержни.

Курган XIII, раскопанный в 1957 г., был расположен на улице деревни, за огородами колхозников. Высота кургана 60 см, диаметр 22 м (рис. 3, 1). Раскопки проводились кольцевым методом, по секторам, ориентированным по странам света. Насыпь состояла из чернозема. По всей площади раскопа в насыпи встречались отдельные, очень мелкие кости животных. Кроме того, в насыпи кургана были найдены: каменная зернотерка с терочником (рис. 3, 2); железные удила с крестообразными псалиями, кольцо (рис. 3, 3, 4) и поделка из железного листа конической формы, внутри полая (рис. 3, 5).

Курган содержал 14 погребений, из них 13 одиночных и одно погребение парное (рис. 3, 1), пять погребений детских (1, 2, 6, 7, 9); пять погребений женских (3, 5, 10, 12, 14), три — мужских (8, 11, 13) и одно погребение (4) содержало мужской и женский костяки.

Погребение 1 — детское, находилось в северо-восточном секторе кургана (рис. 3, 1). Оно было совершенно в почвенном слое, на глубине 63 см, поэтому форма могильной ямы не прослеживается. От него сохранились лишь обломки детской черепной коробки и кость барана.

Погребение 2 (рис. 3, 1) — детское, также было обнаружено в северо-восточном секторе кургана, на глубине 1,2 м. Форма ямы не прослеживается, от детского костяка сохранились лишь один зуб и череп в мелких обломках.

Погребение 3 — женское, находилось в северо-восточном секторе (рис. 3, 1). Могильное пятно обнаружено на глубине 1,54 м. На глубине 1,2 м появился древесный тлен, который совпадал с могильным пятном. Могила была перекрыта деревом. Ее форма — прямоугольная с закругленными углами, стенки отвесные, дно прямое. Длина ямы 2,05 м, ширина в центре 90 см, глубина (в грунте) 20 см. Женский костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юг. Правая рука тесно прижата к туловищу, левая — чуть откинута. Ноги в коленях тесно сдвинуты.

В изголовье костяка, с обеих сторон черепа, лежали камни из красного песчаника; на шейных позвонках и грудной кости были найдены бусины лигнита и стеклянные с легкой позолотой, общим количеством 171; на правой локтевой кости, ближе к предплюснам, — костяной амулет (рис. 4, 1); с наружной стороны правой берцовой кости — керамическое пряслице плоской формы (рис. 4, 2); на запястьях обеих рук — стеклянные бусины, черные и позолоченные; с наружной стороны левого бедра найдена еще одна стеклянная бусина; ближе к западной стенке, на расстоянии 12 см от нее — камень из красного песчаника; на левом бедре — маленький кусок мела; между ступнями ног — железный нож (рис. 4, 3). На берцовых костях левой ноги, ниже голени, прослеживался беловатый налет.

Погребение 4 — парное (мужчина и женщина). Могильное пятно, ориентированное с юго-запада на северо-восток, было обнаружено в северо-восточном секторе, на глубине 1,7 м (рис. 3, 1). Форма ямы — прямоугольная с округлыми углами. Длина ямы 2,5 м; ширина 1,6 м, глубина от уровня материка 20 см.

Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юго-восток. Ноги мужского костяка раздвинуты, у женского — сдвинуты в коленях, левая рука чуть откинута.

В головах мужского костяка с левой стороны лежала на боку курильница (рис. 4, 4), с левой же стороны от пояса — железный

однолезвийный меч в трех обломках (рис. 4, 5). Между ног, ближе к ступне левой ноги, лежало в кучке 10 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел с обломками древков (рис. 4, 6). У толени правой ноги с наружной стороны — кости барана, ниже их — железный нож (рис. 4, 7). Под ступней левой ноги лежали обломки тонкой каменной плитки, под ними — бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 4, 6), под тазовой костью обнаружен обломок круглой железной пряжки, половина другой такой пряжки — с наружной стороны правой голени.

Женский костяк лежал с левой стороны мужского костяка, на расстоянии 28 см от него, на одном уровне. При нем обнаружено: справа от таза — железная корнекопалка (рис. 4, 8); у правой голени, с наружной стороны, — железная пряжка в обломках, с наружной стороны берцовых костей правой ноги — ножная кость овцы, выше ее — железный нож (рис. 4, 9).

Погребение 5 — женское, находилось в юго-восточном секторе (рис. 3, 1). Могильное пятно, ориентированное с юго-запада на северо-восток, было выявлено на глубине 1,2 м. Форма могилы — прямоугольная с закругленными углами, несколько суживающаяся к ногам. Длина ямы — 1,6 м, ширина — 75 см, глубина от уровня материка — 1,05 м.

На глубине примерно 90 см в могильной засыпке, у южной стенки, находились мелкие угольки. Угли были обнаружены и с правой стороны черепа костяка, в северной стенке могилы и под ступней левой ноги. Костяк головой был ориентирован на юго-запад.

При костяке было найдено: возле шейных позвонков и на них — 33 бусины от ожерелья (рис. 4, 10); из них две черные, лигнитовые, фигурные, две сердоликовые, восемь коралловых, 24 стеклянных; с правой стороны черепа, у первого и второго шейного позвонка, была найдена серьга из бронзового колечка с заходящими концами, обернутая листовым золотом (рис. 4, 12); между ногой и кистью левой руки — 50 бусин из черного стекла (рис. 4, 10); у правой ноги и под ступнями — куски мела; в ногах, у восточной стенки, стоял глиняный горшок (рис. 4, 11); ниже голени правой ноги (на берцовых костях) — лопатка барана; мелкие обломки бараньих костей лежали и вдоль левой ноги костяка, под шейными

позвонками и под правой стороной грудной клетки. Глина под костяком черного цвета, от тазовой кости и дальше к ногам этот слой утолщается.

Погребение 6 — детское, находилось в северо-восточном секторе (рис. 3, 1). На глубине 1 м, в насыпи, обнаружены два сосуда, из-под которых выступала кость барана.

Один сосуд в виде горшочка, другой — в виде чаши, опрокинутой вверх дном. Под чашей оказался череп младенца, рядом — кости ног барана. Судя по положению черепа, костяк был ориентирован на запад. Под находками и возле них чуть прослеживался беловатый налет. К этому погребению может быть отнесена одна цилиндрическая пастовая бусина, найденная вблизи описанных находок на глубине 1,9 м.

Погребение 7 — детское, в юго-восточном секторе, в насыпи (рис. 3, 1). От костяка сохранились отдельные куски черепа и несколько костей грудной клетки. Из погребального инвентаря были найдены: глиняный сосуд (рис. 4, 13), железный колокольчик (рис. 4, 14) и куски мела.

Погребение 8 — мужское, в северо-восточном секторе кургана (рис. 3, 1). Могила ориентирована с севера на юг, форма — прямоугольная с округленными углами. Длина могильной ямы 1,4 м, ширина — 75 см, глубина — 50 см, костяк лежал на спине, в вытянутом положении, головой на юг, левая рука чуть откинута, ноги сомкнуты в коленях.

У головы костяка, в юго-восточном углу могилы, стоял глиняный горшок красно-желтого цвета очень хорошей сохранности (рис. 5, 1); у тазовой кости, в верхней части левого бедра — железная пряжка в двух обломках (рис. 5, 2); в ногах остриями вниз, лежало 25 железных черешковых наконечников стрел с древками (рис. 5, 3); вместе с ними — пять бронзовых, трехгранных, втульчатых наконечников, вдоль восточной стенки могилы, на уровне правого бедра, — кости ног и астрагалы барана, под ступней правой ноги найден железный нож (рис. 5, 4).

Погребение 9 — детское, в юго-восточном секторе, на глубине 80 см (рис. 3, 1). От него сохранились лишь глиняный сосуд (рис. 5, 5) и обломок изделия из хрусталя.

Погребение 10 — женское, находилось в северо-западном секторе и своим юго-восточным углом заходило в юго-западный сектор (рис. 3, 1). Могильное пятно

было выявлено на глубине 1,2 м. Форма ямы овальная, с неровными стенками и ровным дном. Длина 2,3 м; ширина в северной части 1,13 м; в южной части 1,2 м, углублена в грунт на 1,23 м. Длинной стороной могила ориентирована с северо-востока на юго-запад. Костяк лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на юго-запад, ноги тесно сомкнуты в коленях. Он лежал ближе к восточной стенке, на настиле из досок. Поверх него прослеживался беловатый налет. В могильной засыпке этого погребения была найдена челюсть лошади.

Под головой и у правого виска были найдены куски мела и обломки от красноглиняного сосуда (рис. 5, 6), под шейными позвонками — четыре круглых стеклянных позолоченных бусины, такие же бусины в форме серпа были расположены у левого плеча костяка и у шестого и седьмого спинных позвонков. На предплюснах правой руки лежало зеркало круглой формы, с выступающим ободком и с черешком-ручкой. На зеркале местами сохранился остаток деревянного футляра с кожаной прокладкой (рис. 5, 7); около зеркала — случайно попавшая в могилу современная вещь из литой стали (металл определен в лаборатории Института археологии АН СССР) (рис. 5, 8); у левой голени — два небольших глиняных сосулика (рис. 5, 9, 10), на обеих ногах лежали кости ног и лопатка барана; в юго-восточном углу могилы, в головах костяка, стоял глиняный сосуд (рис. 5, 11); под черепом — бронзовый наконечник стрелы (рис. 5, 12); под костями барана — железный нож (рис. 5, 13).

Погребение 11 — мужское, было обнаружено в северо-западном секторе (рис. 3, 1). Длина могилы 2,15 м, ширина 87 см, углублена в грунт на 46,5 см. Могила ориентирована с севера на юг, с небольшим отклонением к востоку. Костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на юг. С правой стороны от бедра костяка вдоль ноги был обнаружен железный меч с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 6, 1); под ним — железный кинжал с подобным же навершием и перекрестием, у ступни правой ноги близ северо-восточной стенки стоял глиняный сосуд красноватого цвета (рис. 6, 2); у бедра правой ноги с наружной стороны — железный крючок (рис. 6, 3); между ногами — железный нож (рис. 6, 4); у левой бедренной кости — же-

лезная пряжка с неподвижным язычком (рис. 6, 5); у левой берцовой кости были найдены бронзовые и железные наконечники стрел, лежавшие в колчане (рис. 6, 7). На этой же кости был обнаружен второй железный нож (рис. 6, 6), а на правой берцовой кости — кости барана, между ступнями — позвонки рыб.

Погребение 12 — женское, расположено в северо-западном секторе (рис. 3, 1). Могила ориентирована с северо-запада на юго-восток. Это погребение, как и погребение 8, занимает как бы центральное положение. Длина могильной ямы 2,2 м; ширина 0,5 м; углублена в грунт на 65 см. Форма могилы — прямоугольная с округлыми углами. Погребение было разграблено в древности. Череп человека, частично сохранившийся, был обнаружен в северо-западном углу, на глубине 8 см от уровня грунта, севернее от него была найдена нижняя челюсть. Другие кости скелета находились глубже, причем между костями человеческого скелета были обнаружены лопатка овцы и одно ребро коровы.

Из инвентаря найдены: разбитый горшок (рис. 6, 8) и 94 бусины (лигнит, стекло), которые в основном группировались в юго-западном углу могилы. Некоторые из них встречались и в ее северной половине; здесь же найдены мелкие бронзовые обломки.

Погребение 13 — мужское, основной своей частью оно находилось в юго-западном секторе, северная половина его частично заходила в северо-западный сектор (рис. 3, 1). Ориентирована могила с северо-запада на юго-восток. Длина могилы 2,55 м, ширина 1,1 м, углублена в грунт на 30 см. Форма — прямоугольная с округлыми углами. В могиле, у юго-западной ее стенки, имеется ступенька, длиной почти во всю стену (1,65 м), шириной 19 см, высота от дна ямы 13 см.

Костяк мужчины лежал у юго-западной стенки, вплотную к ступеньке, вытянуто, на спине, руки были тесно прижаты к туловищу, ноги слегка расставлены; костяк ориентирован на юго-восток, лицом к востоку.

При костяке найдено: в головах, в юго-западном углу — глиняный горшок (рис. 6, 9); вдоль правого бедра — железный кинжал, длиной в 33 см с серповидным навершием и прямым перекрестием, направленный острием вниз (рис. 6, 10); между ног, на уровне голени, в кучке лежали бронзовые, желез-

ные и костяные наконечники стрел (рис. 6, 11, 14, 16); у ступни левой ноги, с наружной стороны был прослежен тлен алого цвета; на пальцах левой ноги — обломок железного кольца (рис. 6, 12); между ног, ближе к ступням, — кости ног овцы; у правого бедра, под тазовой костью, — железная корнекопалка (рис. 6, 13), ниже ее — колчан с набором наконечников стрел; у правой голени, с внутренней стороны, — железный нож (рис. 6, 15).

Погребение 14 — женское, обнаружено в юго-западном секторе (рис. 3, 1). Могила прямоугольной формы, вытянута с запада на восток. Длина ямы 2,6 м, ширина 1,27 м, углублена в материк на 1,2 м. У южной стенки могильной ямы имелась ступенька шириной в 50 см на расстоянии 64 см от дна могилы. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на восток.

У черепа — находился мел; вокруг шейных позвонков — бусы из розового коралла (рис. 7, 1 — пятая нитка); бусины из лигнита, сердолика и розового коралла — у кисти левой руки, левой и правой бедренной кости, чуть ниже локтя правой руки (рис. 7, 1); у правой руки, среди бусин — кость барана; у ступни левой ноги — ритуальный сосудик из мягкого камня в виде лады (рис. 7, 2); чуть ниже его — другой глиняный сосудик в виде плошки (рис. 7, 3); в северо-западном углу стоял кувшин красной глины с ручкой (рис. 7, 4); у северо-западной стенки могилы лежали кости барана и возле них в землю был воткнут железный нож (рис. 7, 5).

Погребение в дер. Ильтуганово Кармаскалинского района было обнаружено случайно летом 1956 г. при разработке карьера. Курган был расположен на возвышенности, на правом берегу маленькой речушки. По словам колхозников, доставивших находки в Башкирский музей краеведения¹⁰, в кургане находились два костяка. Никаких сведений о форме кургана, могильных сооружений и о положении костяков получить не удалось.

Среди находок, доставленных в музей, имеются: железный кинжал с серповидным наконечником и прямым перекрестием, рукоять и лезвие кинжала имеют ромбическое сечение (рис. 8, 1); бронзовая, восьмеркообразная пряжка (рис. 8, 2); бронзовый крючок

(рис. 8, 3) и предмет круглой формы неопределенного назначения из очень легкого материала, на одном конце которого в изломе виден след круглого отверстия.

Ко времени создания этих курганов относится железный меч, найденный на горе Курман-тау Гафурийского района. Длина меча 1 м. Рукоять прямая, широкая, перекрестие слегка изогнуто, навершие серповидное, очень слабо изогнутое (рис. 8, 4, 5).

В этом же районе, в дер. Дмитриевка, найдены два железных меча с серповидным наконечником и прямым перекрестием (рис. 8, 6, 7)¹¹. Длина одного из них 57 см, другого — 53 см.

В экспозиции музея краеведения в Уфе имеются меч и сосуд, найденные в одном из южных районов Башкирии (район неизвестен). Меч железный, очень плохой сохранности, с серповидным наконечником. Сосуд, найденный вместе с ним, по своей форме близок к баночному типу, со слабо раздутым туловом, невысокой шейкой и слегка отогнутыми краями (рис. 8, 9).

В дер. Асавбашево Аургазинского района найден сосуд с раздутым, частично сохранившимся, туловом. Горловина сосуда широкая, отогнутая. Сосуд украшен тремя нарезными линиями, расположенными по шейке; ниже их — волнистая полоса, заштрихованная косыми линиями, короткими линиями (рис. 8, 8). Вместе с ним найдены бронзовые, трехгранные, втульчатые наконечники стрел.

К памятникам, испытавшим на себе влияние раннесарматской культуры, также может быть отнесено погребение, обнаруженное в 1954 г. в г. Уфе Р. Б. Ахмеровым¹². По словам автора раскопок, погребение находилось на вершине горы, в конце ул. Аксакова, почти у самой поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении, головой на север, ногами к реке. В насыпи могильной ямы встречены угольки. При костяке были найдены: трехгранные наконечники стрел, бронзовые, втульчатые¹³; массивный железный меч, длиной 75 см, с наконечником, слегка изогнутым вверх, близким к так называемому серповидному, перекрестие чуть изогнуто вниз, наибольшая ширина лезвия —

¹¹ Там же, № инв. оп. 386, 386а.

¹² Находки хранятся в музее г. Уфы, экспозиция зала № 2.

¹³ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени. — СА, 1959, № 1, стр. 158, рис. 2.

¹⁰ Башкирский республиканский музей краеведения, Уфа, № инв. оп. 5315-18.

8 см¹⁴; шейная гривна с далеко заходящими концами из круглой в сечении бронзовой проволоки, обложенной листовым золотом¹⁵.

Погребальный обряд описанных памятников отличается однообразием. Все могилы находились под одной курганный насыпью. Погребения, за небольшим исключением, в основном одиночные. Большинство могил неправильно-удлиненной формы, с почти отвесными стенками, с плоским и ровным дном. В могилах, как правило, никаких сооружений не обнаружено, кроме ступенек, встреченных в нескольких могилах кургана XIII, а в погребении 3 кургана XIII поверх засыпки сохранились остатки древесного тлена. В некоторых погребениях на дне могильной ямы прослежен тлен от дерева и остатки шерстяной ткани.

Почти все костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями. Очень слабая скорченность ног наблюдается в погребении 5 кургана XIII. Можно отметить, что для мужских костяков характерно положение, при котором ноги слегка расставлены, а у женщин — тесно сдвинуты в коленях. Часто встречается положение, когда правая рука тесно прижата к туловищу, а левая — чуть откинута в сторону. Ориентировка костяков южная с незначительным отклонением на восток или запад, за исключением одного костяка в погребении 14 кургана XIII, где костяк лежал головой на восток.

К ритуальным особенностям описанных могил относятся найденные в погребениях кости барана (почти в каждом погребении). Обычно это отдельные части скелета барана, чаще одна нога, реже — нога и лопатка. В некоторых погребениях найдены куски мела, меловая подсыпка, камешки из красного песчаника или обломки красноглиняного сосуда и следы красной краски.

Описанный погребальный обряд находит наиболее близкие аналогии в раннесарматских памятниках Нижнего Поволжья¹⁶ и

¹⁴ Там же, стр. 158, рис. 3.

¹⁵ Там же, стр. 159, рис. 4.

¹⁶ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 30, 31, 43—48, 56—60, 75; дер. Бородаевка, курган F 1, погребения 1, 2; совхоз «Красный Октябрь», курган F 10, погребения 4, 5, 11; с. Усатово, курган F 18, погребения 1, 2, 3; с. Макаровка, курган G 2, погребение 2.

¹⁷ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования в Западном Казахстане. — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 100—102;

Западного Казахстана¹⁷ IV—II вв. до н. э.

Общим является «устройство могил в курганах более раннего времени, использование старых могил, наличие нескольких погребений под одним курганом, удлиненно-прямоугольные ямы, в большинстве случаев южная ориентировка костяков»¹⁸. Некоторое отличие состоит в том, что в Нижнем Поволжье в курганах встречаются катакомбы и гробы, а в наших курганах они не обнаружены.

Керамический материал сарматских памятников последних веков до нашей эры состоит из горшков, кувшинов, чаш и курильниц. Всего в двух курганах у дер. Старые Кишки найдено 26 сосудов.

Горшок из погребения 1 кургана IX небольшого размера, с шаровидным туловом, округлым дном и прямым, невысоким горлом (рис. 2, 1). У него на плечиках имеются ручки-ушки и почти на самом дне — два сквозных отверстия. Высота его 9 см, диаметр тулова 10 см. Техника изготовления ручная, глина с примесью измельченной раковины. Сосуд, должно быть, служил для сцеживания молочных продуктов (дырочки на дне и ручках — ушки для подвешивания). Хотя совершенно точных аналогий этому горшку указать нельзя, известно, что круглодонные горшки с ушками (одним или двумя) встречаются в раннесарматских погребениях Нижнего Поволжья¹⁹.

В погребении 3 этого же кургана был найден кувшин с невысокой шейкой, слегка отогнутыми краями, плоским дном и одной ручкой (рис. 2, 3). Высота его — 18 см, диаметр устья — 9,5 см. Сосуд орнаментирован по тулову, шейке и ручке двойными нарезными линиями. Цвет сосуда красный, примесь в глине — галька. Аналогичной формы сосуды также имеются в курганах Нижнего с. Джангала, курган 3, погребение 2; курган 4, погребения 2, 3.

¹⁸ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 113.

¹⁹ Там же, стр. 38, рис. 10; стр. 40, рис. 13; стр. 58, рис. 33; И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). — МИА, № 60, 1959, стр. 109, рис. 34, 5, стр. 113; рис. 36, 3, стр. 151; рис. 51, 2; К. Ф. С м и р н о в. Быковские курганы. — МИА, № 78, 1960, стр. 172, рис. 3, 7.

²⁰ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 31, рис. 1; е го же. Археологические исследования в Западном Казахстане, стр. 136, рис. 37; P. R a u. Die Hügelgräber gömischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, S. 19, Abb. 17, S. 57, Abb. 87H; К. Ф. С м и р н о в. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталин-

Поволжья раннесарматского и среднесарматского периодов²⁰.

В погребении 6 встречен миниатюрный ритуальный сосудик чашевидной формы. Стенки его очень толстые и вертикально срезанные. Дно слегка утолщенное, округлое. На одном его боку, в стенке имеется небольшое отверстие (рис. 2, 4). Этот тип курильницы известен в раннесарматских курганах Оренбургской области²¹ и особенно в Нижнем Поволжье²².

В погребении 7 найдено три сосуда. Один из них — горшок шаровидной формы с небольшой шейкой и слегка отогнутым краем. Дно округлое, слегка уплощенное. Высота его 14 см, диаметр горла — 10 см (рис. 2, 5).

Другой горшок небольшой, тонкостенный, с прямыми несимметричными, слегка суживающимися стенками, отогнутым краем и округлым дном. Орнамент отсутствует. Высота его 7,3 см, диаметр 7,5 см (рис. 2, 7). Аналогичные формы сосудов в Поволжье раннесарматского времени обычны.

Третий сосуд — тонкостенная чаша полусферической формы с прямыми краями, небольшим плоским дном (рис. 2, 6). Чаша темно-красного цвета из хорошо отмученной глины, хорошего обжига. Высота чаши — 5,3 см, диаметр — 11,5 см. Чаша в древности была разбита, но затем была восстановлена, для чего в стенках просверлены отверстия. Если два первых сосуда из этого погребения являются обычными для раннесарматских погребений, то описываемая чаша отличается от них по технике изготовления и по цвету и, возможно, была не местного производства. Среди керамики сарматских памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья сосуды подобной формы не типичны, но они довольно часто встречаются в комплексах усуньской культуры Семи-речья.

Здесь в некоторых погребениях они найдены в некоторых погребениях области. — МИА, № 60, 1959, стр. 284, рис. 30, 1; В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник. — МИА, № 60, 1959, стр. 455, рис. 47, 7.

²¹ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. — «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV. М., 1928, стр. 150, рис. 5.

²² И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, табл. 4, 3; его же. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 131, рис. 44, 3; В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник, стр. 455, рис. 47, 3; стр. 479, рис. 53, 5; К. Ф. С м и р н о в. Быковские курганы, стр. 209, рис. 15, 1.

дятся в большом количестве. Так, в курганном могильнике в районе г. Каракола (восточный берег Иссык-Куля) в четырех могилах найдено 23 чаши²³. Встречаются чаши и в кургане 2 у пос. Чильпек (в 4—5 км от г. Каракола) и во втором Бурагинском кургане (долина р. Чу, в 12 км от г. Токмака)²⁴. Усуньские курганы датируются III в. до н. э. — I в. н. э. Для них характерен инвентарь сарматского типа.

В погребении 10 найден довольно большой горшок шаровидной формы, дно округлое, горло невысокое прямое. Высота 22 см, наибольший диаметр тулова — 24 см. Орнамент отсутствует, цвет желто-красный. Стенки очень толстые. Обжиг слабый. В глине — примесь измельченной ракушки (рис. 2, 10).

Горшки из погребений кургана XIII при общем сходстве между собой по форме тулова, отличаются друг от друга в основном по формам горла. В отличие от сосудов из кургана IX они почти все орнаментированы.

Горшок из погребения 5 имеет шаровидное тулово, хорошо выраженную шейку, ограниченную отогнутым бортиком. Шейка отделена от корпуса острым уступом. Высота 14 см, диаметр горла 7 см, диаметр тулова 16,9 см. Цвет темно-серый. Примесь в глине — толченая ракушка, следы слюды (рис. 4, 11). Аналогичные формы сосудов встречаются в раннесарматских погребениях у пос. Нежинского Оренбургской области (IV—II вв. до н. э.)²⁵ и в памятниках Нижнего Поволжья²⁶. Однако в подавляющем большинстве здесь шаровидные сосуды с уступом и узким горлом имеют круглое или уплощенное дно.

В детском погребении 6 найдено два сосуда. Один — в виде горшочка, другой — сосудик-курильница. Горшочек имеет высоту 9,4 см, диаметр — 7,5 см, шейка слабо выражена, венчик резко отогнутый, тулово расширяется к уплощенному дну. Примесь в глине — толченая ракушка, в большой массе выступающая на поверхности. Анало-

²³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. — ВДИ, 1938, № 3, стр. 174.

²⁴ Там же, стр. 170, рис. 37, 39, 42.

²⁵ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., стр. 149, рис. 3.

²⁶ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, табл. 1, 3; его же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) — МИА, № 78, 1960, стр. 26, рис. 6, стр. 71, рис. 27, 2.

гичная форма найдена в погребении 7 кургана IX (рис. 2, 7).

Курильница имеет узкое дно с поддоном. Высота ее — 4 см, диаметр горла — 9,5 см. Цвет темно-серый, примесь — крупная ракушка, выступающая на поверхности.

Сосуд из погребения 7 кургана XIII в основном напоминает сосуд из погребения 5 этого же кургана, но отличается более равномерной раздутостью тулова и узким дном. Он орнаментирован по тулову небрежно выполненными косыми зигзагами. Высота его — 12,5 см, диаметр горла — 9,5 см, диаметр тулова — 19 см (рис. 4, 13). Аналогичной формы сосуд найден в кургане G 5 у с. Усатова Саратовской области раннесарматского времени²⁷. Сосуды этого типа, но без уступа, известны также в Калиновском и других могильниках Волгоградской области²⁸.

Хорошо сохранился горшок в погребении 8 кургана XIII (рис. 5, 1). Он красновато-серого, местами желтого цвета, с прямым, невысоким горлом и горизонтально-срезанным венчиком; тулово средней раздутости; глина с примесью толченой ракушки; поверхность сглажена; орнаментирован по плечикам двумя горизонтальными резными линиями, ниже которых идет ряд двойных врезанных треугольников, направленных вершинами вниз. Высота его — 19 см, диаметр горла — 11,4 см, диаметр тулова — 19,2 см. По форме тулова он также относится к типу широко распространенных в сарматских погребениях горшков.

Горшок из погребения 9 близок по своей форме к баночному типу (рис. 5, 5). Высота его 9,4 см, диаметр тулова — 9,1 см; дно уплощенное. В глине — примесь толченой ракушки. Горшочек имеет четыре сквозных отверстия в верхней части по линии излома. Вероятно, он был сломан и позднее скреплен. Аналогичная форма горшков известна и в Поволжье²⁹.

В погребении 10 найдено три горшка. Один из них средних размеров, два других — небольшие.

Горшок № 1 имеет сильно раздутое тулово, округлое, неустойчивое дно, хорошо выраженную шейку, узкое, с отогнутыми края-

ми, горло. Высота его 22,5 см, диаметр тулова 34 см. Толщина стенок 6—10 мм. Цвет сосуда светло-серый, местами с темными пятнами. Сосуд орнаментирован семечковидными вдавлениями, расположенными вокруг шейки, ниже которых идут полукруглые фестончики, образованные тройным рядом резных линий. Орнамент выполнен очень небрежно (рис. 5, 11).

Горшок № 2, высотой 9 см, диаметром горла 8,5 см, имеет шаровидное тулово и отогнутый венчик, дно округлое, неустойчивое (рис. 5, 10). Сосудик № 3 (рис. 5, 9), высотой 6 см, диаметром тулова 8 см, имеет неправильное уплощенное, но довольно устойчивое дно; стенки сосуда толстые (до 1 см), поверхность сглажена, со следами выпавшей примеси, которая состоит из битой ракушки.

Горшок из погребения 11 имеет шаровидное тулово, расширяющееся книзу и переходящее в узкое дно; горло узкое с невысокой шейкой и отогнутым коротким бортиком (рис. 6, 2). В глине заметны следы примеси слюды. Сосуд орнаментирован глубокими резными линиями, опоясывающими тулово и плечики. Между ними проходят два ряда волнистых линий с овальными вдавлениями над ними. Ниже волнистых линий треугольники образуют полосу в виде двойного зигзага и между ними — также овальные вдавления. Высота сосуда — 16 см, диаметр горла — 8,5 см, диаметр тулова в широкой части — 27,5 см.

Горшок из погребения 12 с раздутым туловом и узким прямым горлом имеет плоское дно (рис. 6, 8). В глине — примесь шамота. Орнаментирован глубокими бороздчатыми параллельными линиями, идущими в вертикальном направлении по тулову от самой шейки почти к самому дну. Шейка от горла отделяется двойным рядом глубоких и широких горизонтальных линий. Высота сосуда — 18 см, диаметр горла 8 см, диаметр тулова — 30 см. По своей форме он близок сосуду из могильника Курпе-Бай в Западном Казахстане³⁰. Описанный орнамент широко распространен на сосудах сарматского времени.

В погребении 13 стоял сосуд в форме кувшина (рис. 6, 9) без ручки, с шаровидным туловом и округлым дном; горло высокое, расширяющееся, со слегка отогнутым корот-

²⁷ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 93, рис. 65.

²⁸ В. П. Ш и л о в. Калиновский курганный могильник, стр. 435, рис. 42, 10, стр. 451; рис. 45, 3, 6, 11, стр. 453; рис. 46, 2—5, 8, 11.

²⁹ Р. Рау. Op. cit., S. 14, Abb. 9.

³⁰ И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования в Западном Казахстане, стр. 106, рис. 17.

ким венчиком. Горшок орнаментирован двумя глубокими резными линиями, идущими вокруг плечика, ниже которых расположены треугольники, состоящие из треугольных вдавлений. Цвет сосуда темно-красный, местами темный. В глине — примесь довольно крупной ракушки вместе с галькой и слюдой. Поверхность шероховатая, местами белая от выступающей примеси. Стенки тулова довольно тонкие (до 3—4 мм), у края горла 5—6 мм.

В погребении 14 найден красноглиняный кувшин с ручкой (рис. 7, 4). Кувшин имеет расширенное тулово, переходящее в широкое, плоское дно. Горло у него узкое, венчик резко отогнут. Ручка округлая с широким, треугольным просветом. Плечико от шейки отделяется двойной горизонтальной врезанной линией. Поверхность сосуда очень хорошо сглажена, глина мелкозернистая, хорошо отмученная, с примесью слюды или талька (на вид блестящие, мелкие вкрапления). Сосуд этот по форме, цвету глины и орнаменту близок сосуду из погребения 3 кургана IX (рис. 2, 3).

Курильница из погребения 14 (рис. 7, 3) имеет хорошо выраженную шейку, по плечу проходит выпуклый уступик, орнаментированный глубокими резными линиями, довольно отдаленно напоминающими веревку. Высота сосуда 3,6 см, диаметр горла 6 см. Близкая по форме и орнаменту курильница найдена в кургане у пос. Нежинского Оренбургской области³¹.

Своеобразную форму имеет курильница из парного погребения 4. Она найдена у головы мужского костяка и представляет собой широкую, с низкими краями, плоскую на высоком поддоне (рис. 4, 4). Высота ее — 7,9 см, диаметр плоскости — 9,3 см. По краю бортика плоскость орнаментирована глубокими, резными косыми линиями, а по наружному краю — веревочным орнаментом. Цвет ее темно-серый, в глине — примесь толченой ракушки. Курильницы на поддоне известны в Оренбургской степи и особенно в Поволжье, где они иногда имеют особое отделение внутри сосудика³², как у курильниц эпохи бронзы степного Предкавказья.

Курильница, найденная в погребении 4, является пока что единственной в Башкирии наиболее северной находкой из всех известных до сего времени курильниц подобного типа.

Алебастровая курильница из погребения 14 сделана в виде ладьи (рис. 7, 2). Она как бы состоит из двух частей — внутренней и внешней. Внутренняя имеет ромбовидную форму и выступает над внешней частью, которая образует основание или бортики сосудика. Края этой нижней части оканчиваются прямо срезанными широкими «носами», на одном из которых имеется круглое отверстие. Стенки бортиков орнаментированы глубокими резными линиями в виде двойных треугольников, направленных вершинами вверх и вниз. На дне курильницы, с наружной стороны, в центре, имеется выпуклый поддон с шишечкой посередине. Обращает на себя внимание одна деталь на курильнице: ясно видны какие-то знаки, прочерченные острым предметом. Имея в виду назначение этого предмета, можно думать, что знаки имели магическое значение. Сосудик тщательно сглажен, форма его правильная и представляет собой довольно изящное и оригинальное изделие.

Среди отдельных находок имеется два сосуда. Один из них, найденный у дер. Асавбашево, по форме тулова, шейке и дну близок сосудам из описанных курганов. Орнамент его также выполнен резными линиями, которые идут вокруг шейки. Ниже их — волнистая полоса, внутри заштрихованная треугольными насечками (рис. 8, 8).

Сосуд, найденный вместе с мечом с серповидным навершием в одном из южных районов Башкирии, близок к баночной форме, со слабо раздутым туловом, невысокой шейкой и слегка отогнутыми краями (рис. 8, 9). По форме своего тулова сосуд похож на горшок, найденный в погребении 3 кургана 4 близ с. Бородаевки савроматского времени³³.

Все сосуды, за исключением одной чаши из погребения 7 кургана IX, изготовлены ручным способом. Основной примесью в глине является битая ракушка и галька, редко — слюда и тальк. Форма в большин-

³¹ Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского..., стр. 150, рис. 5.

³² В. П. Шилов. Калининский курганный могильник, стр. 455, рис. 47, 10, 11.

³³ И. В. Сидицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, табл. 7, 1.

стве случаев шаровидная, дно чаще уплощенное. Довольно обычны также плоскостонные сосуды. Для большинства сосудов характерной особенностью являются широкие горла, это, пожалуй, и отличает их от сосудов Нижнего Поволжья.

Сосуды, аналогичные нашим, встречаются в основном в курганах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Два сосуда, чаша из погребения 7 кургана IX и сосуд в форме кувшина из погребения 14 кургана XIII, могут быть отнесены к изделиям не местного производства. Они близки сосудам усуньской культуры Семиречья.

Среди керамического материала особо выделяются небольшие ритуальные сосудики-курильницы, которые в большинстве случаев имеют форму плоски без поддона, и лишь одна плоска имеет высокий поддон. Подобные формы курильниц также распространены в раннесарматских памятниках Нижнего Поволжья и Южного Приуралья.

Вооружение состоит из мечей, кинжалов, стрел с бронзовыми и железными наконечниками и копья. Вооружение характерно для мужских погребений, но, как редкое исключение, встречается в женских могилах (погребение 7 кургана IX и погребение 10 в кургане XIII).

Найдено шесть экземпляров мечей. Из них четыре длинных и два коротких. Длина первых от 75 см до 1,06 м. Ширина лезвия у перекрестия от 4,5 до 6 см. Короткие мечи немногим более полуметра. Все они имеют прямые перекрестия, плоские рукояти и изогнутые, серповидные или близкие к ним формы наверший.

К наиболее интересным относится меч, найденный на горе Курман-тау. Этот меч, длиной 1 м, имеет ширину у перекрестия 5 см. Все детали его формы типично сарматские (рис. 8, 4). Отличают его слегка изогнутое перекрестие и орнамент, нанесенный на рукояти, который состоит из зигзагообразной выпуклой линии, проходящей посередине рукояти. Бока рукояти покрыты косыми линиями, выполненными тем же приемом (рис. 8, 5). Среди мечей прохоровского типа он является наиболее ранним экземпляром.

Меч из погребения на ул. Аксакова³⁴ также наиболее ранний, выделяется слабо-

изогнутым серповидным навершием и таким же перекрестием.

Совершенно оригинальную форму представляет меч из погребения 4 кургана XIII (рис. 4, 5). Длина его 75 см, ширина лезвия — 6 см. Рукоять узкая, со шпеньками для прикрепления деревянной накладки, следы от которой сохранились. Рукоять составляет одну линию со спинкой и находится под небольшим углом к лезвию. Особенностью его является изгиб лезвия к внутренней стороне. Оружие это однолезвийное. Подобное оружие встречено у нас впервые. Среди мечей сарматской культуры эта форма до сего времени не была известна, и поэтому нашу находку можно считать уникальной, составляющей одну из особенностей предметов вооружения сарматских племен Башкирии.

Длинный меч из погребения 10 кургана IX (рис. 2, 11) относится к редким раннесарматским формам с прямым перекрестием и штырем без металлического навершия. Подобный меч был обнаружен К. Ф. Смирновым в сарматском погребении II в. до н. э. в курганах у с. Политотдельского Волгоградской области³⁵.

Короткие железные мечи (рис. 2, 2, 8, 12; рис. 6, 10; рис. 8, 1, 6, 7) имеют серповидные или близкие к серповидному навершия, прямые перекрестия. Их длина 27—35 см. Они относятся к формам, типичным для оренбургской и поволжской группы сарматских памятников III—II вв. до н. э.

Бронзовый кинжал из погребения 9 (рис. 2, 9), по всей вероятности, может быть отнесен к самым ранним экземплярам сарматских кинжалов этого типа. По описанию П. А. Дмитриева³⁶, он имел прямое навершие и прямое перекрестие. Его рукоять, овальная в сечении, слегка расширяется в середине. На рукояти сохранились следы обмотки, как и на мече из погребения 10 (рис. 2, 11). Длина его 27 см. Острие отломано. В настоящее время у кинжала навершие утеряно.

В мужских погребениях часто встречаются наконечники стрел. Среди них железные, бронзовые и костяные. Количество их

³⁴ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени, стр. 158, рис. 3.

³⁵ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское, стр. 271, рис. 25, 6.

³⁶ Архив ЛОИА АН СССР, д. 173, стр. 13.

в погребениях различно (например, в погребении 10 кургана IX их найдено 73 экземпляра; в погребении 13 того же кургана — 60, в погребении 7 кургана IX и погребении 10 кургана XIII их найдено по одному экземпляру. (Два последних погребения относятся к женским.)

Всего в двух курганах дер. Старые Кишки найдено 208 наконечников, из них — 123 бронзовых, 83 железных и два костяных. Бронзовые наконечники стрел втульчатые, трехгранные и трехперые. По виду втулок их можно распределить на две группы: 1) наконечники с выступающей втулкой (рис. 6, 7 — верхний ряд), общая длина их от 2,5 до 2,7 см, а длина головки от 2,2 до 1,7 см; 2) наконечники с внутренней втулкой (рис. 6, 7 — нижний ряд; рис. 6, 11). У большинства наконечников стрел грани опущены и образуют шипы.

На боковых гранях некоторых стрел (иногда с двух сторон, иногда с одной стороны) имеются круглые и овальные отверстия.

Эти типы бронзовых наконечников стрел широко распространены в сарматских погребениях Южного Приуралья (курганы у с. Прохоровки³⁷ Оренбургской области; в курганах близ г. Орска³⁸, в Прикамье) и в меньшей степени — в раннесарматских погребениях Нижнего Поволжья. В Башкирии они встречены в Уфимском могильнике³⁹, в погребении на улице Аксакова (г. Уфа)⁴⁰. Наименее широко они были распространены в конце IV и III в. до н. э.

Все железные наконечники стрел черешковые, с трехгранными или трехперыми головками. Длина черешков различная — от 1,8 см и более (рис. 5, 3; рис. 6, 14). Размеры головок железных стрел в основном одинаковые. В среднем они достигают длины 2,2 см, но не более 2,5 см. Встречаются и очень мелкие экземпляры с головками до 1,5 см (рис. 6, 14 — две крайние справа). Черешки у таких наконечников длиннее, чем у наконечников с более длинной голов-

кой. В погребении 11 кургана XIII встречен один наконечник стрелы, длина головки которого составляет 3 см.

Железные наконечники стрел описанных форм существовали довольно длительное время. Самые ранние экземпляры были известны еще в IV в. до н. э., но наиболее широкое распространение они получили во II в. до н. э.⁴¹

В погребении 13 кургана XIII найдено два костяных черешковых наконечника стрел. Они лежали в одном колчане с железными и бронзовыми наконечниками стрел. Общая длина их от 4,2 до 5 см (рис. 6, 16). Они с круглыми, тщательно отшлифованными головками и прямоугольными в сечении черешками. Черешок насаживался на деревянный стерженек, который для прочности обматывался жилкой. Этот способ прикрепления черешка с древком очень хорошо виден на наших экземплярах (рис. 6, 16).

Хорошо сохранившихся колчанов найти не удалось. В большинстве случаев от них остался лишь темный тлен и куски бересты. Вероятно, они были сделаны из бересты, обтянутой сверху кожей. В некоторых погребениях около наконечников стрел и остатков колчанов находились железные крючки (рис. 6, 3). Возле колчанов, мечей и кинжалов также находились железные пряжки с круглым кольцом и неподвижным язычком (рис. 5, 2; рис. 6, 5). Около колчанов встречены и плоские железные кольца (рис. 6, 12). Все они, по-видимому, использовались для прикрепления мечей, кинжалов и колчанов к поясу. Об этом говорит и их местонахождение. У крючка из погребения 11 кургана XIII (рис. 6, 3) верхний конец загнут к стержню и образует замкнутое колечко; сквозь него продевался ремешок или пропусклся пояс. Нижний конец крючка зацеплялся за колечко, которое, по всей вероятности, имелось на ножнах меча или кинжала. Крючок найден был у бедра правой ноги, вблизи меча. Таким образом, его форма и местонахождение ясно говорят о его назначении.

Наконечник копья найден лишь в погребении 8 кургана IX. В сарматских погребениях наконечники копий встречаются зна-

³⁷ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37, 1918, табл. V, 10; табл. VII, 5, 8.

³⁸ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска. — МИА, № 1, 1940, стр. 132, рис. 10, 2.

³⁹ В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. Уфа, 1913, табл. II, 24.

⁴⁰ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник, стр. 158, рис. 2.

⁴¹ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — ТСА РАНИОН, V, стр. 72—74.

чительно реже, чем мечи и стрелы. Форма пера найденного в старокииштинском кургане наконечника копья листовидная, в разрезе ромбовидная. В нижней части, на конце стерженька, заметны следы дерева, пропитанного окисью железа,

Почти все пряжки, найденные в курганах IX и XIII, железные, с неподвижным язычком. Эта форма пряжек особенно характерна для прохоровской сарматской культуры. Одновременно с ними бытуют бронзовые восьмеркообразные пряжки. Такая пряжка имеется среди случайных находок из кургана у дер. Ильтуганово. Она литая, состоит из двух колец, обрамляющих восьмерку. На обоих кольцах имеется по одному выступу; один — в виде крючка, другой — в виде высокого шпенька. В месте соединения двух колец, в центре, помещено изображение очень схематически выполненной головы человека. Обратная сторона пряжки плоская. Длина ее 9 см. Аналогии нашей пряжке имеются в раннесарматских памятниках Нижнего Поволжья и Западного Казахстана⁴² и в Причерноморье⁴³. В сарматских памятниках Башкирии пряжка описанной формы найдена впервые.

При описании погребения 3 в кургане IX говорилось о двух бронзовых бляхах, которые были найдены под мечом. Одна из них лежала около рукояти, другая — чуть выше острия. Они обе почти наполовину были закрыты мечом и лежали лицевой стороной вниз. Верхняя бляха диаметром 4 см, нижняя — 5,5 см. Обе бляхи литые, круглые, украшенные полукруглыми выпуклостями, которым на обратной стороне соответствуют ямки. Под выпуклостями, расположенными по краям блях, идет тройная псевдофилигранная кайма. В центре блях поднимаются высокие конические штифтики, окруженные двумя резко выступающими концентрическими перегородками с острыми краями. На обратной стороне блях имеются по две петли, сквозь которые были продеты ремешки, частично сохранившиеся. К нижней бляхе, видимо, прикреплялся ремешок с надетыми на него обоймицами. Ремешки лежали между

ног костяка. Точных аналогий этим бляхам не имеется. Ближе всего по характеру орнамента к ним подходят некоторые бляхи из Западной Сибири и так называемые эполетообразные застежки из Приуралья⁴⁴.

Положение меча и блях при костяке I этого погребения позволяет представить, каким способом носили мечи. Концы мечей уходили под правую ногу, к которой они плотно примыкали. Бляхи, по-видимому, были прикреплены к ножнам. Ремень, отходящий от нижней бляхи, вероятно, служил для привязывания конца ножен к ноге. У М. И. Ростовцева есть указание на такой способ прикрепления кинжалов на изображениях воинов в керченских надгробных стеллах I—II вв. н. э.⁴⁵ На некоторых зауральских бронзовых фигурках изображен такой же способ прикрепления кинжалов, которые по типу аналогичны кинжалам описываемых памятников. Отличие состоит лишь в том, что на этих фигурках кинжалы привязаны к голени⁴⁶. Сарматы Поволжья, по-видимому, носили мечи так же⁴⁷.

Кончая характеристику вооружения, отметим, что мечи и кинжалы лежали с правой, редко с левой стороны погребенных, острием вниз, а колчаны со стрелами (направленными остриями вверх) — с левой стороны. Такое расположение вооружения обычно для сарматских погребений. И лишь в тех погребениях, где наконечники стрел встречались в единственном числе (например, в погребениях 4 и 10 кургана XIII), они находились в изголовье костяка или под ступней ноги.

⁴⁴ ОАК за 1896 г. СПб., 1898, рис. 364, стр. 95 (застежка из Архиерейской заимки близ г. Томска); Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье. — МАВГР, III, 1899, табл. 15, 1; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, 1952, стр. 70, табл. XVI, 2—7.

⁴⁵ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37, стр. 41, 50—51, 81.

⁴⁶ ОАК за 1911 г. СПб., 1914, стр. 86—88, рис. 125; Толмачев. Древности Восточного Урала, т. I. — Записки УОЛЕ, т. XXII, табл. I, 4, 5; табл. II, 1—5 (из дер. Сапоговой).

⁴⁷ П. С. Рыков. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Саратов, 1925, стр. 15.

⁴² М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки. — МИА, № 78, 1960, стр. 295, рис. 1.

⁴³ П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1952, табл. XV, 8.

Железные ножи найдены во всех мужских и женских погребениях, как правило, по одному, редко по два (погребение 11 кургана XIII, рис. 6, 4, 6) среди костей животных. Форма ножей серповидная, лезвие на вогнутой стороне. Все они черешковые и с деревянной рукоятью, следы рукоятки местами сохранились (рис. 4, 3, 7, 9; рис. 5, 4, 13; (рис. 6, 4, 6, 15; рис. 7, 5).

В женских погребениях инвентарь состоит из предметов туалета и украшений. Среди них: зеркало, серьги, различные бусы. Часто в женских могилах встречаются пряслица.

Зеркало найдено лишь в погребении 10 кургана XIII. Оно сделано из бронзы с большой примесью серебра. Диаметр его 9 см. Одна сторона его гладкая, тщательно отполированная, другая имеет по краю выпуклый ободок шириной в 1 см, и короткий острый стерженек для рукоятки, отлитый вместе с диском (рис. 5, 7). С обеих сторон диска местами сохранились остатки деревянного футляра с кожаной прокладкой на внутренней стороне. Такие зеркала часто встречаются в памятниках сарматской культуры III—II вв. до н. э. Поволжья, Урала, Кубани и Украины.

Серьги, или как еще их называют, височные кольца, найдены в двух погребениях. Они сделаны из тонкой медной проволоки, обложенной золотым листом, в форме колечка с заходящими концами (рис. 4, 12). Обкладка листовым золотом широко применялась при изготовлении оружия и украшений в раннесарматское время в Южном Приуралье⁴⁸.

Височные кольца описанной формы часто встречаются в раннесарматских погребениях Нижнего Поволжья.

Самым распространенным видом украшений являются бусы. Судя по их расположению на костях, они, должно быть, служили в качестве ожерелий, и браслетов и для украшения одежды, главным образом рукавов. Иногда они выполняли роль пуговиц.

Бусины, найденные в погребениях кургана IX, довольно однообразны. Большинство из них цилиндрической формы и сделаны из лигнита (рис. 2, 13).

Этот тип бусин распространен в сарматских памятниках Поволжья. Значительно реже встречаются мелкие стеклянные кольчатые бусины. Их найдено всего 42 штуки. Они разноцветные: черные (26 штук), синие (12 штук), одна голубая и шесть позолоченных. Округлые позолоченные бусины аналогичны бусинам из погребения 3 кургана XIII. Стеклянные позолоченные бусины также очень распространены в поволжских памятниках сарматской культуры.

В единственном экземпляре встречена мозаичная бусина из темно-синего стекла. Она найдена на плече юноши (погребение 9, курган IX). Поверхность ее украшена прожилками желтого, красного и белого цвета (рис. 2, 13, четвертая слева).

Набор бусин в женских погребениях кургана XIII богаче и разнообразнее. Всего в пяти погребениях (3, 5, 10, 12 и 14) найдено 1229 штук. Из них: 707 лигнитовых, 352 стеклянных позолоченных, 142 коралловых и 28 сердоликовых. Самый богатый набор бусин представлен в погребении 14 (134 коралловые, 122 из лигнита, сердоликовых — 26 и одна стеклянная — рис. 7, 1); в погребении 10 — 385 штук (лигнитовых 227, стеклянных 158); в погребении 3 — 191 штука (169 лигнитовых и 22 стеклянных); в погребении 12 — 149 (145 лигнитовых, 4 стеклянных); в погребении 5 — 80 (лигнитовых 46, стеклянных 26 и 8 из розового коралла).

Бусины из лигнита составляют основную группу. Большинство из них, как и в предыдущем кургане, цилиндрической формы. Диаметр их 3—6 мм (рис. 4, 10 — низка, помещенная внутри). В погребении 5 найдены две лигнитовые бусины иной формы. Они плоские, треугольной формы со срезаемыми углами нижних граней (рис. 4, 10 — в наружной низке), отверстия в них сделаны ближе к вершине, в боковых гранях. На одной из сторон бусин сделаны круглые углубления. У одной бусины вокруг отверстия проведены два concentрических круга.

Стеклянные позолоченные бусины (352 штуки) имеют различную форму: круглые с широкой просверленной, диаметр их от 3 мм до 1 см (рис. 4, 10, в начале внутренней низки), цилиндрической удлиненной и овальной формы (рис. 4, 10, наружная низка с 1 по 7 и с 19 по 32 с левой стороны) и амфоровидная с отверстием на

⁴⁸ М. И. Ростовцев. Указ. соч., табл. IV, рис. 51, 1.

одном конце (рис. 4, 10, наружная низка восьмая с левой стороны).

В двух погребениях (5 и 14) найдены бусины из сердолика и розового коралла. Сердоликовые бусины все округлой, несколько сдавленной с боков формы. Между ними есть мелкие (диаметр равен 4 мм, рис. 4, 10, наружная низка 9—10 с левой стороны) и более крупные, диаметром от 11 до 13 мм (рис. 7, 1 — первая и вторая низки). Всего их найдено 28 штук. 142 бусины из розового коралла происходят из погребений 5 и 14. Часть из них круглой формы, другая — в виде веток (рис. 4, 10, вторая низка, 13—16 с левой стороны; рис. 7, 1, частично третья и полностью пятая низки сверху).

Костяная лопаточка с овальной лопастью найдена в погребении 7 кургана 9. Она лежала с правой стороны черепа. Находки подобных лопаточек или костяных ложечек в скифо-сарматских погребениях Приуралья и Поволжья очень часты⁴⁹.

Обычно их относят к предметам туалета, и, по мнению Б. Н. Гракова⁵⁰, они являются «специфической женской деталью туалета».

К культовым вещам относится костяной амулет, найденный в погребении 3 кургана XIII. Он имеет четырехугольную форму с округлыми углами. Ближе к краям сделаны три круглых отверстия. Лицевая сторона амулета украшена резным орнаментом в виде косых линий, образующих клетки и треугольники с точками внутри их (рис. 4, 1). Обратная сторона совершенно не обработана. Размер ее 4,5 × 5 см. Аналогии ему пока не известны.

Орудия труда в наших погребениях представлены пряслицами, зернотеркой и железными корнекопалками или мотыжками (рис. 4, 8, рис. 6, 13). Пряслиц найдено четыре экземпляра (курган IX, погребения 4, 6, 7, курган XIII, погребение 3). Они плоские, сделаны из черепков хорошо обожженных сосудов, диаметром от 3,5 до 4 см (рис. 4, 2).

Все погребения старокиишкинских курганов связаны общностью обряда и инвентаря и речь поэтому не может идти о большом хронологическом разрыве между ними. В

основном они относятся к расцвету прохоровской культуры Приуралья, т. е. к III—II вв. до н. э.

Из отдельных находок к числу, пожалуй, самых ранних сарматских вещей относится меч, найденный на Курман-тау (рис. 8, 4). Орнамент, нанесенный на его рукояти (рис. 8, 5), и форма перекрестия позволяют отнести его к IV в. до н. э. Большинство же погребений курганов IX и XIII, а также отдельные находки из деревень Ильтуганово, Асавбашево, Дмитриевки могут быть датированы временем прохоровских курганов — III—II вв. до н. э.

На основании погребального обряда и инвентаря погребений курганов у дер. Старые Кишки, а также находок из дер. Ильтуганово, Асавбашево, Дмитриевки и Курман-тау можно сделать вывод, что указанные памятники Башкирии в основном аналогичны по погребальному обряду и инвентарю раннесарматским памятникам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Этот вывод ранее был сделан П. А. Дмитриевым на основе анализа девяти погребений кургана IX. Работы экспедиции ИИЯЛ БФАН в 1957—1958 гг. по дальнейшему исследованию курганов у дер. Старые Кишки дали возможность подтвердить вывод П. А. Дмитриева о принадлежности указанных курганов к сарматской культуре.

Последующие находки в Кармаскалинском (дер. Ильтуганово), в Гафурийском (дер. Дмитриевка и гора Курман-тау) и в Аургазинском (дер. Асавбашево) районах позволяют расширить территорию расселения сарматских племен в Башкирии.

Погребальный обряд, керамический материал, предметы украшения сближают сарматские памятники Башкирии и Нижнего Поволжья, а предметы вооружения в основном аналогичны вооружению из раннесарматских памятников Южного Приуралья (курганы у с. Прохоровки, пос. Нежинского и аула Джанатан).

Намечаются некоторые локальные особенности сарматских погребений Башкирии. Они проявляются в относительной простоте погребальных сооружений (в наших курганах нет катакомб и подбоев); в некотором своеобразии керамического материала (преобладают сосуды с широким горлом, низкой шейкой и приземистого вида); в своеобразии некоторых видов оружия, в частности мечей.

⁴⁹ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. — ВДИ, 1947, № 3, стр. 120.

⁵⁰ Там же, стр. 111.

САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

В эту группу памятников Башкирии входят курган 3 у хут. Кашкара и два погребения, обнаруженные в г. Уфе.

Курган 3 у хут. Кашкара (близ г. Ишимбая) был раскопан К. В. Сальниковым в 1934 г.⁵¹ Курган входил в группу, насчитывавшую семь насыпей, расположенных, как и старокиишкинские курганы, на второй надпойменной террасе р. Белой.

Курган, сильно расплывшийся, имел сегменто-уплощенную форму без следов рва у основания. Его высота 0,3 м, диаметр 10 м. Раскопки велись квадратом 6 × 6 м. В центральной части кургана на различной глубине обнаружены два погребения, которые соприкасались друг с другом под углом в 60° (рис. 9).

Погребение 1. Могила ориентирована с юго-запада на северо-восток, она имеет удлиненно-овальную форму (рис. 9), длиной 2,4 м, шириной в центральной части 1 м, к концам несколько суживается. В северо-восточном конце, на глубине 70 см, имеется приступка шириной 20 см. Глубина могилы 1,65 м от уровня древней поверхности. На дне могилы лежал костяк мужчины, головой на юго-запад, на спине, с вытянутыми руками.

Погребальный инвентарь ограничен одним лишь сосудом, найденным у правого колена, ниже кисти правой руки. Между правой ногой и стенкой лежали две кости барана.

Сосуд имеет форму биконического кувшина с ручкой (рис. 10, 7).

Высота сосуда 19,5 см, диаметр горла 10 см, дна 5,5 см, толщина стенок 5 мм. Глина темно-серого цвета, наружная поверхность светло-серая, лощеная. Сосуд орнаментирован тремя резными поясками: верхний — состоит из четырех параллельных линий, нижний (на ребре) — из трех линий, средний — из четырех зигзагообразных линий. По своей форме сосуд относится к группе сарматских одноручных кувшинов биконической формы из поволжских погребений последних веков до нашей эры и первых ве-

ков нашей эры. Однако и в этой группе точных аналогий для нашего сосуда мы не находим. Сосуд подобной формы, но без орнамента, найден в кургане 2 Курпе-Байского могильника Западного Казахстана (I в. до н. э. — I в. н. э.)⁵².

Погребение 2. Могила ориентирована с юга на север и своим северным концом почти вплотную примыкает к юго-западному концу могилы 1 (рис. 9, 2). Длина могилы 2,2 м, ширина в южной части 1,15 м, в северной — 85 см. Расширение южной части могилы получается за счет ступеньки, обнаруженной на глубине 60 см (ширина ступеньки 25 см). Глубже 60 см яма имеет удлиненно-овальные очертания, длиной в 2 м, шириной в 90 см. Общая глубина ямы 1,4 м. В засыпке прослеживаются остатки дерева, волокна которых на глубине 1,1 м шли вдоль могилы, ниже — поперек. Должно быть, могила сверху была перекрыта деревом. Костяк лежал головой к югу, в вытянутом положении, на спине (рис. 9, 2). В ногах у него, в 10 см от северной стенки, стоял круглодонный глиняный сосуд с узким горлом и отогнутым венчиком. Форма его почти круглая и немного уплощенная с боков (рис. 10, 8). Ширина его 12 × 11 см, высота 13 см. Внутренний диаметр горла 3 см, внешний — 5 см. Толщина стенок 5 мм. На плечиках имеются два ушка, они отломаны. Глина сосуда черная, наружная поверхность ярко-красного цвета, по-видимому, покрашена. Своей формой сосуд напоминает флягу, которая привешивалась к седлу или к поясу.

Аналогичный сосуд был найден в мужском погребении 7 кургана XX дер. Старые Кишки⁵³. Сосуд отличается большими размерами и наличием на одной из его сторон орнамента в виде выпуклых concentрических кругов. Горло у него также узкое, на плечиках два ушка с отверстиями, тулово — бомбовидной формы. Цвет сосуда ярко-красный, он сделан из хорошо обожженной глины. Вместе с этим сосудом найдены два железных кольца, большая бу-

⁵¹ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 140—141 (отчет К. В. Сальникова).

⁵² И. В. С и н и ц ы н. Археологические исследования в Западном Казахстане, стр. 108, табл. IV.

⁵³ Из раскопок ИИЯЛ БФАН в 1958 г., материал не опубликован.

сина из синей пасты с выпуклыми белыми глазками, восьмеркообразная пряжка с крючком. Костяк в этом погребении лежал в вытянутом положении, головой на юго-восток. Могила была перекрыта деревом. С правой стороны костяка находился железный меч с прямой крестовиной и без навершия, кроме того, в данном погребении найдены железные трехперые наконечники стрел. Поэтому оно может быть датировано временем не ранее II—I вв. до н. э.

Как следует из описания, обряд погребения кургана 3 у хут. Кашкара (одна насыпь для обеих могил, форма могильной ямы и положение костяков) аналогичен обряду старокиишкинских курганов. Даже такая деталь, как наличие ступенек в могилах, имеет аналогии в погребениях 5, 11, 14 кургана XIII.

Существенное отличие погребений кургана 3 у хут. Кашкара от раннесарматских погребений у дер. Старые Кишки заключается в ограниченности погребального инвентаря кургана 3. В каждом из погребений стояло лишь по одному горшку. Даже такая обязательная в раннесарматских погребениях находка, как кости барана, в погребении 2 кургана 3 отсутствует.

Сосуды этого кургана (при общем их сарматском облике) все же отличаются своеобразием и относятся к редко встречающимся в сарматских памятниках Поволжья и Южного Приуралья формам керамики.

Культурная принадлежность погребений кургана 3 у хут. Кашкара правильно определена автором раскопок. Мне кажется, что К. В. Сальников слишком удлиняет хронологический разрыв между погребениями. К. В. Сальников датирует погребение 2 IV—I вв. до н. э., а погребение 1—I—III вв. н. э. Допустить такой разрыв между этими погребениями нельзя уже потому, что они очень близки между собою по обряду. Дата IV в. до н. э. для погребения 2 не может быть принята, ибо аналогичный сосуд имеется в погребении конца III в. или II в. до н. э. (погребение 7, курган XX, дер. Старые Кишки). По сосуду, имеющему аналогичную в Курпе-Байском могильнике, погребение 1 можно отнести к I в. до н. э. Следовательно, наиболее вероятными датами можно считать: два погребения 2 — II—I вв. до н. э. и для погребения 1—I в. до н. э.—I в. н. э., т. е. датировать в целом курган 3

концом раннесарматского и началом среднесарматского времени.

Возможно, к среднесарматскому времени может быть отнесен и железный меч с кольцевым навершием и прямым перекрестием (рис. 10, 10), случайно найденный в Куюргазинском районе⁵⁴.

К памятникам позднесарматской или раннеаланской культур относится погребение, случайно обнаруженное летом 1957 г. в г. Уфе. Оно было исследовано Г. В. Юсуповым и автором данной статьи. К моменту исследования погребение было нарушено при проведении земляных работ, при этом костяк был очень плохой сохранности и выброшен, вещи частью поломады, частью затеряны.

Осмотр места погребения показал, что костяк лежал в прямоугольной могиле, стенки которой были обложены известняковыми плитками небольших размеров (примерно 15 × 10 × 7 см). Глубина погребения от современной поверхности 1,79 см. По словам рабочих, костяк лежал на спине, с вытянутыми конечностями, головой на север. Следов подстилки обнаружить не удалось. При разборке земли на месте погребения были найдены куски истлевшего дерева, а наверху траншеи, над могилой, выступали истлевшие бревна. Имели ли они какое-нибудь отношение к погребению, сказать трудно; возможно, это остатки старых мостовых.

В могиле, судя по набору вещей, находился женский костяк. По свидетельству рабочих, он рассыпался при прикосновении. Ключица, найденная нами, имеет следы окиси от лежавшей на ней фибулы.

При костяке были найдены: бронзовое зеркало, три серебряные фибулы, бронзовая шейная гривна, обломок изделия из тонкого серебряного листа и фрагмент горла глиняного сосуда, вместе с этими вещами в погребении находились два металлических сосуда с крышками, но, к сожалению, еще до нашего прихода они исчезли.

Литое зеркало, найденное в погребении, сделано из серебристой бронзы, небольших размеров (диаметр 7,3 см). При нарушении могилы оно разломалось на две части. Лицевая сторона зеркала тщательно отполирована, но местами на ней имелись выбоины. Обратная сторона имеет в центре небольшое ушко-петельку (рис. 10, 2), вокруг которого расположены три рельефных концент-

⁵⁴ Уфимский музей, № инв. оп. 5322.

рических круга. Два из них (первые от края) разделены на рельефные линии, идущие в радиальном направлении, а центральный круг орнаментирован треугольниками и выпуклостями. Край зеркала срезан косо. Техника литья, судя по запылам на обратной стороне, не отличалась совершенством. Подобное зеркало, но несколько меньших размеров, было найдено в 1952 г. также в случайно обнаруженном погребении на южном конце ул. Гоголя⁵⁵, в котором лежал костяк с деформированным черепом.

Описанное зеркальце относится к типичным формам позднесарматских зеркал, особенностью которых является наличие на обратной стороне орнамента, выполненного рельефом. Они имеют широкое распространение в сарматских погребениях Северного Кавказа⁵⁶ и Нижнего Поволжья⁵⁷, где появились в первых веках нашей эры. Находят их и на Каме⁵⁸. На городище Чеганда I (Прикамье, раскопки В. Ф. Генинга, 1956) найдена форма для отливки подобных зеркал (рис. 11)⁵⁹. Как видно на рис. 11, размер формы для отливки и орнамент, нанесенный на ней, полностью совпадают с размером и орнаментом нашего зеркала (рис. 10, 2).

Найдены три экземпляра серебряных фибул. Первая фибула (рис. 10, 4) хорошей сохранности. Состоит она из полукруглого щитка, сравнительно короткой дужки и расширенной пяты. На обратной стороне, посредине щитка, припаян пластинчатый стержень, с двумя отверстиями для прикрепления иглы. На пяте, с обратной стороны, припаян крючок. Края щитка, пяты и дужки с лицевой стороны орнаментированы серебряной узкой проволокой, имитирующей витую веревку. Общая длина фибулы 8,8 см.

Вторая фибула сохранилась не полностью. От нее осталась пята со стержнем и дужкой (рис. 10, 6). Дужка очень короткая, пластинчатый стерженок имеет три отверстия. В два крайних из них вставлены поперечные проволоочные стержни, украшен-

ные спиралью из серебряной проволоки. На ближнем к вершине дужки стержне закреплена проволоочная игла. Крючок на пяте отсутствует. Длина фибулы 11 см. Она была найдена на левой ключице костяка.

От третьей фибулы сохранился лишь щиток, представляющий собой полукруглую, тонкую пластинку, орнаментированную по краям резными, зигзагообразными линиями с точками между зигзагами (рис. 10, 3). Все три фибулы выполнены одной техникой. По своей форме они относятся к типу «готских» фибул⁶⁰, широко распространенных в могильниках бассейнов рек Оки и Камы (Кошибеевский могильник)⁶¹, в курганах Киевской области⁶². Особенно часто они находятся в памятниках Северного Кавказа (могильник Чми)⁶³ и у с. Рутки⁶⁴, а также в Крыму (могильник Суук-Су)⁶⁵. Наиболее близкими по форме нашим являются фибулы, найденные в могильниках Чми и Суук-Су. В последнем фибулы подобного типа датируются монетами IV—V вв. н. э.⁶⁶ В Башкирии фибула, близкая по форме фибуле № 1, найдена в одном из ранее обнаруженных в г. Уфе погребений (рис. 10, 9)⁶⁷.

Наиболее ранним временем появления фибул готского типа в Восточной Европе можно считать III в. н. э. Широкое распространение в Причерноморье они получили в погребениях IV—V вв. н. э.

Содержавшаяся в погребении шейная гривна сделана из золотистой овальной в сечении бронзовой проволоки. В средней части проволока утолщается, к концам суживается. Концы гривны отломаны и затеряны (рис. 10, 1).

В числе находок имеется обломок серебряной трубочки с муфточкой.

От глиняного лепного сосуда, стоявшего в изголовье костяка, сохранился лишь небольшой фрагмент верхней части сосуда (рис. 10, 5). Судя по профилю обломка, горшок имел прямое невысокое горло и расширяющееся тулово. Цвет обломка сероватый,

⁵⁵ Сведения об обстоятельствах этой находки получены мною от П. Ф. Ищерикова.

⁵⁶ ОАК за 1897 год. СПб., 1900; стр. 147, рис. 290.

⁵⁷ Р. Рау. *Op. cit.*, S. 90.

⁵⁸ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. — МАР, № 25, СПб., 1901, табл. VI, 21.

⁵⁹ Приношу благодарность В. Ф. Генингу, пригласившему фотоснимки, которые с его разрешения и привожу в работе.

⁶⁰ Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М. — Л., 1930, стр. 19.

⁶¹ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. VII, 5; табл. IX, 2.

⁶² ИАК, 35. СПб., 1910, стр. 85, рис. 41.

⁶³ Ю. Готье. Указ. соч., рис. 3, изображение 2.

⁶⁴ МАК, VIII. М., 1900, табл. CI, 9; табл. CII, 89.

⁶⁵ ИАК, вып. 19, 1906, табл. VI—VII.

⁶⁶ Там же, табл. VII, 2.

⁶⁷ Уфа. Музей краеведения, в экспозиции отдела истории.

поверхность шероховатая, толщина стенок 4—6 мм, в тесте — примесь толченой ракушки.

Форма могильной ямы, положение костяка на спине с вытянутыми конечностями, головой на север, а также найденное зеркальце позволяют отнести данное погребение к памятникам позднесарматской культуры IV—V вв. н. э.

Еще ранее в 1946 г. на территории Уфы случайно было обнаружено погребение, которое по некоторым признакам аналогично описанному. В нем также костяк лежал на спине, с вытянутыми руками и ногами, головой на север.

Не считая нужным подробно останавливаться на характеристике погребального инвентаря, которая обстоятельно сделана в работе Р. Б. Ахмерова⁶⁸, кратко характеризую лишь наиболее типичные вещи. К ним относятся: бронзовый сосудик⁶⁹ и такие же пряжки⁷⁰.

Бронзовый сосуд баночной формы с плоским дном, широким открытым горлом и отверстием у верхнего края был найден у головы костяка. Как правильно определяет Р. Б. Ахмеров, сосуд, по всей вероятности, имел ритуальное назначение. В погребении, описанном выше, тоже имелись бронзовые сосудики, которые, по словам рабочих, лежали у головы покойницы.

Бронзовые пряжки с передней овальной петлей и крючком, загнутым в конце в виде клюва с четырехугольным щитком, украшенные коричневыми прозрачными стеклышками и рельефными точками по краям, имеют свои аналогии в памятниках Северного Кавказа и среди коллекции музея Херсонеса⁷¹. Херсонесские пряжки являются наиболее близкими и датируются III—IV вв.

Близость обряда описанных погребений, наличие металлических сосудов дают возможность считать, что оба погребения относятся к одному культурному кругу и были совершены примерно в одно и то же время. Погребения с глиняными ритуальными сосудиками-курильницами цилиндрической или стопкообразной формы с отверстием были особенно распространены в средне-

сарматской или сусловской культуре Поволжья (по Б. Н. Гракову — конец II в. до н. э. — II в. н. э.)⁷². В поволжских памятниках они, как правило, находились в женских погребениях⁷³.

Обычай ставить в могилы ритуальные сосудики сохранился и в аланскую пору развития сарматской культуры.

Итак, характер материала всех погребений (курганы у дер. Старые Кишки, у хут. Кашкара и находки из южных районов Башкирии) свидетельствует о несомненной их принадлежности памятникам, оставленным сарматскими племенами, некогда жившими в южных степных и отчасти в центральных районах Башкирии.

Их пребывание здесь носило не временный характер, а было прочным и долговременным⁷⁴.

Приведенные в работе аналогии показывают, что по своей материальной культуре и погребальным обычаям сарматы, жившие на территории Башкирии, были близки сарматским племенам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Важно отметить, что по некоторым чертам (особенно в материальной культуре) сарматские племена Башкирии имеют свои особенности, отличающие их от сарматов соседних областей. Дальнейшее выявление и исследование новых памятников позволит выделить локальные различия сарматских племен Башкирии и поможет выяснить их связь с предшествующими местными племенами, которой, возможно, и объясняется своеобразие их культуры.

Незначительность сарматского материала не позволяет пока что делать широкие выводы о хозяйственном, социальном и религиозном укладе сарматов Башкирии. По аналогии с сарматами остальной части Приуралья и Нижнего Поволжья они,

⁷² Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, стр. 129.

⁷³ Заметим здесь, что пол покойника из погребения, обнаруженного на территории Уфы, нельзя определить, так как антропологический материал не подвергался исследованию, а инвентарь, обнаруженный в погребении, мог одинаково принадлежать и мужчине и женщине.

⁷⁴ Экспедицией ИИЯЛ БФАН летом 1958 г., кроме кургана XIII из курганный группы у дер. Старые Кишки, раскопано еще три кургана — XI, XIV и XX. Материал последних также принадлежит сарматским племенам IV—I вв. до н. э. Кроме того, в том же году, той же экспедицией выявлены новые сарматские курганы в Кармаскалинском, Стерлитамакском, Стерлибашевском и Федоровском районах Башкирии.

⁶⁸ Р. Б. Ахмеров. Древние погребения в г. Уфе. — КСИИМК, вып. XXV, М.—Л., 1949, стр. 113—117.

⁶⁹ Уфа. Музей краеведения, № инв. оп. 4561/1.

⁷⁰ Там же, № инв. оп. 4561/2, 4.

⁷¹ Р. Б. Ахмеров. Указ. соч., стр. 117.

также относятся к кочевым племенам, занимавшимся в основном скотоводством. Находки в могилах костей барана, коровы и частей конской сбруи подтверждают это. Найденные в засыпке кургана XIII зернотерка с терочником и корнекопалки, содержащиеся в погребениях 4 и 13 этого же кургана, свидетельствуют о начале земледелия, которое в IV—I вв. до н. э., несомненно, носило временный и второстепенный по значимости характер. Занимались они и рыболовством, о чем говорит находка позвонков рыбы в погребении 11 кургана XIII у дер. Старые Киишки.

О социальном строе описываемых племен пока что также нельзя сказать ничего определенного. Судя по количеству инвентаря, положенного в каждую могилу, и его ценности, нельзя говорить об одинаковом положении погребенных.

Так, погребения 7 и 10 в кургане IX и погребения 4 (костяк 1), 5, 10, 11 и 14 кургана XIII у дер. Старые Киишки могут быть отнесены к числу более богатых по своему инвентарю, чем остальные в этих курганах. Возможно, этим подчеркивалось особое положение умерших в обществе или семье. И, наоборот, чрезвычайно бедный инвентарь у женского костяка в погребении 4, отсутствие мечей во многих мужских погребениях свидетельствуют об ином общественном положении некоторых погребенных. Трудно сказать, имеем ли мы дело с фактом социального расслоения внутри семейно-родовой группы, при котором богатство все более сосредоточивается в руках немногих, или это расслоение отражает результат межплеменной борьбы, когда пленных, находившихся в зависимом положении, все же погребали на кладбище семьи или рода, в который они были приняты.

Ритуальные особенности (куски жертвенного мяса, наличие погребального инвентаря) говорят о вере сарматских племен в загробную жизнь. Несомненно существовало

идолопоклонничество, но в какой форме выражалось оно, сказать трудно. Эта сторона жизни древнейших племен Башкирии, представляющая исключительно большой интерес, еще ждет своего исследователя. Из анализа погребального инвентаря видно, что в IV—I вв. до н. э. у сарматских племен Башкирии женщины не были лишены права отправления религиозных обрядов, о чем говорят находки ритуальных сосудов в женских погребениях 6 и 7 кургана IX и погребениях 10 и 14 кургана XIII. Примерно во II в. до н. э. в роли главы культа выступает мужчина (погребение 4 кургана XIII).

Позднесарматские памятники, обнаруженные на территории г. Уфы, свидетельствуют или о дальнейшем продвижении сарматских племен в центральные районы Башкирии или о проникновении элементов сарматской культуры в среду иных племен, населявших в это время центральные районы Башкирии. Находки серебряных фибул, аналогии которым мы находим в Крыму и в Причерноморье, указывают на дальнейшее расширение хозяйственных и культурных связей древних племен Башкирии.

Сохраняя свою близость с сарматами IV—I вв. до н. э. (особенно в обряде погребения), поздние сарматы Башкирии отличались от своих предшественников более богатым погребальным инвентарем, что в свою очередь может свидетельствовать о росте экономики всего сарматского общества и о дальнейшем усилении его социальной дифференциации.

Заканчивая характеристику ныне известных сарматских памятников Башкирии, следует сказать, что выявление и изучение их только начинается. Имеющийся же в нашем распоряжении небольшой материал открывает в истории древнейших племен Башкирии новую страницу, и поэтому дальнейшее исследование в этой области необходимо и интересно.

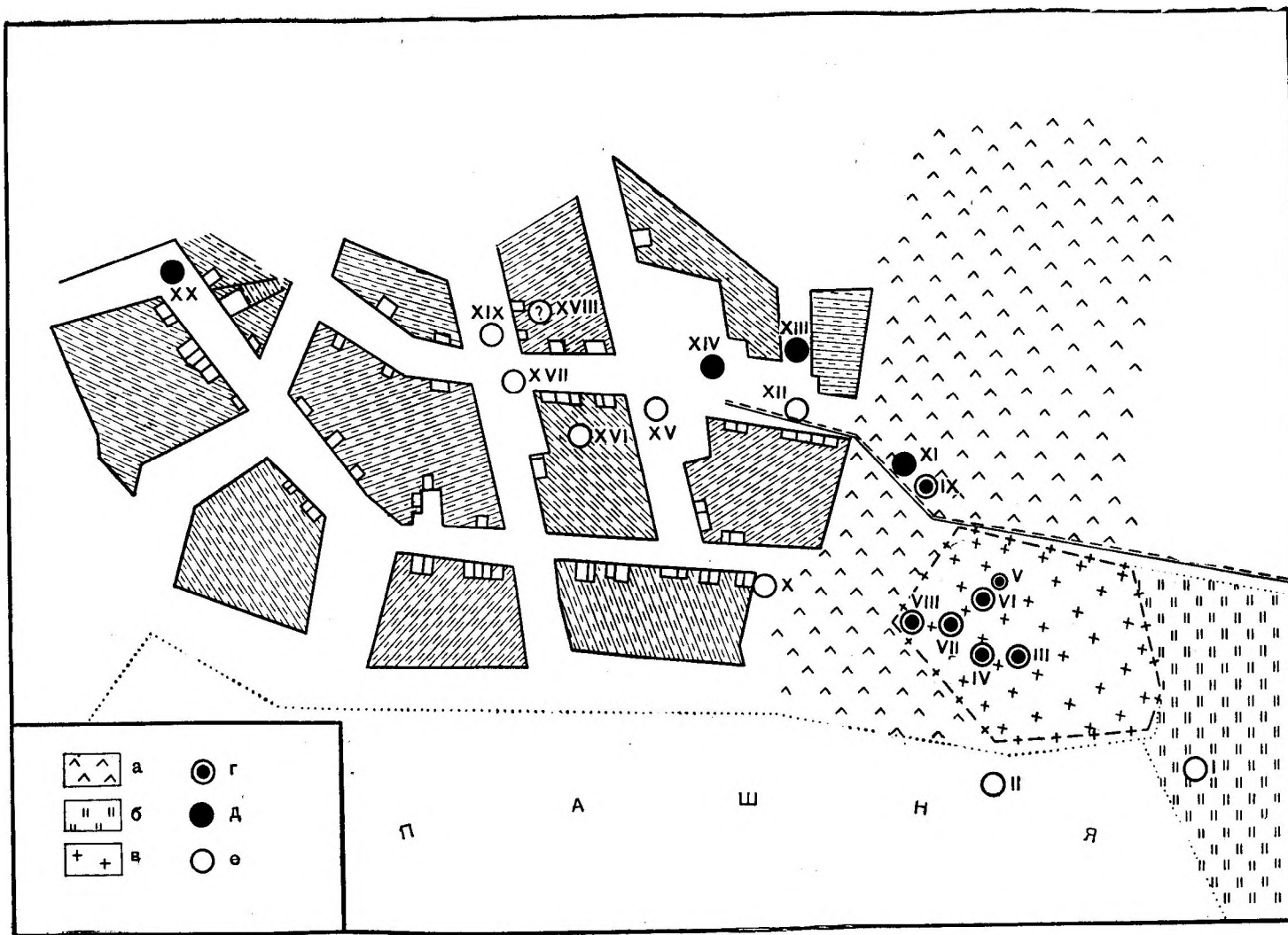

Рис. 1. План курганной группы (курганы I—XX) у дер.Старые Кишки, раскопки 1957—1958 гг.
а — луга; б — поле; в — современное кладбище; г — курганы, раскопанные в 1934 г.; д — курганы, раскопанные в 1957—1958 гг.; е — нераскопанные курганы

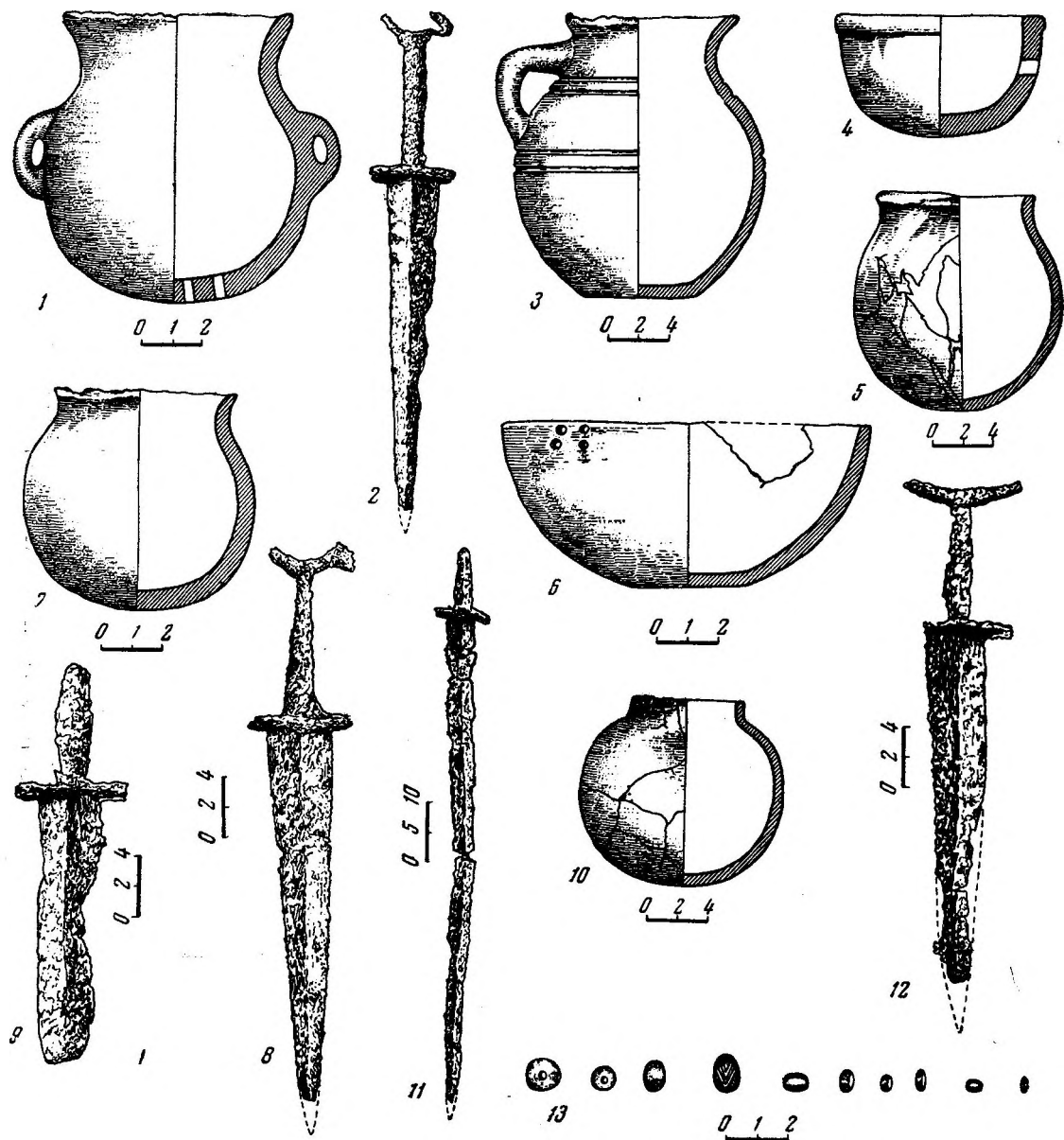

Рис. 2. Находки из погребений кургана IX у дер. Старые Кнышки (раскопки П. А. Дмитриева, 1934 г.):
 1, 3—5, 7, 10 — глиняные сосуды; 2, 8, 12 — железные кинжалы; 6 — глиняная чаша; 9 — бронзовый кинжал; 11 — железный меч; 13 — бусины из стекла, бисера и лигнита (1, 2 — из погребения 1; 3 — из погребения 3; 4 — из погребения 6; 5—7 — из погребения 7; 8 — из погребения 8; 9, 13 — из погребения 9; 10—12 — из погребения 10)

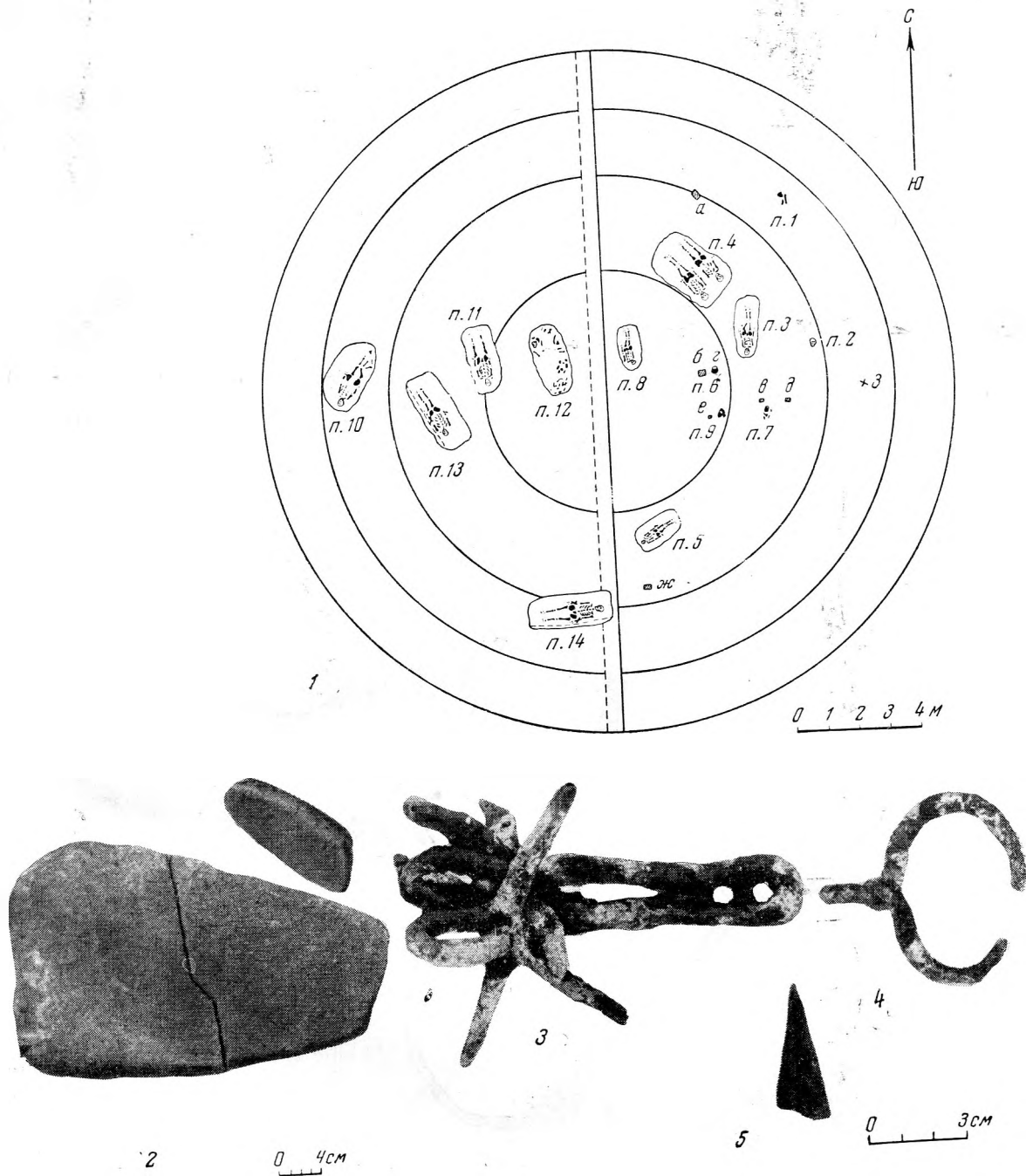

Рис. 3. План кургана и вещи из насыпи кургана XIII у дер. Старые Кишки (раскопки 1957 г.):
 1 — план кургана; 2 — зернотерка с терочником; 3, 4 — железные кольчатые удила с псалиями и кольцо; 5 — полая коническая поделка из железного листа

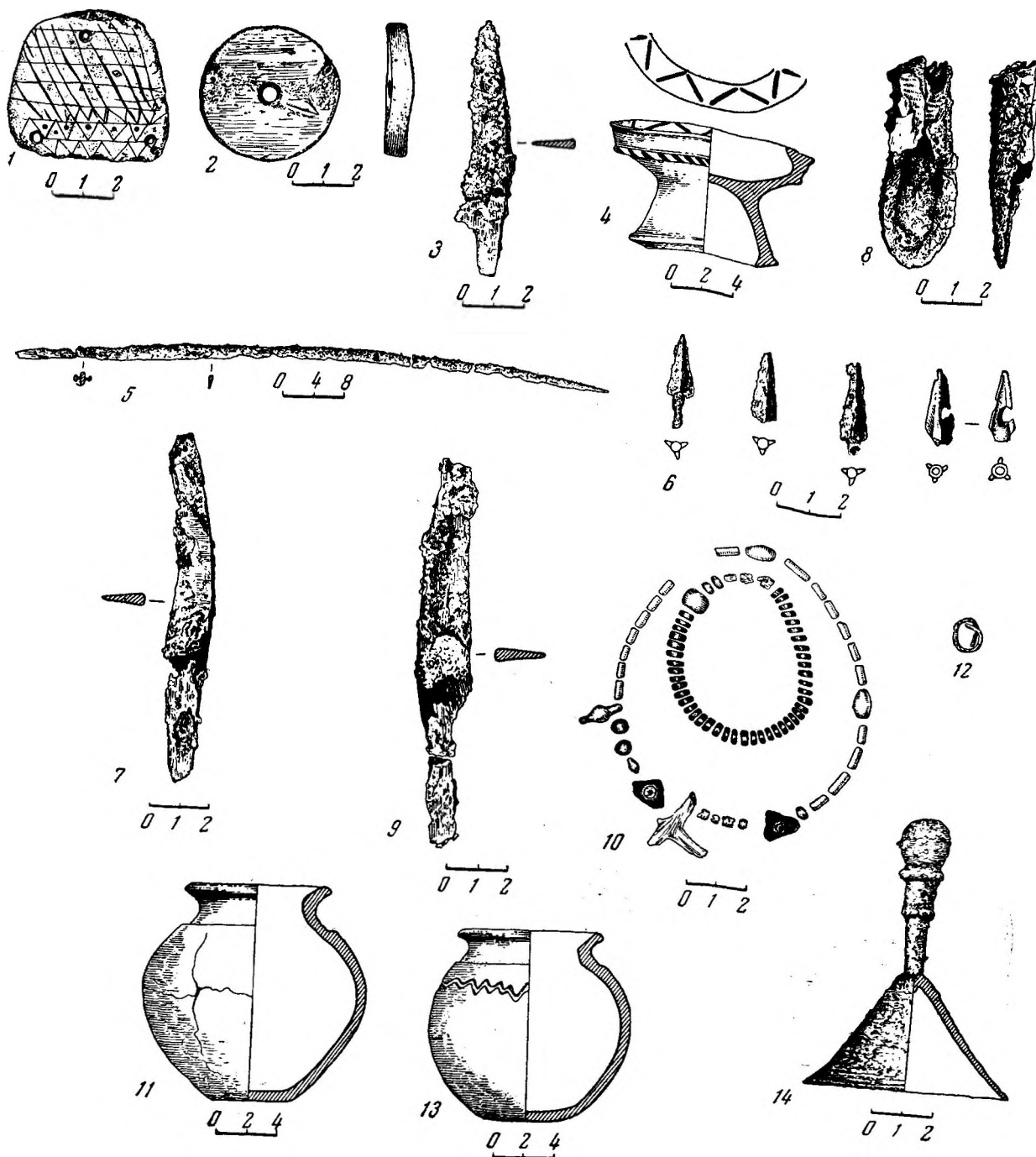

Рис. 4. Находки из погребений кургана XIII у дер. Старые Кишки (раскопки 1957 г.):

1 — костяной амулет; 2 — керамическое пряслице; 3, 7, 9 — ножи железные; 4 — глиняная курильница; 5 — железный меч; 6 — железные и бронзовые наконечники стрел; 8 — железная корнекопалка; 10 — бусины из лигнита, коралла, сердолика и позолоченного стекла; 11, 13 — глиняные горшки; 12 — серьга; 14 — железный колокольчик (1—3 — из погребения 3; 4—5 — из погребения 4; 10—12 — из погребения 5; 13, 14 — из погребения 7)

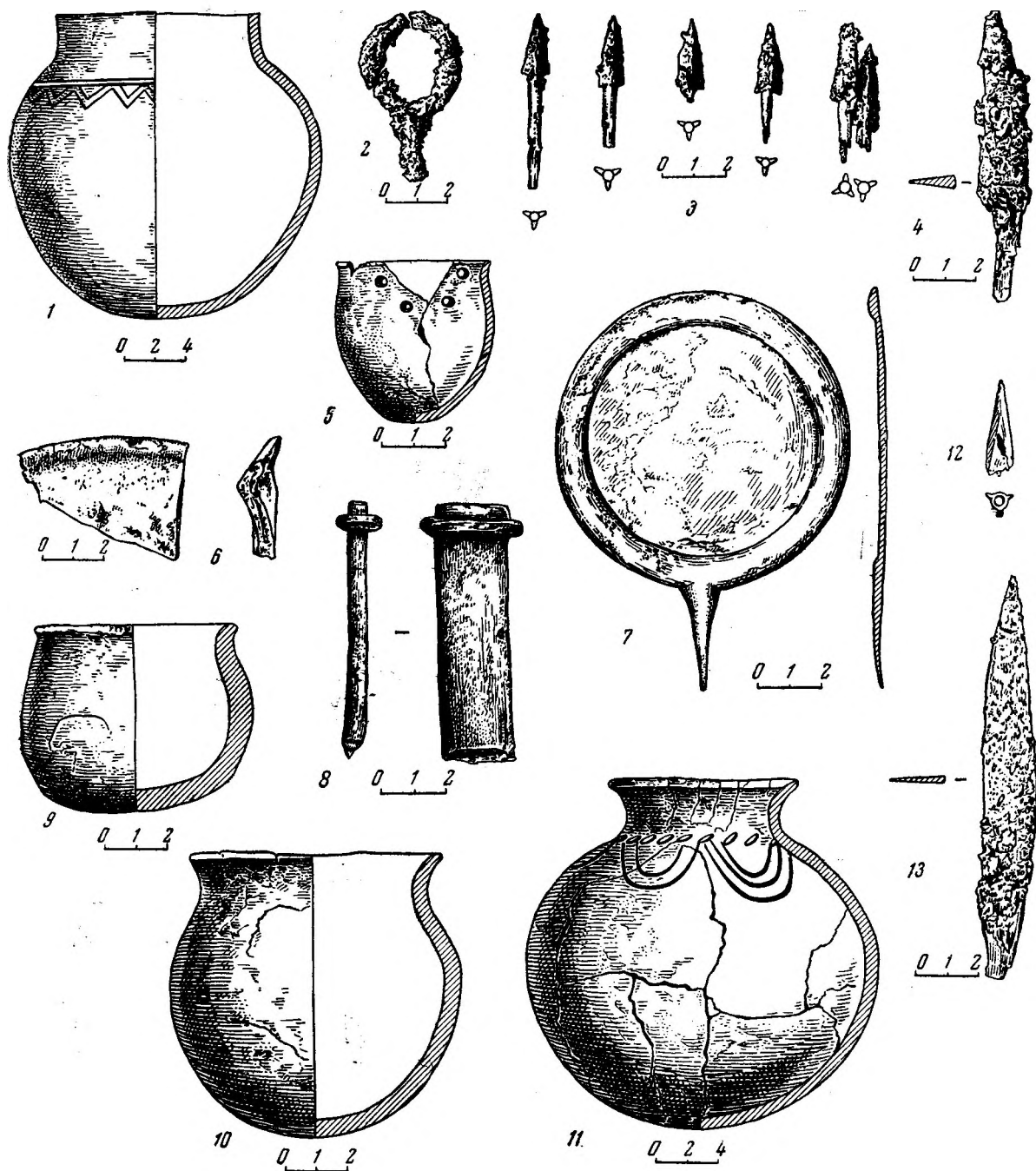

Рис. 5. Находки из погребений кургана XIII у дер. Старые Книшки (раскопки 1957 г.):

1 5, 9—11 — глиняные горшки; 2 — железная пряжка; 3 — железные наконечники стрел; 4, 13 — железные ножи; 6 — обломок красноглиняного сосуда; 7 — зеркало; 8 — обломок современной вещи из литой стали; 12 — бронзовый наконечник стрелы (1—4 — из погребения 8; 5 — из погребения 9; 6—13 — из погребения 10)

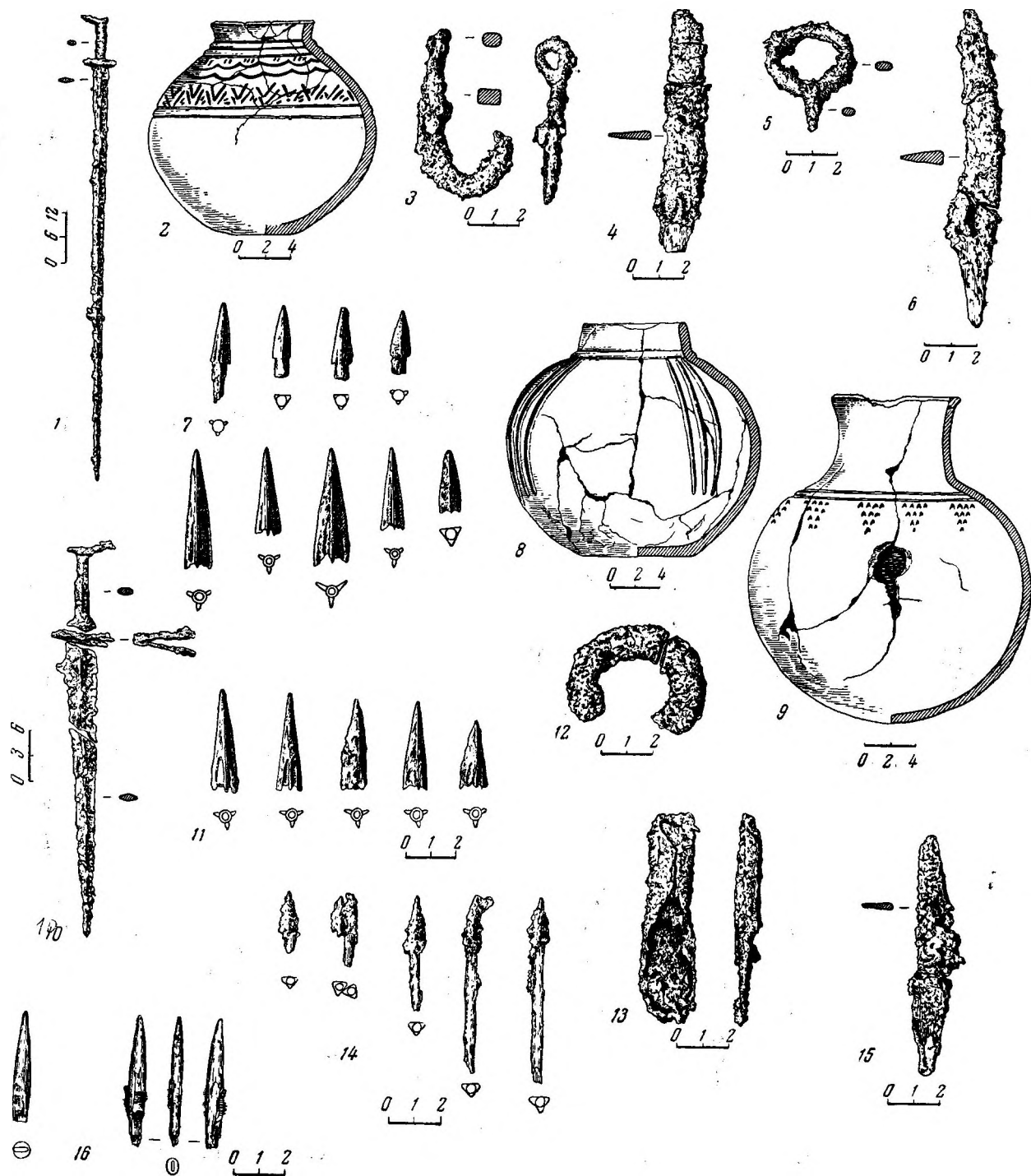

Рис. 6. Находки из погребений кургана XIII у дер. Старые Кишки (раскопки 1957 г.):

1 — железный меч; 2, 8, 9 — глиняные горшки; 3 — железный крючок; 4, 6, 15 — железные ножи; 5 — железная пряжка; 7, 11 — бронзовые наконечники стрел; 10 — железный кинжал; 12 — железное кольцо; 13 — железная корнеопалка; 14 — железные наконечники стрел; 16 — костяные наконечники стрел (1—7 — из погребения 11; 8 — из погребения 12; 9—16 — из погребения 13)

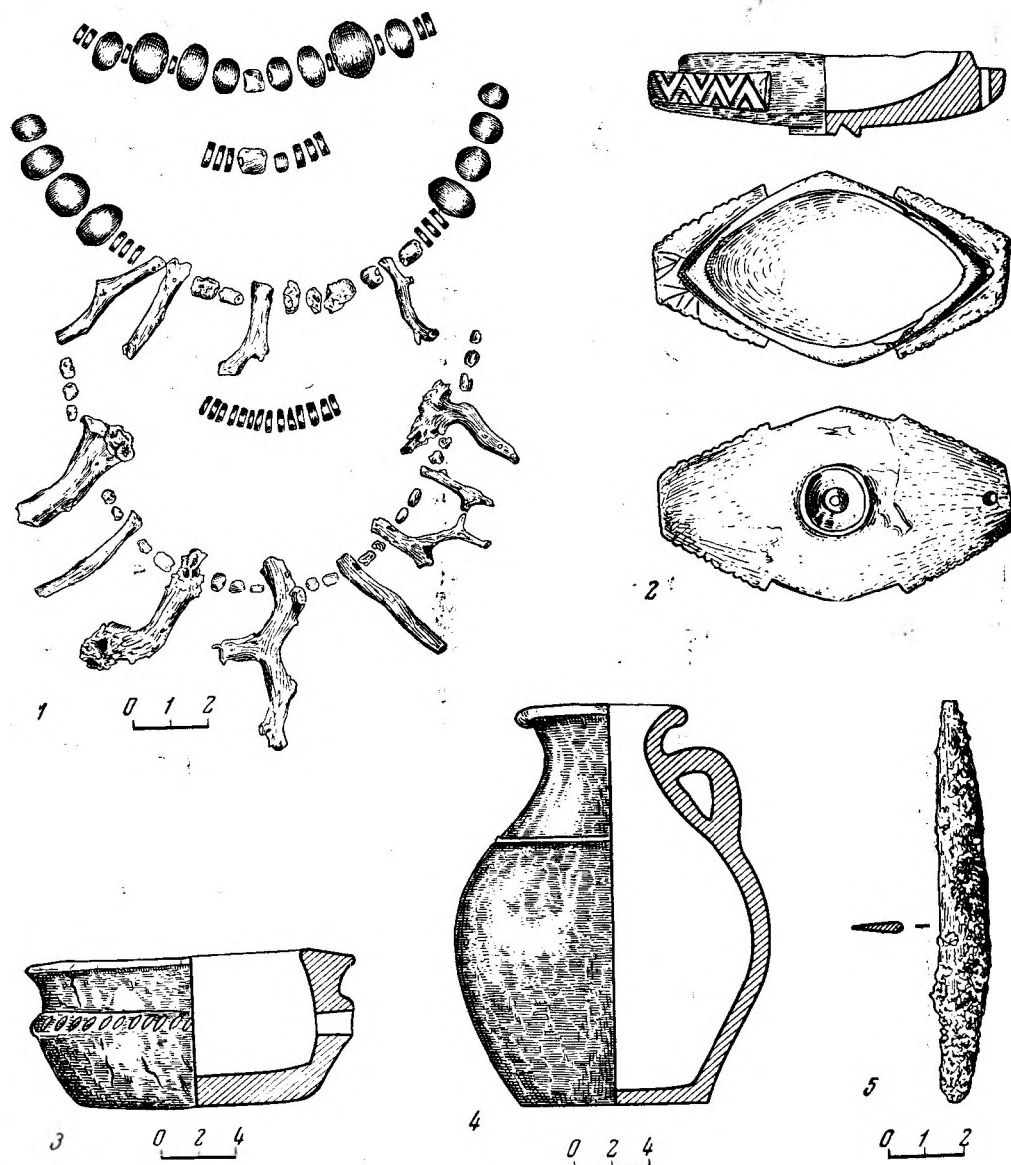

Рис. 7. Находки из погребения 14 кургана XIII у дер. Старые Киишки (раскопки 1957 г.):
 1 — бусины из сердолика, лигнита и коралла; 2 — курильница; 3 — глиняный сосудик; 4 — глиняный кувшин;
 5 — железный нож

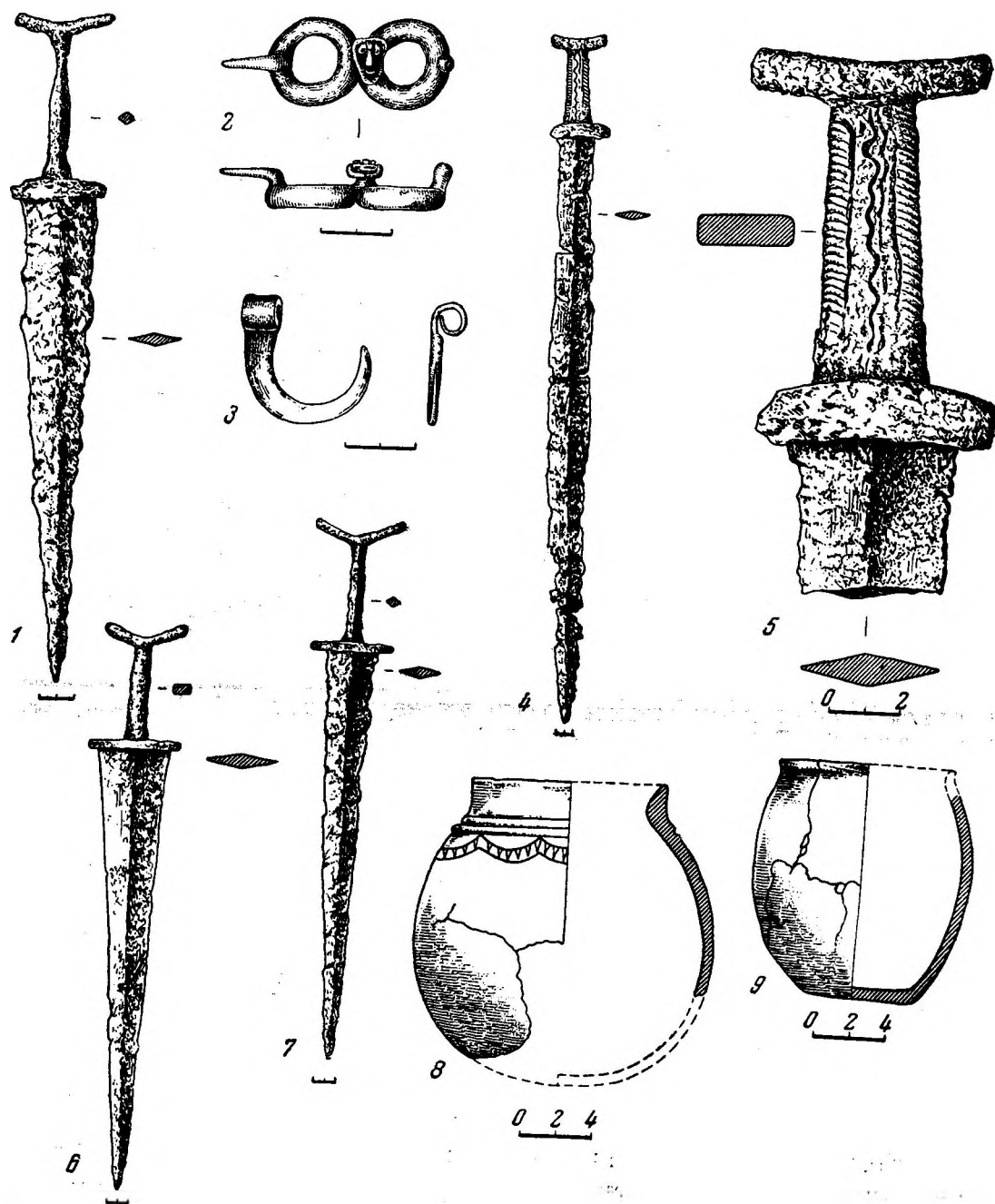

Рис. 8. Случайные находки из южных районов Башкирии:

1 — железный кинжал; 2 — бронзовая пряжка; 3 — бронзовый крючок; 4, 5 — железный меч и его рукоять; 6, 7 — железные мечи; 8, 9 — глиняные горшки (1—3 — из кургана у дер. Ильтуганово Кармаскалинского района; 4 — гора Курман-тау Гафурийского района; 6, 7 — из дер. Дмитриевка Гафурийского района; 8 — из дер. Асавбашево Аургазинского района; 9 — из южной Башкирии)

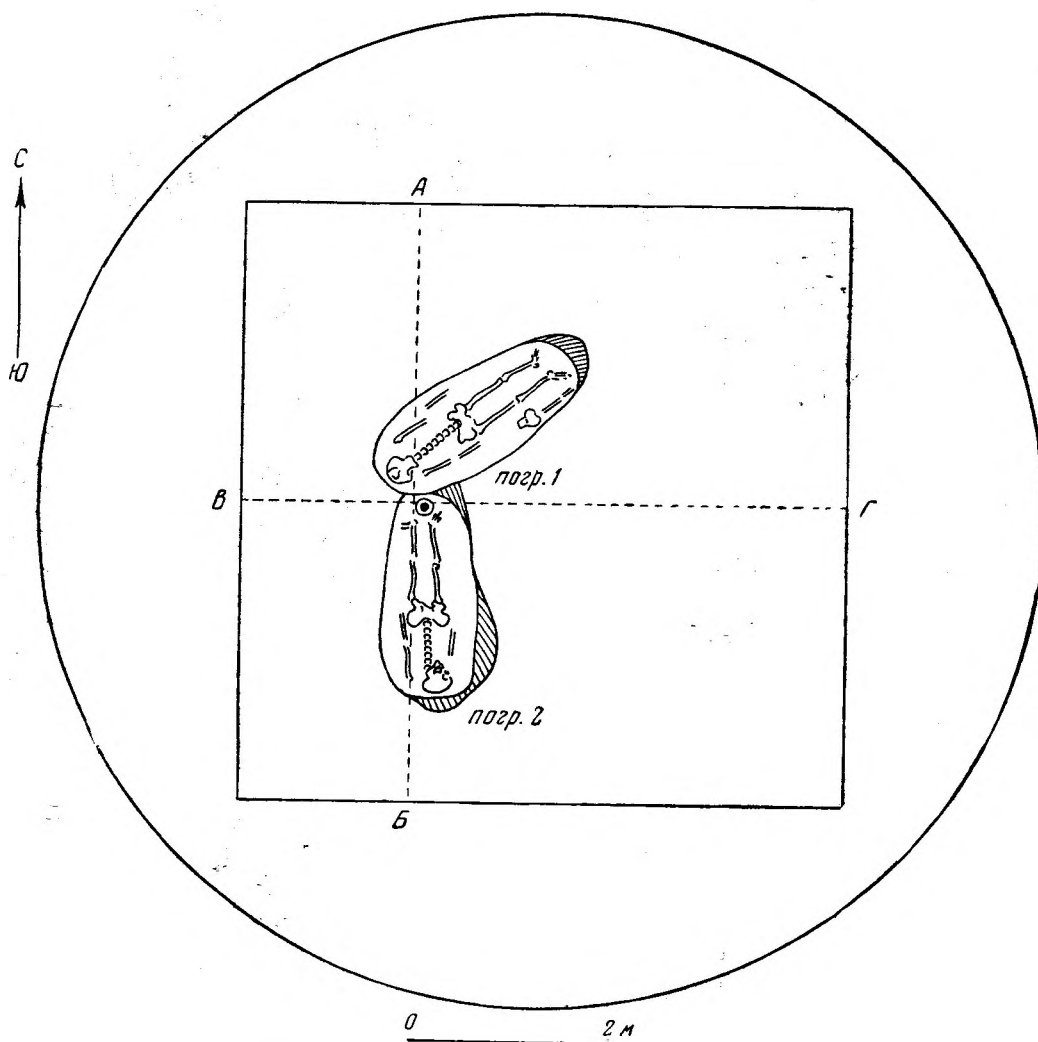

Рис. 6 План кургана 3 с двумя погребениями (хут. Кашкара близ г. Ишимбая, раскопки К. В. Сальникова, 1934 г.)

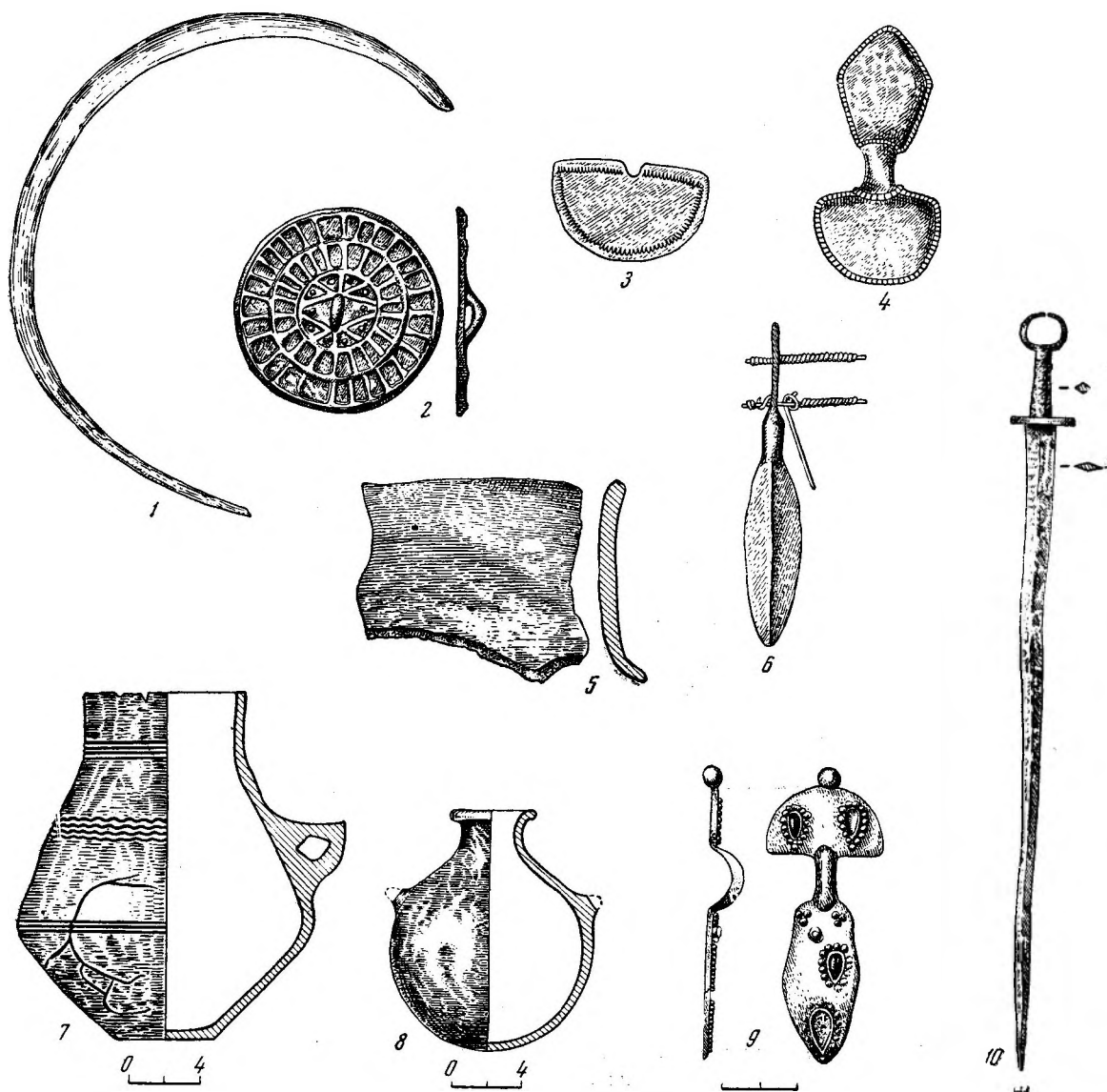

Рис. 10. Находки из кургана 3 у хут. Кашкара и случайные находки из районов Башкирии:

1 — бронзовая гривна; 2 — бронзовое зеркало; 3, 4, 6, 9 — фибулы; 5 — фрагмент горла глиняного сосуда; 7, 8 — глиняные горшки; 10 — железный меч (1—6 — из погребений на территории г. Уфы, 1957 г.; 7 — из погребения 1; 8 — из погребения 2 кургана 3 у хут. Кашкара близ г. Ишимбая; 9 — из погребения на территории г. Уфы; 10 — из Кюргазинского района

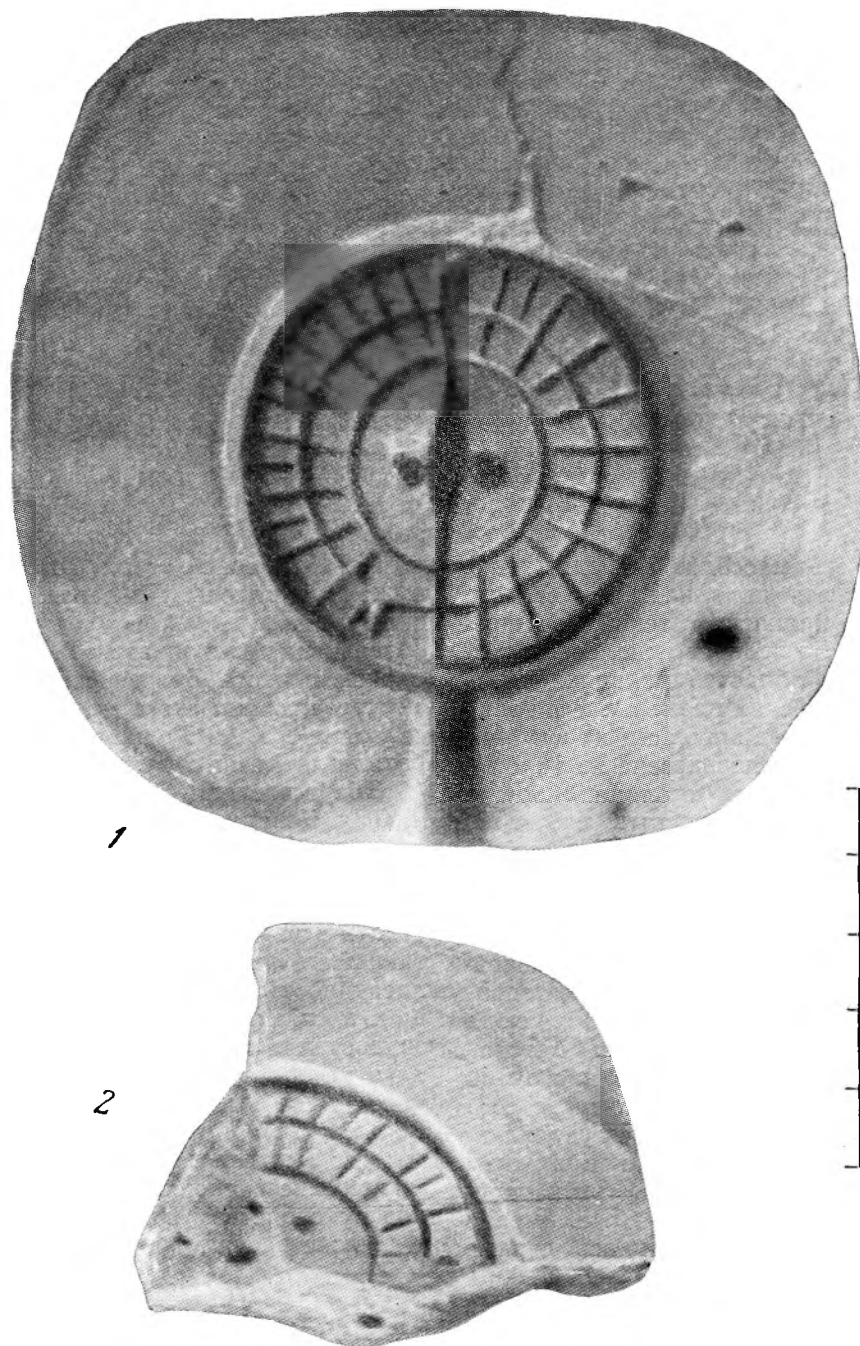

Рис. 11. Форма для отливки зеркал (Чеганда I, МАССР, раскопки В. Ф. Генинга):
1 — целая форма, 2 — обломок

М. П. Абрамова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ САРМАТОВ С НАСЕЛЕНИЕМ ПОЗДНЕСКИФСКИХ СТЕПНЫХ ГОРОДИЩ НИЖНЕГО ДНЕПРА

Как известно, массовое передвижение сарматских племен на запад, в частности на территорию украинских степей, начавшееся во II в. до н. э., сопровождалось вытеснением из этих областей живших здесь скифов. Часть скифских племен уже в конце III в. до н. э. передвинулась к югу — в Крым; туда же была перенесена из украинских степей и скифская столица. Однако было бы неправильным считать, что здесь произошло полное вытеснение сарматами скифов. Несомненно, какая-то часть скифов продолжала жить вместе с сарматами. Часть их, возможно, смешалась с сарматами и приняла их обычаи и культуру. Основная же масса скифов, оставшаяся на территории Украины и после вторжения сюда сарматов, не растворилась в сарматской среде, а жила среди них обособленно и придерживалась своей старой культуры. Памятниками этих скифов являются укрепленные городища, расположенные в нижнем течении Днестра. Большинство этих городищ возникло во II в. до н. э., т. е. именно в то время, когда здесь появились первые группы сарматов.

Первое обследование этих городищ было проведено В. И. Гошкевичем¹. Произведя разведку на 13 городищах Нижнего Днестра, он установил наличие у них системы укреплений, состоящей из земляного вала и рва,

а также каменной стены, которая часто окружала акрополь. До революции лишь отдельные из этих городищ подверглись незначительным раскопкам: Г. Л. Скадовский раскопал часть Белозерского городища и 52 кургана скифского времени в его окрестностях², В. И. Гошкевич и М. Эберт работали на Козацком городище³, кроме того, М. Эберт раскопал 16 погребений в могильнике у Козацкого городища⁴. В советское время городища эти подвергались систематическим раскопкам, в результате которых получен обширный материал, позволяющий судить о характере культуры населения, оставившего эти памятники. Особенно усилились работы на нижнеднепровских городищах в связи со строительством Каховской гидроэлектростанции. Большие работы проводились на городище Золотая Балка (под руководством А. В. Добровольского и М. И. Вязьмитиной) и на Любимовском городище (Л. Д. Дмитров). С 1938 г. начались систематические раскопки Каменского городища под руководством Б. Н. Гракова. Эти работы также расширились в начале 50-х годов

² Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингулец и началом Днепроовского лимана.— Труды VIII АС в Москве в 1890 г., т. III. М., 1897.

³ В. И. Гошкевич. Указ. соч., стр. 118—133; М. Ebert. Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewka am Dnjepr.— Gouv. Cherson. Prähistorische Zeitschrift, 1913, H. 1—2.

⁴ М. Ebert. Op. cit.

¹ В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днестра.— ИАК, вып. 47, 1913.

в связи со строительством Каховской ГЭС. Работами на городище и его акрополе руководили Б. Н. Граков, П. Д. Либеров, Н. Н. Погребова, Н. Г. Елагина. Кроме того, было исследовано Гавриловское городище (К. А. Бредэ, Р. И. Ветштейн, Н. Н. Погребова)⁵.

Долгое время спорным был вопрос о принадлежности и роли этих городищ. В частности, существовало мнение (например, В. И. Гошкевич)⁶, что эти городища являются античными факториями. Этому же мнению придерживались вначале и некоторые советские украинские археологи⁷.

М. И. Ростовцев и Г. Л. Скадовский считали население этих городищ полугреческим⁸. Впервые мысль о скифской принадлежности этих городищ была высказана М. И. Артамоновым⁹, окончательно эта гипотеза была доказана Б. Н. Граковым в результате исследования археологического материала Каменского городища¹⁰. В настоящее время точка зрения о скифской принадлежности этих городищ широко распространена. Преемственность культуры, сходство инвентаря городищ со скифским инвентарем более раннего времени убедительно доказаны в работах Б. Н. Гракова¹¹,

⁵ Окончательные результаты этих работ в настоящее время опубликованы: А. В. Добровольский и Я. Розкопки ділянок А і Г та могильника Золотобалківського поселення рубежу н. е. в 1951—1952 рр.—АП УРСР, т. IX, 1960, стр. 141; Р. І. Виезжев. Роботи на ділянці Б поселення в с. Золотой Балці.—Там же, стр. 166 сл.; О. Г. Шапошникова. Роботи на ділянці В Золотобалківського поселення в 1952 р. Там же, стр. 176 сл.; А. І. Фурманська. Дослідження на ділянці В Золотобалківського поселення в 1952 г.—Там же, стр. 180 сл.; Л. Д. Дмитров. Раскопки Любимовского городища.—КСИА, вып. 4, Киев, 1955; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре.—МИА, № 36, 1954; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на Нижнем Днестре.—МИА, № 64, 1958; К. А. Бредэ. Розкопки Гаврилівського городища рубежу н. е.—АП УРСР, т. IX, 1960; Р. І. Ветштейн. Розкопки внутрішньої лінії оборонних споруд Гаврилівського городища.—Там же.

⁶ В. И. Гошкевич. Указ. соч., стр. 144—145.

⁷ И. В. Фабрициус. Летописи Херсонского музея, вып. 5 (1917—1927 гг.). Херсон, 1927; А. В. Добровольский. Земледельческое поселение первых веков н. э. на р. Ингульце.—Археология, III. Киев, 1956.

⁸ M. I. Rostowtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922, p. 65.

⁹ М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму.—Вестник ЛГУ, 1948, № 8.

¹⁰ Б. Н. Граков. Указ. соч.

¹¹ Б. Н. Граков. Указ. соч.

¹² Н. Н. Погребова. Указ. соч.

Н. Н. Погребовой¹², диссертации Н. Г. Елагиной, посвященной этим городищам¹³.

Ю. В. Кухаренко рассматривает эти городища как восточную оборонительную пограничную линию земледельческих племен, заселяющих степную территорию к западу от Днестра, обосновывая свое мнение тем, что в глубине территории, занятой этими племенами, никаких городищ нет¹⁴. Тому же мнению придерживалась и Н. Н. Погребова.

На основании археологического материала нам удалось установить, что сарматские племена появляются к западу от Днестра лишь в I в. н. э. В II—I вв. до н. э. на территории степи к западу от Днестра обитали разрозненные остатки скифских земледельческих племен. Памятники этих племен в виде небольших открытых селищ встречаются наряду с городищами и по берегам Днестра, есть они и на территории к западу от Днестра. Однако население укрепленных нижнеднепровских городищ, родственное этим скифским племенам, жило несколько обособленной жизнью. В укреплениях этих городищ, можно и нужно видеть попытку приостановить продвижение сарматских племен на запад, но здесь сыграли роль и цели самосохранения. Если эти городища и входили в состав нового скифского царства в Крыму, то, являясь его далекой окраиной и живя в известной степени самостоятельно, они не могли рассчитывать на постоянную и немедленную поддержку крымского центра в деле защиты от нападения новой волны варваров и поэтому должны были сами заботиться о сохранении своей самостоятельности. Отсюда мощные ряды укреплений, окружавшие каждое из этих городищ. Эти укрепления, очевидно, сыграли свою роль, поскольку сарматские племена, дойдя до левого берега Днестра уже во II в. до н. э., смогли переправиться и занять территорию на правом берегу лишь к I в. н. э. Это подтверждается как археологическим материалом (к западу от Днестра не найдено сарматских погребений ранее I в. н. э.), так и письменными свидетельствами — на карте М. Агриппы I в. до н. э. западная граница Сарматии проходит по Днестру.

¹³ Н. Г. Елагина. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э.—IV в. н. э. М., 1953. Автореферат диссертации.

¹⁴ Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен. Диссертация. 1951, стр. 234.

Вся остальная территория украинских степей к западу от Днепра, как уже говорилось выше, была занята в конце I тысячелетия до н. э. (II—I вв. до н. э.) разрозненными скифскими земледельческими племенами, жившими на открытых селищах. И лишь в бассейне Южного Буга, в нижнем его течении, и по берегам Бугского лимана мы опять встречаем следы укрепленных поселений-городищ. Ф. М. Штительман, исследовавшая эти поселения, относит сооружение укреплений вокруг них к концу I тысячелетия до н. э. и, возможно, даже к более позднему времени и рассматривает возникновение этих укреплений в связи с изменившейся исторической обстановкой в Северном Причерноморье вообще¹⁵, т. е. очевидно, в связи с нашествием сюда сарматских племен. Однако тут же она упоминает два поселения (Дидова хата и у с. Чертоваты), которые относятся к IV—III вв. до н. э. и также имеют укрепления, устройство которых уже, конечно, никак нельзя связать с сарматской опасностью.

С нападением сарматов можно связывать возникновение укреплений только у бугских поселений, относящихся ко времени не ранее I в. н. э., когда сарматские племена появляются на территории к западу от Днепра.

Все укрепления, возникшие вокруг поселений ранее рубежа нашей эры — в конце I тысячелетия до н. э., — появились в связи с обострившимися в это время отношениями скифских племен с Ольвией вследствие нападения на Ольвию западных племен галатов и скиров, в результате чего (как мы видим из декрета в честь Протогена III в. до н. э.) пострадали соседние с Ольвией скифские племена¹⁶, а также в связи с нашествием на Ольвию гетов в I в. до н. э.

Возникновение укреплений у поселений Нижнего Днепра вызвано нападением сарматских племен, хотя сами укрепления появились ранее. На многих из них имеются слои IV—III вв. до н. э.

Взаимоотношения скифов нижнеднепровских городищ и сарматских племен были различными на разных этапах. Сам факт возникновения укреплённых городищ, а так-

же свидетельства древних авторов, в частности Диодора Сицилийского, рисующего картину разрушительного опустошения сарматами скифских земель, говорят о том, что эти отношения, по крайней мере на первом этапе, не могли носить дружественного характера. Легенда об Амаге¹⁷ и договор 179 г. до н. э. об образовании большого Малоазиатского союза¹⁸ подтверждают это. Иногда сарматы выступают союзниками скифов. Так, из декрета в честь Диофанта, известно, что Палак, царь скифов Крыма, боролся против Диофанта в союзе с сарматским племенем роксолан¹⁹. Однако между сарматами и скифами поздних городищ были в основном враждебные отношения, возникновение которых понятно: скифы хотели сохранить за собою определенную территорию, а сарматы — захватить и подчинить ее себе. Поэтому возможно, что движению на запад сарматских племен, появившихся на левом берегу Днепра уже во II в. до н. э., помешал не столько водный рубеж, каким являлся Днепр, а наличие на его берегах укрепленных поселений, расположенных главным образом на местах древних переправ и препятствовавших вторжению сарматских племен на территорию правобережья Днепра. Н. Н. Погребова, занимавшаяся исследованием позднескифских городищ Нижнего Днепра, опубликовала их карту, на которой из тринадцати городищ лишь четыре находятся на левом берегу Днепра (Знаменское, Больше-Лепетихинское, Горностаевское и Любимовское)²⁰.

На протяжении двух веков (II—I вв. до н. э.) сарматы, очевидно, не раз пытались укрепиться на правом берегу, но безуспешно, поэтому едва ли здесь могли существовать хотя бы временно торговые или другие какие-либо дружественные отношения. Начало новой эры знаменует собой появление сарматов на правом берегу. Может быть, этим событием объясняется гибель некоторых из нижнеднепровских городищ, верхней датой которых, как известно, является I в. н. э. Однако новый этап сармат-

¹⁷ М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао. Одесса, 1914; Полиен, VIII, 56.

¹⁸ Полибий, XXV, 2, 12.

¹⁹ С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Северное Причерноморье. М., 1953, стр. 98.

²⁰ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 104, рис. 1.

¹⁵ Ф. М. Штительман. Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э. Автореферат диссертации, 1952, стр. 102.

¹⁶ ИРЭ, I², 32.

ского натиска на запад оказался гибельным не для всех городищ Нижнего Днестра, — часть их просуществовала вплоть до II—III вв. н. э., т. е. до времени, когда сарматские племена в своем продвижении на запад достигли уже берегов Дуная. Гибель этих городищ можно связывать с начавшейся во II в. н. э. экспансией позднесарматских аланских племен, а также с нашествием в Северное Причерноморье в начале III в. готов²¹. Таким образом, эта последняя группа городищ сумела на какое-то время сохранить свою самостоятельность и тогда, когда под властью сарматских племен оказались все украинские степи. Живя бок о бок с сарматами и вряд ли имея с ними дружественные отношения (иначе они бы не были разгромлены аланами), жители нижнеднепровских городищ не могли не подвергнуться какому-то влиянию, хотя бы и очень слабому, со стороны культуры господствовавших здесь сарматов. Следовательно, взаимное влияние этих культур и особенно влияние сарматской культуры на культуру позднескифских городищ можно отнести к I в. н. э. Оно подтверждается материалами городищ и принадлежащих им могильников. Следы этого влияния позволили даже некоторым исследователям, в частности М. И. Вязьмитиной, высказать мнение о сарматской принадлежности некоторых из исследованных городищ Нижнего Днестра. М. И. Вязьмитина писала, что «включенные сарматских племен в сферу хозяйственной деятельности причерноморских городищ, рост скотоводства и усложнение его земледелием способствовали оседанию части сарматских племен и возникновению у них постоянных поселений»²².

Действительно, наблюдалось частичное оседание сарматов, особенно в тех местах, где они сталкивались с исконным земледельческим оседлым населением. Мы знаем,

что часть сарматов осела в Прикубанье, на Дунае, частично они влились в состав населения греческих городов Северного Причерноморья. Вряд ли на территории днепровской степи было такое массовое оседание сарматов. Если эти городища принадлежали бы сарматам, господствовавшим по всей степи, непонятной была тогда бы и причина их укреплений.

Об этом свидетельствует и археологический, главным образом керамический, материал, среди которого типы керамики, близкие к сарматским, встречаются редко. Основная же масса керамики происходит от скифской более раннего времени, рассмотренной Т. Н. Книпович на материалах Елисаветовского городища²³ и Б. Н. Граковым на материалах Каменского городища²⁴, и является дальнейшим развитием этих ранних типов.

Все нижнеднепровские городища сходны между собой, все они имеют много общего в характере и устройстве укреплений, в наличии многокамерных каменных домов, а также в характере инвентаря, подавляющую часть которого составляет керамика. Наиболее ценным для нас является материал могильников этих городищ, так как именно на погребальном обряде и инвентаре могил мы сможем лучше всего проследить наличие и степень сарматского влияния. К сожалению, мы располагаем материалами лишь двух, да и то не полностью раскопанных, могильников — у Золотобалковского и Козацкого городищ.

Поселение и могильник у с. Золотая Балка, расположены на правом берегу Днестра, в нижнем его течении, в Ново-Воронцовском районе Херсонской области. Поселение было впервые исследовано В. И. Гошкевичем и является самым северным из группы обследованных им городищ.

В последние годы (начиная с 1951 г.) поселение и могильник неоднократно исследовались экспедицией Института археологии АН УССР под руководством сначала А. В. Добровольского, а затем М. И. Вязьмитиной. В результате этих работ было

²¹ Именно с деятельностью готов связывала Н. Н. Погребова гибель Гавриловского и Знаменского городищ, см. Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 237.

²² М. И. Вязьмитина. Изучение сарматских племен степной Украины. — КСИА АН УССР, вып. 2, 1953, стр. 58—59. В настоящее время М. И. Вязьмитина придерживается общепринятой точки зрения о преобладании скифского элемента в этническом составе населения этих городищ. См. ее статью «Могильник рубежу н. е. біля с. Золота Балка». — АП УРСР, т. X, 1961.

²³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у ст. Елисаветовской. — ИГАИМК, вып. 104. М. — Л., 1934.

²⁴ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре.

установлено, что В. И. Гошкевич дал неточные сведения о наличии укреплений: было обнаружено, что укреплений здесь не было, т. е., что Золотая Балка является поселением открытого типа²⁵. Даже если это верно, то это лишь единственная черта, отличающая золотобалковское поселение от других городищ Нижнего Днепра. Во всех же остальных отношениях здесь повторяются характерные особенности других городищ: такие же каменные и глинобитные строения, каменные очаги, такая же точно керамика. Как и на всех других городищах, в Золотой Балке самую обширную группу инвентаря составляет керамика — лепная и гончарная при подавляющем преобладании лепной. Основные типы лепной здесь также происходят от скифской керамики более раннего времени. Лепная керамика городища делится на две группы: 1) грубая — горшки, орнаментированные ямочками и насечками, и 2) лошаная керамика, украшенная налепами и резным углубленным орнаментом²⁶. Некоторые из лошаных сосудов, особенно острореберные миски, находят себе аналогии среди керамики культуры полей погребений зарубинецко-корчеватовского периода. Грубые горшки довольно больших размеров с ямочным орнаментом являются типично скифской керамикой. Сосуды, которые можно поставить в связь с сарматской культурой, также встречаются здесь, но гораздо реже, чем другие — основные — типы керамики. К этой группе сосудов относятся лепные кувшинчики с ручкой в виде стилизованной фигурки зверя, а также небольшие курительницы с цилиндрическим корпусом, а иногда и с рельефным валиком. Оба вида этих сосудов хорошо известны нам в сарматских материалах как Поволжья, так и Украины.

Появление таких сосудов на позднескифских городищах можно определенно связывать с сарматским влиянием на культуру этих городищ. Но влияние это не было

сильным, так как никаких других сарматских черт в материалах поселения у Золотой Балки и других городищ Нижнего Днепра не найдено. Более полную картину должно дать рассмотрение могильника, где, помимо керамического материала, хорошо представлены и другие категории инвентаря.

Могильник у пос. Золотая Балка раскапывался дважды. В 1952 г. здесь производил раскопки В. Ф. Пешанов²⁷. Им открыто 12 могил. В 1958 г. на могильнике работал Э. А. Сымонович. Он раскопал еще 25 могил. Материал не опубликован, поэтому мы будем здесь рассматривать только данные из раскопок В. Ф. Пешанова, тем более, что часть могильника, раскопанная Э. А. Сымоновичем, дает те же самые типы могил, особенности обряда погребения и аналогичный инвентарь²⁸.

Могильник у пос. Золотая Балка расположен на краю оврага, разрушившего часть погребений. Могильник грунтовый, без следов курганных насыпей, он обнаруживается на поверхности лишь следами каменной закладки, которая сверху представляет собой сплошную площадь в виде квадрата, а глубже камни выходят лишь на местах закладки устьев катакомб. Обряд закладки могил камнями прослеживается здесь с эпохи бронзы, что говорит о местной, скифской принадлежности могил. Раскопанные в 1952 г. двенадцать могил содержали восемнадцать костяков. Пять одиночных погребений заключены в узких грунтовых ямах, остальные семь погребений совершены в катакомбах²⁹; три из них — малые (в одной — парное захоронение — погребения 2 и 3), а четыре — большие, из них две катакомбы (6 и 11) содержат по три скелета, а катакомба 8 — два скелета. А. В. Добровольский считает, что большие катакомбы были семейными усыпальницами и использовались для повторных захоронений, малые — служили для погребения детей³⁰.

²⁵ А. В. Добровольский. Поселение Золотая Балка. Доклад на VII научной археологической конференции в Киеве, 1954; его же. Розкопки ділянок А і Г га могильника Золотобалківського поселення рубежу н. е. в 1951—1952 рр.

²⁶ М. И. Вязьмитина. Лепные керамические изделия рубежа нашей эры из Золотой Балки. Доклад на заседании сектора раннего железа на археологической сессии ИИМК 1957 г.; А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 151.

²⁷ Материал опубликован. А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 153—163.

²⁸ Э. А. Сымонович. Отчет о работах Кричанского отряда Южнорусской экспедиции 1958 г.—Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1697.

²⁹ Среди раскопанных Э. А. Сымоновичем в 1958 г. 25 могил было 17 катакомб, 5 грунтовых ям и 1 подбой (кроме того, 2 могилы эпохи бронзы).

³⁰ А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 163.

Таким образом, мы видим, что в ритуале могильника намечается две группы погребений: первая — катакомбы с узким дромом, ориентированным с севера на юг, забутованным камнями. Камни обычно заполняют входную яму, устье катакомбы и нижнюю ее часть. Сама катакомба, как большая, так и малая, овальной формы. Костяки лежат на спине, в вытянутом положении, все головой на запад. Исключением является катакомба 1, ориентированная по линии север—юг (при ориентировке дромоса с востока на запад), костяк лежит головой на юг. Такую ориентировку мы встречаем у костяков второй группы погребений — костяки лежат в узких грунтовых ямах, ориентированных по линии север—юг (каждая яма содержит по одному лишь костяку), на спине, в вытянутом положении, головой на север (погребение 4 — на северо-запад; погребение 5 — на север) или на юг (погребение 7 и 13 — на юг; погребение 12 — на юго-юго-запад). Руки и ноги вытянуты вдоль туловища. В погребении 7 у костяка нога чуть согнута в колене, в погребении 12 руки слегка отведены в сторону.

Погребения в ямах более бедные, чем в катакомбах. Два из них (5 и 7) вообще не содержат инвентаря, а в остальных встречаются лишь незначительные украшения — бусины (погребения 4, 12, 13), железный браслет (погребение 12), в одном погребении (4) найдена краснолаковая чашечка. Лепных сосудов в этих погребениях не найдено.

Группа погребений в катакомбах содержит гораздо более разнообразный материал³¹. Самую обширную группу здесь составляют украшения. Почти в каждом погребении встречаются бусины, из которых составлялись браслеты и ожерелья. Кроме того, здесь найдены бронзовые и железные кольца, бронзовые серьги, подвески из просверленных зубов оленя (погребения 2 и 8а), железный перстень (погребение 8), а также круглые пластинчатые зеркала, одно из которых находилось в деревянном футляре (погребение 6а), бронзовые фибулы с подвижным приемником. В погребении 6 найден железный нож со следами деревян-

ной ручки и два трехперых железных наконечника стрелы. Некоторые погребения содержали глиняные пряслица скифских форм. Интересной особенностью является то, что керамический материал, преобладающий на городище, среди инвентаря могильника представлен довольно слабо, и, кроме того, лепная керамика, составляющая основную группу керамики городища, в могильнике представлена лишь четырьмя сосудами: одна курильница с двумя горизонтальными налепными валиками по бокам и отверстиями между ними (у входной ямы погребения 8), а также три лепных плошки (погребения 1, 9 и 11). Горшков типичных скифских форм здесь не найдено совсем. Помимо лепной керамики, здесь найдено несколько сосудов, покрытых красным лаком (флакон, чашки, кружка). В погребении 1 найдены обломки стеклянного сосуда. Во многих катакомбных погребениях встречаются кости коня, скелеты людей лежат иногда на подстилке из рогожи или дерева.

Таким образом, мы видим, что катакомбные погребения составляют более богатую группу погребений, чем погребения в узких грунтовых ямах, если учесть к тому же, что многие из катакомб (например, две из четырех больших катакомб) совершенно разрушены грабителями. Отсутствие среди инвентаря могильника типичных скифских лепных сосудов не дает еще основания отрицать скифскую принадлежность этого могильника. Может быть, скифские горшки имелись раньше в разрушенных ныне погребениях. Может быть, у населения оставившего этот могильник, был обычай сопровождать погребенного наиболее ценными его вещами, и имевшая очень широкое распространение грубая лепная керамика в погребениях не ставилась. Здесь нужно отметить, что обычай класть в могилу богатую, в частности, чернолаковую посуду без сопровождения ее местной керамикой, существовал у скифов и в более раннее время (например, в скифских могильниках у Петуховки, Аджигол и др.). Так или иначе, скифская принадлежность могильника несомненна. Об этом говорит погребальный ритуал основной массы могил. Тип погребений — катакомба с узким дромом, ориентировка костяков (запад) — все эти черты характерны для скифских погребений более раннего времени. Катакомбные по-

³¹ Такую же картину дают и раскопки Э. А. Сымоновича.

гребения широко распространены у скифов в IV—II вв. до н. э. и являются у них в это время основным типом погребальных сооружений. Весь характер инвентаря на первый взгляд противоречит этому. Он является скорее сарматским, чем скифским. Однако типично сарматскими были лишь отдельные вещи, на всем же характере инвентаря в целом сказалось не столько влияние какой-либо отдельной культуры, сколько вообще влияние времени. К рубежу нашей эры влияние греческих колоний в Северном Причерноморье и их торговля с соседними областями достигают таких результатов, что в первые века нашей эры на огромной территории Северного Причерноморья в инвентаре могил разных народов наблюдается большое сходство. Исключение составляет, конечно, местная лепная керамика, имевшая у каждого народа свои особенные черты. Набор же украшений, а также состав гончарной керамики характеризуются сравнительным единообразием на территории всего Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Сходный набор украшений мы находим в это время и у населения греческих колоний, и у сарматов, и у населения культуры полей погребений зарубинецкого типа; такие же украшения мы видим и в могильниках городищ Нижнего Днепра. То же можно сказать и о гончарной привозной керамике, в частности, о краснолаковых сосудах. Это обстоятельство делает необходимым при определении той или иной культуры Северного Причерноморья этого периода обращать главное внимание на лепную керамику, на строительные приемы в городищах, на типы погребений и особенности погребального ритуала. Основываясь на этом, мы можем сказать, что по инвентарю могильник у пос. Золотая Балка относится к началу нашей эры — I в., и, может быть, началу II в. н. э. На основании погребального обряда — преобладания характерных скифских катакомбных могил — мы можем считать его скифским. Однако нельзя и отрицать наличия здесь сарматского влияния; некоторые следы его можно обнаружить уже при рассмотрении погребального обряда и устройства могил. Можно предположить, что погребения в узких грунтовых могильных ямах, ориентированных с севера на юг, встречающиеся в могильнике наряду с типично скифскими катакомбными погре-

блениями, возникли здесь в результате влияния соседней сарматской культуры. Наличие в могильнике совершенно различных типов погребений с одновременным инвентарем позволило А. В. Добровольскому говорить о неоднородном в этническом отношении населении пос. Золотая Балка³². Очевидно, это предположение верно. Катакомбные погребения наверняка принадлежали коренному скифскому населению. Об устойчивости обычая погребать своих покойников в катакомбах свидетельствуют и случаи повторных захоронений в них — катакомбы использовались как семейные усыпальницы. Именно в катакомбах были найдены немногочисленные лепные сосуды, встречающиеся в могильнике. А. В. Добровольский предполагает, что в катакомбах погребена имущая часть населения пос. Золотая Балка³³. Однако здесь играли роль не только социальные различия, а и этнические, так как разница ведь не столько в наборе инвентаря, сколько в различии могильных сооружений и ориентировки. Поэтому возможно, что грунтовые погребения с незначительным инвентарем принадлежали чуждому, но не враждебному коренным жителям городища населению. Таким населением могли быть сарматы. Это предположение подтверждают устройство могил, ориентировка костяков (северная или южная), а также некоторые черты в положении костяков (слегка согнутая в колене правая нога в погребении 7, отведенные от туловища руки в погребении 12)³⁴. Это обстоятельство не только подтверждает существование временных дружественных связей между сарматами и скифами поздних городищ, но и позволяет предположить, что связи эти могли носить не только торговый характер. Может быть, здесь наблюдалось проникновение и оседание какой-то незначительной части сарматов на городищах поздних скифов. Возможно, между скифами и сарматами возникали иногда и се-

³² А. В. Добровольский. Указ. соч., стр. 163.

³³ Там же.

³⁴ При раскопках Э. А. Сымоновича все пять грунтовых погребений также имели северную или южную ориентировку; в могилах 15, 17 и 19 у костяков руки сложены на животе, в могиле 28 правая нога погребенного согнута в колене, в могиле 19 ноги погребенного скрещены в щиколотках — характерная сарматская черта.

мейные связи. В этом отношении интересно рассмотреть погребение 8. Погребения мужчины и женщины совершены в большой катакомбе, ориентировка костяков западная, как и в других катакомбах. Одно из отличий состоит в отсутствии каменной закладки дромоса, которая имеется во всех других катакомбах. Интересен инвентарь погребенных: около мужчины — краснолаковая чашка, галька, железный перстень и длинный меч (0,85 м) без перекрестия и навершия, со следами деревянных ножен. Женщину сопровождал набор украшений: две железные сережки в виде колец, бронзовая фибула, подвески в виде просверленного зуба оленя и ведерца с комочком шерсти в нем (амулет), а также характерный для сарматских погребений набор бусин — янтарных, хрустальных, сердоликовых, стеклянных и пастовых. Здесь же были найдены бутылкообразные тешировые подвески, также характерные для инвентаря могил среднесарматской стадии. У входной ямы в эту катакомбу была найдена лепная курильница с расширяющимися к круглому горлу стенками, с двумя горизонтальными наклепными валиками, напоминающая сарматские. Напоминает сарматский обряд и то, что правая кисть женщины лежала на тазовых костях. Таким образом, в погребении 8 смешаны черты скифского и сарматского погребальных обрядов. В какой-то степени таким же примером является и полуразрушенное погребение 1. Оно совершено, как и все скифские захоронения, в катакомбе, которая, однако, ориентирована с севера на юг, входная яма — с востока на запад, и костяк лежит головой на юг, что характерно для погребений в узких грунтовых могилах.

Могильник, судя по инвентарю, относится к первым векам нашей эры (I в. н. э., может быть, начало II в.).

Таким образом, могильник или, вернее, та его часть, которая раскопана в 1952 г. и рассмотрена нами выше, не может считаться местом захоронения населения городища в течение всего времени его существования. А, как мы уже отметили выше, именно в I в. н. э. сарматы появляются на правом берегу Днепра и вступают в непосредственные связи с населением позднескифских городищ. Материал золотобалковского могильника подтверждает это предположение.

Могильник у Козацкого городища, расположен также на правом берегу Днепра и является одним из южных позднескифских городищ на Днепре. Козацкое городище раскапывал в 1909 г. В. И. Гошкевич³⁵. Он открыл здесь укрепления, состоящие из двух валов, внутренний из которых оказался каменной стеной. На городище В. И. Гошкевичем было открыто несколько зданий, сложенных из плит известняка, планировка которых очень близка жилищам Каменского городища на кучугурах³⁶.

Могильник у Козацкого городища раскапывал немецкий археолог М. Эберт. В 1912 г. он открыл здесь 16 погребений³⁷. Могильник, как и в Золотой Балке, грунтовый, входы во многие ямы были также, очевидно, завалены камнями — остатки камней встречаются в заполнениях многих ям несмотря на то, что большинство из них совершенно разграблено. Каменными закладками могил, вероятно, и объясняется довольно правильная планировка могильника: большинство могил расположено цепочкой, идущей с запада на восток. В могильнике встречаются могилы трех типов: катакомбы (5), подбой (5) и грунтовые ямы (6). Большинство могил вытянуто с северо-запада на юго-восток. Ориентировка костяков различная (три случая — юго-восточная, четыре — юго-западная и один — западная). Грунтовые ямы и подбой содержали по одному костяку; катакомбы, как и в Золотой Балке, — по одному, два, три скелета. Очевидно, и здесь катакомбы служили семейными усыпальницами. Они сопровождались наиболее богатым инвентарем. Б. Н. Граков считает, что подбой и катакомбы этого могильника довольно точно повторяют катакомбы и подбой скифских степных рядовых курганов IV—II вв. до н. э.³⁸ Если в золотобалковском могильнике мы в погребениях в грунтовых ямах могил проследить значительное сарматское влияние, то здесь картина несколько другая. Во-первых, большинство грунтовых могил абсолютно разграблено, из шести ям лишь в двух сохранились костяки, лежавшие в вытянутом положении на спине, с руками, вытянутыми вдоль тулови-

³⁵ В. И. Гошкевич. Указ. соч.

³⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище., стр. 152.

³⁷ М. Ebert. Op. cit., S. 80—113.

³⁸ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 154.

ща, головой на северо-запад, т. е. ориентированные так же, как и костяки в некоторых катакомбах. Вторая причина, по которой плохо прослеживается сарматское влияние, заключается в дате могильника. М. Эберт датировал могильник I—III вв. н. э. Б. Н. Граков и Н. Н. Погребова датируют большинство погребений этого могильника II—IV³⁹ и III—IV вв. н. э.⁴⁰ И действительно, на большей части инвентаря могильника отражается влияние скорее культуры полей погребений (черняховский этап), чем сарматской. Многочисленные бронзовые фибулы, костяные гребни, стеклянный кубок — все это находит прямые аналогии в инвентаре многих черняховских могил. Из грунтовых могил к раннему времени (I — началу II в. н. э.) можно отнести лишь два погребения — «В» и «С», из которых наиболее интересным является погребение «С». Судя по плану, могильная яма вдоль длинных сторон имела заплечики, что характерно для многих сарматских могил Поволжья и Украины. Могильная яма вытянута с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Костяк не сохранился, однако, судя по положению черепа, скелет был ориентирован на юго-юго-восток. Среди сохранившегося инвентаря могилы (обломки сосуда, бусины, круглая пряжка с подвижным язычком, фибула I в. н. э., пряслице) было найдено одно разбитое умбоновидное зеркальце-подвеска сарматского типа. Еще одно разбитое зеркало было найдено в катакомбе «Н», также датируемой ранним временем. Пожалуй, разбитые зеркала и являются в этом могильнике самым веским доказательством наличия сарматского влияния. Другие характерные сарматские черты в обряде и инвентаре здесь не прослеживаются, что, возможно, объясняется, как указывалось выше, разграбленностью большей части могил, а также тем, что большинство погребений относится ко времени, когда в этой области усилилось влияние культуры полей погребений (черняховский этап).

Кроме указанных двух городищ и их могильников, некоторое сарматское влияние прослеживается и на материалах других городищ. Так, в акрополе Каменского городища было найдено интересное детское погребение,

которое совмещает старый скифский обычай погребения детей на поселении с труположением сарматского типа по диагонали могилы⁴¹. Н. Н. Погребова отмечает некоторые, хотя и очень слабые, элементы сарматского влияния в керамике позднескифских городищ⁴².

На основании всего сказанного выше мы можем сделать следующий вывод. Необходимо прежде всего отметить недружелюбные отношения сарматов со скифами нижнеднепровских городищ (в период нападения сарматов на скифские земли). Подтверждением этому являются и оборонительные сооружения, окружавшие эти городища. Время бытования городищ — II в. до н. э. — I—III вв. н. э. Они возникли с появлением сарматской опасности, были расположены в основном на правом берегу Днепра и явились мощным рубежом, который приостановил продвижение сарматов на запад, и в течение двух следующих веков удерживал их на территории к востоку от Днепра. В это время (II—I вв. до н. э.) отношения между сарматами и скифами днепровских городищ были в основном враждебными, хотя и тогда они временами объединялись, заключая военные союзы (союз Палака с роксоланами против Диофанта).

К рубежу нашей эры сарматам удалось закрепиться на правом берегу Днепра, что, несомненно, сопровождалось разрушением в той или иной степени городищ Нижнего Днепра. Разрушение стен малого акрополя Знаменского городища и акрополя Гавриловского городища на рубеже новой эры Н. Н. Погребова связывает с вторжением сюда сарматских племен⁴³. Но жизнь на городищах не прекратилась, часть нижнеднепровских городищ продолжала существовать до II—III вв. н. э. включительно, но, очевидно, многие из них в это время уже не представляли собой таких изолированно-замкнутых и экономически сильных ячеек, какими они являлись в первое время своего существования. Подвергшиеся вторжению сарматов скифские городища, хотя и не прекратили своего существования, но в значительной степени ослабели. Жизнь на городищах постепенно замирала, и население их не могло уже противодействовать

³⁹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 154.

⁴⁰ Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 106.

⁴¹ Б. Н. Граков. Указ. соч., стр. 173, 203.

⁴² Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 242—244.

⁴³ Там же, стр. 235—237.

влиянию сарматов, господствовавших здесь и окружавших их. Поэтому в материалах городищ и могильников, связанных с этими городищами, с I в. н. э. прослеживаются следы сарматского влияния, что особенно хорошо заметно в могильнике у Золотой Балки. Население разрушенных однажды и продолжавших разрушаться городищ было частично истреблено, а частично подверглось

медленному, но длительному влиянию сарматской культуры. Новая волна сарматов-алан, появившихся на Украине во II в. н. э., ускорила гибель этих городищ, а население городищ, выжившее и после этого сарматского натиска, с III в. н. э. подверглось сильному влиянию черняховской культуры, что видно, в частности, на материале могильника Козацкого городища.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМ — Абаканский музей.
АС — Археологический съезд
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР
ИМ — Иркутский музей
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КМ — Красноярский музей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЗ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИМК ТГУ — Музей истории материальной культуры Томского государственного университета
ММ — Минусинский музей
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
ТСА — Труды секции археологии
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук

Тр. ИИАЭ АН

УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания

Каз. ССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

Архив ИА — Архив Института археологии Академии наук СССР

BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities

ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini

ZFE — Zeitschrift für Ethnologie

СОДЕРЖАНИЕ

О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле	5
Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле . . .	56
А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских)	114
Н. Л. Членова. Скифский олень	167
М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска . . .	206
М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии	242
М. П. Абрамова. Взаимоотношения сарматов с населением позднескифских степных городищ Нижнего Днепра	274
Список сокращений	284

**Памятники скифо-сарматской культуры.
МИА № 115**

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

*

Редакторы издательства *В. П. Бутт* и *М. Н. Погребова*
Технический редактор *Т. А. Прусанова* и *Т. В. Полякова*

*

РИСО АН СССР № 103-88В. Сдано в набор 13/VIII 1962 г.

Подписано к печати 1/XII 1962 г.

Формат 84×108/16. Печ. л. 18 Усл. печ. л. 29,52+2 вкл.

Уч. изд. л. 30,3 (29,9+2 вкл.) Тираж 1300 экз. Т-12863

Изд. № 401. Тип. зак. 1070

Цена 2 р. 08 к.

*

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер.,
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
22	лев.	23 св.	полок	полос
58	прав.	2 сн.	могильщика	могильника
79	лев.	2 св.	8, 3	8, 3
91	прав.	19 сн.	8, 3	10, 3
91	прав.	16 сн.	10, 1	8, 1
93	лев.	20 св.	8, 5	8, 5
99	прав.	26 св.	из	из тех
271	—	—	Рис. 6	Рис. 9

